

ББК 63.3(0)3
К32

Печатается по постановлению
Редакционно-издательского совета
Московского университета

Квинт Курций Руф

К32 История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Отв. редактор А. А. Вигасин. — М.: Изд-во МГУ, 1993. — 464 с.
ISBN 5-211-02061-8

Перевод сочинения римского историка Квинта Курция Руфа, впервые опубликованный в 1963 г., заново отредактирован для настоящего издания. Обширные приложения включают сочинения Диодора Сицилийского, Юстина и Плутарха об Александре Македонском. В публикуемых текстах представлены различные версии драматических событий, происходивших во время правления македонского царя, разноречивые оценки его личности.

Для широкого круга читателей.

К 0503010000—058
077(02) — 93 71—93

ББК 63.3(0)3

Научно-художественное издание

Квинт Курций Руф

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

*С приложением сочинений ДИОДОРА, ЮСТИНА,
ПЛУТАРХА об АЛЕКСАНДРЕ*

Зав. редакцией Г. М. Степаненко. Редактор В. В. Михеева. Художественный редактор М. Ф. Евстафьева. Оформление художника И. С. Клейнарда
Технический редактор Г. Д. Колоскова. Корректор Н. И. Коновалова

ИБ № 6119

Лицензия ЛР № 040414 от 27.03.92 г. Сдано в набор 17.05.93. Подписано в печать 30.07.93. Формат 60×90/16. Бумага тип. № 1. Гарнитура литературная. Высокая печать. Усл. печ. л. 29,0. Уч.-изд. л. 32,76. Тираж 20 000 экз.
Заказ № 111. Изд. № 2580

Ордена «Знак Почета» издательство Московского университета.
103009, Москва, ул. Герцена, 5/7.
Типография ордена «Знак Почета» изд-ва МГУ.
119899, Москва, Воробьевы горы

ISBN 5-211-02061-8 © Издательство Московского университета, 1993.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие (<i>А. А. Вигасин</i>)	6
Квинт Курций Руф ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО	23
Комментарии (<i>А. А. Вигасин, С. В. Новиков, А. В. Стрелков</i>)	245
Библиография	272
Приложение	
Сочинения ДИОДОРА, ЮСТИНА, ПЛУТАРХА об АЛЕКСАНДРЕ	275
Диодор ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА. Книга XVII (перевод <i>М. Е. Сергеевко</i>)	276
Юстин ЭПИТОМА СОЧИНЕНИЯ ПОМПЕЯ ТРОГА « <i>Historiae Philippicae</i> » (перевод <i>А. А. Деконского и М. И. Рижского</i>)	348
Плутарх АЛЕКСАНДР (перевод <i>М. Е. Сергеевко</i>)	347 ⁴
ОБ УДАЧЕ И ДОБЛЕСТИ АЛЕКСАНДРА (перевод <i>Г. П. Чистякова и Э. Г. Юнца</i>)	429
Указатель (<i>А. А. Вигасин</i>)	453

Предисловие

События царствования Александра Македонского — одна из наиболее знаменательных вех мировой истории. В течение всего лишь десятилетия была создана держава, равной которой до тех пор не знало человечество. Греко-македонские войска проникли в отдаленные области Азии, о самом существовании которых прежде не было никаких известий. Мгновенно расширились рамки античного мира, и греческая культура распространилась вплоть до Индии. Началась эпоха эллинизма — время синтеза культурных традиций Востока и Запада, когда возникает новое, космополитическое мировоззрение и подготавливается почва для появления мировой религии. Огромный интерес в течение веков вызывал сам образ Александра — непобедимого полководца, отважного воина, мудрого правителя, прекрасного юноши, умершего в расцвете сил и славы.

Македонского царя сопровождали образованные греки, и вскоре после смерти Александра появились многочисленные сочинения о его великих походах. Некоторые из писателей могли опираться на документальные материалы, прежде всего придворные дневники, так называемые «эфмериды». О характере этого источника среди исследователей нет единодушия. Но в любом случае существенные расхождения между позднейшими греческими историками даже в изложении последовательности событий показывают, что «дворцовый журнал» не был надежной основой всего повествования.

Вероятно, какая-то информация распространялась благодаря письмам Александра матери и близким. Впрочем, вскоре после его смерти появились чисто литературные сочинения в форме писем македонского царя и достоверные сведения стали обрастать фантастическими подробностями. Что из сохранившихся писем на самом деле принадлежит времени Александра — не всегда может быть установлено.

Официальную историю похода составлял Каллисфен, ставший спутником македонского царя по рекомендации его учителя Аристотеля. Сохранившиеся фрагменты этого сочинения свидетельствуют о том, что описание событий давалось в патетическом, приподнятом тоне и должно было льстить тщеславию великого полководца.

Некоторые из соратников Александра также оставили свои воспоминания. Его ближайший сподвижник Птолемей Лаг, ставший царем Египта, в своих мемуарах стремился прославить

великого македонца, считая себя его законным наследником. Записки о виденном и слышанном оставили флотоводец Неарх, архитектор Аристокбул, царский кормчий Онесикрит и распорядитель двора Харет из Митилены. Некоторые из этих произведений имели характер связного литературного повествования, другие состояли из отдельных очерков. Одни авторы склонны к философствованию на общие темы, внимание других привлекали чудеса природы далеких стран, третьи бесхитростно описывали военные действия, ход битв и передвижения войск. Ни одна из этих книг не дошла до нашего времени, но именно из них черпали информацию все те, кто позднее писал об Александре.

В период раннего эллинизма появился обширный труд в двенадцати книгах «Об Александре». Автор его, Клитарх, жил в Александрии и был сыном Динона, сочинителя персидской истории. Судя по отзывам древних писателей, книга Клитарха была более похожа на роман, чем на строго историческое повествование. Она изобиловала описаниями фантастических приключений и необыкновенных подвигов. Автор был склонен к преувеличениям разного рода: если битва, то со слонами, если победа — с горами трупов и реками крови. В этом смысле сочинение Клитарха полностью отвечало литературным вкусам публики эллинистического времени с ее тягой к необычному, к эффектам, драматизму, крайнему напряжению страстей. Образованные греки, а затем и римляне иногда посмеивались над напыщенным стилем писателя и его склонностью к небылицам, однако Клитарх имел устойчивую популярность. Еще в I в. н. э. Плиний Старший в «Естественной истории» (X, 136) называл его «знаменитым автором». Как увлекательное чтение книга Клитарха затмила и вытеснила более раннюю мемуарную литературу, принадлежавшую непосредственным участникам похода.

В эллинистическое время имя Александра было в высшей степени актуально: ведь к нему возводили свое происхождение династии Египта, Сирийского царства, Македонии и других государств, возникших в результате распада его державы. Римские завоевания в Средиземноморье также вызвали в памяти деяния Александра. Некоторые писатели тогда задавались риторическими вопросами типа: что было бы, если бы Александру пришлось сражаться с римскими легионами? Другие вспоминали исторический анекдот о том, как разбойник ответил Александру, что различие между ним и царем не в целях, а лишь в масштабах деятельности.

Борьба за власть между полководцами в конце республики придала образу Александра новую значимость. Практически каждый из них — Помпей и Цезарь, Антоний и Октавиан — стремился подражать знаменитому завоевателю мира. Отзвуки александровской традиции проявляются и в самом оформлении власти — уподоблении военных экспедиций римлян мифическим походам Отца Либеры и Геркулеса. С другой стороны, судьба Александра давала богатейшую пищу для философских рассуж-

дений о непрочности человеческих успехов, а также для споров о том, что именно является их основой — достоинства и доблесть самого человека или изменчивое счастье. Общие понятия морали — жестокость и милосердие, гордыня и смирение — становились предметом обсуждения ораторов, философов, историков на примерах из жизни великого македонца.

Сохранилось пять основных античных исторических произведений об Александре, они принадлежат Плутарху, Арриану, Курцию Руфу, Юстину и Диодору. Наиболее раннее из них — «Историческая библиотека» Диодора Сицилийского в 40 книгах. XVII книга целиком посвящена походам Александра Македонского. «Историческая библиотека», написанная в I веке до н. э., была своего рода попыткой изложения всеобщей истории. Автор не претендовал на самостоятельный и глубокий анализ событий, но он добросовестно пересказывал наиболее авторитетные труды древних писателей. Основное значение этого источника заключается в том, что он донес до нас фрагменты более ранней исторической традиции. Вопрос о том, каких именно авторов использовал Диодор при составлении XVII книги, не может быть окончательно решен, ибо сам он их не называет. В качестве одного из основных предполагается Клитарх, называют также Аристубула, Непарха, Онесикрита. Известный английский исследователь В. Тарн выдвинул гипотезу о том, что в распоряжении Диодора было какое-то анонимное сочинение грека, служившего наемником в войске персидского царя.

История Александра является лишь частью обширного труда Диодора и никакой особой тенденции в его описаниях не чувствуется. Однако в целом историк хотя и не замалчивает жестокости царя, исходит из того, что «победителей не судят», — по существу, великий полководец вне какой-либо моральной оценки. Он, как божество или древний герой, которому дозволяются любые пороки.

На рубеже н. э. во времена Августа Помпей Трог также составил обширное сочинение по всеобщей истории «*Historiae Philippicae*» в 44 книгах. Оно сохранилось до наших дней лишь в кратком изложении, принадлежащем писателю II или III в. Марку Юнниану Юстину. В XI и XII книгах содержится описание истории Александра. Предполагается, что основными источниками при написании этой части труда послужили сочинения Клитарха и, может быть, Тимагена, александрийского грека, жившего во времена Августа. Некоторые сообщения Помпея Трога представляют особую ценность как уникальные и достоверные свидетельства. Общая идея историка о том, что захватническая политика с целью создания обширной империи ведет к общей порче нравов, сказывается и в изложении судьбы и деятельности Александра. Последнего он нередко изображает жестоким тираном.

Особым доверием современных историков пользуется Флавий Арриан, живший во II в. В отличие от Помпея Трога и некото-

рых других писателей эллинистическо-римской эпохи он стремился следовать древним образцам классической греческой историографии. Составляя «Анабасис Александра», он явно подражал знаменитому «Анабасису» Ксенофонта. Арриан занимал видные государственные и военные посты, был консулом, управлял провинцией Каппадокия при императоре Адриане. Все это обеспечило ему необходимую эрудицию в практических делах — она проявляется прежде всего в профессиональном описании военных операций. Стараюсь дать объективное и выверенное изложение фактов, историк обращался к самым ранним источникам об Александре, сочинениям его спутников в походе, — главным образом Птолея и Аристула. Сравнивая их описания, он вносил в свой труд лишь то, что казалось наиболее правдоподобным.

Сведения легендарного характера, явные выдумки, сочиненные с целью польстить царю, Арриан излагал редко и с оговорками как недостоверные. Но и достоверных фактов было у него достаточно, чтобы дать самую высокую оценку македонскому царю: ведь ни с кем ни у греков, ни у варваров нельзя его сравнить по величию подвигов. Дополнением к «Анабасису» служит небольшой труд «Индика», содержащий описание Индии и возвращения греко-македонских войск из похода.

В отличие от указанных авторов Плутарх (II в.) писал не историю, а биографию, и это им прямо подчеркивается. Замечательные слова о том, что «ничтожный поступок, слово или шутка лучше обнаруживают характер человека, чем битвы, в которых гибнут десятки тысяч, руководство огромными армиями и осады городов», предваряют именно жизнеописание Александра. Плутарх знал литературу весьма широко — от Каллисфена до писателей своего времени. Он любил своего героя. Великий колководец превращается у него в философа на троне, достойного ученика Аристотеля, никогда не расстающегося с «Илиадой» Гомера.

Тема для риторических упражнений: чему главным образом обязан Александр своими успехами — собственным достоинствам или судьбе — получает разработку в юношеском сочинении Плутарха «О судьбе и доблести Александра». Любопытно отметить, что самая трактовка фактов в разных трудах писателя далеко не идентична — многое меняется не только в результате эволюции его взглядов, но и в соответствии с целями и жанром литературного сочинения.

На латинском языке единственное сохранившееся произведение, посвященное Александру Македонскому, принадлежит Квинту Курцию Руфу. Оно соединяет в себе особенности как историографического, так и биографического жанра.

Еще в эллинистическую эпоху в Александрии Египетской начал складываться так называемый «Роман об Александре», приобретший затем самую широкую популярность. В этом произведении, приписанном молвою Каллисфену, причудливо сме-

шались как детали подлинной истории, сохраненные мемуаристами, так и старинные баснословия, раскрашенные народной фантазией. В романе одним из главных героев стал легендарный египетский царь Нектанеб, который с помощью магии проник к Олимпиаде, после чего она родила Александра. Впоследствии он будто бы погиб от руки собственного сына. Роман впитал в себя многочисленные выдумки и преувеличения писателей типа Клитарха, фольклорные мотивы. Рассказы, восходившие к воспоминаниям участников похода, — о слонах, амазонках, необычайных богатствах, удивительных обычаях и чудесах природы Востока — соединялись с более древними преданиями, даже мифами, о песьеглавах и людях-птицах, обитающих на самом краю Ойкумены. В конце античности, когда рационализм уступил место увлечениям мистикой и всевозможными суевериями, этот роман получил широкое распространение. Он был переведен на различные языки: латинский, армянский, сирийский, эфиопский. В средневековой Европе появились многочисленные обработки «Александрии». Александр превратился в благородного рыцаря, а его единоборство с Дарием напоминало турнир.

На Востоке Александра (Искандера) также воспринимали как своего эпического героя, царя и миродержца, законного наследника Дария. Помимо безымянных и устных версий «Романа об Александре» сочинялись авторские обработки сюжета — достаточно назвать имена таких поэтов, как Низами и Навои. Слава Александра охватила более обширные пространства, чем некогда сама держава. В трактовке его образа немаловажную роль сыграла и написанная Квинтом Курцием Руфом «История Александра Македонского».

При анализе этого сочинения приходится опираться почти исключительно на сам текст: другой информации практически нет. Никто из античных писателей его прямо не упоминает и не цитирует. В свою очередь и Курций обходится почти без ссылок, поэтому вопрос об источниках остается открытым. Из авторов, писавших об Александре, он называет лишь Клитарха, Птолемея и Тимагена. Сам набор показателен, ибо только Птолемей был непосредственным участником событий. Многие исследователи полагали, что Курций преимущественно (и едва ли не исключительно) основывался на сочинении Клитарха. Однако это мнение вряд ли может быть принято — ведь даже ссылка на последнего (IX, 5, 21) сопровождается его критикой и упреками в легкомыслии.

Курций, несомненно, был человеком начитанным — об этом свидетельствуют и стиль повествования, и часто встречающиеся литературные реминисценции. Поэтому кажется вполне вероятным, что он был знаком с различными трудами об Александре. Можно лишь утверждать, что, в отличие от Арриана, он вряд ли последовательно выбирал наиболее ранние и достоверные источники. Сам характер его задач не требовал настоящей рабо-

ты исследователя. Курций ориентировался не столько на наиболее надежных авторов, сколько на самых популярных. И именно поэтому у него легче найти совпадения с Диодором и Помпеем Трогом (Юстином), нежели с тем же Аррианом (и даже Плутархом). Возможными кажутся прямые заимствования из Диодора и Помпея Трога, хотя обычно речь должна идти скорее об общих источниках названных писателей.

Текст «Истории Александра Македонского» Курция Руфа порою оставляет впечатление мозаичности, и в нем обнаруживаются целые фрагменты, заимствованные из той или иной традиции (антимакедонской либо восходящей к Птоломею, Каллисфену или другим авторам). Куски эти иногда существуют относительно самостоятельно и мало связаны друг с другом сквозной идеей или тенденцией. Проверка сообщаемых фактов, видимо, осуществлялась весьма эпизодически, и ей не придавалось серьезного значения (за редкими исключениями, как, например, сравнение данных Клитарха о Птолемеях с воспоминаниями самого Птолемея). Видимо, перефразируя известные слова Геродота, Курций (IX, 1, 34) заявляет, что он записывает более то, во что сам верит, и отнюдь не настаивает на подлинности всего, что внес в свое сочинение из старинных книг.

Автор обладал весьма смутными представлениями по географии и нередко черпал сведения из устаревших пособий (у него встречаются такие утверждения, которые бытовали лишь до походов Александра — у Ктесия и Аристотеля). Так, он порою не различает Тигр и Евфрат (IV, 9), Каспийское море упоминает наряду с Гирканским (VII, 3, 21), хотя эти наименования обозначают одно и то же, от гирканцев отличает барканцев (III, 2, 5—6), в то время как уже Эратосфен знал, что это лишь разные транскрипции одного слова.

Правда, и в самых грубых ошибках Курция иногда усматривается, что он скорее был неспособен согласовать разнородную информацию, чем проявлял простую небрежность. В качестве примера можно привести его указание, будто Арахосия находится неподалеку от Понта. Дело в том, что древние географы, не имея подлинного представления об Аральском море, получали все же некоторые сведения о нем. Сырдарью (Яксарт) они отождествляли с Доном (Танаисом) и рассматривали как границу между Европой и Азией. Вот почему у Курция появилось представление о том, что море, куда впадает Танаис, следует считать Черным или Азовским (Понт, Боспор — VI, 2, 13). Скифы, обитающие в Причерноморье, естественно отождествлялись автором с саками, которые населяли правобережье Яксарта (VII, 6, 12; VII, 4, 7 и др.). Отсюда и высказывания Курция о том, что в Бактрии дуют ветры с Понта (VI, 4, 27), а у Боспора живут хорасмии (хорезмийцы) (VIII, 1, 7). Вероятно, не все объясняется «чисто римским пренебрежением к географии», о котором ядовито пишут современные исследователи.

Странности встречаются и в описании военных действий.

человека, характер которого обрисовал Тацит. Впрочем, в этом принципе предлагали видеть и Клавдия, и самого Нерона.

Имя Квинта Курция Руфа содержится также в списке знаменитых риторов середины I в. у Светония. Учитывая указанные выше особенности стиля «Истории Александра Македонского», можно было бы думать, что Светоний имел в виду ее автора. Тацит, так резко отзывающийся о морали и административной деятельности Курция Руфа, тем не менее признает его «острый ум». Но можно ли предполагать, что ум и образованность помогли столь блестящей карьере и профессиональный учитель красноречия стал политиком?

Конечно, идентификация всех трех персонажей, носивших имя Курций Руф, остается лишь предположением. Но в любом случае речь должна идти о датировке жизни писателя I в. н. э. И кажется странной мысль о том, что в середине I в. жили три разных Курция Руфа: историк, политик и ритор, а в предшествующее и последующее время лиц, носящих такие имена, не зафиксировано. Общая тональность «Истории Александра Македонского» с ее восхвалениями царя и героя и одновременно с сожалениями о недостаточной умеренности правителя, который должен был бы чтить отеческие нравы и не нарушать общественной свободы, соответствует идеологии и политической ситуации ранней империи.

Особого успеха книга не имела ни в античности, ни в раннем средневековье. Самые ранние из сохранившихся рукописей относятся к IX—X вв. Все они имеют одни и те же пропуски: отсутствуют первые две и начало третьей книги, конец пятой и начало шестой, значительные лакуны имеются в десятой. Поэтому следует думать, что все рукописи восходят к одному протографу, случайно сохранившемуся от античного времени. Обилие рукописей каролингской эпохи свидетельствует о заметном оживлении интереса к забытому автору. В X в. Эккхард делает выписки из «Истории Александра Македонского», влияние ее отмечают в биографии Карла Великого. На Курция ссылается Иоанн Салисберийский (XII в.). В XIII в. епископ Филипп Вальтер написал поэму об Александре, значительная часть которой прямо заимствована из Курция.

Еще большее внимание «История Александра Македонского» привлекает в эпоху Возрождения, когда она постепенно приходит на смену рыцарскому роману, средневековой «Александрииде». Сохранилось предание о том, что в 1458 г. король Арагона и Наварры Альфонс V страдал от тяжелой болезни и никакие лекарства ему уже не помогали. Но он взял «Историю Александра Македонского» и так увлекся чтением, что выздоровел. И король воскликнул: *Vivat Curtius sospitator meus!* «Да здравствует Курций, спаситель мой!» В 1470 г. в Венеции вышло первое печатное издание книги. Тогда же делались первые попытки дополнить утерянные части сведениями, почерпнутыми из сочинений других античных авторов.

Комментированное издание подготовил в 1519 г. знаменитый голландский писатель Ян Роттердамский. К Курцию наконец-то пришла настоящая слава. М. Монтень называл его «самым знаменитым из историков античности». «История Александра Македонского» была любимым чтением кардинала Ришелье при осаде Ларошели. Не случайно этому было посвящено французское издание книги 1639 г.

В XVI—XVII вв. появилось около ста изданий «Истории Александра Македонского». Курция сравнивали с Гомером, ибо он так же воспевал подвиги Александра Великого, как тот обессмертил Ахилла. Он считался одним из самых блистательных латинских авторов наряду с Титом Ливием, а среди всех писателей античности соперничал по славе разве что с Плутархом. По мотивам «Истории Александра» сочинялись пьесы, имевшие шумный успех (преимущественно во Франции). Было нечто театральное уже в драматическом характере самого латинского текста. Читателям и зрителям той поры его дидактика не казалась искусственной, страсти преувеличенными, а риторический стиль напыщенным. Видимо, сама эстетика Курция оказалась близка барочному XVII в. Возможно, его мораль и политическое философствование также отвечали вкусу эпохи, когда складывался европейский абсолютизм.

Особый успех выпал на долю французского перевода Курция, выполненного Клодом Вожелом. Первоклассный стилист и автор рассуждений о французском языке, он работал над переводом тридцать лет — с 1620 по 1650 г. Опубликован был перевод лишь посмертно, в 1653 г., а затем выдержал более сорока изданий и в течение века оставался классическим образцом французской прозы. Эту книгу изучали в школах, она оказала влияние на несколько поколений французских писателей. Говорят, что перевод Вожела так же неподражаем, как сам Александр Великий непобедим. Старинные словари французского языка содержат цитаты из перевода Курция на каждой странице. Около 1700 г. Французская академия подготовила обширный комментарий к французскому переводу Вожела. Лишь Расин удостоился такой же чести.

Не без влияния Франции переводы Курция стали появляться и в других странах, в том числе в России. На титульном листе первого русского издания значилось: «Книга Квинта Курция о делах содеянных Александра Великого царя македонского, переведена повелением царского величества с латинского языка на российский лета 1709 и напечатана в Москве того же лета в октябрь месяце». Таким образом, инициатором издания был Петр Первый. В середине XVIII в. известный ученый и писатель Степан Крашенинников выпустил свой новый перевод, энциклопедически переиздававшийся. Об этой работе Н. М. Карамзин писал о переводе «совершенном и классическом», который «и теперь имеет цену свою, по крайней мере в сравнении с другими переводами латинских авторов». Квинт Курций Руф, таким об-

зом, внес свою лепту в развитие не только французского, но и русского литературного языка.

Комментирование Курция, начатое еще в XVI столетии, успешно продолжалось в прошлом веке. Появлялись новые издания, в том числе критические, научные переводы, полный словарь к тексту «История Александра Македонского». Отрывки из нее регулярно помещались в латинских хрестоматиях. Книга стала предметом монографического исследования Доссона. Однако оценка Курция заметно менялась. Развитие критического метода исследования способствовало дискредитации его как историка, а изменение литературных вкусов привело к тому, что о нем стали отзываться с пренебрежением. Его стали называть дилетантом, который интересуется вовсе не предметом, а лишь тем, какое он производит впечатление на публику. С точки зрения Вилламовиц-Меллендорфа, это сочинение — просто легкое чтение, а по мнению Э. Шварца, само по себе оно вовсе не заслуживает серьезного отношения. Немецкие антиковеды конца XIX — начала XX в. были заняты главным образом вопросом о том, как расчленить «Историю Александра Македонского» на части и найти те эллинистические источники, из которых механически заимствуется каждый фрагмент. Основную часть «Истории Александра» приписывали Клитарху, а отрицательные характеристики македонского царя считали восходящими к Тимагену. На все это было затрачено много труда и остроумия, однако изучение собственно текста как целого таким образом вряд ли серьезно продвинулось вперед.

Отношение к Курцию меняется. Современные исследователи начинают осторожно отмечать известные литературные достоинства его труда, находят в нем большую степень самостоятельности, нежели было принято считать раньше. Он остается и одним из основных источников по эпохе Александра, и весьма колоритным памятником римской литературы времени раннего принципата.

*

* *

Перевод, впервые опубликованный в 1963 г., был выполнен на кафедре древних языков исторического факультета Московского университета: III книгу перевели К. А. Морозова и И. А. Миронова, IV—V, IX—X книги — В. С. Соколов и А. Ч. Козаржевский, VI книгу — И. А. Миронова, VII книгу — Д. А. Дрбоглав, VIII книгу — А. Ч. Козаржевский. Сверку перевода провела О. В. Смыка.

Комментарий принадлежит А. В. Стрелкову (книги III—IV, 11), С. В. Новикову (IV, 12—VIII, 4), А. А. Вигасину (VIII, 5—X).

Изображения Александра воспроизводятся преимущественно по изданию: Verrouilli J. J. Die erhaltenen Darstellungen Alexanders des Grossen, München, 1905. Некоторые из них лишь по традиции связываются с именем великого македонца.

А. А. Вигасин

Квинт Курций Руф

ИСТОРИЯ АЛЕКСАНДРА МАКЕДОНСКОГО

КНИГА III

ГЛАВА I

Между тем Александр, отправив Клеандра с деньгами, чтобы привести солдат из Пелопоннеса, и уладив дела в Ликии и Памфилии, подвел войско к городу Келенам. 2. Посреди города в то время протекала река Марсий, прославленная в греческих легендах. 3. Эта река берет начало на самой вершине горы, с большим шумом низвергает свои воды на стоящую внизу скалу, затем, растекаясь, орошает прилегающие поля, оставаясь прозрачной и несущей только свои воды. 4. Вот почему цвет ее воды, подобный цвету спокойного моря, дал основание для поэтического вымысла, будто бы нимфы, полюбившие эту реку, пребывают здесь на скале. 5. Пока она течет по городу, она сохраняет свое название, но там, где она вытекает за пределы его и катит воды с большой силой, ее называют Ликом. 6. Итак, Александр вошел в город, оставленный жителями; намереваясь взять приступом крепость, в которую они убежали, он посылает туда вестника сказать им, что если они не сдадутся, то претерпят крайние бедствия. 7. Те приводят вестника к башне, выдающейся своим расположением и укрепленной, предлагают ему посмотреть, какова ее высота, и передать Александру, что он и местные жители по-разному расценивают укрепления города: они считают их неприступными, а в крайнем случае готовы умереть по долгу верности. 8. Впрочем, когда они увидели, что крепость осаждена и что у них с каждым днем становится все меньше запасов, они, заключив перемирие на 60 дней, обещали сдать город, если в течение этого времени Дарий не придет им на помощь; так как никакой помощи прислано не было, в назначенный день они сдались царю.

9. Затем приходят послы от афинян с просьбой вернуть им пленных, захваченных у реки Граник. На это Александр ответил, что по окончании войны с персами он прикажет возвратить своим не только этих, но и остальных греков. 10. Сам же

Александр, угрожая Дарию, о котором он узнал, что тот еще не перешел Евфрат, собирает отовсюду войска, чтобы вступить в столь опасную войну со всеми своими силами. 11. Во Фригии, через которую Александр вел войско, было больше сел, чем городов. 12. Там же находился прославленный в то время дворец Мидаса. Название города — Гордий; через него протекает река Сангарий, и он находится на одинаковом расстоянии от Понтийского и Киликийского морей. Здесь, между этими морями, как мы знаем, самое узкое место Азии, так как и то и другое море сдавливают землю, создавая теснины. 13. Хотя Азия и соединена с континентом, но большей частью окружена водой и схожа с островом; и если бы не было этого перешейка, то они слились бы друг с другом. 14. Александр, подчинив город *своей власти*, вступает в храм Юпитера. Там он увидел колесницу, на которой, как утверждают, ездил Гордий, отец Мидаса. Она по своему убранству ничем не отличалась от самых дешевых, наиболее распространенных. 15. Примечательным было ярмо, стянутое многочисленными узлами, спутанными между собой и скрывающими связи. 16. Когда жители города сообщили Александру, что, по предсказанию оракула, Азию покорит тот, кто развяжет этот запутанный узел, им овладело страстное желание выполнить то, что предсказано. 17. Вокруг царя собралась толпа фригийцев и македонцев: первые напряженно ждали, а вторые испытывали страх из-за безрассудной самоуверенности царя. И действительно, ремень был так плотно связан узлами, что было невозможно ни рассчитать, ни разглядеть, где начинается и где кончается сплетение. Попытки царя развязать узел внушали толпе опасение, как бы неудача не оказалась плохим предзнаменованием. 18. Долго и напрасно провозившись с этими запутанными узлами, царь сказал: «Безразлично, каким способом будут они развязаны», и, разрубив все узлы мечом, он тем самым не то посмеялся над предсказанием оракула, не то выполнил его. 19. Затем, решив захватить Дария, где бы тот ни был, чтобы иметь прочный тыл, он поручил Амфотеру командование флотом у берегов Геллеспонта, а Гегелоху — сухопутными войсками, чтобы освободить от вражеских гарнизонов острова Лесбос, Хиос и Кос. 20. Им было выдано на военные расходы 500 талантов, а Антипатру и защищавшим греческие города послано 600 талантов. От союзников царь потребовал, согласно договору, прислать корабли для охраны Геллеспонта. 21. Александр еще не знал тогда о смерти Мемнона, внушавшего ему большие заботы, так как Александр понимал, что все будет легко выполнить, если не помешает Мемнон.

22. И уже он прибыл в город Анкиру, откуда, произведя подсчет своим войскам, выступает в Пафлагонию. По соседству с ней жили генеты, от которых, как думают, происходят вены. 23. Вся эта страна покорилась царю; дав заложников, жители ее добились, чтобы их не принуждали платить подать, ко-

торой они не платили даже персам. 24. Во главе этой страны был поставлен Калат, а сам Александр, приняв только что прибывшие из Македонии войска, направился в Каппадокию.

ГЛАВА 2

1. Дарий, узнав о смерти Мемнона и, естественно, обеспокоенный, лишившийся всякой надежды, решил сам сразиться с Александром: он осуждал все совершенное его полководцами, будучи убежден, что многим из них недоставало усердия и всем — удачи. 2. И вот, расположившись лагерем у Вавилона, чтобы солдаты с большим усердием начали войну, он выставил напоказ все свои силы и, построив укрепление вместимостью в 10 тысяч вооруженных воинов, начал производить подсчет войскам по примеру Ксеркса. 3. От восхода солнца до ночи отряды, как было приказано, входили в укрепление. Выходя оттуда, они заняли равнины Месопотамии; конница и пехота, казавшиеся бесчисленными, заставляли думать, что армия больше, чем на самом деле. 4. Персов было 100 тысяч, из них 30 тысяч всадников, мидийцев — 10 тысяч всадников и 50 тысяч пехотинцев. 5. Барканцев было 2 тысячи всадников, вооруженных двусторонними секирами и легкими щитами, очень похожими на щиты, за ними следовало 10 тысяч пехоты с таким же вооружением. 6. Армяне послали 40 тысяч пехотинцев вдобавок к их 7 тысячам всадников. 7. Гиркаицы набрали 6 тысяч отличных, как у всех этих племен, всадников, прибавив к ним тысячу тапуров. Дербики снарядили 40 тысяч пехотинцев, у большинства из них были копья с медными или железными наконечниками, у некоторых же — древки, обожженные на огне; их сопровождали 2 тысячи всадников из того же племени. 8. С Каспийского моря прибыло 8 тысяч пехотинцев и 200 всадников. С ними были и другие, неизвестные племена, выставившие 2 тысячи пехоты и вдвое больше конницы. 9. К этим силам прибавилось 30 тысяч греческих наемников, воинов во цвете лет. Спешность помешала собрать бактрийцев, согдийцев, индов и другие живущие у Красного моря племена, названия которых не знал и сам царь.

10. Менее всего у него ощущался недостаток в количестве солдат. Радуюсь столь многочисленному войску и слушая придворных, воспламенявших, как обычно, своей лестью его надежды, он обратился к афинянину Харидему, опытному в военном деле и ненавидевшему Александра за свое изгнание из Афин по его приказу, и стал расспрашивать его, не считает ли он его достаточно сильным, чтобы раздавить врага. 11. Но Харидем, забывший о своем положении и гордости царя, ответил: «Ты, может быть, не захочешь выслушать правду, но если не теперь, то в другой раз я не смогу уже ее высказать. 12. Эта столь вооруженная армия, состоящая из стольких народов со всего Востока, оторванных от своих очагов, может внушать

страх своим соседям: она сверкает золотом и пурпуром, поражает богатством вооружения, которое невозможно представить себе, не увидев собственными глазами. 13. Македонское же войско, дикое и без внешнего блеска, прикрывает щитами и конями неподвижный строй и сомкнутые ряды крепких воинов. Этот прочный строй пехоты они называют фалангой: в ней воин стоит к воину, оружие одного находит на оружие другого. Фаланга обучена по первому же знаку идти за знаменами, сохраняя ряды. 14. Солдаты исполняют все, что им приказывают: сопротивляются, окружают, переходят на фланги; менять ход сражения они умеют не хуже полководцев. 15. И не думай, что их влечет жажда золота и серебра: эта дисциплина до сих пор крепка, ибо создана бедностью: постелью уставшим служит земля, еды им достаточно той, которую они раздобудут; а время их сна — неполная ночь. 16. А фессалийскую, акарнанскую и эолийскую конницу, эти непобедимые в сражении отряды, разве отразят пращи и обожженные на огне копья? Тебе нужны равноценные им силы: ищи их для себя в той земле, которая их породила, пошли твое золото и серебро для найма солдат». 17. Дарий по характеру был мягким и отзвучивым, но счастье часто портило его податливую натуру. И вот, не снеся правды, он приказал увести на казнь преданного ему гостя, давшего столь полезный совет. 18. Грек, не забывший и тогда о своем свободном происхождении, сказал: «Уже готов мститель за мою смерть, за пренебрежение моим советом тебя накажет тот, против которого я предостерегал тебя. А ты, будучи самовластным нарцем, так быстро изменился, что послужишь потомкам примером того, как люди, ослепленные удачей, забывают о своей природе». 19. Едва он произнес эти слова, как слуги по приказу царя задушили его. Но потом к царю пришло позднее раскаяние, и, признав, что грек говорил правду, он велел похоронить его с почетом.

ГЛАВА 3

1. Тимод, сын Ментора, был доблестным юношей. Ему царь приказал принять от Фарнабаза командование всеми иноземными войсками, на которые царь больше всего надеялся, чтобы использовать их во время войны. Самому же Фарнабазу царь передал высшие полномочия, которыми ранее наделил Мемнона. 2. Под действием постоянных забот царя стали даже во время сна беспокоить угрожающие видения, вызываемые его тревогой или пророческими свойствами души. 3. То ему снилось, будто Александра сверкает ослепительным светом, то будто Александра привели к нему в таком же одеянии, какое раньше послал он сам, то будто, проезжая верхом по Вавилону, Александр вместе с конем вдруг исчез с его глаз. 4. Еще и предсказатели усиливали его беспокойство разными истолкованиями его снов. Одни говорили, что это хорошее предзнаменование, так как вражеский лагерь горел и Дарий видел Александ-

ра, снявшего царскую одежду и приведенного к нему в обычной одежде персов. 5. Другие толковали это иначе: блеск македонского лагеря предсказывает успех Александру, а что ему предназначено владеть Азией бесспорно доказывалось тем, что Дарий был в такой же одежде, когда его провозгласили царем. 6. Как всегда бывает, беспокойство напомнило и старые пророчества. Вспомнили, что Дарий в начале царствования приказал изменить форму персидских ножей для акинака по образцу греческой, а халдеи тогда же объявили, что власть над персами перейдет к тем, оружие которых он подражает. 7. Впрочем, Дарий, радуясь и благоприятным толкованиям предсказателей, которые разглашались в народе, и видениям своих снов, приказал перенести лагерь поближе к Евфрату.

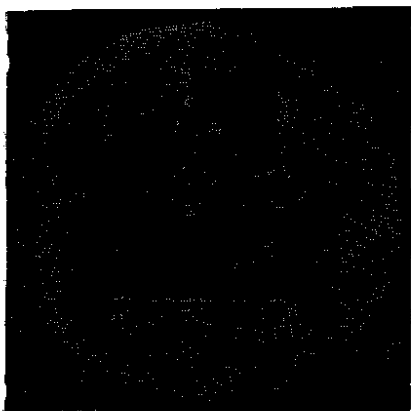
8. У персов был древний обычай не отправляться в путь до восхода солнца. Сигнал к выступлению давали из царского шатра, когда уже совсем рассветало. Над шатром, откуда все могли его видеть, поднималось сверкающее отражение солнца на стекле. 9. Походный строй был таков. Впереди на серебряных алтарях несли огонь, который у персов считается вечным и священным. Маги пели древние гимны. 10. За ними следовали 365 одетых в пурпурные плащи юношей, по числу дней года, так как и у персов год делился на столько же дней. 11. Затем белые кони везли колесницу, посвященную Юпитеру, за ней следовал конь огромного роста, называемый конем Солнца. Золотые ветви и белые одеяния украшали правящих конями. 12. Недалеко от них находились 10 колесниц, обильно украшенных золотом и серебром. За ними — всадники 12 племен в различных одеждах и по-разному вооруженные. 13. Далее шли те, кого персы называют «бессмертными», числом до 10 тысяч, ни у кого больше не было столь по-варварски пышной одежды: у них были золотые ожерелья, плащи, расшитые золотом, и тунники с длинными рукавами, украшенные драгоценными камнями. 14. На небольшом расстоянии шли так называемые «родичи царя» числом до 15 тысяч. Эта толпа с ее почти женской роскошью в нарядах выделялась больше пышностью, чем красотой вооружения. 15. Следовавшие за ними придворные, которые обычно хранили царскую одежду, назывались копьеносцами. Они шли перед колесницей царя, в которой он возвышался над остальными. 16. С обеих сторон колесница была украшена золотыми и серебряными фигурами богов, на дышле сверкали драгоценные камни, а над ними возвышались две золотые статуи, каждая в локоть высотой: одна — Нина, другая — Бела. Между ними находилось священное золотое изображение, похожее на орла с распростертыми крыльями. 17. Одежда самого царя превосходила роскошью все остальное: пурпурная тунника с вытканной посередине белой полосой; 18. плащ, расшитый золотом, с золотыми же ястребами, сходящимися друг с другом клювами, по-женски опоясанный кушаком. Царь подвесил к нему акинак в ножнах, украшенных драгоценными камнями. 19. Головной

царя, называемый персами «кидарис», украшали фиолетовым с белым завязки. 20. За колесницей шли 10 тысяч копьеметателей с богато украшенными серебром копьями и стрелами с перьями иаконечниками. 21. Около 200 приближенных вельмож следовало справа и слева от царя. Их отряд замыкал 10 тысяч пехотинцев в сопровождении 400 царских коней. 22. За ними на расстоянии одного стадия колесница везла мать царя Спигамбис, в другой колеснице была его жена. Толпа женщин на конях сопровождала цариц. 23. За ними следовали 15 повозок, называемых гармаксами: в них находились царские дети, воспитатели и множество внуков, вовсе не презираемых у персов. 24. Далее ехали 360 царских иаложниц, одетых в царственные наряды, затем 600 мулов и 300 верблюдов везли царскую казну: их сопровождал отряд стрелков. 25. Следом за ними — жены родных и друзей царя и толпы торговцев и возной прислуги. Последними шли замыкавшие строй отряды вооруженных воинов, каждый со своим командиром. 26. Если бы кто мог тогда же увидеть македонскую армию, представила бы собой совсем иное зрелище: люди и кони одеты в ней не золотом и пестрыми одеждами, но железом и медью. 27. Эта армия не была перегружена поклажей или легкой, готовая к походу или к остановке, она чутко отзывалась не только на сигналы, но даже на знаки полководца. Не хватало и места для лагеря, и провизии для воинов. 28. Стали бы, в войске Александра не было недостатка в солдатах, Царий же, повелитель такой огромной армии, из-за тесноты поля боя свел ее к той самой малочисленности, за какую презирал врага.

ГЛАВА 4

1. Между тем Александр, поставив во главе Каппадокии Абистамена, отправился со всем своим войском в Киликию и прибыл на место, называемое «Лагерь Кира»: там была стоянка Кира, когда он вел армию в Лидию против Креза. 2. Это место находилось на расстоянии 50 стадиев от входа в Киликию. Местные жители называют его теснны «воротами»; по своей природной форме они напоминают укрепления, созданные человеческими руками. 3. Поэтому Арсам, правивший Киликией, вспоминая о советах Мемнона в начале войны, решил применить на деле, хоть и поздно, его спасительный план: он опустошает Киликию огнем и мечом, чтобы оставить врагу пустыню, уничтожить все, что может оказаться полезным неприятелю, чтобы голой и бесплодной оставить землю, которую он не мог защитить. 4. Гораздо полезнее было бы закрыть большим отрядом войска узкий проход, открывающий путь в Киликию, и завладеть скалой, удобно нависающей там над проходом, с которой он без риска мог бы остановить или уничтожить приближающегося врага. 5. Теперь же, оставив немногих для охраны гор-

ных проходов, он отступил, став разорителем страны, которую должен был спасти от разорения. Поэтому оставленные им, считая себя преданными, не захотели даже увидеть врага, хотя и меньшее число людей могло бы защитить проходы. 6. Ведь Киликия защищена непрерывной крутой и обрывистой цепью гор; она начинается у моря и, как бы описав дугой залив, снова возвращается другим своим концом к морю в другом месте. 7. Че-

*Золотой медальон с изображением
Александра*

рез эту горную цепь в том месте, где море наиболее вдается в берега, ведут три узких и крутых прохода; войти в Киликию можно по одному из них. Эта страна, плоская в сторону моря, пересечена многими реками: через нее протекают знаменитые реки Пирам и Кидн. 8. Кидн замечателен не шириной потока, но прозрачностью воды, так как от своих истоков он плавно течет по чистой почве, и нет никаких притоков, которые могли бы замутить его. 9. Поэтому вода очень чиста и холодна, живописные берега все время осеняют его, и в море он впадает таким же, каким выходит

из истоков. 10. В этой стране время истребило много памятников, прославленных в песнях: здесь были видны места, где стояли города Лирнесс и Фивы, пещера Тифона и Корикийская роща, где растет шафран, и другие, о которых сохранилась только молва.

11. Александр вошел в горный проход, называемый «воротами». Рассмотрев окружающую местность, он, говорят, особенно удивился своему счастью: он признался, что мог бы быть завален камнями, если бы нашлось кому сбрасывать их на идущее внизу войско. 12. Дорога едва давала возможность идти по ней только четверем воинам в ряд; гора нависала над дорогой, не только узкой, но и обрывистой, а также часто пересекаемой потоками, текущими с гор. 13. Все же Александр приказал легковооруженным фракийцам идти в голове отряда и осматривать тропы, чтобы спрятавшийся враг не мог внезапно наброситься на следующую за ними армию. Отряд стрелков также занял горный проход: они держали луки наготове, настроенные не на марш, а на бой. 14. Таким образом армия подошла к Тарсу, который персы в это время поджигали, чтобы не достался врагу богатый город. 15. Но Александр послал Пармениона с отрядом легковооруженных воинов потушить огонь и, узнав, что варвары побежали от его людей, тотчас вошел в спасенный им город.

Река Кидн, о которой уже было сказано, протекает по южной стороне города. Тогда было летнее время, и солнечный жар падал на Киликию больше, чем какую-нибудь другую страну, наступило самое жаркое время дня.

Прозрачные воды реки соблазнили царя, покрытого потом и грязью, выкупаться, чтобы обмыть свое разгоряченное тело и одежду на виду у войска, полагая, что будет пристойно и для своих воинов, как мало нужно ему для ухода за своим телом, он вошел в реку. 3. Но едва он вступил в воду, как члены, охваченные дрожью, начали цепенеть, затем он пошел, и жизненное тепло почти покинуло тело. 4. Слуги подхватили его на руки, полуживого и почти потерявшего сознание, отнесли в шатер. 5. В лагере распространилось беспокойство, почти уже траур; со слезами все скорбели о том, что славнейший царь всех времен и преданий в самом расцвете успеха и славы был поражен не врагом, не в сражении, но вырван из жизни смертью тогда, когда омывал водой свое тело. 6. Потеряв телом окажется Дарий, еще не видевший своего врага. 7. Но войнам, придется завоевывать снова те земли, где они уже раз прошли с победой и где все уничтожено ими же или их врагами. В бесплодной пустыне их будут терзать голод и нужда, если никто не захочет их преследовать. 8. Кто будет руководить ими в обратном походе? Кто осмелится занять место Александра? Даже если они доберутся в своем бегстве до Геллеспонта, кто приготовит флот для переправы? 9. Затем их судьба снова обратилась к царю, и, забыв о себе, они начали сетовать, что такой гений, к тому же их царь и товарищ по оружию вырван из их рядов в расцвете юности.

10. Между тем царь стал дышать свободнее, открыл глаза и в меру того, как сознание возвращалось к нему, стал узнавать окружающих его друзей. Ослабление его болезни проявилось также и в том, что он осознал величину несчастья. 11. Но душевная боль вновь отняла у него силы, когда ему сообщили, что Тирий будет в Киликии на 5-й день. Александр жаловался, что он с головой выдан Дарию, и что из рук его вырвана славная победа, и сам он поражен мрачной и бесславной смертью в своей палатке. 12. Итак, созвав своих друзей и врачей, он сказал: «Вы видите, при каких обстоятельствах поразила меня судьба. Мне кажется, что я слышу звон вражеского оружия, а сам, называя эту войну, не могу в ней участвовать». 13. Значит, Дарий, когда писал столь надменное письмо, определил мою судьбу. Но этого не будет, если я буду лечиться, как сам хочу. 14. Мое положение не допускает медленно действующих средств и осторожных врачей: для меня лучше сразу умереть, нежели поправиться слишком поздно. Поэтому если у врачей есть возможность и умение, то пусть они знают, что мне нужно средство не для спасения жизни, а для продолжения войны». 14. Это пыл-

кое безрассудство царя внушило всем большое беспокойство. И каждый в отдельности начал уговаривать его не увеличивать опасности поспешностью, но подчиниться воле врачей. 15. У войска, мол, есть основания опасаться неиспытанных лекарств, ибо враг может даже среди его близких подкупить кого-нибудь, чтобы погубить его. 16. Действительно, Дарий объявил, что всякому, кто умертвит Александра, он даст тысячу талантов. Поэтому полагали, что никто не осмелится применить лекарство, которое может показаться подозрительным из-за своей новизны.

ГЛАВА 6

1. Среди знаменитых врачей, следовавших за Александром из Македонии, был акарнянин Филипп, особенно преданный царю. Он был другом и хранителем здоровья царя с его детских лет и особенно любил его не только как своего царя, но и как своего воспитанника. 2. Он обещал дать лекарство не столь быстро, сколь сильно действующее и ослабить болезнь целебным питьем. Его обещание не понравилось никому, кроме того, кому предназначалось, из-за опасности. 3. Ведь царь согласен был претерпеть что угодно, кроме затяжной болезни: оружие и армия были у него перед глазами, и он считал, что победа зависит от его возможности занять место перед знаменами. Он тяготился тем, что по предписанию врача должен был выпить лекарство лишь через три дня.

4. В это время царь получил от самого верного из своих царедворцев, Пармениона, письмо с предупреждением не доверять своего здоровья Филиппу, которого подкупил Дарий тысячей талантов и обещанием выдать за него свою сестру. 5. Это письмо наполнило душу Александра великим беспокойством, и тайно от других он взвешивал в уме страх и надежду. 6. «Решиться ли мне принять лекарство? Ведь если в него положен яд, то окажется, что я заслужил случившееся. Заподозрить ли преданность врача? Допустить ли, чтобы я был убит в своей палатке? Все же лучше умереть от преступления другого, чем от собственного страха». 7. После долгих размышлений он, не сообщив никому содержания письма, запечатал его своим перстнем и спрятал под подушку, на которой лежал. 8. По истечении двух дней таких раздумий забрезжил день, назначенный врачом, и Филипп вошел, держа в руках чашу, в которой развел лекарство. 9. Увидев его, Александр, приподнявшись на постели и держа письмо Пармениона в левой руке, взял чашу и бесстрашно выпил лекарство. Затем он приказал Филиппу прочесть письмо, а сам не отрывал от его глаз, думая, что заметит признаки виновности в выражении его лица. 10. Но Филипп, прочитав письмо, выказал больше негодования, чем страха, и, бросив перед постелью письмо и плащ, сказал: «О царь, мое дыхание всегда зависело от тебя, но теперь я убедился, что оно выходит из твоих свято почитаемых уст. 11. Обвинение в

убийстве, направленное против меня, будет опровергнуто твоим излечением, спасенный мною, ты дашь мне жизнь. Прошу и заклинаю тебя, отбрось свой страх, позволь лекарству проникнуть в твои вены, облегчи на некоторое время душу, которую твои друзья, несомненно преданные, но слишком осторожные, смущают неуместной заботливостью». 12. Эти слова не только успокоили царя, но придали ему радостную надежду. Он сказал: «О, Филипп, если бы боги предоставили тебе испытать мои чувства наиболее угодным тебе способом, ты мог бы избрать и другой путь, но ты не мог даже пожелать более верного способа, чем тот, который ты применил. 13. Прочитав это письмо, я все же выпил приготовленное тобою лекарство и теперь верю, что ты беспокоишься о своей верности не меньше, чем о моем здоровье». Сказав это, он протянул Филиппу правую руку. 14. Но сила напитка была столь велика, что последующие события как будто подтвердили обвинение Пармениона: дыхание царя стало прерывистым и затрудненным. Но Филипп не упустил ни одного средства: он применил горячие припарки, возбуждал бесчувственного ароматами то пищи, то вина. 15. Как только он замечал, что Александр пришел в себя, он не переставал напоминать ему то о матери и сестрах, то о приближающейся великой победе. 16. Когда же лекарство растеклось по венам и его целительная сила стала ощущаться во всем теле, сначала дух, а затем и тело Александра обрели прежнюю силу даже быстрее, чем ожидалось; ведь уже через три дня, проведенные в таком состоянии, он появился перед солдатами. 17. Все войско приняло Филиппа с таким чувством, как самого царя; каждый жал ему руку и благодарил его, как посланного богом. Трудно передать, как велика была, помимо прирожденного почтения македонцев к царям, их преданность имени этому царю, их пламенная к нему любовь. 18. Все были убеждены, что он ничего не предпринимает без помощи богов; ибо если кому-либо постоянно сопутствует счастье, то даже безрассудство ведет его к славе. 19. Возраст царя, едва созревшего для таких деяний, оказался вполне достаточным и прославил все его дела. Вещи, которым обычно не придают значения, имеют большую цену в глазах солдат: соревнование царя с солдатами в телесных упражнениях, его одежда и манера держаться, мало отличающиеся его от простого человека, его воинский дух. 20. Все это то ли как дар природы, то ли как достижение души сделали его в равной степени достойным уважения и любви.

ГЛАВА 7

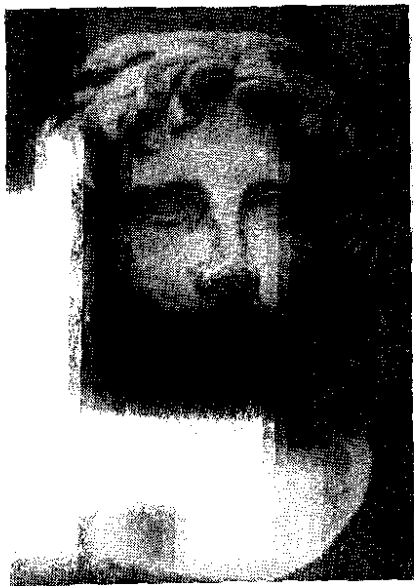
1. Дарий, получив известие о болезни Александра, со всей скоростью, на которую была способна его тяжеловесная армия, поспешил к Евфрату, перекинул через него мост и переправлял к нему свою армию в течение 5 дней, торопясь завладеть Кицикийей. 2. Александр же, восстановивший свое здоровье, при-

был в город Солы. Заняв его, он наложил на город штраф в 200 талантов и поместил в крепости гарнизон солдат. 3. Затем он выполнил обеты, данные за его выздоровление, устроил торжественные состязания в честь Эскулапа и Минервы — этим он показал, как презирает варваров. 4. Когда он смотрел на состязания, пришли хорошие известия из Галикарнаса: в сражении персы были побеждены его войсками, покорены ему были миндии, кавнии и много земель на том же пути. 5. Затем, закончив состязания и снявшись с лагеря, он перешел, наведя мост, реку Пирам и прибыл в город Малл, а оттуда на второй день достиг города Кастабал. 6. Там его встретил Парменион, посланный вперед разведать путь через горные проходы, по которым можно было пройти к городу по названию Исс. 7. Заняв самую узкую часть дороги и оставив сам небольшой отряд, Парменион захватил Исс, также покинутый варварами. Продвинувшись оттуда, он вытеснил оборонявшихся внутренние горные районы, все укрепил гарнизонами и, овладев дорогой, как было сказано, пришел с известиями о своих успехах. 8. Тогда и Александр придвинул свою армию к Иссе. Там, после обсуждения, идти ли дальше или ждать свежие силы, шедшие, как только что сказано, из Македонии, Парменион высказал мнение, что нет другого более удобного места для сражения. 9. Ведь здесь силы обоих царей будут равны, узкий проход не сможет вместить большого количества людей, а его людям надо избегать равнин и открытых полей, где их могут окружить и перебить в бою на два фронта. Он боялся, что македонцы будут побеждены не силой врага, но из-за своей усталости: если они станут более свободным строем, то свежие силы персов будут непрерывно наступать на них. 10. Разумные доводы его легко были приняты, и Александр решил дожидаться врага среди горных теснин.

11. В армии Александра был перс по имени Сисен, когда-то присланный царю Филиппу правителем Египта; получив дары и почести всякого рода, он променял родину на изгнание, последовал за Александром в Азию и значился среди его верных друзей. 12. Именно ему солдат-критянин передал письмо, запечатанное перстнем с незнакомой ему печатью. Это письмо прислал полководец Дария Набарзан, убеждая Сисена сделать что-либо достойное его происхождения и нрава, чтобы заслужить почет у Дария. 13. Это письмо ни в чем не повинный Сисен часто пытался передать Александру, но видя, что царь занят разными заботами и приготовлениями к войне, дожидаясь удобного случая, и это усиливало подозрение, что он замышляет преступление. 14. Ибо письмо еще ранее попало в руки Александра, который, прочитав его и запечатав незнакомым Сисену перстнем, велел отдать его персу, чтобы испытать верность варвара. 15. Но так как последний не приближался к Александру несколько дней, решили, что он скрыл письмо с преступной целью; в ходе он был убит критянами, без сомнения, по приказу царя.

1. Греческие воины, полученные Тимодом от Фарнабаза, главная и почти единственная надежда Дария, пришли наконец к нему. 2. Они усиленно уговаривали его вернуться на просторные равнины Месопотамии или, если он это отвергнет, по крайней мере разделить свои несметные силы и не допускать, чтобы вся армия его зависела от одного удара судьбы. 3. Этот совет был не так неприятен царю, как его придворным: они утверждали, что здесь отражена сомнительная верность и купленное за деньги предательство: разделить армию Дарию предлагается для того, чтобы сами греки могли разойтись в разных направлениях и выдать Александру данные им поручения; 4. Благоразумнее всего окружить их всем войском, засыпать стрелами и тем доказать, что предательство не остается безнаказанным. 5. Но Дарий, человек справедливый и мягкого характера, заявил, что не совершит такого преступления, как избиение своих солдат, поверивших его слову. Какое племя доверит ему после этого свою судьбу, если он обагрит руки кровью стольких солдат? 6. Никого нельзя карать смертью за нелепый совет, ведь никто тогда не решится давать советы, если это будет связано с опасностью. В конце концов их самих он ежедневно приглашает на совещания, и они высказывают разные мнения, однако он не считает того, кто высказал более разумный совет, человеком, стоящим и большего доверия. 7. Итак, он приказал сообщить грекам, что благодарит за их расположение, но если бы он стал отступать, то ему, конечно, пришлось бы отдать свое царство врагу. Исход войны зависит от воинской славы, а о том, кто отступает, думают, что он убегает. 8. Едва ли есть причины затягивать войну; приближается зима, и для его большой армии может не хватить припасов в местности, которую по очереди разоряли свои и враги. 9. Да и сохраняя обычай предков, он не может разделить свою армию, так как персы всегда бросали в решительный бой все свои силы. 10. И боги свидетели, что Александр, царь прежде грозный, а из-за его отсутствия вознесшийся в суетной самоуверенности, теперь, узнав о его приближении, смел безрассудство на осгорюжность и спрятался в горных ущельях, подобно мелкому зверю, который, услышав шаги путника, скрывается в лесной поре. 11. Теперь он обманывает своих воинов, притворяясь больным. Но он, Дарий, больше не даст ему избежать столкновения: в той же тесноте, куда спрятались трусы, он перебьет всех уклоняющихся от сражения. Но он не оправдал этих хвастливых слов. 12. Впрочем, отослав все свои деньги и самые большие драгоценности с небольшим отрядом солдат в Дамаск и Сирию, Дарий повел остальных в Киликию; его мать и жена по отеческому обычаю следовали за армией; его незамужние дочери и маленький сын тоже сопровождали отца. 13. Случилось так, что в одну и ту же ночь Александр подошел к прохо-

ду, ведущему в Сирию, а Дарий — к месту, называемому Аманские ворота. 14. Персы не сомневались, что македонцы бежали, покинув взятый ими Иес, потому что они захватили несколько больных и раненых, которые не могли следовать за своим войском. 15. У них у всех по подстрекательству придворных с варварской жестокостью отрезали и прижгли руки, и Дарий приказал провести их по стану, чтобы они видели его армию и, осмотрев достаточно все, могли рассказать своему царю о виденном. 16. Затем Дарий снялся с лагеря и перешел реку Пинар, намереваясь преследовать по пятам предполагаемых беглецов. Но те, у кого отрезали руки, проникают в лагерь македонцев и сообщают, что за ними следует Дарий со всей доступной ему быстротой. 17. Им с трудом поверили: поэтому Александр приказал разведчикам разузнать в приморских областях, едет ли сам Дарий или кто-либо из его полководцев заставил подумать, что приближается вся армия. 18. Но когда разведчики возвращались, вдали уже показалось множество людей. Затем на полях зажглись огни, и казалось, что все охва-

Голова Александра

чего сплошным пожаром, так как беспорядочная толпа из-за большого количества выючных животных поставила шатры просторнее, чем обычно. 19. Тогда Александр приказал своим людям разбить лагерь на том месте, где они стояли, радуясь, что по всем его молитвам сражение произойдет именно в этих теснинах. 20. Впрочем, как всегда бывает, когда наступил решительный момент, его уверенность сменилась беспокойством. Он боялся той самой судьбы, по милости которой он имел столько успехов, и от мысли о ее благодетелях, он, вполне естественно, перешел к мысли об ее изменчивости: ведь только одна ночь оставалась до исхода великого столкновения. 21. С другой стороны, он убеждал себя, что ожидаемая награда больше, чем опасность, и что хотя нет твердой уверенности в его победе, но известно одно: что он погибнет храбро и с великой славой. 22. Поэтому он приказал солдатам подкрепиться и быть готовыми и вооруженными к третьей смене караула. Сам он поднялся на вершину высокой горы и при свете множества факелов принес по обычаю пред-

ков жертву богам — хранителям места. 23. Солдаты же, предупрежденные заранее и готовые к походу и к сражению, как только услышали третий трубный сигнал, бодро выступили по команде и к рассвету подошли к теснине, которую решено было занять.

24. Посланные вперед донесли, что Дарий находится на расстоянии 30 стадиев. Тогда Александр приказывает войску остановиться и, вооружившись сам, строит его для сражения. Перепуганные поселяне сообщили Дарию о приближении врага. Но ему не верилось, что преследуемые им беглецы идут ему навстречу. 25. Поэтому немалый страх охватил всех, кто подготовился больше к походу, чем к сражению, и все поспешно начали вооружаться. Но fama суэта бегавших по лагерю и созывавших своих товарищей внушала еще больший страх. 26. Некоторые поднялись на горы, чтобы оттуда увидеть приближающихся врагов, многие взнуздывали коней. Армия, беспорядочная и лишенная единого командования, пришла в полное смятение.

Сначала Дарий решил занять частью своих сил горные вершины, чтобы окружить врага спереди и сзади, а там, где море прикрывало его правый фланг, бросить в бой остальные силы и теснить врага со всех сторон. 28. Кроме того, вперед были посланы с отрядом лучников 20 тысяч пехоты, чтобы, перейдя реку Пинар, протекавшую между двумя армиями, выйти навстречу македонцам; если им не удалось это сделать, они должны были отступить в горы и тайно зайти в тыл врага.

Но судьба сильнее всех расчетов; она опрокинула этот выверенный план. Одни от страха не отважились выполнить приказ, другие же напрасно пытались это сделать, ибо там, где распадаются части, рушится и целое.

ГЛАВА 9

1. Армия Дария построилась следующим образом: Набарзан с кавалерией и примерно 20 тысяч пращников и лучников охраняли правый фланг. 2. Там же находился Тимод во главе 40 тысяч наемных греков-пехотинцев. Это, без сомнения, был цвет войска, по силе равный македонской фаланге. 3. На левом фланге находился фессалиец Аристомед с 20 тысячами варварских пехотинцев. В резерве поместили наиболее воинственные отряды. 4. Сам царь думал сражаться на этом же фланге; его сопровождали 3 тысячи отборной конницы — его обычная охрана — и 40 тысяч пехоты. 5. За ними стояла гирканская и мидийская конница, а за нею — всадники остальных племен с правой и левой ее сторон. Перед этим строем, поставленным как указано, стояли 6 тысяч копейщиков и пращников. 6. Все тесное пространство, где только можно было стать, было заполнено войсками Дария, один фланг которого упирался в горы, другой — в море. Жену и мать Дария и остальных женщин поместили в центре. 7. Александр поставил впереди сильнейшую

часть македонской армии — фалангу. Никанор, сын Пармениона, охранял правый фланг. Рядом с ним стояли Кен, Пердикка, Мелеагр, Птоломей и Аминта, каждый во главе своего войска. 8. На левом фланге, достигавшем морского берега, были Кратер и Парменион, но Кратеру было приказано повиноваться Пармениону; конница была поставлена на обоих флангах: на правом македонская вместе с фессалийской, на левом — пелопоннесская. 9. Перед этим строем Александр поместил отряд пращников, смешанных с лучниками: впереди шли фракийцы и критяне, вооруженные также легко. 10. Но против тех, кого Дарий послал вперед занять горный хребет, Александр поставил агриан, недавно приведенных из Греции. Пармениону же он приказал насколько возможно растянуть свое войско к морю, чтобы находиться дальше от занятых варварами гор. 11. Но варвары, не посмевшие ни сразиться с подступившими македонцами, ни окружить их, когда они прошли, бежали, особенно испугавшись вида пращников, и это укрепило фланг войска Александра, опасавшегося нападения на него сверху. 12. Македонцы шли по 32 человека в ряд, так как узкое место не давало возможности больше развернуть строй. Но постепенно горные ущелья стали расширяться, пространства стало больше, так что не только пехота смогла наступать более широким строем, но и конница — прикрывать ее с флангов.

ГЛАВА 10

1. Обе армии уже видели друг друга, хотя и были на расстоянии, недостижимом для копья. Тогда персы передних рядов подняли нестройный дикий крик. 2. И македонцы ответили им криком, не соответствовавшим их численности, ибо им отвечало эхо с горных вершин и из глубин лесов: ведь окружающие нас скалы и дубравы всегда с удвоенной силой отражают каждый воспринятый ими звук. 3. Александр шел перед знаменами, то и дело жестом руки удерживая своих людей, чтобы они в возбуждении, запыхавшись от поспешного хода, не бросались в бой с излишней горячностью. 4. Объезжая ряды, он обращался к воинам с разными речами, соответственно чувствам каждого Македонца, победителям в стольких войнах в Европе, отправившимся не только по его, но и по своей воле покорять Азию и самые дальние страны Востока, он напомнил об их древней доблести. 5. Они, мол, прошедшие по всему миру в пределах пути Геркулеса и Отца Либеры, покорят себе не только персов, но и все остальные народы: Бактрия и Индия станут македонскими провинциями. Те, что они видят теперь, — это наименьшая часть их добычи; победа откроет перед ними все. 6. Их уделом будет не бесплодный труд на крутых скалах Иллирии и камнях Фракии, но весь Восток станет их добычей. Им почти не понадобятся мечи: всю вражескую армию, дрожащую от страха, они смогут отогнать щитами. 7. Он призвал в свидетеле-

ли своего отца Филиппа, победителя афинян, и напомнил воинам, как была покорена Беотия и сравнен с землей ее славнейший город. Он говорил то о реке Гранике, то о том, сколь много городов было ими взято или сдано на милость победителя, и напомнил воинам, что все находящееся позади них покорено ими и повержено к их ногам. 8. Обращаясь к грекам, он напомнил им, что война против Греции была начата народами Персии сначала по дерзости Дария, а затем Ксеркса, потребовавших от них земли и воды, чтобы не оставить сдавшимся ни глотка из их источников, ни привычного куска хлеба. 9. Дважды были разрушены и сожжены греческие храмы, осаждался города и нарушались все божеские и человеческие законы. 10. Иллирийцам же и фракийцам, привыкшим жить грабежом, он приказывал смотреть на вражеское войско, сверкающее золотом и пурпуром, несущее на себе добычу, а не оружие; пусть они, как мужи, отнимут золото у этих по-женски слабых народов и обменяют свои голые скалы, промерзшие от вечного холода, на богатые поля и луга персов.

ГЛАВА 11

1. Враги уже подошли друг к другу на расстояние полета стрелы, когда персидская конница яростно устремилась на левый фланг неприятеля; Дарий хотел решить исход боя конницей, считая, что самая сильная часть македонского войска — фланга, и он начал уже окружать правый фланг Александра. Когда македонец заметил это, он приказал двум отрядам конницы оставаться на горах, а остальные решительно направил в самое опасное место сражения. 3. Затем он увел с линии сражения фессалийскую конницу и приказал ее командиру немедленно позади своих пробраться к Пармеиону и немедленно оповестить, что тот прикажет. 4. Ворвавшись в самую гущу персов, окруженные ими со всех сторон македонцы героически выжидали, но сжатые в кучу и притиснутые друг к другу, они не могли размахнуться, и копья, одновременно пушенные в одну цель, сталкивались и падали так, что немногие из них попадали во врагов, нанося им слабые и неопасные удары, большинство же без всякой пользы падало на землю. Принужденные сражаться врукопашную, воины тотчас же схватывались за мечи. 5. Тогда произошло великое кровопролитие: обе армии находились так близко одна от другой, что щиты ударялись о щиты и клинки мечей упирались во врагов. Ни слабые, ни трусливые не могли уйти; все сражалось лицом к лицу, как в единоборстве, твердо стояли на одном месте и открывали себе путь только победой. 6. Ведь они продвигались, только опрокинув врага. Но уставшим приходилось биться все с новыми и новыми противниками, и раненые не могли, как это обычно бывает, уйти с поля боя, так как спереди теснил их враг, сзади наседали свое же войско. 7. Александр сражался не столько как пол-

ководец, сколько как солдат, стремясь прославиться убийством Дария, ибо Дарий стоял, возвышаясь на своей колеснице, и побуждал своих воинов защищать его, а врагов — нападать на него. 8. Поэтому брат его Оксатр, увидев, что Александр бросился к царю, поставил конницу, которой он командовал, перед самой колесницей Дария. Оксатр выделялся своим вооружением и физической силой, был храбр и предан царю, как немногие. Прославился он и в этой битве: наступавших слишком неосторожно он убивал, а других обращал в бегство.

Александр в битве при Иссе. Мозаика из Помпеи

9. Но македонцы, стоявшие рядом с Александром, ободряя друг друга, во главе с ним самим ворвались в середину персидской конницы. Избиение врага походило на его полный разгром. Вокруг колесницы Дария лежали его самые славные полководцы, почетно погибшие на глазах своего царя, все они лежали ничком, так как пали, сражаясь и получив раны в грудь. 10. Среди них узнали Атизия, Реомитра и правителя Египта Сабакка, командиров больших армий; вокруг них грудой лежали тела неизвестных всадников и пехотинцев. У македонцев тоже были убитые, хотя и немного, очень храбрые мужи; сам Александр был легко ранен мечом в правое бедро. 11. Кони, запряженные в колесницу Дария, исколотые копьями и взбесившиеся от боли, рвались из упряжи, сбрасывая царя с колесницы. Тогда он опасаясь попасть живым в руки врага, соскочил с нее и был посажен на приготовленного для такого случая коня, позорно бросив знаки царского достоинства, чтобы они не выдали его во время бегства. 12. Остальные рассыпались в страхе и бежали, кто куда мог, бросая оружие, которое они только что взяли, чтобы защищаться; так паника заставляет бояться даже средства помощи. 13. Конница, высланная Парменионом, преследовала бегущих по пятам, и случайное бегство привело все именно на его фланг. 14. На правом же фланге персы сильно теснили фессалийскую конницу, и один отряд был уже рассеян их натиском. Тогда фессалийцы, ловко повернув коней, возвратились в сражение и учинили большое побоище варварам, настолько уверенным в победе, что они уже рассеялись и сами расстроили свои ряды. 15. Кони и всадники персов в равной мере были отягощены пластиночными панцирями и с трудом двигались в этом сражении, где главным была быстрота, так

что фессалийцы на своих конях окружили их и брали в плен
своих. 16. Когда Александру сообщили об этой удаче, он,
еще не осмеливавшийся преследовать варваров, теперь, по-
явив на обоих флангах, стал гнать бегущих. 17. Царя сопро-
вждало не более тысяч всадников, огромное множество врагов
стояло. Но кто считает войско в час победы или бегства?
Овцы, как овцы, бежали от столько немногочисленных вра-
гов, что тот же страх, который заставлял их бежать, сковывал
и их движения. 18. Греки же, сражавшиеся на стороне
Дария во главе с Аминтой (он был полководцем Александра,
раньше стал перебежчиком), ускользнули, отделившись от
них, но это не было бегством. 19. Варвары бежали в разных
направлениях: кто по дороге, прямо ведущей в Персию, кто
по горным путям в горы и в потайные их ущелья, лишь не-
которые — в лагерь Дария. 20. Но и в этот богатый всевозмож-
ными предметами роскоши лагерь уже ворвались победители.
СOLDАТЫ захватили много золота и серебра, предметов не воо-
ружения, а роскоши, и так как они набрали больше, чем могли
принести, дороги были усыпаны менее ценными трофеями, кото-
рыми жадность пренебрегла, поскольку другие были дороже.
Обравшись до женщин, они срывали с них украшения тем
жаднее, чем они были богаче; насилие и похоть не щадили и
детей. 22. Лагерь наполнился шумом и криком разного рода,
и никакая опасность не выпала судьба, и не была упущена ни одна воз-
можность проявить жестокость, так как необузданная ярость
победителей не щадила ни возраста, ни сословия. 23. Тогда
очевидно можно было увидеть пример превратности Фор-
туны, ибо те, которые раньше украшали собой шатер Дария,
наполненный предметами роскоши и богатства, охраняли его те-
перь для Александра, словно он был его старым хозяином.
Иногда солдаты не тронули его только потому, что существовал
обычай, чтобы побежденные встречали победителя в царском
лагере. 24. Но все взоры и общее внимание обратили на себя
женщины мать и жена Дария: первая внушала уважение не
только своей судьбой, но и возрастом, вторая — своей красо-
той, не помраченной даже в ее положении. Она держала на
руках сына, еще не достигшего 6 лет, рожденного для столь же
судливой судьбы, как та, которую только что потерял его
отец. 25. А на груди старой бабушки лежали две взрослые де-
вочки, ее внуки, подавленные скорбью не столько за себя,
сколько за нее. Вокруг них стояла большая толпа знатных жен-
щин, с распущенными волосами, в разорванных одеждах, за-
бывших о своем прежнем достоинстве, величавших своих царей
и владычич их истинными титулами, утратившими теперь
значение. 26. Те же, забыв о своем несчастье, спрашивали,
на каком фланге был Дарий, каков был исход сражения: они
не считали себя пленницами, пока был жив Дарий. А он, часто
меняя лошадей, бежал и находился уже очень далеко.
27. В этом сражении было убито 100 тысяч персидских пехотин-

дев и 10 тысяч всадников. На стороне Александра было 504 раненых, недоставало всего тридцати двух пехотинцев и погибло 150 всадников. Столь легкой ценой досталась эта великая победа.

ГЛАВА 12

1. Царь, утомившись преследовать Дария, когда исчезла надежда догнать его и приблизилась ночь, направился в лагерь, недавно захваченный его войсками. 2. Здесь он приказал созвать своих самых близких друзей, так как царалина на бедре не мешала ему участвовать в пиршестве. Но внезапно горестные возгласы с воплями и причитаниями, по восточному обычаю, донеслись из соседней палатки и встревожили пирующих. 3. Когорта же, охранявшая шатер царя, опасаясь начала какого-нибудь беспорядка, стала вооружаться. 4. Причиной этой внезапной тревоги было то, что мать и жена Дария вместе с пленными знатными женщинами с криком и рыданиями оплакивали, как они думали, убитого Дария. 5. Случайно оказавшийся у палатки женщин один пленный евнух увидал в чьих-то руках плащ, брошенный Дарием, чтобы не быть узнанным во время бегства, как об этом было сказано выше. Думая, что плащ снят с мертвого Дария, он и принес это ложное известие. 6. Говорят, что Александр, услышав об этом заблуждении женщин, прослезился над судьбой Дария и любовью к нему его семьи. 7. Сначала он приказал владевшему персидским языком Митрену, сдавшему Сарды, пойти и утешить женщин, но затем, опасаясь, что вид предателя усилит гнев и боль пленниц, он послал Леонната, из своих приближенных, сообщить женщинам, что они по ошибке оплакивают живого. Леоннат с несколькими оруженосцами вошел в палатку женщин и приказал объявить им, что он послан царем. 8. Но находившиеся у входа люди, увидев вооруженных воинов, подумали, что их господам пришел последний час, и вбежали в палатку, крича, что идут воины убивать пленниц. 8. Женщины не могли этому помешать, но и не решались допустить пришедших и в молчании ожидали свершения воли победителя. 10. Леоннат, долгое время ожидавший приглашения войти, оставил своих спутников у входа и, так как никто не решался выйти к нему, сам вошел в палатку. Этот поступок перепугал женщин: им казалось, будто Леоннат ворвался к ним в палатку, а не вошел по приглашению. 11. Поэтому мать и жена Дария, бросившись к ногам Леонната, стали умолять разрешить им, прежде чем их убьют, похоронить прах Дария по их обычаям. Они, мол, готовы встретить смерть после того, как отдадут последний долг царю. 12. Леоннат сказал им, что Дарий жив, что их никто не тронет и они будут по-прежнему царицами и сохранят все знаки своего достоинства. Только тогда мать Дария позволила подняться себя. 13. На следующий день Александр, с почетом похоронив найденные тела воинов, велел оказать такие же почести знат-

нейшим персам и предоставил матери Дария похоронить по обычаям их страны кого она пожелает. 14. Она приказала похоронить некоторых из ее ближайших родственников, считая подобно с новым положением вещей, что обычные у персов торжественные похороны неуместны, когда победители сожгли прах своих товарищей без всякой пышности. 15. И теперь, отдав последний долг погибшим, Александр послал известить пленниц, что сам идет к ним, и, отпустив сопровождавших его, вошел в палатку с Гестеционом. 16. Это был самый любимый из друзей царя, выросший вместе с ним, поверенный всех его тайн, имевший больше других право подавать советы царю. Но этим правом он пользовался так, что казалось, будто он делает это по желанию царя, а не в силу своих притязаний. Будучи ровесником царя, он превосходил его ростом. 17. Поэтому царицы, приняв его за царя, выразили ему покорность по своему обычаю. Когда некоторые из пленных евнухов указали им, кто Александр, Сисигамбис обняла его ноги, прося прощения за то, что она не узнала царя, которого никогда прежде не видела. Царь, взяв ее за руку, помог ей подняться и сказал: «Ты не ошиблась, мать; и этот человек — Александр». 18. Я склонен думать, что если бы он сохранил эту скромность души до конца жизни, это принесло бы ему больше счастья, чем то триумфальное шествие, в котором он, подражая Отцу Либеру, прошел как победитель по всем странам, от Геллеспонта до Океана. 19. Тогда он, конечно, умел бы подавлять в себе свои неодолимые пороки, гнев и гордыню, не стал бы убивать друзей на пирах и не осуждал бы на смерть без разбора людей, выходящих в военном деле и вместе с ним покоривших столько народов. 20. В то время удача еще не помрачила его духа: приняв ее в начале очень скромно и мудро, он в конце концов не выдержал ее величия. 21. Он вел себя тогда так, что превзошел сдержанностью и милосердием всех прежних царей. К царственным девушкам изумительной красоты он относился с таким уважением, как к своим единокровным сестрам. 22. Жену Дария, с которой не могла сравниться красотой ни одна женщина того времени, он не только не обидел сам, но и позаботился о том, чтобы никто не смел прикоснуться к пленнице. 23. Он приказал возвратить женщинам все их драгоценности, и они, как и прежде, ни в чем не испытывали недостатка, кроме чувства свободы. 24. Тогда Сисигамбис сказала: «О царь, ты достоин того, чтобы мы возносили за тебя те же молитвы, которые возносили за нашего Дария, так как ты превзошел столь великого царя не только счастьем, но и справедливостью. 25. Ты называешь меня матерью и царицей, а я признаю себя только твоей служанкой. Я могу подняться до высоты моего прежнего положения и могу перенести тяжесть нынешнего. Но для тебя важно, чтобы ты в обращении с нами прославился больше милосердием, чем жестокостью». 26. Александр, ободлив женщину, взял на руки сына Дария и, ребенок, совсем не испугав-

шись человека, которого видел впервые, обхватил шею Александра руками. Тронутый доверчивостью ребенка, царь сказал Гефестиону: «Как бы я хотел, чтобы Дарий имел хоть немного такого характера». 27. Выйдя с этими словами из палатки, Александр воздвиг три алтаря: Юпитеру, Геркулесу и Минерве — на берегу реки Пинара и направился в Сирию, послав Пармениона вперед в Дамаск, где находилась сокровищница царя.

ГЛАВА 13

1. Парменион же, узнав, что его опередил сатрап Дария, и опасаясь, что малочисленность его людей вызовет у неприятеля презрение, решил призвать к себе подкрепление. 2. Но в руки высланных Парменионом разведчиков случайно попал мард; приведенный к Пармениону, он передал ему письмо, посланное Александру правителем Дамаска, добавив, что не сомневается в том, что правитель передаст Александру все сокровища и деньги царя. 3. Парменион, приказав взять марда под стражу, вскрыл письмо, в котором было написано, чтобы Александр поспешил прислать одного из своих полководцев с небольшим отрядом, чтобы он мог передать ему то, что Дарий поручил ему охранять. Узнав, в чем дело, Парменион послал марда с несколькими спутниками обратно к предателю. По дороге мард вырвался из рук своей стражи и до рассвета прибыл в Дамаск. 4. Это очень обеспокоило Пармениона, опасавшегося засады, и он не осмелился идти по незнакомому пути без проводника. Однако, веря в счастье своего царя, он приказал захватить нескольких поселян, чтобы они показывали путь. Поспешно были найдены проводники, и он прибыл на четвертый день в город, где правитель уже опасался, что ему не оказали доверия. 5. Будто не полагаясь на городские укрепления, правитель распорядился вынести из города до восхода солнца все деньги царя, называемые персами сокровищем, и самые большие драгоценности; он для вида готовился к бегству, на самом деле намереваясь передать сокровища врагу как добычу. 6. Когда он покидал город, за ним шло много тысяч мужчин и женщин — толпа, способная возбудить сочувствие у всех, кроме человека, верности которого она была поручена. Чтобы повысить цену своего предательства, правитель готовился выдать врагу добычу дороже всяких денег: людей высокого рода, жен и детей полководцев Дария и, кроме того, посланцев греческих городов, которых Дарий оставил в руках у предателя, как в самом опасном месте. 7. Персы называют людей, переносящих тяжести на своих плечах, «гангабами». Так вот, эти люди не смогли вынести холода, когда во время бури внезапно пошел снег и землю сковало льдом; они надели пурпурные с золотом одежды, которые несли вместе с деньгами, и никто не посмел остановить их, так как судьба Дария освободила от страха перед ним даже людей самого низкого положения. 8. Пармениону они

показались армией, которой не стоит пренебрегать; он ободряет своих людей немногими, но особенно вескими словами, как перед настоящим сражением, и приказывает им, пришпорив коней, внезапно напасть на врага. 9. Но носильщики, побросав свою ношу, в ужасе пускаются бежать; по этой же причине сопровождавшие их вооруженные воины стали бросать оружие и прятаться в известных им укрытиях. 10. Префект, делая вид, что он сам в страхе, вызвал общую панику. По полям были разбросаны богатства царя, деньги, предназначенные для оплаты огромной армии, платья и украшения стольких знатных людей и благородных женщин, золотые сосуды, золотая сбруя, палатки, украшенные с царской роскошью, повозки, покинутые их владельцами и наполненные огромными богатствами. Печальная картина даже для грабителя, если что-либо препятствует удовлетворению его алчности. 11. Столь невероятное и несметное богатство, накопленное в течение стольких лет, теперь частью было изодрано ветвями кустарников, частью втоптанно в грязь; у грабителей не хватало рук, чтобы подобрать добычу. 12. Наконец добрались до тех, кто бежал первыми: много женщин тащили своих детей следом за собой. Среди них были три дочери Оха, царствовавшего перед Дарием; в свое время они из-за перемены обстоятельств потеряли высокое положение, как дочери своего отца, но судьбе было угодно уготовить им еще более жестокую участь. 13. В этой же толпе была жена названного выше Оха, также и дочь Оксатра, брата Дария, и жена главы царских приближенных Артабаза с его сыном по имени Илионей. 14. Были взяты в плен также жена Фарнабаза, которому Дарий поручил верховное командование на морском берегу, вместе с ее сыном, три дочери Ментора и жена и сын славного полководца Мемнона; едва ли какая-нибудь семья вельможи избежала столь печальной участи. 15. Вместе с ними были захвачены спартанцы и афиняне, которые, нарушив обязательства союзников, присоединились к персам; Аристокитон, Дронида и Ификрат, славнейшие по рождению и влиянию афиняне, и известные у себя на родине спартанцы Павсипп и Ономасторид с Монимом и Калликратидом. 16. Всего чеканной монеты было захвачено на 2600 талантов, а серебряных изделий на 500 фунтов весом. Кроме этого были взяты 30 тысяч пленных и 7 тысяч вьючных животных, тащивших поклажу. 17. Впрочем, боги вскоре послали предателю столь великой судьбы должное наказание. Один из его соучастников, несомненно, из чувства преданности царю даже в его несчастной судьбе принес Дарию голову убитого предателя: слабое возмещение преданному! Так отомстил Дарий своему врагу и вместе с тем убедился, что не во всех заглохла память о его величии.

КНИГА IV

ГЛАВА I

1. А Дарий, царь, еще недавно обладавший столь многочисленным войском, вступивший в сражение на колеснице, не столько борясь за победу, сколько торжествуя ее, теперь спасался бегством по полям, еще недавно заполненным его бесчисленными войсками, а теперь обезлюдившим и ставшим обширной пустыней. 2. Немногие следовали за ним, ибо не все персы бежали по одному пути и из-за недостатка лошадей не могли поспевать за царем, менявшим лошадей. 3. Наконец царь прибыл в Онхи, где его поджидали 4 тысячи греков, вместе с ними он поспешил к Евфрату, считая, что ему будет принадлежать только то, что он успеет захватить при быстром продвижении.

4. Александр же приказал Пармениону тщательно стеречь пленников и добычу, также захваченную им в Дамаске, и назначил его правителем Сирии, которую называют Келесирия. 5. Сирийцы, еще не совсем ослабленные военными поражениями, относились к новой власти с пренебрежением; но быстро усмирившись, они покорно стали исполнять ее приказания. 6. Сдался царю также остров Арад. Приморской полосой и землями, дальше отстоявшимися от моря, владел тогда царь этого острова Стратон. Приняв от него выражение покорности, царь передвинул свой стан к городу Марату.

7. Там ему вручают письмо Дария, вызвавшее сильное его раздражение своим заносчивым тоном; особенно его возмутило, что Дарий приписал себе царский титул, но не прибавил его к имени Александра. 8. Он не столько просил, сколько требовал, чтобы Александр, приняв от него столько денег, сколько мог бы собрать со всей Македонии, вернул ему мать, жену и детей и чтобы, если хочет, на равных условиях сразился с ним за царство. 9. Если, мол, он способен выслушать разумный совет, то пусть довольствуется отцовским царством и отступит от чужих пределов, пусть будет союзником и другом: в этом он готов и сам дать ему клятву верности и принять ее от него.

10. В ответ Александр написал ему в следующем тоне: «Царь Александр Дарию. Дарий, имя которого ты принял, во всяческих битвах разорил греков, занимающих берег Геллеспонта и ионические колонии, а затем объявив войну Македонии и Греции, с большим войском переправился через море. 11. Потом пришел Ксеркс, принадлежащий к тому же роду, для завоевания нашей страны с полчищами грубых варваров; потерпев поражение в морской битве, он все же оставил в Греции Мардония, чтобы и в свое отсутствие разорять города и выжигать поля. 12. Кто не знает, что родитель мой Филипп был убит людьми, которых вы соблазнили надеждой получить огромные деньги? Вы затеваете нечестивые войны и хотя имеете оружие, покупаете за деньги головы ваших врагов, как и ты, царь тако-

войска, хотел недавно нанять убийцу против меня за тысячу талантов. 13. Я обороняюсь от войны, а не иду войной. Да и боги поддерживают правую сторону: большую часть Азии я подчинил моей власти, тебя самого победил в бою. И хотя не следовало бы тебе, не признающему за мной даже прав войны, почитать от меня никакого снисхождения, все же обещаю тебе, что если ты придешь ко мне с покорностью, получишь без выкупа и мать, и жену, и детей. Я умею побеждать и щадить покоренных. 14. А если ты боишься довериться мне, то я обещаю тебе, что ты придешь в безопасности. Кроме того, когда будешь мне писать, не забудь, что ты пишешь не просто царю, а своему царю».

15. Для передачи этого письма был послан Терсипп. Сам Александр спустился в Финикию, где ему на милость сдался город Библ; оттуда он подошел к Сидону, известному своей древностью и славой своих основателей. 16. Царствовал в нем Стратон, поддерживаемый Дарием, и так как он сдал город на милость Александру не столько по своей воле, как по воле народа, он был признан недостойным царской власти; было поручено Гефестиону поставить там царем человека из сидонцев, которого он признает достойнейшим этого высокого сана. 17. У Гефестиона были там друзья, пользующиеся доброй славой среди юных своих сограждан: но когда им представилась возможность получить царскую власть, они сказали, что по обычаю отцов в этот высокий сан может быть возведен только потомок царского рода. 18. Гефестион был поражен величием духа людей, отвергающих то, чего другие добиваются огнем и мечом, и сказал: «Слава вашей доблести, вы первые поняли, насколько выше услуга отказаться от царской власти, чем принять ее. Укажите же кого-нибудь из царского рода, который бы не забыл, что получил царское достоинство от вас». 19. Они же, видя, что многие питают эти надежды и, чрезмерно домогаясь царской власти, низкопоклонствуют перед друзьями Алексеандра, решили, что нет никого более достойного, чем некий Абдалоним; он связан с царским родом дальним родством, но из-за бедности сам обрабатывает свой скромный пригородный сад. 20. Причиной его бедности, как у большинства, была его честность; занятый повседневным трудом, он и не слышал звона оружия, сотрясавшего всю Азию.

21. Немедленно упомянутые лица с разукрашенной царской одеждой в руках входят в сад, который как раз в то время Абдалоним очищал от сухих трав. 22. Тогда один из них, приветствуя его как царя, сказал: «Тебе придется сменить твою рубашку на одежду, которую ты видишь в моих руках. Омой тело свое, загрязненное в продолжительном труде, проникнись царственным духом, но в новом своем достоинстве, вполне тебе подобающем, сохрани свою скромность. Когда будешь сидеть на царском троне судьей над жизнью и смертью всех граждан, ради Геркулеса, не забудь своего положения, в котором и ради

которого ты принимаешь царство». 23. Все это казалось Абдалониму каким-то сном, потом он стал спрашивать, в здравом ли он уме, раз так жестоко смеются над ним; но когда с него, все еще недоверчивого, снято было рубище и надета была на него одежда, украшенная пурпуром и золотом, и присутствующие принесли ему присягу, то он, как подлинный царь, в сопровождении тех же спутников отправился во дворец.

Монета Филиппа II с изображением Зевса, предка македонских царей

24. Слух об этом, как обычно, быстро облетел весь город; у одних он вызвал сочувствие, у других возмущение; все богачи порицали Абдалонима перед друзьями Александра за бедность и скромное его положение. 25. Александр сейчас же приказал призвать его и долго на него смотрел. «Внешний вид твой, — сказал он, — не противоречит славе твоего рода, но интересно мне знать, герпеливо ли ты переносил свою бедность». Тогда тот ему ответил: «Хорошо будет, если я с такой же твердостью смогу перенести и царскую власть! Свои желания я всегда удовлетворял трудом своих рук; ничего не имея, я никогда ни в чем не нуждался». 26. Александр убедился на основании этих слов Абдалонима в высоких качествах его души; итак, он передал ему не только все царское имущество Стратона, но многое из персидской добычи, кроме того, подчинил его власти и область, прилегающую к городу.

27. Между тем Аминта, о котором мы сказали, что он перешел от Александра к персам, спасся бегством с 4 тысячами греков, последовавших за ним с поля сражения, в Триполис. Оттуда, посадив своих солдат на корабли, он переправился на о. Кипр, полагая, что при данном положении вещей каждый будет обладать на основании бесспорного права лишь тем, что он сам захватит. Он решил захватить Египет; будучи врагом того и другого царя, он всегда подчинялся изменяющимся обстоя-

ствам. 28. Он внушил своим солдатам надежду на успех и убедил их в том, что претор Египта Сабак убит в бою, что персидский гарнизон остался без вождя и слаб, что египтяне всег- были враждебны своим преторам и примут греков не как врагов, а как друзей. 29. Крайняя необходимость заставляла их не испробовать, и так как судьба не осуществила первых ожиданий, будущее казалось более надежным. Итак, солдаты за- начали: пусть ведет их, куда сам знает. Полагая, что надо использовать воодушевление солдат, он проникает в устье Ни- ла, в Пелусий, выдавая себя за посланца Дария. 30. Завладев Пелусием, он продвинул свои войска в Мемфис. Узнав об этом, египтяне, народ пустой и более склонный к переворотам, чем к какому управлению, сбегаются туда из своих деревень и го- в для уничтожения персидских гарнизонов. Персы хоть и пугались, но не потеряли надежду удержать Египет. 31. Аминта, разбив их в сражении, загнал в город, а сам, поставив лагерь, повел своих победителей опустошать поля; все имущество египтян расхищалось, словно предоставленное всем кому угодно. 32. Таким образом, хотя Мазак и знал, что его люди удручены неудачным сражением, все же показал им, как враги бродят по окрестности с беспечностью победителей, и побудил решиться на вы- ход из города и вернуть себе потерянное имущество. 33. Этот замысел оказался и разумным по расчету, и особенно удачным по результату: все враги до одного вместе со своим вождем бы- ли перебиты. Так Аминта заплатил своей жизнью за свою вину перед обоими царями; не больше верности проявил он тому, к которому перебежал, чем к покинутому им.

34. Военачальники Дария, уцелевшие после битвы при Иссе, с своим войском, которое последовало за беглецами, присоеди- нились к нему также молодежь каппадокийцев и пафлагонцев, пы- таясь вернуть Лидию. 35. Во главе Лидии стоял претор Алек- сандр Антигон. Хотя он отправил к царю много войнов из персидских гарнизонов, все же, презирая варваров, повел своих людей в Лидию. Судьба обеих сторон и в этом состязании оказалась одинаково же: персы после трех сражений в разных местах были разбиты. В то же время и флот македонцев, вызванный из Греции, победил Аристомена, посланного Дарием, отвоевать бе- рега Геллеспонта; все его корабли были либо потоплены, либо захвачены в плен. 37. Начальник персидского флота Фарнабаз, собрав деньги с жителей Милета и введя в город Хиос свой гар- низон, напал с сотней кораблей на острова Андрос и Сифнос. Фарнабаз занимает эти острова своими гарнизонами и облагает де- щатом жителей. 38. Широкий размах войны, которая велась между важнейшими царями Европы и Азии за обладание всем миром, заставил взяться за оружие Грецию и Крит. 39. Спар- танский царь Агис, собрав 8 тысяч греков, которые, убежав из Греции, возвращались по домам, начал войну против Анти- гона, префекта Македонии. 40. Критян, примыкавших то к од- ной, то к другой стороне, захватывали то спартанские войска,

то македонские. Но столкновения этих противников носили более легкий характер, в то время как судьба готовила другой главный бой, от которого зависел исход всех остальных.

ГЛАВА 2

1. Уже вся Сирия, а также Финикия, за исключением города Тира, были под властью македонца; царь стоял лагерем на материке, от которого город Тир отделен узким проливом. 2. Тир, выдающийся своими размерами и славой среди всех городов Сирии и Финикии, казалось, охотнее вступил бы с Александром в союз, чем признал бы его власть; поэтому послы города принесли ему в подарок золотой венок, а раньше щедро и гостеприимно снабдили его продовольствием из города. 3. Царь приказал принять от них дары как от друзей и, благосклонно обратившись к ним, сказал, что хочет принести жертву Геркулесу, особенно почитаемому тирийцами; цари македонские, мол, верят, что ведут свой род от этого бога, а ему самому оракулом предписано исполнить это. 4. Послы отвечают ему, что есть храм Геркулеса за чертой города, на месте, называемом Палетир, там царь сможет принести жертву богу по установленному обряду. 5. Тут Александр не сдержал гнева, с которым и обычно не мог совладать. «Так вы, — воскликнул он, — полагаясь на то, что занимаете остров, презираете наше сухопутное войско? Но я скоро покажу вам, что вы живете на материке! Знайте же: или вы впустите меня в город, или я возьму его силой!» 6. С этими словами он отпустил послов. Друзья стали уговаривать тирийцев, чтобы они сами предоставили свободный доступ в город царю, которого приняли и Сирия и Финикия. Но они, достаточно полагаясь на неприступность места, решили выдержать осаду.

7. В самом деле, город отделяется от материка проливом шириной в 4 стадия. Так как пролив обращен в сторону африканского ветра, то по нему часто набегают на берег из открытого моря большие волны. 8. Поэтому именно этот ветер, как ничто другое, препятствовал производству работ, которыми македонцы задумали соединить остров с материком. Ведь большие глыбы камня с трудом можно перевозить даже и при спокойном море; африканский же ветер, вздымая волны, опрокидывал все, что свозили для постройки, да и нет столь крепких скал, которых не разъедали бы волны, то проникающие в скрепления отдельных частей, то при более сильном ветре перекатывающиеся через все сооружение. 9. Кроме того, было и еще не меньшее затруднение: у стены и башен море было очень глубоким; осадочные машины могли действовать только издали, с кораблей. Стенам нельзя было подставить лестницы, отвесная стена у моря преграждала путь пехоте; кораблей у царя не было, если бы он и двинул их, то они по своей неустойчивости не могли быть остановлены метательным оружием. 10. Все это

поддерживало твердость тирийцев, хотя силы их были ничтожны. К ним тогда прибыли послы от карфагян для празднования по обычаю предков священной годовщины; ведь Карфаген основали тирийцы, которые и почитались там всегда как предки. 11. Итак, пунийцы начали убеждать тирийцев мужественно вынести осаду, обещая скорое прибытие помощи из Карфагена, ибо в те времена моря были в значительной мере во власти пунического флота.

12. Итак, решив вести войну, тирийцы расставляют на стенах и башнях метательные снаряды, раздают оружие молодым; ремесленников, которых в городе было множество, распределяют по оружейным мастерским. Все загудело от приготовления к войне: изготовлялись железные багры, называемые гарцагонами, чтобы набрасывать их на сооружения осаждающих, короны и другие приспособления, придуманные для защиты городов. 13. Однако, когда на наковальню положили железо, которое нужно было ковать, и мехи стали раздувать огонь, из-под самого пламени, говорят, потекли ручьи крови; это знамение тирийцы истолковали как угрозу македонцам. 14. Также и у македонцев, когда какой-то солдат стал отламывать хлеб, заметили вытекающие из хлеба капли крови; царь испугался, но опытный прорицатель Аристандр сказал, что если бы кровь потекла снаружи, то это предвещало бы беду македонцам; наоборот, кровь, потекшая изнутри, предвещает гибель города, который царь решил осадить. 15. Так как флот Александра был далеко и он понимал, что продолжительная осада явится для него большим препятствием в осуществлении других его дел, он послал в город вестников склонить тирийцев к миру; но тирийцы, нарушив международное право, убили вестников и бросили в море. Царь, возмущенный таким недостойным убийством своих людей, решил осадить город.

16. Но сначала надо было воздвигнуть мол для соединения города с материком. Воины впали в отчаяние, когда увидели глубокое море, которое можно было забросать камнями разве только силами богов; где найти такие скалы, где такие огромные деревья? Нужно опустошить целые области, чтобы заполнить это пространство, а пролив все время волнуется, и чем сильнее становится между островом и материком, тем сильнее он волнуется. 17. А царь, уже научившийся воздействовать на умы волшебов, объявляет им, что во сне ему явился Геркулес с протянутой вперед рукой, и Александр видел, как он сам вступил в город под его руководством и по открытому им пути. Тут же царь сообщил об убийстве послов, в нарушение международного права, и что Тир — единственный город, осмелившийся затормозить шествие победителя. 18. Затем всем командирам дается приказ воздействовать на своих солдат, и, когда все достаточно подготовилось, приступили к сооружению. Большое количество дмния было под рукой: его предоставляли развалины древнего Тира; лесной материал для плотов и башен подвозился с Ли-

ванских гор. 19. Со дна моря строительство уже поднялось на высоту горы, но еще не доходило до поверхности воды, и чем дальше от берега возводился мол, тем больше глубокое море поглощало все, что насыпалось. 20. А тирийцы, подвезжая на маленьких судах, издевались над тем, что воины, прославившиеся своим оружием, таскают на спине тяжести подобно выючным животным. Они спрашивали их: неужели Александр сильнее Нептуна? Но эти насмешки только поднимали дух воинов.

21. Но вот уже мол стал немного выступать из воды, увеличилась ширина насыпи и приближалась к городу. Тогда тирийцы, увидев большие размеры сооружения, рост которого они раньше не заметили, стали объезжать на легких судах не законченную еще постройку и засыпать копьями воинов, стоявших на месте работы. 22. Когда многие из них были ранены без отщепенца, а ладьи тирийцев легко разворачивались и приставали к месту работ, воины вынуждены были бросать работу, чтобы обороняться. 23. Поэтому царь приказал щитами и плотами защитить сооружающих мол, чтобы оградить их от стрел, и воздвиг две башни на конце мола, с которых можно было обстреливать подплывающие ладьи. 24. Но тирийцы подплывали на своих судах к берегу, скрываясь от неприятеля, высаживались с них и убивали переносивших камни. Также и в Ливанских горах дикие арабы, нападая на отдельных македонцев, почти 30 из них убили, некоторых — в меньшем числе — взяли в плен.

ГЛАВА 3

1. Это обстоятельство принудило Александра разделить войска, а чтобы не казалось, что он бесполезно занят одним городом, он оставил во главе осады Пердикку и Кратера, сам же с отрядом воинов без обоза отправился в Аравию. 2. Тем временем тирийцы снарядили корабль больших размеров, загрузили его со стороны кормы песком и камнем, чтобы нос его сильно поднялся, и обмазав его смолой и серой, погнали на веслах. Когда паруса его надулись от сильного ветра, он быстро подошел к молу; тогда гребцы подожгли его нос, и сами соскочили в следовавшие для этой цели за кораблем ладьи. 3. Пылающий в огне корабль стал распространять пожар на большое расстояние, и, прежде чем можно было принять против него меры, он охватил башни и другие сооружения на краю мола. 4. А моряки, соскочившие в маленькие лодки, добавили к этому еще и факелы и все, что могло служить пищей огню. И вот пожаром были охвачены не только основания башен македонцев, но и верхние ярусы, так что люди, стоявшие на башнях, частью погибали, частью, побросав оружие, прыгали прямо в море. 5. Тирийцы же больше хотели захватить их живьем, а не убивать, поэтому они старались поранить руки плавающих камнями или шестами, пока люди совершенно не измучились и их можно было беспрепятственно вылавливать в лодки. 6. И не только по-

жар разрушил сооружения, но в тот же день случайно усилившийся ветер поднял все море из глубин на мол; от частых ударов волн разошлись все скрепы сооружения, и вода, обтекая камни, прорвала мол посередине. 7. Когда груды камней, на которых держалась насыпь земли, оказались размытыми, вся громада рухнула в глубины моря, так что вернувшийся из Аравии Александр едва нашел кое-какие следы от мола. 8. Тут, как обычно при неудачах, каждый стал возлагать вину на другого, в то время как правильнее было бы всем жаловаться на суровость моря.

Царь начал сооружать новый мол, но не боком к направлению ветра, а прямо напротив, что создавало заслон для других работ, как бы укрытых им; он увеличил и ширину насыпи, чтобы башни, поставленные посередине мола, были недосыгаемы для копий. 9. Бросали в море целые деревья с огромными ветвями, сверху заваливали их камнями, потом опять валили деревья и засыпали их землей; на все это накладывали новые слои деревьев и камней и таким образом скрепляли все сооружение как бы непрерывной связью. Но и тирийцы усердно создавали все, что можно было придумать для затруднения этих работ. 10. Больше всего им помогало следующее: они, укрываясь от неприятеля, незаметно скользя по воде, проникали до самого мола, зацеплялись крюками за торчащие из воды ветви деревьев, тянули их на себя; если они подавались, они увлекали за собой в глубину моря много другого материала: затем без труда сдвигали освободившиеся от нагрузки стволы и ветви деревьев, а при разрушении основания и все сооружение, державшееся на раскидистых ветвях деревьев, рушилось вслед за ним. 11. Но к Александру, уже упавшему было духом и не знавшему, продолжать ему осаду или удалиться, подошел флот с острова Кипра и вместе с ним Клеандр, недавно прибывший в Азию с греческими солдатами. Флот в 190 кораблей Александр разделил на два фланга: левым командовал кипрский царь Пифагор с Крагером; на правом был на царской квинквереме сам Александр. 12. Тирийцы хотя и имели флот, не решались вступить в морской бой, они выставили перед стенами только три корабля, которые царь, налетев на них, потопил.

13. На следующий день, подведя флот к стенам города, царь стал со всех сторон сотрясать стены ударами метательных орудий, и особенно таранов; но тирийцы поспешно засыпали пробоины камнями; со всех сторон они начали также воздвигать вторую внутреннюю стену, чтобы укрыться за ней, если не выдержит осады наружная. 14. Однако беда надвигалась на них со всех сторон: мол достиг расстояния ближе полета копья, и флот окружил их стены; на них обрушились силы как сухопутные, так и морские. Македонцы связывали свои квадриемы по две, так что носы их соприкасались, а кормы расходились между собой насколько возможно. 15. Все расстояние между кормами кораблей они заполняли снастями с привязанными к ним креп-

кими бревнами, на которые настилали мост, способный выдержать тяжесть солдат; оборудованные таким образом квадриremы они подводили к городу, с них в безопасности метали стрелы в защитников стен, так как воины были прикрыты носовыми частями. 16. Была глубокая ночь, и царь отдает приказ флоту, построенному указанным способом, окружить город, и уже корабли со всех сторон приближались к городу, и тирийцы уже впали в полное отчаяние, как вдруг черные тучи заволкли все небо и густой мрак затмил остатки света. 17. Тогда беспокойное море стало подниматься, потом при усилившемся ветре по нему пошли валы, и связанные корабли ударялись друг о друга; потом скрепы, соединявшие квадриremы, начали разрываться, палубный настил ломался и со страшным шумом вместе с воинами рушился в морскую глубину. 18. При бурном море никак нельзя было управлять связанными кораблями, солдаты мешали матросам, гребцы не давали действовать солдатам, и, что часто бывает в таких случаях, люди опытные подчинялись неопытным: кормчие, привыкшие по-другому управлять кораблем, теперь под страхом смерти исполняли чужие приказания. Наконец море, настойчиво разрезаемое веслами, уступило морякам, как бы вырвавшим у него свои корабли; суда достигли берега, но большинство из них были повреждены.

19. Примерно в те же дни прибыли 30 послов от карфагенян, но они принесли осажденным не столько помощь, сколько сочувствие, так как заявили, что пунийцы затруднены своей войной, в которой они борются не за преобладание, а за свое спасение. 20. Тогда сиракузяне, опустошавшие Африку, расположились лагерем недалеко от стен Карфагена. Но тирийцы не пали при этом духом, хотя и лишились больших надежд: они передали своих жен и детей, чтобы их увезли в Карфаген и чтобы самим мужественнее переносить любую судьбу, если самое для них дорогое не будет разделять с ними их участи. 21. А когда один из граждан заявил на собрании, что ему явился во сне особенно почитаемый ими Аполлон, как бы покидающий их город, и что мол, воздвигнутый македонцами в море, обратился в лесное ущелье, 22. то, хотя рассказчик заслуживал мало доверия, под влиянием страха все были склонны верить всему плохому; поэтому они опутали статую Аполлона золотой цепью и приковали ее к жертвеннику Геракла, которому они раньше посвятили свой город, как будто это божество могло удержать Аполлона. Когда-то пунийцы вывезли эту статую из Сиракуз и поставили в Тире на своей первоначальной родине, да и добычей из других захваченных ими городов они украшали Карфаген не более чем Тир. 23. Нашлись даже люди, предлагавшие обратиться к давно уже не применявшемуся жертвоприношению, которое, по-моему, совсем не было угодно богам, именно к заклятию в жертву Сатурну свободнорожденного младенца. Говорят, что карфагеняне до самого разрушения их города осуществляли это скорее святотатство, не-

жели жертвоприношение, завещанное им основателями их города. Если бы старейшины, по решению которых у них вершатся все дела, не воспротивились, то грубое суеверие взяло бы верх над гуманностью.

24. Впрочем, крайняя нужда сильнее всякого искусства, она показала, помимо обычных присмов борьбы, еще и новые. Так, для борьбы с кораблями, подплывавшими к стенам, они привязывали к крепким бревнам вороны и железные лапы с крюками, чтобы, вытолкнув бревно метательным орудием и быстро опустив канаты, набрасывать крюки на корабль. 25. Крюки и серповидные багры, свисавшие с тех же бревен, повреждали как бойцов, так и сами корабли. Кроме того, они накаляли на сильном огне медные щиты, наполняли их горячим песком и кипящими нечистотами и внезапно сбрасывали их со стен. 26. Ничего другого так не боялись осаждающие, ибо горячий песок проникал под панцирь к телу, прожигал все, к чему прикасался, и его нельзя было никакими усилиями вытряхнуть: люди бросали оружие и, так как все средства защиты оказывались поврежденными, беззащитные были предоставлены любым ударам, а вороны и железные лапы, выбрасываемые орудиями, захватывали многих из них.

ГЛАВА 4

1. Тут царь, утомившись, решил было снять осаду и направиться в Египет. Ведь пройдя с огромной быстротой всю Малую Азию, он задержался перед стенами одного города и упустил время для разрешения многих важных дел. 2. Но, считая позором как безрезультатный уход, так и дальнейшую задержку, он полагал, что если он оставит Тир свидетелем своей неудачи, слух о его славе померкнет, а при помощи доброй молвы он достигал большего, чем своим оружием. Итак, чтобы не оставить ничего не испробованным, он приказал двинуть к городу еще большее количество судов и посадить на них отборных воинов. 3. Вдруг морское чудовище необычайной величины, выдаваясь спиной над волнами, приблизилось, своим огромным телом рассекая волны, к самому молу, построенному македонцами, и было видно с той и другой стороны, 4. затем погрузилось в море у края мола и то показывалось большей своей частью над волнами, то исчезало за их гребнями, наконец всплыло недалеко от укреплений города. 5. Вид этого чудовища вызвал радость той и другой стороны: македонцы утверждали, что оно показало путь дальнейшему строительству, а тирийцы полагали, что Нептун, мстя за нарушение покоя, призвал это чудовище и что скоро, конечно, рухнет весь мол. Обрадовавшись такому предзнаменованию, они стали пировать и упивались вином; отягощенные им, они с восходом солнца садятся на корабли, разукрасив их венками из цветов, не только поверив в предвешие победы, но уже и поздравляя себя с ней.

6. Случайно царь приказал вести флот в другую сторону, оставив 30 малых судов у берега; из них два судна тирийцы захватили, на остальные навели сильный страх, тогда Александр, услышав крик своих людей, подвел флот к берегу, с которого раздавался шум. 7. Первой из судов македонцев пришла на помощь одна квинкверема, наиболее быстроходная; как только тирийцы ее увидели, два их корабля бросились на нее с разных сторон; в один из них квинкверема на всем ходу вонзилась своим носом и его этим связала. 8. Другой, сохранивший свободу действий, устремился было быстрым ходом против другого борта квинкверемы, как вдруг по счастливой случайности еще одна трирема из флота Александра с такой силой наскочила на корабль, угрожавший квинквереме, что тириец-кормчий свалился с кормы в море. 9. Затем подходит еще больше судов македонцев, на них и сам царь. Тогда тирийцы приналегли на весла и с большим трудом освободили свой корабль, пробитый квинкверемой, после чего их корабли устремляются в порт. Царь преследовал их, но, задержанный летевшими в него со стен стрелами, не мог ворваться за ними в город. Корабли же неприятельские он почти все потопил или захватил.

10. После этого солдатам было дано 2 дня отдыха. Затем, приказав подвести к городу флот и осадные орудия, чтобы стеснить напуганных осажденных со всех сторон, сам царь поднялся на самый верх башни с тем большим мужеством, чем больше была опасность. 11. Заметный по своим царским знакам и блестящему вооружению, он был главной мишенью для стрел. И он проявил доблесть, достойную быть зрелищем: многих защитников стен он сразил копьем, некоторых врагов отбросил напав с мечом и щитом, ибо башня, на которой он стоял, почти соприкасалась со стеной города. 12. Когда под частыми ударами тарана каменная кладка была разбита и защитные укрепления рухнули, флот вошел в порт и группа македонцев поднялась на покинутые неприятелем башни. Тогда тирийцы, на которых обрушилось разом столько бед, бросаются в храмы, ища там спасения, другие заперлись в своих домах, каждый сам выбирал для себя род добровольной смерти, иные бросались на врагов, чтобы не умереть неотомщенными; 13. большое их число занимало крыши и оттуда бросало на проходящих камни и все, что попадалось под руку. Александр приказывает перебить всех, кроме укрывшихся в храмах, и поджечь все постройки города. 14. Хотя этот приказ был объявлен глашатаем, никто из вооруженных не искал защиты богов: храмы наполнились женщинами и детьми, мужчины стояли у своих домов, готовые дать отпор свирепствующему победителю. 15. Многих спасли сидоняне, находившиеся в отрядах македонцев. Они вступили в город в числе победителей, но, помня о своем родстве с тирийцами (основателем обоих городов считался Агеиор), они спасли многих из них, уводя к своим кораблям и тайно переправляя их в Сидон. Так неистовства победителей тайно избежали 15 тысяч

человек. 16. О том, сколько было пролито крови, можно судить хотя бы по тому, что внутри укреплений города было казнено 3 тысяч воинов. 17. Печальное для победителей зрелище было подготовлено яростью царя: 2 тысячи человек, на убийство которых уже не хватило ожесточения, были приговорены к крестам на большом расстоянии вдоль берега моря. 18. Послов карфагенских царь пошадил, но объявил Карфагену войну, которая из-за крайних обстоятельств была отложена.

19. Тир, город, достойный памяти у потомства как по своей древности, так и по превратности судьбы, был взят на седьмой месяц после начала осады. Он был основан Агенором и долго господствовал не только в ближайших морях, но везде, куда только заходили его флотилии, и, если верить молве, тирийский народ либо изобрел письмена, либо первым стал их распространять. 20. Его колонии расселились почти по всему свету: Карфаген в Африке, Фивы в Беотии, Гадес у океана. Мне кажется, что они выбирали для своей многочисленной тогда молодежи незнакомые другим места для жительства или потому, что они, плавая по открытым морям, часто туда заезжали, или потому, что земледельцы их, измученные частыми землетрясениями, — об этом тоже говорилось — были вынуждены с помощью оружия искать для себя новых колоний на чужбине. 21. Город этот испытал много падений, после которых вновь возрождался, теперь же под охраной римского гуманного владычества он пользуется продолжительным миром, содействующим всеобщему процветанию.

ГЛАВА 5

1. Почти в те же дни доставлено было Александру письмо Дария, написанное, наконец, как царю. Он просил Александра вступить в брак с его дочерью, по имени Статира, в приданое ей он давал все земли между Геллеспонтом и рекой Галисом, сам же довольствовался землями, лежащими к востоку. 2. Если, мол, Александр колеблется принять, что ему предлагается, то ведь счастье никогда не остается подолгу на том же месте, и насколько большей удачи достигают люди, настолько большую зависть богов к себе возбуждают. 3. Он опасается, что Александр, подобно птицам, которых природная легкость влечет к звездам, предается пустому и незрелому увлечению: ведь нет ничего труднее, как в его возрасте справиться с таким счастьем. 4. У него самого остается еще очень много земель, да и не всегда можно быть застигнутым в теснинах, Александру же придется переправляться через Евфрат, Тигр, Аракс и Гидасп, великие защитные рубежи его царства. Придется ему идти до земель, где живет так мало людей, что стыдно об этом говорить. 5. Когда-то он еще пройдет через Мидию, Гирканию, Бактрию и достигнет индов, живущих у океана? Не говоря уже о согдийцах, арахосиях и о других племенах, населяющих Кавказ и достигающих Танаиса. Раньше состаришься, чем обой-

дешь все эти земли, даже без сражений. 6. Пусть Александр больше не зовет его к себе, а если он придет, то для его гибели.

7. Приняв письмо Александр дал такой ответ: Дарий делает ему невыгодные предложения: хочет делиться тем, что уже целиком потерял, предлагает в приданое Лидию, Ионию, Эолиду и берега Геллеспонта, чем Александр уже владеет по праву победителя. Но условия диктуются победителями, а победенными принимаются. Если он один только знает, в каком положении кто из них находится, то пусть возьмется как можно скорее за оружие. 8. Он, мол, сам, переправясь через море, предназначил покорить не Киликию или Лидию — это было бы ничтожной наградой за такую войну, — но столицу его царства, Персеполь, а затем Бактры и Экбатаны и область крайнего востока. Куда Дарий может бежать, туда и он сможет последовать за ним; пусть не пугает больше реками того, кто, как он знает, переправлялся через моря.

9. Так писали друг другу цари. А родосцы приступили тогда к сдаче Александру своего города и гавани. Киликию Александр передал в управление Сократу, Филоту приказал начальствовать в области вокруг Тира, Сирию, называемую Келесирией, Парменион передал Андромаху, сам желая принять участие в незаконченной еще войне. 10. Царь, приказав Гестиюну объехать на кораблях берег Финикии, прибыл со всеми войсками в город Газу. 11. В те же примерно дни происходили торжества Истмийских игр, на которые стекается народ со всей Греции. На этом сборище греки, которые обычно откликаются на все события своего времени, отрядили к царю 15 человек поднести ему золотой венок за победу в борьбе за благо и свободу Греции. 12. Немного ранее до них же дошел неопределенный слух (об оракуле), чтобы они следовали за судьбой, куда бы она ни повлекла их колеблющиеся души. 13. Впрочем, не только сам царь покорял города, все еще не признававшие ярмо власти Александра, но и его командиры, отличные вожди, проникали во многие места: Калат — в Пафлагонию, Антигон — Ликаонию, а Балакр, одержав победу над командиром Дария Гидарном, захватил Милет. 14. Амфотер и Гегелок при помощи флота в 160 кораблей подчинили власти Александра острова между Ахайей и Азией. Взяв Тенедос, они решили захватить также и Хиос, так как жители острова их призывали. 15. Но командир Дария Фарнабаз, захватив граждан, державших сторону македонцев, снова передал город с небольшим гарнизоном людям своей партии: Аполлониду и Афинагору. 16. Военачальники Александра упорно продолжали осаждать город, полагаясь не столько на свои силы, сколько на стремление самих осажденных. И они не обманулись в расчете: между Аполлонидом и военными командирами началась распря, давшая македонцам возможность ворваться в город.

17. Когда, проломив ворота, македонцы проникли в город,

орожане, уже давно сговорившиеся отпасть, собираются во главе Амфотера и Гегелоха: персидский гарнизон был ими перебит. Фарнабаз с Аполлонидом и Афинагором они выдают в плен. 18. Выданы были также 12 трирем с находившимися на борту солдатами и гребцами, кроме них 30 кораблей, пиратские лембы и 3 тысячи греков-наемников у персов. Передав этих пленников в свои военные резервы, военачальники Александра пленников казнили, а пленных воинов и гребцов взяли в свой плен.

19. Случайно тиран Метимский Аристоник, ничего не зная о происшедшем в городе Хиосе, прибыл в первую ночную стражу с пиратскими кораблями к закрытому входу в гавань и на вопрос стражи, кто он такой, ответил, что Аристоник прибыл к Фарнабазу. 20. Сторожа говорят ему, что Фарнабаз уже спит и что к нему сейчас пройти нельзя, но что для союзника и гостя гавань открыта, Фарнабаз можно будет видеть на следующий день. Аристоник без колебания вступил в гавань первым, за ним своим вождем последовали и пиратские лембы. 21. Пока они привязывали свои корабли к причалам в порту, стража запирает вход в гавань и будит спавших поблизости солдат, никто из пиратов не осмелелся сопротивляться, на всех были наложены оковы, а затем их передают Амфотеру и Гегелоху. 22. Отсюда македонцы перешли в Митилену. Недавно, захватив этот город, в нем засел с персидским гарнизоном в 2 тысячи человек афинянин Харес; но он не мог выдержать осады, сдал город, выговорил для себя право свободно уйти и отправился в Имброс. Оставшихся македонцы пощадили.

ГЛАВА 6

1. Дарий, отчаявшись добиться мира, которого думал достигнуть письмом через послов, энергично стал восстанавливать свои боевые силы для возобновления войны. 2. Он приказывает вождям отрядом собраться в Вавилон, также и командиру бактрийцев Бессу прийти, собрав как можно больше войска. 3. Бактрийцы, среди этих племен самые воинственные и суровые, по своим нравам совсем не похожи на изнеженных персов; они жили недалеко от весьма воинственного племени скифов, привыкли к грабежам и всегда бродили с оружием в руках. 4. Бесс, подозреваемый в вероломстве, несомненно, с неудовольствием держался на вторых ролях, но все же внушая царю страх. Ведь он домогался царской власти, но боялся стать предателем, хотя только так и мог достигнуть цели. 5. Впрочем, Александр, несмотря на все расследования, не мог обнаружить, куда удалился Дарий, так как по своим обычаям все персы с удивительной преданностью хранили тайну своих царей. 6. Ни страхом, ни обещаниями нельзя было принудить их к словам, которые могли бы выдать тайну. Традиционное повиновение царям сделало священным это молчание под страхом смерти.

Несдержанность на язык карается у персов строже всякого другого проступка; считается, что нельзя доверять ничего важного тому, кому тяжело соблюдать молчание, хотя по природе это совсем нетрудно для человека.

7. Поэтому Александр осаждал город Газу, не зная ничего, что происходит у неприятеля. Начальником города был исключительно преданный своему царю Бетис, он с небольшим гарнизоном защищал город, укрепленный необычайно мощными стенами. 8. Александр, осмотрев местность, приказал рыть подкоп: мягкая почва облегчала эту тайную работу, так как находящееся поблизости море намывает много песка и нет здесь камней и скал, которые мешали бы рыть ход. 9. Итак, рытье началось с невидной для жителей стороны; чтобы отвлечь их внимание, царь велит придвинуть к стенам осадные башни. Но та же мягкая почва оказалась неудобной для передвижения башни; песок рассыпался и затруднял вращение колес, верхние ярусы башни падали и многих ранили, а люди изнемогали и от поддержания башен, и от передвижения их. 10. Итак, царь дал знак к отступлению, а на другой день велел обложить стены города блокадой. Когда взошло солнце, он перед тем, как повести войско, совершил по обычаю отцов моление богам, прося у них помощи. 11. Случайно пролетающий ворон обронил комочек земли, который нес в когтях; упав на голову царя, земля рассыпалась, а птица села на ближайшей башне, обмазанной битумом и серой; птица прилипла крыльями к башне и тщетно старалась улететь; близстоящие воины ее поймали. 12. Это происшествие показалось достойным того, чтобы запросить о нем прорицателя, да и сам Александр не был совсем свободен от суеверий. Итак, Аристандр, пользовавшийся величайшим доверием, разъяснил, что этим знаменем предвещается падение города, однако есть опасение, как бы не получил ранения сам царь. Он убедил его в тот день ничего не предпринимать. 13. И хотя царь очень досадовал, что один этот город препятствует ему спокойно вступить в Египет, он все же послушался прорицателя и дал сигнал к отступлению.

Тогда у осажденных поднялся дух, и они, выйдя из города, нападают на отступающих, считая, что промедление врагов для них благоприятно. 14. Они вступили в бой с ожесточением, но не проявили стойкости и, увидев, что знамена македонцев движутся в обход, сразу же прекратили борьбу. Уже до царя достигали крики сражающихся, когда он, забыв о предсказании, но все же по просьбе друзей надев на себя панцирь, в который редко облачался, подошел к первым рядам. 15. Увидев его, один араб из воинов Дария, решившись на дело, непосильное для его судьбы, прикрывая меч щитом, бросился к ногам Александра под видом перебежчика. Тот приказал ему встать и велел принять его в число своих. 16. Но варвар, быстро перебросив меч в правую руку, замахнулся им над головой царя, который, легким отклонением головы избежав удара, отрубил прс-

махнувшись руку варвара. Он считал, что в этом: осуществилась предсказанная ему опасность. 17. Но я убежден, что судьба неотвратима, ибо, рьяно сражаясь в первых рядах, царь был ранен стрелой; она прошла через панцирь и вонзилась в плечо, ее вынул врач царя Филипп. 18. Потекла обильно кровь, и все испугались; через панцирь не было видно, глубока ли рана. Сам царь, даже не побледнев, приказал остановить кровь и перевязать рану. 19. Долго еще после этого он оставался впереди знамен, скрывая боль или преодолевая ее, как вдруг кровь, перед этим задержанная лекарством, полилась сильнее, и рана, причинявшая мало боли, пока была свежа, распухла, когда кровь стала запекается. 20. У царя потемнело в глазах и подкосились ноги; ближайšie воины его подхватили и принесли в лагерь; а Бетис, считая, что он убит, вернулся в город, торжествуя победу.

21. Между тем Александр, еще не залечив раны, возвел насыпь, равную по высоте стенам, и приказал подвести под них несколько подкопов. 22. Горожане на прежней высоте стен надстроили новые укрепления, но и они не могли сравниться с высотой башен, возведенных на насыпи. Таким образом, внутренняя часть города была открыта для вражеских стрел. 23. Крайняя беда пришла к горожанам, когда стена, подрытая из подкопа, рухнула и через ее брешь в город ворвался неприятель. Передние ряды вел сам царь, но, ступив неосторожно, повредил себе камнем ногу. 24. Прежняя рана его еще не зажила, а он все же, опираясь на копьё, оставался в первых рядах сражающихся, негодуя на то, что получил две раны при осаде этого города. 25. Когда разгорелась упорная битва, люди Бетиса, страдающего от многих ран, его покинули, но он не ослабил своего ожесточения в сражении, и оружие его было обогрено как его собственной, так и вражеской кровью. 26. И когда уже со всех сторон на него направлены были копья... юный царь, упоенный торжеством победы, но все же признавая мужество также и во враге, сказал, обращаясь к Бетису: «Не так ты умрешь, как хотел; тебе придется вынести все виды пыток, какие могут быть придуманы для пленника». 27. Но Бетис, глядя на царя не только бесстрашным, но и надменным взором, ничего не ответил на его угрозы. 28. Тогда Александр воскликнул: «Видите ли, как он упорно молчит? Склонил ли он колена, просит ли пощады? Но я заставлю его прервать молчание, и если не слова, то исторгну из него хотя бы стоны!» 29. Затем он от раздражения впал в ярость; уже тогда он стал перенимать чужие нравы. Через пятки еле дышавшего Бетиса были продеты ремни, его привязали к колеснице, и кони потащили его вокруг города, а Александр хвалился тем, что, придумав такую казнь врагу, он подражает Ахиллу, от которого сам вел свой род. 30. Персов и арабов пало в этой битве около 10 тысяч, но и для македонцев победа не была бескровной. Эта осада получила известность не столько из-за славы города, сколько по случаю

дважды угрожавшей царю опасности. 31. Торопясь вступить в Египет, он послал в Македонию Аминту с десятью триремами для нового набора солдат. Ведь и при удачах таяли военные силы, а к воинам из покоренных племен меньше было доверия, чем к своим.

ГЛАВА 7

1. Египтяне, давно уже враждебно относившиеся к персидским правителям, считая, что они алчны и высокомерны, с нетерпением ожидали прибытия Александра; они с радостью приняли даже перебежчика Аминту, пришедшего к ним добиваться власти. 2. Итак, в Пелусий, где ожидалось вступление царя, собралось множество народа. А царь на седьмой день после отвода своих войск от Газы прибыл в ту область Египта, которая называется теперь Стан Александра. 3. Затем, приказав пешим войскам отправиться в Пелусий, сам с отборным отрядом воинов и без обоза поехал по реке Нилу; персы, напуганные отпадением, не оказали ему сопротивления. 4. Он уже был недалеко от Мемфиса, для защиты которого был оставлен претор Дария Мазак; он переправился через реку Орон и передал Александру 800 талантов и все царское имущество. 5. От Мемфиса по той же реке царь проникает во внутренние области Египта и, организовав все управление так, чтобы ни в чем не нарушать отеческих обычаев египтян, решил отправиться к оракулу Юпитера-Аммона. 6. Ему предстоял путь, едва доступный по трудности лишь немногим, и притом опытным, людям. Там недостает влаги на земле и в воздухе, простираются бесплодные пески, пышущие невыносимым жаром, и почва, раскаленная от солнечных лучей, обжигает ноги. 7. Там надо бороться не только с жарой и засухой, но еще и с сыпучим и очень глубоким песком, в котором вязнут ноги. 8. Египтяне преувеличивали значение этих трудностей, но Александра побуждало страстное желание дойти до храма Юпитера, которого он, не довольствуясь происхождением от смертных, считал своим прародителем, или хотел, чтобы его таковым считали.

6. Итак, с теми, которых он решил повести с собой, он спустился по реке до Марсеотийского болота. Туда принесли ему дары послы киренцев, прося у него мира, и звали посетить их города. Он принял их дары, заключил дружбу, но продолжал пышолить задуманное. 10. В первый и последующий дни трудности пути показались преодолимыми, но люди еще не дошли до бескрайней голой пустыни, хотя шли уже по бесплодной и вымершей земле. 11. Но когда перед ними открылись равнины с глубокими песками, то они уподобились морякам, вышедшим в открытое море и тщетно ищущим глазами следов земли. 12. Им не попадалось ни дерева, ни клочка возделанной земли. Не хватало уже и воды, которую везли в мехах верблюды и которой совсем не было в раскаленном песке. 13. Кроме того, палило солнце, рты у всех были сухи и опалены, как вдруг го ли

случайно, то ли по милости богов заставшие небо тучи закрыли солнце, что было большим облегчением для измученных, помимо недостатка воды, еще и зноем. 14. Когда же разразилась гроза и полил обильный дождь, каждый старался принять его на себя и многие, изнемогая от жажды, ловили его прямо ртом. 15. Четыре дня они шли по бескрайней пустыне. Уже они находились недалеко от места оракула, когда на их отряд налетело множество воронов: они то медленно летели перед знаменем, то садились на землю, когда отряд двигался медленнее, то поднимались на крыльях вверх, точно показывали путь как проводники.

16. Наконец прибыли к святилищу бога. Кажется совершенно невероятным, что среди обширной пустыни оно со всех сторон закрыто густыми ветвями, едва пропускающими лучи солнца, и много источников пресной воды протекает повсюду, орошая лес. 17. Удивительная также там мягкость климата; он одинаково здоров здесь во все времена года и больше всего популярен на весенний. 18. Ближайшие соседи здесь с востока — эфиопы, с юга — арабы, называемые троглодитами, область которых простирается до Красного моря. 19. А там, где она простирается на запад, живут другие эфиопы, которых называют екснитамы. На севере находится сиртское племя насамонов, живущее от добычи с кораблей: они стерегут на берегу моря, и если прилив занесет какой-нибудь корабль, они добираются до него по известным им бродам.

20. Обитатели самого оазиса, которых называют аммонийцами, живут в разбросанных шатрах; окружающая заросль служит им защитой, она охвачена тройной стеной. 21. Внутренняя заключает древнюю резиденцию тиранов, в средней черте живут их жены с детьми и наложницы; здесь же находится и оракул бога, наружные укрепления охватывают жилище сателлитов и оруженосцев. 22. Есть и другой оазис Аммона; посредине его источник, называемый солнечной водой: перед восходом солнца она теплая, в полдень, когда жар достигает крайней силы, она холодная, ближе к вечеру она теплеет, среди ночи становится совершенно горячей, чем ближе подходит утро, тем больше вода теряет свою ночную теплоту и перед восходом солнца становится обычной температуры. 23. Почитаемое божество не имеет того вида, какой обыкновенно художники придают богам, оно больше всего похоже на выпуклость, украшенную смарагдами и жемчугом. 24. Когда вопрошается оракул, жрецы вносят это изображение на позолоченном морском судне, по обоим бортам которого свисает множество серебряных кубков; за ним следуют женщины и девушки, поющие по древнему обычаю какую-то неблагозвучную песнь, которой, как они верят, они содействуют тому, чтобы Юпитер дал ясный оракул.

25. На этот раз царя, подошедшего ближе, старейший жрец называет сыном, утверждая, что этим он установил его родство по отношению к Юпитеру. Царь сказал, что принимает и

признает это, отрекаясь от своего человеческого жребия. 26. Затем он спросил, надо всем ли миром отец его предназначил ему иметь власть. Жрец, продолжая льстить ему, объявил, что он будет правителем всех земель. 27. После этого царь спросил, все ли убийцы его отца наказаны. Жрец ответил, что его отец недоступен для преступления, но убийцы Филиппа на-

Изображение Зевса-Аммона с рогами барана. Монета Кирены, конец IV в. до н. э.

Изображение Александра с рогами барана. Монета Лисимаха, начало III в. до н. э.

казаны; он добавил, что царь будет непобедим, пока не отойдет к богам. 28. Затем было совершено жертвоприношение и даны дары жрецам и богу. Кроме того, и друзьям было разрешено обратиться к Юпитеру за оракулом. Они ни о чем другом не спросили, как о том, разрешает ли им Юпитер воздавать своему царю божеские почести. Жрец ответил, что Юпитеру тоже приятно (чтобы они воздавали божеские почести своему царю-победителю). 29. Правдиво и свято верящим ответы оракула могли, конечно, показаться пустыми; но судьба часто побуждает тех, кого приучила полагаться лишь на нее, более жаждать славы, чем быть достойным ее. 30. Итак, царь не только позволил называть себя сыном Юпитера, но даже отдал об этом приказ; он хотел этим возвеличить славу своих подвигов, но на деле подорвал ее. 31. И македонцы, привычные к царской власти, но все же с большей свободой, чем у других народов, отвернулись от своего царя, добивавшегося бессмертия с настойчивостью, смущавшей их самих и не подобавшей царю.

32. Но оставим это до своего времени; теперь продолжим изложение событий.

1. Когда Александр, возвращаясь от Аммона, прибыл к Магнетийскому болоту, недалеко от острова Фароса, он, осмотрев местность, решил сначала основать новый город на самом острове. 2. Потом, когда оказалось, что остров мал для большого города, он выбрал для него то место, где теперь находится Александрия, названная по имени основателя. Он решил охватить все пространство между морем и болотом стенами длиной в 80 стадиев и, оставив там людей наблюдать за постройкой города, отправился в Мемфис. 3. Им овладела естественная, но несвоевременная страсть проникнуть не только в глубь Египта, но посетить и Эфиопию. Желание увидеть прославленный древностью дворец Мемнона и Тифона увлекало его чуть ли не за пределы солнца. 4. Но предстоящая война, не законченная еще в большей своей части, не давала времени для досужего странствования. Итак, он поставил во главе Египта родосца Эсхила и македонца Певкеста, дав им для охраны этой страны 4 тысячи солдат, охранять же шлюзы на реке Ниле поручил Полемону, дав ему для этого 30 трирем. 5. Во главе Африки, в областях, примыкающих к Египту, был поставлен Аполлоний, а ведать податными сборами с той же Африки и с Египта — Клеомен. Приказав перевести в Александрию часть жителей соседних городов, царь наполнил новый город многочисленным населением. 6. Есть предание, что, когда царь, по македонскому обычаю, ячменем обозначил черту будущих стен города, налетели птицы и поклевали ячмень: многими это было истолковано как дурное предзнаменование, но прорицатели разъяснили, что этот город всегда будет убежищем многим чужеземцам и будет снабжать много земель продовольствием.

7. Сын Пармениона, Гектор, юноша в цветущем возрасте, особенно дорогой Александру, желая догнать царя, спускавшегося по реке, посадил с собой на маленькое судно больше людей, чем оно могло вместить. 8. Поэтому лодка потонула, и люди были предоставлены своим силам. Гектор долго боролся с рекой, но мокрая одежда и тяжелая обувь мешали ему плыть; все же он еле живой достиг берега, но как только пришел в себя от сильнейшего напряжения и страха, не получив ни от кого помощи (другие выплыли в других местах), вскоре испустил дух. 9. Царь был сильно опечален потерей Гектора и, найдя его тело, похоронил с пышностью. Отягчило его горе еще известие о гибели Андромаха, которого царь поставил во главе Сирии: его сожгли заживо самариты. 10. Чтобы отомстить за его смерть, царь ускорил свое движение, насколько мог; по его прибытии ему были выданы виновники этого преступления. 11. Предав казни лиц, погубивших его военачальника, царь на то место поставил Мемнона. Тиранов, и среди них Аристоника и Хрисолая из числа метимнцев, он выдал их согражданам;

те казнили их за содеянные ими несправедливости, сбросив со стены.

12. Затем он выслушал послов от афинян, родосцев и хиосцев. Афиняне поздравляли с победой и просили, чтобы пленные греки были возвращены к своим; родосцы и хиосцы жаловались на недостаточность гарнизонов: все получили то, чего, как выяснилось, желали. 13. Митиленцам за их верность он не только вернул деньги, вложенные ими в эту войну, но и присоединил к их области много земли. 14. Царям острова Кипра, перешедшим на его сторону от Дария и пославшим ему флот во время осады Тира, была воздана честь по заслугам. 15. Командир флота Амфотер, посланный для освобождения Крита, так как во многих местах остров подвергался осадке персидских и спартанских войск, получил приказ прежде всего очистить море от пиратов; так как оба царя были заняты войной, все море подпало под власть разбойников. 16. Дав такие распоряжения, он посвятил тирскому Гекулесу золотой кратер с 30 золотыми чашами и велел объявить выступление к Евфрату для преследования Дария.

ГЛАВА 9

1. А Дарий, узнав, что враг повернул из Египта в Африку, стал колебаться, оставаться ли ему в Месопотамии или отправиться во внутренние области царства; он, несомненно, сам лично легче поднял бы на войну отдаленные племена, которые трудно было ему мобилизовать через своих военачальников. 2. С другой стороны, широкое распространение получила молва, что куда бы он сам ни пошел, Александр повсюду последует за ним со всеми своими силами. Хорошо зная, с каким упорным врагом он имеет дело, Дарий приказал собраться всем военным силам отдаленных народов в Вавилон. Сначала собрались бактрийцы, скифы и инды, затем и от других народов прибыли военные отряды. 3. Впрочем, поскольку войска собралось в полтора раза больше, чем было в Киликии, многим не хватало оружия; его собирали с большим трудом. Покрытием всадников и коней служили панцири из железных пластинок, рядами скрепленных между собой; тем, кому прежде не давалось ничего, кроме дротиков, теперь добавлялись щиты и мечи. 4. Кроме того, пехотинцам были даны табуны необъезженных лошадей, чтобы и конницы было больше прежнего; к этому для устрашения врагов было добавлено 200 серпоносных колесниц, единственная надежда всех этих племен. 5. На конце дышла торчали копыта с железными наконечниками, с обеих сторон ярма направлены были против врагов по три меча; со спиц колес торчало помногу острых ножей, другие были прикреплены к ободьям колес или (под кузовом) направлены остриями вниз, чтобы подсекать все, что только попадет на пути скачущих коней.

6. Организовав таким образом и перевооружив свое войско, Дарий двинул его из Вавилона. Справа у него была знаменитая река Тигр, левый фланг прикрывал Евфрат, войско заполнило равнину Месопотамии.

7. Переправившись через Тигр и услышав, что неприятель находится недалеко, Дарий послал вперед с тысячею отборных воинов начальника конницы Сатропата. 8. Командиру Мазею даны были 6 тысяч солдат, чтобы с ними воспрепятствовать переправе неприятеля через реку, ему же было поручено опустошать и выжигать области, в которые должен был вступить Александр. Дарий надеялся, что враг вынужден будет прекратить войну, если будет иметь только то, что захватит грабежом; ему самому провиант подвозился по суше и по Тигру. 9. Так Дарий достиг селения Арбел, которому предстояло провалиться поражением царя. Сложив здесь большую часть продовольствия и багажа, он перебросил мост через реку Лик и в один день переводил свое войско, как раньше через Евфрат. 10. Пройдя оттуда около 80 стадиев до другой реки по имени Бумод, он расположился там лагерем. Местность эта была пригодна для развертывания армии; это была обширная равнина, удобная для конницы. Почва не закрыта там ни деревьями, ни кустарником, и глазом легко рассмотреть даже то, что отстоит на большом расстоянии. Поэтому, если где была неровность почвы, он велел заровнять ее и сделать одинаковый уровень почвы.

11. Македонские разведчики, издали определив, насколько возможно, численность войск Дария, едва убедили Александра, что после стольких потерь у персов создана новая и более многочисленная армия. 12. Впрочем, Александр презирал все опасности и особенно многочисленность неприятеля и за 11 переходов достиг Евфрата; перекинув через него мост, он первым переводит всадников, за ними посылает фалангу, Мазей же, подоспевший с 6 тысячами всадников, чтобы помешать переправе, так и не решился подвергнуть себя опасности. 13. Затем, так войнам несколько дней передышки не столько для отдыха, сколько чтобы подбодрить, он начал усиленно догонять врага, боясь, как бы он не ушел в отдаленные свои области, куда пришлось бы идти за ним по безлюдным и пустынным местам. 14. Итак, на четвертый день, минуя Арбелы, он подходит к Тигру. Вся местность за рекой дымилась от недавнего пожара, ибо Мазей выжигал все там, куда проникал, словно враг. 15. Сначала, когда мгла от дыма застилала еще солнце, Александр остановился, опасаясь засады, но когда высланные разведчики сообщили, что путь безопасен, он послал вперед несколько всадников найти броды через реку. Глубина воды в ней была по грудь лошади, а на середине русла — по плечо. Во всех восточных странах нет, конечно, другой такой реки, в которой в себе не только огромные потоки воды, но и камни. И потому быстроты течения и названье ей дано Тигр, что на персском языке означает стрела.

17. Итак, пехотинцы, разделившись на небольшие отряды, в окружении своих всадников, подняв оружие над головой, без большого труда достигли глубины русла. 18. Царь, вышедший первым среди пехотинцев на берег, показывал солдатам брод рукой, если не хватало голоса. Все же нельзя было идти твердым шагом: то камни выскользали из-под ног, то подхватывало сильное течение. 19. Особенно тяжело было тем, кто нес груз на плечах: не твердо шагая, они не могли сопротивляться быстринам из-за неудобной ноши, и так как каждый берег сной багаж, то им приходилось бороться между собой даже больше, чем с потоками; много грузов, уносимых водой, сбивало с ног людей. 20. Царь убеждал их беречь хотя бы оружие, обещая возместить остальные утраты; но никто не мог услышать ни его советов, ни приказаний; все были охвачены страхом, и стоял большой шум от общих криков плывущих. 21. Наконец они выплыли на те места, где течение было слабое, и ничего не пропало, кроме некоторого количества багажа. 22. Если бы кто решился вступить здесь с ними в бой, все войско могло бы быть уничтожено: но неизменное счастье царя и на этот раз избавило его от врага. Так же переправился он через Граник, когда на другом берегу стояло много тысяч пехотинцев и всадников неприятеля; так же победил множество своих врагов в ущельях Киликии. 23. Ведь смелость, которой он особенно отличался, может пересилить и разум, а царь никогда не задавался вопросом, не поступил ли он безрассудно. Мазей же, который, несомненно, разбил бы Александра, если бы застал его войско на переправе, начал завязывать бой уже с построившимися и перевооружившимися на берегу частями. 24. Он пустил вперед всего одну тысячу всадников. Узнав о малочисленности противника, Александр отнесся к нему с пренебрежением и приказал начальнику пеонийских всадников Аристону налететь на врагов, отпустив воеводу. 25. В этот день произошло конное сражение, особенно знаменитое для Аристона: он пронзил копьем в шею начальника персидской конницы Сатропата, преследовал его, ворвавшись в ряды врагов, сбросил его с коня и отсек мечом голову, которую вынес из боя и со славой положил к ногам царя.

ГЛАВА 10

1. Царь оставался в этом лагере два дня; затем приказал объявить выступление на следующий день. 2. Однако в первую стражу началось затмение луны; сначала поблек ее свет, потом все окрасилось кровавым оттенком, и на людей, волнующихся перед решительным боем, напал какой-то суеверный страх. 3. Они жаловались, что их увлекают на край света против воли богов: к рекам, мол, невозможно подойти, светила не сохраняют своего прежнего блеска, кругом — бескрайняя земля, голая пустыня; кровь стольких тысяч людей проливается по прихоти одного человека; о родине он забыл, от отца своего

иппа отрекся, из-за пустых выдумок он добивается неба. Дело чуть не дошло до открытого бунта, когда неустраши- царь приказал собраться к преторию всем полководцам и шинам воинов, а египетским прорицателям, которых он считал лучшими знатоками небесных светил, объявить, что они дурны. 5. Те, хорошо зная, что круг времени исполняет определенным черед и что луна затмевается, когда заходит за землю и она заслоняется солнцем, однако не объявили народу известное им самим обоснование этого явления. 6. Впрочем, они сказали, что солнце — светило греков, а луна — персов и что всякий раз, как луна затмевается, этим предсказывается поражение персов; еще они напомнили древние примеры того, как затмение луны указывало царям Переиды, что они сражались против воли богов. 7. Ничто не имеет такой силы над толпой, как суеверие; необузданная, жестокая, изменчивая, она под влиянием суеверия больше повинуется прорицателям, чем своим вождям. Царь, разъяснения египтян вернули смущенных воинов к надеждам и уверенности.

8. Царь, решив использовать подъем духа у воинов, снялся с лагеря уже во вторую стражу; справа у него был Тигр, слева — горы, называемые Гордиейскими. 9. Когда он вступил на этот путь, посланные вперед разведчики сообщили, что перед рассветом они догонят Дария. Поэтому, построив свои войска в маршевом порядке, он пошел сам в переднем ряду. 10. Но это был персидский заградительный отряд до тысячи человек, доказавшийся большой армией; ведь если нельзя получить точных сведений, ложные от страха слухи распространяются.

11. Выявив это, царь с небольшим отрядом достиг бегущего к своим неприятеля, одних перебил, других захватил в плен и послал всадников на разведку, приказав им тушить огонь, которым варвары жгли селения. 12. Ведь когда бегущие враги мимоходом бросали огонь на строения и скирды хлеба, то он охватывал только наружные части, но не проникал вглубь. 13. Когда удавалось затушить огонь, обретали много хлеба, начинали накапливаться и другие запасы. Это поднимало у солдат дух для преследования неприятеля: ведь поскольку он все поджигал и опустошал, надо было торопиться, чтобы он не уничтожил пожаром всего. 14. Так крайняя нужда привела к разумным действиям, ибо Мазей, сжигавший ранее селения на досуге, теперь был рад тому, что ему удастся бежать, и многое оставлял врагу в целости. 15. Узнав, что Дарий отстоит от него не дальше как на полтораста стадиев, Александр, в избытке снабженный всяким продовольствием, четыре дня оставался на одном месте. 16. Тут же были перехвачены письма Дария, в которых он подбивал греческих солдат убить или выдать ему царя. Александр колебался, не огласить ли письма на сходке, так как был твердо уверен в преданности и расположении к нему греков. 17. Но Парменион отговорил его, убедив, что не следует доводить до слуха солдат таких соблазнительных вещей:

ведь царь ничем не защищен от козней какого-либо одного преступника, а для алчности нет ничего запретного. 18. Царь послушался его и снялся с лагеря.

В пути один из пленных евнухов, сопровождавший жену Дария, сообщил, что она заболела и чуть жива. 19. Измученная непрерывными трудностями пути и подавленная горестным состоянием духа, она лишилась сил и тут же умерла на руках свекрови и ее дочерей-девушек. С таким известием прибыл и второй вестник. 20. И царь предался стенаниям, как если бы ему сообщили о смерти его собственной матери, и обливался слезами, какие мог бы пролить и Дарий, пришел в палатку матери Дария, где она находилась при теле умершей. 21. Увидев простертую на земле, он поддался новому приливу скорби, а мать Дария, в которой новое горе освежило воспоминание о прежнем, обнимала своих взрослых дочерей, которые были утешены в общем горе и для которых сама мать должна была в свою очередь быть утешением. 22. Тут же был и ее маленький внук, особенно вызывавший жалость тем, что не сознавал несчастья, которое должно было отразиться больше всего на нем самом. 23. Можно было бы подумать, что Александр находится среди своих близких и не утешает их, а сам требует утешения. Он воздерживался от пищи, и при погребении им были соблюдены все почести, предписанные обычаями персов. Клянусь Геркулесом, он и тогда еще был достоин похвал за свое милосердие и сдержанность. 24. Он видел жену Дария всего один раз в тот день, когда она была взята в плен, когда пришел увидеть ее, а мать Дария, и выдающаяся ее красота возбуждала в нем не страсть, а чувство гордости.

25. Тириот, из числа евнухов, окружавших царицу, воспользовавшись смятением горюющих, проскользнул через ворота, слабо охранявшиеся, так как были обращены в противоположную от врагов сторону; он пришел в лагерь Дария, был признан стражей и приведен в палатку царя, стенающий и в изодранной одежде. 26. Увидев его, Дарий, удрученный ожиданием всяких горестных известий и не зная, чего именно бояться, сказал ему: «Твой вид предвещает мне большое горе, но ты не щади слуха несчастного, я уже свыкся со своими бедствиями, а узнать о своей судьбе часто бывает утешением в горе. 27. Неужели ты принес мне известие о том, что я больше всего подозреваю и о чем боюсь даже говорить — что мои родные подвергаются оскорблениям, ведь это для меня и, я убежден, для них хуже всяких мучений?» 28. На это Тириот сказал: «Как раз наоборот. Почет, полагающийся царицам от подчиненных, оказал твоим царицам победитель; но жена твоя недавно скончалась». 29. Тогда весь лагерь огласился не только стонами, но воплями, ибо Дарий не сомневался, что она была убита, не соглашаясь на позор. Обезумев от горя, он воскликнул: «Какое совершил я преступление, о Александр, кого убил из твоих близких, что ты так жестоко отплатил мне? Ты ненавидишь.

очия без вины с моей стороны; если бы ты начал справедливую войну, разве тебе пришлось бы иметь дело с женщинами?»

30. Тириот стал убеждать его, заклиная отечественными богами, что жене его не было нанесено никакого оскорбления. Александр, мол, тоже стонал и пролил об ее смерти не меньше слез, чем он сам. 31. Но эти слова внушили любящему лишь страх и опасения и подозрение; он предполагал, что такое чувство в женщине зародилось, конечно, от обычного в таких случаях раздражения. 32. Удалив всех свидетелей и задержав одного из слуг Тириота и уже не плача, а тяжело вздыхая, он сказал: «Ты видишь, Тириот, что ложь невозможна, ведь здесь можно явиться и орудия пытки! Но не дожидайся их — во имя богов! Если только есть у тебя уважение к моему царю, скажи мне, о чем я домогаюсь узнать и о чем стыдно спрашивать — если посягнул на нее победитель-юноша?» 33. Тот, согласившись испытать пытки и призывая богов в свидетели, утверждал, что царица сохранила святую чистоту. 34. Наконец, поверив в правдивость слов внуха, покрыв себе голову, Дарий долго стоял, потом, сбросив покрывало с головы и все еще заливаясь слезами, он воздел к небесам руки и воскликнул: «О боги, прежде всего укрепите мое царство, а затем, если уж судьба моя решена, то, молю, пусть будет царем Азии не кто иной, как этот столь справедливый враг, столь милосердный победитель».

ГЛАВА 11

1. Итак, хотя Дарий после двух тщетных попыток добиться мира обратил все свои помыслы к войне, теперь, пораженный горечью и бессмысленностью врага, отправил к нему послов — 10 вельмож из своей родни с новыми условиями мира. Александр, созвав советников, приказал их ввести. 2. Из них старший по возрасту сказал: «Дарий в третий раз обращается с предложением мира, принуждаемый какой-либо силой, но по своей справедливости и сдержанности. 3. Он сознает, что его мать, жена и дети предадут не от плена, а от разлуки с ним. Ты бережешь чистоту женщин, остающихся в живых, заботишься о них, как о сестрах, называешь их царицами, позволяешь сохранять знаки прежнего положения. 4. Я вижу в лице твоём то выражение, которое было у Дария, когда он нас отпускал, но он оплакивает нас, а ты — врага. Ты бы стоял уже в строю, если бы не заботился о погребении. Разве удивительно, что он просит мира у врага дружественной ему души? К чему оружие для тех, между которыми больше нет ненависти? 5. Раньше он определял пределы твоего царства реку Галис, границу Лидийского царства. Теперь он предлагает в приданое за своей дочерью, которую он берет за тебя, все земли, лежащие между Геллеспонтом и Евфратом; сына Оха, который в своих руках, сохранил заложников мира и верности, а мать и двух дочерей-девушек верни: человек он просит тебя принять выкуп в 30 тысяч талан-

тов золота. 7. Если бы я не знал о твоей сдержанности, я бы не стал говорить, что теперь для тебя настало время не только согласиться на мир, но и добиваться его. Смотри, сколько земель ты уже прошел и скольких еще домогаешься. 8. Слишком большая власть таит в себе опасности: трудно удержать то, чего ты и взять не можешь. Разве ты не знаешь, что и корабли, превышающие умеренный ход, не поддаются управлению. 9. Может быть, и Дарий несет такие потери оттого, что слишком обширные владения дают возможность больших утрат. Легче что-нибудь завоевать, чем потом удержать. Клянусь Геркулесом, руки наши более способны хватать, чем удерживать! Сама смерть жены Дария может тебя убедить, что твое милосердие превысило пределы положенного».

10. Александр приказав послам выйти из палатки, спросил у совещанья, какое принять решение. Долго никто не решался высказать своего мнения, не зная воли царя. 11. Наконец, Парменион сказал, что он уже и раньше советовал отпустить за выкуп пленников из Дамаска; можно выручить большие деньги за тех пленников, которые из-за своей многочисленности требуют для охраны много рук храбрых воинов. 12. Он и на этот раз очень советует царю обменять одну старуху и двух девушек — обузу в пути и боевых действиях — на 30 тысяч талантов золота. 13. Богатым царством можно овладеть при помощи договоров, а не войны да и никто никогда не обладал на протяжении от Истра до Евфрата столь обширными и отдаленными землями. Лучше ему заботиться о Македонии, чем зариться на Бактрию и индов. 14. Речь его была неприятна царю. Итак, чтобы положить конец обсуждению, он сказал: «И я бы предпочел деньги славе, если бы был Парменионом. Но я Александр, я не беспокоюсь о недостатке денег и помню, что я не купец, а царь. 15. У меня нет ничего для продажи, а уж судьбу свою я, конечно, не продаю. Если угодно отпустить пленных, то почетнее вернуть их даром, чем взять за них выкуп». 16. Затем, пригласив снова послов, он сказал им так: «Сообщите Дарию, что выражение благодарности между врагами излишне; если я в чем проявил снисходительность и щедрость, то сделал это не ради его дружбы; в моем характере бороться не с несчастиями врага, а его военными силами. 17. Я не веду войну с пленными и женщинами: враг мой должен иметь оружие в руках. 18. Если бы Дарий просил у меня мира чистосердечно, я подумал бы еще, не согласиться ли. Однако после того, как он то письмами побуждает моих солдат к измене, то на погибель мне деньгами подкупает моих друзей, мне должно преследовать его, пока он не будет убит, и не как честный враг, а как преступник, подстрекатель к убийству. 19. Если я приму условия, объявленные вами, то утвердится его победа. Он щедро дает мне, что лежит за Евфратом. Но где же вы беседуете со мной? Ведь я на вашей стороне Евфрата. Мой лагерь за чертой, которую он считает пределом обещанного приданого. Отгоните меня отсюда,

чтобы я знал, что вы мне уступаете вашу землю. 20. С такой же щедростью он отдает за меня свою дочь, но я знаю, что она собирается выйти замуж за какого-то его раба. Он оказывает мне много почета, предпочитая меня в качестве зятя Мазею. 21. Пойдите и сообщите вашему царю, что все, что он потерял и что еще обладает, есть награда за войну. Пока действуют естественные законы, каждый будет иметь такие пределы в том и другом царстве, какие определит исход ближайшего дня. 22. Я пришел в Азию не для того, чтобы получать от других, но чтобы им раздавать. Если он согласен считаться вторым, а не первым мне, я, пожалуй, сделал бы, о чем он просит. Впрочем, мир не может управляться двумя солнцами и вместить два величайших царства при неприкосновенности земель. 23. Поэтому пусть он приготовится к сдаче сегодня или к войне на завтра и пусть не ждет для себя другой судьбы, чем какую уже испытал». 24. Послы ответили, что он так поступает просто потому, что в душе лелеет войну и боится, как бы надежды на мир ему не помешали. Они, мол, сами просят, чтобы их скорее отпустили к царю: ему тоже надо готовиться к войне. Будучи отпущенными, они заявили, что бой уже начался.

ГЛАВА 12

1. Между тем Дарий спешно послал Мазея с 3 тысячами всадников занять пути, по которым должен был идти неприятель. 2. Александр, отдав должную честь телу его жены, оставил в том же укреплении под охраной небольшого гарнизона всю тяжелую часть своей армии, а сам направился навстречу врагу. 3. Пехоту он разделил на два крыла, окружил их с обеих сторон всадниками; обоз следовал за войском. 4. Затем, отделив Менида с легкой конницей, он велит ему разведать, где находится Дарий. Но так как Мазей засел неподалеку, тот не смел пойти дальше и мог только сообщить, что слышал топота людей и ржание коней. 5. Также и Мазей, увидев издали разведчиков, вернулся в лагерь с известием о приходе неприятеля. Итак, Дарий, желая сразиться на открытом поле, отдает приказ солдатам вооружиться и ставит их в строй. 6. На левом фланге шли бактрийские всадники, всего тысяча коней, столько же дахов: арахосии и сузиане составляли 4 тысячи. За ними следовало 100 серпоносных колесниц, следом за квадрагами шел Бесс с 8 тысячами всадников, тоже бактрийцев. Эту конницу замыкали массагеты в составе 2 тысяч коней. 7. Пехотинцы большинства этих народов не смешивались с конницей, но каждый держался вместе со своими. Затем персов с мардами согдийцами вели Ариобарзан и Оронтобат. 8. Они командовали каждый своей частью, общее командование принадлежало Персипу, потому что одного из семи персов, воздвигшему свой трон к славнейшему царю Киру. 9. За ними шли племена, мало известные даже своим союзникам; за ними следовал Фрадат с

Большим отрядом каспиев впереди 50 квадриг. Инды и жители берегов Красного моря находились за колесницами скорее для численности, чем для настоящей помощи. 10. Весь этот строй замыкался другими 50 серпоносными колесницами, к которым Дарий присоединил чужеземных солдат. За ними шли армяне из так называемой Малой Армении, за армянами — вавилоняне, за теми и другими белиты, жители Косских гор. 11. За этими шли гортуйи с острова Евбеи, когда-то примкнувшие к мидийцам, но выродившиеся и забывшие родные обычаи. К ним Дарий присоединил фригийцев и катаонов; племя парфиенов, заселявшее земли, занятые теперь парфянами, вышедшими из Скифии, замыкало все движение. Таков был состав левого фланга. 12. На правом стояли армяне из Великой Армении, кадусии и каппадокийцы, сирийцы и мидийцы; у них тоже было 50 серпоносных колесниц. 13. Общая численность всего войска была такая: всадников 45 тысяч, пехоты 200 тысяч человек. Построившись таким образом, они проходят 10 стадиев; получив приказ остановиться, вооруженные стали ожидать появления врага.

14. Войско Александра было охвачено беспричинным страхом; все, как безумные, начинали дрожать и какая-то робость закрадывалась всем в сердце. Зарницы на небе в жаркую летнюю пору производят впечатление пожара, и солдаты думали, что лагерь Дария охватило пламя, возникшее по недосмотру охраны. 15. Если бы Мазей, шедший по тому же пути, напал на них, они могли бы понести большое поражение; но он сидел тогда в бездействии на холме, заранее им занятом, довольный тем, что его не тревожат. 16. Александр, узнав о паническом настроении войска, дает сигнал к остановке и велит солдатам положить перед собой оружие, а самим отдохнуть, объясняя при этом, что нет причины для внезапного страха и что враг далеко. 17. Наконец, придя в себя, солдаты воспряли духом, снова взяли за оружие и, исходя из создавшегося положения, сочли наиболее надежным укрепить лагерь на этом месте. 18. На следующий день Мазей, засевший с отборными всадниками на высоком холме, с которого был виден лагерь македонцев, вернулся к Дарию то ли из страха, то ли оттого, что ему было приказано только произвести разведку. 19. Покинутый им холм занят македонцами, потому что на нем было безопасней, чем в равнине, и, кроме того, с него было видно, как развертывается на поле строй неприятеля. 20. Но туман, опустившийся с влажных гор на равнины, не скрыв общего вида местности, все же не позволял рассмотреть порядок следования отдельных колонн. Множество людей заняло поле, и шум от многих тысяч людей поражал слух македонцев, стоявших вдали. 21. Царь сильно призадумался и с опозданием стал сравнивать свой план с предложением Пармениона, ибо зашел уже туда, откуда войско могло выйти лишь после победы и не без урона. 22. Итак, отбросив свои сомнения, он приказал наемным всадникам из Пе-

нии идти впереди. 23. Сам он свою фалангу — как уже сказано — разделил на два крыла; каждое из них прикрывали всадники. Когда рассеялся туман и солнце ярче осветило строй неприятеля, македонцы, по живости своего характера или утолившись от ожидания, по боевому обычаю подняли громкий крик. Персы на него ответили, и окрестные рощи и долины огласились устрашающими звуками. 24. Тогда уже нельзя было удержать македонцев, которые рвались кинуться на врага. У царя, решив лучше укрепиться на занятом холме, приказал насыпать вал и, когда это было в точности исполнено, сам вошел в палатку, из которой был виден весь строй неприятеля.

ГЛАВА 13

1. Тогда перед его глазами открылось поле всей предстоящей битвы: лошади и люди сверкали вооружением; военачальники объезжали ряды своих воинов — все свидетельствовало о большой озабоченности врагов в подготовке к битве. 2. При

Персидские воины. Рельеф из Персеполя

этом людей в их напряженном ожидании раздражало много пустых мелочей, как-то: людской говор, ржание коней, сверканье оружия. 3. Тогда Александр созывает совещание и, либо действительно колеблясь в душе, либо желая испытать дух своих людей, спрашивает, как лучше действовать. 4. Опытнейший в военном искусстве среди всех вождей Парменион предложил прибегнуть к обману, а не давать общего боя; важно, мол, напасть на врагов темной ночью; разве вступят в схватку в ночной суматохе эти люди различных обычаев и языков, испуганные неожиданной тревогой среди сна? 5. А днем прежде всего увидишь бегущие на тебя страшные лица скифов и бактрийцев, их косматые бороды и нестриженные волосы, еще и огромный рост и мощные тела; солдаты-де больше предаются страху от неосновательных причин, чем от серьезных. 6. Затем такое множество людей сможет со всех сторон окружить меньшее по численности войско: ведь сражение предстоит не в теснинах Киликии и не в бездорожных зарослях, а на открытой и гладкой равнине. 7. Почти все были согласны с Парменионом; Полиперкон не сомневался, что только так и можно одержать победу. 8. Царь, не желая снова порицать Пармениона, с которым он недавно поступил суровее, чем сам хотел, сказал, обращаясь к Полиперкону: «Вы мне советуете действовать как разбойнику и вору: у них на уме только обман. 9. Но я не потерплю, чтобы моей славе всегда препятствовало или отсутствие Дария, или теснота местности, или ночное воровское действие. Надо, конечно, наступать при свете; я предпочитаю расканваться в неудаче, нежели стыдиться своей победы. 10. И вот еще что: варвары несут ночную стражу и стоят под оружием, чтобы не быть застигнутыми врасплох. Итак, готовьтесь к битве». Подбодрив их так, он отпустил их отдохнуть.

11. Дарий, ожидая, что враг поступит именно так, как убеждал Парменион, приказал лошадей не распрягать, большей части войска не слагать оружия и усердно проводить ночную стражу. Итак, огни горели по всему его стану. 12. Сам он с вождями и приближенными обходил отряды воинов, стоявших под оружием, взывая к Солнцу, Митре и к священному вечному огню, чтобы эти божества внушили персам мужество, достойное их древней славы и памяти предков. 13. «Конечно, — говорил он, — если только ум человеческий может понять предсказания божества, боги на нашей стороне. Они недавно навели внезапный страх на македонцев: до сих пор они носятся как безумные, бросая оружие: так карают боги, покровители персидского царства, врагов, лишив их разума. 14. Да и вождь их не более здрав разумом: он словно дикий зверь, видя добычу, бросается прямо в капкан, поставленный перед ней».

В лагере македонцев тоже было беспокойно, они провели эту ночь в страхе будто сражение было назначено на ночное время. 15. Александр, никогда еще не знавший такого страха, приказал позвать Аристандра для молитв и обетов. Тот явился

в белой одежде с жертвенной зеленью в руках, с покрытой головою, он подсказывал царю молитвы для того, чтобы умиловать Юпитера, Минерву и богиню Победы. 16. Тогда, совершив по ритуалу жертвоприношение, на остаток ночи царь вошел в палатку отдохнуть. Но он не мог ни заснуть, ни лежать спокойно; он раздумывал: то ли спустить свой строй с холма на правый фланг персов, то ли столкнуться с врагом прямым фронтом, то ли ударить по левому флангу. 17. Наконец, утомленный беспокойством, он погрузился в глубокий сон.

Когда рассвело, командиры собрались для получения приказаний и были поражены необычайной тишиной вокруг претория. 18. В других случаях царь обычно призывал их и бранил запаздывающих; теперь они удивлялись, что он не бодрствует перед самой решительной битвой; думали, что он не спит, а оцепенел от страха. 19. Никто из телохранителей не решался войти в палатку, а время шло, солдаты без приказа вождя не могли ни взяться за оружие, ни занять свое место в строю. 20. После долгих колебаний Парменион сам отдает приказ солдатам принять пищу. И уже нужно было уходить; только тогда он входит в палатку, несколько раз окликает Александра и наконец будит его, прикоснувшись к нему. 21. «Давно уж свет, — говорит он, — враг двинул свой строй, а твои солдаты все еще не вооружены и ожидают приказов. Где же твой бодрый дух, не ты ли всегда будишь стражу?» 22. На это Александр ответил: «Неужели ты думаешь, что я мог заснуть прежде, чем облегчил душу от забот, которые не давали мне покоя?» И он велел дать трубой знак к битве. 23. Парменион все с тем же изумлением спросил его, от каких он освободился забот, прежде чем заснул. «Ничего нет удивительного, — сказал он, — что, когда Дарий выжигал земли, разрушал селения, уничтожал продовольствие, я был сам не свой. Чего же мне теперь опасаться, когда он согласен вступить в бой? 24. Геркулес исполнил мою молитву. Но объяснение моего решения будет дано после. Идите к своим войскам, кто какими командует. Я скоро приду и изложу, как я хочу действовать». 25. Редко Александр пользовался панцирем, чаще по настоянию друзей, чем ввиду опасности; тогда же он надел на тело защитное оружие и подошел к рядам солдат. Никогда раньше они не видели его таким бодрым, и по бесстрашному его лицу сами уверились, что победят.

26. Итак, он приказывает разбросать земляной вал, выводит свои войска и ставит так: на правом фланге всадников, которых называют отборным войском, во главе с Клитом; к нему он присоединил конные отряды Филота и рядом с ним поставил остальных начальников конницы. 27. Последним стояло крыло Мелеагра, за которым находилась фаланга. Позади нее были среброшитные воины; ими командовал сын Пармениона Никапор. 28. Во вспомогательных частях стоял со своим отрядом Кен, за ним Орест и Линкест, позади всех Полиперкон, командир нноземного отряда. Начальником этого войска был Аминта.

Фалек вел балакров, только недавно принятых в союзники. Таков был состав правого фланга. 29. На левом фланге стоял Кратер с пелопоннесскими всадниками и присоединенными к ним отрядами ахейцев, локров и малийцев. Эту группу замыкали фессалийцы под командой Филиппа; пеший строй был прикрыт конницей. Таков был состав левого фланга. 30. Во избежание обхода последняя колонна была окружена сильным отрядом. Фланги он тоже укрепил вспомогательными отрядами, поставив их не прямо по фронту, а с боков, чтобы они были готовы к битве, если враг попытается окружить их строй. 31. Здесь находились агриане, которыми, как и критскими стрелками, командовал Аттал. Последние ряды он отвел от линии фронта, чтобы весь строй укрепить наподобие круга. 32. Здесь находились иллирийцы и солдаты, нанятые за плату. Также он поставил отдельно и легковооруженных фракийцев. Весь строй он сделал настолько подвижным, что стоявшие сзади, чтобы не быть обойденными, могли повернуться и выйти вперед фронта. Итак, первые ряды были защищены не лучше флангов, а фланги не лучше тыловых частей.

33. Расставив так всех, он предписал в случае, если варвары с шумом пустят на них серпоносные колесницы, расступиться и встретить их натиск в молчании, он был уверен, что они проскочат, не причинив вреда, если никто под них не подвернется. Если же их пустят без шума, то им самим следует пугать лошадей криком и, когда они понесут, поражать их с двух сторон стрелами. 34. Командиры флангов получили приказ растянуть их, чтобы при чрезмерно сомкнутом строе их не окружили, но вместе с тем нельзя ослаблять задний строй. 35. Обоз с пленными, среди которых были под стражей мать Дария и его дети, он поместил недалеко от строя на возвышенном месте, с небольшим отрядом для защиты. Левое крыло, как и в других битвах, он поручил Пармениону, сам стал на правом фланге. 36. Стороны еще не сблизились на расстояние полета копья, когда какой-то перебежчик, Бион, со всех сил подбежал к царю и сообщил, что Дарий зарыл в землю там, где, как он полагал, пройдет неприятельская конница, железные шипы, но места эти обозначены знаками, чтобы не вводить в обман своих. 37. Приказав взять перебежчика под стражу, Александр собирает командиров и, сообщив, что ему стало известно, убеждает их избегать указанной местности и сказать об этой опасности коннице. 38. Впрочем, войско не могло слышать его увещаний, так как шум от двух армий все оглушал. На виду у всех, объезжая командиров и близстоящих воинов, он стал говорить так...

ГЛАВА 14

1. Он говорил, что перед ними, прошедшими столько земель в надежде на победу, за которую стоило бороться, осталось это последнее препятствие. Сражение на реке Гранике, преодоле-

ние гор Киликии, захват Сирии и Египта вызывают надежды на славу. 2. Персы будут сражаться, так как им воспрепятствовали бежать. Уже третий день они стоят на одном месте, обессиленные страхом, отягченные своим вооружением. Верным доказательством их отчаяния служит то, что они сжигают свои города и поля, будучи уверены, что все, что они не уничтожат, достанется победителю. 3. Нет основания бояться пустых имен неизвестных народов. Ничего не значит для решения спора в войне, кого называют скифами, а кого кадусиями. Раз они неизвестны, значит, они недостойны славы. 4. Храбрые никогда не остаются в неизвестности, а люди невоинственные, вытщенные из закоулков, это только пустые названия. Македонцы своим мужеством достигли того, что нет на земле места, где бы о них не знали. 5. Пусть они только посмотрят на неустройство персидского войска: у одних нет ничего, кроме дротика, другие мечут камни из пращей, лишь у немногих есть полное вооружение. Итак: там больше людей, у нас больше способных сражаться. 6. Он не требует, чтобы они храбро бросились в бой, если сам не будет подавать другим пример мужества. Он будет сражаться впереди всех знамен. Он обещает, что каждая его рана будет знаком отличия на его теле; они сами знают, что только он не участвует в разделе общей добычи и что все добываемое победами расходуется на их награды, на их потребности. 7. Он знает, что говорит это мужественным воинам. Иначе он сказал бы им, что они зашли туда, откуда уже нельзя бежать. Отмерив столько пространств земли, оставив позади себя только рек и гор, они должны теперь проложить себе путь на родину, к пенатам своею собственной рукой. Такими словами он внушал мужество вождям и стоявшим вблизи солдатам.

8. Дарий находился на левом фланге, окруженный большим отрядом отборных всадников и пехотинцев; с презрением смотрел он на малочисленность неприятеля, полагая, что напрасно растянуты фланги его строя. 9. Впрочем, возвышаясь на колеснице и окидывая взором окружавшие его слева и справа полчища, он простер над ними руки и сказал: «Вы незадолго до этого были господами всех земель, которые с одной стороны омывает океан, а с другой замыкает Геллеспонт, теперь вам придется сражаться не за славу, а за спасение или за то, что для вас дороже жизни, — за свободу. Сегодняшний день или восстановит царство, обширнее которого не видал еще никакой век, или покончит с ним. 10. На Гранике мы сражались с врагом лишь небольшой частью наших сил, после поражения в Киликии нас могла принять Сирия, прочной защитой царству служили реки Тигр и Евфрат. 11. Ныне мы приплыли туда, откуда в случае поражения некуда даже бежать — все у нас в тылу разорено продолжительной войной: в городах не осталось жителей, в полях — земледельцев. Жены и дети сопровождают наше войско — готовая добыча для врагов, если мы телом своим не прикроем дорожке нам существа. 12. Что касается моего дол-

га, я собрал такое войско, что его едва вместила на себе обширнейшая равнина, я дал коней, оружие, предусмотрел, чтобы такое множество людей не осталось без продовольствия; я выбрал место, где все войско смогло бы развернуться. 13. Остальное зависит от вас: найдите в себе только силы стать победителями и презирайте молву — самое слабое оружие против мужественных людей.

Безрассудством оказалось то, что вы считали мужеством у врага и чего боялись: враг слабеет после первого выпада, как животные, потерявшие свое жало. 14. На здешних просторах видно, как малочисленно неприятельское войско, горы Киликии скрывали это. Вы видите редкие ряды, растянутые фланги, центр пустой, истощенный, задние ряды повернуты так, что уже открывают тыл. Клянусь богами, их можно затоптать лошаадьми, если я пошлю только серпоносные колесницы. 15. Если мы победим в этом бою, мы выиграем и всю войну; ведь им и бежать некуда: их запирают с одной стороны Евфрат, с другой — Тигр. 16. Все, что раньше было за них, теперь против них. Наше войско легкое и подвижное, у них отягощенное добычей. Мы перебьем их, заваленных нашим добром, и это будет основанием и плодом нашей победы. 17. Если кого из вас смущает имя этого народа, то знайте, что македонским осталось оружие, а не люди, вы взаимно пролили много крови, а при малочисленности потери всегда тяжелее. 18. Ведь Александр, как бы он ни казался страшен трусам и малодушным, все же только человек и, поверьте мне, безрассудный и неразумный, удачливый до сих пор не по своей доблести, а из-за нашей паники. 19. Но ничего не бывает долговечно, если не основано на разуме. Допустим, что ему улыбается счастье, но это еще не покрывает его безрассудства. Кроме того, удачи и несчастья часто чередуются и судьба никогда не бывает неизменна. 20. Может быть, боги определили не губить персидское царство, которое они в течение 230 лет вели по пути удач и подняли на величайшую высоту, а скорее испытать нас и напомнить нам о непрочности человеческого бытия, о чем при удаче все мало думают. 21. Еще недавно мы ходили войной против Греции, а теперь отражаем войну, угрожающую нашим домам. Так играет нами судьба. Ясно, что кто-то из противников не сохранит своего царства, раз мы взаимно этого добиваемся. 22. Впрочем, если бы даже не оставалось никаких надежд, к действию принуждает необходимость: мы дошли до крайности. Мою мать, двух дочерей, сына Оха, рожденного с надеждой на это царство, первого отпрыска нашего царского рода, вождей ваших, словно преступников, враг держит у себя в оковах. Если бы не связь с вами, я и сам чувствовал бы себя тоже в плену. Освободите мое сердце от оков, верните мне залог, за который вы сами готовы умереть: мою мать, моих дочерей, ибо супругу я уже потерял в неволе.

23. Верьте, ныне все они протягивают к вам руки, молят родных богов, ждут от вас помощи, милосердия, верности, что-

вы освободили их от оков рабства, от жалкого их положения. Или вы думаете, легко прислуживать тем, над кем и царствовать гнушаешься? 24. Я вижу, как приближается строй врагов, но чем я ближе к решительному бою, тем меньше я могу удовлетвориться тем, что уже сказал. Заклинаю вас отечественными богами, неугасимым огнем, пылающим на алтарях, блеском солнца, восходящего в пределах моего царства, вечной памятью Кира — первого, кто передал Персиде царства, отнятые им у мидийцев и лидийцев, — спасите от крайнего позора народ персидский и его имя. 25. Идите в бой бодрые и полные надежд, чтобы передать потомкам славу, унаследованную от предков. В ваших руках свобода, сила, надежды на все будущее время. Избегает смерти тот, кто ее презирает; и она поражает всех трепещущих. 26. Сам я еду на колеснице не только согласно нашему обычаю, но и для того, чтобы вы могли меня видеть и подражать мне, буду ли я вам давать пример мужества или малодушия».

ГЛАВА 15

1. Между тем Александр, чтобы обойти указанное перебежником место и встретиться с Дарием, который охранял левый фланг, приказывает наступать крылу, поставленному косо. 2. И Дарий повернул в ту сторону, велел Бессу приказать всадникам-массагетам сбоку напасть на левое крыло Александра. Перед ним самим были серпоносные колесницы, которые по общему знаку он разом пустил на врага. Колесничие помчались, отпустив вожжи, чтобы потоптать больше людей, не ожидая такого нападения. 4. Одних ранили копья, торчащие впереди из дышла, других — выставленные с боков косы; но македонцы не только отступили перед ними, но в бегстве расстроили свои ряды. 5. Еще и Мазей навел на них страх своим падением, так как послал в обход тысячу всадников разорвать неприятельский лагерь, полагая, что пленные, заключенные все вместе, сами разорвут свои оковы, увидев приближение своих. 6. Но ему не удалось обмануть Пармеиона, стоявшего на левом фланге. Тот поспешно посылает к царю Полидаманта сказать об опасности и спросить распоряжений. Царь, выслушав Полидаманта, сказал ему: «Иди, скажи Пармеиону: если мы победим в строю, то не только вернем все, но и захватим принадлежащее врагам. 8. Итак, нет основания отнимать хоть сколько-нибудь сил у строя. Пусть будет достоин меня и моего отца Филиппа, пренебрежет потерей имущества и храбро сражается с врагом». 9. Между тем варвары привели в смятение обоз, а пленные, перебив многих из стражи, разорвав свои оковы, вооружаются чем попало, присоединяются к своим всадникам и с двух сторон нападают на попавших в беду македонцев. 10. Пленные, окружавшие царицу Си-

Сисгамбис, радуясь победе персов, объявляют, что враги потеряли великое поражение и совершенно лишились всего обоза; они думали, что ход сражения на всех участках одинаковый и что победившие персы разбежались в поисках добычи. 11. Пленные убеждали Сисгамбис отбросить печаль, но она оставалась в прежнем состоянии, не издала ни звука, не изменилась в лице: она сидела неподвижно, точно боялась преждевременной радостью спугнуть счастливую судьбу; смотревшие на нее не могли решить, чего она желает. 12. Между тем начальник конницы Александра Менид то ли по собственному решению, то ли по приказанию царя подошел с несколькими отрядами всадников, чтобы оказать помощь обозу, но не выдержал натиска кавказцев и скифов и, едва вступив с ними в бой, вернулся к царю, так и не отомстив за урон, а лишь засвидетельствовав его. 13. Горестное чувство нарушило планы Александра, недаром он так опасался увести из строя воинов для возвращения своего имущества. Итак, он посылает против скифов Арету, командира копейщиков, называвшихся сариссоносцами.

14. Между тем колесницы, расстроив ряды перед знаменами, прорвались к фаланге: македонцы же, собравшись с мужеством, пропускают их в середину. 15. Строй их стал подобен валу: они сомкнули свои копья и с обоих боков прокалывали животы напиравших на них лошадей, потом они окружили колесницы и сбрасывали с них колесничих. 16. Строй заполнился упавшими лошадьми и возничими, они не могли больше управлять напуганными лошадьми: частыми рывками головой не только рвали упряжь, но и опрокидывали колесницы, раненые тащили за собой убитых, взбесившиеся не могли остановиться, истощенные — двигаться. 17. Лишь немного колесниц достигло последних рядов строя, неся ужасную смерть тем, на кого падали: иссеченные людские тела лежали на земле, и так как страдания причиняют лишь свежие раны, то, будучи прежде ранеными и обессиленными, они не выпускали из рук оружия, пока, истекая кровью, не падали замертво. 18. Между тем Арета, убив вождя скифов, разграблявших обоз, все сильнее напирал и устрашал их. Но к ним пришли на помощь посланные Дарием бактрийцы и изменили судьбу сражения: много македонцев было задавлено при первом налете, большинство бежало к Александру. 19. Тогда персы, подняв крик, что обычно издают побеждающие, еще яростнее бросились на врага, считая его повсюду смятым. Александр укорял испугавшихся, ободрял их, один оживлял уже затухавший бой и, подняв наконец дух своих воинов, послал их в наступление.

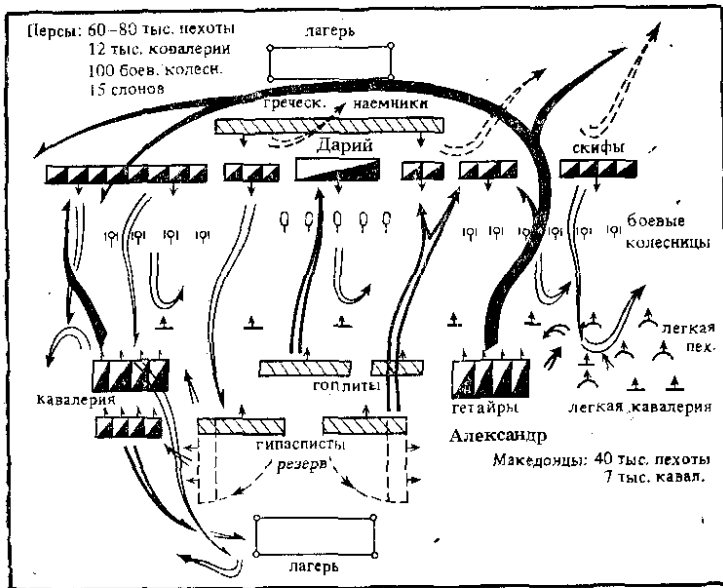
20. Ряды персов на правом фланге несколько поредели: оттуда ушли бактрийцы для нападения на обоз. Итак, Александр бросается на ослабевшие ряды и производит в них большую резню. 21. Персы же, стоявшие на левом фланге в надежде окружить, придвинулись к нему с тыла; оказавшись в окружении, царь попал бы в весьма опасное положение, если бы агриан-

ские всадники, пришпорив коней, не ударили на варваров, окруживших царя, и, рубя их, не заставили наступавших обратиться против них самих.

22. Оба строя пришли в смятение. Враги были у Александра и спереди и с тыла; угрожавших ему сзади теснили агриане; бактрийцы, вернувшись после разграбления обоза, не могли найти своих прежних мест: много частей оказалось оторванными от своих, сражались, где кого с кем столкнул случай. 23. Присутствие царя делало рукопашный бой особенно жарким. Убитых было больше у персов, раненых — примерно поровну. 24. Дарий ехал в колеснице, Александр — на коне. Того и другого защищали, не помня себя, отборные дружинники; никто из них не хотел, да и не мог пережить своего царя; каждый считал наиболее достойным умереть на виду у своего владыки. 25. Наибольшей же опасности подвергались те, кого больше всего оберегали, ибо каждый домогался чести убить царя своих прагов.

26. Впрочем, был ли это обман зрения или истинное явление, но люди, окружавшие Александра, утверждали, что видели невысоко над головой царя спокойно летающего орла, не пулющегося ни звона оружия, ни стонов умирающих; долгое время он не столько летал, сколько парил над конем Александра. 27. Прорицатель Аристандр, одетый в белые одежды, с лавровой ветвью в руке, указал жарко сражавшимся воинам на пещицу — несомненное предсказание победы. 28. Недавно бывшие подавленными воины испытали теперь прилив бодрости и уверенности, особенно после того, как копьем был сражен возникший Дария, сидевший над ним и правивший конями. Ни персы, ни македонцы не сомневались, что убит сам царь. 28. Итак, весь строй бившихся до сих пор с равным успехом родичи и оруженосцы Дария огласили воплями печали, нестройными криками и стопами, и левое крыло, обратившись в бегство, покинуло колесницу царя, которую обступил отряд, ранее находившийся справа. 30. Говорят, что Дарий, обнажив акинак, колебался, не избавиться ли ему от позорного бегства почетной смертью, но совесть не позволила ему, возвышавшемуся в колеснице, бросить на произвол судьбы воинов, не прекращавших сражаться. 31. Пока он колебался между надеждой и отчаянием, персы стали постепенно отступать и разрезать ряды. Александр же, сменив коня, — он загнал уже многих — разил сопротивлявшихся ему в лицо, а бегущих в спины. 32. И битва же превратилась в побоище, когда обратился в бегство и Дарий со своей колесницей. Победители следовали по пятам убегающих, но тучи пыли, поднимавшиеся к небесам, застилали взоры. Итак, все блуждали, как в потемках, сходились на звук знакомых голосов, как на сигнал. 33. Но слышалось щелканье кожжей, которыми то и дело подгоняли лошадей, запряженных в колесницы. Это были единственные признаки бегства неприятеля.

1. А на левом фланге македонцев, который охранял, как было сказано, Парменион, бой шел при других условиях для той же другой стороны. 2. Мазей, бурно налетев со своей конницей, теснил конные части македонцев. Имея численный перевес, он

Сражение при Гавгамелах (Арбелах), 331 г. до н. э.

уже начал обходить неприятеля, когда Парменион приказал своим всадникам известить Александра, в каком они тяжелом положении: если, мол, царь быстро не придет на помощь, он не сможет сдержать общее бегство. 3. Когда от Пармениона пришло это тревожное известие, царь ускакал уже далеко, угрожая тылу бегущего врага. Он приказал остановить лошадей, которые несли, остановился и весь отряд. Александр был взбешен, что у него вырвали из рук победу и что теперь удобнее Дарию бежать, чем его преследовать. 4. Между тем до Мазея дошел слух о поражении Дария; несмотря на перевес силы, испуганный судьбой воюющих сторон, он ослабил нажим на смятого им противника. Парменион не знал, почему внезапно ослабла битва, но энергично воспользовался этим для победы. 5. Он приказывает призвать к себе фессалийских всадников и говорит им: «Видите ли вы ваших врагов, только что они сильно на нас на-

тирала, а теперь, внезапно поддавшись страху, они дрогнули в бою! Конечно, нам сулит победу удача нашего царя. Все устало телами персов. Что же вы медлите? Неужели вы не справитесь с убегающими?» 6. Слова его показались правдивыми, и надежда подняла упавший дух воинов. Пришпорив коней, все бросились на противника, и тот стал отступать не постепенно, а поспешным маршем. До подлинного бегства им оставалось только повернуться тылом. 7. Парменион, не зная об удаче царя на правом фланге, сдерживал своих людей, а Мазей, получив простор для бегства, не прямым, а обходным, зато надежным путем переправился через Тигр и вступил с остатками разбитого войска в Вавилон.

8. Дарий с немногими слутниками своего бегства направился к реке Лику. Переправившись через нее, он не знал, разрушить ли ему мост, так как ожидали, что сейчас появится враг. Он понимал, что если сломать мост, то много тысяч его еще не дошедших до реки людей станут добычей врага. 9. Передают, что, уходя и оставив за собой мост, он сказал, что предпочитает дать переправиться преследующему его врагу, чем отнять путь у спасающихся бегством. Сам он, покрыв в своем бегстве огромное расстояние, к середине ночи прибыл в Арбелы. 10. Кто мог бы охватить умом или изложить в речи столько превратностей судьбы, гибель вождей и войск, бегство побежденных, гибель отдельных лиц и целой армии? В один день решалась судьба многих, можно сказать, веков. 11. Одни убежали по кратчайшим путям, другие искали ущелий и тропинок, знакомых преследующим. Пехотинцы, потеряв своих вождей, смешивались со всадниками, безоружные — с вооруженными, раненые — с невредимыми. 12. Затем, от страха забыв о милосердии к тем, кто не мог следовать за другими, оставляли их на дороге, вместе с ними оплакивая их судьбу. Усталых и раненых особенно мучила жажда: у всех ручьев люди припадали к текущей воде и ртом втягивали ее в себя. 13. От жадности они глотали и мутную воду, потом испытывали боль в желудке, где осаживался ил; ноги их ослабели и плохо слушались, и если их настигал неприятель, они получали новые раны. 14. Если к ближайшим ручьям нельзя было подойти, люди отходили дальше от дороги, чтобы найти хоть незаметно просачивающуюся влагу, и не оставалось ни скудного, ни удаленного водоема, который не утолил бы чьей-нибудь жажды. 15. А из ближайших к пути поселков доносились плач и стоны стариков и женщин, по варварскому обычаю призывавших Дария, все еще называя его царем.

16. Александр, задержав, как было сказано, натиск своих войск, подошел к реке Лику, где толпа бегущих запрудила мост; многие, гонимые противником, бросались в реку и, обессиленные сражением и бегством, под тяжестью оружия погибали в пучине. 17. Уже не только мост не вмещал больше бегущих, но и река не принимала людей, неожиданно скучивавшихся в

большие массы; ведь когда впадешь в панику, больше всего боишься того, что сначала внушило страх. 18. Александр по настоянию своих воинов разрешил бы им преследовать безнаказанно бегущего противника, если бы оружие у всех не притупилось, руки бойцов не устали; тела их были разбиты от быстрой скачки, кроме того, день уже клонился к ночи. 19. В самом деле, когда его звали с левого фланга, который, как он считал, прочно стоял в бою, он решил вернуться, чтобы выручить своих, и уже повернул знамена, когда присланные Парменионом всадники сообщили о победе и на их фланге. 20. Но наибольшую опасность он испытал в этот день, когда отводил войско в лагерь. Его сопровождали лишь немногие части без правильного строя, считавшие себя победителями, ибо думали, что все враги обратились в бегство или пали на поле битвы. Вдруг навстречу им появился отряд всадников; сначала они замедлили ход, а затем, обнаружив малочисленность македонцев, бросились на повстречавшихся. 22. Царь ехал впереди знамени, скорее маскируя свой страх, чем преодолевая его. Но и здесь не оставило его обычное в беде его счастье. 23. В самом деле, жаждущего сразиться начальника неприятельской конницы и потому неосторожно на него наседавшего он пронзил копьем, а когда тот упал с лошади, он тем же копьем сразил следующего воина и еще многих других. 24. Бросились на них также и его приближенные. Но и персы не гибли неотомщенными: и в общем бою всего войска не было столько горячности, как в этой стычке небольших отрядов. 25. Наконец, варвары, считая, что бегство в сумерках безопаснее битвы, разъехались, разделившись на части. А царь, избавившись от этой неожиданной опасности, привел своих людей в лагерь невредимыми.

26. Персов пало в этом бою, как это смогли определить победители, тысяч 40, потери македонцев не составили и 300 человек. 27. На этот раз царь обязан был этой победой не столько своему счастью, сколько мужеству; он победил благодаря своему боевому духу, а не удобному местоположению, как раньше. 28. Здесь он и строй поставил весьма искусно, и сам сражался энергично, и проницательно пренебрег потерей обоза, поняв, что судьба сражения решится в борьбе основного строя. 29. При неясном еще исходе битвы он действовал уже как победитель, обратил в бегство разбитого врага и бегущих преследовал — вопреки пылкости своего характера — не с горячностью, а с благоразумием. 30. Ведь если бы он продолжал преследовать отступающих, пока часть войска еще стояла в строю, он мог бы оказаться побежденным по своей вине или победить благодаря мужеству других. И если бы он испугался множества напавших на него всадников, то победителю пришлось бы бежать или погибнуть жалким образом. 31. И вожди отрядов не опозорили своей славы: раны, полученные каждым из них, свидетельствуют о их храбрости. 32. У Гефестиона рука была пробита копьем, Пердикка, Кен и Менид чуть не были убиты стрелами. 33. И ес-

ли мы хотим справедливо оценить македонцев, участвовавших в том походе, то должны сказать, что как царь был достоин своих помощников, так и они были достойны своего царя.

КНИГА V

ГЛАВА 1

1. Если бы я хотел последовательно рассказать обо всем, что было совершено за это время по указанию и воле Александра в Греции, Иллирии или Фракии, то пришлось бы прервать рассказ о событиях в Азии, 2. которые, однако, много удобнее представить в той последовательности, в какой они происходили в действительности, во всяком случае до бегства и смерти Дарня.

Итак, прежде всего я расскажу о том, что было связано с битвой при Арбелах. 3. Дарий прибыл в Арбелы примерно в полночь; туда же судьба направила бегство большей части его друзей и воинов. 4. Собрав их, он сказал, что не сомневается, что Александр будет домогаться самых населенных городов и полей, изобилующих всякими запасами; он сам и его воины зарятся на готовую богатую добычу. 5. Но ему самому в его тяжелом положении это даст облегчение, и он направится с легким отрядом в степи. Дальние области его царства еще не тронуты, в них он без труда найдет силы для войны. 6. Пусть этот алчный народ захватит его сокровища и насытит, наконец, свой долгий голод золотом, скоро он сам станет его добычей. По его словам, он на опыте познал, что дорогая утварь, наложницы и толпы евнухов только обуза в пути; когда Александр потащит все это за собой, он окажется слабейшим именно в том, чем раньше побеждал. 7. Всем эта речь показалась полной безнадежности, ибо все поняли, что Дарий сдает богатейший свой город Вавилон и что победитель захватит и Сузы и все другое, что служит украшением государства и поводом для войны. 8. А Дарий продолжал поучать, что в несчастии надо заботиться не о великолепии, а о самом необходимом, что войны ведутся не золотом, а железом, нужны люди, а не кровли городов; все подчиняется вооруженным людям: так и предки его сначала потерпели поражение, потом быстро восстановили свое прежнее могущество. 9. Итак, со своими друзьями, то ли окрепшими духом, то ли следовавшими за ним больше из повиновения, чем согласившись с его мнением, он вступил в пределы Мидии.

10. Немного позже Александру сдаются Арбелы; царский дворец был полон богатой казны: там было взято 4 тысячи талантов и, кроме того, много ценных одежд, так как в этом городе, как уже сказано, было собрано имущество всего войска. 11. Из-за повальных болезней, распространившихся от разложения трупов, лежавших по всем полям, Александр поспешил

сняться оттуда лагерем. У выступавших из Арбел с левой стороны оказалась Аравия, страна, известная обилием благовоний. 12. Путь там идет степью. Она между Евфратом и Тигром так тучна и обильна, что, говорят, скот там сгоняют с пастбища, чтобы он не погибал от перенасыщения. Причина такого плодородия в орошении: влага из той и другой реки по водоносным жилам распространяется по всей почве. 13. Сами эти реки стекают с гор Армении и на пути расходятся друг от друга на

Монета персидского сатрапа Фарнабаза. Кизик. V—IV вв. до н. э.

Монета сатрапа Мазея с изображением бога Ваала (Зевса-Ваала)

большое расстояние. Измерившие наибольшее их расхождение близ Армянских гор насчитали 2500 стадиев. 14. Эти же реки, вступив в области мидян и гордиеев, начинают сходить ближе, и чем дальше текут, тем все уже оставляют полосу земли между собой. 15. Ближе всего они сходятся на той равнине, которую жители называют Месопотамией, ограничивая ее с двух сторон. Они же через земли вавилонян прорываются к Красному морю. 16. Александр четырьмя переходами дошел до города Менниса. Там есть пещера, из которой источник выносит такое количество битума, что, как это достаточно установлено, им обмазаны все огромные вавилонские стены.

17. Когда Александр приближался к Вавилону, Мазей, который бежал сюда из строя, смиренно вышел к нему со взрослыми своими сыновьями и сдал ему на милость город и самого себя. Приход его был приятен царю, иначе предстояла бы трудная осада столь укрепленного города. 18. Казалось также, что столь знатный, столь опытный и прославленный в недавних сражениях муж может своим примером побудить к такой же сдаче и других. 19. Поэтому царь благосклонно принимает его

с детьми, а впрочем, приказывает войску — будто бы на бой — войти в город квадратным строем; во главе его шел он сам. Много вавилонян стояло на стенах, ожидая скорее увидеть нового царя, еще больше их вышло навстречу. 20. Среди них был и хранитель крепости и царской казны Багофан; чтобы не отстать в усердии от Мазея, он устлал весь путь цветами и венками, поставил с двух сторон серебряные алтари и возжигал на них не только фимиам, но и всякие другие благовония. 21. За ним следовали подарки: стада мелкого скота, табуны лошадей, в клетках везли львов и барсов. 22. Затем шли маги, певшие по своему местному обычаю, за ними халдеи, не только вавилонские прорицатели, но и мастера со своими особыми инструментами. Первые обычно прославляли царей, другие указывали движение светил и установленные смены времен года. 23. Последними шли всадники, украсившие себя и своих коней, представляя напоказ больше роскошь, чем свое величие. Царь в сопровождении вооруженной свиты приказал толпе горожан идти за последними пехотинцами, сам же въехал в город, а потом и в царский дворец на колеснице. На другой день он осматривал имущество Дария и денежные запасы.

24. Впрочем, красота и древность самого города не без основания привлекли к себе взоры не только царя, но и всех воинов. Его основала Семирамида, а не Бел, как многие думали, хотя там и имеется его дворец. 25. Стены его построены из обожженного кирпича, промазанного битумом; они имеют ширину в 32 фута: говорят, что на их поверхности свободно могут разехаться две квадриги. 26. В высоту стены поднимаются на 50 локтей, башни выше стен на 10 футов. Окружность всей постройки составляет 365 стадиев. Сохранилось предание, что каждый стадий стены строился в течение одного дня. Постройки не подходят вплотную к стенам, но отстоят от них на расстоянии примерно одного югера. 27. Не все пространство города заполнено постройками; жилье там занимает 80 стадиев, и строения не тянутся сплошными рядами: я думаю, что казалось безопаснее разбросать их в разных местах. Остальную площадь жители засевают, чтобы в случае внешней опасности доставлять осажденным продовольствие с полей самого города. 28. Евфрат протекает через город и взят там в береговые сооружения. Самыми грандиозными из них являются огромные бассейны, врытые глубоко в землю для приема воды при повышении ее уровня; она могла бы сорвать крыши домов, если бы не было бассейнов и озер для ее отвода. 29. Они выложены из обожженного кирпича, и вся постройка скреплена битумом. Мост из камня, перекинутый через реку, соединяет части города. Он тоже причислен к выдающимся сооружениям Востока, ибо Евфрат несет множество ила; отгребая его, с трудом находят под ним твердую почву, на которую можно ставить фундамент. 30. Насыпанный сюда песок, плотно облегающий камни, поддерживающий мост, замедляет течение реки, которая после

этой задержки потом устремляется с большей силой, чем если бы все время текла свободно.

31. Есть в городе и крепость окружиостью в 20 стадиев; основания башни заложены на 30 футов в землю, высшая точка укрепления достигает 80 футов высоты. 32. Над крепостью находятся прославленные в рассказах греков как чудо висячие сады на высоте стен; в них много ветвистых живописных деревьев. 33. Столбы, поддерживающие все сооружение, сложены из камня. На них положен настил из обтесанных камней, поддерживающий груз земли, насыпанной глубоким елом, и влагу, ее орошающую. Все сооружение несет на себе такие большие деревья, что стволы их достигают в толщину 8 локтей, в высоту 50 футов и приносят плоды, точно растут на родной почве. 34. И хотя время постепенно разрушает не только творение рук человеческих, но и природу, эта машина, несущая на себе тяжесть целой рощи со столькими корнями деревьев, остается не-вредимой. Поддерживают ее 20 толстых стен на расстоянии 11 футов друг от друга, так что, если смотреть издали, кажется, что лее растет на родных своих горах. 35. По преданию, это сооружение сделал один правивший в Вавилоне сирийский царь из любви к своей супруге: тоекая в пустынной местности о лесах и рощах, она убедила мужа соорудить что-нибудь в подражание живописной природе.

36. Царь задержался в этом городе дольше, чем где-либо, но ни в каком другом месте он не причинил большего вреда военной дисциплине. Нет другого города с такими испорченными нравами, со столькими соблазнами, возбуждающими неудержимые страсти. 37. Родители и мужья разрешают здесь своим дочерям и женам вступать в связь с пришельцами, лишь бы им заплатили за их позор. Пиршества и забавы по душе царям и их придворным во всей Персиде; вавилоняне же особенно преданы вину и всему, что следует за опьянением. 38. Вначале вид у пирующих женщин бывает скромный, потом снимается верхняя одежда, понемногу обнажая тело, а под конец — не знаешь, как и сказать — они сбрасывают с себя и нижние одежды. И этот позор в обычае не только у распутниц, но у матрон и девушек; предоставление своего тела считается у них любезностью. 39. Войско, покорившее Азию, пробыв среди такого распутства в течение 34 дней, конечно, оказалось бы слишком слабым для предстоящих ему испытаний, если бы перед ним был настоящий враг.

Впрочем, чтобы этот ущерб меньше ощущался, состав войска все время обновлялся. 40. В самом деле, Аминта, сын Андромедона, привел от Антипатра 6 тысяч македонской пехоты и, кроме того, 500 всадников того же племени, с ними 600 фракийцев и три с половиной тысячи пехоты этого народа; 41. прибыли и наемники из Пелопоннеса до 4 тысяч человек с 380 всадниками. 42. Тот же Аминта привел в качестве телохранителей 50 взрослых сыновей князей Македонии: такие служат царю во

время еды, они же подают ему лошадей перед битвой, сопровождают его на охоте, несут ночные дежурства перед входом в его палатку. Это начало службы и повышения для будущих больших начальников и вождей. 43. Итак, поставив во главе вавилонской крепости Агафона и дав ему 700 македонцев и 300 наемников, царь оставил для управления Вавилонской областью и Киликией Менета и Аполлодора. Им он дает 2 тысячи солдат и тысячу талантов; тому и другому было приказано набрать воинов для пополнения. 44. Перебежчика Мазея он одаряет сатрапией Вавилонии, Багофану, сдавшему крепость, он приказал следовать за собой. Армения дана была в управление Митрену, сдавшему ему Сарды. 45. Из денег, переданных ему в Вавилоне, царь раздал македонским всадникам по 600 денариев, чужеземные всадники получили по 500, пехотинцы — по 200 — плату за 3 месяца.

ГЛАВА 2

1. Распорядившись так, Александр прибыл в сатрапию, называемую Ситтакской. Земля там плодородна, всем обильна и имеет много продовольствия. 2. Итак, царь задержался там более и, чтобы у воинов не ослаб дух от бездействия, назначил состязания в воинской доблести и объявил судей и награды. 3. Девять человек, признанных храбрейшими, должны были получить командование отрядами по одной тысяче человек (их называли хилнархами), тогда впервые было введено такое деление войска, раньше же в когортах было по 590 воинов, и командование ими поручалось не в награду за храбрость. 4. Собралась большая толпа воинов, чтобы участвовать в состязании, а также засвидетельствовать подвиги каждого и вынести мнение о судьях, ибо всем должно было быть известно, правильно или неправильно будет присуждена каждому награда. 5. Первым среди всех по доблести был признан старший Атаррий, который один больше всех поддержал бой под Галикарнассом, вступивший молодыми воинами, следующим за ним был призван Антиген; третье место получил Филот Авгей, четвертая награда дана была Аминте; за ним шел Антигон, далее Линкест Аминта, седьмое место занял Теодот, последнее Гелланик. 6. Многое в унаследованных от предков обычаях, в военном деле царь изменил с большой пользой для дела. В самом деле, раньше всадники приписывались каждый к войску своего племени отдельно от других, теперь, отменив разделение по племенам, он поручал командование лучшим начальникам, а не объявительно из определенного племени. 7. Раньше он подавал сигнал к снятию с лагеря трубой, звук которой часто издавал начинавшегося шума слышен был недостаточно громко, теперь он поднимал над преторием шест, который был отовсюду виден, и на нем знамя, тоже одинаково всем заметное, по ночам применялся огонь, днем — дым.

8. Когда Александр подходил к Сузам, начальник этой области Абулит, может быть подученный Дарием, чтобы удержать Александра от грабежа, или по своему решению, выслал ему навстречу своего сына и обещал сдать город. 9. Царь благосклонно принял юношу и, ведомый им, подошел к реке Хоаспу с очень вкусной водой. Здесь навстречу ему вышел Абулит с царски щедрыми и обильными подарками. 10. Среди них были выючные верблюды, чрезвычайно скорые в беге, и 12 слонов, выведенных Дарием из Индии; они стали не устрашением для македонцев, как тот желал, а помощью, ибо судьба передавала силы побежденного победителю. 11. Войдя в город, царь взял из сокровищницы невероятное количество денег: 50 тысяч талантов чистого веса серебра не в виде чеканной монеты, а в слитках. 12. Много царей накопили такое богатство в течение долгого времени для своих детей и потомков, как они предполагали, а деньги за один час перешли в руки царя-иноземца. 13. Затем Александр сел на царский трон, слишком высокий по его росту, и так как ноги его не доставали до нижней ступеньки, то кто-то из царских слуг подставил под его ноги столик. 14. Услыхав при этом, как один из евнухов Дария застонал, он спросил о причине его горя. Тот сказал, что не может смотреть без слез, как столик, священный в его глазах, потому что Дарий обычно вкушал с него пищу, подвергается такому унижению. 15. Царь устыдился такого оскорбления богов гостеприимства и приказал было унести столик, но Филот сказал: «Не делай этого, о царь, но прими за предзнаменование: столик, за которым пировал враг, подставлен под твои ноги!»

16. Царь, желая дойти до пределов Персиды, передал город Сузы и гарнизон в 3 тысячи человек Архелаю, защита крепости поручена была Ксенофилу, македонцы старших возрастов оставлены во главе крепостной стражи, охрана сокровищ поручена Калликрату. 17. Сатрапия в Сузской области была возвращена Абулиту. Мать Дария и его детей он оставил в этом городе. 18. При этом он велит передать Сисигамбис, к которой он относился с сыновним почтением и любовью, македонские одежды и пурпурную краску, присланные ему в большом количестве в подарок из Македонии, а также мастериц, их изготовивших. 19. Он поручил сказать ей также, чтобы она, если одежда ей понравится, приучила своих внучек изготавливать подобные; он ведь дарит ей также мастериц, которые могут их научить этому. При этих словах у царицы выступили слезы, и она отклонила подарок, выдав тем свою обиду: ничто не кажется персидским женщинам столь обидным, как работа с шерстью. 20. Вручившие подарок сообщили, что царица опечалилась, но что это ей простительно, и она достойна утешения. Царь пошел сам к ней и сказал: «О мать, смотри, одежда, в которую я одет, — не только подарок мне от сестер, но и работа их рук. Я введен в заблуждение моими родными обычаями. 21. Прошу тебя, не принимай за обиду мое незнание. Твои обычаи, кото-

рые мне стали известны, я, надеюсь, во всем соблюдал. 22. Я знаю, что у вас не разрешается без позволения сыну сидеть перед лицом матери; каждый раз, как я приходил к тебе, я стоял, пока ты не давала мне знака сесть. Ты часто хотела пасть передо мною в знак уважения, я противился. Я называю тебя именем матери, которое принадлежит моей дражайшей матери (Олимпиаде).

ГЛАВА 3

1. Успокоив царицу, царь четырьмя переходами подошел к реке Тигру, называемой местными жителями Паситигрис. Река начинается в горах уксиев и на протяжении 50 стадиев несется по камням среди лесистых берегов. 2. После этого ее принимают поля, по которым она течет в более ровном русле и является судоходной. Мягкая почва тянется на протяжении 600 стадиев; по ней она катит свои спокойные волны к Персидскому морю. 3. Перейдя через реку, Александр с 9 тысячами пехоты, с агрианами и сатрианами, с 3 тысячами греческих наемников и тысячью фракийцев вступил в область уксиев. Эта область находится по соседству с Сузами, вдается в переднюю Персиду, оставляя узкий проход между собой и Сузской областью. 4. Начальником этой страны был Мадат, он явно не считался с условиями времени, так как решил по долгу верности претерпеть самые крайние беды. 5. Но знакомые с местностью люди указали Александру скрытый путь по глухим тропам в стороне от города и сказали, что если он пошлет небольшой отряд легковооруженных, они проскользнут над головами врагов. 6. Совет понравился царю, и они же стали проводниками. 1500 наемников, почти тысяча агриан даны были под команду Гаврону, и им было приказано выступить после захода солнца. 7. Сам царь, снявшись с лагеря в третью смену, к восходу солнца преодолел теснины и, нарубив леса для изготовления fascin и щитов для предохранения от обстрела воинов, которым предстояло пододвигать осадные башни к стенам города, приступил к осаде. 8. Местность была неровная, заваленная скалами и камнями: воины задерживались из-за многих ран, так как им приходилось сражаться и с врагами, и с условиями места; они все же продвигались, так как царь стоял в первых рядах и спрашивал, не стыдно ли победителям столько городов задерживаться на осаде маленького и неизвестного укрепления. 9. Ободряя их, он сам подвергался обстрелу с далекого расстояния; воины прикрывали его, сделав черепаху из щитов; убедить же его оттуда уйти, они не могли.

10. Наконец показался Гаврон со своим отрядом над укреплением города; при виде его дух неприятеля поколебался, и македонцы усилили натиск. 11. Горожанам опасность угрожала с двух сторон, силу же врагов остановить было невозможно. Лишь немногие были готовы принять смерть, большинство хотело бе-

жать, большая часть укрылась в крепости. Оттуда было выслано 30 посредников, но от царя был получен суровый ответ: о пощаде не может быть и речи. 12. Боясь предстоящих страданий, они тайным путем, неизвестным врагу, посылают людей к матери Дария Сисигамбис с просьбой, чтоб она смягчила гнев царя, ведь они знали, что он любит и почитает ее, как мать. Мадат же был женат на дочери сестры Дария и таким образом состоял с ним в близком свойстве. 13. Долго Сисигамбис отказывала им, говоря, что просьба за них не соответствует ее положению; к тому же она опасается злоупотреблять милосердием победителя, ибо всегда помнит, что, будучи раньше царицей, теперь стала пленницей. 14. Наконец, уступив, она написала Александру письмо, в котором прося извинения за свое вмешательство, просит оказать милость не столько осажденным, сколько ей самой: она умоляет даровать жизнь только близкому и родному ей человеку, уже не врагу, а смиренному просителю. 15. Сдержанность и милость, которыми царь в то время отличался, могло бы доказать одно это обстоятельство: он не только простил Мадата, но дал свободу и безопасность всем сдавшимся и пленным, город оставил нетронутым, поля обрабатывать позволил без дани. Мать не могла бы добиться большего и от самого Дария в случае его победы.

16. Покоренное затем племя уксиев царь подчинил сатрапу Суз. Разделив свои силы с Парменионом, он приказал ему идти степью, сам с отрядом легковооруженных захватил горный хребет, непрерывные отроги которого идут в глубь Персиды. 17. Опустошив всю эту область, на третий день он вступил в Персиду, а на пятый — в теснины, называемые Сузскими воротами; их занял Ариобарзан с 25 тысячами пехотинцев: это гладкие, со всех сторон отвесные скалы; на их вершинах варвары были недосыгаемы для стрел; они умышленно стояли спокойно, словно напуганные, пока войска (Александра) не вступили в ущелье. 18. Когда они увидели, что враг двигается, пренебрегая ими, они стали скатывать с высот огромные камни, которые, натываясь на другие, катились дальше с еще большей силой и давили не только отдельных людей, но и целые отряды. 19. Летели в них также со всех сторон камни из пращей и стрелы. Но не это удручало храбрых воинов, а то, что их избивали неотомпленными, как диких зверей, пойманных в ловушку. 20. Гнев переходил у них в ярость: они хватались за выступы скал и, поддерживая друг друга, старались подняться, чтобы настичь врагов. Но сами скалы, охваченные множественным рук, отрывались и обрушивались на тех, кто за них хватался. 21. Итак, они не могли ни стоять, ни лезть вверх, ни прикрываться щитами, потому что варвары сбрасывали на них камни огромного веса. Царь страдал не только от огорчения, но и от стыда, что так опрометчиво завел войско в это ущелье. 22. Он был непобедим до этого дня, ничего не предпринимал напрасно; безнаказанно прошел ущелье Киликии, открыл новый

путь по морю в Памфилию; теперь счастье его пошатнулось, не было другого спасения, как вернуться туда, откуда он пришел. И так, дав сигнал к отступлению, он приказывает выходить из ущелья, сплотив ряды и подняв щиты над головами. Вернуться пришлось на 30 стадиев.

ГЛАВА 4

1. Расположив лагерь на открытом со всех сторон месте, царь не только стал совещаться, что делать дальше, но из суеверия обратился к предсказателям. 2. Но что мог тогда предвещать Аристандр, которому он доверял больше, чем остальным? И так, отказавшись от неуместных священнодействий, он созывает людей, знающих местность. Они указали на безопасный и свободный путь через Мидию. 3. Но совесть не позволяла царю оставить без погребения убитых воинов: по древнему обычаю не было более священного долга у воинов, как предание земле своих убитых. 4. И так, он призывает к себе недавно взятых пленников, среди которых был один, знающий персидский и греческий языки. Он сказал, что царь напрасно ведет войско в Персиду по горным хребтам; есть лесные тропинки, едва доступные людям, идущим поодиночке, где все закрыто зеленью и сплетающиеся ветви деревьев делают лес непроходимым. 5. Персия замыкается с одной стороны сплошной цепью гор длиной в 1600 стадиев, шириной в 170. Это отрог Кавказских гор, доходящий до Красного моря; где прерываются горы, там другое выражение — морской залив. 6. У подножия гор простирается обширная и плодородная равнина со многими поселками и городами. 7. Река Аракс несет с этих полей воды многих источников в реку Мед, которая меньше реки, в нее впадающей, и течет к морю на юг. Никакая другая река не способна питать столько растительности; все орошаемые ею земли покрыты цветами. 8. Берега ее поросли платанами и тополями, так что издали кажется, что это непрерывный лес от реки до самых гор. В самом деле, затененная деревьями река течет в русле, глубоко лежащем в земле, над ней поднимаются холмы, обильные зеленью, потому что подножие их омывает река. 9. Во всей Азии нет более здоровой местности. Климат там мягкий: с одной стороны непрерывные горы, дающие тень и прохладу, смягчающие жару, с другой — близкое море, с которого дует на землю теплый ветер.

10. Когда пленник изложил все это, царь у него спросил, поспышке ли он знает то, о чем говорит, или видел своими глазами. Тот ответил, что был пастухом и сам исходил все тропинки, что дважды был взят в плен: первый раз персами в Лидии, другой раз Александром. 11. Тут царь вспомнил одно данное на его вопрос предсказание оракула, что проводником на персидский берег, ведущем в Персиду, будет у него ликийец. 12. И так, пообещав ему награду, соответствующую обстоятельствам и положению

нию пленника, царь приказывает ему вооружиться по македонскому образцу и, помолясь об удаче, показывать дорогу: как бы она ни была тяжела и обрывиста, он пройдет по ней с небольшим отрядом; пусть, он не воображает, что там, где он проходил со своим стадом, Александр не сможет пройти ради своей вечной славы. 13. Пленник все указывал, как труден путь, особенно для вооруженных. Тогда царь сказал: «Возьми меня в пору чителя, и никто из следующих за мной не откажется идти, куда бы ты ни повел». 14. Оставив для охраны лагеря Кратера со знакомыми ему пехотинцами и войсками, которые вел Мелеагр, а также с тысячью конных стрелков, он приказывает ему, сохраняя прежний вид лагеря, разводить в нем больше огня, чтобы варвары думали, что царь пребывает в лагере. 15. Впрочем, если бы Ариобарзан случайно узнал, что царь пошел окольным путем и пытался бы часть своего войска бросить ему наперерез, Кратер должен был его задержать, напугав чем-нибудь, чтобы тот обратил свои силы против ближайшей опасности. 16. А если он сам обманет врагов и займет переход, то пусть Кратер, как только услышит тревожные крики врагов, преследующих царя, не колеблясь вступит на тот самый путь, с какого их накануне сбили: он будет свободен, ибо враги обратятся против царя.

17. Сам он в третью стражу в полном молчании, не дав даже сигнала трубой, вышел на указанный ему тропой путь. Воинам легкого вооружения он велел нести продовольствие на три дня. 18. Однако, помимо труднопроходимых скал и откосов, на которых внезапно терялся след, наступающим препятствовал снег, наметенный ветром, они увязали в нем, как в капкане, а когда кто-нибудь из товарищей помогал, то они скорее тянули к себе помогающих, нежели поспевали за ними. 19. К тому же ночь, незнакомая местность и неизвестно, достаточно ли надежный проводник, — все это увеличивало страх: если бы он обманул охрану, то их можно было бы захватить, как диких зверей. От верности и настроения одного пленника зависело спасение царя и его самого. 20. Наконец подошли к перевалу. Справа был путь к самому Ариобарзану; здесь царь оставил Флота и Кена с Аминтой и Полиперконтом и отрядом легковооруженных, приказав им, чтобы они, поскольку отряд их состоит из пехоты и конницы, продвигались медленно в местах с тучной почвой и обилием фуража; проводники им были даны из числа пленных. 21. Сам же с оруженосцами и отрядом, называемым агема, пошел вперед по крутой тропе, но удаленной от стоянки неприятеля, претерпевая много мучений. 22. Был уже полдень, и утомленным требовался отдых, а пути оставалось столько же, сколько они уже прошли, но менее крутого и обрывистого. 23. Итак, дав воинам подкрепиться пипцей и сном, он поднялся во вторую стражу. Остальной путь он прошел без большого труда. Впрочем, там, где гряда гор несколько спускается к равнине, путь преградила огромная вымоина, образовавшаяся от

сточной воды. 24. К тому же ветви деревьев, переплетенные и сгнившие друг с другом, стали сплошной стеной. Тут всех охватило отчаяние, и даже воины с трудом удерживали слезы. 25. Особенно содействовала страху темнота: хотя и блестяли звезды, сплошная листва деревьев мешала их видеть. Нельзя было руководиться и слухом, так как качающиеся от ветра ветвистые деревья издавали большой шум. 26. Наконец долгожданный рассвет рассеял все ночные страхи: вскоре нашли обход трясины, и каждый начал сам разбираться в направлении своего пути.

27. И вот они выходят на выступающую вершину; рассмотрев с нее расположение врагов, они неожиданно подходят к ним в полном вооружении с тыла; немногие из вступивших с ними в сражение были убиты. 28. Итак, с одной стороны, стоны умирающих, с другой — растерянный вид бегущих обратно к своим побудили и остальных персов к бегству еще до вступления в бой. 29. Когда же до лагеря, где был Кратер, донесся шум, он стал выводить своих воинов для занятия теснин, в которых они настряли накануне. 30. В то же время и Филот с Полиперкентом, Аминтой и Кеном, которым было приказано идти другим путем, навели на варваров новый страх. 31. Хотя повсюду сверкало македонское оружие, персы, теснимые с двух сторон, все же дали примечательное сражение. Крайняя нужда, думается мне, подстрекает даже ленивого, и часто отчаяние дает основание для надежды. 32. Безоружные пополюняли ряды вооруженных; тяжестью своих тел они валили македонцев на землю и пронзали их отнятым у них же оружием. 33. Ариобарзан в окружении не менее 40 всадников и 5 тысяч пехотинцев прорвался через строй македонцев, учинив большое кровопролитие среди своих и врагов; он торопился занять столицу области город Персеполь. 34. Но стража города не впустила его, он был настигнут упорно преследовавшим его неприятелем: возобновив вместе со всеми спутниками своего бегства бой, он пал в нем. Подоспел сюда также и Кратер, проведя свое войско ускоренным маршем.

ГЛАВА 5

1. Царь на том же месте, где рассеял силы врагов, укрепляет лагерь. И хотя обращенные повсюду в бегство враги признали его победу, однако глубокие и обрывистые рвы, проведенные во многих местах, пересекали путь, и приходилось двигаться медленно и осторожно, опасаясь не только засад врагов, но и неудобной местности. 2. В пути царю было доставлено письмо хранителя царской казны Тиридата с указанием, что жители, оставшиеся в городе, услышав о его приближении, хотят разграбить сокровищницу; пусть он поторопится ее захватить: путь открыт, хотя его пересекает река Аракс. 3. Никакую другую доблесть царя я бы так не восхвалил, как его быстроту: оставив пешие войска, он со всадниками, утомленными столь длинным

путем, прибыл на рассвете к Араксу. 4. Поблизости были селения; разрушив их, он из их бревен быстро навел мост, подперев его камнями. 5. Царь уже был недалеко от города, когда навстречу ему вышел жалкий отряд людей, достойный упоминания как редкое явление, — это были греческие пленники числом до 4 тысяч, которых персы мучили всякими пытками. 6. У одних они отрезали ноги, у других руки и уши, на теле других выжгли буквы варварского своего языка и долго держали для издевательства, а когда увидели, что сами подпали под чужую власть, не воспрепятствовали пожелавшим выйти навстречу царю. 7. При таком необычном облике они не были похожи на людей; человеческим в них можно было признать только голос, и больше слез проливали смотрящие на них, чем они сами, ибо при столь различной горестной судьбе каждого из них несчастья людей казались равными по силе, хоть и различными по характеру, и трудно было решить, кто самый несчастный. 8. Когда же они воскликнули, что Юпитер, мститель за Грецию, наконец открыл свои глаза, всем стало казаться, что их постигло равное бедствие. Царь, сдерживая слезы, которые раньше обильно проливал, велит им подбодриться, обещает, что они увидят свои города и жен, и ставит для них укрепленный лагерь в двух стадиях от города.

9. Выйдя за вал, греки стали обсуждать, чего им просить у царя: одни хотели мест для поселения в Азии, другие — возвращения домой. Тогда, говоря, кумец Евктемон так сказал, обратившись к ним: 10. «Нам только что было стыдно выходить из нашего мрака к людям, чтобы просить о помощи, в новых условиях мы стремимся теперь представить в Греции приятное зрелище наших ран, которые еще неизвестно чего больше нам приносят: страдания или стыда. 11. Но легче переносят свое несчастье те, кто его скрывает, и для людей несчастных нет лучшего утешения, ожидаемого от родины, как уединение и забвение прежнего своего состояния. Кто много возлагает надежд на сострадание близких, тот не знает, как скоро высыхают слезы. 12. Никто не может преданно любить того, что вызывает отвращение; в тягость бывает как несчастье другого, так и надменное счастье. Осуждая судьбу другого, каждый думает о своей судьбе. Если бы мы не были взаимно несчастны, мы скоро стали бы неприятны друг другу. Нет ничего удивительного, что удачники ищут друзей среди счастливых. 13. Убеждаю вас, поскольку жизнь наша уже окончена, выберем себе такое место, где мы, изувеченные, могли бы успокоиться, где уединение скрыло бы ужасные наши раны. Нечего сказать, приятно будет наше возвращение нашим женам, которых мы брали в юности. Захотят ли дети наши в цвете лет и своих дел принять отцов, изуродованных пыткой? 14. Кто же из нас сможет пройти столько земель? Вынесем ли мы, заброшенные вдали от Европы в крайние восточные страны, немощные старики с искалеченным телом, такой трудный путь, который утомил даже воору-

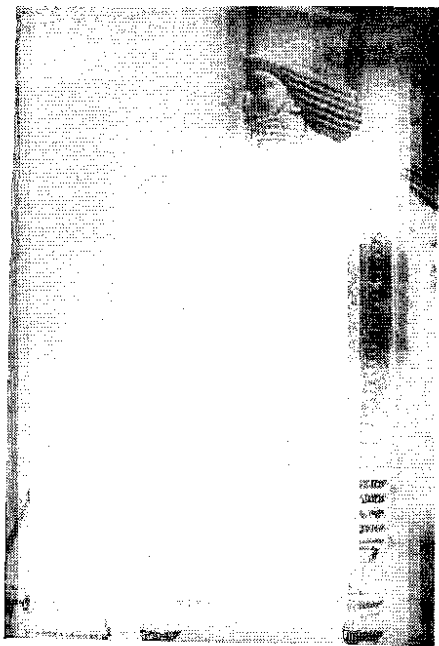
женных людей и победителей? 15. А наших жен, которых судьба дала пленникам как единственное утешение в их печали, и наших малых детей поведем ли мы с собой или покинем здесь? Если мы вернемся с ними, никто не захочет нас признать. 16. Неужели мы сразу оставим дорогие нам существа, когда еще неизвестно, увидим ли мы тех, к которым стремимся? Нам надо остаться среди тех, которые полюбили нас в несчастье». Так говорил Евктемон.

17. Против него стал говорить афинянин Теэтет. Ни один благочестивый человек, заявил он, не будет судить о своих близких по внешнему виду, в особенности если они пострадали от ярости врагов, а не таковы от природы. Достоин всякого позора тот, кто стыдится своей судьбы; у него плохое мнение о людях и нет надежд на милосердие, потому что он сам отказывает в нем другим. 18. Боги посылают им то, чего они сами не посмели бы и желать: возможность увидеть родину, жен, детей и все, что люди ценят, как свою жизнь, и за что жертвуют ею. 19. Как же им не стремиться вырваться из этой тюрьмы: на родине и дышать по-другому, и свет не так светит; к родным правам, святыням, к родному языку стремятся и варвары, а они собираются отказаться от всего родного, хотя и несчастны только из-за того, что лишены всего этого. 20. Сам он, конечно, вернется к своим пенатам и на родину и воспользуется милостью царя. Если кого удерживает любовь к сожительницам и детям, с которыми их свело рабство, пусть оставят их здесь: ведь и для них нет ничего дороже родины. 21. Немногие разделяли это мнение, другие подчинились привычке, которая сильнее самой природы. Они решили просить у царя какого-нибудь места для поселения. 22. Для этого избрали сто человек. Александр, предполагая, что они будут просить о том, что и он считает за наилучшее, сказал им: «Я уже приказал предоставить вам вьючный скот, который вас повезет, и выдать каждому из вас по тысяче денариев. Когда вы вернетесь в Грецию, я позабочусь, чтобы никто там не считал своего положения лучше вашего, раз у него нет вашего увечья». 23. Они же со слезами на глазах смотрели в землю и не осмеливались ни поднять головы, ни промолвить слово. Наконец, когда царь спросил их о причине печали, за них ответил Евктемон, сказав примерно то же, что и раньше. 24. Царь смилостивился не только над их судьбой, но и над тяжелым их душевным состоянием и приказал выдать каждому по 3 тысячи денариев, прибавил к этому по десяти одежд, а также крупный и мелкий скот и семена, чтобы отведенная им земля могла быть обработана и засеяна.

ГЛАВА 6

1. На следующий день, созвав командиров, царь пояснил им, что нет ненавистнее для греков города, чем столица древних царей Персии: отсюда выходили бесчисленные полчища, отсю-

да начинали преступные войны против Европы сначала Дарий, а потом Ксеркс. Долг памяти предков следует воздать разрушением этого города. 2. Варвары, покинув город, уже разбежались, кого куда гнал страх, и царь без промедления ввел в город фалангу. Он уже завоевал и частью принял на сдачу много городов с обильными царскими богатствами, но сокровища этого

*Персидский царь Ксеркс, начало
V в. до н. э.*

города намного превзошли все остальные. 3. Сюда варвары свезли богатства со всей Персии, золото и серебро лежало грудями, одежда было великое множество, утварь была предназначена не только для употребления, но и для роскоши. 4. Поэтому вооруженные столкновения происходили и между самими победителями: кто захватил более ценную добычу, считался врагом, и так как они не могли унести всего, вещи брались какие подоюще. 5. Царские одежды они разрывали на части, мечами разбивали дорогие художественные сосуды, ничего не оставляли нетронутым, не уносили в целости: тащили отломанные от статуй части, кто что ухватил. 6. Не только алчность проявлялась в городе, но и жестокость: отягощен-

ные золотом и серебром, победители убивали пленных, с которых нечего было взять, все попадавшие им навстречу умерщвлялись, если казались ничтожными по своей стоимости. 7. Многие из неприятелей своими руками подготавливали себе добровольную смерть: одевшись в дорогие одежды, с женами и детьми бросались со стен. Некоторые подкладывали под свои дома огонь, предполагая, что это будет делать в скором времени и враг, и живо сгорали со своим имуществом. 8. Наконец царь отдал приказ своим воинам воздерживаться от насилия над женщинами. Некоторые называют такие размеры захваченной здесь добычи, что она кажется невероятной. 9. Впрочем, нужно или усомниться в других сведениях, или поверить, что в сокровищнице этого города было 120 тысяч талантов; чтобы вывезти их — а царь предполагал взять их с собой на нужды войны, — он приказал доставить вьючный скот и верблюдов из Суз и

Вавилона. 10. К указанной сумме взятых денег прибавились после занятия Парсагад еще 6 тысяч талантов. Город Парсагады основал Кир: сдал его Александру начальник города Гобар.

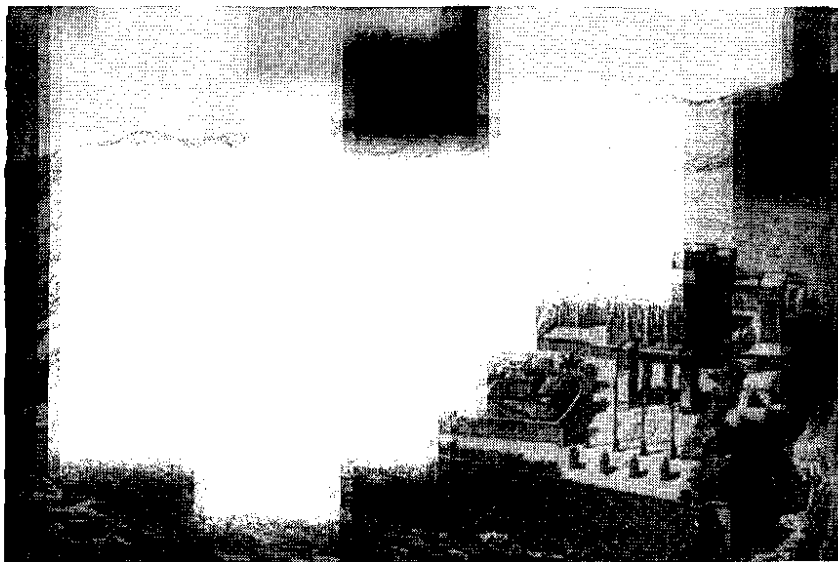
11. Царь поручил охранять крепость Персеполь Никархиду, оставив для защиты 3 тысячи македонцев; за Тиридатом, который передал ему сокровищницу, сохранены были почести, которыми он пользовался при Дарии. Оставив там же значительную часть своего войска и весь обоз, он поставил во главе их Пармениона и Кратера. 12. Сам с тысячею всадников и отрядом легковооруженных воинов устремился во внутренние области Персиды, расположенные под созвездием Вергилий, и, несмотря на сильные ливни и почти непереносимые бури, продолжал продвигаться в избранном направлении. 13. Подошел он и к отрезку пути, засыпанному вечными снегами, сильный холод сковал их льдом. Пустынность и грозный вид этих мест устрашили угнетенных воинов, которым казалось, что они видят край света. Они озирались, пораженные зрелищем пустынных мест без каких-либо следов человеческого жилья, и требовали возвращения, пока они еще не лишились света и воздуха. 14. Царь считал излишним наказывать напуганных, вместо этого он соскочил с коня и пешком пошел по снегу и льду. Постыдились не следовать за ним сначала его друзья, потом командиры, наконец остальные воины. Идя первым, царь топором пробивал себе путь во льдах; примеру царя следовали и остальные. 15. Наконец, преодолев также почти бездорожную лесную чащу, они встретили редкие следы человеческого жилья и вразброд блуждающий мелкий скот: жители же, ютившиеся в редких шалашах, уверенные, что они ото всех защищены бездорожьем, когда увидели отряды воинов, перебив всех, кто не мог сопровождать их в бегстве, бросились в дикие горы, покрытые снегом. 16. Вступая затем в переговоры через пленников, они несколько смягчились в своей дикости и сдались на милость царя. К ним не применили никакой строгости.

17. Разорив затем поля Персиды и покорив себе много селений, царь пришел к племени мардов, воинственному и сильно отличающемуся от остальных персов своим образом жизни. Они роют пещеры в горах и прячутся там со своими женами и детьми, питаются мясом домашнего скота и диких зверей. 18. И у женщин их не более мягкие нравы в соответствии с их природой: волосы у них торчат лохматые, одежда выше колен, голову они повязывают пращей — это и украшение и оружие. 19. Но и это племя укротил одинаковый удар судьбы. Итак, царь вернулся в Персеполь на 30-й день после ухода оттуда. Там он раздал приближенным и всем остальным награды по заслугам каждого и израсходовал почти все, что взял в этом городе.

1. Впрочем, прекрасные качества своей души, которыми он превосходил всех других царей: выносливость в опасности, быстроту в решении и исполнении задуманного, верность слову, данному сдавшимся ему, милость к пленникам, сдержанность в наслаждениях, хотя дозволенных и обычных, — все это он запятнал непреодолимой страстью к вину. 2. В то время как враг и соперник его царской власти продолжал упорно воевать, а недавно побежденные и покоренные им с пренебрежением относились к его новой власти, он еще засветло садился за пиршества, на которых бывали и женщины, да не такие, которых нельзя было оскорблять, а распутницы, привыкшие жить с военными более свободно, чем полагалось. 3. Из них одна, Таис, будучи во хмелю, внушает ему, что он вызовет глубокую благодарность у всех греков, если велит поджечь дворец персидских царей: этого, мол, ожидают все, чьи города разрушили варвары. 4. К этому мнению пьяной распутницы в таком важном деле присоединяются один за другим тоже упившиеся вином; царь проявил тут больше алчности, чем сдержанности: «Почему бы нам в самом деле не отомстить за Грецию и не запалить город?» 5. Все разгорячились от вина и бросились хмельные поджигать город, ранее пощаженный вооруженными врагами. Царь первым поджег дворец, за ним гости, слуги, наложницы. Обширный дворец был построен из кедра, он быстро загорелся, и широко распространился пожар. 6. Когда это увидели в лагере, расположенном недалеко от города, воины, думая, что загорелось случайно, побежали, чтобы оказать помощь. 7. Но подойдя к порогу дворца, видят, что сам царь все еще поддает огня. Вылив воду, которую принесли с собой, они и сами стали бросать в огонь горючий материал.

8. Таковую судьбу претерпела царская столица всего Востока: здесь столько народов раньше искало правосудия, здесь была родина столько царей — некогда предмет исключительного страха для Греции; отсюда посылался флот в тысячу кораблей и полчища, наводнявшие Европу, завалившие море камнями, прорывшие горы и образовавшие в выемке проливы. 9. Однако город был восстановлен не очень много времени спустя после его разрушения. И другие города захватили македонские цари, а теперь ими владеют парфяне. Следов столицы нельзя было и найти, если бы их не указала река Аракс, протекавшая недалеко от городских стен; поэтому окрестные жители только на веру принимают предание о том, что какой-то город находился в 20 стадиях от реки. 10. Македонцы испытывали стыд из-за того, что такой славный город был разрушен царем, упившимся на пиру, но, серьезно обдумав это, они заставили себя поверить, что именно так и следовало разрушить город. 11. Известно, что сам царь, когда прошло опьянение и мысли прояснились после сна, говорил, что для персов было бы более тяжким наказанием

от греков, если бы им пришлось увидеть его восседающим во дворце на троне Ксеркса. 12. На следующий день он одарил 30 талантами ликийца, проводшего его в Персиду. Отсюда он перешел в область Мидии, где встретился с пополнением войска из новобранцев, шедших из Киликии. Пехотинцев было всего 5 тысяч, всадников тысяча. Теми и другими командовал афинянин Платон. Получив такое пополнение, он решил преследовать Дария.

Дворец в Персеполе. Реконструкция

ГЛАВА 8

1. Тот между тем достиг города Экбатан. Это столица Мидии; теперь ею владеют парфяне, и она летняя резиденция их царей. Далее Дарий хотел пройти в Бактрию, но, опасаясь, как бы она не была перехвачена Александром благодаря скорости его движения, изменил свой план и путь. 2. Александр отстоял от него на 1500 стадиев, но при стремительности его похода никакое расстояние не казалось далеким. Итак, Дарий больше готовился к битве, чем к продолжению бегства. 3. За ним следовали 30 тысяч пехоты, среди них 4 тысячи греков, до конца верных царю: 4. Отряд пращников и стрелков насчитывал еще 4 тысячи человек, кроме того, было у него 3300 всадников, преимущественно бактрийцев. Командовал ими Бесс, префект области Бактрии. 5. С этим отрядом Дарий несколько уклонился от военной дороги, приказав идти вперед маркитантам и охране

обоза. 6. Затем, собрав сходку, он сказал: «Если бы судьба связала меня с людьми трусливыми, для которых какая угодно жизнь дороже, чем почетная смерть, я бы скорее молчал и не расточал понапрасну слов. 7. Но я испытал вашу доб-

Жрец и слуга-мидиец. Рельеф из Персеполя

лесть и преданность на более серьезном, чем бы хотелось, деле, так что должен сам стараться быть достойным таких друзей, а не сомневаться, остались ли они верны самим себе. 8. Из стольких тысяч, бывших под моим командованием, только вы следуете за мной, дважды разбитым, дважды обращенным в бегство. Ваша преданность и стойкость внушает мне уверенность, что я еще царь. 9. Предатели и перебежчики царствуют в моих городах; и не потому, клянусь богами, что они достойны этого, но с тем, чтобы своими наградами смущать ваши души. Но вы, о верные мои друзья, предпочли разделить судьбу со мной, а не с победителем, и если я не смогу наградить вас, то за меня пусть наградят вас боги. 10. И, клянусь вам, они вас наградят! Не может

быть настолько глухо потомство, так неблагодарна молва, чтобы не вознести вас заслуженными похвалами до небес.

Итак, хотя раньше я помышлял о бегстве, от которого отворачивается моя душа, теперь, опираясь на вашу доблесть, я хотел бы выступить против врага. 11. Доколе же я буду изгнанником в своем собственном царстве и в пределах его буду убеждать от царя, выходца из чужой земли, когда я могу, испытав судьбу войны, или вернуть то, что потерял, или умереть почетной смертью? 12. Или лучше ожидать решения победителя и по примеру Мазея и Митрена принять в виде выпрошенной податки царство над каким-нибудь одним племенем, поскольку враг предпочитает добиваться славы, а не удовлетворять свой гнев. 13. Да не допустят боги, чтобы кто-нибудь мог снять с моей головы знаки моего сана или даровать мне их; живым я не откажусь от власти, но ее конец будет и концом моей жизни. 14. Если вы сохраните свой дух и свой закон, то никто из вас не лишится свободы: никто не будет принужден терпеть высокомерие и надменность македонцев. Каждый своей собственной рукой или отомстит за такое зло, или пресечет его. 15. Моя судьба по-

казывает, как изменчиво счастье. И не без основания ожидаю я поворота судьбы в лучшую сторону. Если же боги откажут нам в справедливой и благочестивой войне, доблестные мужи всегда смогут умереть честно. 16. Заклинаю вас славой предков, которые так доблестно владели всем Востоком, теми героями, которым когда-то Македония платила дань, флотами из стольких кораблей, которые посылались в Грецию, столькими трофеями ваших царей. 17. Проявите мужество, достойное вашей славы и вашего племени, чтобы мы могли испытать с такой же твердостью духа, с какой перенесли все прошлое, и то, что принесет нам дальнейшая наша судьба. Меня, несомненно, прославит на все века или выдающаяся победа, или славная смерть».

ГЛАВА 9

1. Пока Дарий это говорил, от сознания близкой опасности сжимались в ужасе сердца и души и не было высказано никакого мнения, не раздалось никакого голоса. Тогда, наконец, старейший из друзей царя Артабаз, о котором мы упоминали выше как о друге Филиппа, сказал: «Конечно, мы, одевшись в драгоценные одежды, тщательно вооружившись нашим славным оружием, последуем за царем в бой в надежде на победу, но не откажемся и принять смерть». 2. Остальные сочувственно приняли его слова. Однако присутствовавшие при этом Набарзан и Бесс, заключив между собой неслыханно преступный союз, решили с помощью тех войск, которыми они командовали, схватить царя и заключить в оковы. Они рассуждали так: если Александр их постигнет, они, передав ему царя живым, заслужат большую благодарность победителя и назначат высокую цену за то, что захватили Дария; если же удастся избежать встречи с Александром, то, убив Дария, они захватят власть и возобновят войну. 3. После того как они долго обдумывали это убийство, подготовляя осуществление преступного замысла, Набарзан сказал царю: «Я знаю, что выскажу мнение, на первый взгляд тебе неприятное. Но ведь и врачи часто излечивают болезни суровыми средствами, и кормчий корабля, боясь кораблекрушения, спасает, что может, жертвуя остальным. 4. Я же советую тебе не ущерб причинить себе, но сохранить царство и себя разумным способом. Мы вступили в войну без благословения богов, и жестокая судьба не прекращает преследовать персов. Нужно все начать снова при новых знамениях. Передай на время власть и командование другому, который пусть до тех пор носит имя царя, пока враг не уйдет из Азии. Тогда победитель вернет тебе твое царство. 5. Разум убеждает, что это наступит в скором времени. Бактрия еще не тронута, инды и саки в твоей власти, множество народов, много армий, много тысяч пехотинцев и всадников готовят силы для возобновления войны, так что предстоящая борьба превзойдет ту, которая уже была.

Ритуальная процессия. Рельеф из Персеполя

6. Зачем нам, как неразумным зверям, стремиться к своей гибели без необходимости? Храбрым мужам присуще скорее презирать смерть, чем ненавидеть жизнь. 7. Тяготясь трудом, ленивцы часто доводят себя до ничтожества; доблесть, наоборот, ничего не оставляет не испытанным. Всех ожидает смерть, но идти к ней надо бодро. 8. Направимся же в надежнейшее убежище, в Бактрию, и сделаем временно царем ее начальника Бесса. Устроив все дела, он передаст свою условную власть тебе, законному царю».

9. Неудивительно, что Дарий не сдержал себя, хотя нечестивые слова еще не раскрыли преступного замысла. 10. Итак, он воскликнул: «Презреннейший раб, нашел же ты время для своего гнусного преступления!» Обнажив акинак, он, казалось, готов был его заколоть, если бы его не окружили со смиренным видом бактрийцы с Бессом, готовые, впрочем, и к насилью, если бы царь продолжал горячиться! 11. Тем временем Набарзан ускользнул, за ним Бесс; готовясь тайно выполнить свой план, они приказали своим войскам отделиться от прочих частей. 12. Артабаз же, выступив с подходящими к случаю словами, стал успокаивать Дария, ссылаясь на условия момента: пусть он спокойней относится к недоразумению или заблуждению каких-либо своих людей. Наступление Александра тягостно даже при всеобщей покорности; что же будет, если они, продолжая бегство, будут отчуждаться от своего царя? 13. Дарий неохотно подчинился Артабазу и, хотя раньше решил сняться с лагерь, теперь, видя всеобщее смятение, остался на том же месте. Предавшись печали и отчаянию, он уединился в своем шатре. 14. В лагере же, где не было никакого управления, распространились различные настроения, но дела обсуждались не на общей сходке, как раньше. 15. Командир греков Патрон приказывает своим людям взяться за оружие и быть готовым к исполнению приказаний. 16. Персы отделились; Бесс был среди бактрийцев и пытался увлечь за собой персов, указывая им на богатства нетронутой Бактрии и на опасности, угрожающие остающимся. Но все персы говорили в один голос, что не полагается им покидать царя. 17. Между тем Артабаз исполнял все обязанности главнокомандующего: он обходил палатки персов и не переставал ободрять то отдельных воинов, то всех вместе, пока не убедился, что они будут исполнять его приказания. Дария же он с трудом убедил принять пищу и вернуть себе царственный дух.

ГЛАВА 10

1. А Бесс и Набарзан, разжигаемые страстью к власти, решили осуществить давно задуманное преступление; но при жизни Дария они не надеялись приобрести нужные силы. 2. Ведь у этих племен цари пользуются глубочайшим уважением: вокруг имени царя варвары объединяются и почитают царя как при удаче, так и в несчастии. 3. Уверенность в успехе их замысла

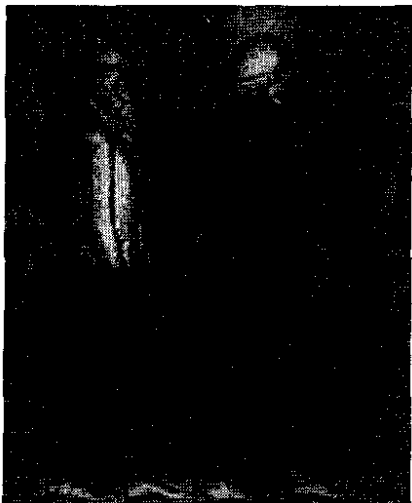
внушали им условия той области, которой они управляли: она не уступала никакой другой оружием, людьми и обширностью пространств, занимая третью часть всех азиатских земель; ее новобранцы своей численностью могли восполнить все потери в войсках Дария. 4. Поэтому они смотрели свысока не только на него, но и на Александра, надеясь получить достаточно сил для восстановления власти, если им удастся завладеть областью. 5. Основательно все обсудив, они решили схватить царя при помощи воинов-бактрийцев, во всем им покорных, и послать к Александру вестника. 6. Вестник должен был сказать, что они приберегают для него Дария живым; если же, как они опасались, Александр отвергнет их предательство, они убьют Дария и захватят Бактрию с отрядом людей из своих племен. 7. Однако открыто схватить Дария было невозможно: много тысяч персов оказали бы ему помощь, кроме того, приходилось опасаться преданности греков. 8. Итак, чего не могли достигнуть силой, того стали добиваться обманом: они притворно принесли раскаяние в своем стремлении отделиться и просили прощения у царя за причиненное беспокойство. Тогда же они посылают людей склонить к выступлению персов. 9. Те убеждают воинов то страхом, то надеждами: они, мол, подставляют свои головы под всеобщее крушение, стремятся к своей гибели, Бактрия же открыта для них и готова принять их с подарками и таким изобилием, какого они себе и представить не могут.

10. Во время этих событий приходит Артабаз, или по приказу царя, или сам от себя он говорит, что царь смягчился и готов проявлять к ним прежнюю дружбу. 11. Проливая слезы, они стали то оправдывать себя, то молить Артабаза, чтобы он вошел в их положение и передал их мольбы. 12. Так прошла ночь, под утро Набарзан с бактрийцами находился уже у входа в преторий, скрывая свои преступные замыслы показным исполнением долга. Дарий по данному знаку к выходу, по обычаю, стал садиться на колесницу. 13. А у Набарзана и других злодеев хватило дерзости, пав на землю, не только оказать эту почесть тому, кого они скоро собирались заключить в оковы, но даже пролить лживые слезы. Так может человек притворяться! 14. Затем смиренно обратившись к царю с мольбами, они заставили Дария, человека мягкого и прямодушного, не только поверить их словам, но даже плакать вместе с ними. 15. И даже тогда они не устыдились своего преступного замысла, когда увидели, какого царя и человека они обманывают. Царь почувствовал себя в безопасности от нависшей над ним беды и стал торопиться, чтобы не попасть в руки Александра, чего он только и боялся.

ГЛАВА 11

1. Начальник же греков Патрон приказал своим надеть на себя оружие, которое до того везли в обозе, и быть готовыми исполнить его приказания. 2. Сам он следовал за колесницей

царя, ожидая случая для беседы с ним, ибо предвидел измену Бесса. Но Бесс, опасаясь этого, не отступал от колесницы не как спутник царя, но как соглядатай. 3. Итак, Патрон долго медлил, часто отвлекаемый от беседы, и, колеблясь между чувством долга и страхом, не спускал глаз с царя. 4. Тот наконец обернулся к нему и послал евнуха Бубака, ближе всех ехавшего за его колесницей, спросить, не хочет ли он что-либо сказать. Патрон ответил, что действительно хочет говорить с ним, но без свидетелей. 5. Царь приказал ему подойти поближе и без переводчика, так как сам знал неплохо по-гречески, и тот сказал: «О царь, из 50 тысяч греков нас осталось немного, и мы делим с тобой любую судьбу; мы так же верны тебе в теперешнем твоём положении, как и прежде, когда оно было блестящим; какне бы ты ни выбрал земли, мы пойдём туда, как на родину и к домашним очагам. Твое счастье и несчастье тесно связали нас с тобой. 6. Умоляю тебя во имя нашей нерушимой верности, поставь свой шатер в нашем лагере, позволь нам быть твоими телохранителями. Мы потеряли Грецию, нет у нас никакой Бактрии, вся наша надежда на тебя; о если бы можно было положиться и на других! Больше сказать я не могу. Я, чужеземец, не просил бы доверить мне твою охрану, если бы был уверен, что другие её хорошо выполнят».

Мидийский воин и скиф. Рельеф из Персеполя

7. Бесс хоть и не знал по-гречески, но, мучимый совестью, предполагал, что Патрон сделал, конечно, на него донос, а когда греческий переводчик передал ему разговор, то все сомнения его исчезли. 8. Дарий же, судя по его лицу, совсем не испугавшись, стал спрашивать Патрона о причине такого совета. Тот, считая, что больше нельзя скрывать, сказал ему: «Бесс и Набарзан, пользуясь твоим несчастьем, строят козни против твоей жизни. 9. Сегодняшний день будет последним для твоих убийц или для тебя». И Патрон заслужил великую славу за спасение царя. 10. Пусть смеются все, кто убежден, что дела человеческие проходят и сменяются случайно; я склонен верить, что каждый выполняет свой порядок дел по непреложному порядку, на основании связи скрытых причин и согласно предвечно установленному закону. 11. Дарий, конечно, ответил ему, что, хотя

преданность греков ему хорошо известна, он никогда не отступится от своих единомышленников. Ему труднее осудить кого-нибудь, чем самому быть обманутым. Что бы ему ни предназначила судьба, он предпочитает испытывать ее среди своих и не станет перебежчиком. Если его воины не хотят сохранить ему жизнь, то он и так умирает слишком поздно. 12. Патрон, отчаявшись в спасении царя, вернулся к тем, которыми командовал, готовый по своей преданности на все.

ГЛАВА 12

1. Со своей стороны, Бесс предполагал тотчас же убить царя; но, опасаясь, что не получит благодарности от Александра, если не представит ему Дария живым, отложил исполнение своего намерения до ближайшей ночи; теперь же стал притворно благодарить богов за то, что царь так мудро и осторожно избежал козней вероломного человека, ожидающего награды от Александра: ведь он хотел принести в дар врагу голову царя. 2. Да и неудивительно: у человека, нанятого за плату, все продажно; не имея нигде ни близких, ни очага, он изгнанник во всем мире, нерешительный чужеземец, жертва чужого своеволия. 3. В ответ на его оправдания и клятвенные обращения к отечественным богам Дарий смотрел с сочувствием на лице, но не сомневался в том, что сказанное греком правдиво. Однако дело дошло до того, что не доверять своим стало так же опасно, как поддаваться обману. 4. Людей, со стороны которых нужно было бояться готовности к преступлению, было 30 тысяч, у Патрона же всего 4; если бы он доверился им, осудив вероломство соплеменников, он, как ему казалось, этим оправдал бы собственное убийство. 5. Но он предпочитал испытать беззаконное насилие, нежели быть убитым по праву. В ответ же на оправдания Бесса от подозрений в измене он сказал, что знает Александра не только мужественным, но и справедливым. Заблуждают те, которые ожидают от него награды за предательство. Никто так сурово не обвиняет за нарушение верности, как он. 6. Уже приближалась ночь, и персы, как обычно, сложив оружие, разошлись, чтобы добыть из ближайших селений все, что им нужно; бактрийцы же, как было приказано Бессом, стояли вооруженные.

7. Тем временем Дарий велит позвать к себе Артабаза; когда он изложил ему сообщенное Патроном, у Артабаза не осталось сомнений, что царю следует перейти в лагерь греков; ведь за ним последуют туда и персы, если им станет известно о заговоре. 8. Но царь, уже обреченный своей судьбой, не слушал разумных советов; он обнял Артабаза, единственную тогда свою опору, чтобы взглянуть на него прощальным взглядом. Они обливали друг друга слезами, когда царь приказал ему оставить его. Покрыв себе голову, чтобы не видеть, как Артабаз уходит со стенанием, словно на похоронах, он сам опустил на землю.

9. Тогда телохранители, обязанные защищать царя даже с опасностью для своей жизни, разбежались, так как ожидали появления вооруженных людей и боялись, что не справятся с ними. Итак, в шатре царя была полная тишина, при царе осталось всего несколько евнухов, которым некуда было уйти. 10. А он, отказавшись от всяких советов, долго обдумывал, какое принять решение. Наконец уединение, которого он перед этим искал как облегчения для себя, стало ему в тягость, и он призывает к себе Бубака. 11. Взглянув на него, он сказал: «Идите и позаботьтесь о себе сами; вы, как и следовало, до конца исполнили свой долг перед вашим царем. Я же буду ждать своей судьбы здесь. Ты, может быть, удивляешься, что я не кончаю сам своей жизни: но лучше я умру от чужой и преступной руки, а не от своей!» 12. После этих слов евнух огласил стоиами не только шатер царя, но весь лагерь. Прибежали другие и, раздирая на себе одежды, стали по варварскому обычаю оплакивать царя. 13. Когда эти стоны достигли до слуха персов, они в страхе не решались ни взяться за оружие, чтобы не натолкнуться на бактрийцев, ни оставаться спокойными, чтобы не показалось, что они нечестиво покинули царя. 14. Разноголосые крики наполнили весь лагерь, лишившийся вождя и управления.

Бессу и Набарзану их люди сообщили, что царь покончил с собой: их ввел в заблуждение плач. 15. Итак, они скачут, погоняя коней, за ними следуют избранные ими помощники в их преступлении. Войдя в шатер царя и узнав от евнухов, что царь жив, они его хватают и заковывают. 16. И царь, еще недавно ехавший на колеснице, хранимый благословением богов и святостью своего сана, стал без вмешательства враждебной силы пленником своих рабов, его сажают на грязную повозку, закрытую со всех сторон шкурами. 17. Деньги и имущество царя разграбляются как бы по праву войны, и преступники, отягченные добычей, захваченной по-разбойничьи, бросаются бежать. 18. Артабаз с преданными царю людьми и с греческими воинами направился в Парфию, считая, что везде он будет в безопасности, только не на глазах убийц. 19. Персы под влиянием обещаний Бесса, а главным образом потому, что не за кем им было пойти, присоединились к бактрийцам и на третий день догнали их отряд. 20. А судьба между тем изобрела новую забаву: чтобы не лишить царя должного почета, Дария заковывают в золотые кандалы. А чтобы никто его случайно не признал по этим царским признакам, повозку его покрыли грязными шкурами; вьючных животных вели незнакомые люди, которые ни на какие вопросы в пути ничего не могли ответить. Охрана шла на некотором расстоянии.

ГЛАВА 13

1. Александр, услышав, что Дарий вышел из Экбатан, сойдя с пути, по которому направлялся в Мидию, поспешил вслед за бегущим. 2. Так он достиг крайнего в Паретакене города Та-

баса; там перебежчики сообщают ему, что Дарий в бегстве устремляется в Бактрию. 3. Более точные сведения он получил от вавилонянина Багистана: царь еще не лишен свободы, но находится под опасностью смерти или оков. 4. Александр, собрав вождей, сказал: «Перед нами великая задача, требующая быстрого выполнения: Дарий, вероятно, покинут своими или в поругании у них. Захватить его живым — вот венец нашей победы, но это требует быстроты действия». 5. Все согласно закричали, что готовы следовать за ним; пусть он не щадит их сил и не боится опасностей. Итак, он сразу же повел свой отряд скорее бегом, чем обычным маршем, не давая и ночью отдохнуть от усталости за день. 6. Так он прошел 500 стадиев и прибыл в селение, в котором Бесс захватил Дария. 7. Тут он застал переводчика Дария Мелона. По слабости своего здоровья он не мог следовать за отрядом; захваченный быстро прибывшим царем, он представился перебежчиком. 8. От него Александр узнал о происшедшем, но уставшим воинам нужен был отдых. К отборным 3 тысячам всадников он присоединил еще 300 так называемых двоеборцев: у них за спиной было более тяжелое оружие; обычно они ехали на конях, в случае же надобности сражались в пешем строю.

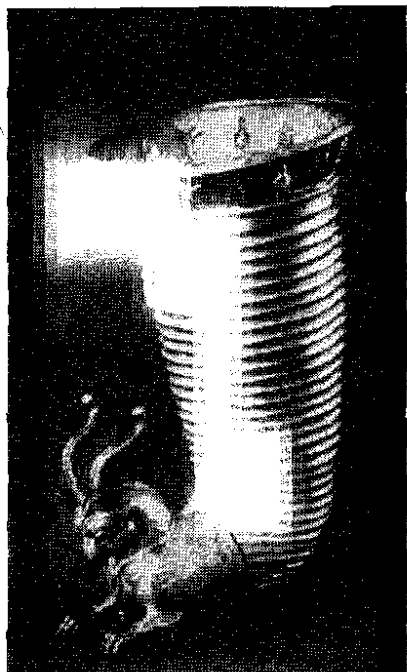
9. К Александру, занятому этими делами, подходят Орсил и Митракен; осудив преступление Бесса, они перешли к Александру и сообщили, что персы находятся на расстоянии 500 стадиев, но они покажут кратчайший путь. 10. Приход перебежчиков был приятен царю. Итак, с наступлением вечера под их руководством он вступил с подвижным отрядом на указанный путь, приказав фаланге следовать за собой ускоренным маршем. Сам, идя в квадратном строю, он вел войско так, что последние были недалеко от первых. 11. И они прошли уже 300 стадиев, когда им повстречался сын Мазея Брокубел, бывший претор Сирии. Он, ставший тоже перебежчиком, сообщил, что Бесс находится не более как на расстоянии 200 стадиев: войско его идет беспорядочно, не принимая никаких мер предосторожности, и, по-видимому, направляется в Гирканию. Если поторопиться, можно его застигнуть врасплох. Дарий еще жив. 12. Перебежчик внушил и ранее торолившемуся царю страстное желание догнать Бесса. Поэтому все прищипривают коней и мчатся вперед.

Уже наступающие слышали шум движущихся вражеских войск, но те еще были скрыты облаками пыли. Царь несколько задержал свой ход, чтобы осела пыль. 13. Варвары тоже заметили их, но Александр увидал уже удаляющийся от него отряд и определил, что силы их были бы неравны, если бы у Бесса оказалось столько мужества для сражения, сколько было при совершении преступления. В численности и силе варвары имели преимущество, к тому же бодрые сразились бы с утомленными от пути. 14. Но имя Александра и молва о нем — важнейший момент в этой войне — заставили их в страхе предаться бегст-

ву. 15. Бесс и другие соучастники его преступления, следовавшие за повозкой Дария, начали убеждать царя сесть на коня и бегством спастись от врага. 16. Он же, веря, что существуют боги-мстители, и полагаясь на благородство Александра, отказался следовать за своими убийцами. Тогда в ярости они бросили его копьями и, нанеся ему множество ран, бросили его.

17. Изранили они также и вьючных животных, чтобы они не могли идти дальше, и убили двух слуг, сопровождавших царя. 18. Совершив это преступление, чтобы скрыть следы своего бегства, Набарзан устремился в Гирканию, а Бесс с немногими всадниками — в Бактрию. Варвары, лишившись вождей, стали рассеиваться, кого куда влекла надежда или гнал страх. Только 500 всадников объединились, не зная, что лучше: сопротивляться или бежать. 19. Александр, уловив колебание противников, послал вперед Никанора с частью конницы, чтобы помешать их бегству, сам же с остальными последовал за ними. Добрых 3 тысячи оказавших сопротивление было убито; остальной отряд, не причинив вреда, погнали, как скот, так как царь приказал воздерживаться от убийств.

20. Никто из пленных не мог показать повозку Дария. Отдельные воины пытались искать ее по каким-либо заметным признакам, но не осталось никакого следа от бегства царя. 21. За торопившимся Александром следовало едва-едва 3 тысячи всадников. А на медленно двигавшихся наткнулись толпы рассеявшихся в бегстве. 22. Трудно поверить, но пленных было больше, чем тех, кто мог их пленить: страх настолько затмил их рассудок, что они не замечали ни своего многолюдства, ни малочисленности неприятеля. 23. Между тем вьючные животные, которые везли повозку Дария, лишившись управления, сошли с пути остального войска и, продолжая блуждать на протяжении 4 стадиев, остановились в какой-то долине, изнемогая от жары и от ран. 24. Неподалеку был источник, к нему добрался по указанию местных жителей измученный жаждой македонец Полистрат и, когда стал пить,

Персидский золотой ритон

зачерпнув воду шлемом, заметил копы, торчащие из тел издающих животных. 25. Убедившись, что они воткнуты, но не вытаснены — полуживого...

КНИГА VI

ГЛАВА I

1. ... он бросился в самое опасное место и, перебив наиболее яростно сопротивляющихся, обратил большую часть врагов в бегство. 2. Победители побежали до тех пор, пока не завлекли увлеченных преследованием на равнину, многие из них погибли, но как только появилась возможность остановиться, битва продолжалась с переменным успехом. 3. Среди спартацев выделялся их царь не только внешним видом и оружием, но и храбростью, в чем одном он был непобедим. 4. На него напали со всех сторон, издали и вблизи, но он, обращая свое оружие к врагу, держался долго, одни стрелы отбивая щитом, от других увертываясь, пока не был ранен копьем в бедро; большая потеря крови вывела его из сражения. 5. Итак, воины, положив его на щит, быстро понесли его в лагерь; он с трудом переносил боль от своих ран. 6. Спартацы, однако, не прекратили сражения, и, как только нашли более выгодное для себя, а не для противника место битвы, они, сомкнув ряды, приняли обрушившийся на них вражеский строй. 7. На памяти людей не было более отчаянного сражения. Войска двух стран, наиболее прославленных умением воевать, сражались с равным успехом. 8. Спартацы вдохновлялись прежней воинской славой, македонцы — новой; те сражались за свободу, эти — за господство; спартацам недоставало полководца, македонцам — простора для боя. 9. За этот один день переменчивый случай столько раз усиливал то страх, то надежды каждой стороны, что казалось, будто сама судьба пыталась уравновесить состязание сильнейших. 14. Но теснота места, на котором происходила битва, не позволяла сразиться всеми силами; наблюдало за боем народу больше, чем участвовало в нем, и те, кто были вне поля боя, попеременно криками поддерживали своих.

11. Наконец строй лаконцев, едва удерживая скользкое от пота оружие, начал слабеть, и под натиском врага все открыто побежали.

12. Победители преследовали рассеявшихся беглецов и, миновав пространство, прежде занятое лаконцами, стали преследовать самого Агиса. 13. Тот, увидев, что его люди бегут, а враг уже близко, велел спустить себя на землю. 14. Испытав, соответствует ли сила его тела мужеству духа, и найдя ее слабой, он опустился на колени, быстро надел свой шлем, укрылся щитом и стал потрясать копьем в правой руке, вызывая врага, который осмелился бы снять с лежащего доспехи. 15. Но никто

не посмел схватиться с ним врукопашную. В него метали копья издали, он бросал их обратно во врагов, наконец, копье вонзилось в его обнаженную грудь. Когда его вытащили из раны, Агис, ослабев, слегка поддерживая голову щитом, затем, теряя одновременно кровь и дыхание, умирая, упал на свое оружие. 16. В этой битве погибло 5300 спартанцев, а македонцев больше тысячи, но почти никто не вернулся в лагерь без ран.

Эта победа сломила не только Спарту и ее союзников, но и всех ожидавших результатов войны. 17. Антипатра не обмануло, что слова поздравлявших его не соответствуют их чувствам, но, желая скорее закончить войну, он был вынужден поддаться этому обману, мысль о победе доставляла ему удовольствие, но он опасался завистников, ибо своей деятельностью превысил обязанности префекта. 18. Ведь Александр хотя и желал победы над врагом, был недоволен, что это успех Антипатра, и громко говорил об этом, считая, что слава другого наносит ущерб его собственной. 19. Поэтому Антипатр, хорошо зная характер царя, не осмелился сам распорядиться победой, но собрал совет греков, чтобы решить, что надо делать. 20. От этого совета спартанцы не добились ничего, кроме разрешения отправить к царю послов, а жители Тегей, кроме зачинщиков, все получили прощение, ахейцы же и этолийцы должны были уплатить 120 талантов Мегалополю, который был осажден мятежниками. 21. Таков был исход войны, которая началась внезапно и закончилась даже раньше, чем Александр победил Дария при Арбелах.

ГЛАВА 2

1. Едва отступили настоятельные заботы, как душа Александра, куда более стойкая на войне, чем на досуге и покое, стала добычей низменных страстей, и тот, кого не сломало оружие персов, был побежден пороками. Бесперывные пиры, нездоровые до утра попойки и увеселения с толпами распутниц, всяческое погружение в чужеродные обычаи. 2. Перенимая их, будто они лучше родных, царь оскорблял чувства и взоры своих соплеменников, и многие из прежних друзей стали к нему враждебны. 3. Ибо людей, преданных родным обычаям, привыкших удовлетворять естественный голод простой и легко добываемой пищей, он натолкнул на чуждые им пороки покоренных племен. 4. Отсюда большое число заговоров против него, недоверие солдат, более свободное выражение взаимных жалоб; самого же Александра охватывали то гнев, то подозрения, вызванные беспричинным страхом, и другие подобные чувства, о которых будет сказано ниже. 5. Тратя дни и ночи в непрерывных пирах, пресыщение от них он старался сменить развлечениями, но не довольствуясь артистами, толпу которых он привез из Греции, он заставлял пленных женщин петь свои песни, неблагозвучные и ненавистные для ушей иностранцев. 6. Среди этих женщин царь заметил одну, печальнее других, отказывав-

шуююя выходить вперед; она выделялась красотой, облагороженной еще и скромностью: опуская всегда глаза и закрывая, насколько можно, лицо, она внушала царю мысль, что она высокого рода и что не должна была бы появляться на пирах. 7. На вопрос, кто она, женщина сказала, что внучка бывшего царя персов Оха, дочь его сына, и была женой Гистаспа. Гистасп этот был родственник Дария и командовал большой армией. 8. В душе царя еще держались остатки прежнего благородства: из уважения к судьбе женщины столь высокого рода и к славному имени Оха он не только освободил пленницу и возвратил ей ее достоинство, но и приказал разыскать ее мужа, чтобы вернуть ее супругу.

9. На следующий же день он поручил Гефестиону собрать всех пленных во дворце. Здесь, выявив знатность каждого, он отделил благородных от черни. Таких оказалось тысяча человек, среди них был и брат Дария Оксатр, прославленный не столько своим происхождением, как качествами души. 10. 26 тысяч талантов составили первую добычу; из них 12 тысяч царь истратил на подарки солдатам; равная сумма денег была расхищена хранившими их. 11. Оксидат был персидским вельможей, но содержался в оковах, так как Дарий хотел его казнить. Александр, освободив его, назначил сатрапом в Мидии, а брата Дария принял в когорту своих друзей, сохранив ему все почести прежнего положения. 12. Оттуда царь отправился к парфянам, тогда малоизвестному народу, теперь же стоящему во главе всех народов за реками Тигр и Евфрат, до самого Красного моря. 13. Равнинную и плодородную часть этого пространства захватили скифы, до сих пор опасные соседи. Они живут в Европе и в Азии. Те, что живут за Боспором, считаются азиатами, а живущие в Европе распространились по области от левой границы Фракии до Борисфена и оттуда до другой реки — Танаиса. 14. Танаис протекает между Европой и Азией. Нет сомнения в том, что скифы, от которых произошли парфяне, пришли не от Боспора, но из области Европы. 15. Был в это время прославлен город Гекатомпил, основанный греками; там царь пробыл несколько дней, и туда свезли отовсюду провинант. Поэтому без всяких оснований распространились слухи, пущенные праздными солдатами, что царь, удовлетворенный достигнутым, решил теперь же вернуться в Македонию. 16. Солдаты как безумные бросаются к своим палаткам и начинают упаковывать свой багаж для похода; можно было подумать, что был дан сигнал собираться в путь. Крик солдат, разыскивающих своих товарищей по лагерю и грузящих повозки, достиг ушей царя. 17. Слуху этому способствовали греческие солдаты, отпущенные домой; и так как каждый греческий всадник получил по 6 тысяч денариев, остальные думали, что и для них приходит конец военной службы. 18. Встревоженный этим, как и следовало ожидать, царь, собиравшийся пройти еще до индов и до крайних стран Востока, собирает военачальников у себя в

палатке и со слезами на глазах жалуется, что ему приходится в поиске своей славы возвращаться на родину скорее побежденным, чем победителем. 19. И мешает ему не малодушие солдат, а зависть богов, вселивших внезапно в души храбрейших его людей тоску по родине, куда они вернулись бы немного позже с еще большей славой. 20. Тогда полководцы, отвечая каждый за себя, стали предлагать свою помощь, требовать самых трудных дел, обещать повиновение солдат, лишь бы только Александр одобрил обратиться к ним с мягкой и подходящей к случаю речью. 21. Ведь солдаты никогда не падали духом и не огступали, если могли входнолваться его бодростью и величием его духа. Царь сказал, что он так и сделает, пусть они только инструируют солдат его слушать. Когда все было подготовлено, он приказал собрать войско и обратился к нему с такой речью.

ГЛАВА 3

1. «Воины! Ничего удивительного, что при виде величия совершенных вами дел вас охватывает желание отдыха и преклоненность славой. 2. Я не буду говорить об иллирийцах, трибаллах, Беотии, Фракии, Спарте, ахейцах, Пелопоннесе, которые были покорены как под моим собственным командованием, так и по моему приказанию и под моим руководством. 3. Далее, начав войну с Геллеспонта, мы вызволили из рабства у самовластного варварства Ионию и Эолиду, и теперь в нашей власти находятся Кария, Лидия, Каппадокия, Фригия, Паорлагония, Тамфилия, Писидия, Киликия, Сирия, Финикия, Армения, Персия, мидийцы, Парфияна. 4. Я захватил больше стран, чем другие полководцы городов, и даже не знаю, не забыл ли я при перечислении некоторых из них из-за их множества. 5. Итак, если бы я был уверен, что наша власть в столь быстро завоеванных нами землях достаточно прочна, я сам, солдаты, даже бытаться вы удержать меня, вернулся бы к своим пенатам, к матери и сестрам, к согражданам, чтобы именно там вместе с вами насладиться завоеванной славой, где нас ожидают самые богатые награды наших побед: радость детей, жен и родителей, мир, отдых, прочное обладание тем, что принесла нам наша доблесть. 6. Но в новой и, сказать правду, непрочной империи, которую варвары покоряются с протестом, нужно, солдаты, время, чтобы они приучились к более мягкой власти и чтобы их грубый нрав смягчился. 7. Плодам тоже требуется определенное время, чтобы созреть, даже лишние разума, они мячат каждый по своему закону. 8. Что же? Или вы думаете, что столько племен, привыкших к иным правам и власти, не связанных с нами ни религией, ни нравами, ни языком, стали нам покорны с того времени, как были разбиты нами в бою? Их сдерживает ваше оружие, а не их расположение; кто боится нас в нашем присутствии, станет врагом в наше отсутствие. Мы имеем дело с дикими зверями, хотя они и посажены в клетки, но их может смягчить не природа, а долгое время.

9. Пока я говорю с вами, будто нашему оружию покорно все, что было под властью Дария, Набарзан захватил Гирканию, царевыйца Бесс не только владеет Бактрией, но и угрожает нам; согдийцы, дахи, массагеты, саки и инды еще независимы, и все они, завидев наши тылы, последуют за нами, ибо они все единоплеменники, мы же иноземцы. 10. Каждый охотнее повинуется своему правителю, даже если он внушает большой страх. Поэтому нам надо отказаться от того, чем овладели, или овладеть тем, чего мы еще не взяли. 11. Как врачи не оставляют в больном теле ничего, что может принести вред, так, войны, и мыотрежем все, что мешает нашей власти. Часто ничтожная искра вызывает большой пожар. Презирать врага небезопасно: на кого вы не обратите внимания, тому придадите больше силы. 12. И Дарий не по наследству получил власть над персами, но был подведен к трону Кира по милости евнуха Багоя, поэтому не думайте, что Бессу будет трудно захватить опустевший престол. 13. Мы, конечно, ошиблись бы, о войны, если бы победили Дария ддя того, чтобы передать власть его рабу, который решился на крайнее преступление, заключив в оковы своего царя, нуждающегося в помощи иноземцев, которую мы, победители, конечно, ему оказали бы, и, наконец, убил его, чтобы он не был спасен нами. 14. Неужели вы допускаете, чтобы страной правил тот, которого я хочу как можно скорее видеть распятым на кресте в заслуженное наказание за нарушение клятв верности пред всеми царями и народами. 15. И, клянусь богами, если вы вдруг узнаете, что он же опустошает города Греции и Геллеспонт, как горька будет для вас мысль, что Бесс украл плоды вашей победы: тогда-то вы поспешите вернуть свое, тогда-то вы возьметесь за оружие. Но насколько лучше раздавить его, пока он напуган и едва владеет своим рассудком! 16. Нам, прошедшим через столько снегов, столько рек, преодолевшим столько горных вершин, предстоит еще четырехдневный поход. Ни море, заливающее волнами дорогу, не препятствует нашему пути, ни теснины Киликии; вся страна ровная и удобная для похода. 17. Мы стоим на самом пороге победы. Нам осталось победить нескольких беглецов, убивших своего господина. Это благородная задача, клянусь богами, и среди славнейших наших дел, переданных потомству, будет упомянуться, как вы отомстили убийцам вашего врага, Дария, ненависти к которому вы после его смерти больше не имели, как ни одному бесчестному человеку вы не дали ускользнуть из ваших рук. 18. Когда это будет сделано, насколько послушнее станут персы, поняв, что вы ведете справедливые войны и что ваш гнев возбуждает не имя Бесса, а его преступления!»

ГЛАВА 4

1. Солдаты встретили речь царя с большим энтузиазмом и закричали, чтобы он вел их, куда пожелает. 2. Не сдерживая их пыл, царь уже на третий день проник через Парфиену к гра-

ницам Гиркании. Для защиты Парфены от нападений варваров он оставил Кратера с отрядом Аминты и, кроме того, с 600 всадниками и столькими же лучниками. 3. Эригию же он велит вести обоз полевой дорогой, дав ему небольшой отряд. Сам со своей фалангой и конницей, пройдя 150 стадиев, стал лагерем в долине, подводящей к Гиркании. Там есть роща с тенистыми и высокими деревьями, так как тучная почва долины орошается ручьями, стекающими с нависших скал. 4. У самого подножья гор появляется река Зиобет, которая течет на протяжении почти трех стадий в одном русле, но, натолкнувшись на скалу, прерывающую ее течение, делится на два потока. 5. Затем поток, ставший бурным от камней, которые он преодолевает, внезапно уходит под землю. Около 300 стадиев эта река течет скрытым путем, затем снова выходит на поверхность земли, словно рождаясь от другого источника, и прокладывает новое русло в полтора раза шире прежнего. 6. Оно доходит до 13 стадиев ширины, потом опять сужается в более тесных берегах и наконец впадает в другую реку, которая называется Ридагн. 7. Местные жители уверяли, что все брошенное в пещеру в верховье реки опять появляется в новом ее устье. Поэтому Александр приказывает бросить двух волов в реку там, где она уходит под землю, и люди, посланные выловить их, видели туши волов, выброшенные рекой, где она вновь выходит из-под земли.

8. На четвертый день солдатам был дан отдых на этом месте; тут же царь получил письмо от Набарзана, захватившего вместе с Бессом Дария. В письме было сказано, что он не был врагом Дария, наоборот, он дал ему совет, который считал полезным, но за этот искренний совет чуть не был им казнен; 9. что Дарий, помышляя доверить охрану своей особы против всех законов и обычаев чужеземцам, отвергал преданность своих, которую они свято сохраняли своим владыкам в течение 230 лет. 10. Сам он, стоя на скользкой и опасной почве, принял меры, указанные необходимостью. Дарий тоже, убив Багоя, оправдывался перед своими людьми тем, что убил составлявшего заговор против него. 11. Для несчастных смертных нет ничего дороже жизни: из любви к ней он был вынужден на крайность, но он действовал больше по необходимости, чем по желанию. При общей беде у каждого своя судьба. 12. Если царь прикажет ему явиться к себе, он явится без страха. Он не боится, что такой великий царь нарушит данное им обещание; богов не может обманывать бог. 13. Впрочем, если Александр сочтет его недостойным доверия, есть достаточно мест для изгнания. Какое место избрет себе храбрый человек, там и будет его родина. 14. Александр не колеблясь дал по обычаю персов обещание, что Набарзан, придя к нему, останется невредим.

Тем временем царь продолжал путь, построив войско плотным квадратным строем, изредка посылая разведчиков обсле-

довать местность. 15. Впереди шли легковооруженные, за ними следовала фаланга, за пехотой шел обоз. Воинственность населения и природа этой труднопроходимой страны держали в напряжении внимание царя. 16. Эта обширная равнина, доходя до Каспийского моря, вдается в него двумя отрогами, посередине слабовогнутый залив, похожий на рога молодого месяца, когда он еще не достиг своей полноты. 17. Слева находятся земли керкетов, моссинов и халибов, с другой стороны — левкосиров и амазонок; первые живут в направлении к западу, а последние — к северу. 18. В Каспийском море вода менее соленая, чем в других морях, и водятся змеи огромной длины, а рыбы отличаются цветом чешуи. Одни называют это море Каспийским, другие — Гирканским, есть и такие, которые считают, что в него впадает Меотийское болото и что вода в этом море не так солона, как в других, потому что она смягчается вливающейся в него водой из болот. 19. На севере вода заливал обширный берег и, широко разливаясь, образует огромное болото, но при другом состоянии воздуха снова возвращается в свои берега с такой же силой, с какой устремлялось вперед, и стране возвращает ее прежний вид. Некоторые думали, что это не Каспийское море, а сам Океан пробивает себе дорогу из Индии в Гирканию, нагорье которой, как сказано выше, сменяется непрерывной плоской равниной.

20. Оттуда царь продвинулся на 20 стадиев по почти непроходимой дороге, заросшей лесом; река и наводнения мешали ему в пути; но, не встречая врагов, он проникает до отдаленных мест. 21. Кроме другого продовольствия, которым эта страна изобилует, здесь много плодовых деревьев и почва очень хороша для винограда. 22. Здесь много деревьев, напоминающих дуб, на листьях которого обильно выступает мед, но если жители не соберут его до восхода солнца, мед пропадает от первого тепла.

23. Отсюда Александр продвинулся еще на 30 стадиев и встретил Фратаферна, сдавшегося ему вместе с бежавшими после смерти Дария; благосклонно приняв их, царь подошел к городу Арвы. 24. Здесь он соединился с Кратером и Эригием; они провели с собой Фрадату, главу племени тапуров; его Александр также принял милостиво, и это служило для многих примером милосердия царя. 25. Затем он назначил сатрапом Гиркании Манапа; он был изгнанником при царе Охе и пришел тогда к Филиппу; власть над племенем тапуров Александр возвратил Фрадату.

ГЛАВА 5

1. Царь вступил уже в крайние районы Гиркании, когда Артабаз, бывший, как мы уже сказали, очень преданным Дарию, встретил его со своими детьми, родными Дария и небольшим отрядом греческих солдат. 2. Царь дал прибывшему правую руку; ибо он был гостем Филиппа во время своего изгнания в

царствование Оха, но верность своему царю, которую он сохранил до конца, была для того важнее уз гостеприимства. 3. Итак, ласково принятый, он сказал: «Я молю богов, о царь, чтобы ты наслаждался вечным счастьем, я же, счастливый во всем другом, скорблю только о том, что из-за глубокой старости не смогу долго пользоваться твоей добротой». 4. Ему шел 95-й год. 5. Юношей, все сыновья одной матери, сопровождали отца. Артабаз подвел их к руке царя, моля богов, чтобы они жили, пока будут полезны Александру. 6. Царь обычно совершал путь пешком, но теперь приказал подать лошадей себе и Артабазу, чтобы старик не стеснялся ехать верхом, если он пойдет пешком. 7. Когда затем был раскинут лагерь, царь приказал собрать греков, приведенных Артабазом. Но они ответили, что если не будет предоставлена безопасность лаконцам, а также и синопцам, они сами решат, что им делать. 8. Они были послами от лаконцев у Дария и после его поражения присоединились к греческим пленникам, служившим у персов. 9. Царь, не дав им никаких обещаний, приказал прийти к нему и услышать от него самого решение своей судьбы. После долгих колебаний и обсуждений они наконец обещали прийти. 10. Но афинянин Демократ, постоянно решительно выступавший против власти македонцев, отчаявшись получить прощение, пронзает себя мечом. Остальные, как решили, сдаются на милость Александра. 11. Их было всего 1500 солдат и, кроме того, 90 посланных к Дарию. Солдаты были причислены к запасным частям, остальные отпущены домой, кроме лаконцев, которых царь отдал под стражу.

12. У границ Гиркании обитало племя мардов, с грубым образом жизни, привыкшие к разбоям. Только они не прислали послов и, казалось, не собирались подчиниться. Поэтому царь, раздраженный тем, что какой-то народ может лишиться его славы «непобедимого», оставив обоз под охраной, выступил против них с отрядом непобедимых. 13. Он совершил переход ночью и на рассвете увидел врага; произошла скорее свалка, чем сражение. Выбитые с занятых ими холмов, варвары обратились в бегство, были захвачены и ближайшие села, покинутые жителями. 14. Но проникнуть во внутреннюю часть этой страны нельзя было без большого напряжения для войска; путь преграждали горные хребты, густые леса и неприступные скалы; а ровные места варвары загородили по новому способу. 15. А именно: они нарочно сажают деревья как можно чаще; пока ветви деревьев еще нежны, их сгибают руками, сплетают вместе и втыкают в землю; тогда, как бы от другого корня, вырастают более толстые стволы. 16. И они не дают деревьям расти, как угодно природе, но как бы связывают их вместе. Когда на деревьях бывает много листьев, они совершенно закрывают землю, и тогда переплетение ветвей сплошной стеной преграждает путь. 17. Единственное, что можно было сделать, — это прорубить в них проход, но и это был тяжелый труд; от частых узлов стволы твердели, а сплетенные ветви деревьев, подобные висячим обру-

чам, из-за своей гибкости, не поддавались топору. 17. Жители этой страны, привыкшие, подобно зверям, проползать под ветвями, тоже вступили в лес и из укрытия метали во врагов стрелы.

Александр, выследив, подобно охотнику, их тайные убежища, перебивает многих из них и наконец велит солдатам окружить заросли и ворваться в них, где только есть проход. 18. Но, не зная местности, многие заблудились, и некоторые были взяты в плен; вместе с ними конь царя, Букефал, которого Александр ценил больше других коней. Он никому не давал садиться на себя, а когда садился царь, он сам опускался на колени, ожидая всадника, будто понимал, кого везет. 19. Царь, поддавшись больше, чем следовало, гневу и скорби, приказывает найти коня и передать через переводчика, что если конь не будет возвращен, никто из них не останется в живых. Устрашенные этой угрозой, враги вместе с другими дарами привели и коня. 20. Но не смягчившись даже этим, царь велит вырубить заросли и землей с гор заровнять равнину, загороженную ветвями. 21. Дело успешно продвигалось вперед, и варвары, отчаявшись удержать захваченное ими пространство, сдались. Царь, взяв заложников, приказал отдать это племя под власть Фрадата. На пятый день он возвращается в свой лагерь. 22. Затем он отпустил Артабаза домой с двойными почестями против тех, которые оказывал ему Дарий. Вскоре подошли к городу Гиркании, где был дворец Дария. Здесь Набарзан, получив обещание безопасности, встретил его с обильными дарами. 23. Среди них был Багой, юноша-евнух в расцвете юности и красоты, которого любил Дарий, вскоре полюбил его и Александр, он пощадил и Набарзана главным образом по просьбе этого юноши.

24. Как было сказано выше, с Гирканией граничило племя амазонок, населяющих поля Темискиры вдоль реки Термодонта. У них была царица Талестрис, правившая всеми живущими между Кавказом и рекой Фасис. 25. Желая видеть царя, она выступила за пределы своего царства и с недалекого уже расстояния послала Александру известие, что прибыла царица, страстно желающая видеть его и познакомиться с ним. 26. Она сейчас же получила позволение прибыть. Приказав остальной части своей свиты остановиться и ждать ее, она приблизилась в сопровождении 300 женщин; увидев царя, она соскочила с коня, держа в правой руке 2 пики. 27. Одежда амазонок не полностью покрывает тело; левая половина груди обнажена; все остальное закрыто, но одежда, подол которой они связывают узлом, не опускается ниже колен. 28. Они оставляют только одну грудь, которой кормят детей женского пола, правую же грудь они выжигают, чтобы было удобнее натягивать лук и бросать копьё. 29. Без всякого страха Талестрис смотрела на царя, внимательно изучая его внешний вид, совсем не соответствовавший его славе; ибо все варвары чувствуют уважение к величественной внешности и думают, что на великие дела спо-

собны только люди, от природы имеющие внушительный вид. 30. На вопрос, не желает ли она просить о чем-нибудь царя, она, не колеблясь, призналась, что хочет иметь от него детей, ибо она достойна того, чтобы наследники царя были ее детьми: ребенка женского пола она оставит у себя, мужского — отдаст отцу. 31. Александр спросил ее, не хочет ли она сражаться на его стороне, но она, оправдываясь тем, что не оставила охраны для своего царства, настойчиво просила, чтобы Александр не обманул ее надежд. 32. Страсть женщины, более желавшей

Амазонка

любви, чем царь, заставила его задержаться на несколько дней. В угоду ей было затрачено 13 дней. Затем она отправилась в свое царство, а Александр — в Парфиену.

ГЛАВА 6

1. Здесь он открыто дал волю своим страстям и сменил умеренность и сдержанность, прекрасные качества при высоком его положении, на высокомерие и распутство. 2. Обычаи своей родины, умеренность македонских царей и их гражданский облик он считал неподходящими для своего величия, равного величию персидских царей, и соперничал по своей власти с богами. 3. Он требовал, чтобы победители стольких народов, приветствуя его, падали ниц, постепенно приучая их к обязанностям рабов, обращаясь с ними, как с пленниками. 4. Итак, он надел на голову пурпурную с белым диадему, какую носил Дарий, оделся в наряды персов, не боясь дурного предзнаменования от того, что заменяет знаки отличия победителя на одежду побежденного. 5. Он говорил, что носит персидские доспехи, но вместе с ними перенял и персидские обычаи, а за великолепием одежды последовало и высокомерие духа. 6. Письма, посылавшиеся в Европу, он запечатывал своим прежним перстнем, а те, которые отправлял в Азию, — перстнем Дария, но было очевидно, что один человек не может охватить судьбы двоих. 7. Мало того, он одел своих друзей и всадников (ибо они первенствовали в войсках) против их воли в персидские одежды, и те не решились протестовать. 8. В его дворце было 360 наложниц, как и у Дария, окруженных толпами евнухов, также привыкших испытывать женскую долю.

9. Все это в соединении с роскошью и чужеземными привычками вызывало открытое недовольство неискушенных в разврате старых воинов Филиппа, и во всем лагере были одни думы и речи, что с победой они потеряли больше, чем захватили на войне; 10. что, покорившись чужеземным обычаям, они сами оказались побежденными. С какими, наконец, глазами явятся они домой, как бы в одежде пленников. Им стыдно за себя; а царь их, более похожий на побежденного, чем на победителя из македонского повелителя превратился в сатрапа Дария. 11. И царь, понимая, что он глубоко оскорбил своих друзей и солдат, старался вернуть себе их преданность щедрыми подарками. Но я думаю, что ненавистна свободным людям цена рабства. 12. Итак, чтобы дело не дошло до мятежа, бездействие солдат надо было прервать войной, поводов к которой, кстати, становилось все больше. 13. Ибо Бесс, облачившись по-царски, приказал называть себя Артаксерксом и собирал скифов и другие народы, жившие по реке Танаис. Об этом сообщил Сатибарзан, принятый Александром на милость и сделанный им сатрапом той же области, которой он раньше управлял. 14. И так как армия, перегруженная трофеями и предметами роскоши,

не могла быстро двигаться, он приказал собрать в одно место сначала его вещи, а затем вещи всех солдат, кроме самого необходимого. 15. Нагруженные добычей повозки они свезли на обширную равнину. Когда все ожидали дальнейших приказов царя, он велел увести животных, а все остальное сжечь и первый поднес зажженный факел к своим вещам. 16. Сожжены были самими владельцами сокровища, ради которых люди часто гасили пожары, чтобы вынести их невредимыми из вражеских городов. И никто не посмел оплакивать цену своей крови, раз тот же огонь пожрал и богатства царя. 17. Затем короткая речь успокоила их горе, и они с готовностью к службе и ко всему на свете радовались, что потеряли лишний груз, а не свою плучку. 18. Итак, они отправились в Бактрийскую землю.

Внезапная смерть Никанора, сына Пармениона, вызвала всеобщую скорбь. 19. Царь, опечаленный больше всех, очень хотел выдержаться и присутствовать на похоронах, но нужда в припасах заставляла его торопиться; оставлен был Филот с 2600 человек для отдания почестей брату, а царь поспешил навстречу Бессу. 20. В пути ему вручили письма от ближайших сатрапов, из которых он узнал, что Бесс с войском выступил против него и еще что Сатибарзан, которого он сделал сатрапом ариев, ему изменил. 21. Поэтому, хотя он и шел против Бесса, он решил сначала расправиться с Сатибарзаном. Он берет с собой легковооруженных и конницу и, пройдя форсированным маршем всю ночь, неожиданно наступает на врага. 22. Узнав о появлении Александра, Сатибарзан с 2 тысячами всадников — нельзя было собрать больше — бежал в Бактрию, остальные заняли соседние горы. 23. Там есть скала, очень крутая с запада, но более пологая с востока, с густой зарослью леса; на ней есть неиссякаемый источник с обильно текущей водой. 24. Окружность скалы составляет 32 стадия. На ее вершине — травянистый луг. Здесь враги разместили множество тех, кто не принял участия в сражении; сами же загородили подход к скале рядами деревьев и камнями. Всего было 13 тысяч вооруженных воинов. 25. Оставив Кратера для их осады, Александр погнался в погону за Сатибарзаном.

Но, узнав, что варвар находится далеко, он вернулся штурмовать занявших гору. 26. Прежде всего он приказал расчистить места, где только можно подняться, но затем, натолкнувшись на неприступные скалы и откосы, он признал борьбу с природой бесполезной. 27. Александр, любивший преодолевать препятствия, поскольку идти вперед было трудно, а возвращаться опасно, пробовал то одно, то другое, как всегда бывает, но ничто не удовлетворяет ни одно решение. В таком его затруднении, когда разум был бессилен, ему внезапно помогло счастье.

Поднялся сильный западный ветер, а солдаты нарубили уже много деревьев, чтобы по ним взобраться на скалу. 29. Эти деревья, нагретые солнцем, накалились и вспыхнули, и Александр приказывает рубить еще деревья и поддерживать огонь. Сло-

женные кучей деревьев быстро достигают высоты скалы. 30. Поднесенный с разных сторон огонь охватил весь костер. Ветер погнал пламя в лицо неприятелю, и огромные клубы дыма закрыли небо, как тучей. 31. Леса загудели от огня, и даже то, что солдаты не поджигали, загорелось само и поджигало все, что поблизости. Варвары пытались убежать от мучительной смерти туда, где затухал огонь, но где не было пламени, там их поджидали враги. 32. И они погибали по-разному: частью в самом огне, некоторые прыгали со скалы, другие бросались навстречу врагам, немногие попали в плен полуобгоревшими.

33. Оттуда Александр вернулся к Кратеру, осаждавшему Артакану. Тот, подготовив все, что нужно, ожидал царя, чтобы предоставить, как и следовало, славу взятия города ему. 34. Александр приказывает придвинуть осадные башни; варвары, устранные их видом, протягивая со стен города руки ладонями вверх, молят царя обратить свой гнев на зачинщика мятежа Сатибарзана, а их, сдающихся на его милость, пощадить. Царь простил их и не только снял осаду, но и вернул жителям все их имущество. 35. Когда он ушел от этого города, подошло подкрепление: Зоил привел 500 солдат из Греции, Антипатр прислал 3 тысяч из Иллирии, с Филиппом прибыло 130 фессалийских всадников, из Лидии — 2600 воинов-чужеземцев и 300 всадников того же племени. 36. Приняв эти новые силы, царь вступил в страну воинственного племени дрангов. Их сатрапом был Барзаент, соучастник Бесса в преступлении против своего царя; боясь заслуженного наказания, он бежал в Индию.

ГЛАВА 7

1. Царь стоял лагерем уже девятый день, не только в безопасности от вражеских сил, но и непобедимый, как вдруг подвергся опасности от внутреннего врага. 2. Димн, человек среднего положения и веса среди приближенных царю, пылал любовью к распутному юноше Никомаху, состоявшему с ним в связи. 3. И вот он, судя по выражению лица, сильно потрясенный, удалив свидетелей, заходит с юношей в храм; 4. и, начав с того, что сообщит нечто весьма секретное и заинтересовавшее этим, требует во имя взаимной их любви принести клятву, что доверенное ему он покроет молчанием. 5. Никомах, полагая, что тот не скажет ничего такого, молчание о чем было бы преступно, клянется всеми богами. 6. Тогда Димн открывает ему, что составлен заговор убить на третий день царя и что он сам участвует в этом заговоре вместе со смелыми и выдающимися мужами. 7. Юноша, услышав это, стал упорно отрицать, и дал клятву участвовать в таком преступлении, и сказал, что никакая клятва не заставит его умолчать о таком преступлении. 8. Димн, обезумев от любви и страха, схватил юношу за руку и, рыдая, стал умолять его принять участие в заговоре; 9. а если он не может, то по крайней мере не выдавать его: ведь он

казал свою любовь к нему, кроме всего другого, тем, что, не испытав его верности, доверил ему свою жизнь. 10. Наконец Димн стал воздействовать на юношу, продолжавшего с негодованием отказываться, страхом, говоря, что заговорщики начнут свое славное дело с его убийства. 11. Затем он старался повлиять на юношу, отвращающегося от такого преступления, то называя Никомаха трусливой женщиной, то предателем своего любовника, то давая ему большие обещания, вплоть до царской власти. 12. Наконец, приставляя обнаженный меч то к горлу Никомаха, то к своему, умоляя и вместе с тем угрожая, Димн добился обещания не только молчать, но и поддержать дело заговорщиков. 13. Однако весьма твердый духом, и будь он целомудрен, достойный юноша не изменил своего прежнего решения, а только притворился, что из-за любви к Димну не может ему отказать. 14. Он стал расспрашивать Димна, с кем он вступил в сообщество; большое, мол, значение имеет, какие люди приложат руки к столь славному делу. 15. Димн, помраченный любовью и преступлением, стал благодарить юношу и поздравлять с тем, что, проявив мужество, он решил присоединиться к Деметрию, одному из телохранителей, Певколаю и Никанору; к ним он прибавил имена Афобета, Иолая, Диоксена, Археполиса и Аминты.

16. Когда Димн отпустил его, Никомах сообщил все, что узнал, своему брату по имени Кебалин. Братья условились, что Никомах остается в палатке, ибо, если он, никогда не приближавшийся к царю, войдет в его шатер, заговорщики поймут, что они преданы. 17. Кебалин же встал у входа в царский шатер, подходить ближе ему не было позволено, ожидая кого-нибудь из своих друзей из первой когорты, чтобы тот провел его к царю. 18. Случилось так, что, когда все разошлись, один Филот, сын Пармениона, по какой-то причине задержался у царя. Ему-то Кебалин, путаясь в словах от сильного волнения, сообщает о том, что узнал от брата, и просит немедленно сообщить царю. 19. Филот, похвалив его, сейчас же идет к Александру, но в долгом разговоре с ним о других делах ничего не говорит ему о том, что узнал от Кебалина. 20. Вечером Кебалин, встретив Филота у царского шатра, спрашивает, исполнил ли он его поручение. Филот сослался на то, что царю тогда было разговаривать с ним, и ушел. 21. На следующий день, когда Филот шел к царю, Кебалин появляется перед ним и упоминает о сообщенном накануне деле. Тот отвечает, что знает о нем: но и тогда не сообщает царю того, о чем слышал. 22. Филот начал внушать Кебалину подозрение, и, считая невозможным откладывать, он сообщает о задуманном предательстве благородному юноше по имени Метрон, ведавшему царским оружием. 23. Тот, спрятав Кебалина на складе оружия, сам же поспешил к отдыхающему в то время царю и рассказал ему все, что сообщил Кебалин.

24. Царь, послав своих телохранителей арестовать Димна,

сам пошел на склад оружия. Там Кебалин, полный радости воскликнул: «Я вижу тебя целым и невредимым, спасенным от рук нечестивцев». 25. Александр, расспросив его обо всем, узнал все подробности. Далее царь спросил, когда именно Никомах дал Кебалину эти сведения. 26. Когда тот признался, что идет уже третий день, он счел такую задержку подозрительной и приказал заковать Кебалина в цепи. 27. Но Кебалин начал кричать, что сразу же, как узнал о заговоре, побежал к Филоту, пусть царь у него спросит. 28. Царь продолжал допрашивать Кебалина, искал ли он Филота, настаивал ли, чтобы тот пошел к нему, и так как Кебалин неизменно подтверждал то, что уже сказал, Александр, воздев руки к небу и со слезами на глазах, стал жаловаться, что так отблагодарил его когда-то ближайший друг. 29. Тем временем Димн, догадавшись, зачем требует его царь, тяжело поранил себя бывшим при нем случайно мечом, но был схвачен подбежавшей стражей и отнесен в царский шатер. 30. Царь, смотря ему в глаза, спросил: «Какое преступление задумал я против тебя, Димн, что ты счел Филота более достойным править Македонией, чем меня?» Но Димн уже не мог говорить: простонав и отвернувшись от царя, он теряет сознание и умирает.

31. Царь, призвав Филота к себе в шатер, сказал: «Кебалин заслуживет крайнего наказания, если он два дня скрывал заговор против моей жизни, но он утверждает, что в этом виновен ты, Филот, так как он немедленно сообщил тебе о полученных им сведениях. 32. Чем теснее наша с тобой дружба, тем более преступно твое укрывательство, и я признаю, что оно подходило бы больше Кебалину, чем Филоту. У тебя благосклонный судья, если еще может быть опровергнуто то, чего не следовало делать». 33. На это Филот, совершенно не смутившись, если судить по его лицу, ответил, что Кебалин действительно сообщил ему слова развратника, но он не придавал им значения, опасаясь, что вызовет у других смех, если будет рассказывать о ссорах между влюбленными; 34. но раз Димн покончил с собой, конечно, не следует молчать, что бы это ни было. Затем, обняв царя, он стал умолять, чтобы он судил о нем по прошлому, не по его ошибке, состоящей в умолчании, а не в действительности. 35. Мне трудно сказать, поверил ли ему царь или затаил свой гнев в глубине души; но он дал ему правую руку в залог возобновления дружбы и сказал, что ему действительно кажется, что Филот пренебрег доносом, а не скрыл его умышленно.

ГЛАВА 6

1. Затем, на совещании своих друзей, на которое Филот не был приглашен, царь велит привести Никомаха. Юноша повторил дословно то, о чем раньше донес царю его брат. 2. Крайне будучи дорожа царю многих друзей, из соперничества недолюбливал Филота. 3. Кроме того, он знал, что Филот часто докучал

Александру восхвалением своей доблести и своих заслуг и им внушал подозрения если не в преступлении, то в высокомерии. 4. Думая, что не представится более удобного случая уничтожить соперника, Кратер, скрыв свою ненависть под видом преданности царю, сказал следующее: «О если бы ты в самом начале этого дела посоветовался с нами! 5. Мы убедили бы тебя, если бы ты хотел простить Филота, лучше не напоминать ему, сколь он тебе обязан, чем заставить его в смертельном страхе думать больше о своей опасности, чем о твоей доброте. 6. Ты ведь всегда сможет составить заговор против тебя, а ты не всегда сможешь прощать его. 7. Ты не имеешь оснований думать, что человек, зашедший так далеко, переменится, получив твоё прощение. Он знает, что злоупотребившие милосердием не могут больше надеяться на него. 8. Но даже если он сам, поощренный твоей добротой, захочет успокоиться, я знаю, что твой отец, Парменион, стоящий во главе столь большой армии и в связи с давним влиянием у своих солдат занимающий положение, немногим уступающее твоему, не отнесется равнодушно к тому, что жизнью своего сына он будет обязан тебе. 9. Некоторые благодеяния нам ненавистны. Человеку стыдно сознаться, что он заслужил смерть. Филот предпочтет делать вид, что получил от тебя оскорбление, а не пощаду. Знай, что тебе придется бороться с этими людьми за свою жизнь. 10. А у тебя еще достаточно врагов, которых мы готовы преследовать. Берегись заговоров в своей среде. Если ты справишься с ними, я не боюсь ничего извне».

10. Так говорил Кратер. И другие не сомневались, что Филот не скрыл бы данные о заговоре, если бы не был его главою и участником. Ибо какой верный человек с добрыми намерениями, уже не говоря друг, но даже последний простолюдин, услышав то, что было сказано Филоту, не поторопился бы сообщить об этом царю! 11. А сын Пармениона, начальник конницы, поверенный всех тайн царя, не был побужден даже призывом Кебалина, сообщившего ему слышанное от брата! Он не искал, будто бы царю некогда разговаривать с ним, чтобы Кебалина не искал другого посредника. 12. Никомас, связанный клятвой богам, поспешил облегчить свою совесть, Филот же, проведя целый день в веселье и развлечениях, не смог вставить в свои пустые разговоры несколько слов, важных для жизни царя. 13. Он говорит, что не поверил сообщению двух простых юношей. Почему же он медлил два дня, будто поверил им? Надо было удалить Кебалина, если Филот не верил его сообщению. 14. Нужно быть очень смелым, когда подвергаешься опасности сам, но если что-либо грозит благо царя, нужно быть осторожным и выслушивать даже приносящих пустые сведения. 15. Итак, все решают назначить над Филотом следствие, чтобы он назвал остальных участников заговора. Царь отпустил всех, приказав молчать о результатах совещания.

Затем он велит объявить на следующий день поход, чтобы

ничем не выдать принятого решения. 16. Филот был даже приглашен на свой последний пир, и царь имел силу духа не только пировать, но и дружески разговаривать с человеком, которого осудил на смерть. 17. Затем, во время второй смены караула, огни были погашены, и в царский шатер вошло несколько человек из числа друзей царя: Гефестион, Кратер, Кен и Эригид, а из телохранителей Пердикка и Леоннат. Они приказали караулу, охраняющему шатер, оставаться на страже с оружием в руках. 18. У всех выходов из лагеря стояли воины; всадникам также было приказано занять дороги, чтобы никто не мог тайно отправиться к Пармениону, управляющему тогда Мидией и имевшему большие вооруженные силы. 19. Атаррий же вошел в шатер царя с 300 вооруженными солдатами. Ему дается 10 тысяч воинов и при каждом по 10 вооруженных воинов. 20. Они были посланы захватить остальных участников заговора. Атаррий с 300 воинов был послан за Филотом и стал ломать запертый вход в его жилище с помощью полсотни храбрейших своих молодых, остальных он расставил вокруг дома, чтобы Филот не мог уйти через тайный ход. 21. Филот, в сознании своей безопасности или от большой усталости, крепко спал: Атаррий схватил его еще сонного. 22. Когда он полностью пробудился и был закован в цепи, он сказал: «Жестокость врагов моих победила, о царь, твое милосердие!» И пока его с закрытой головой вели к шатру царя, он не сказал больше ни слова. 23. На другой день царь приказал всем собраться с оружием в руках. Собралось около 6 тысяч солдат, кроме того, толпа маркитантов и обозной прислуги наполнила царский шатер. 24. Вооруженные воины закрывали собой Филота, чтобы толпа не увидела его, пока царь не обратится с речью к солдатам. 25. По древним обычаям Македонии, приговор по уголовным преступлениям выносило войско, в мирное время это было право народа и власть царей не имела значения, если раньше не выявилось мнение масс. 26. Итак, сначала принесли тело Димна, но большинство собравшихся не знало, что он сделал и каким образом погиб.

ГЛАВА 9

1. После этого Александр вышел к собравшимся с выражением душевной скорби на лице. Печаль его друзей также делала ожидание напряженным. 2. Царь долгое время молчал, опустив глаза, с видом человека, потрясенного горем. Наконец он обрел силу духа и сказал: «Я едва не был вырван из вашего круга, о воины, преступлением немногих заговорщиков и остался жив по промыслу и милосердию богов. Смотря на ваше почетное собрание, я вынужден особенно гневаться на предателей, ибо первая и даже единственная отрада моей жизни в том, что я еще могу воздать благодарность стольким храбрым мужам, оказавшим мне величайшие услуги». 3. Его слова были прерваны гулом воинов, и у всех на глазах выступили слезы.

Тогда царь продолжал: «Насколько же больше я взволную вашу души, если назову зачинщиков столь великого преступления. Все еще опасаясь упоминать их и не называю их имена, будучи это может их спасти. 4. Но память о прежнем моем расположении к ним нужно преодолеть и раскрыть перед вами заговор бесчестных людей. Ибо как можно умолчать о столь великом нечестии? Парменион, при своем возрасте, получивший так много милостей от меня и моего отца, старейший из близких друзей, стал во главе такого преступления. 5. Его оружие — Филот сплотил против моей жизни Певколая и Деметрия и того Димна, тело которого вы видите перед собой, и других, пораженных таким же безумием».

6. Со всех сторон раздались крики негодования и скорби, как всегда бывает в толпе, и особенно у солдат, если они возбуждены усердием или гневом. 7. Затем приводят Никомаха, Кебалина и Метрона, и они повторяют то, что каждый из них сообщал. Но никто из них не назвал среди заговорщиков Филона. Итак, солдаты, подавив свое негодование, молча выслушали слова доносчиков. 8. Тогда царь продолжал так: «Что же вы скажете о человеке, скрывшем сделанное ему сообщение о столь важном деле? Смерть Димна показывает, что оно не было напрасным. 9. Кебалин не побоялся ныток, принеся непроверенные известия, а Метрон так торопился облегчить свою душу, что пробился даже туда, где я мылся. 10. Один Филот ничего не боялся и ничему не верил. Какая сила духа! Взволнует ли такого человека опасность, грозящая царю? Изменится ли он на лице, выслушает ли внимательно вестника столь тревожных событий? 11. Несомненно, его молчание скрывает преступные замыслы; страстная жажда царской власти толкнула его на величайшее нечестье. Его отец правит Мидией; сам он имеет благодаря мне большое влияние среди моих полководцев, но доверяется большему, чем может охватить. 12. Он смеется даже над моей бездетностью. Но ошибается Филот, ибо вы мои дети, родичи и кровные братья; с вами и я не могу быть одинок».

13. Затем царь прочитал перехваченное письмо Пармениона к его сыновьям Никанору и Филоту, не дававшее, однако, повода к более серьезным подозрениям. 14. Именно в нем было сказано: «Сначала позаботьтесь о себе, затем о своих; так мы достигнем желаемого». 15. И царь добавил, что это написано так, что если попадет к сыновьям, будет понято правильно, а если будет перехвачено, введет неосведомленных людей в заблуждение. 16. Затем он продолжал: «Но могут сказать, что Димн, переменив всех заговорщиков, не назвал Филона. Это, однако, признак не его невинности, но его силы, ибо настолько боялись его даже те, кто мог его выдать, что, признавшись сами, не упомянули о нем. Да и вся его жизнь выдает его. 17. Он присоединился как друг и союзник к Аминте, моему родственнику, составившему в Македонии бесчестный заговор против меня, он выдал сестру замуж за злейшего моего врага Аттала.

18. Когда я написал ему по праву столь близкой дружбы о данном мне оракуле Юпитера-Аммона, он имел дерзость ответить, что поздравляет меня с принятием в сонм богов, но жалеет тех, кому придется жить под властью превысившего удел человека. 19. Это признаки того, что душа его давно отделилась от меня и завидует моей славе. Но все это, о войны, пока было можно, я скрывал в душе. Мне казалось, что я оторву кусок своей плоти, если перестану ценить тех, на кого возлагал столько надежд. 20. Но теперь требуют наказания уже не дерзкие речи: дерзость перешла со слов на мечи. Мечи же, если вы верите мне, Филот отточил против меня, и если он сам довел до этого, куда же мне обратиться, о войны? Кому доверить свою жизнь? 21. И я поставил его во главе конницы, лучшей части моей армии, состоящей из самых знатных юношей, я доверил его попечению мою жизнь, надежды, победу. 22. Его отца я поднял на такую же высоту, на какую вы подняли меня. Я отдал под его власть Мидию, богаче которой нет другой страны, и много тысяч сограждан и союзников. Но там, где я искал помощи, возникла опасность. 23. Насколько лучше для меня было бы пасть в сражении добычей врага, а не жертвой своего соплеменника! Теперь, избегнув опасностей, которых я боялся, я встретился с такими, которых не должен был бояться. 24. Вы обычно просите меня, войны, беречь свою жизнь. И вы можете сохранить мне ее, посоветовать, что мне делать. К вам и вашему оружию прибегаю я за спасением; я не хочу жить против вашей воли, если же вы хотите этого, то я должен быть отомщен».

25. Затем он велит вывести Филота со связанными за спиной руками и покрытого изношенным плащом. Было видно, что люди тронуты жалким видом того, на кого так недавно смотрели с завистью. 26. Только вчера видели его командиром конницы, знали, что он был на пиру у царя, и вдруг увидели его не только обвиненным, но и осужденным, и даже связанным. 27. Вспомнили также судьбу Пармениона, столь славного полководца, уважаемого гражданина, который, потеряв двоих сыновей, Гектора и Никанора, заочно будет судим вместе с последним сыном, сохраненным ему судьбой. 28. Но вот Аминта, один из полководцев царя, вновь возбудил собрание, склонное к милосердию, резким выступлением против Филота. Он сказал, что их предали варварам, что никто не вернется на родину к своей жене и родным, но что, подобно телу, лишенному головы жизни, имени, они будут игралищем в руках своих врагов в чужой стране. 29. Речь Аминты была не так приятна царю, как тот надеялся, ибо, напомнив солдатам об их семьях и родной стране, он сделал их менее усердными к совершению предстоящих подвигов.

30. Затем Кен, хотя и был женат на сестре Филота, обвинял его сильнее всех остальных, крича, что он предатель царя, страны, войска, и, схватив лежащий у ног камень, собрался бро-

суть в него, чтобы, как думали многие, спасти его от пыток. 31. Но царь удержал его руку, сказав, что надо дать обвиняемому возможность высказаться и что он не позволит судить его по-другому. 32. Но Филот, когда ему приказали говорить, то ли подавленный сознанием своей вины, то ли пораженный угрозой ему опасности, не осмелился ни поднять глаз, ни открыть рта. 33. Затем, обливаясь слезами, он потерял сознание и упал на руки державшего его воина, а когда его слезы были осушены его плащом, он вновь обрел дыхание и голос и, казаясь, собрался говорить. 34. Тогда царь, пристально посмотрев на него, сказал: «Судить тебя будут македонцы, я спрашиваю, будешь ли ты говорить с ними на своем родном языке?» На это Филот ответил: 35. «Кроме македонцев есть много других, которые, я думаю, лучше поймут меня, если я буду говорить на том же языке, на каком говорил и ты, и не ради чего другого, как быть понятым большинством». 36. Тогда царь сказал: «Видите, какое отвращение у Филота даже к языку его родины? Он один пренебрегает его изучением. Но пусть говорит, как ему угодно, помните только, что нашими обычаями он пренебрегает так же, как и нашим языком». С этими словами царь покинул собрание.

ГЛАВА 10

1. Тогда Филот сказал: «Невинному легко найти слова, невинному трудно соблюсти меру в словах. 2. Поэтому я, сохраняя чистую совесть и подавленный тяжелыми обстоятельствами, не знаю, как связать мои чувства с моим положением. 3. Отсутствует лучший мой судья; я не знаю, почему он сам не захотел выслушать меня, ибо, клянусь богами, выслушав обе стороны, он может как осудить, так и оправдать меня; но не будучи выслушан, я не могу быть заочно и оправдан, раз я уже осужден им лично. 4. И хотя человеку, закованному в цепи, защищаться не только излишне, но и опасно, так как он уже не защищает, а будто бы обвиняет своего судью; но поскольку мне позволено говорить, я не буду молчать и не дам подумать, что осужден и своей совестью. 5. Я сам не вижу, в чем меня можно обвинить: никто не назвал меня среди заговорщиков. Никто из ничего не сказал обо мне. Кебалин не мог знать больше того, что слышал. И все же царь верит, что я — глава заговора. 6. Неужели Димн мог пропустить имя того, за которым следовало? Он должен был, хотя бы и ложно, назвать меня при вопросе об участниках заговора, чтобы легче убедить того, кто его испытывал. 7. Ведь он пропустил мое имя не после раскрытия заговора; тогда могло бы показаться, что он щадит союзника. Никوماх донес о тех, кто, как он думал, не выдаст своей вины, но, назвав всех остальных, одного меня пропустил. Прошу вас, воины-товарищи, сказать, что если бы Кебалин со мной не обратился и оставил бы меня в полном неведении о заговоре, стоял бы я сегодня перед вашим судом, когда никто

не назвал меня? 9. Димн, конечно, если бы был жив, выгородил бы меня. А что же остальные? Кто захочет признаться в своей вине, тот, конечно, ничего не скажет обо мне: злая судьба горька, и виновный, страдающий за себя, бывает равнодушен к мучениям другого. 10. Неужели из стольких виновных никто не скажет правду, даже и под пыткой? И все же никто не щадит обреченного на смерть, да, по-моему, и он сам никого не жалеет.

11. Я должен вернуться к единственному правдивому обвинению, почему я умолчал о сказанном мне. Почему выслушал так беззаботно? Как бы то ни было, но этот проступок, когда я сознался в нем, ты, Александр, простил, ты дал мне правую руку в знак примирения и я был на твоём пиру. 12. Если ты поверил мне, что я очищен от подозрений, если ты пощадил меня, так не меняй же своего решения! Что я сделал прошлой ночью, когда ушел от твоего стола? Какое новое преступление, сообщенное тебе, заставило тебя изменить решение? 13. Я крепко спал, когда меня, измученного моими несчастьями, разбудили мои враги, чтобы заковать меня. 14. Когда приходил такой глубокий сон к заговорщику и убийце? Преступники не могут спать спокойно, их мучают угрызения совести и терзают фурии не только когда преступление совершено, но и когда оно еще только задумано. Меня освободила от страха как моя невиновность, так и твоя правая рука; я не боялся, что ты больше подчинишься жестокости других, чем своему милосердию. 15. Но не раскаивайся в том, что ты поверил мне, ведь все было рассказано мне простым юношей, который не мог представить ни одного свидетеля своих слов, никакого залога и который переполошил бы всех, если его стали слушать. 16. К несчастью, я подумал, что до моего слуха доводят о ссоре развратника с любовником, и мне показалось подозрительным, что он не сам пришел ко мне, а послал своего брата. 17. Я боялся, что он будет отрицать данное им Кебалину поручение и я окажусь причиной опасности для многих друзей царя. 18. Даже когда я никого не задел, нашелся человек, пожелавший моей гибели; скольких я нашёл бы врагов, обвини я невинных? 19. Но, скажете вы, ведь Дими локончил с собой. А мог ли я это предугадать? Конечно, нет. Итак, единственный факт, удостоверяющий сообщение, если не мог воздействовать на меня, когда я говорил с Кебалином.

20. Клянусь богами, если бы я был соучастником Димна в таком преступлении, я не стал бы целых два дня скрывать от него, что нас предали; ведь самого Кебалина легко было убрать с дороги. 21. И наконец, после того как известие, от которого я должен погибнуть, мне было сообщено, я входил один в спальню царя с мечом в руках. Почему же я не совершил тогда преступления? Или я не осмелился на него без Димна? 22. Он, значит, был главой заговора, а я, Филот, мечтающий о троне в Македонии, скрывался в его тени! Был ли кто-нибудь из вас подкуплен дарами? Кому из вождей, какому префекту

оказывал я особое внимание? 23. Меня обвиняют даже в том, что я презираю свой родной язык и обычаи Македонии. Итак, и домогаюсь власти над тем, кого презираю! Уже давно мой родной язык вышел из употребления в общении с другими народами: и победителям и побежденным приходится изучать чужой язык. 24. Это, клянусь богами, еще не так оскорбительно для меня, как то, что Аминта, сын Пердикки, участвовал в заговоре против царя. Я не отказываюсь от упреков в дружбе с ним. Или не следовало сблизиться с братом царя? 25. Но если надо было уважать человека столь высокого положения, спрашивается, виноват ли я, что не угадал этого, или должны умирить также ни в чем не повинные друзья преступников? Если это справедливо, почему же я до сих пор жив? 26. Я действительно написал, что жалею людей, вынужденных жить под скипетром считающего себя сыном Юпитера. О вера в дружбу, о опасная свобода давать искренние советы, вы предали меня, вы внушили мне не молчать о том, что я думаю! 27. Я признаю, что написал это, но самому царю, а не о царе. Я не хотел возбудить ненависть к нему, а боялся за него. Мне казалось более достойным Александра молча признавать в себе сына Юпитера, чем объявлять о нем во всеуслышание. 28. Но так как все верят оракулу, пусть бог будет свидетелем в моем деле; держите меня в окопах, пока не спросите Аммона, замышлял ли я тайно преступление. Признавший нашего царя сыном не потерпит, чтобы остались скрытыми замыслы против его потомка. 29. Если вы считаете пытку более верным средством, чем оракул, я не отказываюсь от такого способа узнать правду.

30. Обвиненные в таких преступлениях обычно приводят на суд родственников. Я потерял недавно обоих братьев, своего отца я не могу привести и не смею даже обратиться к нему, раз что сам обвинен в том же преступлении. 31. Неужели мало того, что он, бывший отцом стольких сыновей, а теперь имеющий в наказание только одного, потеряет и этого последнего, разве только и его положат на мой погребальный костер? 32. Итак, дорогой отец, ты умрешь из-за меня и вместе со мной; это я понимаю у тебя жизнь, я обрываю твои годы. Зачем, скажи, породил ты меня, несчастного, против воли богов? Для того ли, чтобы узнать по моей судьбе и об ожидающей тебя? 33. Не знаю, что более достойно сожаления: моя юность или твоя старость. Я погибаю в расцвете сил, у тебя же палач возьмет жизнь, которую, даже если бы судьба хотела ждать, уже трет от тебя природа. 34. Упоминание о моем отце убеждает меня, как робко и нерешительно следовало бы мне сообщить о том, о чем донес Кебалин. Ведь Парменион, узнав, что врач Филипп приготовил для царя яд, написал ему письмо, чтобы предостеречь его не принимать лекарства, которое медик решил ему дать. 35. Разве поверили моему отцу? Разве это письмо имеет какое-либо значение? Как часто и я сам, сообщая о том, что слышал, подвергался насмешкам за свое легковерие. Если на-

ми обоими недовольны, когда мы предупреждаем, и подозревают нас, когда мы молчим, что же нам делать?» 36. И когда один из стоявших поблизости воскликнул: «Не устраивать заговоров против своих благодетелей», Филот ответил: «Ты говоришь правду, кто бы ты ни был. 37. Итак, если я заговорщик, я не прошу извинить меня от наказания и кончаю свою речь. Раз мои последние слова показались вам неприятными. И сторожившие его люди его уведут».

ГЛАВА 11

1. Среди полководцев был Болон, храбрый воин, но неискушенный в гражданских обычаях мирного времени, старый солдат, из простого народа дослужившийся до своего высокого положения. 2. В то время как остальные молчали, он стал настойчиво вспоминать, сколько раз его людей прогоняли с занятых ими мест, чтобы свалить нечистоты рабов Филота там, откуда согнали солдат; 3. как повозки Филота, груженные золотом и серебром, стояли повсюду в городе, как никого из солдат не допускали к его помещению, как их отгоняла стража, поставленная охранять сон этой неженки не только от каких-либо

Голова Александра

звучков, но даже и от еле слышного шепота. 4. Сельские, мол, жители всегда подвергались его насмешкам: фригийцам и пафлагонцам называл их тот, кто, македонец по рождению, не стыдился выслушивать своих соотечественников с помощью переводчика. 5. Почему он хочет теперь запросить Аммона? Ведь он же обвинил Юпитера, признавшего Александра своим сыном, во лжи, опасаясь поистине, что дары богов вызовут зависть. 6. Когда он злоумышлял против своего царя и друга, он не спрашивал совета Юпитера; теперь он просит послать к оракулу, чтобы за это время его отец, правящий Мидией, нанял на доверенные ему деньги разных негодяев для соучастия в преступлении. 7. Они

сами пошлют к Юпитеру, но не спросят оракула о том, что они узнали от царя, но чтобы возблагодарить бога и исполнить обеты ради безопасности величайшего царя. 8. Тогда взволновалось все собрание, и первыми стали кричать телохранители,

что предателя надо разорвать на куски их руками. И Филоту не было неприятно слышать это, так как он опасался более жестоких пыток.

9. Царь, вернувшись в собрание или чтобы самому наблюдать за пыткой, или чтобы тщательнее расследовать дело, перенес собрание на следующий день и, хотя наступал вечер, все же велел созвать своих друзей. 10. Почти все предлагали побить Филота камнями по старому обычаю македонцев, но Гестеион, Кратер и Кен настаивали, чтобы от него добились правды пытками, и те, которые раньше советовали другое, склонились к их мнению. 11. На этом совет был распущен, и Гестеион с Кеном и Кратером поднялись, чтобы учинить допрос Филоту. 12. Царь, задержав Кратера и поговорив с ним — о чем — осталось неизвестным, — удалился в глубину своих покоев и, отпустив всех, до поздней ночи ожидал результатов допроса. 13. Палачи разложили все свои орудия пытки на глазах у Филота. 14. Он со своей стороны сказал: «Почему вы медлите убить врага царя, убийцу, признавшегося в своем преступлении? Зачем нужна пытка? Я замыслил это, я хотел этого». Кратер потребовал, чтобы он подтвердил сказанное под пыткой. 15. Затем его схватили, и пока завывали ему глаза и срывали с него одежду, он нараспую призывал богов своей отчизны и законы всех народов, обращаясь к тем, кто не хотел слушать. Затем его стали терзать изощреннейшими пытками, ибо он был осужден на это и его пытали его враги в угоду царю. 16. Сначала, когда его терзали то бичами, то огнем и не для того, чтобы добиться правды, но чтобы наказать его, он не только не издал ни звука, но сдерживал и стоны. 17. Но когда его тело, распухшее от множества ран, не могло больше выдержать ударов бича по обнаженным костям, он обещал, если умерят его страдания, сказать то, что они хотят. 18. Но он просил, чтобы они поклялись жизнью царя, что прекратят пытку и удалят палачей. Добившись того и другого, он сказал: 19. «Скажи, Кратер, что ты желаешь услышать от меня?» И когда Кратер, взбешенный тем, что Филот смеется над ним, позвал палачей обратно, Филот стал умолять дать ему время перевести дыхание, обещая сказать все, что знает.

20. Между тем всадники, все благородного происхождения и особенно близкие родственники Пармениона, как только распространился слух о пытках, которым подвергается Филот, опасаясь древнего македонского закона, по которому родственники замышлявшего убийство царя подлежат казни вместе с виновным, частью покончили с собой, частью бежали в горы и пустыни. Весь лагерь был охвачен ужасом, пока царь, узнав об этом волнении, не объявил, что отменяет закон о казни родственников виновного. 21. Трудно сказать, хотел ли Филот прекратить свои мучения правдой или ложью, ибо один конец ожидает и сознавших в истине, и сказавших ложь. 22. Во всяком случае Филот сказал: «Вы знаете, как дружен был мой отец с

Гегелохом; я говорю о Гегелохе, погибшем в сражении. От него пошли все наши несчастья. 23. Когда царь приказал почитать себя как сына Юпитера, возмущенный этим Гегелох сказал: «Неужели мы признаем царя, отказавшегося от своего отца, Филиппа? 24. Мы погибнем, если допустим это. Кто требует, чтобы его считали богом, презирает не только людей, но и богов. Мы потеряли Александра, потеряли царя и попали под власть тирана, невыносимую ни для богов, к которым он приравнивает себя, ни для людей, от которых он себя отделяет. 25. Неужели мы ценой нашей крови создали бога, который пренебрегает нами, тяготеет советами смертных? 26. Поверьте мне, и боги придут нам на помощь, если мы будем мужественны. Кто отомстит за смерть Александра, предка этого царя, затем за Архелая и Пердикку? Он сам простил убийц своего отца!» 27. Так говорил Гегелох за обедом, а на заре следующего дня меня позвал отец. Он был расстроен и заметил, что я печален, ибо то, что мы слышали, взволновало нас. 28. Итак, чтобы узнать, говорил ли Гегелох в оьяннении или по более важной причине, мы решили вызвать его. Он пришел и, повторив то, что сказал раньше, прибавил, что если мы решимся возглавить его замысел, он будет ближайшим нашим соучастником, если же мы недостаточно смелы, он скроет свои планы. 29. Пармениону план показался несвоевременным, пока был жив Дарий; ведь они убили бы Александра не для себя, а для врага. Но если Дария не будет, то в награду за убийство царя его убийцам достанется Азия и весь Восток. Этот план был принят и скреплен взаимными клятвами. 30. О Димне я ничего не знаю, но понимаю, что после моего признания мне не принесет пользы неучастие в его преступлении».

31. Но палачи, снова применив пытки и ударяя копьями по его лицу и глазам, заставили его сознаться и в этом преступлении. 32. Когда же они потребовали, чтобы он рассказал о порядке осуществления плана, он ответил, что они опасались, что Александр задержится в Бактрии, а его семидесятилетний отец, возглавлявший большую армию и хранивший богатую казну, умрет и сам он, лишившись таких возможностей, не будет иметь повода убить царя. 33. Поэтому он торопился осуществить свой план, пока преимущество было на его стороне. Отец его к этому плану был непричастен, если они не верят, то хоть он не может больше терпеть пытку, он не отказывается от нее. 34. По советовавшимся, допрашивающие решили, что он сказал достаточно, и возвратились к царю. Тот приказал огласить на следующий день показания Филота и самого его принести, поскольку он не мог ходить. 35. Когда Филот признался во всем, ввели Деметрия, обвиняемого в участии в последнем заговоре. Он упорно отрицал с большой твердостью духа и выражением стойкости в лице какие-либо преступные замыслы против царя и даже требовал и для себя пыток. 36. Тогда Филот, смотря по сторонам, заметил стоявшего рядом с ним некоего Калиса и подо

звал его к себе, а когда Калис, смутившись, отказался подойти к нему, Филот сказал: «Неужели ты допустишь, чтобы Деметрий лгал, а меня снова пытали?» 37. Калис побледнел и потерял дар речи, и македонцы подумали, что Филот хочет оклеветать невинного, так как имя этого юноши не назвал ни Никомах, ни Филот во время пытки. Но, увидев себя окруженным префектами царя, Калис признался, что они с Деметрием замыслили это преступление. 38. Тогда все названные Никомахом были по данному знаку побиты камнями, согласно отеческому обычаю. 39. Так Александр избавился от большой опасности, не только смерти, но и ненависти, ибо Пармениона и Филота, его первых друзей, можно было осудить только при явных уликах виновности, иначе возмутилась бы вся армия. 40. Итак, впечатление этого дела было двойное: пока Филот отрицал свою вину, казалось, что пытки слишком жестоки, а после своего признания он не вызвал сострадания даже у своих друзей.

КНИГА VII

ГЛАВА I

1. Если под свежим впечатлением от преступления Филота воины считали, что он был казнен по заслугам, то когда его не стало, ненависть их тут же обратилась в сострадание. 2. Этому содействовали слава юноши и старость осиротевшего отца. 3. Парменион первый открыл царю путь в Азию, с ним он разделял все опасности, во всех сражениях командовал одним из флангов; он был первым другом Филиппа и настолько преданным самому Александру, что тот не захотел иметь никого другого помощником в убийстве Аттала. 4. Подобные размышления распространялись в войске, а о мятежных словах доносилось царю. Он не был ими взволнован и, хорошо понимая, что вред от праздности устраняется делом, призвал всех собратьев к его шатру. 5. Узнав, что толпа воинов собралась, он вышел на сходку. Атаррий, несомненно по уговору с царем, потребовал прикести Александра Линкеста, замыслившего убить царя гораздо раньше, чем Филот. 6. По двум, как мы уже сказали, доносам он уже третий год содержался в оковах. Считалось достоверным, что он участвовал в заговоре на жизнь Филиппа, но поскольку он первый приветствовал Александра как царя, ему удалось избежать казни, но не обвинения. 7. Тогда же просьбы его тестя Антипатра сдерживали законный гнев царя. Но тихий гнев Александра снова усилился: новые тревоги заставили вспомнить о давней опасности. 8. Итак, Александра пригласили из-под стражи и велели ему говорить. Но хотя он обдумывал оправдательную речь в течение трех лет, от смущения и волнения он сказал мало из того, что подготовил; под конец ему изменила не только память, но и рассудок. 9. Ни у кого не

было сомнения, что его волнение свидетельствует об упреках совести, а не о слабой памяти. Итак, воины, стоявшие к нему ближе, произли его копьями, пока он еще боролся со своей забывчивостью.

10. Когда убрали его труп, царь велел ввести Аминту и Сирмию; младший их брат Полемон бежал, узнав, что Филота подвергают пыткам. 11. Это были ближайшие друзья Филота, выдвинутые на высокие и почетные должности, преимущественно по его ходатайству; царь помнил, как настойчиво Филот старался приблизить их к нему и не сомневался, что они тоже участвовали в этом последнем заговоре. 12. Итак, он заявил, что они уже давно вызывают у него подозрения благодаря предупреждениям его матери, писавшей ему, чтобы он их остерегался. Хотя он неохотно верил худшему, теперь должен уступить явным уликам и приказал их связать. 13. Ведь несомненно, накануне раскрытия злодеяния Филота они имели с ним тайное свидание. Их брат бежал во время следствия по делу Филота и тем самым раскрыл причину своего бегства. 14. Недавно, вопреки обычаю и под видом служебного рвения, отселив остальных товарищей, они приблизились к нему безо всякой видимой причины, так что он удивился, почему они исполняют службу не в свой черед и, испугавшись их смущения, быстро отошел к оруженосцам, следовавшим сразу за ним. 15. Кроме того, когда накануне раскрытия преступления Филота Антифан, писец при коннице, потребовал от Аминты, чтобы он, по обычаю, выделил часть своих лошадей тем, кто их потерял, тот надменно ответил, что если Антифан не откажется от своих требований, то вскоре узнает, с кем имеет дело. 16. Эти наглые и безрассудные слова, направленные собственно против царя, представляют собой не что иное, как явное свидетельство преступных намерений. 17. Если все это правда, они заслужили то же, что и Филот, если нет, то он требует, чтобы они оправдались. 18. Затем привели Антифана, и он показал, что обвиняемый не дал лошадей и при этом надменно угрожал.

19. Аминта, получив разрешение говорить, сказал: «Если царь согласится, я прошу снять с меня оковы и в то время, пока я буду говорить». Царь велел освободить обоих и, кроме того, дал копье Аминте, желавшему, чтобы ему вернули и облик оруженосца. 20. Взяв копье левой рукой и отойдя от того места, где только что лежал труп Александра, он сказал: «Какая бы участь, царь, ни ожидала нас, мы заявляем, что за счастливую будем тебе обязаны, а за несчастную будем винить судьбу. Мы отвечаем на суде, не боясь предвзятого решения, свободные телом и душой. Ты нам вернул даже оружие, с которым мы обычно тебя сопровождаем. Нам нечего бояться суда, а теперь можно перестать бояться и судьбы. 21. Позволь мне, прошу, ответить сначала на твое последнее обвинение. Мы, царь, совсем не признаем за собой вины в словесном оскорблении твоего величества. Я сказал бы, что ты уже давно стал выше всякой зави-

сти, если бы не опасался, как бы ты не подумал, будто я хочу льстивой речью искупить свое прежнее злословие. 22. Впрочем, если кто и услышал какие-либо грубые слова твоего воина, утомленного походом, или испытывающего опасности сражения, или больного и залечивающего раны в палатке, то своими подвигами мы заслужили, чтобы ты отнес эти слова за счет обстоятельств, а не за счет нашей воли. 23. Когда случается какое-либо несчастье, все бывают виновны; мы готовы тогда наложить на себя руки, хотя и нет у нас ненависти к себе; если родители повстречаются с детьми, и те им неприятны и ненавистны.

Напротив, когда нас осыпают дарами, когда мы возвращаемся обремененные наградами, кто может нас вынести? Кто может сдержать порывы нашей радости? 24. И негодование и веселье у воинов не имеют границ. Мы поддаемся порывам страстей. Порицаем ли мы или хвалим, сострадаем или негодуем — все под влиянием настроения. То мы хотим идти в Индию и к берегам океана, то вспоминаем о жемах, детях и родине. 25. Но мысли и слова собеседников прерывает сигнал трубы: все мы бежим в свои ряды, и весь гнев, накипевший у нас в палатках, мы обращаем на головы врага. О если бы и вина Филота состояла только в одних речах!»

26. «Но вернусь к тому, в чем нас обвиняют. Я не стану отрицать дружбу, какая у нас была с Филотом, и признаю, что мы извлекли из нее для себя большую пользу. 27. Но что же ты удивляешься, что мы почитали сына Пармениона, которого ты пожелал сделать самым близким к себе лицом? Ведь и Филот превзошел положением почти всех твоих друзей. 28. Клянусь богами, ты сам, царь, если хочешь услышать правду, виновен в опасности, угрожающей всем нам. Кто другой, как не ты, заставляя желавших понравиться тебе обращаться к Филоту? Но его рекомендации мы поднялись до такой ступени твоей дружбы. Он был твоим приближенным: его милости мы добивались, его гнева боялись. 29. Не клялись ли все мы, твои подданные, чуть ли не повторяя вслед за тобой твои слова, что будем иметь общих с тобой врагов и друзей? Связанные этой священной клятвой, могли ли мы отстраиваться именно от того, кого ты предпочитал всем остальным? 30. Итак, если это является преступлением, то во всем войске ты мало найдешь невиновных; я готов поклясться, что даже никого. Ведь все желали быть друзьями Филота, но не все могли этого достичь. Если ты не видишь разницы между соучастниками по преступлению и друзьями, ты не сможешь отличить друзей от тех, кто только хотел ими стать. 31. Как же доказывают наше соучастие в его замысле? Как я думаю, именно тем, что накануне раскрытияговора Филот беседовал с нами дружески и без свидетелей. И, правда, не мог бы оправдаться, если бы в тот день в чем-либо нарушил течение своей прежней жизни и свои привычки. Если же в тот роковой день мы вели себя как обычно, то наши привычки должны освободить нас от подозрений».

32. «Но говорят, мы не дали Антифану коней! И это столкновение с Антифаном случилось накануне открытия заговора Филота! Если Антифан хочет навлечь подозрение на нас, потому что мы не дали ему в тот день коней, то он и самого себя не сможет оправдать, ибо желал получить их именно в тот же день. 33. Трудно решить, кто виновен, если, конечно, не считать, что сохраняющий свое добро поступает правильнее, чем требующий чужого. 34. Впрочем, царь, сначала у меня было 10 лошадей; из них Антифан уже распределил 8 среди тех, кто потерял своих. Итак, у меня оставалось всего 2 лошади, которых также хотел увести этот человек, очень надменный и, конечно, несправедливый. Но я был принужден удержать их за собой, чтобы не сражаться пешим. 35. Я не отрицаю, что свободно говорил о бездельнике, претендующим лишь на ту военную обязанность, чтобы распределять чужих лошадей среди идущих в сражение. Но вот пришли такие времена, что я вынужден давать отчет в своих речах одновременно перед Александром и перед Антифаном». 36. «Но твоя мать писала тебе о нас как о твоих врагах! О, если бы она заботилась о своем сыне более разумно и не создавала в своей обеспокоенной душе пустых тревог! Почему же она не указала на причину своих опасений? Почему, наконец, не назвала того, кто донес ей на нас? Какие наши действия или слова побудили ее написать столь тревожное письмо? 37. О, горестное мое положение, когда молчать, может быть, менее опасно, чем говорить! Но чем бы ни завершился суд, ты осуди лучше мою неразумную защиту, чем мое дело. Ты, однако, признаешь то, о чем я сейчас скажу; ты помнишь, как, посылая меня в Македонию набирать войско, ты сказал мне, что много здоровых юношей скрывается в доме твоей матери. 38. Ты предписал мне повиноваться только твоему приказу и привести к тебе уклонявшихся от военной службы. Я сделал это и исполнил твое приказание смелее, чем это было в моих интересах. Я привел оттуда Горгия, Гекатея и Горгидя, которые тебе хорошо служат. 39. Итак, что может быть более несправедливым, чем казнить меня за то, что я исполнил твой приказ, в то время как в случае неповиновения должен был бы понести наказание по закону? У твоей матери нет другой причины преследовать нас, кроме той, что мы предпочли ее женской милости твои интересы. 40. Я привел 6 тысяч македонской пехоты и 600 всадников; часть этих людей не последовала бы за мной, если бы я был снисходителен к уклонявшимся от военной службы. Поэтому успокой свою мать, поскольку она гневается на нас по указанной причине и ты сам подвел нас под ее гнев».

ГЛАВА 2

1. Пока Аминта говорил, неожиданно прибыли воины, достигшие его бежавшего брата Полемона, о котором было упомянуто, и теперь доставившие его связанным. Едва можно было

удержать негодующую толпу, чтобы она тотчас, по обычаю, не сбросала его камнями. 2. Но тот без малейшего страха сказал: «Я не прошу снисхождения для себя, только пусть мое бегство не поставят в вину невинным братьям. Если его нельзя оправдать, пусть это будет только моим преступлением. Уже потому их положение лучше моего, что своим бегством я один вызываю подозрение». 3. Вся сходка одобрила его слова. Затем у всех потекли слезы: настолько переменялось неожиданно настроение людей, что все, что прежде ему вредило, теперь обрелось ему на пользу. 4. Он едва достиг юношеского возраста. Находясь среди всадников, уstraшенных пыткой Филота, Иллемон поддался общей панике. Покинутый своими товарищами, он колебался, вернуться ли ему или продолжать бегство, когда был схвачен преследовавшими его людьми. 5. Он стал плакать перед сходкой и бить себя по лицу, сетуя не на свою участь, но на судьбу своих братьев, по его вине оказавшихся в опасности. 6. Ему удалось уже тронуть не только воинов, но и самого царя, неутомимым оставался только один брат. Глядя на него свирепым взором, он сказал: «Безумный, тебе следовало плакать тогда, когда ты вонзал шпоры в своего коня, покинув братьев и присоединившись к дезертирам. Несчастный, куда и зачем ты бежал? Ты заставил меня, обвиненного в уголовном преступлении, выступить с речью обвинителя». 7. Тот признался, что виновен, но больше перед братьями, чем перед собой. Тут толпа дала волю слезам и крикам, чем она обычно проявляла свое настроение. В единый крик слились все голоса, требовавшие пощады для невинных храбрых мужей. И друзья, воспользовавшись случаем вызвать сострадание, поднимаются со слезами умоляют царя о пощаде. 8. Когда наступило молчание, тот сказал: «Я также своим приговором снимаю обвинение с Аминты и его братьев. Для вас же, юноши, я желаю, чтобы вы скорее забыли об оказанной мною милости, чем помнили пережитой опасности. Вернитесь ко мне с тем же доверием, с каким я снова принимаю вас. 9. Если бы я не расследовал желанного на вас доноса, меня могли бы заподозрить в большом притворстве. Но лучше быть оправданным, чем оставаться под тяжестью подозрений. Подумайте о том, что только тот может быть оправдан, кто защищается на суде. 10. Ты, Аминта, спаси своего брата. Это будет и для меня залогом восстановления твоей привязанности ко мне».

11. Затем, распустив сходку, царь велит позвать Полиданта. Он был особенно угоден Пармениону и в сражениях обычно стоял рядом с ним. 12. Он вошел в палатку царя с чистой совестью, однако лишь только ему приказали привести своих братьев, совсем еще молодых и потому незнакомых царю, верность его сменилась беспокойством, и он стал волноваться, больше думая о том, что могло бы ему повредить, чем о том, как ему оправдаться. 13. Уже его братьев привели посланные за ним оруженосцы, когда помертвевшему от страха Поли-

даманту царь приказывает подойти ближе и, удалив всех, говорит: 14. «Преступление Пармениона затрагивает равным образом всех, но больше всего нас с тобой, которых он обманул, прикинувшись другом. Для преследования и наказания его (смотри, как я уверен в твоей преданности) я решил воспользоваться тобой. Заложниками, пока ты будешь это исполнять, у меня останутся твои братья. 15. Отправься в Мидию и доставь моим военачальникам письма, написанные моей рукой. Необходима стремительность, чтобы обогнать быструю молву. Я хочу, чтобы ты прибыл туда ночью и на следующий день исполнил то, что будет указано в письме. 16. Ты отнесешь письма также Пармениону — одно от меня, другое от имени Филота; его перстень с печатью у меня. Если отец поверит, что печать приложил его сын, твое появление не испугает его».

17. Полидамонт, избавившись от своего страха, пообещал сделать даже больше, чем от него требовали. Выслушав похвалы и обещания, он сменил свою одежду на арабскую. 18. Ему были даны в качестве спутников двое арабов, чьи жены и дети остались у царя заложниками для обеспечения их верности. Пройдя на верблюдах страну, пустынную из-за отсутствия воды, он прибыл к месту назначения на одиннадцатый день. 19. Прежде чем было сообщено о его прибытии, Полидамонт снова надевает македонскую одежду и в четвертую стражу приходит к палатке Клеандра (это был наместник царя). 20. После вручения писем Клеандр и Полидамонт решили встретиться на рассвете у Пармениона. Другим военачальникам тоже были переданы письма царя. Они уже собирались отправиться к Пармениону, но тому было уже сообщено о прибытии Полидамонта. 21. Радуюсь прибытию друга и вместе с тем горя желанием узнать о том, что делает царь, так как давно не получал от него писем, он приказал пригласить Полидамонта. 22. В оазисах той страны имеются обширные и уединенные приятные рощи, насаженные рукой человека; особенно ими наслаждались царь и сатрапы. 23. Парменион прогуливался в роще, окруженный военачальниками, которым царь в своих письмах предписывал его убить. Для исполнения предписания они установили момент, когда Парменион начнет читать письма, которые ему передал Полидамонт. 24. Последний, изобразив уже издали, как толпа его заметил Парменион, радость на лице, побежал, чтобы обнять. Когда они обменялись взаимными приветствиями, Полидамонт передал Пармениону письмо, написанное царем. 25. Парменион, ломая печать письма, спросил, что делает царь. Тот ответил, что он узнает об этом из самого письма. 26. Парменион, прочтя его, сказал: «Царь готовит поход против арахов. Деятельный человек, он никогда не знает отдыха. Однако, достигнув столь большой славы, он уже должен беречь свою жизнь». 27. Затем он стал читать другое письмо, написанное от имени Филота, и на его лице отразилась радость. Тут Клеандр

вонзил ему в бок меч, а затем перерезал горло; остальные также пронзили его, уже мертвого.

28. Оруженосцы, стоявшие у входа в рощу, узнав об убийстве, причина которого им была непонятна, бросаются в лагерь и тревожной вестью поднимают воинов. 29. Те, вооружившись, сходятся к роще, в которой было совершено убийство, и заявляют, что если Полидамант и остальные участники преступления не будут выданы, то они сломают стену, окружающую рощу, и прольют кровь за кровь своего военачальника. 30. Клеандр велит впустить их главарей и читает им письмо царя к воинам о кознях Пармениона и с приказом отомстить. 31. Объявление воли царя пресекло если не гнев, то во всяком случае мятеж. Большинство воинов разошлись; остались немногие, просившие разрешения хотя бы похоронить тело своего военачальника. 32. Клеандр долго отказывал им в этом, боясь оскорбить царя. Затем, когда их просьбы стали более настойчивыми, он разрешил похоронить обезглавленное тело, считая необходимым устранить причину их недовольства. Голова Пармениона была послана Александру.

33. Таков был конец Пармениона, славного как на войне, так и в мирное время. У него было много удач без царя, царю же без него не довелось совершить ни одного великого дела. Он умел угождать царю, требовавшему всеобщего подчинения своему счастью. 70 лет от роду он с юношеской энергией исполнял обязанности военачальника и часто даже рядового воина; быстрый в решениях, смелый в их исполнении, он был любим военачальниками и еще более воинами. 34. Нельзя установить, действительно ли эти качества побуждали его к захвату царской власти или только навлекли на него подозрение: даже когда факты были еще свежи и общеизвестны, оставалось сомнение, сказал ли сломленный ужасной пыткой Филот правду, которую невозможно было доказать, или ложью стремился прервать свои мучения. 35. Александр, считая необходимым отделить от остального войска тех, кто открыто, как он узнал, оплакивал Пармениона, образовал из них особый отряд и во главе его поставил Леонида, некогда связанного с Парменионом близкой дружбой. 36. Это были люди, ненавистные царю. Чтобы узнать действительное настроение воинов, он посоветовал тем, кто будет писать своим в Македонию, передавать их царским гонцам для надежной доставки. Каждый воин откровенно писал своим близким, что чувствовал: некоторым военная служба была тяжела, большинству же не была в тягость. Так были перехвачены письма как славивших царя, так и жаловавшихся на него. 37. Тем, кто случайно писал в письме о тяжести службы, царь велит в знак позора поставить лагерь отдельно от остальных, чтобы испытать их силу в бою и прекратить их вольные речи перед доверчивыми людьми. Это решение, может быть, безрассудное, поскольку бесчестие ожесточило храбрейших юношей, было обращено, как и все другое, счастьем царя в его пользу. 38. Ни-

кто так не рвался в бой, как эти воины. Их мужество разгоралось от желания загладить свой позор и оттого, что их подвиги не могли остаться незамеченными среди небольшой группы людей.

ГЛАВА 3

1. Уладив эти дела и поставив сатрапа над ариями, Александр велит объявить поход в страну аримаспов, получивших новое название «эвергетов» с того времени, когда они дали приют и продовольствие войску Кира, страдавшему от холода и голода. 2. В эту область Александр прибыл на пятый день. Он узнал, что Сатибарзан, перешедший на сторону Бесса, с отрядом конницы снова вторгся в землю ариев. Туда за Караном и Эригием с Артабазом и Андроником и с 6 тысячами греческих пехотинцев последовали 600 всадников. 3. Сам же царь за 69 дней упорядочил дела в племени «эвергетов», дав им большую сумму денег в награду за их верность Киру. 4. Поставив затем во главе их Амедина, бывшего секретаря Дария, он покорил арахосиев, страна которых простирается до Понтийского моря. Там он соединился с войском, бывшим под начальством Пармениона. Это были 6 тысяч македонцев, 200 представителей знати и 5 тысяч греков с 600 всадниками, несомненно, цвет всех военных сил царя. 5. Над арахосиями наместником был поставлен Меион. Для защиты было оставлено 4 тысячи пехотинцев и 600 всадников.

6. Сам же царь с войском вступил в землю племени, малоизвестного даже соседям, ибо оно ни с кем не хотело иметь торговлю. Это были парапамисады, дикое и наименее цивилизованное племя среди варваров. 7. Суровый климат сделал грубым и характер этих людей. Их страна большей своей частью лежит в холодной северной зоне; с запада она граничит с бактрийцами; на юге обращена в сторону Индийского моря. 8. Основание хижин парапамисады делают из кирпича, и так как в их стране нет леса даже на горном хребте, совсем голом, они строят из того же кирпича дома до самого верха. 9. Постройки более широкие внизу постепенно сужаются, своим верхом очень напоминая киль корабля. Наверху оставляется отверстие, через которое проникает свет. 10. Виноградную лозу и деревья, приспособленные к столь суровому климату, они на всю зиму засыпают наполовину землей, затем, когда земля выступит из-под тающего снега, их снова открывают для доступа воздуха и солнца. 11. Снега, покрывающие там землю, так глубоки и так скованы почти непрерывными морозами, что не остается даже следов птиц или каких-либо животных. С неба нисходит на землю скорее черная, подобная ночи, мгла, чем свет, так что едва можно различить близкие предметы.

12. Войско, заведенное в эту пустынную местность без следов человеческой культуры, претерпело все, что только можно претерпеть: голод, холод, утомление, отчаяние. 13. Многие погиб-

ли от непривычно холодного снега, многие отморозили ноги, у большинства же людей пострадали глаза. Утомленные походом войны в изнеможении ложились прямо на снег, но мороз сковывал их неподвижные тела с такой силой, что они совершенно не могли сами подняться. 14. Оцепенение с них сгоняло товарищи, и ничем другим, как принуждали двигаться. Тогда возвращалось к ним жизненное тепло, и их члены получали силу. 15. Кому удавалось войти в хижины варваров, те быстро приходили в себя. Однако мгла была столь густа, что жилье обнаруживали только по дыму. 16. Местные жители, никогда ранее не видавшие чужеземцев, при виде вооруженных людей ledenели от страха и предлагали им все, что было в их хижинах, умоляя о пощаде. 17. Царь пешком обходил войско, поднимая лежавших на земле и поддерживая тех, кому трудно было идти. Он появлялся, не щадя сил, то в первых рядах, то в центре, то в арьергарде. 18. Наконец, прибыли в места менее дикие, и войско оправилось, получив в изобилии продовольствие; в устроенный тут лагерь пришли и войны, отставшие в пути.

19. Оттуда войско отправилось к Кавказским горам, которые непрерывной цепью пересекают Азию. С одной стороны они подходят к морю у Киликии, с другой — к Каспийскому морю, реке Араксу и другим пустынным местам Скифии. 20. К Кавказу примыкают менее высокие горы Тавр; начавшись в Каппадокии, они проходят мимо Киликии и соединяются с горами Армении. 21. Так, сплетаясь между собой, эти хребты образуют непрерывную цепь; отсюда берут начало почти все реки Азии, впадающие как в Красное море, так и в Каспийское, в Гирканское и в Понт. 22. Войско перевалило через Кавказ за 17 дней. Там есть скала, имеющая в окружности 10 стадиев и в высоту более четырех, к которой, согласно древним преданиям, был прикован Прометей. 23. У подножия горы было выбрано место для основания города. 7 тысяч старейших македонцев и, кроме того, войны, уже негодные для военной службы, получили разрешение поселиться в новом городе. Жители называли его также Александрией.

ГЛАВА 4

1. Между тем Бесс, уstraшенный быстротой Александра, совершив жертвоприношение родным богам, сообразно обычаю тех племен, на пиру совещался с друзьями и военачальниками о войне. 2. Отяжелев от вина, они стали превозносить свои силы и смеяться над безрассудством и малочисленностью врагов. 3. Особенно Бесс, дерзкий в своих речах и гордый царской властью, приобретенной преступно, едва владея собой, говорил, что враги обязаны своей славой тупости Дария. 4. Ведь он сражался с ними в теснейшем ущелье Киликии, отступая же, он мог завести их при их беспечности в места непроходимые со многими реками и горными ущельями, среди которых попавший в засаду враг не мог бы не только сопротивляться, но даже бе-

жать. 5. Он сам решил удалиться к согдийцам и укрыться от врагов за рекой Окс, как за стеной, до тех пор, пока не придут из соседних племен сильные подкрепления. 6. Придут же к нему хорасмии и дахи, саки и инды, а также обитающие за рекой Танаис скифы, среди которых есть столь высокого роста, что их плечи приходятся на уровне макушек македонцев. 7. Опыанев, все кричат, что это единственное разумное решение, и Бесс велит обильнее обносить всех вином, собираясь завершить победу над Александром за пиршественным столом. 8. Присутствовал на том пиру мидиец Кобар, известный более приверженностью к искусству магии (если только это искусство, а не обман пустых людей), чем знанием ее, впрочем, человек скромный и честный. 9. Он стал говорить, что рабу, как он знает, полезнее повиноваться приказанию, чем давать советы, так как повинующихся ожидает то же самое, что и остальных, а кто подает совет, подвергает себя особой опасности... Бесс передал ему кубок, который держал в своей руке. 10. Кобар, взяв его, продолжал: «Природу человека можно назвать превратной еще и потому, что каждый хуже видит свои дела, чем чужие. 11. Сомнительными бывают решения, внушенные людьми самим себе, одним мешает страх, другим страсти, третьим естественная преданность собственным идеям. Никто сам себя не презирает. Ты сам испытал, что каждый считает единственно хорошим то, что он придумал. 12. На твоей голове тяжелое бремя — царский венец. Его следует носить разумно или, чего я страшусь, он раздавит тебя. Тут необходима рассудительность, а не стремительность». 13. Затем он привел распространённые у бактрийцев пословицы: трусливая собака сильнее лает, чем кусает, самые глубокие реки текут бесшумно. Всё это я упомянул, чтобы показать, какова могла быть мудрость у варваров. 14. Этими словами Кобар привлек к себе внимание присутствовавших. Затем он изложил свой совет, более полезный для Бесса, чем приятный. «У порога твоего дворца, — сказал он, — находится царь, отличающийся стремительностью. Он быстрее снимется с лагеря, чем ты сдвинешь этот стол. 15. А ты будешь призывать войско с берегов Танаиса и отгораживаться от оружия реками. Будто враг не может следовать за тобой повсюду, куда ты сам побежишь. Путь общий для обоих, но надежнее для победителя! Ты думаешь, что страх делает проворным; но еще больше быстроты придает надежда. 16. Почему бы тебе не прибегнуть к милости более сильного врага и не отдаться под его власть? Что бы ни случилось, сдавшийся уготовит себе лучшую судьбу, чем враг. 17. Ты завладел чужим царством, тем легче можешь от него отказаться. Ты, может быть, станешь законным царем, если этого пожелает тот, кто в силах дать тебе царскую власть и отнять ее. 18. Вот тебе верный совет, который излишне развивать дальше. Для хорошей лошади достаточно тени от прута, для леинвого мало и шпор».

19. Жестокий от природы Бесс под действием вина пришел

такую ярость, что друзья с трудом удержали его руку, схватившую акинак, чтобы поразить Кобара. Совсем не владея собой, Бесс бросился из пиришественной залы, Кобар же в суматохе ускользнул и перебежал на сторону Александра. 20. У Бесса было 8 тысяч вооруженных бактрийцев; пока они думали, что из-за их жаркого климата македонцы скорее направятся в Индию, они покорно подчинялись ему; узнав же о приближении Александра, они покинули Бесса и разбежались по своим селам. 21. Тот, переправившись через реку Окс с кучкой друзей, оставшихся ему верными, сжег свои лодки, чтобы их не использовали враги, и стал собирать новые войска в Согдиане. 22. Тем временем Александр, как было сказано выше, уже перешел через Кавказ, но нехватка хлеба чуть не вызвала голод в его войске. 23. Воины натирали свои тела вместо масла соком, выжатым из сезама. Но амфора такого сока стоила 240 денариев, столько же меда — 390 денариев, вина — 300 денариев: пшеницы не находили совсем или очень мало. 24. Варвары называют сирами зернохранилища, которые они так маскируют, что их могут найти лишь те, кто их рыл; в них они прятали свое зерно. Из-за недостатка хлеба войны питались речной рыбой и травами. 25. Потом стало не хватать и этой пищи, и был отдан приказ — резать вьючных животных, которые несли поклажу; их мясом и поддерживали свою жизнь до прибытия к бактрийцам.

26. Природа Бактрии богата и разнообразна. В некоторых местах многочисленны деревья и виноградная лоза дают в изобилии сочные плоды; тучную почву орошают многочисленные источники; где почва мягкая, там сеют хлеб, остальную землю оставляют под пастбища. 27. Большую часть этой страны занимают бесплодные пески; в заброшенной из-за засухи области нет ни людей, ни плодов. Дующие с Понта ветры наметают песок, лежащий на равнинах; тогда он похож издали на большие холмы; на нем пропадают все прежние следы дорог. 28. Поэтому тот, кто едет по этим равнинам, наблюдает ночью, подобно морякам, за звездами, по движению которых и находит свой путь; и в ночной тьме света бывает едва ли не больше, чем днем. 29. Итак, днем эта область непроходима, так как нет следов, по которым можно идти, и сияние звезд скрыто во мгле. Если же дующий со стороны моря ветер захватит кого-либо в пути, он всех засыпает песком. 30. Однако там, где земля более плодородная, очень много людей и лошадей. Поэтому Бактрия поставляет 30 тысяч всадников. 31. Столица этой области, Бактры, расположена у подножия Парамиса. У ее стен течет река Бактр. Она дала имя городу и области.

32. Здесь к царю, устроившему стоянку, приходит из Греции известие об отпадении лаконцев и Пелопоннеса. Отпавшие еще не были усмирены, когда отправлялись вестники, чтобы сообщить о начале восстания. Сообщается также и о другой близкой опасности: на помощь Бессу подходят скифы, живущие за

рекой Танаис. В то же время ему доносят о действиях Карана и Эригия в стране ариев. 33. Между македонцами и ариями произошло сражение. Во главе варваров стоял перебежчик Сатибарзан; заметив, что при равных силах противников битва развивается вяло, он подскакал к первым рядам и, сняв шлем и остановив стрелявших из луков, стал вызывать кого-нибудь на поединок с ним, заявляя, что будет сражаться с открытой головой. 34. Высокомерие варвара не мог снести военачальник Эригий, человек уже старый, но не уступавший никакому юноше в силе духа и тела. Сняв шлем и обнажив седину, он сказал: «Пришел день показать, победив или погибнув со славой, какие у Александра друзья и воины». 35. И не сказав больше ничего, он погнал своего коня на врага. Можно было подумать, что обе стороны получили приказ не стрелять. Воины тотчас же расступились, оставив свободное пространство и с напряжением следили за исходом поединка, так как и их ожидала та же судьба, что и их вождей. 36. Варвар первый метнул копье, удара которого Эригий избежал, немного отклонив голову и в свою очередь прищпорив коня, с такой яростью ударил своей пикой в горло варвару, что она вышла через затылок. Варвар свалился с коня, однако еще сопротивлялся. 37. Но Эригий, вырвав пикой из раны, снова направил ее в лицо врага. Сатибарзан ухватился за нее рукой и, чтобы ускорить свою смерть, облегчил врагу удар. 38. Варвары, потеряв вождя, за которым последовали скорее по необходимости, чем добровольно, вспомнили тогда о великодушии Александра и передали свое оружие Эригию. 39. Царь радовался этому успеху; относительно же спартанцев он вовсе не был спокоен, однако перенес известие об их отпадении мужественно, сказав, что они лишь тогда осмелились открыть свои замыслы, когда узнали, что он достиг границ Индии. 40. Александр уже двинул свое войско для преследования Бесса, когда повстречался Эригий, везший в качестве славного трофея голову варвара.

ГЛАВА 5

1. Передав область бактрийцев Артабазу, Александр оставил там вместе с гарнизоном поклажу и обоз. Сам же с подвижным войском выступил в пустыни Согдианы, продвигаясь по ночам. 2. Воды, как выше было сказано, не хватало, и жажда возникала скорее от отчаяния, чем от потребности пить. На протяжении 400 стадиев нет ни малейшего признака влаги. 3. Жар летнего солнца раскаляет пески: когда они начинают пылать, словно непрерывный пожар опалает все пространство. 4. Затем мгла, возникшая от чрезмерного накала земли, закрывает свет, и равнины становятся похожими на обширное и глубокое море. 5. Ночной поход казался не очень трудным, так как облегчение приносили роса и утренний холод. Впрочем, жара начинается с восходом солнца, и сухость поглощает всю

влага в природе; во рту и внутри тела начинает гореть. 6. Итак, сначала стал падать дух воинов, затем их силы. Было трудно и стоять на месте, и идти вперед. 7. Лишь немногие по совету местных опытных людей запаслись водой. Этим они на недолгое время ослабляли жажду; но потом от сильной жары она снова возникла. Воины выпивали до последней капли все вино и масло, и это вызывало у них такое наслаждение, что они переставали бояться возвращения жажды. 8. Обычно, отяжелев от чрезмерно выпитой жидкости, они не могли больше ни нести оружие, ни идти, и не имевшие воды казались тогда счастливыми, ибо у их товарищей начиналась рвота и жадно выпитая влага выбрасывалась наружу. 9. В то время как царь был озабочен столькими бедствиями, окружавшие его друзья умоляли, чтобы он подумал о себе, ибо только его мужество может поддержать обессиленное войско. 10. Тут двое из воинов, посланных вперед выбрать место для лагеря, вернулись, неся в кожаных мехах воду. Они несли ее сыновьям, находившимся, как они знали, в этой части войска и жестоко страдавшим от жажды. 11. Когда они повстречались с царем, один из них, открыв мех, наполнил водой сосуд, который у него был, и протянул его царю. Тот, взяв его, спросил, кому они несут воду, и, узнав, что своим сыновьям, 12. вернул им полный кубок, к которому не притронулся, и сказал: «Я не в силах выпить все один и не могу разделить между всеми такую малость. Бегите и отдайте вашим детям то, что вы для них принесли».

13. Наконец к вечеру он достигает реки Окса. Но большая часть войска не могла за ним поспеть, тогда он приказывает разжечь на высокой горе костры, чтобы отставшие знали, что они близко от лагеря. 14. Он приказал также воинам из авангарда быстро подкрепиться пищей и питьем и одним наполнить водой мехи, другим — прочие сосуды, в каких только можно было ее нести, и оказать помощь своим товарищам. 15. Но пившие воду жадно и неумеренно задыхались и умирали, и число таких намного превосходило потери Александра в любом сражении. 16. А сам царь, еще в панцире и не подкрепившись едой и питьем, стал там, где проходило войско, и только тогда удалился на отдых, когда проследовал последний отряд. Всю эту ночь он провел без сна в большом душевном волнении. 17. И следующий день не был для него легче: у него не было лодок, и мост нельзя было возвести, ибо берега реки были голы и совсем лишены леса. Итак, он принял решение, единственно правильное, подсказанное обстоятельствами. 18. Он раздал воинам все имевшееся у него мехи, набитые соломой; те, лежа на них, переплывали через реку; переплывшие первыми несли охранную службу, пока не переплывались остальные. Так он переправил все войско на противоположный берег только на шестой день.

19. Он уже решил дальше преследовать Бесса, когда узнал о событиях в Согдиане. Спитамен среди всех друзей Бесса пользовался особым его расположением. Но вероломство нельзя

одолеть никакими благодеяниями. 20. Однако в Спитамене оно было менее преступно, так как против Бесса, убийцы своего царя, все средства были хороши. Месть за Дария выставлялась в качестве особого предлога для заговора, однако Спитамен ненавидел Бесса не за преступление, а за его удачу. 21. Узнав о переходе Александра через реку Окс, он вовлек в заговор Датаферна и Катена, пользовавшихся особым доверием у Бесса. Те являются даже быстрее, чем их просили; взяв с собой восемь храбрейших юношей, они применяют такую хитрость. 22. Спитамен идет к Бессу и, удалив свидетелей, заявляет ему, что узнал о кознях Датаферна и Катена, задумавших выдать его Александру живым, но что он их схватил и держит в окопах. 23. Бесс, считая себя обязанным за такую услугу, благодарит Спитамена и, горя желанием казнить виновных, велит их привести. 24. Тех, давших связать себе руки, приводят другие участники заговора; Бесс, бросив на них свирепый взгляд, поднялся, готовый сам с ними расправиться. Но заговорщики, оставив притворство, окружают его и, несмотря на его сопротивление, связывают, сорвав с него царскую корону и разорвав одежду, снятую им с убитого Дария. 25. Бесс, признав, что боги мстят ему за его преступление, сказал, что они не столько были враждебны Дарию, за которого теперь так мстят, сколько благоволят Александру, победе которого всегда помогали даже враги. 26. Неизвестно, стала бы толпа отставать Бесса, но люди, его связавшие, солгав, что они действуют по приказу Александра, устроили еще колебавшихся. Посадив Бесса на коня, они повезли его, чтобы выдать Александру.

27. Между тем Александр, отобрав около 900 воинов, служба которых кончалась, дал им по 2 таланта на всадника и по 3 тысячи денариев на пехотинца и отпустил домой, посоветовав им народить детей. Остальным была вынесена благодарность за обещание служить до конца войны. [Тут привели Бесса]. 28. Затем достигли небольшого города, населенного Бранхидами. Некогда по приказанию Ксеркса, возвращавшегося из Греции, они переселились из Милета на это место в качестве изгнанников, ибо в угоду этому царю осквернили храм, называемый Дидимеон. 29. Они еще не забыли обычаев предков, но говорили на двух языках, постепенно отвыкая от родного. Они приняли царя с радостью и сдались ему всем городом. Но тот велит созвать милетцев, служивших под его знаменами. 30. Милетцы питали издавна ненависть к роду Бранхидов за измену. Поэтому царь предоставил милетцам решить их судьбу, учитывая как их вину, так и общее с ними происхождение.

31. Так как мнения милетцев разделились, Александр заявил, что сам подумает, как лучше поступить. Когда они пришли к нему на следующий день, он велит Бранхидам следовать за ним. Подойдя к городу, он вступает в ворота в сопровождении легковооруженного отряда. 32. Фаланга получает приказ — окружить городские стены и по сигналу разграбить город, убе-

жище изменников, а их самих перебить до единого. 33. И вот повсюду избиваются безоружные, и не могут смягчить жестокость врагов ни мольбы, ни священные покрывала взывающих к ним на общем с ними языке. Наконец, чтобы от города не осталось следа, стены его разрушаются до самого основания. 34. Не только вырубают, но даже выкорчевывают деревья в священных рощах и лесах, чтобы на этом месте была обширная пустыня с бесплодной землей, лишенной даже корней деревьев. 35. Если бы все эти меры были приняты против самих изменников, то они показали бы справедливой местию, а не жестокостью, теперь же вину предков искупили потомки, которые даже не видели Милета, а потому и не могли предать его Ксерксу.

36. Отсюда царь направился к реке Танаис. Туда же был приведен Бесс, не только связанный, но и лишенный всякой одежды, Спитамен держал его за цепь, привязанную к шее; зрелище угодное как варварам, так и македонцам. 37. Спитамен сказал: «Отомстив сразу за тебя и за Дария, моих царей, я привел убийцу своего господина, схватив его по им же данному примеру. Открыл бы Дарий глаза, чтобы полюбоваться этим зрелищем. Встал бы он из мертвых! Ибо он не заслужил такой казни и достоин отпущения». 38. Александр, похвалив Спитамена, обратился к Бессу: «Какой зверь обуял своим бешенством твою душу, когда ты столь дерзко связал, а затем убил своего царя и благодетеля? Этим злодейством ты приобрел только ложный царский титул». 39. Тогда тот, не осмеливаясь оправдывать свое преступление, заявил, что царский титул он захватил, чтобы передать свой народ Александру, что если бы не он, то царскую власть захватил бы другой. 40. Тогда Александр вселл приблизиться Оксатру, брату Дария, который был в числе его телохранителей, и передал ему Бесса, чтобы варвары, распяв его на кресте и отрубив уши и нос, пронзили его стрелами, а потом сохранили труп, не позволяя садиться на него даже птицам. 41. Оксатр обещал взять на себя эту заботу, прибавив, что птиц может отгонять только один Катен. Говоря это, он стремился показать всем чудное его искусство (действительно, Катен настолько точно попадал в цель, что даже птиц убивал на лету). 42. И хотя это искусство не должно было казаться удивительным при всеобщем распространении стрельбы из лука, однако в глазах зрителей оно было чудом и обеспечило Катену большой почет. 43. Затем были розданы награды приведшим Бесса. Впрочем, Александр отсрочил его казнь, чтобы совершить ее на том месте, где Бесс убил Дария.

ГЛАВА 6

1. Между тем на македонцев, выступивших без строя для бора фуража, напали варвары, спустившиеся с соседних гор, больше людей, захватили в плен, чем убили; 2. Погнав впереди себя пленных, варвары снова ушли в горы. Этих разбойников

насчитывалось 20 тысяч человек. Они были вооружены пращами и луками. 3. Ведя осаду, сам царь сражался среди первых и был поражен в голень стрелой, наконечник которой засел в ране. 4. Глубоко опечаленные этим, македонцы отнесли его в лагерь; не скрылось и от варваров, что его вынесли из сражения, ибо они все видели со своей высоты. 5. Итак, на следующий день они отправили к царю послов, которых тот сейчас же велел привести; сняв с раны повязки и скрыв ее серьезность, он показал варварам свою голень. 6. Те, получив приглашение сесть, заявили, что они, узнав о его ранении, были опечалены не меньше македонцев и если бы нашли виновника, выдали бы его; ведь только святотатцы сражаются против богов. 7. Пораженные его доблестью, они сдаютя со своим племенем на его милость. Царь, обещав им безопасность и получив от них пленников, привел племя к покорности. 8. Когда войско двинулось затем в путь, Александра положили на военные носилки; и пехотинцы и всадники добивались права их нести. Всадники, среди которых царь обычно сражался, считали это своим преимуществом, пехотинцы же, привыкшие переносить раненых товарищей, жаловались, что им не дают исполнить привычный долг, когда надо нести царя. 9. Царь, полагая, что ему трудно разрешить этот бурный спор, и опасаясь кого-нибудь обидеть, велел нести его попеременно тем и другим.

10. Оттуда на четвертый день дошли до города Мараканды. Стены его имеют в длину 70 стадиев; крепость окружена второй стеной. Оставив в городе гарнизон, Александр опустошает и сжигает ближние села. 11. Затем прибыли послы скифов-амбиев, сохранявших свободу со времени смерти Кира, теперь же желавших подчиниться Александру. Их признавали самым справедливым племенем варваров; они брались за оружие, только когда их задевали; пользуясь умеренной и справедливой свободой, они уравнили между собой простых людей и старейшин. 12. Царь беседовал с ними милостиво и послал к европейским скифам одного из друзей, по имени Пенда, передать им, чтобы они не переходили без его разрешения границу своей области — реку Танаис. Ему же было поручено ознакомиться с характером страны и посетить скифов, живущих на берегах Боспора. 13. Царь уже выбрал на берегу Танаиса место для основания города-крепости для удержания как уже покоренной территории, так и той, куда он намеревался проникнуть. Но выполнение этого замысла отсрочилось из-за известия об отпадении согдийцев, увлекших за собой и бактрийцев. 14. Поднялся восстание 7 тысяч всадников, за которыми последовали остальные. Александр велел призвать Спитамена и Катена, выдавших ему Бесса, не сомневаясь, что они смогут привести к покорности восставших. 15. А те, будучи зачинщиками восстания, усмирить которое их вызвали, уже прежде распространили слух, что царь призывает к себе бактрийских всадников, чтобы всех их перебить, но что они не нашли в себе сил выполнить это данное им

поручение, боясь совершить ненескупимое преступление в отношении своих соотечественников; свирепость Александра они так же не могут переносить, как и злодейство Бесса. Итак, они без труда побудили взяться за оружие людей, которые, боясь расправы, сами к этому стремились.

16. Александр, узнав об измене перебежчиков, велит Кратеру осадить Кирополь; сам же, осадив, захватывает другой город этой же области; по его знаку были перебиты все взрослые, прочие стали добычей победителей; город был разрушен в наказание остальным племенам. 17. Сильное племя мемакенов решило выдержать осаду, считая это не только более почетным, но и более безопасным. Чтобы поколебать их упорство, царь послал 50 всадников указать им на его снисходительность к сдавшимся и неумолимую строгость к побежденным. 18. Те отвечают, что не сомневаются как в обещаниях царя, так и в его могуществе и предлагают всадникам расположиться вне городских укреплений; затем они щедро спавши их угостили, но глубокой ночью напали на них, крепко спавших после обильной пищи, и перебили. 19. Александр в справедливом негодовании окружил валом их город, так крепко защищенный, что с первого приступа взять его было невозможно. Поэтому Александр привлек к осаде Мелеагра и Пердикку, осаждавших, как было сказано, Кирополь. 20. Сначала царь решил пощадить этот город, основанный Киром. Ведь из всех царей этих племен его больше всего изумляли Кир и Семирамида, прославившиеся, как он считал, величием души и славными деяниями. 21. Однако упорство горожан разгневало его. Поэтому он велел, взяв город, разграбить его и уничтожить. Справедливо гневаясь на мемакенов, он прибег к помощи Мелеагра и Пердикки. 22. Никакой другой город не выдерживал осады с большим упорством, к тому же под его стенами пали храбрейшие воины и сам царь оказался на краю гибели: один камень с такой силой поразил его в шею, что его глаза застлал туман и он упал, лишившись чувств; войско, конечно, стало его оплакивать, думая, что он погиб. 23. Но будучи непобедимым в том, что устрашает остальных, он, не залечив раны, повел осаду с еще большим ожесточением, так как свойственный ему пыл разгорался от гнева. Разрушенные подкопом стены образовали широкий проход, через который он ворвался в город; овладев им, он велел его разрушить.

24. Отсюда царь послал Менедема с 3 тысячами пехотинцев и 800 всадниками к городу Мараканде. Перебежчик Спитамен, изгнав македонский гарнизон, заперся в стенах этого города, хотя его жители не одобряли восстания. Однако могло показаться, что они и сами примкнули к измене, так как не могли ей помешать. 25. Между тем Александр вернулся к берегам реки Танаис и обвел стенами все пространство, занятое лагерем. Стены имели в длину 60 стадиев, этот город он также велел назвать Александрией. 26. Постройка города была выполнена с такой быстротой, что на семнадцатый день после возведения

укреплений были отстроены городские дома. Воины упорно соревновались друг с другом, кто первый кончит работу, ибо каждый имел свою. 27. В новом городе поселили пленников, которых Александр выкупил у их господ; их потомки, столь долгое время сохраняя память об Александре, не забыли о нем еще и теперь.

ГЛАВА 7

1. Царь скифов, держава которого простиралась тогда по ту сторону Танаиса, считал, что город, основанный македонцами на берегу реки, для него ярмо на шее. Поэтому он послал брата по имени Картасис с большим отрядом всадников разрушить этот город и далеко отогнать македонское войско от реки. 2. Танаис отделяет бактрийцев от скифов, называемых европейскими. Кроме того, он является рубежом Азии и Европы. 3. Племя скифов, находясь недалеко от Фракии, распространяется на восток и на север, но не граничит с сарматами, как некоторые полагали, а составляет их часть. 4. Они занимают еще и другую область, прямо лежащую за Истром, и в то же время граничат с Бактрией, с крайними пределами Азии. Они населяют земли, находящиеся на севере; далее начинаются дремучие леса и обширные безлюдные края; те же, что располагаются вдоль Танаиса и Бактра, носят на себе следы одинаковой культуры. 5. Александр сам собирался воевать с этим племенем, даже не подготовившись к войне, теперь же на его глазах разъезжали вражеские всадники, а он еще не оправился от раны; особенно у него ослаб голос от воздержания в пище и от боли в затылке. Итак, он велит созвать друзей на совет. 6. Его лугал не враг, а неблагоприятная обстановка. Бактрийцы отпали, скифы стали его беспокоить, сам он не мог ни стоять на ногах, ни сидеть на коне, ни командовать, ни воодушевлять воинов. 7. Испытывая двойную опасность, ропща даже на богов, он жаловался, что лежит прикованным к постели, когда прежде никто не мог уйти от его стремительности; воины его с трудом верят, что он не притворяется.

8. Перестав после победы над Дарием советоваться с кудесниками и прорицателями, он снова предался суевериям, пустым выдумкам человеческого ума; он велит Аристандру, которому он доверился, принести жертвы, чтобы узнать об исходе дел. У гадателей был обычай осматривать внутренности животных в отсутствие царя, а затем докладывать о предсказаниях. 9. Пока по органам животных пытались узнать о будущем, Александр просит друзей сесть поближе, чтобы от напряжения голоса у него не вскрылась едва зажившая рана. В его палатку были допущены вместе со стражей Гефестион, Кратер и Эригий. 10. «Я встретился, — сказал Александр, — с опасностью в условиях более выгодных для врагов, чем для меня. Но беда опережает советы рассудка, особенно на войне, для которой редко удается выбрать время. 11. Отпали поверженные к на-

шим ногам бактрийцы и с помощью чужих сил испытывают наше мужество. 12. Совершенно несомненно, что если мы оставим безнаказанными дерзких скифов, мы вернемся к отпавшим от нас, покрытые позором. Если же мы перейдем Танаис и покажем кровавым избиением скифов, что мы повсюду непобедимы, кто будет медлить с выражением покорности победителям даже Европы? 13. Ошибается тот, кто измеряет пределы нашей славы пространством, которое мы еще пройдем. Между нами только одна река; перейдя ее, мы двинемся с оружием в Европу. 14. А разве малую цену имеет для нас то, что мы, покоряя Азию, воздвигнем трофеи как бы в другом мире, соединим сразу в результате одной победы страны, которые природа, казалось, разбросала на столь большом пространстве? 15. Клянусь, что если мы хоть на малость задержимся, то скифы обойдут нас с тылу. Разве мы одни умеем переплывать реки? 16. Против нас же самих обратится многое, что давало нам до сих пор победу. Судьба учит военному искусству также и побежденных. Мы показали недавно пример в переправе через реку на мехах; и если скифы сами не сумеют перенять это у нас, их научат бактрийцы. 17. До сих пор пришел только один отряд этого племени, других полчищ еще ждут. Таким путем, избегая войны, мы вызовем ее, и вместо того чтобы напасть, будем вынуждены обороняться. 18. Мотивы моего решения ясны. Но боюсь, что македонцы не позволят мне воспользоваться им: ведь со времени раиения я еще не сидел на коне и не стоял на ногах. 19. Но если вы, друзья, последуете за мной, то я здоров. Во мне достаточно сил, чтобы вынести эти трудности: а если уж близок мой конец, то в каком деле мог бы я найти более славную смерть?» 20. Он произнес эти слова слабым, потухающим голосом; даже те, кто стояли к нему очень близко, с трудом могли его слышать; все присутствовавшие пытались удерживать царя от принятия этого успешного решения. 21. Особоенно Эригий, не умевший, по-видимому, сломить упорство Александра своим авторитетом, попытался внушить ему суеверие, с которым царь был не в силах бороться. Эригий сказал царю, что сами боги не одобряют его намерения и что ему угрожает большая опасность в

Статуя Александра

случае переправы через реки. 22. Действительно, Эригий перед входом в палатку царя повстречал Аристандра, сказавшего, что предзнаменования неблагоприятны; теперь он и сообщил то, что узнал от прорицателя. 23. Александр, удержав его, велел позвать Аристандра; он был одновременно разгневан и смущен, так как открылось скрываемое им суеверие. 24. Когда тот вошел, Александр, глядя на него, сказал: «Я сейчас для тебя не царь, а частное лицо. Я поручил тебе принести жертву; почему же ты открываешь ее предсказания не мне, а другому? Из-за твоего предательства Эригий узнал мои сокровенные мысли. Я убежден, что он истолковал состояние внутренностей под влиянием своего страха. Тебе же я заявляю спокойнее, чем следует: 25. скажи мне лично, что ты узнал по внутренностям, чтобы затем ты не мог отрицать своих слов». 26. Тот стоял смертельно бледный и словно пораженный громом, от страха он лишился дара речи; наконец, под воздействием того же страха, боясь заставить царя слишком долго ждать, он сказал: 27. «Я предсказал, что тебе предстоят большие трудности, а не неудача; и меня смущает не столько моя наука, сколько благорасположение к тебе. Я вижу слабость твоего здоровья и знаю, что весь успех зависит от тебя одного. Я опасаюсь, что у тебя не хватит сил справиться с указанным судьбой». 28. Царь отпустил Аристандра, обязав верить в его счастье; боги, мол, обещают ему славу еще в других делах. 29. И когда он стал совещаться с теми же лицами о средствах переправы через реку, Аристандр вернулся и заявил, что он никогда не видел прежде столь благоприятных внутренностей и что они сильно отличаются от предыдущих; тогда были основания для беспокойства, теперь же жертвоприношение оказалось весьма благоприятным.

30. Однако новости, после этого доставленные царю, омрачили блеск его непрерывных успехов. 31. Менедема, как выше было сказано, он послал осаждать Спитамена, виновника отпадения бактрийцев. Тот узнал о приближении врага и, чтобы не оказаться запертым в городе, спрятался в засаде, рассчитывая перехватить неприятеля по дороге, по которой он, по его сведениям, должен был пройти. 32. Дорога была лесистая, удобная для засады; на ней он спрятал дахов. Они сажают на коней по два вооруженных всадника, которые поочередно внезапно соскакивают на землю и мешают неприятелю в конном бою. 33. Проворство воинов соответствует быстроте лошадей. Спитамен, приказав им окружить поляну, вывел их против врага одновременно с флангов, с фронта и с тыла. 34. Менедем оказался запертым со всех сторон, и его отряд был даже меньшее количество врагов, однако он долго сопротивлялся, убеждая своих, что попавшим в засаду ничего другого не остается, как искать почетной смерти, избивая врагов. 35. У него был сильный конь; он много раз врывался на нем в ряды варваров, нанося им страшный урон. 36. Но так как на него одного нацеливались все враги, он обессилел от множества ран и потребовал от одно

го из своих друзей, Гипсида, сесть на его коня и спастись бегством. Сказав это, он испустил дух, и его тело свалилось с коня на землю. 37. Гипсид действительно мог прорваться, но, потеряв друга, решил и сам умереть. Единственной его заботой было отомстить врагу. Итак, пришпорив коня, он ворвался в гущу врагов и, славно сразившись с ними, погиб, пронзенный стрелами. 38. Оставшиеся в живых, увидя это, заняли холм, возвышавшийся над полем сражения. Спитамен их осадил, чтобы голодом принудить к сдаче. 39. Пало в этом сражении 2 тысячи пехотинцев и 300 всадников. Это поражение Александр ловко скрыл, пригрозив прибывшим с места сражения казнью за распространение вести о случившемся.

ГЛАВА 8

1. Утомившись сохранять выражение лица, не соответствующее его душевному состоянию, царь удалился в палатку, нарочно поставленную над рекой. 2. Там без свидетелей, взвешивая различные приходившие ему на ум решения, он всю ночь не смыкал глаз, часто поднимая полог палатки, чтобы смотреть на вражеские костры и по ним угадать численность врагов. 3. Уже начался рассвет, когда, надев доспехи, царь явился перед воинами, впервые после последнего ранения. 4. Воины столь сильно почитали царя, что одно его присутствие легко заставило их забыть об устранившейся опасности. 5. Они приветствуют его со слезами радости и с отвагой в сердце требуют войны, которой раньше противились. 6. Александр объявляет, что на плотях переправит конницу и фалангу, а легковооруженным приказывает одновременно переплывать на мехах. 7. Дальнейших слов не требовалось; к тому же слабость царя не позволяла ему говорить, а войны вязали плоты так быстро, что в три дня их было изготовлено 12 тысяч. 8. И уже они приготовили все для переправы, когда 20 скифских послов, проехав по своему обычаю через лагерь на лошадях, потребовали доложить царю об их желании лично передать ему свое поручение. 9. Впустив в палатку, их пригласили сесть, и они впились глазами в лицо царя; вероятно, им, привыкшим судить о силе духа по росту человека, невзрачный вид царя казался совсем не отвечающим его славе. Скифы, в отличие от остальных варваров, имеют разум не грубый и не чуждый культуре. 10. Говорят, что некоторым из них доступна и мудрость, в какой мере она может быть в племени, не расстающегося с оружием. 11. Память сохранила даже содержание речи, с которой они обратились к царю. Мовет быть, их красноречие отличается от привычного нам, которым досталось жить в просвещенное время, но если их речь и может вызвать презрение, паша правдивость требует, чтобы мы передали сообщенное нам, каково бы оно ни было, без изменений. 12. Итак, как мы узнали, один из них, самый старший, сказал: «Если бы боги захотели величину твоего тела сделать

равной твоей жадности, ты не уместился бы на всей земле; одной рукой ты касался бы востока, другой запада, и, достигнув таких пределов, ты захотел бы узнать, где очаг божественного света. 13. Ты желаешь даже того, чего не можешь захватить. Из Европы устремляешься в Азию, из Азии в Европу; если тебе удастся покорить весь людской род, то ты поведешь войну с лесами, снегами, реками и дикими животными. 14. Что еще? Разве ты не знаешь, что большие деревья долго растут, а выкорчевываются за один час? Глуп тот, кто зарится на их плоды, не измеряя их вышины. Смотри, как бы, стараясь взобраться на вершину, ты не упал вместе с сучьями, за которые ухватишься. 15. Даже лев однажды послужил пищей для крошечных птиц; ржавчина поедает железо. Ничего нет столь крепкого, чему не угрожала бы опасность даже от слабого существа. 16. Откуда у нас с тобой вражда? Никогда мы не ступали ногой на твою землю. Разве в наших обширных лесах нам не позволено быть в неведении, кто ты и откуда пришел? Мы не можем никому служить и не желаем повелевать. 17. Знай, нам, скифам, даны такие дары: упряжка быков, плуг, копьё, стрела и чаша. Этим мы пользуемся в общении с друзьями и против врагов. 18. Плоды, добытые трудом быков, мы подносим друзьям; из чаши вместе с ними мы возливаем вино богам; стрелой мы поражаем врагов издали, а копьём — вблизи. Так мы победили царя Сирии, а затем царя персов и мидийцев, и благодаря этим победам перед нами открылся путь вплоть до Египта. 19. Ты хвалишься, что пришел сюда преследовать грабителей, а сам грабнишь все племена, до которых дошел. Лидию ты занял, Сирию захватил, Персию удерживаешь, бактрийцы под твоей властью, индов ты домогался; теперь протягиваешь жадные и ненасытные руки и к нашим стадам. 20. Зачем тебе богатство? Оно вызывает только больший голод. Ты первый испытываешь его от пресыщения; чем больше ты имеешь, тем с большей жадностью стремишься к тому, чего у тебя нет. 21. Неужели ты не помнишь, как долго ты задержался в Бактрии? Пока ты покорял бактрийцев, начали войну согдийцы. Война у тебя рождается из побед. В самом деле, хотя ты самый великий и могущественный человек, никто, однако, не хочет терпеть чужестранного господина.

22. Перейди только Танаис, и ты узнаешь ширину наших просторов; скифов же ты никогда не достигнешь. Наша бедность будет быстрее твоего войска, везущего с собой добычу награбленную у стольких народов. В другой раз, думая, что мы далеко, ты увидишь нас в своем лагере. 23. Одинаково стремительно мы преследуем и бежим. 24. Я слышал, что скифские пустыни даже вошли у греков в поговорки. А мы охотнее бродим по местам пустынным и не тронутым культурой, чем по горам и плодоносным полям. Поэтому крепче держись за свою судьбу. 24. Она выскальзывает, и ее нельзя удержать насильно. Со временем ты лучше поймешь пользу этого совета, чем сейчас.

ас. Наложил узду на свое счастье: легче будешь им управлять. 25. У нас говорят, что у счастья нет ног, а только руки и крылья: протягивая руки, оно не позволяет схватить себя также и за крылья. 26. Наконец, если ты бог, ты сам должен оказывать смертным благодеяния, а не отнимать у них добро, и если ты человек, то помни, что ты всегда им и останешься. Глупо думать о том, ради чего ты можешь забыть о себе. 27. С кем ты не будешь воевать, в тех сможешь найти верных друзей. Самая крепкая дружба бывает между равными, а равными считаются только те, кто не угрожал друг другу силой. 28. Не воображай, что побежденные тобой — твои друзья. Между господином и рабом не может быть дружбы; права войны сохраняются и в мирное время. 29. Не думай, что скифы скрепляют дружбу клятвой: для них клятва в сохранении верности. Это греки из предосторожности подписывают договоры и призывают при этом богов; наша религия — в соблюдении верности. Кто не почитает людей, тот обманывает богов. 30. Никому не нужен такой друг, в верности которого сомневаешься. Впрочем, ты будешь иметь в нас стражей Азии и Европы; если бы нас не отделял Танаис, мы соприкасались бы с Бактрией; за Танаисом мы населяем земли вплоть до Фракии; а с Фракией, говорят, граничит Македония. Мы соседи обеих твоих империй, подумай, кого ты хотел бы в нас иметь, врагов или друзей».

ГЛАВА 9

1. Так говорил варвар. Царь ответил, что он воспользуется и своим счастьем, и их советами, последует велению судьбы, которой доверяет, и их совету не поступать безрассудно и дерзко. 2. Отпустив послов, он посадил войско на подготовленные плоты. На носу он помещает воинов со щитами, велел им опуститься на колени, чтобы обезопасить себя от стрел. 3. За ними стали приводящие в действие метательные орудия; последних с флангов и с фронта окружили воины. Остальные, находившиеся позади метательных орудий, прикрывали черепахой щитов гребцов, не имевших панцирей. 4. Тот же порядок соблюдался и на плотях с конницей. Большинство тянуло за поводья лошадей, плывущих за кормой. А плывущих на мехах, наполненных соломой, прикрывали находившиеся впереди плоты. 5. Сам царь вместе с отборными воинами первый отвязал свой плот и велел направить его к противоположному берегу. Против него скифы выставили всадников у самой воды, чтобы помешать плотам даже пристать к берегу. 6. Кроме того, что македонцы видели вражеское войско, расположившееся на самом берегу реки, они испытывали еще другой страх, ибо гребцы, правившие плотами, не могли справиться с относившим их течением, а воины, боясь быть опрокинутыми в качке, мешали работе гребцов. 7. Несмотря на свои усилия, македонцы не могли даже стрелять из луков, так как первой их заботой было

сохранить равновесие, а не разить врага. Выручали их метательные орудия, из которых они удачно пускали дротики в густые ряды врагов, неосторожно стоявших против них. 8. Варвары также забрасывали плоты тучей стрел. Едва ли остался хоть один щит, в который не вонзилось бы несколько стрел.

9. Плоты стали уже приставать к берегу, когда вооруженные щитами воины разом поднялись и свободным движением уверенно метнули с плотов копья. Увидев, что испуганные лошади врагов пятаются, они, воодушевляя друг друга, проворно спрыгнули на землю и с ожесточением стали наступать на приведенных в замешательство врагов. 10. Затем отряды всадников, уже сидевших на конях, прорвали ряды варваров. Между тем и остальные, прикрытые строем сражавшихся, приготовились к битве. 11. Царь восполнял твердостью духа недостаток сил своего еще слабого тела. Голоса его, ободряющего воинов, не было слышно, так как его рана на шее еще не вполне закрылась, однако все видели, как он участвовал в сражении. 12. Итак, все были сами себе вождями: ободряя друг друга и не заботясь о своей жизни, они стали насаждать на врага. 13. Тут варвары не смогли выдержать ни вида, ни оружия, ни крика врагов, и все, пустив лошадей во весь опор (их войско было конным), обратились в бегство. Хотя царь изнемогал от страданий, которые причиняло ему его ослабевшее тело, однако он с упорством преследовал врага на расстоянии 80 стадиев. 14. Под конец, выбившись из сил, он приказал своим неотступно преследовать бегущих до самого исхода дня; сам же в полном изнеможении вернулся в лагерь и оставался в нем. 15. Его воины вышли уже за пределы странствий отца Либера, отмеченные камнями, положенными близко друг от друга, и высокими деревьями, обвитыми плющом. 16. Но ярость увлекла македонцев еще дальше: они вернулись около полуночи, перебив большое число врагов, еще больше захватив в плен и угнав 1800 лошадей. Потери македонцев составили 60 всадников и около 100 пехотинцев убитыми, ранеными же одну тысячу.

17. Этот поход благодаря молве о столь удачной побед привел к усмирению значительной части Азии. Ее население верило в непобедимость скифов; их поражение заставило признать, что никакое племя не сможет сопротивляться оружию македонцев. В связи с этим саки направили послов с обещанием, что их племя будет соблюдать покорность Александру. 18. Побудила их это сделать не только доблесть царя, но и его снисходительность к побежденным скифам: всех пленников он отпустил без выкупа, чтобы тем самым подтвердить, что с ним важнейшими из племен он состязался в храбрости, а не в ярости. 19. Итак, милостиво приняв сакских послов, он дал им в спутники Эксцилина, еще совсем молодого человека, которого он приблизил к себе из-за цветущей его юности; напоминая Гефестиона телосложением, он, конечно, уступал ему в величии почти не мужской. 20. Александр, велел Кратеру с боль-

шей частью войска следовать за ним короткими переходами, дошел до города Мараканды, откуда Спитамен, узнав о его приближении, бежал в Бактры. 21. Итак, пройдя за четыре дня большую часть пути, он достиг того места, где потерял 2 тысячи пехотинцев и 300 всадников под начальством Менедема. Их кости он велел предать погребению и по родному обычаю принес умершим жертву. 22. Кратер, получивший приказание следовать за ним с фалангой, уже соединился с ним. Чтобы все отправшие от него в равной степени испытали на себе ужасы войны, Александр разделил свои военные силы и приказал жечь села и убивать всех взрослых.

ГЛАВА 10

1. Согдиана представляет собой страну в большей своей части пустынную: степи простираются в ширину почти на 80 стадиев. 2. На огромное расстояние эта страна тянется по прямой линии, в направлении течения бурного потока, называемого местными жителями Политиметом. Берега заключают его в узкое русло, затем он уходит в пещеру и пропадает под землей. 3. Направление скрытого течения указывает шум ее вод, однако почва, под которой течет столь большая река, совсем не испаряет влаги. 4. Из числа согдийских пленников к царю были приведены 30 знатнейших, отличавшихся физической силой; лишь только они узнали через переводчика, что по приказанию царя их ведут на казнь, как стали петь веселую песню и проявлять какую-то душевную радость пляской и весьма причудливыми телодвижениями. 5. Царь, удивившись мужеству, с каким они встречали смерть, велел их вернуть и спросил о причине столь чрезмерного ликования перед казнью. 6. Те ответили, что если бы их казнил кто-нибудь другой, они умирали бы в печали, но, направленные к своим предкам столь великим царем, победителем всех племен, они, распевая свои родные песни и веселясь, празднуют свою почетную смерть, предмет желаний всех храбрецов. 7. Тогда царь спросил: «А не хотите ли вы продолжать жизнь, если я ее вам подарю, но уже не как мой враги?» 8. Те ответили, что никогда не были ему врагами, но стали ими, будучи втянуты в войну. Если кто-либо захотел бы испытать их милостью, а не несправедливостью, то они никому не дали бы превзойти себя в преданности. 9. На вопрос, что будет залогом их верности, они ответили: жизнь, которую они получают из рук Александра и вернут ему, когда бы он ее ни потребовал. И они сдержали свое слово. Те из них, кто вернулся домой, удерживали в повиновении народ; четверо, зачисленные в телохранители царя, не уступали в верности царю никому из македонцев.

10. Оставив в Согдиане Певколая с 3 тысячами пехоты (большого гарнизона не требовалось), царь прибыл в Бактры. Оттуда он велел отправить Бесса в Экбатаны, чтобы он запла-

тил головой за убийство Дария. 11. В те же дни Птолемей и Менид привели наемников: 3 тысячи пехотинцев и тысячу всадников. 12. Из Ликии пришел также Александр с таким же числом пехотинцев и с 500 всадниками. Столько же пришло из Сирии с Асклепиодором; Антипатр послал 8 тысяч греков, среди них 500 всадников. 13. Получив подкрепление, царь выступил, чтобы уничтожить следы восстания, и, казнив зачинщиков мятежа, на четвертый день он достиг реки Окса. Вода ее, несущая ил, всегда мутна и нездорова для питья. 14. Поэтому воины стали рыть колодцы. Однако воды не могли найти даже на большой глубине, как вдруг заметили источник в палатке самого царя; обнаружив его не сразу, стали утверждать, что он появился внезапно. И сам царь хотел, чтобы верили, будто этот источник — дар богов. 15. Перейдя затем реки Ох и Окс, он прибыл к городу Маргиана. Поблизости были выбраны места для основания 6 крепостей, для 2 из них к югу, для 4 к востоку от этого города, на близком расстоянии друг от друга, чтобы не искать далеко взаимной помощи. 16. Все они были расположены на высоких холмах; прежде — как узда для покоренных племен, ныне, забыв о своем происхождении, они служат тем, над кем когда-то господствовали.

ГЛАВА 11

1. Царь усмирил и остальные области. Оставалась одна скала, занятая согдийцем Аримазом с 30 тысячами воинов, собравших туда заранее продовольствие, которого бы хватило для такого числа людей на целых два года. 2. Скала поднимается в высоту на 30 стадиев, а в окружности имеет 150. Отовсюду она обрывистая и крутая, для подъема есть лишь очень узкая тропа. 3. На половине высоты есть в ней пещера с узким и темным входом; он постепенно расширяется, а в глубине имеется обширное убежище. Почти повсюду в пещере выступают источники, воды которых, соединившись, текут потоком по склонам горы. 4. Царь, увидев неприступность этого места, сначала решил отсюда уйти; однако затем в нем загорелась страсть преодолеть и природу. Прежде чем решиться на осаду, он послал к варварам сына Артабаза Кофа предложить им сдать скалу. 5. Ответ Аримаза, который полагался на неприступность своей позиции, был полон дерзких слов, под конец он даже спрашивал, не умеет ли Александр летать. 6. Эти слова, переданные царю, столь задели его за живое, что, созвав лиц, с которыми он обычно совещался, он сообщает им о дерзости варваров, насмехающегося над тем, что у них нет крыльев; он добавил, что в ближайшую ночь он заставит Аримаза поверить, что македонцы умеют и летать. 7. «Приведите ко мне, — сказал он, — из своих отрядов 300 самых ловких юношей, которые привыкли дома гонять стада по горным тропам». 8. Те быстро привели к нему юношей, отличавшихся ловкостью и энергией. Царь, гля-

дя на них, сказал: «С вами, юноши и мои сверстники, я преодолел укрепления прежде непобедимых городов, прошел через горные хребты, заваленные вечным снегом, проник в теснины Киликии, претерпел, не поддаваясь усталости, холода Индии. Я вам служил примером и видел ваши подвиги. 9. Скала, которую мы видите, имеет только один доступ, занятый варварами; остальные места они не охраняют; стража у них только со стороны нашего лагеря. 10. Вы найдете путь, если усердно исследуете все подступы к вершине. Нет таких высот в природе, куда не могла бы взобраться доблесть. Испытав то, в чем отчаялись остальные, мы подчинили своей власти Азию. 11. Доберитесь до вершины. Овладев ею, вы дадите мне знак белыми доскутами; подтянув войска, я отвлеку врагов от вас на себя. 12. Кто первый достигнет вершины, получит в награду 10 талантов, на один менее получит поднявшийся вторым, и столько же получат следующие 10 человек. Однако я уверен, что вы будете думать не столько о вознаграждении, сколько об исполнении моей воли». 13. Они выслушали царя с таким воодушевлением, будто уже заняли вершину. Когда их отпустили, они стали запасаться железными клиньями, чтобы вбивать их между камнями, и крепкими веревками. 14. Царь, кругом осмотрев скалу, велел им взобраться во вторую стражу в том месте, где подступ казался менее всего трудным и кругым, и пожелал успеха. Те, взяв с собой продовольствия на два дня и вооружившись только мечами и копьями, стали подниматься. 15. Сначала шли, затем, дойдя до обрывистых мест, одни подтягивались, ухватившись руками за выступы скал, другие взбирались с помощью веревок, закидывая их на клинья, вбитые ими между камнями, чтобы становиться на них ногами. Весь день они провели в трудах и тревогах. 16. После стольких усилий перед ними открывались все большие трудности, и им казалось, что сама скала растет. Печальное было зрелище, когда кто-нибудь, сделав неверный шаг, срывался и летел вниз, тем самым указывая и другим на угрожающую им опасность. 17. Однако они, одолев эти препятствия, все же добрались до вершины горы, утомившись от непрерывных усилий, а некоторые получив даже увечья; ночью их сковал сон. 18. Растянувшись всюду на непроходимых суровых скалах, забыв об угрожающей опасности, они проспали до рассвета; пробудившись словно от глубокого беспамятства, они стали исследовать скрытые, лежавшие под ними падины, но не знали, в какой части скалы укрываются главные силы врагов. Наконец они заметили дым, выходивший из пещеры под ними. 19. Они поняли, что там находится убежище врагов. Итак, они выставили на копьях условленный сигнал, но обнаружили при этом, что из их отряда при подъеме погибло 32 человека.

20. Царь не столько обуреваемый желанием овладеть этим местом, сколько встревоженный судьбой посланных им на столь опасное дело весь день обозревал горные вершины. Он удалил-

ся на отдых только ночью, когда темнота все скрыла от его взоров. 21. На следующий день, еще до полного рассвета, он первый заметил лоскуты как знак занятия вершины. Но переменчивость неба, то освещавшегося дневными лучами, то затуманивавшегося, принуждала сомневаться, не обман ли это зрения. 22. Когда же небо озарилось более ярко, его сомнение отпало, позвав Кофа, с помощью которого он уже обращался к варварам, он опять послал его к ним убедить их хоть теперь принять более здравое решение, а в случае их упорства из-за уверенности в позиции показать им с тыла воинов, занявших вершину горы. 23. Допущенный к врагам Коф стал советовать Аримазу сдать скалу, обещая ему милость царя, если он не принудит его при столь обширных его замыслах задержаться из-за осады одной скалы. Тот еще заносчивее и надменнее, чем прежде, велит Кофу уйти. 24. Последний, взяв варвара за руку, просит его выйти с ним из пещеры. Когда Аримаз вышел, он показал ему юношей на вершине горы и, с полным правом насмехаясь над его надменностью, сказал, что у воинов Александра действительно есть крылья. 25. И уже из македонского лагеря слышны звуки труб и крики воинов. Это обстоятельство, как многое на войне, пустое и незначительное, принудило варваров сдаться. В самом деле, от страха они не могли заметить малочисленность тех, кто находился у них в тылу. 26. Поэтому они поспешно вернули Кофа, уже ушедшего среди их замешательства, и послали с ним 30 своих вождей, чтобы сдать скалу и договориться о разрешении уйти невредимыми. 27. Царь хотя и опасался, как бы варвары, заметив малочисленность юношей, не опрокинули их, однако, веря в свое счастье и будучи озлобленным надменностью Аримаза, ответил, что он требует безоговорочной сдачи. 28. Аримаз, отчаявшийся в своем положении, хотя оно и не было проиграно, спустился в лагерь вместе с близкими и знатнейшими мужами своего племени. Всех и Александр велел подвергнуть бичеванию и распять на кресте у самого подножия скалы.

29. Вся масса сдавшихся в плен вместе с захваченным имуществом была роздана в качестве дара населению новых гордов; Артабаз был оставлен для охраны скалы и окрестной области.

КНИГА VIII

ГЛАВА 1

1. Александр, захватив скалу, что принесло ему больше известности, чем подлинной славы, разделил войско на 3 части, чтобы разослать для отпора бродившим врагам. Начальником одной части он сделал Гефестиона, начальником другой — Кина; сам встал во главе остальных. 2. Но среди варваров

было единодушие. Одни были покорены силой оружия, большинство сдалось Александру, не доводя дела до сражения. Он приказал отдать им города и земли тех, кто упорствовал в непокорности. 3. Между тем изгнанные бактрийцы с 800 массагетскими всадниками опустошали ближайшие села. Чтобы обуздать их, правитель этой области Аттин выступил с 300 всадниками, не подозревая о готовящейся засаде. 4. Враг же спрятал вооруженных воинов в находящихся рядом с полем лесах, а несколько человек погнали скот, чтобы этой приманкой завлечь в засаду ничего не подозревавшего Аттина. 5. И вот Аттин, не соблюдая строя, с беспорядочной толпой воинов устремился в жажде добычи на стадо. Как только они миновали лес, засевшие там люди неожиданно напали на них и всех перебили. 6. Весть об этом несчастье быстро дошла до Кратера, и он прибыл со своей конницей. Но массагеты уже ускакали, что была перебита тысяча дахов. С их гибелью закончилось сопротивление всей области. 7. Александр же после вторичного покорения согдийцев возвратился в Мараканду. Туда приехал к нему Берда, посланный им в свое время к скифам, живущим в Боспоре. Он прибыл с послами этого народа. 8. Фратаферн, стоявший во главе хорасмиев, объединившись с соседними массагетами и дахами, также послал людей уверить царя в своей покорности. 9. Скифы предлагали Александру взять в жены дочь их царя. Если же, говорили они, царь признает недостойным для себя подобное родство, то пусть позволит знатнейшим македонцам вступить в брак со знатными женщинами скифского народа; их царь сам прибудет к Александру. 10. Александр благосклонно выслушал оба посольства и стал лагерем, поджидая Гефестиона и Артабаза. Как только они присоединились, он направился в страну, которая называлась Базаира.

11. Главным признаком богатства в этой варварской стране является не что иное, как стада отменных зверей, которые содержатся в больших рощах и парках. 12. Для этого выбирают просторные рощи, изобилующие непересыхающими источниками, обносят их оградой и строят там башни для охотников. 13. Было известно, что в одном из таких загонов на протяжении четырех поколений никто не охотился. Александр вошел в него со всем войском и приказал повсюду встревожить зверей. 14. Когда на редкость огромный лев побежал на самого Александра, то случайно оказавшийся рядом Лисимах, ставший впоследствии царем, хотел рогатиной встретить зверя. Царь, оттолкнув его и приказав не вмешиваться, заявил, что он один, как и Лисимах, может убить льва. 15. Ведь однажды Лисимах, охотясь в Сирни, в одиночку убил зверя исключительной величины, который успел разодрать ему левое плечо до кости, и тот оказался на краю гибели. 16. С укором напомнив об этом Лисимаху, царь доказал свою храбрость на деле лучше, чем на словах: он не только подпустил к себе льва, но и убил его одним ударом. 17. Выдумка, будто Александр бросил Лисимаха на

съедение льву, я полагаю, была порождена именно этим случаем. 18. Хотя охота Александра окончилась удачно, македонцы, согласно обычаю своего народа, постановили, чтобы царь не охотился пешком и без сопровождения знатных и приближенных. 19. Когда было забито 4 тысячи зверей, царь в том же лесу стал пировать со всем войском.

Александр и Кратер на львиной охоте в Сидоне. Мозаика из Пеллы

Оттуда он возвратился в Мараканду. Отпустив Артабазу из-за его преклонного возраста, он передал его провинцию Клиту. 20. Это был тот самый Клит, который у реки Граника своим щитом прикрыл Александра, сражавшегося с непокрытой головой, и мечом отрубил Ресаку руку, занесенную им над головой царя. Он был старым воином Филиппа и прославился многими воинскими подвигами. 21. Сестру его, Гелланику, воспитавшую Александра, царь любил, как свою мать. По этим причинам он доверил Клиту большую часть своего государства. 22. Тот же получил приказ на следующий день отправиться в путь и пригласение на начавшийся в то же время пир. На этом пиру царь, разгорячившись от вина, стал неумеренно кичиться своими делами, что было тягостно слушать даже тем, кто знал, что он говорит правду. 23. Однако старшие хранили молчание, пока Александр не начал принижать славную победу Филиппа при Херонее, считать ее своей заслугой и утверждать, что славы столь великого подвига он лишился из-за злости и зависти отца. 24. По его словам, когда вспыхнула распря между македонскими воинами и греческими наемниками, Филипп, получив ранение среди общей свалки, лег, притворившись ради безопасности мертвым; Александр же прикрывал отца своим щитом собственноручно перебил всех, кто пытался напасть на него.

25. Отец в этом никогда не призывался, досадуя, что своим спасением обязан сыну. Также одержав победу в войне, которую Александр сам, без Филиппа, вел против иллирийцев, он написал отцу, что враги совершенно разбиты, однако сам Филипп в этой экспедиции якобы не участвовал. 26. Достойны славы не те, кто ездит смотреть самофракийские мистерии, когда нужно опустошать и предавать сожжению Азию, но те, кто совершил подвиги, превосходящие все, что можно вообразить.

27. Молодые с удовольствием слушали подобные речи, которые были неприятны старикам главным образом из-за Филиппа, так как под его командованием они долго служили. 28. Тогда Клит, и сам уже достаточно нетрезвый, обратился к возлежавшим ниже его и прочитал им стихи Еврипида, так что до царя мог дойти только звук слов, а не их смысл. 29. В этих стихах говорилось, что греки неправильно постановили писать на трофеях только имена царей, поскольку они присваивают славу, добытую чужой кровью. И вот царь, подозревая, что в этих словах содержится злой намек, стал спрашивать у соседей, что они слышали от Клита. 30. Они упорно молчали, а Клит, чуть возвыся голос, начал вспоминать дела Филиппа и его войны в Греции, ставя все это выше деяний Александра. 31. Тут начался спор между молодыми и старыми. Царь, казалось, терпеливо слушал, как Клит умалял его славу, на самом же деле кипел от сильного гнева. 32. Впрочем, он, по-видимому, овладел бы собой, если бы Клит окончил свою столь дерзко начатую речь, но так как он не прекращал говорить, то царь все больше ожесточался. 33. А Клит уже осмеливался защищать Пармениона и победу Филиппа над афинянами противопоставлял разрушению Фив. Это он делал не только под влиянием вина, но и в силу несчастной привычки всему перечить. 34. Напоследок он заявил: «Если нужно умереть за тебя, я, Клит, готов первый. Но когда ты награждаешь за победу, то преимущественно пользуются те, кто злостно поносит память твоего отца. 35. Ты мне назначаешь Согдиану, которая столько раз восставала и не только еще не покорена, но и не может быть покоренной. Меня посылают к диким, от природы не обузданным зверям. Но я не говорю лично о себе. 36. Ты презираешь воинов Филиппа, забывая, что если бы этот старик Атаррий не остановил молодых, бежавших из сражения, то мы до сих пор сидели бы под Галикарнасом. 37. В самом деле, каким образом ты с этими юнцами завоевал Азию? Я считаю правильными слова твоего дяди в Италии. Как известно, он сказал, что сам он вел наступление на мужей, а ты на женщин». 38. Из всех дерзких и необдуманных речей Клита ничто так не оскорбило царя, как похвала Пармениону. Однако царь подавил чувство обиды и лишь приказал Клиту покинуть пир. 39. При этом он сказал, что если Клит будет продолжать говорить, то сам же впоследствии станет укорять Александра за то, что он оставил его в живых: слишком часто Клит был заносчивым. 40. Но Клит мед-

лил выходить, и возлежавшие рядом с ним пытались вывести его силой, браня и увещевая. 41. Когда Клит вывели, он, перейдя от прежней дерзости к гневу, закричал, что своей грудью прикрывал спину царя, а теперь, когда прошло много времени, само воспоминание об этой заслуге ненавистно царю. 42. Кроме того, он стал укорять Александра убийством Аттала, а напоследок, насмехаясь над оракулом Юпитера, которого Александр считал своим отцом, сказал, что слова его, Клита, правдивее ответа оракула. 43. Тут царь пришел в такой гнев, с которым и трезвый едва бы совладал. Вино взяло над ним верх, и он стремительно вскочил со своего ложа. 44. Ошеломленные друзья тоже встают, не оставив, а отбросив бокалы, и напряженно следят за тем, что царь в своей ярости будет делать. 45. Александр, выхватив копье из рук оруженосца, пытался поразить Клиту, который продолжал безумствовать в своих бранных речах, но Птолемей и Пердикка остановили царя. 46. Обхватив его поперек тела, они силой удерживали отбивавшегося царя, а Лисимах и Леоннат даже отняли у него копье. 47. Царь, взывая к верности солдат, кричит, что его схватили близкие друзья, как это недавно случилось с Дарием; он приказывает дать знак трубой, чтобы воины с оружием собрались к царскому шатру. 48. Тогда Птолемей и Пердикка, припав к его коленям, умоляют его не предаваться столь сильному гневу и хотя бы немного передохнуть; на следующий день, говорили они, он все рассудит справедливее. 49. Но царь в гневе ничему не внимал. Не владея собой, он подбежал к порогу шатра и, выхватив копье у часового, встал у входа, через который должен были выйти пирующие. 50. Все вышли; Клит выходил последним, когда огни уже были потушены. Царь спросил, кто идет. Даже в его голосе чувствовалось, что он задумал преступление. 51. А тот, забыв уже свое недовольство и видя царский гнев, ответил, что он, Клит, и идет с пиршества. 52. Едва он это сказал, как царь пронзил копьем ему бок; обогранный кровью умирающего, он воскликнул: «Отправляйся теперь к Филиппу, Пармениону и Атталу».

ГЛАВА 2

1. Мало позаботилась природа о человеческой душе: ведь мы оцениваем не будущее, а прошлое. Так и Александр, придя в себя после вспышки гнева и протрезвев, слишком поздно понял, какое преступление он совершил. 2. Тогда он стал сознавать, что убил человека хотя и чрезмерно дерзкого, но зато храброго на войне и бывшего, как ни стыдно в этом признаться, его спасителем. Гнусное дело палача исполнил царь, отомстив бесчестным убийством за дерзкие слова, которые можно было приписать действительно вина. 3. По всему полу растеклась кровь того, кто еще недавно был гостем. Пораженные и оцепеневшие часовые стояли поодаль. Эта отчужденность вызвала

в царя сильные угрызения совести. 4. Он вырвал копье из тела лежавшего и приставил к своей груди, чтобы пронзить себя; но подбегают часовые, несмотря на сопротивление, вырывают копье из его рук и, подняв царя, относят его в шатер. 5. Он кидается на землю, рыданием и жалобным воплем оглашая царские покои; царапает лицо ногтями и просит окружающих не давать ему жить на свете в таком позоре. 6. В этих жалобах прошла вся ночь. Размышляя, не гнев ли богов толкнул его на такое преступление, он вспомнил, что не было совершено в урочное время ежегодное жертвоприношение Отцу Либеру и что поэтому гнев бога проявился в убийстве, совершенном в опьянении на пиру.

7. Впрочем, его больше беспокоило, что, как он видел, все друзья пришли в ужас; ведь после этого никто не осмелится вступать с ним в разговор; ему придется жить в одиночестве, как дикому зверю, который одних пугает, а других сам боится. 8. На рассвете он велел принести к себе все еще залитое кровью тело Клита. Когда его положили перед царем, тот, обливаясь слезами, вскричал: «Вот какую благодарность воздал я своей воспитательнице: два ее сына ради моей славы приняли смерть под Милетом. А ее брат, единственное утешение в одиночестве, убит мною на пиру! 9. К кому ей, несчастной, теперь прибегнуть? Изо всех лишь я один остался у нее; но именно на меня она не сможет спокойно смотреть. Могу ли я, убийца своих спасителей, возвратиться на родину и протянуть руку воспитательнице так, чтобы не напомнить ей о горе?» 10. Казалось, не будет конца его слезам и жалобам; поэтому тело Клита по приказу друзей было унесено. Царь же 3 дня лежал запершись. 11. Оруженосцы и телохранители подумали, что он решил умереть, и все ворвались в его покои; долгими просьбами они с трудом сломили его упорство и заставили принять пищу. 12. А чтобы царь меньше терзался убийством, македонцы постановляют, что Клит убит законно, и даже хотят запретить похороны, но царь приказал предать тело земле.

13. Итак, пробыв около Мараканды десять дней главным образом для того, чтобы справиться с угрызениями совести, он послал Гефестиона с частью войск в Бактрийскую землю для заготовки продовольствия на зиму. 14. Провинцию, которая раньше предначалась Клиту, он отдал Аминте, сам же прибыл в Ксениппы. Эта область граничит со Скифией, и в ней много густо расположенных сел, так как плодородие почвы не только привязывает коренных жителей, но и привлекает пришельцев. 15. Раньше там было убежище изгнанников — бактрийцев, отпавших от Александра; когда стало известно, что прибыл царь, местные жители их изгнали, и набралось их почти 2 тысячи 500 человек. 16. Бактрийцы были на конях; они привыкли разбойничать даже в мирное время, теперь же война и потеря надежды на прощение ожесточили их еще больше. Итак, они неожиданно напали на Аминту, заместника Александра, и долго

вели безрезультатный бой. 17. Наконец, потеряв 700 своих человек, из которых 300 попали в плен к врагу, бактрийцы обратились в бегство; но они отомстили за себя: 80 македонцев было убито, 350 ранено. 18. Однако же и после этой вторичной измены они получили прощение.

19. Приняв их в свое подданство, царь прибыл со своим войском в область, которую называют Наутака. Сатрапом был Сисимитр, который от своей матери прижил двух сыновей, так как у них позволяется родителям вступать в связь с детьми. 20. Этот Сисимитр, вооружив своих соотечественников, заградил сильным укреплением наиболее узкое место входа в область. Мимо протекала быстрая река, тыл закрывала скала; в ней жители вручную пробили проход. 21. В начале этого прохода еще светло, но внутри, если не внести свет, царит темнота. Непрерывный подземный ход, известный только местным жителям, выводит в поля. 22. Хотя варвары сильным отрядом защищали ущелье, укрепленное самой природой, Александр подведенными таранами разбил укрепления, сделанные человеческой рукой; он отбросил пращами и стрелами большинство врагов, сражавшихся впереди; рассеяв их и обратив в бегство, по руинам укреплений он подвел войско к скале. 23. Однако дорогу преграждала река, вбирающая в себя воды, стекающие в долину со склонов гор. Казалось, стоило огромного труда завалить пучину. 24. Все же царь велел рубить деревья и валить камни. При виде мгновенно выросшего огромного завала страшно охватил варваров, не знавших до сих пор ничего подобного.

25. Итак, царь, рассчитывая страхом принудить их к сдаче, послал к ним Оксарта, принадлежавшего к тому же племени, но покорного Александру, уговорить вождя отдать скалу. 26. Между тем, чтобы сильнее устроить варваров, стали подводить башни, и в воздухе замелькали стрелы, пущенные из метательных машин. Не надеясь ни на какую защиту, варвары бежали на вершину скалы. 27. Оксарт стал убеждать дрожащего и изверившегося в своей судьбе Сисимитра довериться македонцам, а не испытывать их силу и не мешать движению победоносного войска в Индию: кто встанет на пути этого войска, обратит на свою голову погибель, предназначенную для другого. 28. Сам Сисимитр был готов сдаться, однако его жена (и в то же время жена) заявила, что предпочтет умереть, чем попасть под чью-либо власть. Таким образом, она заставила варвара думать больше о чести, чем о безопасности; и ему стало стыдно, что свобода дороже женщине, чем мужчине. 29. Не отпустив посредника мира, Сисимитр решил выдержать осаду. Но когда он сравнил силы врагов со своими, то совет женщины показался ему скорее безрассудным, чем дельным, и он начал раскаиваться в своем решении. 30. Поспешно возвратив Оксарта, он сказал, что готов сдаться и просил только об одном: доносить царю о мнении и совете матери, чтобы легче было добиться помилования также и ей. 31. Тогда, выслав в

ред Оксарта, он с матерью, детьми и всей родней последовал за ним, даже не дождавшись залога верности, обещанного Оксартом. 32. Царь послал всадника к Сисимитру с приказом возвратиться и ожидать его прибытия, а затем прибыл сам и, заколов жертвенных животных Минерве и Победе, возвратил Сисимитру его владения и даже обещал дать ему большую провинцию, если он будет верно сохранять с ним дружбу. 33. По требованию Александра Сисимитр отдал двух своих сыновей для военной службы при царской особе.

Затем, оставив фалангу для покорения отпавших племен, Александр отправился с конницей дальше. 34. Они сначала кое-как справлялись с трудной каменистой дорогой, но затем, когда изнуренные лошади сбили себе копыта, многие стали отставать, и ряды конницы постепенно редели; чрезмерная усталость, как это часто бывает, брала верх над чувством стыда. 35. Однако царь, то и дело меняя лошадей, без передышки преследовал бегущих. Знатная молодежь, обычно сопровождавшая его, вся, кроме Филиппа, отстала. Филипп, брат Лисимаха, недавно возмужавший, обладал, как это было легко заметить, редкими способностями. 36. Он — трудно поверить — бежал за едущим царем 500 стадиев, хотя Лисимах не раз предлагал ему свою лошадь; он не мог допустить и мысли отстать от царя, хотя нес оружие и был одет в панцирь. 37. В лесу, где скрылись варвары, он героически сражался и прикрывал своим телом Александра, врукопашную бившегося с врагом. 38. Но после того как варвары обратились в бегство и покинули лес, душевный подъем, поддерживавший Филиппа в пылу сражения, оставил его; все его тело вдруг покрылось испариной и воин прислонился к стволу ближайшего дерева. 39. Затем он был не в силах использовать и эту опору, и царь подхватил его на руки; упав на них, Филипп испустил дух. 40. Опечаленного царя поджидало другое большое горе. Среди его славных вождей был Эригий. Царь узнал, что он убит незадолго до его возвращения в лагерь. Погребение обоих героев было совершено со всевозможной пышностью и почетом.

ГЛАВА 3

1. Затем царь решил идти на дахов; он знал, что там находится Спитамен. Но никогда не изменявшее ему счастье и па этот раз осуществило его замысел, даже без его участия. Спитамен пылал безмерной любовью к жене, и она делила с ним все невзгоды, хотя ей трудно было переносить постоянное бегство и изгнание. 2. Измучившись от такой жизни, она беспрерывно пускала в ход все женские ухищрения, чтобы заставить мужа прекратить наконец бегство и снискать прощение у победителя-Александра, от которого все равно нельзя убежать. 3. У нее было от мужа трое взрослых сыновей. Велев им принасть к груди отца, она стала умолять его сжалиться хотя бы

над ними, обращаясь с тем более убедительными мольбами, что Александр был близко. 4. Но думая, что жена предает его, а не уговаривает и, рассчитывая на свою красоту, хочет при первой возможности отдаться Александру, Спитамен обнажил свой акинак, чтобы заколоть жею, но прибежавшие ее братья помешали ему. 5. Как бы то ни было, он приказывает ей уйти с глаз долой, пригрозив убить, если снова увидит ее. Для удовлетворения своей страсти он стал проводить ночи с распутницами. 6. Однако отвращение к этим женщинам усилило его прежнюю любовь. Поэтому снова всецело отдавшись жене, он не переставал просить ее отказаться от своего замысла и терпеть все, что им пошлет судьба: ведь смерть ему легче сдачи. 7. А жена оправдывалась тем, что советовала — пусть по-женски, но зато от чистого сердца — то, что считала полезным, впрочем, она выражала готовность во всем повиноваться мужу. 8. Спитамен, обманутый притворным повиновением, приказал среди дня начать пиршество; отяжелевшего от вина и еды, сонного, его относят в спальню. 9. Жена, убедившись, что он погрузился в глубокий сон, обнажает скрытый под его одеждой меч и обезглавливает мужа; обогрелая кровью, она отдает голову своему рабу — сообщнику в преступлении.

10. В сопровождении его она, как и была в окровавленной одежде, приходит в македонский лагерь и велит сообщить Александру, что принесла известие, которое царь должен узнать от нее лично. 11. Тот сразу приказывает впустить варварку. Увидев ее, забрызганную кровью, он подумал, что она пришла жаловаться на насилие, и позволил ей сказать то, что она хотела. 12. Она попросила ввести раба, которому приказала стоять в дверях. Раб, державший под полой голову Спитамена, вызвал подозрение. При обыске он показал, что скрывал. 13. Бескровная бледность так исказила черты Спитамена, что нельзя было достоверно узнать, чья это голова. Итак, царь, услышав, что ему принесли человеческую голову, вышел из покоев, расспросил раба, в чем дело, и все узнал из его показаний. 14. Разные образы одно за другим приходили ему в голову. Он понимал значение оказанной ему услуги — убийства перебежчика и изменника, который, если бы остался жив, был бы помехой в его делах. С другой стороны, ему внушало отвращение то, что женщина коварно убила человека, проявлявшего к ней такую любовь, отца их детей. 15. Омерзение, вызванное этим преступлением, взяло все же верх над благодарностью, и царь приказал сказать ей, чтобы она удалилась из лагеря; он опасался, как бы пример варварской жестокости не повлиял на нравы и податливые характеры греков. 16. Дахи, узнав, что их вождь убит, выдают Александру связанного Датаферна, сообщника в делах Спитамена, и сами сдаются. Царь, освободясь от большей части забот того времени, принялся наказывать своих наместников за обиды, которые они наносили подчиненным по своей алчности и высокомерию. 17. Итак, он передал Гирканию

и мардов с тапурами Фратаферну, предписал доставить к себе под стражей Фрадата, место которого заступил Фратаферн. На место Арсама, правителя дрангов, был назначен Стасанор. Арсак был послан в Мидию, чтобы заменить там Оксидата. Вавилония после смерти Мазея была отдана во власть Стамена.

ГЛАВА 4

1. Устроив все это, Александр на третий месяц выступил с войском из зимних квартир, направляясь в область, называемую Габаза. 2. В первый день поход проходил спокойно; следующий не был еще бурным, но уже мрачнее первого, появились признаки надвигающейся бури. 3. На третий день по всему небу засверкали молнии. Свет, то вспыхивавший, то погасавший, слепил глаза идущему войску и приводил его в ужас. 4. Гром гремел почти непрерывно. И со всех сторон были видны вспыхивающие молнии; воины перестали слышать и, оцепенев, не отваживались ни идти вперед, ни остановиться. 5. Тут внезапно хлынул потоком ливень с градом. Сначала войны укрывались от него под своим оружием, но потом они уже не могли не только удержать закоченевшими руками скользкое оружие, но и решить, в какую сторону повернуться, так как буря с громадной силой обрушивалась на них со всех сторон и от нее нельзя было укрыться. 6. И вот, нарушив строй, войско разбрелось по всему перевалу; многие, обессилев скорее от страха, чем от напряжения, распростерлись на земле, хотя от усилившейся стужи дождь превращался в град. 7. Другие укрывались под деревьями, и это было для многих опорой и убежищем. 8. Они не обманывались в том, что сами выбрали себе место для смерти, так как, не двигаясь, они утрачивали свое жизненное тепло, но неподвижность была приятна утомленному телу, и они готовы были умереть в покое. А буря бушевала свирепо и упорно. И дневной свет, эту отраду природы, скрывали тучи и темные, как ночь, леса. 9. Один лишь царь бодро переносил такое бедствие; он обходил солдат, собирал разбежавшихся, поднимал упавших, показывал дым, выходящий из далеких хижин, убеждал спешить в ближайšie укрытия. 10. Ничто так не ободряло солдат и не послужило к их спасению, как боязнь отстать от царя, который ценой напряжения всех сил выдерживал непосильные для них несчастья.

11. В конце концов нужда, которая в несчастье бывает действительней, чем разум, изобрела средство от холода. Войны принялись рубить лес и повсюду зажигать костры. 12. Можно было подумать, что весь лес охвачен пожаром и среди пламени не осталось места войску. Этот жар отогревал закоченевшие тела, и дыхание, перехваченное холодом, становилось более свободным. 13. Одни укрывались в жилищах варваров на самом краю леса, куда завела людей необходимость; другие разбили лагерь на сырой земле, так как небесный гнев уже утихал. Это

бедствие погубило две тысячи воинов, маркитантов и обозной прислуги. 14. Передают, что видели, как некоторых смерть застигла в момент, когда они, прислонившись к деревьям, беседовали друг с другом, и они застыли в таком положении. 15. Случайно один македонский солдат, еле держась на ногах, все же добрал с оружием в руках до лагеря. Увидев его, царь гревшийся у зажженного костра, встал и, сняв оружие с окованного и терявшего сознание воина, усадил его на свое место. 16. Тот долго не соображал, где он отдыхает и кто его посадил; когда жизненное тепло наконец возвратилось к нему и он увидел царское место и самого царя, то в испуге вскочил. 17. Глядя на него, Александр сказал: «Сознаешь ли ты, воин, насколько лучше жить под моей властью, нежели под властью персидского царя? Ведь там казнили бы севшего на царский трон, а для тебя это оказалось спасением». 18. Созвав на другой день своих друзей и военачальников, он приказал объявить, что возвратит все, что было потеряно. И он исполнил обещание. 19. Действительно, Сисимитр пригнал много вьючных животных и 2 тысячи верблюдов, а также мелкий и крупный рогатый скот; все это было равномерно разделено среди солдат и избавило их от нищеты и голода. 20. Царь отметил услугу, оказанную ему Сисимитром, и приказал солдатам запастись на 6 дней сухими продуктами, так как готовился идти на саков. Опустошив всю эту страну, он дал из добычи в дар Сисимитру 30 тысяч голов скота.

21. Затем он прибыл в область, во главе которой стоял знатный сатрап Оксиарт, он сдался на милость царя. Царь же возвратив ему власть, потребовал от него только, чтобы двое из трех сыновей Оксиарта служили в его войске. 22. Сатрап отдает ему даже того сына, который оставался при нем. С варварской пышностью он задал пир, на который пригласил царя. 23. Когда веселье на пиру было в разгаре, сатрап приказал ввести 30 знатных девушек. Среди них была его дочь по имени Роксана, отличающаяся исключительной красотой и редким варваров изяществом облика. 24. Хотя Роксана вошла вместе со специально отобранными красавицами, она привлекла к себе внимание всех, особенно царя, невоздержанного в своих страстях благодаря покровительству Фортуны, против чего не может устоять ни один из смертных. 25. В свое время Александр с отцовским чувством любовался женой Дария и его двумя дочерьми-девушками, по красоте ни с кем, кроме Роксаны, не сравнимыми. Теперь же он распалился любовью к девушке совсем не знатной, если сравнить ее происхождение с царскими. Александр сказал, что для укрепления власти нужен брачный союз персов и македонян: только таким путем можно преодолеть чувство стыда побежденных и надменность победителей. 26. Ведь Ахилл, от которого Александр ведет свое происхождение, тоже вступил в связь с пленницей. Пусть не думают, что он хочет опозорить Роксану: он намерен вступить с ней в закон

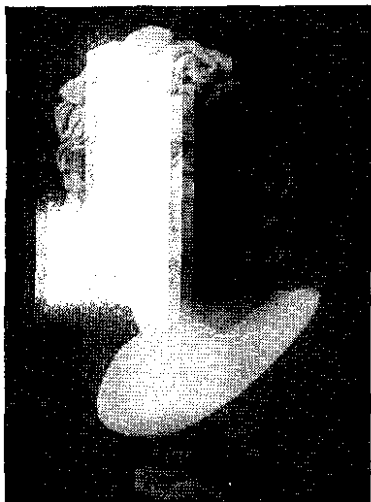
ый брак. 27. Отец в восторге от неожиданного счастья слушал слова Александра. А царь в пылу страсти приказывает прийти по обычаю предков хлеб: это было у македонцев священнейшим залогом брака. Хлеб разрезали мечом пополам, и Александр с Роксаной его отведали. 28. Я полагаю, что те, кто установили народные обычаи, хотели этой незначительной и легкообываемой пищей показать вступающим в брак, сколь малым ни должны довольствоваться. 29. Таким образом, царь Азии и Европы взял себе в жены девушку, приведенную для увеселения на пиру, с тем, чтобы от нее родился тот, кто будет почитать победителями. 30. Стыдно было приближенным, что царский тесть был выбран во время пира и попойки из числа покоренных. Но после убийства Клита свобода была утрачена, и на рывыкших к рабелепию лицах выражалось одобрение.

ГЛАВА 5

1. Между тем царь намеревался идти в Индию, а оттуда к океану. Чтобы в тылу у него не произошло ничего, что могло бы помешать его замыслам, он приказал набрать со всех провинций 30 тысяч юношей, вооружить их и привести к нему; он хотел, чтобы они были и заложниками и воинами. 2. Он отправил Кратера преследовать изменников Гавстана и Катена; Гавстан был взят в плен, а Катен убит в бою, Полиперкон порабил страну, называвшуюся Бубакене. 3. Покончив со всем этим, Александр направил свои помыслы на войну с Индией. Эта страна считалась богатой золотом и жемчугом, а также драгоценными камнями, которые были признаком скорее роскоши, чем величия. 4. Бывалые люди говорили, что все в Индии сверкает золотом и слоновой костью. Итак, Александр, превосходя всех и не желая, чтобы его в чем-либо превосходили, открывает щиты серебряными пластинками, на коней надевает золотые уздечки, одни панцири украшает золотом, другие — серебром; 120 тысяч воинов шли за царем. 5. Закончив все приготовления, Александр решил, что пришло время исполнить безрассудно задуманное дело; он начал обдумывать, как стянуть себе божеские почести. 6. Он хотел, чтобы его не только называли сыном Юпитера, но и верили в это; как будто он мог подписывать людям, что думать и что говорить. Он приказал македонцам рабелепно приветствовать его по персидскому обычаю, падая ниц на землю. Это желание царя подогревалось обильной лестью, обычным злом для царей, ибо угодиничество одрывало их силы чаще, чем даже враг. 7. Но в этом были виновны не македонцы (ведь никто из них не потерпел бы отупления от отцовских обычаев), а греки, под породным влиянием которых извратилось выражение благородных чувств. Некий аргиевнин Агис, сочинитель худших после Херила стихов, и Клеон из Сицилии, льстец не только по своему характеру, но и в силу присущей его народу склонности, прочие го-

родские подонки, которых царь предпочитал даже своим приближенным и вождям больших армий, — все эти люди как бы отворяли ему небо и лъстиво заявляли, что Геркулес, Отец Либер и Кастор с Поллуксом уступят место новому божеству.

9. Итак, Александр в праздничный день приказывает устроить роскошный пир, на который пригласили не только македонцев и ближайших друзей из греков, но и знатных из врагов.

Бюст Александра

Царь возлег с ними, недолго пировал, а затем удалился.

10. Клеон стал произносить за ранее приговоренную речь, в которой восхвалял подвиги царя, затем начал перечислять заслуги (царя), за которые, по его словам, можно отблагодарить только одним способом: если они считают царя богом, то пусть открыто признают это и фамилией воздадут благодарность за столь великие благодеяния. 11. Ведь персы, почитая своих царей, как богов, поступают не только благочестиво, но и мудро, ибо величие государства является залогом их благополучия. Даже Геркулес и Отец Либер были причтены к богам только

тогда, когда победили зависть людей своего времени. Значит, потомки будут верить так, как это утвердится сейчас. 12. Поэтому если другие колеблются, то он сам, когда царь придет на пир, падет перед ним ниц; другим, особенно тем, кто отличается мудростью, нужно сделать то же самое: именно им следует подать пример почитания царя. 13. Эта речь была недвусмысленно направлена против Каллисфена. Твердость этого человека и всем известная его независимость были ненавистны царю, как будто только Каллисфен удерживал македонцев от рабологии.

14. Когда водворилось молчание и все взоры обратились на него одного, он сказал: «Если бы царь присутствовал при твоих речи, то, конечно, никому другому не нужно было бы отвечать тебе. Он сам запретил бы тебе помышлять о введении иноземных и чуждых обычаев и при таких удачах вызывать озлобление низкопоклонством. 15. Но раз царя нет, то я отвечу за него. Никакой скороспелый плод не бывает долговечным; ты не даешь, а скорее отнимаешь у царя небесные почести. Нужно, чтобы прошло некоторое время, пока его признают богом, а эту почесть великим людям всегда воздают потомки. 16. Я желаю, чтобы царя возможно дольше не причисляли к бессмертным, чтобы жизнь его была долгой, а величие вечным. Божественное

стоинство никогда не сопутствует людям при жизни, но зато когда приходит к ним после смерти. 17. Как пример обожествления ты приводил Геркулеса и Отца Либера. Не думаешь ли, что они сделались богами в силу решения на каком-то пиру? Сначала их естество скрылось от глаз смертных, а уже потом слава их вознеслась до небес. 18. А мы с тобою, Клеон, — думать только — творим богов! От нас царь получит утверждение своей божественности. Если тебе хочется испытать свое могущество, сделай кого-нибудь твоим царем, раз ты можешь творить бога; что легче даровать: небо или государство? Пусть милостивые боги беззлобно выслушают то, что сказал Клеон, и позволят, чтобы все шло прежним путем. Пусть они гласятся, чтобы мы довольствовались своими собственными обычаями. Я не стыжусь своей родины и не желаю учиться у побежденных тому, как мне почитать царя. Выходит, они победители, раз мы принимаем от них законы, как нам жить».

20. Все сочувственно слушали Каллисфена как защитника общественной свободы. Его слова вызвали не только молчаливое согласие, но и возгласы одобрения, особенно со стороны фригийцев, которым тяжело было изменение старого обычая на чуждый лад. 21. Но ничто из того, о чем говорили гости, не скользнуло от царя, так как он стоял за занавесью, закрывавшей ложе. Он послал за Агисом и Клеоном, чтобы они по окончании разговора приказали хотя бы варварам по их обычаю поклониться царю, как только он войдет. Немного спустя царь возвратился на пир, сделав вид, что его отвлекло что-то важное. 22. Когда персы выказали ему знаки почтения, Полиперкон, возлежавший выше Александра, стал насмешливо уговаривать одного из персов, касавшегося бородой земли, еще сильнее бить ею о землю. Эти слова вызвали в Александре гнев, которым он и раньше едва справлялся. 23. Поэтому царь спросил: «А ты не хочешь приветствовать меня? Или тебе одному я жужусь достойным насмешки?» Тот ответил, что ни царь не достоин насмешки, ни сам он — унижения. Тогда, стаскив Полиперкона с ложа, царь сбросил его на землю и, так как тот упал лицом, сказал: «Вот видишь, теперь и ты делаешь то же самое, над чем смеялся». И, приказав взять его под стражу, отпустил других.

ГЛАВА 6

1. Полиперкона после долгой немилости царь все же простил, а Каллисфена, давно заподозренного в непокорности, упорно не вел. Скоро ему представился случай удовлетворить свой гнев. 2. Как уже говорилось, у македонской знати был обычай давать царям подросших сыновей для услуг, мало чем отличающихся от обязанностей рабов. 3. Они поочередно стояли ночью в карауле у дверей помещения, где спал царь. Они приносили к нему наложниц через вход, где не стояла стража. Они же, взяв у конюхов коней, подводили их к царю, сопро-

вождали его на охоте и во всех сражениях, причастные всяким свободным искусствам. 5. Особая честь заключалась в разрешении сидеть за царским столом. Никто, кроме царя, не имел права наказывать их розгами. 6. Эта когорта была у македонцев своего рода школой военачальников и заместников; из нее со временем вышли цари; у их наследников много лет спустя римляне отняли власть. 7. И вот знатный юноша из этой когорты, Гермолай, поразил однажды стрелой вепря, которого хотел убить сам царь; по его приказу юноша был наказан розгами. Тяжело снося эту обиду, он стал жаловаться Сострату, который был из той же когорты и пылал к нему любовью. 8. Сострат увидел избитое тело своего любимца, возможно, с какого-то времени он был враждебен царю по другой причине. И вот он стал распалять и без того раздраженного юношу; обменявшись взаимными клятвами верности, он убедил его заключить с ним союз, чтобы убить царя. 9. Они повели дело без детской горячности и очень осмотрительно подобрали тех, кого можно было привлечь в союзники в таком преступном деле. Они сочли нужным завербовать Никострата, Антипатра, Асклепиодора и Филолота; через них удалось подговорить Антикла, Элаптония и Эпимена. 10. Однако путь к достижению цели был нелегким: было необходимо, чтобы в одну и ту же ночь все заговорщики оказались в карауле, иначе непричастные к заговору могли бы помешать; но, как нарочно, одни караулили в одну ночь, другие — в другую. 11. В сменах очередей караулов, а также в разных приготовлениях к задуманному делу прошло 32 дня.

12. Наконец наступила ночь, в которую заговорщики вместе должны были оказаться в карауле, они радовались взаимной верности, испытанной в течение стольких дней. Никто не остановил ни страх, ни ожидание: такая уж была у всех и ненависть к царю, и верность друг к другу! 13. Итак, они стояли у дверей зала, где пировал Александр, чтобы по окончании пира отвести его в спальню. 14. Казалось, сама судьба подтолкнула развеселившихся гостей к обильной выпивке, время проходило в застольных играх. Между тем заговорщики радовались, что им предстоит напасть на сонного царя, то они сались, как бы пир не продолжился до утра. 15. Ведь на рассвете предстояло встать в караул другим, а их очередь должна была наступить только через 7 дней; вряд ли можно было надеяться, чтобы в течение этого времени все заговорщики остались верны. 16. Пир кончился, когда уже рассвело, и заговорщики встретили царя, радуясь, что приблизилось время осуществить злодейский замысел. Вдруг какая-то женщина, ставшая безумной и обычно пребывавшая при дворе (говорила, что она по какому-то интиту предсказывает будущее), прибежала к выходившему царю и загородила ему дорогу. С явным беспокойством на лице она стала убеждать его вернуться на пир. 17. Царь шутливо ответил, что боги подают ему благой совет, и, вернув друзей, пробыл на пиру почти до второй стражи.

18. Уже другие люди из когорты подошли к караулу, чтобы встать на часах у дверей, но заговорщики продолжали стоять, хотя время их службы уже прошло: так упорна надежда, затмевающая все чувства человека! 19. Царь, обратясь к ним благосклоннее, чем когда-либо, велит им уйти отдыхать, так как они простояли всю ночь. Дав каждому по 50 сестерциев, он еще похвалил их за то, что они продолжали стоять на карауле и после смены.

20. Итак, обманувшись в своих надеждах, они расходятся по домам; тем не менее они стали дожидаться ночи следующего своего дежурства. Но Эпимен, либо внезапно переменяв свое намерение из-за царской милости, выделившей его среди прочих, либо убедившись, что сами боги препятствуют задуманному, открывает все, что подготовлялось, своему брату Эврилоху, хотя раньше не хотел посвящать его в свои планы. 21. У всех еще была свежа в памяти казнь Филота. Поэтому Эврилох берет брата за руку и приходит с ним к царскому двору. Вызвав телохранителей, он уверяет, что принес весть, важную для безопасности царя. 22. И само время, когда они пришли, и их явное душевное волнение, и унылый вид одного из братьев заставили дежуривших у царских покоев Птолемея и Леониата подняться. Отворив двери и внося огонь, они будят Александра, крепко спавшего после попойки. Понемногу собравшись с мыслями, царь спрашивает, с чем они пришли. 23. Эврилох не медля сказал, что боги не совсем отвернулись от его дома, так как брат его хотя и осмелился было на бесчестный поступок, но затем раскаялся и решил сам сделать важное донесение: ведь на минувшую ночь был назначен переворот; вдохновителями этого преступного замысла были те, кого царь меньше всего мог подозревать. 24. Затем Эпимен рассказал все по порядку и назвал имена заговорщиков. Известно, что Каллисфен не был упомянут как участник заговора; он якобы только охотно слушал речи молодых людей, поносивших и осуждавших царя. 25. Некоторые добавляют, что, когда Гермолай жаловался на понесенное от царя наказание, Каллисфен советовал юношам помнить, что они уже взрослые. Трудно было понять, сказано ли это, чтобы утешить наказанного розгами, или, напротив, чтобы еще больше распалить его гнев.

26. Царь совсем стряхнул с себя сон, так как опасность, от которой он избавился, ясно предстала перед его глазами. Он сразу наградил Эврилоха 50 талантами и богатым имуществом своего Тиридата и простил его брата даже раньше, чем тот спросил о помиловании. 27. Руководителей же заговора, и в том числе Каллисфена, он приказывает схватить и держать под арестом. Когда их привели к царскому двору, царь спал; устав от попойки и ночных бдений, он проспал весь день и всю следующую ночь. 28. А на следующий день он созвал многолюдный совет, на котором присутствовали отцы и ближайшие родственники тех, чье дело рассматривалось; они не были спокойны и

за свою судьбу, так как, по македонскому обычаю, они должны были погибнуть, поскольку все, кто состоит в кровном родстве с виновным, обречены на смерть. 29. Царь приказал привести обвиняемых, кроме Каллисфена, и они без промедления признались в том, что замыслили. 30. Когда все стали их бранить, то сам царь спросил их, в чем его вина, толкнувшая их на такое преступление.

ГЛАВА 7

1. Все были в оцепенении, один Гермолай сказал: «Раз ты спрашиваешь о причинах, будто не знаешь их, то я отвечу: мы решили убить тебя потому, что ты стал обращаться с нами не как со свободнорожденными, а как с рабами». 2. Первым из всех вскочил его отец Сопол; называя его отцеубийцей и зажимая ему рот, он сказал, что не стоит слушать человека, теряющего рассудок от преступления и зла. 3. Царь, прервав отца, велит Гермолаю говорить то, чему он научился у своего наставника Каллисфена. Гермолай продолжал: «Я воспользуюсь твоей милостью и скажу, чему меня научили мои несчастья». 4. Сколько македонцев, несмотря на твою жестокость, осталось в живых, особенно людей не простой крови? Аттал, Филот, Парменион, Линкест Александр и Клит, когда надо бороться с врагами, живут, стоят в строю, прикрывают тебя щитами, получают раны ради твоей славы, ради победы. 5. Им ты воздаешь великую благодарность. Один обагрил своей кровью твой стол, другой умер мучительной смертью; вожди твоих войск, поднятые на дыбу, стали веселым зрелищем для персов, которых однажды некогда победили. Парменион, при помощи которого ты свое время убил Аттала, умерщвлен без суда. 6. Ты совершаешь по очереди казни руками несчастных людей, а недавних исполнителей убийства ты приказываешь умертвить другим». 7. Ты все разом закричали на Гермолая; отец выхватил меч и, без сомнения, зарубил бы сына, но царь удержал его; он велел Гермолаю говорить и просил, чтобы все терпеливо слушали, как он сам умножает причины своего наказания.

8. Когда царь с трудом утихомирил присутствующих, Гермолай снова заговорил: «Как великодушно ты позволяешь говорить юнцам, неискусным в речах! А голос Каллисфена заглушен стенами тюрьмы, потому что этот человек умеет говорить». 9. Почему же его не приводят, хотя слушают даже сознавшиеся? Значит, ты не только боишься слушать свободный голос провинного, но и не выносишь его вида. Я утверждаю, что он ничем не делал. 10. Здесь находятся те, кто вместе со мной замыслили прекрасное дело, но никто из нас не скажет, что Каллисфен был нашим сообщником, хотя он давно уже осужден на смерть, справедливейшим и великодушнейшим царем. 11. Вот каковы награды македонцам: их кровь ты проливаешь как ненужную и грязную! Твои 30 тысяч мулов возят захваченное золото, тогда как воинам нечего увезти домой, кроме никому не нужных шра

мов. 12. Однако все это мы могли сносить, пока ты не забыл о нас ради варваров и не надел на нас ярмо новых обычаев. Тебе нравятся персидские одежды и персидский образ жизни. Выходит, мы хотели убить персидского царя, а не македонского. Тебя мы преследуем по праву войны как перебежчика. 13. Ты захотел, чтобы македонцы бросались перед тобой на колени и приветствовали тебя как бога; ты отрекся от своего отца Филиппа; а если бы кто из богов был выше Юпитера, ты пренебрег бы и Юпитером. 14. Ты удивляешься, что мы, свободные люди, не можем терпеть твоей гордыни. Чего ожидать от тебя нам, которым предстоит без вины умереть или — что тяжелее смерти — жить в рабстве? 15. Ты же, если еще можешь исправиться, будешь многим обязан мне. Ведь от меня ты впервые узнал, чего не могут выносить свободнорожденные. Пощади же их, не обтягивай мучениями их одинокой старости. А нас прикажи унести, чтобы мы своей смертью обрели то, чего хотели добыть твоей».

ГЛАВА 8

1. Так говорил Гермолай. Царь же в свою очередь сказал: «Мое терпение доказывает, сколь ложно то, что он говорил, подражая своему учителю. 2. Я выслушал его признание в величайшем преступлении и заставил выслушать вас, будучи убежден, что когда я позволю говорить этому разбойнику, то он обнаружит всю свою злобу, которая побуждает его убить меня, хотя ему следовало бы почитать меня наравне с отцом. 3. Совсем недавно, когда он дерзко вел себя на охоте, я велел его наказать по отцовскому обычаю, идущему от древнейших македонских царей. Так и должно быть: воспитатели наказывают своих воспитанников, мужья — жен, мы даже позволяем рабам сечь господских детей такого возраста. 4. Вот в чем моя жестокость, за которую он хотел мне отомстить злодейским убийством. А сколь милостив я к тем, кто предоставляет мне поступать по моему разумению, вы сами знаете: упоминать об этом излишне. 5. Клянусь богами, менее всего меня удивляет, что Гермолай не одобряет наказания убийц: ведь он сам заслуживает то же самое. Превознося Пармениона и Филота, он старается оправдать себя. 6. Что касается Линкеста Александра, когда строившего против меня козни, то оба раза я прощал их. Даже когда он снова был изобличен, я два года воздерживался от наказания, пока вы не потребовали, чтобы он искупил свое преступление заслуженным возмездием. 7. Вы помните, что еще до того, как я стал царем, Аттал был моим врагом. О, если бы ты не заставил меня гневаться на него! Его дерзкий язык, прививший столь гнусное против меня и вас, я переносил долготерпением, чем он терпел бы подобное от меня. 8. Милость царей и вельмож обусловлена характером не только их самих, но и их подданных. Покорность смягчает власть; в самом деле, когда

в душе нет уважения и мы не делаем различия между высоким и низким, нам приходится силу отражать силой.

9. Но к чему мне удивляться, что обвинил меня в жестокости тот, кто осмелился укорять меня жадностью? Никого из вас не хочу раздражать, чтобы не сделать мою щедрость ненавистной, раз она задевает ваше самолюбие. Посмотрите на войско: те, кто недавно ничего не имели, кроме оружия, возлежат теперь на серебряных ложах, столы у них ломаются от золота; они ведут за собой толпы рабов и не в состоянии нести на себе вражеские трофеи. 10. Конечно, персы, которых мы побили, находятся у меня в большом почете! Вернейшим признаком моей умеренности является то, что даже покоренными не управляю высокомерно. Ведь я пришел в Азию не с целью погубить народы и превратить половину света в пустыню, но для того, чтобы не роптали на мою победу те, кто покорен мною в войне. 11. Поэтому они сражаются вместе с вами, проливая кровь за вашу власть; а если бы мы с ними обращались, как тираны, они бы взбунтовались. Кратковременно обладание, добытое мечом, признательность же за благодеяния долговечна. 12. Если мы хотим Азией обладать, а не только пройти через нее, нам нужно проявлять некоторую милость к этим людям: их верность сделает нашу власть прочной и постоянной. Конечно, мы имеем больше, чем можем удержать. Без конца наполнять то, откуда уже переливается через край, — это признак ненасытной жадности. 13. Действительно, я прививаю их обычаи македонцам! Я и у многих народов вижу то, чему нам не стыдно подражать. Столь большим государством нельзя управлять иначе, как передавая кое-что этим народам и участь у них.

14. Право смешно, что Гермонах требовал, чтобы я отрекся от Юпитера, чьим оракулом я признаю. Да разве ответы богов в моей власти? 15. Он дал мне имя сына; принять его не противоречило делам, которые мы совершаем. 15. О, если бы инды признали меня богом! Войны зависят от славы, и часто ты, ложь, которой поверили, становится истиной. 16. Не считаешь ли вы, что я украсил золотом и серебром ваше оружие по своей склонности к роскоши? Я хотел показать тем, кто не знает ничего дешевле этого металла, что македонцев ни в чем нельзя превзойти, даже в обилии золота. 17. Я прежде всего открыл глаза тем, кто ожидал увидеть у нас все только бедное и невзрачное, и докажу, что мы пришли не из-за жажды золота и серебра, а с целью покорить весь мир. И эту славу ты, убийца, хотел стереть, умертвить царя, а македонцев предать побежденным народам. 18. Теперь же ты умоляешь меня пощадить ваших родителей! Правда, вам не полагалось бы знать, как я решил с ними поступить, чтобы тем тяжелее было вам погибнуть, если у вас еще сохранилась хоть какая-нибудь память и забота о родителях. Недавно я отменил обычай казнить вместе с преступниками их невинных родственников и родителей и объявляю, что они сохранят все свои права, которыми обладали

19. Я знаю, зачем ты хочешь привести своего Каллисфена: ему одному ты кажешься мужчиной, тогда как ты разбойник; ты желаешь, чтобы в присутствии всех и он изрыгал ругательства, которыми ты меня осыпал и которые ты от него слышал. Если бы твой учитель был македонцем, я приказал бы привести его вместе с тобой, ибо он весьма достоин такого ученика, как ты; но у него, как у олинфянина, нет таких прав».

20. После этого царь распустил совет и приказал предать осужденных в руки людей из их же когорты. Те, стремясь своей суровостью выказать верность царю, жестоко пытали их и убили. 21. Каллисфен тоже умер после пыток, хотя не был повинен в заговоре: дело в том, что он совсем не мог приспособиться к придворной жизни и к лъстцам. 22. Поэтому ничье убийство не могло возбудить большей ненависти к Александру, так как он не только убил, но без суда замучил человека, отличавшегося благородными качествами и поступками; ведь Каллисфен вернул Александра к жизни, когда тот упорно хотел умереть после убийства Клита. 23. Но раскаяние в такой жестокости пришло к Александру слишком поздно.

ГЛАВА 9

1. Чтобы не затягивать бездействия, порождающего ропот, царь двинулся в Индию; всегда его слава ярче проявлялась на войне, чем после победы. 2. Почти вся Индия обращена на восток; в ширину она протянулась менее, чем в длину. 3. В областях, открытых южному ветру, возвышаются горы, остальные части равнинные; через их поля протекает много известных рек, берущих начало в Кавказских горах. 4. Инд холоднее других рек, его вода мало чем отличается по цвету от морской. 5. Ганг, самая большая на востоке река, течет на юг и своим прямым руслом пересекает хребты больших гор, затем вставшие на дороге утесы отклоняют его течение на восток. 6. Когда Инд подходит к Красному морю, он размывает берега, уносит много деревьев с большим количеством земли, но, встречая на пути скалы, часто меняет свое направление. 7. Там, где река встречает более мягкую почву, она растекается и образует острова. 8. В эту реку впадает Аксин; Ганг как бы перехватывает его дорогу к морю; обе реки сливаются, образуя бурное течение, так как Ганг создает для впадающей реки очень неудобное устье и воды ее текут, преодолевая препятствия. 9. Река Диардан менее известна, так как она течет в отдаленнейшей части Индии; впрочем, она изобилует не только крокодилами, как Нил, но и дельфинами и прочими животными, неизвестными другим народам. 10. Эримант делает частые излучины, окрестные жители используют его воды для орошения; этим объясняется то, что жалкие его остатки, достигающие моря, даже не имеют названия.

11. Кроме этих рек много других пересекает всю страну, но

они незначительны и не служат никакими границами. 12. При морские области иссушаются северными ветрами, но они задерживаются горными хребтами, не проникают в глубь страны поэтому не вредят созреванию плодов. 13. В этой стране столбчатая смена времен года, что, когда в других местах холодит солнце, в Индии идет снег; напротив, когда повсюду холодит здесь необыкновенная жара, и природа не объясняет, почему это так происходит. 14. Разумеется, море омывающее Индию по цвету не отличается от других; его называют по имени царя Эритра: вот почему невежды думают, что вода в этом море красная. Страна богата льном, из которого сделана одежда большинства индов. 15. На тонком древесном лыке можно писать, как на бумаге. 16. Есть там птицы, умеющие подражать человеческому голосу. Встречаются породы зверей, известные другим народам только по привезенным к ним экземплярам. В этой стране пасутся носороги, которые приходят из других мест. 17. Индийские слоны сильнее тех, которых приручают в Африке; их силе соответствует и величина. 18. Золото находится в реках, спокойные воды которых текут медленно и равномерно. 19. Море выбрасывает на берега драгоценные камни и жемчуг. С тех пор как инды распространили у других народов торговлю предметами роскоши, ничто иное их так не обогащает: ведь цена на этом отбросам бурного моря устанавливается прихотью. 20. У индов, как везде, природные условия определяют характер людей. 21. Они носят длинную до пят одежду из легкой материи, на ногах обувь, голову повязывают платками; в ушах висят драгоценные камни, особенно знатные и богатые туземцы украшают руки от кисти до плеча золотом. 22. Волосы они чаще причесывают, чем стригут; подбородок никогда не бреют, остальную кожу лица начисто выбривают до полной гладкости. 23. Царская роскошь, которую они сами называют великим лепием, превосходит испорченные вкусы всех народов. Когда царь изволит показаться народу, его слуги наполняют воздух благовонием из серебряных кадильниц на протяжении всего пути, по которому царь приказывает себя нести. 24. Он возжигает на золотых носилках, обвешанных жемчугом; его полотноная одежда заткана золотом и пурпуром, за носилками следуют вооруженные телохранители. 25. Между ними несут на ветках птиц, обученных развлекать своим пением царя даже во время его серьезных занятий. 26. В царском дворце стоят покрытые золотом колонны, их обвивают сделанные из золота виноградные лозы. Есть там и искусно сделанные из серебра птицы, восхищающие своей красотой. 27. Царский двор открыт для приходящих тогда, когда царю расчесывают и убирают волосы; в это время он дает ответы послам, творит суд над подданными. Царю снимают сандални и натирают ноги благовониями. 28. Веселый труд на охоте состоит в том, что под пение и молитвы наложниц царь бьет зверей, содержащихся в зверинце. С большим усилием мечут стрелы длиной в два локтя; результаты получаются

ются незначительные, так как вся сила стрелы в легкости, а при тяжелом весе от нее мало толку. 29. В недалекий путь царь отправляется на коне; если путешествие продолжительно, то повозку везут слоны, и эти громадные животные сплошь украшаются золотом. И как бы для того, чтобы полностью показать испорченность нравов, за царем тянется длинная вереница наложниц в золотых носилках. Эта свита едет отдельно от царицыной, но с такой же роскошью. 30. Женщины готовят еду, они же подают вино, а его все инды пьют очень много. Когда царь заснет от вина, наложницы относят его в покои, призывая традиционной песней ночных богов.

31. Кто поверит, что среди этой испорченности может быть любовь к мудрости? Но есть у них один род людей, диких и грубых, которых называют мудрецами. 32. Они считают прекрасным иредунреждать уготованный судьбой конец. Кто отягчен годами или страдает от болезней, приказывает сжечь себя живо. Позорна, по их мнению, жизнь в ожидании смерти, и тела тех, кто умер от старости, хоронятся безо всяких почестей; они полагают, что огонь оскверняется, если он сжигает уже не дышащих. 33. Те же, что проживают в городах, хранят общественные обычаи, искусно наблюдают движение звезд и предсказывают будущее, они думают, что тот, кто ожидает в страхе день своей кончины, только приближает его. 34. Они признают божественным все, за чем ухаживают, особенно деревья, порча которых наказывается казнью. 35. В каждом месяце 15 дней, но год сохраняет полную длительность. 36. Они измеряют время по луне, но не так, как обычно — от полнолуния, а с того момента, когда луна начинает принимать форму рогов, и так как они ведут счет от этой фазы луны, месяц у них короче. 37. Передают много другого, но мне кажется неудобным рассказывать об этом и замедлять начатое повествование.

ГЛАВА 10

1. Итак, после вступления Александра на территорию Индии царьки народов спешат к нему навстречу, готовые выполнять его распоряжения; они говорят, что к ним пришел третий сын Юпитера, что Отца Либера и Геркулеса они знали только понаслышке, а его видят собственными глазами. 2. Царь, благосклонно приняв их, приказал следовать за собой, чтобы использовать их как проводников. Затем, так как никто больше не выехал ему навстречу, он выслал вперед Гестигиона и Пердикку с частью войск для покорения тех, кто не хотел подчиниться его власти; он приказал им пройти до Инда и построить там суда, чтобы переправить войско на другой берег. 3. Ввиду того что нужно было переходить много рек, корабли строились так, чтобы их можно было разбирать, перевозить на повозках, а затем снова собирать. 4. Царь, велев Кратеру с фалангой следовать за ним, сам выступил с конницей и легковооружен-

ным войском и после незначительного сражения загнал в ближайший город тех, кто вышел ему навстречу. 5. Как раз подошел и Кратер. И вот, чтобы прежде всего устрашить народ, еще не знакомый с оружием македонцев, он приказал никого не шадить, после того как будут сожжены укрепления осажденного им города. 6. Когда царь объезжал стены, он был ранен стрелой.

Дионисийское празднество

дой. Все же он взял город и перебил всех его жителей; гнев царя обратился даже на дома.

7. Отсюда, покорив неизвестный народ, он прибыл в город Нису. Он расположился лагерем как раз под самыми стенами лесистом месте. Ночной холод сильнее, чем когда-либо, скопал тела людей; выходом из положения было завести огонь. 8. Поэтому, срубив деревья, зажгли костры. Пламя с дров перекинулось на старые, построенные из кедра гробницы; занявшийся на них огонь быстро распространился, пока не испепелил все. 9. А из города донесся сначала собачий лай, затем гул человеческих голосов. Так жители узнали о приходе врага, а македонцы о своей близости к городу. 10. Царь уже вывел войско и стал осаждать город, и враги, рискнувшие дать бой, были засыпаны стрелами. Одни из них хотели сдаться, другие сопротивляться. Узнав об их колебании, царь приказал держать их в осаде и воздержаться от резни; наконец они, измучившись от бедствий, причиненных осадой, сдались. 11. Они говорили, что ведут свой род от Отца Либера, и происхождение их действительно таково. 12. Город расположен у подошвы горы, которую жители называют Мерос. На этом основании греки выдумали, будто бы Отец Либера был скрыт в бедре Юпитера.

13. Царь, узнав от жителей о расположении горы, выслал перед обоз, поднялся со всем своим войском на ее вершину. По всей горе растет много плюща и винограда, течет множество пересыхающих ручьев. 14. Там созревают сочные и питательные плоды, злаки растут сами собой из случайно упавших на землю семян. На этих диких скалах много лавровых деревьев, ягод и девственного леса. 15. Тогда воины, конечно, не в восторженности богов, а ради удовольствия стали рвать листья плюща и виноградной лозы и, украсив себя венками, бегать по всему лесу, как в вакхической пляске. 16. Тысячи голосов, призывавших бога, покровителя этого леса, огласили горные хребты и холмы. Разгул начали немногие, но, как это бывает, он быстро перекинулся на всех. 17. Точно в мирное время войны распростерлись на траве и кучах листьев. Царю эта внезапная веселость не была неприятна. Щедро дав все нужное для пира, он позволил войску 10 дней предаваться Отцу Либери. 18. Кто танец отрицать, что выдающаяся слава чаще является даром судьбы, чем результатом доблестей? Ведь враг не осмелился напасть даже на пировавших и отяжелевших от вина; шумом основавшихся и вопивших он был напуган не меньше, чем если бы услышал гром битвы. То же счастье покровительствовало македонцам, когда они возвращались от Океана, предаваясь на скалах врагов разгулу.

19. Отсюда пришли в страну, называемую Дедала. Жители покинули свое жилье и бежали в непроходимые леса и горы. Царь проходит через Акадиры, тоже сожженные и оставленные обожавшими жителями. 20. Необходимость заставила изменить военную тактику: разделив свое войско на части, он демонстри-

ровал силу своего оружия одновременно во многих местах; враги были разгромлены там, где не ожидали нападения, и после такого поражения покорились.

21. Птолемей взял очень много городов, зато Александр — самые значительные; затем он вновь соединил разделенные раньше войска. 22. Перейдя реку Хоасп, он оставил Кена для осады богатого города (жители называют его Бейра); сам же направился к Мазагам. После недавней смерти Ассакана, которому принадлежало это царство, во главе города встала его мать Клеофис. 23. 38 тысяч пехотинцев охраняли город, укрепленный не только самой природой, но и искусственным сооружением. С восточной стороны он опоясан бурной рекой, оба ее крутых берега заграждают доступ к городу. 24. С запада и юга природа как будто нарочно нагромодила очень высокие скалы, под которыми находятся впадины и пропасти, образовавшиеся в течение долгого времени, а там, где они кончаются, проходит ров, выкопанный с большим трудом. 25. Город окружает стена в 35 стадиев, низ ее сложен из камней, а верх — из необожженного кирпича. Вперемежку с кирпичами для связи были положены камни, чтобы хрупкий материал покоился на более твердом; применялась также земля, разжиженная водой. 26. А чтобы все это не осело, на стену были положены толстые бревна, настланные на них доски покрывали стену, так что по ней можно было пройти. 27. Александр осматривал эти укрепления и не знал, на что решиться: заровнять пропасти можно было, только засыпав их, а без этого нельзя было подвести к стенам метательные орудия. В это время кто-то со стены ранил его стрелой. 28. Стрела вонзилась царю в икру; выдернув ее и конечник, он приказал подвести коня; и, даже не перевязав раны, он верхом на коне без промедления продолжал начатое дело. 29. Однако раненая нога была навесу, кровь запекалась, и от холода рана стала болеть сильнее; царь, как передают, сказал, что он хотя и называется сыном Юпитера, но все же чувствует страдания своего больного тела. 30. И все же он не возвращался в лагерь до тех пор, пока не осмотрел всего и не указал, что надо делать.

И вот, как было приказано, одни стали ломать постройки за чертой города и носить огромное количество материала для возведения насыпи, другие сбрасывали в пропасти стволы громадных деревьев вместе с ветками и каменные глыбы. 31. Работы уже сравнялись с землей; тогда стали строить башни, и за 9 дней эта работа была выполнена воинами с величайшим воодушевлением. Александр выехал осмотреть сделанное, хотя его рана еще не затянулась. Похвалив воинов, он приказал подвести машины, из которых туча стрел полетела в осажденных. 32. Двигущиеся башни особенно устроили их, так как они не знали такого рода сооружений и полагали, что такие громадины движутся без какой-либо видимой помощи людей, но по воле богов. Они не могли поверить, что смертные могут метать стены

битные копья и тяжелые бревна, выпускаемые из машин. 33. Итак, отчаявшись в возможности защищать город, они отступили в крепость. Так как осажденным ничего не оставалось, как сдаться, то к царю отправились послы с просьбой о пощаде. 34. Они добились ее, и царица пришла с большой свитой знатных женщин, возливавших из золотых сосудов вино в жертву Александру. 35. Сама она повергла маленького сына к коленям царя и получила не только прощение, но и сохранение прежнего почетного положения: она была признана царицей. Некоторые считали, что это было скорее данью ее красоте, чем состраданьем. 38. Во всяком случае у сына, потом родившегося у нее, было имя Александр.

ГЛАВА 11

1. Посланный отсюда с войском к городу Норе Полиперкон победил не подготовившихся к сражению городских жителей; преследуя врага внутри укреплений, он взял город. 2. Много других малоизвестных городов, покинутых жителями, перешло к царю. Их жители, вооружившись, заняли скалу Аорн. Молва гласила, что Геркулес тщетно осаждал эту скалу и был вынужден прекратить осаду из-за землетрясения. 3. Александр не знал, что ему предпринять, так как скала со всех сторон была крута и обрывиста. Но пришел к нему с двумя сыновьями старик, знавший эти места, обещая показать ход на гору, если ему заплатят за труд. 4. Царь решил дать ему 80 талантов и, оставив одного юношу заложником, послал старика выполнить то, что он обещал. 5. Начальником отряда легковооруженных был назначен царский писец Муллин. Этому отряду хотелось взобраться на вершину горы по обходному пути, чтобы обмануть врага. 6. Гора не поднималась вверх, как обычно, пологими и спокойными склонами, она возвышалась, как столб: основание ее было широкое, кверху она постепенно сужалась и переходила в остроконечную вершину. 7. Подошву этой горы омывает река Инд; она очень глубока, берега ее обрывисты; с другой ее стороны были пропасти и глубокие овраги. Их предстояло завалить; другого способа овладеть горой не было. 8. Лес был под рукой, царь приказал его рубить так, чтобы можно было бросать одни стволы: ветки с листьями мешали бы переноске. Сначала сам царь сбросил обрубленное дерево; в войске поднялся крик, выражавший воодушевление; никто не отказывался делать то, в чем царь показал пример.

9. На седьмой день пропасти были завалены, и царь приказал стрелкам и агрианам лезть наверх; кроме того, он отобрал из своей когорты 30 самых отважных юношей. 10. Начальниками над ними были поставлены Хар и Александр, последнему царь напомнил, что оба они носят одинаковое имя. Сначала ввиду столь явной опасности было решено, что самому царю не следует идти на риск. 11. Но как только был дан сиг-

нал трубой, царь, как человек выдающейся храбрости, обратился к телохранителям, приказал следовать за собой и сам первый стал подниматься в гору. Тогда никто из македонцев не остался на месте. Покинув стоянку, все устремились за царем. 12. Многих ожидал печальный конец: они сорвались с отвесной скалы и утонули в протекавшей здесь реке, что было ужасным зрелищем и для тех, кто не подвергался опасности. Когда они увидели, что эта печальная судьба угрожает им самим, то к страданию присоединился страх, и они стали оплакивать не погибших, а самих себя. 13. А между тем они зашли уже туда, откуда могли возвратиться только победителями, иначе им предстояло погибнуть: варвары скатывали на поднимавшихся македонцев огромные камни; сбитые с ног люди стремительно падали вниз, так как нетвердо стояли на скользкой почве. 14. Однако Александр и Хар, которых вместе с 30 отборными воинами царь выслал вперед, взойшли на гору и уже начали биться с врагом врукопашную. Но так как варвары стреляли сверху, то македонцы чаще падали сами, чем ранили других. 15. Александр же, помня о своем имени и обещании, сражается отважно, не соблюдая осторожности; получив с разных сторон сильные удары, он падает. 16. Хар, увидев, что тот лежит, бросился на врага, не помня ни о чем, кроме мести, и многих поразил копьём, а некоторых мечом. На него одного поднялось множество рук, и он бездыханным пал на тело своего друга. 17. Совершенно естественно, что царь, подавленный гибелью отважных юношей и других воинов, подал сигнал к отступлению. 18. Спасением для македонцев было то, что они отступали постепенно и без паники и что варвары, удовлетворившись тем, что отбили врага, не преследовали отступавших.

19. Однако, хотя Александр и решил отказаться от замысла, так как овладеть скалой не было никакой надежды, он все же сделал вид, что будет продолжать осаду; он приказал занять дороги, подвести осадные башни и на смену утомившимся воинам прислать других. 20. Хотя инды и узнали о его упорстве, все же два дня и две ночи пировали, хвастаясь не только своей самоуверенностью, но и победой, причем, по своему обычаю, били в барабаны. 21. Однако в третью ночь не стало слышно барабанного боя, а по всей горе запыхали факелы, зажженные варварами для того, чтобы им было безопаснее убежать темной ночью по каменистому бездорожью. 22. От Балакра, посланного на разведку, царь узнает, что инды покинули скалу и бежали; тогда он дал знак всем разом поднять крик и этим нагнал страх на беспорядочно бегущих врагов. 23. Многие, как будто их уже настигал враг, стремительно падали со скользких камней и неприступных утесов. Те, кто оставался невредимым, бросали на произвол судьбы многих людей, повредивших себе при падении какую-нибудь часть тела. 24. Царь, оказавшись победителем скорее над местной природой, чем над врагами, создал впечатление большой победы, устроив богатые жертвоприношения и

другие религиозные церемонии. На скале были сооружены алтари Минерве и Победе. 25. Проводникам, которым он приказал вести легковооруженных, было добросовестно уплачено, хотя они сделали меньше, чем обещали. Охрана горы и прилегающей к ней области была поручена Сисокосту.

ГЛАВА 12

1. Отсюда царь отправился в Экболимы, и, узнав, что узкие места дороги заняты 20 тысячами вооруженных во главе с неким Эриком, он поручил Кену не торопясь вести тяжеловооруженную часть войска. 2. Сам он пошел вперед, при помощи пращников и стрелков выбил из леса врагов и тем самым расчистил путь следовавшему за ним войску. 3. Инды то ли из ненависти к своему вождю, то ли из желания снискать милость победителя напали на бежавшего Эрика и убили его, а его голову и доспехи принесли Александру. Тот оставил этот поступок безнаказанным, но для назидания отказал в награде. 4. Отсюда он за 16 переходов прибыл со своим лагерем к реке Инду и нашел, что все нужное для переправы приготовлено по его указанию Гефестионом. 5. В этой области царствовал Омфис, который уже раньше склонял своего отца отдать власть Александру, а после смерти родителя спросил Александра, сохранить ли ему пока царскую власть или ожидать его прихода как частному лицу. 6. Получив разрешение царствовать, он, однако, не решился воспользоваться данным ему правом. Он принял Гефестиона с почетом и бесплатно отпустил хлеб для его войска, но навстречу ему не выехал, чтобы иметь дело только с царем.

7. Зато к подходившему царю он вышел сам с войском в полном вооружении; между воинами на некотором расстоянии друг от друга шли слоны, издали похожие на крепости.

8. Александр сначала подумал, что подходит не союзник, а враг, и, готовясь к бою, приказал было своим воинам взяться за оружие, а всадникам занять фланги. Но инд, заметив заблужденные македонцев, приказал всем остановиться, а сам прищипорил своего коня; то же самое сделал Александр, не зная, идет ли навстречу враг или друг; он рассчитывал или на свое мужество, или на честность другой стороны. 9. Они встретились как друзья, что можно было видеть по выражению их лиц; однако беседа не могла завязаться без переводчика. Когда его привели, варвар сказал, что он выехал с войском навстречу царю, чтобы немедленно передать ему всю полноту власти в своем государстве, не дожидаясь, пока через послов ему будет дано обещание. 10. Он добавил, что предоставляет себя самого и свое царство тому, как он знает, воюет ради славы и ничего так не опасается, как репутации человека вероломного.

Радуясь простодушию варвара, царь протянул ему правую руку в знак своего доверия и возвратил ему его царство.

11. Омфис дал Александру 56 слонов, также много необычайной величины скота и около 3 тысяч быков — животных, высоко ценимых в этой стране и любимых царями. 12. На вопрос Александра, кого больше в Индии, земледельцев или воинов, Омфис ответил, что ему, воюющему с двумя царями, нужно больше воинов, чем сельских жителей. 13. Двумя царями были Абисар и Пор, причем последний был могущественнее. Оба они царствовали за рекой Гидаспом, и оба решили испытать свою судьбу, кто бы ни шел на них войной. 14. С позволения Александра Омфис принял знаки царской власти и, по обычаю своего народа, имя своего отца; соотечественники назвали его Таксиллом, и это имя оставалось за всеми вступавшими на престол. 15. Омфис в течение трех дней оказывал гостеприимство Александру, а на четвертый объявил, сколько хлеба предоставил войску Гестестона; царю и его приближенным он поднес золотые венцы, а кроме того 80 талантов чеканного серебра. 16. Александр удивился и обрадовался его щедрости, но отослал обратно все, что Омфис ему поднес, прибавив тысячу талантов из добычи, которую он вез с собой, и разные персидские золотые и серебряные сосуды, очень много персидской одежды, 30 своих собственных коней со сбруей, надевавшейся на них, когда ездил сам царь. 17. Эта щедрость обязала варвара, но также задела приближенных Александра. Один из них, Мелеагр, изрядно выпив на пиру, поздравил Александра с тем, что тот все-таки нашел в Индии человека, достойного тысячи талантов. 18. Царь, не забыв, как тяжело он перенес убийство Крита за невоздержанный язык, подавил гнев, однако сказал, что завистливые люди создают большие мучения прежде всего самим себе.

ГЛАВА 13

1. На следующий день к царю явились послы Абисара. Они передали, как им было поручено, все его власти; дав им клятву, послов отпустили к их царю. 2. Александр, считая, что слава его имени может склонить Пору к сдаче, отправил Клеохара объявить Пору, что тот должен уплатить дань и встретить царя у границы своего государства. Пор ответил, что лишь одно из этих требований будет исполнено: он встретит вступающего его страну царя, но сделает это с оружием в руках. 3. Александр уже решил переправиться через Гидасп, как к нему приводят связанного Барзаента, склонившего арахосиев к бунту вместе с 30 захваченными слонами. Это была очень своевременная помощь в войне против индов, так как на этих животных возлагалось больше надежд, чем на войско. 4. Был приведен и связанный Самакс, царь незначительной части Индии, сообщник Барзаента. 5. Отдав под стражу изменника и царька и передав слонов Таксиллу, Александр прибыл к реке Гидаспу; на другом берегу этой реки засел Пор, чтобы помешать врагу при переправе. 6. 85 слонов необычайной силы Пор поставил

впереди, за ними 300 колесниц и почти 30 тысяч пехотинцев, в том числе воинов с такими тяжелыми стрелами, что, как уже сказано раньше, ими было трудно стрелять. 7. Самого Пора вез слон, который был выше остальных; оружие, украшенное золотом и серебром, делало еще более величественной и без того редкую по росту фигуру царя. Его дух соответствовал его физической силе, и он обладал мудростью, доступной грубым людям.

8. Македонцев страшил не только вид врагов, но и величина реки, которую предстояло перейти. Разлившись в ширину на 4 стадии, будучи очень глубокой и не имея нигде брода, она показалась им огромным морем. 9. Но ее течение не было медленным, как это обычно бывает у широко разлившихся вод; река неслась быстро и бурно, как будто текла в узких берегах: перекатывавшиеся волны во многих местах обнажали скрытые на дне камни. 10. А еще страшнее был вид берега, полного людей и лошадей. Там стояли чудовищные по своей величине слоны; нарочно разъяренные, они оглушали своим ужасным ревом. 11. И река и враг сразу привели македонцев в ужас, хотя их сердца, обычно полные уверенности, выдержали много испытаний. Им казалось, что на неустойчивых плотках невозможно ни переплыть реку, ни безопасно пристать к берегу. 12. Посредине реки было немало островов, на которые вплавь переправлялись, поднимая над головой оружие, как инды, так и македонцы. Там они вступали в легкие стычки, по результатам которых оба царя предугадывали исход всего дела. 13. В македонском войске отличались безрассудством и дерзкой смелостью знатные юноши Симмах и Никанор; полагаясь на свое обычное счастье, они презирали всякую опасность. 14. Под их предводительством наиболее отважные юноши, вооружившись только легкими копьями, переправились на остров, где засела масса врагов, многих индов они убили, причем главным оружием их была храбрость. 15. Они могли бы возвратиться со славой, если бы их отвага знала меру в удаче. Но они с презрением и гордостью встречали подступавших врагов, а те, подплыв незаметно, окружили их и издали забросали стрелами. 16. Тот, кто убежал от врага, был унесен течением реки или утонул в водовороте.

Это сражение вселило большую уверенность в Пору, наблюдавшего с берега за всем, что происходило. 17. Александр, не зная, что делать, прибегнул наконец к хитрости, чтобы обмануть неприятеля. На реке был большой остров, покрытый лесом и удобный для засады; там же находился очень глубокий ров недалеко от берега, где стоял сам царь. Этот ров мог скрыть не только пехотинцев, но и людей с их конями. 18. Итак, чтобы отвлечь внимание врагов от этой выгодной позиции, царь приказал Птолемею разъезжать со всеми всадниками вдали от острова и, непрерывно крича, устрашать индов, делая вид, что готовятся к переправе. 19. Птолемей делал это в продолжение

многих дней. Этой тактикой он заставил Пору направить свое войско к тому месту, куда Птолемей притворно стремился. 20. Остров уже оказался вне поля зрения врагов; Александр распорядился поставить свой шатер на противоположном берегу, поместить перед шатром обычно сопровождавшую его когорту и всячески демонстрировать неприятелю все свое царское великолепие. 21. Так как Аттал был одним с ним лет и был похож на царя лицом и фигурой, особенно если смотреть на него издали. Александр одел его в царский наряд, чтобы создать видимость того, будто сам царь находится на берегу и не помышляет о переправе. 22. Сначала помехой этому замыслу была непогода, но скоро она, напротив, стала ему благоприятствовать; ведь судьба даже все неудобства обращала царю на пользу. 23. Царь готовился переправиться со всем своим войском через реку на ту часть острова, окоторой уже шла речь, направив все внимание врага на тех, кто с Птолемеем занимал берег ниже по течению; тут разразилась буря с ливнем, от которой и под крышей было трудно укрыться. Испугавшись бури, воины стали спасаться на земле, побросав суда и плоты. Но из-за рева ветра врагу не были слышны их тревожные крики. 24. Затем дождь сразу прекратился, но тучи были так густы, что закрыли солнце, и люди с трудом различали лица друг друга. 25. Ночь, закрывавшая небо, возможно, и устрасила бы кого-нибудь другого, так как предстояло плыть по незнакомой реке и враг случайно мог занимать именно тот берег, к которому и они стремились вслепую из-за темноты, добиваясь славы даже ценой опасности. 26. Но царь считал страшную для других темноту благоприятной для себя. Дав знак всем тихо сесть на плоты, он приказал вывести вперед тот, на котором плыл сам. 27. Берег, к которому он направлялся, оказался свободным от врагов, так как Пор все еще следил только за Птолемеем. Лишь одно судно застряло, напорвшись на подводный камень, остальные проскользнули; царь приказал воинам взять оружие и идти строем.

ГЛАВА 14

1. И уже сам Александр вел свое войско, разделенное на два фланга, когда Пору сообщают, что берег занят вооруженными людьми и что наступил решительный момент. Однако сначала по человеческой слабости Пор не терял надежды и думал, что это идет к нему на помощь его военный союзник Абисар: ведь таков был их договор! 2. Но когда при свете стало видно, что это враги, он выслал против подходившего войска 100 квадриг и 4 тысячи всадников. Вождем высланных вперед войск был его брат Гэгес. Главную его силу составляли колесницы. 3. На каждой ехало шесть человек, двое со щитами, двое стрелков, поставленных по бокам, остальные — возницы, тоже не без оружия; ведь когда доходило дело до рукопашной, они бросали вожжи и металы в неприятеля множество дротиков. 4. Впр

чем, в тот день почти не воспользовались их помощью. Как сказано, дождь сильнее, чем когда-либо, размыл поля и сделал их скользкими и недоступными для конницы; тяжелые и малоподвижные колесницы Пора завязали в грязи и рывинах. 5. Напротив, Александр с подвижным и легким войском атаковал быстро. Скифы и дахи первыми набросились на индов, затем царь выслал Пердикку с всадниками против вражеского правого фланга. 6. Когда завязался общий бой, те, кто правил колесницами, считая, что нужна их помощь, стали бросать вожжи и кидаться в бой. 7. Но это было опасно в равной мере для обеих сторон: македонских пехотинцев сбивали с ног при первом столкновении, а у врага колесницы застревали на скользких и непроезжих местах, и возницы соскальзывали с них. 8. Испуганные кони опрокидывали некоторые колесницы не только в рывины, но и в реку. 9. Немногие, спасшись от вражеских стрел, добежали до Пора, который упорно продолжал бой.

Увидев, что колесницы без возниц беспорядочно носятся по всей линии фронта, Пор разделяет слонов между окружавшими его друзьями. 10. За ними он поместил пехоту и стрелков, которые обычно били в барабаны, что у индов заменяло трубный звук. Барабанный бой не пугал слонов: их уши уже давно привыкли к такого рода звукам. 11. Перед пехотой несли изображение Геркулеса: это очень ободряло сражающихся. Бросить его считалось позором для всех воинов. 12. К смертной казни приговаривали тех, кто не вынесет кумира из сражения: страх, который им внушил этот раньше враждебный бог, перешел в смелость и почитание. Македонцы остановились при виде животных и самого царя. 13. Слоны, стоявшие среди воинов, издали были похожи на башни. Пор был выше обычных людей, но особенно высоким он казался благодаря слону, на котором ехал и который был настолько же крупнее остальных, насколько царь был выше прочих индов.

14. Поэтому Александр, рассмотрев и царя, и индское войско, сказал: «Наконец-то я вижу достойную меня опасность. Предстоит иметь дело со зверями и необыкновенными людьми». 15. И, обратившись к Кею, продолжал: «Когда я нападу вместе с Птолемеем, Пердиккой и Гефестионом на левый фланг врагов, ты увидишь меня в самой середине сражения, ты сам двигайся на правый фланг и приведи его в смятение. Ты, Антиген, ты, Леоннат, с Тавроном нападите на центр войска и отбросите его с линии фронта. 16. Наши колья достаточно длинные и крепки, ими как раз можно воспользоваться против слонов и всадников; сбрасывайте едущих на слонах, а самих зверей колите. Такого рода защита, как слоны, опасна: ведь они бывают еще более озлоблены против своих. На врага они нападают по приказу, а на своих от страха». 17. Сказав это, царь первым погнался вперед. И он, как было условлено, уже напал на вражеские ряды, когда Кен с громадной силой обрушился на

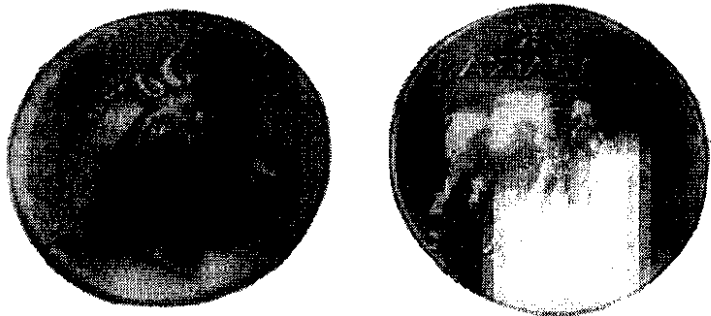
левое крыло. 18. Фаланга в едином порыве прорвала среднюю часть войска индов.

А Пор приказал гнать слонов туда, где, как он заметил, веда наступление конница; но малоподвижных животных нельзя сравнить с быстрыми конями. 19. Варвары не могли пользоваться даже и стрелами, так как они слишком длинные и тяжелые; пока не поставишь лук на землю, нельзя правильно вложить стрелу. Этому мешала и земля, которая тогда была скользкой. Поэтому враги быстро опережали пытавшихся стрелять индов. 20. Итак, инды уже не слушались царских приказов — так обычно бывает, когда испуганными людьми начинает управлять более страх, чем вождь, — и военачальников было столько, сколько разбрелось отдельных отрядов. 21. Один приказывал войскам сомкнуть строй, другой — разделиться, одни велели стоять на месте, а иные — обходить врагов с тыла. Ни одно решение не встречало всеобщего согласия. 22. А Пор с немногими людьми, у которых чувство чести было сильнее страха, продолжал собирать разбежавшихся и шел навстречу врагу; слонов он приказал вести впереди своего войска. 23. Звери внушали большой страх, необычный шум от них устрасал не только пугливых лошадей, но и людей и вносил смятение в ряды войска.

24. Македонцы, эти недавние победители, уже озирались кругом, нища, куда бы бежать, когда Александр выслал против слонов легковооруженных агриан и фракийцев, которые были сильнее в перестрелке, чем в рукопашном бою. 25. Они пустили в слонов и в их погонщиков массу стрел; фаланга же стала неотступно напирать на испугавшихся врагов. 26. Но некоторые слишком безрассудно нанося раны зверям, вызвали их ярость и были ими затоптаны; для остальных это было предупреждением, что действовать нужно осторожнее. 27. Особенно страшно было смотреть, когда слоны хоботами хватали вооруженных людей и через голову подавали их своим погонщикам. 28. Итак битва была безрезультатной: македонцы то преследовали слонов, то бежали от них; и до позднего времени продолжался такой переменный успех, пока не стали подрубать слонам ноги предназначенными для этого топорами. 29. Слегка изогнутые мечи, похожие на серпы, назывались копидами, ими рубили хоботы слонов. Не только страх смерти, но и боязнь столь необычных предсмертных мучений заставляли людей использовать все средства.

30. И вот слоны наконец обессилев от ран, в своем бегстве валили своих же, погонщики, упавшие на землю, были ими раздавлены. 31. Итак, инды бросали поле боя в страхе перед слонами, которых больше не могли укротить. Тогда Пор, покинутый многими, сидя на слоне, стал сам пускать в окружавших его неприятелей заранее припасенные стрелы. Он издали ранил, но и сам был мишенью для выстрелов со всех сторон. 32. Уже 9 раз его ранили в спину и грудь, он потерял много

крови и слабеющими руками скорее ронял стрелы, чем пускал их во врагов. 33. Его взбешенный, но еще не раненый слон не переставая бросался на вражеские ряды, пока погонщик не увидел, что царь совсем слаб, выпустил из рук оружие и почти потерял сознание. 34. Тогда он заставил слона бежать от преследовавшего его Александра; но конь царя, много раз раненый,

Монета Селевка Никатора с изображением Букефала

степенно ослабев, пал, причем как бы спустил, а не сбросил себя царя. 35. Меняя коня, царь отстал от Пора. Между тем ит царя индов Таксила, посланный Александром вперед, стал советовать Пору не доходить в своем упорстве до крайности и уступить победителю. 36. Хотя силы у Пора были исчерпаны и он потерял много крови, он все же отозвался на знакомый голос и сказал: «Я узнаю брата Таксила, предателя своего родного царства», — и пустил в него случайно сохранившуюся стрелу, которая пронзила его грудь навылет. 37. Совершив этот последний подвиг, он помчался быстрее, но слон, много раз раненый стрелами, тоже стал ослабевать. Поэтому Пор прекратил бегство и направил пехоту против преследовавшего врага. Александр уже догнал Пора и, увидя его упорство, запретил шадить сопротивляющихся. Итак, со всех сторон полетели стрелы в пехотинцев и в самого Пора, который, ослабев, стал наконец падать со слона. 39. Инд, управляющий слоном, подумал, что царь хочет спуститься на землю, и обычным приемом заставил животное стать на колени; как только слон опустился, и другие слоны — как их к этому приучили — опустились на землю. 40. Это обстоятельство передало Пора и остальных индов в руки победителей.

Царь, полагая, что Пор умер, приказывает снять с него доспехи. Те, кто получил приказание стащить панцирь и одежду, уже приблизились к Пору, как вдруг зверь начал защищать своего господина и нападать на тех, кто пытался снять доспехи; он поднял его тело и стал сажать себе на спину. Со всех сторон в слона полетели дротики; когда его прикончили, тело Пора

положили на колесницу. 41. Царь, увидев, что Пор открывает глаза, сказал без ненависти, но с состраданием: «Какое безумие побудило тебя, злополучный, испытывать свою судьбу на войне, раз ты знал славу моих деяний, раз судьба Таксила была непосредственным примером моей милости к покорным?» 42. А тот ответил: «Поскольку ты спрашиваешь, я отвечу так же свободно, как ты задал вопрос. Я считал, что нет никого сильнее меня: ведь я знал свои силы, а твоих еще не испытал; исход войны доказал, что ты сильнее меня. Но тем не менее я счастлив, что оказываюсь вторым после тебя». 43. В свою очередь Александр спросил, что, по мнению самого Пора, следует делать победителю. Пор ответил: «То, что подсказывает тебе тот день, в который ты испытал непрочность счастья». 44. Этим предостережением Пор достиг большего, чем если бы стал умолять: неустрашимое величие его духа, не сломленное даже судьбой, показалось Александру достойным не только сострадания, но и почести. 45. Он заботился о больном так, как будто тот сражался за него; когда Пор окреп, Александр, вопреки всеобщему ожиданию, принял его в число своих приближенных и вскоре одарил его большим владением, чем тот имел раньше. 46. В самом деле, царь ни в чем не был так тверд и постоянен, как в восхищении истинным подвигом и славой; но прямодушнее он судил все же о славе врагов, чем о славе своих сограждан, так как полагал, что свои могут подорвать его величие и что оно будет тем блистательнее, чем значительнее окажутся побежденные враги.

КНИГА IX

ГЛАВА I

1. Александр, радуясь такой выдающейся победе, которая как он надеялся, открыла перед ним восточные пределы, принес жертву Солнцу. Собрав воинов на сходку, он хвалит их и убеждает довести с бодрым духом войну до конца: все, мол, силы, какие были у индов, разбиты в последнем бою; 2. все остальное составит обильную добычу, а в стране, куда они идут, находятся прославленные богатства. Ничтожной и скудной покажется добыча, взятая у персов: драгоценными камнями и жемчугом, золотом и слоновой костью они наполнят не только свой дом, но всю Македонию и Грецию. 3. Жадные до денег и славы солдаты обещают усердие, так как никогда обещания царя их не обманывали. Обнадежив и отпустив их, он приказывает строить корабли, чтобы, пройдя всю Азию, поплыть по морю к пределу всех земель. 4. В ближайших горах было много корабельного леса; начав рубить его, воины обнаружили змей необычайной величины. 5. Были в этих горах также и носороги — редкие в других местах животные. Впрочем, это названи

иано им греками; не знающие этого языка называют их на своем языке по-другому. 6. Царь, заложив 2 города на обоих берегах перейденной им реки, одаряет вождей своих войск каждого венком и тысячу золотых монет; остальным тоже был воздан почет соответственно выполненному ими делу или месту, занимаемому в дружбе. 7. Абисар, направивший к Александру послов еще до сражения царя с Пором, теперь присылает к нему других с обещанием исполнить все, что царь прикажет, но не может явиться лично; ведь он не сможет жить, лишившись царской власти, и не сможет править, находясь в плену. 8. Александр велел Абисару сказать, что, если тот тяготится прийти к нему, он сам доберется до него.

9. Отсюда после победы над Пором он двинулся во внутренние области Индии. На неизмеримое пространство простерлись там леса с огромными и тенистыми деревьями большой высоты. 10. У многих ветви наподобие толстых стволов пригибаются к земле, потом снова выпрямляются, так что походят не на нагнутые ветви, а на деревья, будто бы растущие от своих корней. 11. Климат и воздух там приятны, потому что тень смягчает жар солнца и воды обильно текут из источников. 12. Здесь также было много змей с кожей, отливающей золотом; яд их сильнее всякого другого, смерть наступала сейчас же после укуса, пока жители не указали лекарства. 13. Отсюда по безлюдным местам Александр дошел до реки Гиарты; у самой реки была тенистая роща из неизвестных в других местах деревьев и с большим количеством диких павлинов. 14. Двинувшись дальше, он захватил расположенный неподалеку город, окружив его осадой; приняв заложников, он наложил на него дань.

Затем он подошел к большому для той страны городу, защищенному не только стенами, но и болотом. 15. Впрочем, против него вышли варвары, чтобы дать бой на связанных между собой повозках: оружием служили одним копья, другим топоры. Если они хотели помочь кому-нибудь из своих, они легко перепрыгивали с одной повозки на другую. 16. Сначала необычные условия сражения испугали македонцев, так как раины им наносились издалека; потом, пренебрегая непрочным заслоном врага, они обступили повозки с обеих сторон и стали избивать измучившихся. 17. Кроме того, Александр приказал перерезать связи отдельных повозок, чтобы их легче было окружать по отдаленности. Варвары, потеряв 8 тысяч своих, бежали в город.

На следующий день, подставив отовсюду лестницы, македонцы захватили стены. Лишь немногие спаслись в поспешном беге; узнав о падении города, они переплыли через болото и принесли по соседним городам страшную весть, что наступает победимое войско, вероятно, самих богов.

19. Отправив для опустошения этой области Пердикку с подвижным отрядом, часть войска царь передал Евмену, чтобы тот также принуждал варваров к покорности, сам Александр повел остальных воинов к укрепленному городу, куда сбежа-

лись жители других городов. 20. Горожане хотя и отправили послов умиловить царя, однако готовились к войне; но среди них возникло разногласие, приведшее к разделению народа: одни считали любые условия лучше сдачи на милость, другие полагали, что не имеют средств для сопротивления. 21. И так как они не могли принять общего решения, стоявшие за сдачу открыли ворота и впустили врага. 22. Александр хотя и мог гневаться на сторонников сопротивления, дал всем прощение, принял заложников и передвинул лагерь к ближайшему городу. 23. Заложников вели впереди строя. Когда их признали со стен города за людей своего племени, вступили с ними в переговоры. Они, рассказав о милости царя, а также и о его силе, склонили этих горожан тоже к сдаче. Подобным образом царь принял на милость и остальные города.

24. Отсюда пришли в царство Софита. Племя его, по мнению варваров, выдается своей мудростью и руководится хорошими обычаями. 25. Рождающихся у них детей признают и воспитывают по воле не родителей, а тех людей, которым поручена забота о воспитании. Если они обнаруживают какой-либо телесный недостаток у ребенка, они приказывают его убить. 26. В брак вступают у них не по связям рода или знатности, но выбирают себе супругов по физическим достоинствам, потому что это же они ценят и в детях. 27. Город этого племени, куда Александр подвел свои войска, занимал сам Софит. Ворота были заперты, и ни на стенах, ни на башнях не было видно вооруженных людей, так что македонцы недоумевали: то ли жители покинули город, то ли попрятались в засаде. 28. Вдруг ворота растворились, и из них выехал с двумя взрослыми сыновьями царь индов, резко выдающийся среди всех варваров своим видом. 29. Одежда его была расшита золотом и пурпуром и покрывала даже голени, золотую обувь он украсил драгоценными камнями; руки и предплечья были украшены жемчугом. 30. С ушей свисали сверкающие крупные камни; золотой жезл украшен был бериллами. Передав его царю, он просил его как спасителя принять жезл. Себя самого, своих детей и все племя он сдал на его милость.

31. Знамениты в этой области охотничьи собаки: говорят они сдерживают лай, когда завидят зверя, особенно они ненавидят львов. 32. Чтобы показать Александру их силу, Софит велел выпустить в загоне огромного льва и натравить на него всего четырех собак, которые быстро схватили зверя. Тогда один из привычных к этому делу слуг начал крутить ногу одной из этих собак, вместе с другими вцепившейся зубами во льва и так как она не отпускала, начал резать ногу мечом. 33. Не сломив ее упорства даже таким способом, он принялся отрезать другую часть тела собаки; но она не ослабила своей хватки и он продолжал ее рубить. Даже при последнем издыхании собака не оторвала зубов от дикого зверя; такова от утробы этих животных страсть к охоте, как рассказывают.

34. Я пишу больше того, чему сам верю, но не могу утверждать того, в чем сомневаюсь, и не хочу пропустить что-нибудь из слышанного. 35. Оставив Софита в его царстве, Александр продвинулся к реке Гифасису, где соединился с Гестеионом, покорявшим другую область. 36. Царем ближайшего племени был Фегей; он приказал своим соплеменникам заниматься, как обычно, земледелием, а сам вышел навстречу Александру с дарами, не отказываясь выполнить любое его приказание.

ГЛАВА 2

1. Царь оставался у него два дня, на третий день он решил перейти через реку: переход был труден не только из-за ее полноводности, но также из-за камней. 2. Получив от Фегея необходимые сведения, он узнал, что по ту сторону реки путь на 11 дней лежит в пустынных местах, потом подходит к Гангу, величайшей из рек всей Индии; 3. Что противоположный берег его населяют гангариды и прасии, а их царь Аграмм занял дороги с 20 тысячами всадников и 200 тысячами пехотинцев. 4. Кроме того, он везет за собой две тысячи квадриг и — самое ужасное — слонов, которых у него, говорят, до 3 тысяч. 5. Все это показалось царю невероятным; поэтому он обратился к Пору (тот был при нем) с вопросом, верно ли то, что ему говорят. 6. Тот подтвердил, что силы этого племени и государства показаны правдиво; впрочем, его правитель не только не знатного, но даже низкого происхождения; отец его был цирюльником, едва зарабатывавшим за день на пропитание, но из-за недурной своей наружности он полюбился царице. 7. Ею он был приближен к правившему тогда царю; коварно убив его, он захватил царскую власть под видом опеки над его детьми; уморив детей царя, он породил того, кто теперь там царствует; он ненавистен и презираем в народе и больше соответствует происхождению своего отца, чем своему царскому сану.

8. Сообщения Пора вселили в душу царя различные заботы. Вraga и его зверей он презирал, но боялся условий природы и силы рек. 9. Ему казалось, что людям, заброшенным почти на край человеческого обитания, найти и преодолеть грань мира нелегко. С другой стороны, из жажды славы и ненасытной страсти к подвигам он ничего не считал для себя ни недоступным, ни слишком отдаленным. 10. Иногда он, правда, сомневался, захотят ли его македонцы, прошедшие столько земель, состарившиеся в боях и лагерной жизни, следовать за ним через реки, преодолевать трудности природы, не предпочтут ли они пользоваться добычей, которой они уже отягощены, а не утомлять себя в погоне за новой. 11. У него и его воинов не одинаковые стремления. Он лелеет в душе завоевание всего мира и находится только у начала своего дела, войны же, утомленные

трудностями похода, ожидают любой, лишь бы быстрой, пользы после того, как опасность миновала.

12. Но страсть взяла верх над разумом: созвав воинов на сходку, он обратился к ним со следующими словами: «Я хорошо знаю, о воины, что за последние дни жители Индии умышленно порассказали вам такого, что может вас утратить, но не непредвиденной является для нас эта пустая ложь. 13. Точно так же наводили на нас персы страх ущельями Киликии, пространствами Месопотамии, Тигром и Евфратом; но первую из этих рек мы перешли вброд, а вторую по мосту. 14. Никогда молва не бывает вполне справедлива, все передаваемое ею бывает преувеличено. Также и молва о нашей славе хотя возникла на прочном основании, все же превышает подлинное дело. 15. Кто недавно мог думать, что вынесет бой со зверями, по виду напоминающими крепостные стены, переход через Гидас и все другое, более страшное на словах, чем на деле? Если бы нас могли пугать басни, мы давно уж убежали бы из Азии. 16. Неужели вы верите, что у них больше стада слонов, чем обычно бывает быков, в то время как звери эти редкие, ловить их трудно и еще труднее укрощать? 17. Такая же ложь в исчислении пехоты и конницы. А реки чем шире, тем течение их спокойнее, зажатые в узких берегах и тесном русле, они несут бурлящие воды, а в просторном русле, напротив, текут слабее. 18. Кроме того, главная опасность бывает на берегу, где враг ожидает подплывающие корабли. Итак, какая бы нам ни попала река, все та же будет опасность при высадке на землю.

19. Но вообразим, что все это верно; так чего же вы больше боитесь: множества зверей или врагов? Что касается слонов, то у нас свежий пример: они сильнее давили своих, чем нас, и их огромные тела были иссечены секирами и серпами. 20. Не все ли равно, будет ли их столько, сколько было у Пора, или 3 тысячи, раз мы видели, что после ранения одного или двух остальные обращаются в бегство? 21. Затем, даже немногими управлять неудобно, если же собрать их несколько тысяч, то они толпятся и дают друг друга, не могут ни стоять спокойно, ни бежать из-за своих неуклюжих и огромных тел. Я сам настолько пренебрегаю этими животными, что, если бы их имел, не выставлял бы в строю, хорошо зная, что они угрожают больше своим, чем врагам. 22. Так, значит, вас смущает множество всадников и пехоты? Вы, верно, привыкли сражаться лишь с малочисленным врагом и теперь впервые столкнетесь с беспорядочной толпой! 23. Но ведь свидетелями непобедимой силы македонцев против полчищ врага являются река Граник и Киликия, залитая кровью персов, и Арбелы, поля которых устланы костями сраженных нами варваров. 24. Поздно вы начали считать легионы врагов, после того как своими победами создали безлюдье в Азии. О нашей малочисленности надо было думать тогда, когда мы переплывали через Геллеспонт: теперь за

нами следуют скифы, помощь нам оказывают бактрийцы, среди нас сражаются дахи и согдийцы.

25. Но я полагаюсь не на их толпы. Я считаюсь с вашими отрядами, полагаюсь, начиная новый подход, на ваше мужество. До тех пор, пока я буду стоять в строю с вами, я не буду считать ни своих, ни вражеских полков: только обладайте духом, полным бодрости и доверия. 26. Мы стоим не на пороге наших дел и трудов, мы уже у их окончания. Мы подойдем скоро к восходу солнца и океану. Только не поддаваться малодушию! Оттуда, завоевав край света, мы вернемся на родину победителями. Не поступайте, как ленивые земледельцы, по нерадивости выпускающие из рук зрелые плоды. 27. Награды важнее опасностей; эта страна богата и не воннственна. Итак, я вас веду не столько добывать славу, сколько за добычей. Вы служили, чтобы отвезти на родину богатства, которые море приносит на берега Индии, вы заслужили, чтобы ничего не оставить не испытанным, ничего не упустить из-за страха. 28. Во имя вашей славы, превысившей предел человеческий, во имя наших взаимных заслуг друг перед другом, в силу которых мы сражаемся, не зная поражений, я вас призываю не покидать своего питомца и соратника, достигшего предела человеческих возможностей, и к тому же уже царя. 29. Все другое я с вас требовал, за это буду вам обязан. Я вас об этом прошу, потому что никогда раньше я от вас не требовал такого, в чем не шел бы первым против опасностей, часто прикрывая ваш строй своим щитом. Не вырывайте из моих рук пальмовой ветви, которая, если не воспрепятствует зависть, приравняет меня к Геркулесу и Отцу Либеру. 30. Уступите моим просьбам и прервите, наконец, упорное молчание. Где ваши обычные клики, признак бодрости духа? Где привычные для меня лица македонцев? Я не узнаю вас, воины мои; кажется, не узнаете и вы меня! Я взываю к глухим, пытаюсь тронуть непреклонные и чуждые мне души!»

31. И так как воины упорно молчали, глядя в землю, он продолжал: «Не знаю, чем я нечаянно вас обидел, что вы не хотите даже смотреть на меня. Мне кажется, я в одиночестве. Никто мне не отвечает, но никто и не отказывает. 32. К кому я обращаюсь? Чего требую? Хочу спасти вашу славу и величие. Где те, чье мужество я видел совсем недавно, кто торопился подхватить тело своего раненого царя? Я вами брошен, обманут, выдан врагам. 33. Но я пойду дальше один. Предоставьте меня рекам и зверям и тем племенам, имена которых вас ужасают. Я найду, кто пойдет со мной, которого вы бросили, — со мной будут скифы и бактрийцы, недавние враги, теперь наши воины. 34. Полководцу лучше умереть, чем превратиться в просителя. Возвращайтесь домой! Идите, торжествуйте, покинув своего царя! Я найду здесь место для победы, в которую вы не верите, или для почетной смерти!»

1. Даже и теперь никто из воинов не мог издать ни единого звука. Они ждали, чтобы вожди и старшины объяснили царю, что они изнурены от ран и непрерывных тягот похода, не отказываются от службы, только не могут больше ее выносить. 2. Они стояли скованные страхом, опустив глаза в землю. Сначала среди них сам собой возник какой-то шум, потом стали раздаваться стоны, затем страдание их приобрело более непосредственное выражение, потекли слезы, так что у царя гнев перешел в сострадание и сам он хоть и старался, не мог удержаться от слез. 3. Когда наконец все на сходке безудержно стали плакать и были в нерешительности, один Кен осмелился подойти ближе к трибуне и дал знак, что хочет говорить. 4. Когда воины увидели, как он снимает с головы шлем (был обычай именно так говорить с царем), они просили его выступить от имени всего войска.

5. Тогда Кен начал так: «Да не допустят боги в наши души нечестивых мыслей! И конечно, не допустят. У твоих воинов такой же дух, как всегда, они готовы идти, куда ты прикажешь, сражаться, рисковать, кровью своєю закреплять имя твое в потомстве. Поэтому, если ты настаиваешь, мы, безоружные, голые, обескровленные, пойдем за тобой или перед тобой, куда только ты захочешь. 6. Но если ты хочешь выслушать непритворные слова твоих воинов, вырвавшиеся у них при крайних обстоятельствах, то окажи, прошу тебя, благосклонное внимание тем, кто с твердостью всегда следовал и будет следовать за тобой, куда бы ты ни пошел. 7. Ты покоришь, о царь, величием подвигов не только врагов, но и своих воинов. Мы выполнили все, что могли взять на себя смертные. Нам, измерившим моря и земли, все известно лучше, чем местным жителям. Мы стоим почти на краю света. 8. Ты же хочешь идти в другой мир и проникнуть в Индию, неведомую самим индам, хочешь поднять с укромого ложа людей, живущих среди зверей и змей, и своей победой осветить больше земель, чем освещает солнце. 9. Этот замысел достоин твоего гения, но он не по нашим силам. Твоя доблесть все будет возрастать, а наши силы уж на исходе. 10. Посмотри на наши обескровленные тела, пробитые множеством ран с гниющими рубцами на них. Оружие наше притупилось, не хватает средств защиты. Мы надели персидские одежды, потому что нельзя подвезти наших; мы уподобились чужеземцам-варварам. 11. У многих ли есть панцири? У кого остались коии? Прикажи выяснить, многих ли из нас сопровождают рабы, что у кого осталось от добычи. Всех победившие, мы во всем нуждаемся. И мы страдаем не от излишества: оружие войны мы израсходовали на войну же. 12. И такое прекраснейшее войско ты хочешь голым бросить против зверей. Пусть варвары верно преувеличивают их число, из самой их лжи я заключаю, что их много. 13. Если несомненно, что мы до сих пор двигались

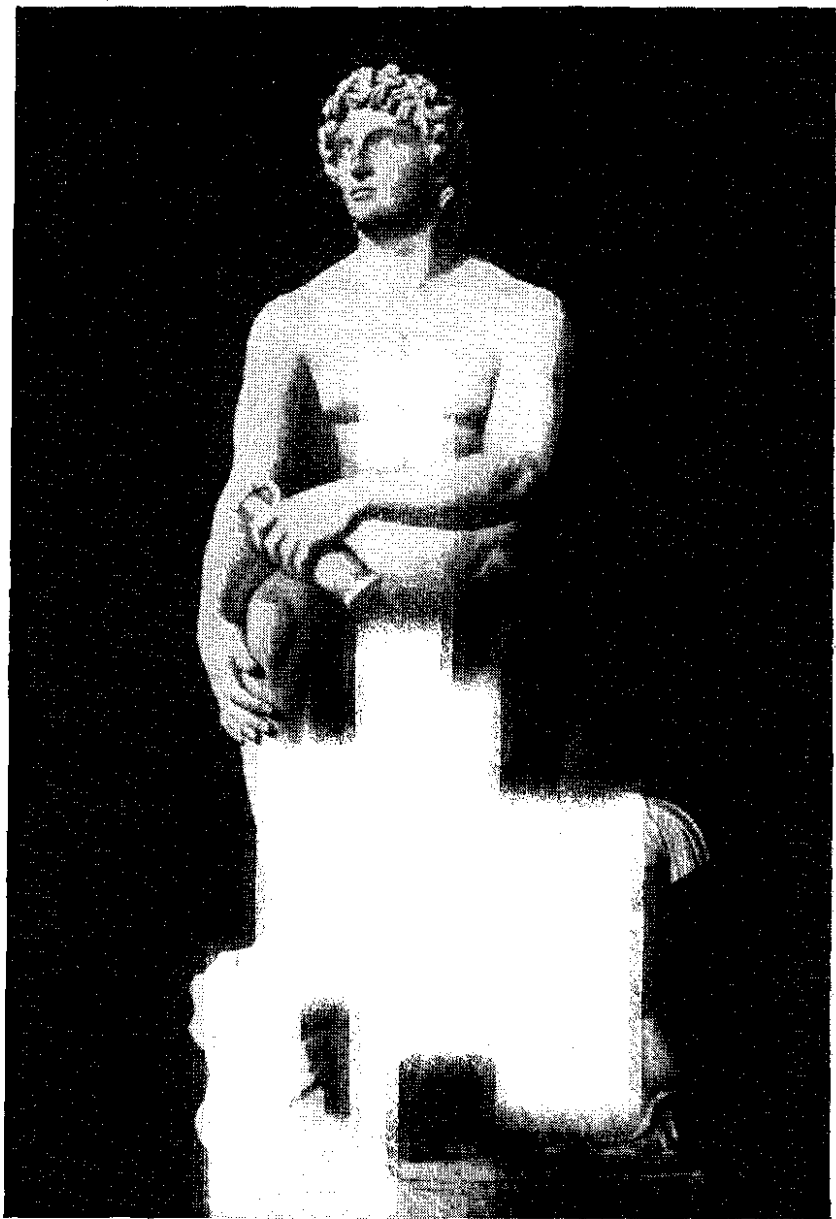
в Индию, то страна на юге менее обширна; покорив ее, мы можем подойти к морю, которое сама природа сделала пределом человеческих устремлений. 14. Зачем идти к славе в обход, когда она у тебя под руками? Здесь тоже на нашем пути океан. Если ты не предпочитаешь блуждать, мы дойдем, куда ведет тебя твоя судьба. 15. Об этом я предпочел говорить с тобой,

Дионис, отдыхающий во время похода в Индию

а не с воинами без тебя и не для того, чтобы заслужить благодарность окружающего войска, а чтобы ты услышал лучше отчетливый людской голос, а не стоны и бормотание».

16. Когда Кен закончил свою речь, отовсюду поднялся стон и плач; в один голос называли Александра царем, отцом, господином. 17. Потом о том же стали просить другие вожди, преимущественно пожилые, которых по возрасту легче было простить и авторитет которых был выше. 18. Царь не мог ни порицать упорствующих, ни смягчить разгневанных. Итак, растерявшись, он сошел с трибуны и заперся в своем шатре, приказав никому не входить, кроме обычных советников. 19. 2 дня царь предавался гневу; на 3-й он вышел и приказал воздвигнуть 12 жертвенников из обтесанного камня как памятник своего похода; приказал также расширить укрепления лагеря и сделать спальные места, больше обычного размера тела, чтобы создать грандиозное сооружение; чудесный, но неправдивый памятник для

Отдыхающий Александр

потомства. 20. Отсюда вернувшись на прежний путь, он расположился лагерем у реки Акеснна. Тут внезапно заболел и умер Кен. Царь оплакал его, однако сказал при этом, что несколько дней назад Кен произнес длинную речь так, будто один только рассчитывал вернуться в Македонию. 21. На воде уже стоял флот, который он ранее приказал построить. За это время Мемнон доставил ему подкрепление из Фракии 5 тысяч всадников и, кроме того, 7 тысяч пехотинцев от Гарпала и еще 25 тысяч шлемов и щитов с чеканкой из золота и серебра; раздав их воинам, царь приказал сжечь прежние. 22. Царей Индии Пора и Таксила, бывших в застарелой вражде, он оставил в их царствах, приведя к согласию при помощи брачного союза, а сам воспользовался усердной помощью того и другого при постройке флота, намереваясь с тысячью кораблей дойти до Океана. 23. Он основал также 2 города, один из которых назвал Никеей, а другой — Букефалом, посвятив его имени и памяти павшего своего коня. 24. Приказав затем слонам и обозу следовать за собой по берегу, он стал спускаться по реке, делая в день около 40 стадиев пути с расчетом высаживать войско на удобных местах.

ГЛАВА 4

1. Затем вступили в страну, где Гидасп сливается с рекой Акесином. Отсюда он течет в пределы сибов. 2. Они считают своими предками спутников Геркулеса, отставших по болезни ишедших место жительства, которое они теперь занимают. Шкуры зверей служили им одеждой, дубины — оружием; да после того, как греческие обычаи вышли из обыкновения, много от них сохранилось пережитков. 4. Сделав там высадку, Александр прошел на расстояние 250 стадиев и, опустошив страну блокадой, взял центральный ее город. 5. Племя выставило на берегу рек 40 тысяч пехоты; перейдя реку, царь обратил их в бегство и покорил, хотя те заперлись за стенами. Взрослые были перебиты, остальные проданы в рабство. 6. Затем он начал осаждать другой город, но был отбит большой силой защитников и потерял много македонцев. Но так как он орно не снимал осады, горожане, отчаявшись в спасении, поджили свои дома и сожгли самих себя с женами и детьми. И поскольку сами раздували пожар, а неприятель его тушил, учился новый вид войны: жители разрушали город, враги траввали. Настолько война может извратить законы природы. 8. В городе находилась нетронутая крепость, в которой царь авил гарнизон; сам он объехал крепость на корабле, ибо три и, величайшие в Индии после Ганга, своими волнами защиот эту крепость. С севера ее омывает Инд, с юга сливаются Акесин и Гидасп. 9. В месте слияния рек поднимаются ны, подобные морским. Вследствие обильного ила, поднятосо dna столкновением волн, путь, по которому могут плытьабли, ограничивается узким руслом. 10. Поэтому, когда вол-

ны, сталкиваясь между собой, начали ударять корабли то с носа, то с бортов, моряки стали свертывать паруса. Но работе их мешал страх и быстрое течение рек. 11. На глазах у всех потонули два крупнейших корабля; более легкие, хотя ими невозможно было управлять, все же невредимыми были выброшены на берег. Сам царь попал в сильную быстрину, накренившую корабль так, что он уже не слушался руля. 12. Царь снял с себя одежду, готовясь броситься в воду, друзья его уже плыли поблизости, чтобы подхватить его; опасность казалась одинаковой, поплывет ли он в воде или останется на корабле. 13. Итак, гребцы с огромным усилием налегли на весла, напрягли всю доступную человеку силу, чтобы выбраться из волн, захлестывающих друг друга. 14. Можно было подумать, что волны расщепляются и пучина отступает. Подхваченный ими корабль был наконец прибит, но не к берегу, а к ближайшей отмели. Это была настоящая война с потоком. Итак, царь воздвиг алтари по числу рек и, принеся жертву, продвинулся дальше на 30 стадиев.

15. Оттуда пришли в область оксидраков и маллов, обычно враждующих друг с другом; теперь общая опасность их объединила.

Под оружием у них было 90 тысяч молодых пехотинцев, кроме того, 10 тысяч конницы и 900 квадриг. 16. Македонцы же, полагая, что они уже преодолели все опасности, теперь, когда узнали, что им предстоит новая война с самыми свирепыми племенами Индии, испуганные этой неожиданной опасностью снова стали донимать царя мятежными речами. 17. Отказавшись от переправы через Ганг и следующие за ним реки, он, мол, не закончил войну, а только изменил ее. Они брошены против неукротимых племен, чтобы своей кровью открыть ему путь океану. 18. Их ведь ведут за пределы звезд и солнца, заставляют проникать в места, самой природой скрытые от глаз человеческих. Появляются все новые враги с новым оружием. Если они их даже рассеют, какая их ожидает награда? — мрак, туман, вечная ночь, спустившаяся на бездонное море, полное чудовищ, неподвижные воды, в которых природа не в силах подерживать жизнь. 19. Царь, обеспокоенный не столько своей заботой, как волнением воинов, созвав их на сходку, убеждает, что враги, которых они боятся, невоинственны. Кроме этих племен ведь нет больше ничего, что могло бы помешать им, преодолевшим столько стран, достигнуть предела земли и своих странствий. 20. Из-за их страха он отказался от Ганга и многих племен, живущих за ним; он повернул свой путь туда, где можно добиться такой же славы и где меньше опасностей. 21. Он уже видит издали океан, уже чувствуется дыхание моря. Пусть они не лишают его той славы, к которой он стремится. Если он переступит границы Геркулеса и Отца Либера, то небольшим усилием принесут своему царю бессмертную славу. Пусть они позволят ему уйти из Индии, а не бежать.

22. Вся толпа, особенно воины, были охвачены сильным воодушевлением. 23. Ведь легче возбудить порыв, чем подавить его. Никогда прежде не слышалось таких бодрых криков в войске, призывавшем царя вести его с благословения богов и сравняться славой с теми, кому он подражает. Обрадовавшись таким кликам воинов, царь тут же двинул свое войско против врагов. 24. Это были сильнейшие племена Индии, приготовившиеся к упорной войне. Они выбрали себе вождя выдающейся доблести из племени оксидраков. Он расположил свой лагерь у подножия горы и на широком пространстве разбросал огни, чтобы создать впечатление множества людей. Варвары непрерывным криком и своим особым гиканьем не давали македонцам спать, тщетно пытаясь их запугать. 25. Уже приближался рассвет, когда царь, полный уверенности и надежд, приказывает своим бодро настроенным воинам вооружиться и стать в строй. Но тут, точно не передают, не то из страха, не то в каком-то замешательстве варвары сразу обратились в бегство и заняли недоступные места в горах. Царь тщетно пытался их преследовать, но захватил их обоз.

26. После этого царь подошел к городу оксидраков, в который многие укрылись, надеясь, впрочем, больше на свое оружие, чем на его стены. 27. Царь уже готовил штурм, когда прорицатель стал его убеждать не делать этого и во всяком случае отложить осаду, ибо жизни его угрожает опасность. 28. Царь, глядя на Демофонта (так звали прорицателя), сказал: «Если кто-нибудь так прервет тебя, занятого своим искусством, изучающего внутренности жертвы, я уверен, это может показаться тебе неприятным и тягостным». 29. И так как тот настаивал, что предвидит истину, царь сказал ему: «Как ты думаешь, может ли кто-нибудь еще больше помешать человеку, занятому великими заботами, а не рассмотрением внутренностей, чем суеверный жрец?» 30. Немедленно после этих слов он приказывает придвинуть лестницы к стенам и, пока другие мешкают, сам поднимается на стену. Охват стен был невелик, и зубцы не расширяли его, как в других случаях: но вокруг них броня заграждала доступ. 31. Таким образом, царь не твердо стал, а лишь зацепился за край стены, отражая своим щитом стрелы со всех сторон, летевшие в него издали с башен. 32. И воины не могли подойти к нему, ибо на них обрушивалось сверху множество стрел. Наконец чувство стыда преодолело силу опасности, и солдаты поняли, что их промедление предают царя врагу. 33. Но их торопливость еще больше задерживала подачу помощи: так как каждый старался подняться скорее, они перегружали лестницы; их не хватало, и солдаты, скатываясь с них, отнимали у царя последнюю надежду. Царь стоял на виду всего войска и все же был как бы всеми покинут.

1. Левая рука его, отражавшая щитом удары, уже утомилась, друзья кричали ему, чтобы он прыгал к ним вниз, и готовы были принять его, когда он решился на невероятное и неслыханное дело, больше способное создать славу безрассудства, чем доблести. 2. Именно он прыгнул со стены в город, полный врагов, хотя едва мог надеяться, что будет убит в сражении и отомщен: ведь он мог быть захвачен живым, не успев даже подняться. 3. Но он так удачно прыгнул, что сразу стал на ноги и тотчас же вступил в бой, а чтобы его нельзя было окружить, об этом позаботилась сама судьба. 4. Недалеко от стены, как бы нарочно, стояло старое дерево, раскидистые ветви которого, покрытые густой листвой, прикрыли царя; он прислонился спиной к толстому его стволу так, что его нельзя было обойти, и стрелы, пущенные против него, принимал на щит. 5. И хотя столько рук поднято было издали против одного, никто не осмеливался подойти ближе, а стрелы больше попадали в ветви дерева, чем в его щит. 6. В сражении царю содействовали, во-первых, слава его имени, а во-вторых, безнадежность, всегда побуждающая искать почетной смерти. 7. Но когда число врагов стало прибывать, удары в щит обрушились с огромной силой, камни уже пробили его шлем, и колени его подгибались, ослабев от непрерывного напряжения. 8. Однако когда стоявшие к нему ближе неосторожно, пренебрегая его силой, сделали на него нападение, он так ударил мечом двух из них, что они упали бездыханные у его ног. После этого ни у кого не было мужества подойти к нему ближе, стрелы и копьа пускали в него издали.

9. Открытый для всех ударов, он уже с трудом защищал свое тело, всем весом нависшее на коленные суставы, когда один инд так пустил в него стрелу в два локтя длиной (именно такой длины, как раньше было сказано, были у индов стрелы), что, пронзив панцирь, она вонзилась ему несколько выше правого соска. 10. Получив такую рану и потеряв много крови, он опустил щит, точно умирая, и до того ослаб, что не хватало у него силы, чтобы рукой вырвать стрелу. Поэтому ранивший его с торжеством бросился к нему, чтобы снять с него доспехи. 11. Но как только царь почувствовал прикосновение чужой руки к своему телу, в нем, как я думаю, обострилось чувство возмущения и крайнего позора, он призвал свой слабеющий дух и вонзил кинжал в открытый бок врага. 12. Вокруг царя лежали уже три трупа, остальные воины подались назад. Желая расстаться с жизнью в момент борьбы, пока в нем еще держалось дыхание, он пытался стать на ноги, опираясь на щит. 13. Но у него не хватило на это сил, и, чтобы подняться, он хватался рукой за нависавшие над ним ветви; но так как и это ему не удавалось, он снова упал на колени, рукой вызывая врага, не осмелится ли кто с ним сразиться.

14. Наконец на помощь царю пришел Певкест, проложивший себе путь в другой части города, сбив защитников стены. 15. Александр, увидев его и подумав, что он несет ему облегчение не жизни, а смерти, упал обессиленным телом на щит. Затем явился Тимей, немного позже Леоннат, за ними Аристон. 16. А инды, узнав, что у них в городе царь, бросив остальных, сбежались к нему и теснили защищавших его. Из них Тимей, приняв много ран в грудь, геройски пал в славной битве. 17. Певкест тоже был ранен 3 дротиками, но не столько себя прикрывал щитом, сколько царя — своим телом; Леоннат, отражая сильно напавших врагов, получил тяжелый удар в шею и упал к ногам царя. 18. Уже и Певкест, истощенный ранами, опустил щит; последняя надежда была на Аристона. Но тот тоже был тяжело ранен и не мог больше сдерживать такое множество врагов. 19. Между тем до македонцев дошла весть, что царь пал в бою. Других эта весть могла бы напугать, в них она разбудила мужество. Забыв о всякой опасности, они топорами пробили стену, через брешь ворвались в город и перебили много индов, обращавшихся перед ними в бегство и не решавшихся объединиться. 20. Не было пощады ни старикам, ни женщинам, ни детям; кто бы им ни попадался, они считали, что именно он ранил царя. Наконец-то таким избиением врагов было дано удовлетворение справедливому гневу. 21. Историки Клитарх и Тимаген утверждают, будто Птолемей, который позднее стал царем, принимал участие в этой битве. Сам же он хотя и не был склонен умалять свою славу, оставил свидетельство, что он не участвовал в деле, но был послан в поход. Вот каковы были у составителей старинных записей о деяниях небрежность или, что не меньший порок, легковерие.

22. Царя отнесли в палатку, и врачи прежде всего отрезали древко застрявшей в нем стрелы, не тронув остря. 23. Затем, обнажив тело, они заметили, что у стрелы есть зубцы и что ее можно вынуть, только если разрезом увеличить рану. 24. При этом они опасались, что поток крови может помешать разрезу: стрела была большая и, как стало ясно, проникла во внутренние органы. 25. Критобул, обладавший выдающимся искусством врача, в данном тяжелом случае боялся прикоснуться к ране, как бы при неудачной операции беда не обрушилась на его голову. 26. Царь взглянул на плачущего и охваченного крайней тревогой и почти лишившегося сил врача и сказал: «Что же ты медлишь и не освободишь сейчас же от страданий меня, обреченного несомненно на смерть? Или ты боишься оказаться виновным в том, что я получил неизлечимую рану?» 27. Тогда Критобул, справившись со своим страхом или скрыв его, начал убеждать царя, чтобы тот дал себя связать, пока он будет вынимать острие, ибо опасным может быть даже малейшее телодвижение. 28. Царь же, сказав, что нет надобности его связывать, предоставил свое тело врачу и, как ему было указано, пролежал совершенно неподвижно. Итак, рана была расшире-

на, и, когда вынута было острие, кровь хлынула потоком. Силы покинули царя, в глазах у него потемнело, и он лежал, как мертвый. 29. Тщетно врачи старались лекарствами унять кровь, и друзья, подумав, что царь умер, подняли громкий вопль и плач. Но кровь наконец, остановилась, понемногу вернулось к царю сознание, и он начал узнавать окружающих. 30. Весь этот день и следующую ночь вооруженное войско окружало шатер царя; все сознавали, что живут дыханием одного и не расходились до тех пор, пока не было сообщено, что царь заснул. Надежда на спасение распространилась отсюда по всему лагерю.

ГЛАВА 6

1. Пролечив рану в течение 7 дней, когда рубец, однако, еще не зажил, царь, услышав, что среди варваров укрепился слух о его смерти, приказал поставить посередине двух связанных между собой кораблей видную отовсюду палатку, из которой мог бы показаться всем думающим, что он погиб. Явившись перед жителями, он разрушил надежды врагов, построенные на ложном известии. 2. Затем он поплыл вниз по течению, держась на некотором расстоянии от основного флота, чтобы шум от весел не нарушал покоя, необходимого для больного. 3. На четвертый день от начала пути он прибыл в покинутую жителями, но обильную хлебом и скотом страну. Это место понравилось ему, и здесь отдохнули он сам и все воины. 4. Было в обычае, чтобы ближайшие друзья и телохранители в случае нездоровья царя спали перед входом в преторий. Соблюдая этот обычай, и на этот раз в его шатер вошло много народа. 5. Царь встревожился и спросил, уж не принесли ли они ему какой новости, пришли все вместе, уж не сообщат ли ему о новом нападении врагов?

5. Но Кратер, которому было поручено передать царю просьбу друзей, сказал: 6. «Неужели ты думаешь, что люди могут быть встревожены только нападением врагов, хотя бы стоящих уже у нашего вала, а не заботою — как это теперь и есть — о твоём здоровье, которое ты не бережешь? 7. Пусть составляют против нас заговоры сколько угодно народов, пусть заполнят вооруженными людьми весь мир, покроют моря кораблями, приведут неведомых зверей, с тобой мы будем непобедимы. 8. Но кто из богов может обещать, что ты, наше светило и главная опора Македонии, будешь долговечен, когда ты с такой страстью рискуешь своим здоровьем, забывая, что ты подвергаешь опасности и жизнь столько граждан? 9. Кто же хочет или замыслу, и иначе как под твоим руководством никому из нас нет пути к своим пенатам. 10. Если бы ты все еще боролся с Дарием за Персидское царство, то никто, даже если бы и захотел, не мог не восхищаться твоей смелостью при всякой опасности, ибо, где награда соответствует опасности, там при удаче

больше результатов, а в случае неудачи больше утешения. 11. Но кто же не только из твоих солдат, но и из варваров лютого племени, кто знает о твоем величии, примирится с тем, чтобы ценой твоей жизни брался какой-то ничтожный город? 12. Ужасается душа при воспоминании о том, что мы недавно видели. Я боюсь даже вымолвить, что если бы милостивая к нам судьба не спасла тебя, к доспехам на непобедимом теле прикоснулись бы самые ненавистные руки. Все мы, раз не следовали за тобой, предатели и дезертиры. 13. Ты вправе заклеймить всех солдат клеймом бесчестия, никто не откажется смыть позор, не допустить которого он не нашел в себе силы. Прошу тебя, дозвожь нам еще и еще показать свое ничтожество перед тобой. 14. Мы пойдем, куда бы ты ни приказал, мы требуем для себя неведомых опасностей и бесславных битв, но сохрани самого себя для дел, требующих твоего величия! Быстро меркнет слава в борьбе с недостойным врагом, и нет ничего унижительней, как утратить ее там, где ее нельзя проявить».

15. То же примерно говорили и Птолемей и остальные. Нерешительными голосами и со слезами они умоляли его положить предел своей уже удовлетворенной жажде славы и позаботиться о своем, а также и об общем спасении. 16. Царю были приятны такие чувства друзей, он обнимал каждого в отдельности и просил сесть. 17. Продолжая начатый разговор, он сказал: «Благодарю вас, о вернейшие и преданные мне друзья и граждане, не только за то, что вы сегодня цените мое здоровье больше своего, но и за то, что с самого начала войны вы не упускали случая выказать мне свое расположение и верность, так что я должен признаться, что никогда жизнь моя не была мне так дорога, как тогда, когда она возродилась, чтобы я мог дольше наслаждаться дружбой с вами. 18. Впрочем, неодинаковы чувства у тех, кто готов умереть за меня, и у меня, кто сознает, что расположение ваше заслужил только своей доблестью. Вы хотите получать от меня награды продолжительное, может быть, даже неограниченное время, я же оцениваю свои дела мерой не времени, а славы. 19. Я мог, довольствуясь славой отцов, оставаться в пределах Македонии и там без напряжения ожидать мрачной и бесславной старости; ведь люди бездеятельные не сами куют свою судьбу, но, считая единственным благом долгую жизнь, часто бывают жертвой ранней и жестокой смерти. Я же считаю не годы свои, а победы, и если вспомнить о всех дарах судьбы, то могу сказать, что прожил уже большую жизнь. 20. Начав с Македонии, я держу власть над всей Грецией, покорил Фракию и Иллирию, господствую над трибаллами и медами, обладаю Азией от Геллеспонта до Красного моря; вот я уже недалеко от предела мира, выйдя за который, я поставил себе целью открыть новую природу, новый мир. 21. Из Азии я перешел в пределы Европы за один час. Став победителем той и другой частей света на девятом году своего правления и на двадцать восьмом году своей жизни, могу ли я, по-вашему,

прекратить свой путь к славе, которой одной я посвятил всего себя? Поистине я не откажусь от нее и, где бы ни стал сражаться, всегда буду сознавать, что действую на арене мирового театра. 22. Я прославлю неизвестные места, открою для народов земли, долго скрывавшиеся от них природой. Прекрасна будет и гибель моя среди этих трудов, если только судьба мне в этом не откажет. Я произошел от такого ствола, что мне приходится желать не столько долгой, сколько обильной делами жизни. 23. Заклинаю вас, подумайте, что мы дошли с вами до земель, в которых имя, прославленное доблестью, заслужила женщина. Какие города основала Семирамида, какие покорила народы! Какие совершила дела! Мы еще не сравнялись славой с женщиной, а уже должны пресытиться похвалами?! Лишь бы смилостивились боги; впереди еще много дел. 24. Но то, чего мы еще не достигли, станет нашим достоянием, только если мы не будем пренебрегать ничем, в чем есть место для громкой славы. Оградите меня лишь от внутренних врагов, избавьте от домашних козней, в борьбу Марса я вступлю без страха. 25. Филипп, мой отец, был в большей безопасности в строю, чем в театре, он много раз избегал рук врагов и не мог спастись от руки своих. Если вы вспомните о других царях, вы насчитаете больше таких, которые погибли от внутренних, а не от иноземных врагов. 26. Впрочем, поскольку теперь представляется случай осуществить давно уже задуманное мной дело, величайшей наградой за мои труды и дела будет для меня то, что мать моя Олимпиада заслужит бессмертие, когда бы она ни рассталась с жизнью. Если судьба позволит, я сам осуществляю это, если же судьба похитит меня раньше, вы попомните об этом моем завещании». После этих слов он отпустил друзей, однако еще много дней оставался на том же месте.

ГЛАВА 7

1. Пока это происходило в Индии, греческие солдаты, недавно выведенные царем в колонии близ Бактр, когда началась между ними распря, отпали не столько из вражды к Александру, сколько из боязни наказания. 2. Убив несколько влиятельных лиц из своей среды, они стали пускать в ход оружие, захватили считавшуюся в безопасности и потому плохо охранявшуюся крепость Бактр и побудили варваров присоединиться к их мятежу. 3. Вожаком их был Афинодор, присвоивший себе имя царя не столько ради власти, сколько ради того, чтобы вернуться на родину с признавшими его. 4. Его соперник, какой-то Бикон, его соотечественник, который стал строить против него козни, пригласил его на пир и с помощью некоего бактрийца Бокса его убил. 5. На следующий день на сходке Бикон убедил многих, что, наоборот, Афинодор злоумышлял против него. Но некоторые заподозрили Бикона в обмане, и постепенно сомнение стало охватывать многих. 6. Итак, греческие солдаты

взялись за оружие, чтобы при первой возможности расправиться с Биконом. Впрочем, главари успокоили возмущение толпы. 7. Избавившись на этот раз против своего ожидания от опасности, Бикон несколько времени спустя стал подкапываться под своих же спасителей; когда его козни обнаружили, он был схвачен, а вместе с ним и Бокс. 8. Бокса решили немедленно предать казни, Бикона же убить мучительной смертью. К телу его уже придвинули орудия пытки, как вдруг греки неизвестно по какой причине как сумасшедшие бросились к оружию. 9. Услыхав с их стороны шум, палачи подумали, что крики толпы запрещают производить пытку, и отпустили Бикона. 10. Он, как был, обнаженный, прибежал к грекам; жалкий его вид внезапно изменил их настроение, и они решили его простить. 11. Так, дважды спасенный от смерти, он вернулся на родину вместе с другими покинувшими колонию, предоставленную им царем. Вот что происходило близ Бактр и скифских пределов.

12. Между тем к царю прибывают 100 послов от двух упомянутых выше племен. Они ехали на колесницах, все были высокого роста и роскошно одеты: полотняные одежды их были расшиты золотом и пурпуром. 13. Они сдались царю и передали ему свои города и земли; они впервые готовы были доверить свою за много поколений ничем не стесненную свободу и отдавались ему на милость по внушению богов, а не из страха, ибо военные силы их были в целости. 14. Царь, собрав совет, принял их под свое покровительство и обложил такой же данью, какую оба племени платили арахосиям. Кроме того, потребовал с них 2500 всадников, и варвары с покорностью все выполнили. 15. Затем послы и царьки были приглашены на богатый и торжественный пир. 100 позолоченных лож было поставлено на небольшом расстоянии друг от друга, ложа были покрыты коврами, сиявшими золотом и пурпуром; все, что было порочного у персов из-за их исконной роскоши, а у македонцев — из-за чужеземной новизны, в изобилии проявилось на этом пиру.

16. Принимал участие в пире афинянин Диоксипп, знаменитый кулачный боец, близкий и любезный царю за свою силу и искусство. Злобные завистники говорили полусерьезно, что за войском следует бесполезное животное в военном плаще: когда они вступают в бой, оно умащается и готовит свое брюхо для пира. 17. Именно в этом и стал упрекать его на пиру охмелевший македонец Горрат и требовать, если он настоящий мужчина, чтобы он сразился с ним на другой день на мече: ведь царь признает за Горратом безрассудство или за Диоксиппом — трусость. 18. Диоксипп, усмехнувшись над его воинственной горячностью, принял его предложение. На следующий день они потребовали более серьезной формы состязания, и, так как царь не мог их отговорить, он дал согласие на их условия. 19. Собралось множество воинов, среди которых были и греки, сочувствовавшие Диоксиппу. Македонец надел

полное вооружение: в левую руку он взял медный щит и копье, называемое «сарисса», в правую — дротик и опоясался мечом, точно собирался сражаться с несколькими сразу. 20. Диоксипп блестел от масла и был украшен венком, в левой руке держал багряный плащ, в правой — большую узловатую дубину. Это обстоятельство вызвало у всех захватывающий интерес, так как выступать голому против вооруженного казалось даже не безрассудством, а полным безумием.

21. Итак, македонец, уверенный, что можно быть убитым и издали, метнул в противника дротиком. Диоксипп легким движением увернулся от него, но пока враг переключался с копья из левой руки в правую, он подскочил и ударом дубины переломил копье пополам. 22. Потеряв оба метательных оружия, македонец стал отстегивать меч. Пока он был занят этим, Диоксипп подбил ему ноги и, свалив на землю, вырвал у него меч, поставил ногу на шею лежащего, замахнулся дубиной и разможил бы ему голову, если бы не был остановлен царем. 23. Исход этого зрелища был печален не только для македонцев, но и для Александра, поскольку при этом присутствовали варвары; он опасался, что прославленное мужество македонцев может быть в их глазах развенчано. 24. Поэтому он стал прислушиваться к наветам недоброжелателей. А через несколько дней во время пира была похищена золотая чаша, и слуги обратились к царю, как будто они потеряли то, что сами же и унесли. 25. Но зачастую вынести позор труднее, чем вину. Так и Диоксипп не мог выносить косых взглядов, как бы клеймящих его как вора. Удалившись с пира, он написал письмо, адресовал его царю и закололся мечом. 26. Царь тяжело перенес его смерть, полагая, что она явилась выражением не раскаяния, а озлобления, в то время как его ложное обвинение вызвало чрезмерную радость недоброжелателей.

ГЛАВА 8

1. Отпущенные домой индийские послы через несколько дней вернулись с подарками. 2. Они доставили 300 коней, 1030 колесниц, запряженных четверками, много полотняных одежд, тысячу индийских щитов, 100 талантов белого железа и еще львов редкой величины и тигров, все ручных, кожи гигантских ящериц и панцири черепах. 3. Затем царь приказывает Кратеру вести сухопутное войско на близком расстоянии от реки, по которой сам задумал спуститься; он посадил своих обычных спутников на корабли и повез вниз по реке в пределы маллов. 4. Оттуда он приходит к сильному индийскому племени сабаркам, которое управлялось властью народа, а не царей. Они выставили 60 тысяч пехоты и 6 тысяч конницы, за этими силами ехало 500 колесниц. Были избраны 3 вождя, выдающиеся воинской доблестью. 5. Когда живущие поблизости от реки (у них было много селений, преимущественно по берегам рек) увидели, что

вся река, насколько хватало зрения, полна кораблей и что сверкает многотысячное оружие, испугавшись необычного зрелища, подумали, что это наступают полчища богов во главе со вторым Отцом Либером, имя которого широко известно у этого племени. 6. К тому же слух оробевших варваров был поражен криками воинов, стуком весел, разноязычными возгласами подбодрявших друг друга матросов. 7. Итак, все сбегается к своим воинам и кричат, что это безумие — вступать в битву с богами, что нельзя, мол, и сосчитать корабли, везущие непобедимых героев. Эти крики навели такой страх на их войско, что они отправляют к царю послов с выражением покорности всего племени.

8. Приняв их сдачу на милость, царь на четвертый день прибывает к другим племенам. И у этих оказалось не больше мужества, чем у других. Итак, заложив там город, который он приказал назвать Александрией, царь вступил в земли так называемых мусиканов. 9. Здесь он учинил допрос им же назначенному сатрапу Териольту, ибо на него жаловались сами парапамисады; уличив его во многих проявлениях алчности и высокомерия, он приказал его казнить. 10. Правитель бактрийцев Оксарт не только был оправдан, но в знак любви пределы власти его были расширены. Подчинив себе мусиканов, царь поместил в их городе гарнизон для охраны. 11. Оттуда пришли к престам, тоже индийскому племени. Царем их был Портикан; он заперся с большим отрядом своих людей в укрепленном городе. Его Александр завоевал на третий день осады. 12. Портикан, укрывшийся в крепости, направил к Александру послов, чтобы сговориться об условиях сдачи; но не успели они прийти к царю, как с грохотом рухнули две башни. Через их развалины македонцы ворвались в крепость; при ее взятии Портикан, отбиваясь с немногими защитниками, был убит.

13. Итак, разрушив крепость и продав в рабство всех пленных, царь вступил в пределы царя Самба; приняв там сдачу многих городов на милость, сильнейший город этой страны он взял при помощи подкопа. 14. Варвары, неопытные в этом деле, приняли врагов за чудовищ, так как они почти в центре города выходили вооруженными из-под земли, хотя прежде не было никаких следов ее рытья. 15. В этой области, по свидетельству Клитарха, было перебито до 80 тысяч индов; много пленных было продано в рабство. 16. Мусиканы снова отпали, для их усмирения был послан Пифон; он захватил вождя племени — он же был и главарь восстания — и привел его к царю. Распав его на кресте, Александр вернулся к реке, на которой приказал флоту себя ожидать. 17. Оттуда на четвертый день вниз по течению реки он подошел к городку, в царстве Самба. Сам он недавно сдался царю, но горожане не признали власти и заперли ворота. 18. Отнесясь с пренебрежением к их малочисленности, царь приказал 500 агрианам подойти к стенам города, затем, отступая, выманить врага за стены; тот, несомненно,

последует за ними, поверив, что они обратились в бегство. 19. Агриане так и сделали: раздражив неприятеля, они внезапно побежали, а варвары, бросившись за ними, наткнулись на других воинов, среди которых был сам царь. Сражение возобновилось, и из 3 тысяч варваров 600 были убиты, тысяча была взята в плен, остальные заперлись в городе.

20. Но результаты этой победы не были в конце так благоприятны, как казалось вначале: варвары отравляли свое оружие ядом. Поэтому раненые неожиданно умирали, и врачи не могли определить причину такой тяжелой смерти, ибо неизлечимыми оказывались даже легкие раны. 21. Варвары надеялись, что смогут поразить неосторожного и даже опрометчивого царя. А он, сражаясь в первых рядах, случайно остался невредим. 22. Беспокойство царя тогда было вызвано особенно судьбой Птолемея: он был легко ранен в левое плечо, но опасность, угрожавшая ему, была значительней раны. Он был связан с царем кровным родством, утверждали даже, что он был сыном Филиппа и, несомненно, сыном его наложницы. 23. Он был телохранителем царя, отважнейшим бойцом и еще более ценным помощником в мирное время; он обладал умеренностью гражданского деятеля, был приятен в обращении, легкодоступен, в нем не было и следа царской спеси. 24. Трудно было сказать, кому он был более дорог: царю или народу. Теперь впервые он мог узнать чувства, питаемые к нему своими: македонцы своей любовью к нему в его беде предрекали его дальнейшую славную судьбу. 25. Они проявили по отношению к Птолемею не меньше заботы, чем к царю; и царь, утомленный сражением и тревогой, не отходил от него и даже велел перенести в его палатку свою постель. 26. Как только он лег на нее, сейчас же впал в глубокий сон. Проснувшись, он рассказал, что во сне ему явился дракон, держащий во рту траву, которую он ему и указал как средство от яда. 27. Царь точно описал при этом цвет этой травы и утверждал, что признает ее, если кто-нибудь ее ему покажет. Ее нашли, так как много народа сразу принялось ее искать, и он приложил ее к ране Птолемея. Боль сейчас же прекратилась, а в скором времени и рана зарубцевалась. 28. А варвары, разубедившись в своем первом успехе, сдались царю со всем городом. Отсюда Александр пошел к ближайшему племени паталиев. Царь их Мерис покинул город и бежал в горы. 29. Итак, Александр захватывает город и опустошает земли. Взята была большая добыча крупным и мелким скотом, найдены были большие запасы хлеба. 30. Взяв проводников, хорошо знакомых с рекой, царь спустился до острова, всплывающего из воды почти посередине русла.

1. Здесь он вынужден был задержаться дольше, так как небрежно охраняемые проводники убежали, и он послал людей за другими. Их не нашли, но упорное стремление увидеть Океан и дойти до края света заставило царя за отсутствием проводников доверить свою судьбу, как и судьбу множества храбрейших мужей, неизвестной реке. 2. Итак, они пустились плыть, ничего не зная о стране, в которой плыли. Далеко ли до моря, какие здесь живут племена, насколько спокойно в устье реки, могут ли плыть военные корабли, — обо всем этом у них было лишь смутное представление. 3. Единственным утешением в этом опрометчивом предприятии была неизменная во всем удача. Они проплыли около 400 стадиев, когда кормчие сказали царю, что чувствуют морской воздух и уверены, что океан недалеко. 4. Обрадовавшись, он убеждает гребцов приналечь на весла: конец пути, столь для них желанный, близок, достигнута полнота славы, ничто не препятствует их мужеству; конец света ими достигнут без боя и кровопролития; и сама природа на этом кончается; скоро они увидят то, что известно только бессмертным. 5. Он спустил несколько человек с корабля на берег, чтобы захватить каких-нибудь кочевников, надеясь узнать от них что-нибудь о стране. Они все обследовали и нашли наконец скрывающихся в шатрах. 6. На вопрос: далеко ли море? — они ответили, что ни о каком море они не слыхали, но что на третий день можно дойти до горькой воды, сменяющей сладкую; было понятно, что так люди говорили о море, не зная его природы. 7. Итак, матросы принялись гребсти с большим усердием, и с каждым днем, чем ближе становилось осуществление надежд, возрастало их одушевление. На третий день наконец подошли к морю, сливавшему пока еще в слабом прибое с водами реки и свои волны. 8. Тут они подъехали тихим из-за сопротивления воли ходом еще к одному острову, расположенному посередине реки, остановили у него свой флот и отправились добывать продовольствие, не предвидя бедствия, которое неожиданно их застигло.

9. Был примерно третий час, когда океан в установленное время начал надвигаться и оттеснять воды реки: она сначала задержалась, а потом стала прорываться с большим напором, чем обычно текут по своему руслу стремительные потоки. 10. Эти свойства океана были незнакомы людям Александра, и им казалось, что они видят чудеса или проявление гнева богов. А море продолжало подниматься и набегать на берега, бывшие перед этим сухими. 11. Волны подняли корабли и разбросали весь флот, так что высаженные на берег люди в страхе от неожиданного бедствия стали отовсюду сбегаться к стоянке кораблей. 12. Но в суматохе и торопливость не помогала. Одни шестами подгоняли корабли, другие садились, мешая наладить весла. 13. Одни торопились отплыть, не дождаввшись тех,

кто должен был плыть вместе с ними, с трудом приводили в движение неповоротливые и непослушные корабли; другие корабли не могли принять людей, враспынную к ним подплывавших; спешившим в равной мере мешало и обилие людей, и их недостаток. 14. Разноголосые и несогласные между собой крики, призывавшие людей то дожидаться, то торопиться, не давали не только видеть, но и слышать. 15. Не могли помочь и кормчие, так как их голосов из-за шума не мог никто расслышать, а испуганные и разобщенные люди не были в состоянии исполнять команды. 16. Итак, корабли начали сталкиваться и мешать друг другу, весла — обламываться. Можно было подумать, что это не флот идет, а происходит морское сражение между двумя вражескими флотами. 17. Носы кораблей ударялись о кормы, задние корабли, напирая на передние, сбивали их с курса; в раздражении люди доходили до рукопашных схваток.

18. Прилив затопил уж все прилегающие к реке поля, так что выдавались над водой только в виде островков холмы, к которым в страхе старались подплыть многие оторвавшиеся от кораблей. 19. Разбросанный флот частью стоял на глубокой воде, откуда отхлынули волны, частью, поскольку вода заполняла неровности почвы, застревал на мелких местах, как вдруг произошло новое, еще более страшное явление. 20. Море начало отступать: волны с шумом откатывались до своего прежнего уровня, обнажалась земля, только что покрытая глубокой морской водой. Корабли опрокидывались; одни на нос, другие на борт. Берега оказались завалены снаряжением, оружием, обломками досок и весел. 21. Солдаты не решались ни выйти на сушу, ни оставаться на кораблях, все время ожидая новых, более страшных явлений. Им не верилось, что они сами видят все происходящее с ними: кораблекрушение — на суше; море — в реке. 22. Но на этом бедствия еще не кончились. Не зная, что скоро новый прилив вернет море и поднимет корабли, они предвидели голод и крайние бедствия. Кроме того, по берегу ползали страшные морские чудовища, оставленные морем.

23. Уже приближалась ночь, и царь, тоже отчаявшись в спасении, предавался мрачным мыслям. Но заботы не сломили его непоколебимого духа: всю ночь он провел в дозоре и послал воинов к устью реки наблюдать, когда начнется подъем воды и сообщить об этом. 24. Он приказывает также починить поломки на кораблях, с приходом волн поднять упавшие и быть наготове к моменту, когда море начнет заливать земли. 25. Вся ночь прошла у него в бодрствовании и увещеваниях; к утру поспешно вернулись всадники, и сейчас же начался прилив. Сначала медленно двигавшиеся волны стали поднимать корабли, а потом, затопив все берега, они погнали и весь флот. 26. Берега моря и реки огласились радостными криками солдат и матросов, безмерно торжествовавших от неожиданного прихода спасения. Они с удивлением расспрашивали: откуда вне

запно вернулось море, куда оно отошло накануне, какова природа этой стихии, то будто произвольной, то подчиняющейся законам времени? Царь, на основании происшедшего сообразил, что после восхода солнца бывает устойчивое время. Чтобы предупредить прилив, он среди ночи отплыл с несколькими кораблями к низовьям реки. Выйдя из устья, он проплыл по морю 400 стадиев, удовлетворив наконец свое желание; принеся жертвы богам — покровителям моря и этих мест, он вернулся к своему флоту.

ГЛАВА 10

1. Отсюда флот поплыл вверх по реке и на другой день пристал недалеко от соленого озера. Многие, не зная его свойств, пострадали, неосторожно войдя в его воду. На их тело напала чесотка, и болезнь эта через соприкосновение переходила на других. Лечились маслом. 2. Затем, послав вперед Леонната рыть колодцы на пути, по которому он думал вести свое войско через засушливую местность, сам царь задержался с войском, ожидая весны. 3. Тем временем он основал несколько городов. Опытным в морском деле Неарху и Онесикриту он приказал спустить сильнейшие корабли в море и плыть, пока будет безопасно, исследуя природу моря; когда они захотят вернуться к царю, они смогут это сделать по той же самой реке или по Евфрату. 4. Когда смягчилась зима, он сжег корабли, оказавшиеся излишними, и повел свои войска по суше. 5. Девятью переходами он прибыл в страну арабитов, оттуда за столько же времени — в область кедрусиев. Этот свободный народ, проведя всеобщую сходку, сдался ему; со сдавшихся царь не потребовал ничего, кроме продовольствия. 6. На пятый день он пришел отсюда к реке, которую местные жители называют Араб. Здесь он вступил в бедную водой страну, пройдя которую пришел к оритам. Там он передал большую часть своего войска Гестатиону. Легковооруженные части он поделил с Птолемеем и Леоннатом. 7. Эти три отряда одновременно грабили индов; большая была взята с них добыча. В приморской полосе их разорял Птолемей, остальных — сам царь и с другой стороны — Леоннат. В этой стране он тоже основал город, туда были выведены арахосин.

8. Отсюда он проник к приморским индам. Они обладают обширной и пустынной страной и даже с соседями не состоят ни в каких торговых сношениях. 9. Обладая от природы суровыми нравами, они совсем одичали в уединенности: ногти у них никогда не обрезаются и отрастают, волосы не стрижены и косматы. 10. Хижины они себе строят из раковин и других отбросов моря. Одеваются в шкуры зверей, питаются вяленой рыбой и мясом животных, выбрасываемых морем. 11. Израсходовав свои запасы, македонцы начали терпеть нужду, а потом и голод и стали питаться корнями пальм, так как произрастают здесь только эти деревья. 12. А когда и этой пищи стало не

хватать, они закалывали вьючных животных, не жалели и лошадей, и когда не стало скота, чтобы возить поклажу, они предавали огню взятую у врага добычу, ради которой и дошли до крайних восточных стран. 13. За голодом последовали болезни: непривычный вкус нездоровой пищи, трудности пути и подавленное состояние духа содействовали их распространению, и нельзя было без урона в людях ни оставаться на месте, ни продвигаться вперед: в лагере их угнетал голод, в пути еще больше болезни. 14. Однако на дороге оставалось не так много трупов, как полуживых людей. Идти за всеми не могли даже легкобольные, так как движение отряда все ускорялось: людям казалось, что чем скорее они будут продвигаться вперед, тем ближе будут к своему спасению. 15. Поэтому отстающие просили о помощи знакомых и незнакомых. Но не было вьючного скота, чтобы их везти, а солдаты сами едва тащили свое оружие, и у них перед глазами стояли ужасы грозящих бедствий. Поэтому они даже не оглядывались на частые оклики своих людей: сострадание заглушалось чувством страха. 16. Брошенные же призывали в свидетели богов и общие для них святыни и просили царя о помощи, но напрасно: уши всех оставались глухи. Тогда, ожесточаясь от отчаяния, они призывали на других судьбу, подобную своей, желали и им таких же жестоких товарищей и друзей.

17. Царь, мучимый горем и стыдом, поскольку именно он был причиной стольких страданий, отправил людей к сатрапу парфиенов Фратаферну, чтобы тот доставил ему на верблюдах сухого провианта; и других начальников ближайших провинций он оповестил о своем бедствии. 18. И те не замедлили прийти на помощь. Таким образом, спасенное от голода войско было наконец приведено в пределы Кедросии. 19. Область, где царь остановился, чтобы восстановить силы измученных воинов, была исключительно обильна всякими запасами. Здесь он получил письмо Леоината с известием, что тот удачно сражался с 8 тысячами пехоты и 500 всадниками оритов. От Кратера тоже пришло известие, что знатные персы Озин и Зариасп, замышлявшие отпасть, им захвачены и находятся в оковах. 20. Поставив во главе области Сибиртия (правитель ее Менон внезапно умер от болезни), сам царь двинулся в Карманию. 21. Сатрапом у этого племени был Аспаст. Было подозрение, что он затевал какой-то переворот, пока царь пребывал в Индии. Скрыв свой гнев, царь любезно обошелся с ним, когда тот вышел ему навстречу, и сохранил за ним его прежнее почетное положение, ожидая проверки допоса.

22. Когда затем начальники всех подвластных областей прислали, как им было приказано, огромное количество лошадей, упряжных и вьючных животных, царь распределил их между всеми, кому их не хватало. 23. Также и оружие было восстановлено в прежнем состоянии, так как оно пахотилось недалеко от Персиды, не только мирной, но и богатой. 24. Итак,

как выше было сказано, соперничая с Отцом Либером не только в победах над этими народами, но и в славе, царь решил, занесшись в гордости выше человеческого предела, провести впервые им установленное триумфальное шествие или некое подобие вакханалии. 25. Дороги в селениях, через которые проходил его путь, он приказал устлать венками из цветов; у дверей домов поставить кратеры и другие объемистые сосуды, наполненные вином; на повозках сделать настил, чтобы они могли вместить больше воинов, и украсить их наподобие палаток, покрыв одни из них белыми одеждами, другие — драгоценными цветными. 26. Первыми шли друзья и царская когорта, украшенная венками из пестрых цветов; с разных сторон слышались пение флейтистов и звуки лир, пирующие воины ехали на повозках, разукрашенных по мере возможности, обвешанных особенно блестящим оружием. Сам царь и его спутники ехали на повозке, обильно уставленной золотыми кратерами и золотыми же большими кубками. 27. 7 дней подряд двигалось войско, предаваясь таким образом вакханалиям, — готовая добыча, если бы только у побежденных нашлось мужество выступить против пиршествующих. Клянусь богами, достаточно было бы тысячи трезвых мужей, чтобы захватить празднующих триумф воинов, 7 дней упивавшихся и отягощенных обжорством. 28. Но судьба, определяющая форму и цену всех вещей, и на этот раз обратила позор в славу. И современники и потомство удивлялись тому, что хмельные солдаты прошли так по землям, еще недостаточно покоренным, а варвары принимали явное безрассудство за самоуверенность. 29. За этим шествием следовал палач, так как был отдан приказ — казнить упомянутого выше сатрапа Аспаста. 30. Ведь жестокость не препятствует разнузданности, а разнузданность — жестокости.

КНИГА X

ГЛАВА 1

Почти в те же дни приходят Клеандр, Ситалк и Геракон с Агафоном, которые по приказанию царя убили Пармениона; с ними 5 тысяч пехотинцев и тысяча всадников. 2. Но за ними следовали и обвинители их из провинции, во главе которой они стояли; всех совершенных ими преступлений они не могли искупить услугой в убийстве, столь угодном царю. 3. В самом деле, разграбив все частное имущество, они не воздержались и от грабежа храмов, и девушки и знатные женщины терпели от них насилие и оплакивали оскверненную свою честь. 4. Их алчность и разврат сделали имя македонцев ненавистным для варваров. 5. Но среди всех выдавался своим буйством Клеандр: лишив невинности знатную девушку, он отдал ее в наложницы своему рабу. 6. Много друзей Александра придавали значение не столь-

ко величине преступлений, в которых открыто обвиняли, сколько памяти об убитом ими Парменионе: умолчание об этом могло послужить в глазах царя на пользу обвиняемым; кроме того, они радовались, что гнев царя обратился на пособников и что не бывает продолжительной власть, добытая преступлением. 7. Царь, рассмотрев обвинения, объявил, что обвинителями забыто одно, и притом самое большое, преступление — неверие в его благополучие: они никогда не осмелились бы совершить того, что сделали, если бы желали его успешного возвращения из Индии или верили, что он вернется. 8. Итак, их самих он заковал, а 600 солдат, помогавших в их преступлениях, велел казнить. 9. В тот же день были подвергнуты казни также приведенные Кратером зачинщики отпадения персов.

10. Немного времени спустя прибывают Неарх и Онсикрит, которым царь приказал проплыть дальше по океану. 11. Они сообщили о том, что сами видели и о чем слышали; именно, что остров в устье реки изобилует золотом, но испытывает недостаток в конях и что жители его покупают их у людей, решающихся переплыть к ним с материка, по одному таланту за лошадь; 12. море полно морских животных; они носятяся, следуя за приливом, и размерами своими подобны большим кораблям; напуганные громким пением, они плывут за флотом и ныряют с таким шумом, точно это тонут корабли. 13. Кроме того, путешественники поверили жителям, что море называется Красным не по цвету волн, как полагает большинство, а по имени царя Эритра; 14. недалеко от берега есть остров, густо поросший пальмами, и посреди этой рощи возвышается колонна, памятник царю Эритру, с надписью на языке этого народа. 15. Корабли, везшие маркитантов и купцов, поскольку кормчие были прельщены молвой о золоте, будто бы были занесены на остров, и после того никто их больше не видел. 16. Царь пожелал узнать об этом больше и снова приказал им плыть вдоль берега, пока не подведут флотилию к устью Евфрата, а оттуда подняться по реке до Вавилона.

17. Сам он в душе лелеял необъятные планы: после покорения всех стран к востоку от моря переправиться (из-за вражды к Карфагею) из Сирии в Африку, затем, пройдя все просторы Нумидии, направить свой поход на Гадес (ведь молва утверждала, что именно там находится столбы Геркулеса), 18. оттуда проникнуть в Испанию, которую греки называют Иберией (на реке Иберу), и пройти мимо Альп к побережью Италии; оттуда уже недалеко до Эпира. 19. Поэтому он отдает приказ правителям Месопотамии — заготовить строительный материал на Ливанских горах, свезти его в сирийский город Тапсак, приделать кили к 700 кораблям — все они септиремы — и спустить их в Вавилонию. С царей Кипра он потребовал медь, пеньку и паруса. 20. Среди этих распоряжений царю было подано письмо царей Пира и Таксила с известием, что царь Абисар умер от болезни, Филипп, наместник Александра, — от раны и что убив-

шие его казнены. 21. Поэтому на место Филиппа он назначил Евдемона, вождя фракийцев, а царскую власть Абисара передал его сыну.

22. Затем он прибыл в Персагаду. Это персидская область, сатрапом которой был Орсин, выдающийся среди всех варваров знатностью и богатством. 23. Он вел свой род от древнего персидского царя Кира; богатство его было унаследовано им от предков, а затем приумножено за время обладания властью. 24. Он вышел навстречу царю со всякого рода дарами, чтобы раздать их не только самому царю, но и его друзьям. За ним следовали табуны обвезженных лошадей, колесницы, украшенные золотом и серебром, несли дорогую посуду, драгоценные камни, тяжелые золотые сосуды, пурпурные одежды и 4 тысячи талантов чеканного серебра. 25. Однако такое радушие варвара послужило причиной его смерти. Дело в том, что, одарив всех друзей царя превыше их собственных желаний, он не оказал никакой почести евнуху Багою, который своей развратностью привязал к себе Александра. 26. Осведомленный некоторыми, насколько Багой любезен Александру, Орсин ответил, что он угождает друзьям Александра, а не его любовникам и что не в обычае персов почитать мужчин, пороком уподобившихся женщинам. 27. Услышав это, евнух обратил свое влияние, добытое лестью и позором, против человека знатнейшего и невинного. Людей такого же рода, продажных и преданных ему, он научил ложным обвинениям, чтобы они сделали донос, когда он прикажет. 28. Между тем ежедневно, оставаясь наедине с Александром, он нашептывал доверчивому царю на Орсина, скрывая причину своего раздражения, чтобы больше весу придать своим обвинениям. 29. Еще не было подозрений против Орсина, но тот уже потерял свое влияние. Обвинение против него подготавливалось тайно, и он не знал о скрытой опасности, а презренный любовник, не забывая о клевете даже в момент страстных и постыдных переживаний, всякий раз, как возбуждал в царе страсть к себе, возводил на Орсина обвинение то в жадности, то даже в измене.

30. Уже доставлены были ложные доносы для гибели невинного, и приближалась неизбежная судьба. Случилось так, что Александр приказал открыть гробницу Кира, в которой покоилось его тело, он желал воздать ему положенные почести. 31. Он думал, что гробница наполнена золотом и серебром; такая ходила среди персов молва; но кроме полуистлевшего щита Кира, двух скифских луков и акинака он ничего не нашел. 32. Возложив золотой венец, Александр покрыл возвышение, на котором лежало тело, своим любимым плащом, удивляясь, что царь, столь прославленный, обладавший такими богатствами, был погребен не с большей пышностью, чем простолудин. 33. Рядом с царем стоял евнух; обратившись к царю, он сказал: «Что же удивительного в том, что царская гробница пуста, когда дома сатрапов не могут вместить в себе вынесенные от-

туда богатства? 34. Что касается меня, то сам я этой гробницы раньше не видел, но от Дарня слышал, что здесь с телом Кира было положено 3 тысячи талантов. 35. Отсюда и расположение Орсина к тебе: чем он не мог владеть безнаказанно, то обеспечил себе при помощи подарков». 36. Этими словами евнух возбудил гнев царя, тем более что на помощь ему пришли подученные им люди. Уши царя прожужжали ложными наветами, с одной стороны, Багой, с другой — его помощники. 37. Прежде чем у Орсина возникло подозрение, что его в чем-то обвиняют, он был взят в оковы. Не довольствуясь казнью невинного, евнух убил его собственной рукой. При этом Орсин воскликнул: «Слышал я, что когда-то Азией управляли женщины, но что ею управляет кастрат — это неслыханное дело».

38. Таков был конец одного из знатнейших персов, не только невинного, но в высшей степени преданного царю Александру. 39. В то же время был казнен и Фрадат по подозрению в притязаниях на царскую власть. Александр начал проявлять склонность к казням и доверчивость к наихудшим наветам. 40. Так изменяют характер человека постоянные удачи, и редко кто проявляет осторожность при собственном счастье. 41. Немного раньше он же не решился осудить Линкеста Александра, уличенного двумя обвинителями; подсудимых более низкого происхождения он соглашался отпустить против своего желания только потому, что они казались невинными другим. 42. А под конец он настолько изменил самому себе, что, вопреки влечению души, по усмотрению любовника одним давал царства, у других отнимал жизнь. 43. Примерно в те же дни он получил письмо от Кена с сообщением о происходившем в Европе и Азии, пока он сам покорял Индию. 44. Правитель Фракии Золирион погиб со всем своим войском во время похода против гетов от внезапно налетевшей грозы и бури. 45. Узнав об этом событии, Севт подбил отпасть свой народ одрисов. После того как почти была потеряна Фракия, даже Греция не...

ГЛАВА 2

1. Итак, они огибают на 30 кораблях мыс Суний в Аттике, откуда решили напасть на порт города Афин. 2. Узнав об этом, царь, враждебный одновременно Гарпалу и афинянам, приказывает приготовить флот, чтобы немедленно напасть на Афины. 3. Когда он отдавал эти распоряжения, ему тайно доставляют письмо с известием, что Гарпал вошел таки в Афины, расположив к себе за деньги влиятельных лиц; но вскоре по решению народного собрания должен был покинуть город; он бежал к греческим солдатам, но был ими схвачен и убит из засады неким Тимброном. 4. Обрадовавшись этим известиям, царь отменил поход в Европу, но приказал всем греческим городам принять обратно своих изгнанников, кроме тех, кто обогрил себя кровью сограждан. 5. И греки не осмелились пренебречь этим

приказанием, хотя и понимали, что это начало отмены их законов, и вернули осужденным сохранившееся имущество. 6. Одни только афиняне, отстаивавшие не только свою, но и общую свободу, привыкшие следовать не царским приказам, а своим отеческим обычаям, сильно тяготились возвращением изгнанников и не пропустили их через свои границы. 7. Они были готовы претерпеть все, лишь бы не впустить к себе отбросы своего города, ставшие теперь отбросами и среди изгнанников.

8. Александр, отпустив на родину наиболее старых солдат, велел отобрать 13 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы, чтобы оставить их в Азии; он полагал, что сможет удержать за собой Азию со столь немногочисленными силами, потому что ранее расположил во многих местах гарнизоны, кроме того, он надеялся, что новые города, заселенные колонистами, окажут сопротивление всем попыткам переворота. 9. Прежде чем отделить тех, которых он хотел оставить, он приказал всем солдатам объявить о своих долгах. Он знал, что у многих они велики, и хотя они были сделаны из-за неводержанности, он решил все их уладить. 10. Солдаты же думали, что он хочет их испытать, чтобы легче было отделить скромных от расточительных, и тянули время. Царь, догадываясь, что они молчат не из упорства, а от стыда, велел поставить по всему лагерю столы и выложить на них 10 тысяч талантов. 11. Только тогда солдаты с доверчивостью стали объявлять о своих долгах, и от такого количества денег осталось лишь 130 талантов. Таким образом, войско, победившее столько богатейших народов, стяжало в Азии больше побед, чем добычи.

12. Впрочем, когда стало известно, что одних отпустят домой, других задержат, солдаты, рассчитывавшие, что царь постоянное место своего пребывания выберет в Азии, были недовольны и, забыв о всякой дисциплине, проводили по всему лагерю мятежные беседы и одновременно со все большей дерзостью разом стали требовать у царя отпуска со службы, показывая на свои седые головы и на липа, обезображенные рублями от ран. 13. Их не сдерживали ни порицания восначальников, ни уважение к царю; своим мятежным шумом они не давали ему даже говорить, а сами с солдатской грубостью открыто заявляли, что никуда отсюда больше не пойдут, кроме как на родину. 14. Наконец, водворив тишину, скорее потому, что видели волнение царя, нежели потому, что сами могли быть чем-нибудь пронуты, они стали ждать, что он скажет. 15. Тогда царь сказал: «Что означает ваше внезапное упорство и дерзкая распушенность? Я боюсь даже вымолвить: вы явно нарушили мой приказ и сделали меня из царя просителем, не оставив за мной права ни говорить с вами, ни наблюдать, ни убеждать вас, ни управлять вами. 16. Я принял решение одних из вас отпустить на родину сейчас, чтобы с другими вернуться несколько позже, и теперь вижу, что шумят не только те, которым предстоит уйти теперь, но и те, с которыми я решил следовать за успешными

вперед. 17. Так в чем же дело? Находясь в разных условиях, вы поднимаете общий крик. Я очень хотел бы узнать, кто из вас жалуется на меня: кто уходит или кто остается?» 18. Здесь вся сходка единодушно ответила, что все жалуется, так что можно было подумать, что это ответ из одних уст.

19. Тогда царь продолжал: «Клянусь богами, я не могу поверить, чтобы у всех была та же причина недовольства, на которую вы указываете, ведь она не распространяется на большинство войска, поскольку я отпускаю больше солдат, чем оставляю при себе. 20. Существует, несомненно, более веская причина, отвращающая всех от меня. Когда же это все войско отступалось от своего царя? Даже рабы не покидают своего господина всей массой, всегда находятся такие, которым совесть не позволяет покинуть оставленного прочими. 21. Но я, точно забыв о вашем чудовищном непослушании, стараюсь найти средство от неизлечимого зла. Я отказываюсь от всех своих надежд, которые возлагал на вас, и решил обращаться с вами не как со своими воинами — вы перестали быть таковыми, — но как с неблагодарными, забывшими о своем долге. 22. Вы предались безумству в благоприятных условиях, созданных для вас, забыв о том состоянии, из которого вас вывела моя милость; но, клянусь богами, вы заслуживаете, чтобы вам в нем и состариться, так как лучше справляетесь с бедственным положением, чем с благополучием. 23. Что же это, наконец? Вчерашние данники иллирийцев и персов, вы брезгаете Азией и добычей со стольких народов? Вам, недавно ходившим полуголыми при Филиппе, будничными кажутся плащи, расшитые пурпуром? Глаза ваши не выносят золота и серебра? Вы соскучились по деревянным сосудам, по плетеным щитам, ржавым мечам? 24. Я принял вас на службу именно с таким оружием, да и с долгами на 500 талантов, в то время как все царское имущество, основа всех моих дел, составляло не более 60 талантов. Однако, опираясь на него, — не взыщите — я создал свою империю, охватывающую большую часть мира. 25. Или вам надоела Азия, которая славой ваших подвигов сравняла вас с богами? Вы торопитесь вернуться в Европу, бросить своего царя, в то время как у большинства из вас не хватило бы денег на дорогу, если бы я не уплатил ваших долгов именно из азиатской добычи. 26. И не стыдно вам будет вернуться к женам и детям, натянув на свое ненасытное брюхо доспехи побежденных народов, да и лишь немногие из вас смогут показать дома награды за свои победы; а у остальных залогом осуществления их надежд служит их же оружие. 27. Нечего сказать, хороших я лишу солдат, которые стремятся к своим сожительницам и у которых от всех богатств осталось лишь столько, чтобы оплатить это удовольствие, поэтому перед бегущими от меня будут открыты все границы; удалитесь скорее отсюда; я с персами буду охранять ваш тыл. Я никого не держу, уходите с глаз моих, о неблагодарнейшие граждане! 28. Радостно примут вас ваши родители»

и дети, вернувшихся без своего царя! Может, выйдут навстречу дезертирам и перебежчикам? 29. Клянусь богами, я буду торжествовать по поводу вашего бегства и, где бы я ни оказался, я вознагражу себя, оказывая уважение и предпочтение перед вами тем, с кем вы меня оставляете. Вот тогда вы и узнаете, много ли силы у войска без царя и сколько силы в одном мне».

30. Затем он, негодуя, сошел с трибуны, смешался с толпой вооруженных и, подметив ранее тех, кто особенно резко выступал против него, хватал их по отдельности рукой; так он отдал под стражу своим телохранителям 13 человек, не посмевших ему сопротивляться.

ГЛАВА 3

1. Кто бы мог поверить, что такое бурное собрание сразу успокоилось под действием внезапного страха, когда увидели, как повели на казнь людей, виновных не более, чем все остальные. 2... 3. Так сильно подействовало на них либо само имя царя, которому у всех народов, пребывающих под царской властью, воздается почет наравне с богами, либо внушаемое лично им уважение, либо доверие к человеку, осуществляющему свою власть с такой силой. 4. Они, конечно, показали необычный пример покорности и нисколько даже не были раздражены казнью своих соратников, когда стало известно, что их убили с наступлением ночи; наоборот, каждый в отдельности старался не упустить случая проявить в чем-нибудь свою покорность и послушание. 5. В самом деле, когда на следующий день царь их не принял и допустил к себе только солдат-азна-тов, они подняли жалобные стоны на весь лагерь и кричали, что они сейчас же умрут, если царь будет продолжать гневаться.

6. А царь, проявляя обычное во всех своих начинаниях упорство, собирает сходку иноземных солдат, заперев македонцев в лагере, и когда собралось много народу, призвав переводчика, обратился к ним с такой речью: 7. «Когда я переправлялся из Европы в Азию, я надеялся присоединить к своей империи много славных племен, большую массу людей. И я не обманулся в том, что поверил молве о них. 8. К этому прибавилось еще то, что я вижу храбрых людей, непоколебимо преданных своим царям. 9. Я раньше думал, что все здесь утопают в роскоши и от чрезмерного благополучия предаются страстям. Но, клянусь богами, вы несете военную службу честно и ревностно, проявляя преданность духа и тела и, будучи храбрецами, верность почитаете не менее храбрости. 10. Сейчас я говорю об этом впервые, но знаю это уже давно. Поэтому я произвел среди вас набор молодых людей и включил вас в состав моего войска. У вас та же одежда, то же оружие, но послушание и дисциплинированность гораздо выше, чем у других. 11. Я сам взял себе в жены дочь перса Оксиарта, не погнушался иметь детей от иленицы. 12. Позднее, когда я пожелал произвести более об-

ширное потомство, я взял в жены дочь Дария и ближайшим друзьям своим дал совет народить детей от пленниц, чтобы таким священным союзом стереть всякое различие между победителями и побежденными. 13. Поэтому знайте, что вы мои прирожденные воины, а не наймиты; в Азии и в Европе единое царство, и я даю вам македонское оружие. Я заставил забыть о вашем иноземном происхождении: вы мои граждане и воины. Все сравнялось. 14. Как персам не следует порочить нравы македонцев, так и македонцам не должно быть стыдно перенимать нравы персов... Одинаковы должны быть и права всех, кто будет жить под властью одного царя...».

ГЛАВА 4

1. ...«До каких пор, — сказал он, — будешь ты улаживать свой дух видом казней, и притом по иноземному обычаю? Твои воины, твои граждане без разбирательства дела влекутся на

Так называемый «умирающий Александр»

казнь своими же пленниками. Если ты считаешь кого-нибудь, достойным казни, то замени же ее исполнителей». 2. Так увещевал его истинный друг, надеясь, что царь может слушать правду, но гнев царя уже перешел в ярость. Итак, он снова велел несколько колебавшимся исполнителям казни топить в реке связанных. 3. Но и этот вид казни не вызвал волнения. К военачальникам и к его друзьям подходили целые отряды и просили, чтобы он тех, кого признает причастным к прежней вине, приказал казнить: они предоставляют его гневу свои тела, пусть он их терзает...

ГЛАВА 5

1. ...Видя, как у всех полились слезы, можно было подумать, что войско взирает уже не на самого царя, а на его похороны. Но сильнее всего была печаль стоявших вокруг его ложа. 2. Взглянув на них, царь сказал: «Найдете ли вы, когда меня не станет, царя, достойного таких мужей?» 3. Совершенно для всех невероятным покажется, что в той позе, какую он принял, когда решил созвать солдат, он оставался, пока все войско

ним не попрошалось; отпустив солдат, точно выполнив долг своей жизни, он поник в полном изнеможении. 4. Позвав друзей поближе, — у него начал уже слабеть голос — он передал снятый с руки перстень Пердикке и распорядился, чтобы тело его было отвезено в храм Аммона. 5. Когда его спросили, кому он оставляет царство, он ответил: тому, кто окажется наилучшим; впрочем, он предвидит, что для этого состязания готовятся в честь его большие похоронные игры. 6. Тогда Пердикка в свою очередь спросил его, когда он хочет, чтобы ему присудили божеские почести; он ответил: «Когда вы сами будете счастливы». Это были его последние слова: скоро после этого он скончался.

7. Сначала весь царский дворец огласился плачем, жалобами и причитаниями, а потом все словно застыло в каком-то оцепенении: печаль привела к размышлениям о будущем. 8. Знатные юноши, обычные его телохранители, не могли снести всей глупины своего горя и оставаться в пределах дворца: они бродили как безумные по всему городу и наполняли его своим горем и печалью, не прекращая жалоб, какие горе подсказывает в подобном случае. 9. Итак, македонцы, стоявшие вне дворца, смешались с варварами, и в общем горе нельзя было отличить победителей от побежденных. Получилось как бы соревнование в печали: персы оплакивали справедливейшего и милостивейшего господина, македонцы — наилучшего и храбрейшего царя.

10. Но наряду с голосами печали раздавались также и голоса негодования на то, что по зависти богов у людей отнят царь в расцвете лет, сил и своей счастливой судьбы. Все живо представляли его мужественное лицо, когда он вел солдат в бой, осаждал города, брал штурмом стены или на сходке одарял наградами храбрейших. 11. Македонцы расканвались, что отказывали ему в божеских почестях, они считали себя неблагодарными и нечестивыми за то, что оскорбляли его слух, не воздавая ему желанного величания.

Проведя много времени в жалобах и оплакивании царя, они потом начали жалеть самих себя. 12. Выйдя из Македонии и перейдя на другую сторону Евфрата, они чувствовали себя осиротевшими среди врагов, не признающих новую власть; без определенного наследника царя каждый будет тянуть на свою сторону силы народа. 13. Они уже предугадывали предстоящие гражданские войны, зная, что опять придется проливать кровь, но уже не за царства в Азии, а за нового царя, что новые раины порвут рубцы от старых; 14. уже ослабевшие старики, только что просившиеся в отпуск у подлинного царя, должны будут умереть за власть какого-нибудь, может быть, ничтожного сателлита. 15. В таких размышлениях их застала ночь и еще увеличила их тревогу. Солдаты бодрствовали, не снимая оружия, вавилоняне — кто со стены, кто со своей крыши — смотрели вперед, чтобы лучше разглядеть. Никто не решался развести огонь. 16. И так как нельзя было уже пользоваться зрением, они при-

слушивались к голосам и шорохам и в страхе, чаще в напрасном, металась по темным тропам, наталкивались друг на друга, подозревая что-то и пугаясь. 17. Персы, обрезав, по своему обычаю, волосы, в траурных одеждах вместе с женами и детьми искренне оплакивали его не как победителя и недавнего врага, а как законнейшего царя своего народа. Привыкшие жить под властью царей, они признавали, что никогда не было у них более достойного господина.

18. Печаль вышла за стены города и распространилась на ближайшую область, а затем молва о столь великом горе охватила и большую часть Азии по сию сторону Евфрата. 19. Скоро достигла она и матери Дария. Разорвав на себе одежду, она облеклась в траур и, растрепав на себе волосы, упала на землю. 20. Была при ней одна из внучек, оплакивавшая потерю Гестииона, за которого вышла замуж, и собственное горе объединила с общим несчастьем. 21. Но одна Сисигамбис могла охватить горести всех своих детей; она оплакивала и свою судьбу, и судьбу внучат. Новое горе оживляло память о прежнем. Кажется, что она только что потеряла Дария и что ей, несчастной, приходится хоронить двух сыновей. 22. Она оплакивала как мертвых, так и живых. Кто будет заботиться о сиротах? Какой будет новый Александр? Снова они пленницы, снова лишились царства. Они нашли человека, который стал охранять их после смерти Дария, после смерти Александра они такого, конечно не найдут. 23. Вспомнилось при этом, что 80 ее братьев были перебиты в один день свирепейшим царем Охом; прибавилось еще убийство отца стольких сыновей; из 7 рожденных ею детей остался в живых один; сам Дарий благоденствовал недолго, тем более жестокою смертью он испытал. 24. Наконец она не выдержала своего горя, отстранилась от бывших при ней внука внучки и, накрыв себе голову, отказалась от пищи и света. Она скончалась на пятый день после того, как приняла решение умереть. 25. Смерть ее является несомненным доказательством справедливости Александра ко всем пленным и особенного внимания к ней. Она нашла силы жить после гибели Дария, но не могла пережить Александра.

26. И в самом деле, если справедливо судить о нем, добрые качества царя следует приписать его природе, пороки — судьбе или возрасту. 27. Невероятная сила духа, почти чрезмерная выносливость в труде, отвага, выдающаяся не только среди царей, но и среди тех, для кого она является единственной доблестью; 28. его щедрость, дававшая людям даже больше того, чего просят у богов, милость к побежденным, щедрое возвращение многих царств тем, у кого он их отнимал войной, и раздача их в качестве подарка. 29. Постоянное пренебрежение смертью, боязнь которой лишает других мужества; жажда похвал и славы, хоть и более сильная, чем следует, но вполне объяснимая при его молодости и столь великих подвигах; 30. его почтительность к родителям: мать Олимпиаду он решил обессмертить, за

отца Филппа он отомстил; 31. его благосклонность почти ко всем друзьям, благожелательность к солдатам; забота о них, равная величию его души; находчивость, едва совместимая с его молодым возрастом; 32. мерой в неумеренных страстях было удовлетворение желаний в естественных границах и наслаждение — в пределах дозволенного. Это все, конечно, большие достоинства. 33. А вот дары судьбы: он приравнивал себя к богам и требовал божеских почестей, верил оракулам, внушавшим ему это, и распался несправедливым гневом на отказы-вавшихся почитать его, как бога. Он переменил на иноземные свое платье и обычаи, стал перенимать нравы побежденных народов, которые до своей победы презирал. 34. Его вспыльчивость и пристрастие к вину, проявившиеся в нем с юных лет, могли бы смягчиться к старости. 35. Все же надо признать, что если он многим был обязан своей доблести, то еще больше того — своей судьбе, которой владел как никто ереди людей. Сколько раз она спасала его от смерти? Сколько раз безрассудно подвергавшего себя опасности она охраняла в неизменном счастье? 36. Предел жизни она положила ему вместе с пределом славы. Судьба его выждала, пока он, покорив Восток и дойдя до океана, выполнил все, что доступно было человеку. 37. Такому царю и вождю нужно было найти преемника, но тяжесть его дел была не по силам одному человеку. Итак, имя его и слава его дел распространили его царей и царства почти по всему миру, и прославленными оказались даже те, которые хотя бы в незначительной мере были причастны к его судьбе.

ГЛАВА 6

1. Между тем в Вавилоне (на чем был прерван рассказ) телохранители царя созвали во дворец ближайших его друзей и вождей. За ними последовала толпа солдат, желавших узнать, к кому перейдет власть Александра. 2. Многие вожди, затертые толпой солдат, не смогли войти во дворец; поэтому глашатай не стал пропускать тех, кого не мог назвать по имени. Но его распоряжений плохо слушались. 3. Сначала возобновился громкий вопль и плач, затем в ожидании решения все удержали слезы и установилась тишина. 4. Тогда Пердикка, поставив на виду у всех царское кресло, на котором находились диадема, одежда и оружие Александра, положил на то же кресло перстень, переданный ему царем накануне; при виде этих предметов у всех опять потекли слезы от горя.

5. Пердикка начал говорить так: «Вот тот перстень, которым царь обычно скреплял важные государственные решения, данный им лично мне; я возвращаю его вам. 6. Хотя нельзя себе представить, чтобы разгневанные боги могли послать нам какое-нибудь другое несчастье, равное тому, которое на нас обрушилось теперь, однако величие совершенных Александром дел заставляет верить, что столь великий герой сблизил богов с че-

ловеческими делами и они быстро примут в свой сонм того, кто исполнил предназначенное ему судьбой. 7. Поэтому, поскольку от него остались только обычные останки смертного, мы должны прежде всего воздать должное его имени и телу, не забывая при этом, в каком городе и среди кого мы находимся и какого защитника лишились. 8. Нужно, о соратники, обдумать и решить, как нам удержать победу, пребывая среди тех, над кем мы ее одержали. Нам нужна голова. Одна ли моя голова или много голов, — решить это в вашей власти. Вы должны знать, что толпа воинов без вождя — это тело без души. 9. Шестой уже месяц Роксана беременна, будем ждать рождения сына, чтобы, когда он вырастет, ему с помощью богов принадлежало царство. Теперь же вы решайте, кем оно будет управляться».

10. Так говорил Пердикка. Затем выступил Непарх. «Ни для кого не может быть удивительно, — сказал он, — что царское величие подобает только кровным наследникам Александра. 11. Однако ожидать еще не родившегося царя и обходить уже существующего не соответствует ни духу македонцев, ни положению вещей. Есть у царя сын от Барсины, ему и надо передать диадему». 12. Никто не одобрил его речи. По своему обычаю все зашумели и долго стучали копьями, и, поскольку Непарх настаивал на своем мнении, дело чуть не дошло до мятежа. 13. Тогда выступил Птолемей: «Конечно, сын Роксаны или Барсины явится достойным отпрыском, чтобы управлять македонским народом, — сказал он, — однако Европе досадно будет назвать имя того, кто в основном пленник. 14. Стоило нам побеждать персов, чтобы служить их же роду. Ведь еще законные их цари Дарий и Ксеркс со своими многочисленными армиями и флотами напрасно стремились поработить нас. 15. Мое мнение таково: пусть те, кого Александр допускал на свои совещания, сходятся всякий раз, как будет потребность в совместном обсуждении, у его кресла, стоящего во дворце: на том, что решит большинство, и нужно всем стоять, этому должны подчиняться и все вожди, и военачальники».

16. Некоторые согласились с Птолемеем, меньшее число — с Пердиккой. Тогда начал говорить Аристон: «Когда Александра спросили, кому он передаст царство, он сказал, что хочет, чтобы оно досталось наилучшему; сам же он признал за лучшего Пердикку, которому и передал перстень. 17. Он был не один при умирающем, и царь, обведя всех глазами, выбрал из толпы друзей именно его, чтобы передать ему перстень. Следовательно, ему было угодно, чтобы высшая власть была передана Пердикке». 18. Никто не сомневался, что предложение Аристона справедливо. Итак, все предложили Пердикке выйти вперед и взять с кресла перстень царя. Тот колебался между сильным желанием и совестливостью и притом рассчитывал, что чем сдержаннее он будет добиваться желаемого, тем настойчивее будут другие ему это предлагать. 19. Итак, после долгих

колебаний, не зная, как ему поступить, он все же отошел и стал позади тех, кто сидел ближе.

20. А между тем один из вождей, человек твердого характера — Мелеагр, раздраженный колебанием Пердикки, выступил и сказал: «Да не допустят боги, чтобы судьба Александра и величие его власти легли на плечи этого человека; обычные люди этого не выдержат. Я не говорю о более знатных, чем он; вообще же людям не надо брать на себя никакой тяжести против своей воли. 21. Не имеет значения, будете ли вы иметь царем сына Роксаны, когда он родится, или Пердикку, так как он все равно захватит власть под видом опеки. Ведь ему не нравятся ни один царь, кроме еще не родившегося; при общей торопливости, вполне законной и даже необходимой, он один только высчитывает месяцы и даже предсказывает рождение сына; а вы еще сомневаетесь, готов ли он вам уступить? 22. Клянусь богами, если бы Александр оставил нам царем вместо себя этого человека, то мое мнение таково, что из всех его распоряжений именно этого одного не следовало бы исполнять. 23. Что же вы не бежите разграблять царские сокровища. Наследником этих богатств уж, конечно, является народ». 24. Сказав так, он прорвался сквозь ряды, а давшие ему дорогу последовали за ним за объявленной добычей.

ГЛАВА 7

1. Вокруг Мелеагра уже собралась большая толпа вооруженных, и вся сходка превратилась в мятеж и раздор, когда кто-то из самых низов, неизвестный большинству македонцев, сказал: «Зачем прибегать к оружию и гражданской войне, когда у вас есть царь, которого вы ищете? 2. Вы обходите Арридея, рожденного Филиппом, брата Александра, только что бывшего вашим царем; он участник священных церемоний и единственный теперь наследник. Чем он это заслужил? Что он сделал, что вы лишаете его прав, признанных у всех народов? Если вы ищете подобного Александру, вы такого никогда не найдете; если близкого ему, то таков один он». 3. Услыхав это, сходка сначала как бы по команде умолкла; затем все сразу закричали, что надо позвать Арридея; что смерти достойны те, которые проводил сходку без него. 4. Тогда Пифон, обливаясь слезами, начал говорить, что теперь особенно жалко Александра, который обманывался в преданности и услужливости добрых граждан и солдат. Они думают только о царском имени и традиции, а все другое у них в тумане. 5. Совершенно недвусмысленно он приписывал пороки юноше, которому предназначалось царство. Но то, в чем он его упрекал, вызвало больше ненависти к нему самому, чем презрения к Арридею: ибо, жалея его, все начали ему покровительствовать. 6. Итак, все упорными криками объявляют, что не допустят передать власть никому другому, как только тому, кто родился с призванием к власти, и требуют,

чтобы позвали Арридея. 7. Мелеагр из ненависти и вражды к Пердикке сейчас же привел его во дворец, и солдаты приветствовали его, называя царем Филиппом.

8. Но это был голос народа, мнение старшин было другое. Из них Пифон начал проводить план Пердикки: он объявляет опекунами будущего сына Роксаны Пердикку и Леоннату, рожденных от царской крови. 9. Кроме того, поручает Кратеру и Антипатру управлять делами в Европе. После этого от каждого была принята присяга признавать власть сына Александра. 10. Мелеагр же со своими людьми удалился было, с полным основанием испугавшись угрозы. Потом он снова ворвался во дворец, увлекая за собой Филиппа и крича, что в интересах государства он поддерживает только что избранного царя: пусть все проверят зрелость его возраста и сами убедятся, что он потомок Филиппа, царский сын и брат. 11. Никакое глубокое море, никакой бурный пролив не может поднять таких волн, какими бывают движения в толпе, особенно если она упивается новой и недолговечной свободой. 12. Лишь немногие голосовали за только что избранного Пердикку, большинство хотело предоставить власть Филиппу, которого презирали; и не могли долго придерживаться определенного желания или нежелания: то раскаивались в принятом решении, то жалели о своем раскаянии. В конце концов симпатии больше склонились в сторону царского сына. 13. Арридей удалился с собрания, подавленный выступлением вельмож; при его уходе солдаты скорее приумолкли, чем отказались от своих симпатий; его позвали обратно, и он надел на себя то самое платье царя, которое лежало на кресле. 14. А Мелеагр надел панцирь и взял оружие как защитник нового царя. Затем появилась фаланга, ударяя копьями о щиты, готовая обagrить себя кровью тех, которые претендовали на совершенно им не предназначенное царство. 15. Солдаты радовались, что силы царства останутся в руках той же семьи и дома. Наследственная власть укрепит царский род; они привыкли чтить и уважать само имя царя и думали, что никто не должен посягать на него, кроме рожденных царствовать.

16. Между тем Пердикка из предосторожности приказывает запереть зал, в котором лежало тело Александра. С ним было 600 выдающихся мужеством воинов, присоединился к нему также Птолемей и царская когорта юношей. 17. Однако без труда запоры были сломаны тысячной толпой вооруженных. Ворвался и царь, окруженный толпой прислужников во главе с Мелеагром. 18. Возмущенный Пердикка отзывает в сторону желающих охранять тело Александра, но ворвавшиеся силой издали мечут в него копья. Многие были ранены, когда вельможи, сняв шлемы, чтобы их легче было признать, начали просить бывших с Пердиккой не начинать распри, а уступить царю и большинству. 19. Пердикка первый сложил оружие, остальные сделали то же. Затем ввиду того, что Мелеагр убеждал их не

отходить от тела Александра, они, предполагая, что готовится засада, вышли из дворца с другой стороны и бежали к Евфрату. 20. Конница, состоявшая из знатнейших юношей, следовала сомкнутым строем за Пердиккой и Леоннатом; думали выйти из города и расположиться в поле. 21. Но Пердикка, не надеясь на то, что за ним пойдет пехота, решил остаться в городе, чтобы не казалось, что он, уведя конницу, оторвал ее от остального войска.

ГЛАВА 8

1. А Мелеагр не прекращал убеждать царя покарать смертью Пердикку за его претензии на власть: если не обуздать его непомерной гордости, он затеет переворот; он помнит свои заслуги перед Александром, нет ведь ни одного столь преданного ему человека, которого можно было бы не опасаться. 2. Царь допускал эти разговоры, но не соглашался с ними. Мелеагр истолковал его молчание как приказ и послал от имени царя людей вызвать Пердикку. Им же было поручено убить его, если он не согласится прийти. 3. Пердикка, когда ему сообщили о приходе царских приспешников, занял порог своего дома всего с 16 молодцами из царской когорты; он обрушился на пришедших с порицаниями, называл рабами Мелеагра и так поразил их твердостью своего духа и выражения лица, что те без памяти пустились в бегство. 4. Пердикка же велел своим людям сесть на коней и с немногими друзьями поехал к Леоннату, чтобы в случае нового нападения выставить более крепкую защиту. 5. На другой день македонцы признали недостойным делом, что Пердикка подвергается опасности, и решили применить оружие для наказания Мелеагра за его дерзость. 6. Но тот, предвидя возмущение, обратившись к царю, спросил, сам ли он издал приказ об аресте Пердикки. Тот ответил, что распорядился в соответствии с желанием Мелеагра, но это не должно служить поводом для смуты, ведь Пердикка жив.

7. Итак, Мелеагр, сильно обеспокоенный отпадением конницы, распустив собрание, и не зная, на что решится (ибо опасность, в которую он только что вверг своего врага, обернулась теперь против него самого), употребил почти три дня на обдумывание планов действия. 8. А во дворце внешне все оставалось по-прежнему: к царю приходили послы от племен, толпились военачальники, проходы были наполнены прислужниками и вооруженными людьми. 9. Но глубокая непроизвольная подавленность указывала на крайнюю безнадежность положения: все друг друга подозревали, никто не решался сойтись с кем-нибудь и поговорить, каждый обдумывал про себя свои тайные планы; приглядываясь к новому царю, все больше оплакивали утрату прежнего. 10. Все спрашивали себя, где же тот, воле которого они подчинялись и за которым следовали. Они осиротели среди враждебных непокорных народов, которые при первой возможности выместят на них понесенные ими пораже-

ния. 11. От таких размышлений ослабел их дух, когда вдруг сообщают, что всадники во главе с Пердиккой, заняв все поля вокруг Вавилона, задержали хлеб, который везли в город. 12. Поэтому сначала стал чувствоваться недостаток провианта, потом и голод, и находившиеся в городе требовали, чтобы с Пердиккой примирились или выступили против него с оружием. 13. Случилось так, что сельские жители, опасаясь разорения сел и хуторов, сбежались в город, а горожане, когда стало не хватать продовольствия, покидали город, и всем казалось, что положение других лучше, чем их собственное.

14. Македонцы, опасаясь общего смятения, сходятся в царский дворец и излагают свое мнение. Им казалось нужным отправить к всадникам послов, чтобы покончить с распрей и сложить оружие. 15. Итак, царь посылает к ним фессалийца Пасса, мегалополитанца Амисса и Перилая; когда они изложили поручение царя, всадники сказали, что сложат оружие только в том случае, если царь выдаст им зачинщиков разногласия. 16. Когда это стало известно, солдаты царя со своей стороны тоже взялись за оружие. Филипп, выйдя на их шум из дворца, сказал: «Не нужно распрей! Тот из сражающихся получит награду, кто раньше успокоится. 17. Вместе с тем не забывайте, что вы имеете дело с гражданами; сразу лишить их надежды на примирение будет на руку тем, кто стремится к гражданской войне. 18. Испытаем, не удастся ли их смягчить вторичным посольством; я уверен, что, поскольку тело царя еще не погребено, все сойдутся, чтобы отдать ему последний долг. 19. Что касается меня, я больше всего хочу сложить с себя эту власть, чтобы не вызвать пролития крови граждан, и если нет никакой надежды иначе добиться согласия, убедительно прошу вас: изберите другого, более достойного царя!» 20. Со слезами на глазах он снял с себя диадему и предлагал взять ее тому, кто признает себя более достойным. 21. Эта скромная речь зародила у всех веру в высокие качества его души, померкшую было перед светлым воспоминанием о его брате. Итак, все стали настаивать, чтобы он выполнил задуманное. 22. Он отправляет тех же послов с просьбой, чтобы двое вождей приняли к себе третьим Мелеагра. На это без труда дано было согласие, так как Пердикка стремился разлучить царя с Мелеагром и рассчитывал, что он один не будет равен по силе им двум. 23. Итак, навстречу Мелеагру, выступившему с фалангой, вышел Пердикка во главе своей конницы. Оба отряда молчаливо приветствовали друг друга и соединились, полагая, что навсегда закрепили мир и согласие.

ГЛАВА 9

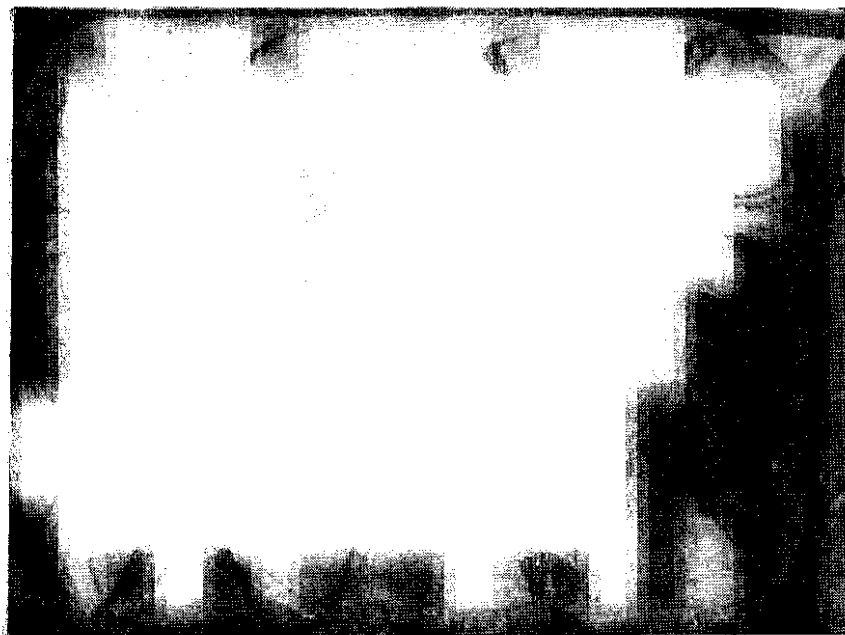
1. Но судьба готовила македонскому народу гражданские войны, ибо царская власть неделима, а добивались ее многие. 2. Итак, сначала силы были собраны, потом они рассеялись, и так как брали на себя бремя выше своих сил, отдельные час-

ти тела отказались служить, и империя, прочно державшаяся на плечах одного, распалась, когда ее стало подпирать несколько человек. 3. Поэтому по праву и справедливости римский народ признает, что обязан своим спасением принцепсу, явившемуся как новое светило в ночи, которую мы считали уже своей последней. 4. Именно его появление, а не восход солнца вернул свет миру, погруженному во мрак, лишенному солнца, трепещущему всеми членами от распрей. 5. Сколько факелов пожара оно тогда погасило, сколько мечей вложило в ножны! Какая буря внезапно сменилась ясной погодой! Империя не только оживает, она процветает! 6. Да не коснется его никакая зависть! Да процветает на долгие годы — о, если бы и на вечные времена — благополучие его дома!

7. Но вернусь к повествованию, прерванному соображениями об общей безопасности. Пердикка единственную надежду на свое спасение полагал в смерти Мелеагра и считал нужным захватить этого пустого и неверного, готового на немедленный переворот и крайне враждебного человека. 8. Но он усердно скрывал от всех свое намерение, чтобы захватить Мелеагра врасплох. Итак, он тайно подговорил некоторых из подначального тому войска, чтобы те открыто, но якобы без его ведома стали жаловаться на то, что Мелеагр уравниен в положении с Пердиккой. 9. Когда Мелеагру донесли об их разговоре, он вне себя от гнева высказал Пердикке все, что узнал. Тот прикинулся удивленным как бы новым для себя обстоятельством и стал разыгрывать сочувствие и выражать сожаление; под конец они уговорились выявить зачинщиков таких мятежных речей. 10. Мелеагр благодарит и даже обнимает Пердикку, хвалит его за такое к себе расположение. 11. После этого они соглашаются на совместное преследование виновных. Решают провести проверку всего войска по обычаю предков. Уважительной причиной было признано недавнее их разногласие. 12. Цари македонские обычно производили проверку своего войска так: в конце поля, на которое выводится войско, с двух сторон бросают внутренности зарезанной собаки, а внутри этого пространства становятся все вооруженные: с одной стороны конница, с другой — фаланга.

13. Итак, в тот день, на который была назначена эта священная процедура, царь с конницей и слонами встал против пехоты, которой командовал Мелеагр. 14. Вот конница пришла в движение, и пехота, сразу насторожившись из-за недавних распрей, после которых еще не успокоилась и все время чего-то ожидала, стала опасаться, уж не поведут ли войско в город; к тому же перед конницей находилась большая равнина. 15. Впрочем, усомнившись, справедливо ли они заподозрили своих сотоварищей, пехотинцы остались на месте, в душе приготовившись дать отпор, если бы кто на них напал. И вот уже отряды сходились, и их ряды разделяло лишь небольшое расстояние. 16. Тогда царь с одним отрядом стал объезжать ряды

пехоты, требуя на расправу, по настоянию Пердикки, зачинщиков смуты, за которыми должен был сам наблюдать; он угрожал в случае их упорства бросить на них всю конницу и слонов. 17. Пехотинцы были поражены неожиданной угрозой, и сам Мелеагр растерялся и пал духом. При создавшемся положении самым безопасным казалось выждать и не ускорять судьбу.

Рельеф с «саркофага Александра»

18. Тогда Пердикка, увидев их смущение и покорность, отделил от остальных примерно 300 человек, которые последовали за Мелеагром, когда он вырвался из первого собрания, происшедшего после смерти Александра, и на глазах у всего войска подставил их слонам. Все они были растоптаны этими зверями, и ни Филипп, ни сам он не воспрепятствовал этому. 19. Было очевидно, что он припишет себе только то, что будет оправдано исходом всего происшествия. Это явилось предзнаменованием и даже началом гражданских войн среди македонцев. 20. Мелеагр поздно понял хитрость Пердикки; но так как лично над ним не было совершено насилие, спокойно оставался на своем месте в строю. 21. Но вскоре он отчаялся в спасении, так как видел, что враги его злоупотребляли на его погибель именем того, кого он сам поставил царем, и укрылся в храм. Но даже святость места его не спасла, и он был убит.

1. Пердикка, отведя войско в город, собрал совещание виднейших военачальников. На нем решено было так поделить империю, чтобы царь сохранил в ней высшую власть. Сатрапом Египта и африканских народов, ему подвластных, был сделан Птолемея. 2. Лаомедонту была дана Сирия с Финикией, Филоу назначена Киликия, Ликий с Памфилией и с Великой Фригией должен был принять Антигон; в Карию был послан Кассандр, в Лидию — Менандр. 3. Малую Фригию, прилегающую к Геллеспонту, сделали провинцией Леонната; Каппадокия с Пафлагонией отошла к Евмену. Ему было приказано охранять эту страну до самого Трапезунта и вести войну с Ариаратом. Только он один не претендовал на власть. 4. Пифону было приказано управлять Мидией, Лисимаху — Фракией и прилегающими к ней понтийскими народами. Было также решено, чтобы стоящие во главе Индии, Бактрии, Согдианы и других племен на берегу океана или Красного моря обладали и военной властью в пределах подвластных им стран. Пердикка должен был находиться при царе и командовать состоявшими при нем войсками. 5. Некоторые думали, что провинции были распределены согласно завещанию Александра, но эта молва, хотя и принятая некоторыми писателями, по нашей проверке, оказалась ложной. 6. После разделения империи на части каждый охранял накопленное им богатство в расчете, что когда-нибудь будет поставлен предел чрезмерным домогательствам. 7. Дело в том, что незадолго до этого слуги царя под предлогом завоевания чужих царств по отдельности захватывали огромные пространства без всяких причин для войны, поскольку все жители там принадлежали к одному племени и были отделены от других границами своего царства. 8. Но трудно было довольствоваться тем, что предоставлял случай; когда претендуешь на большее, первое попавшееся кажется неприглядным. Поэтому всем казалось, что лучше самим расширять пределы своих владений, чем получать то, что имелось.

9. Шел уже седьмой день, как тело царя лежало на катафалке, а мысли всех были отвлечены от ритуальных забот размышлением вопросов об устройстве государства. 10. Нигде больше нет такого жаркого климата, как в Месопотамии; многих животных, застигнутых на голой почве, солнце там убивает. Такова сила накаленного воздуха, что все сжигается как бы огнем. 11. Источники воды там редки, и жители их скрывают, сами ими пользуются, иноземцам их не показывают. 12. Когда друзья смогли наконец отдалиться заботам о бездыханном теле и вошли в зал, не заметили на теле никаких признаков тления, ни даже бледности смерти: с лица его не сошла и та живость, которая поддерживается дыханием. 13. Так что египтяне и халдеи, которым было приказано приготовить тело по их обычаю, сначала не решались тронуть его руками, думая, что оно дышит; затем,

помолившись, чтобы им, смертным, было позволено прикоснуться к божеству, они очистили тело, наполнили благовониями и положили на золотое ложе, украсив голову знаками его сана.

14. Многие думают, что он был умерщвлен ядом, который дал ему по приказанию отца сын Антипатра, по имени Иолла, бывший среди слуг царя. Часто, правда, слышали слова Алек-

Бюст Селевка Никатора

сандра, что Антипатр претендует на царское достоинство, что он, гордясь своей победой над спартамцами, считает себя по силе выше обычного военачальника и что все получаемое от царя приписывает себе. 15. Думали также, что Кратер был послан для убийства с отрядом ветеранов. 16. Сила яда, добываемого в Македонии, такова, что он разрывает даже подковы, но копыто животного его выдерживает. 17. Источник, из которого добывают этот яд, называют Стиксом; его привез Кассандр и передал брату Иолле, а этот влил его в питье царя. 18. Как бы этому слуху ни верили, его заставило забыть могущество тех, кого он задевал. Ведь Антипатр захватил царство Македонское, а также и Грецию. 19. Власть его переняли его потомки, так как были истреблены все, кто остался в каком-либо родстве с Александром. 20. Тело Александра было наконец перевезено Птолемеем, которому достался Египет, в Мемфис, а оттуда через несколько лет в Александрию. Имени и памяти его таковоздаются всяческие почести.

КНИГА III

ГЛАВА I

1. *...отправив Клеандра с деньгами...* — Одновременно с Клеандром, сыном Подемократа, в Македонию под начальством Птолемея, сына Селевка, были отправлены молодожены, чтобы они провели зиму с женами (Агг, I. 24. 1—2). Клеандр с набранными им греческими наемниками вернулся во время осады Александром Тира (см. далее IV. 3. 11).
...уладив дела в Ликии и Памфилии... — О боевых действиях в Ликии и Памфилии см. Агг, I. 24. 3—6; 26. 1—27. 4.
2. *...река Марсий, прославленная в греческих легендах.* — По греческой мифологии, Аполлон, одержав победу в музыкальном соревновании над сатиром Марсием, содрал с него кожу и повесил ее в пещере, откуда берет свое начало эта река (Хеп. Апаб. I, 2. 8). Геродот отмечает, что кожа Марсия висит в самом городе Келены (VII, 26). В «Метаморфозах» Овидия рассказывается о том, что река возникла из слез казнимого Марсия (VI. 382—400).
6. *...крепость, в которую они убежали...* — На акрополе города кроме жителей находился гарнизон, состоявший из тысячи карийцев и 100 греческих наемников (Агг, I. 29. 1).
...он посылает туда вестника... — Парламстер (в латинском тексте «кадуцеатор» — *caduceator*) назван так по жезлу вестника богов Меркурия (Гермеса).
9. *...пленных, захваченных у реки Граник* — У реки Граник в мае 334 г. до н. э. состоялось первое крупное сражение с персидским войском, в котором Александр одержал блестящую победу. Среди пленных оказалось 2 тыс. греков-наемников, служивших персам; они были закованы в цепи и отправлены на работы в Македонию (Агг, I. 16. 2; 6). По Арриану, афинское посольство просило о возвращении на родину только своих сограждан (I. 29. 5—6).
12. *...дворец Мидаса.* — В греческой мифологии Мидас больше всего был известен благодаря дару Диониса превращать в золото любой предмет, которого он касался (Ovid. *Metamorph.* XI. 85—150).
13. *...схожа с островом...* — Здесь Курций Руф повторяет географические представления о Малой Азии, имевшиеся в то время в античной литературе (см., например: Strabo, XII. 1. 3).
14. *...храм Юпитера.* — греческие авторы также обычно называют верховное божество фригийцев Зевсом (см. Агг, II. 3. 6).
...колесницу, на которой, как утверждают, ездил Гордий, отец Мидаса. — По легенде, которую рассказывает Арриан, (II. 3. 2—6) во время междоусобной борьбы во Фригии было получено предсказание, что ее прекратит царь, приехавший к фригийцам на колеснице. Во время обсуждения этого предсказания в городе на колеснице появился Мидас, его отец Гордий и мать. Мидас был избран царем и прекратил смуту в стране. Колесницу своего отца Мидас поставил в качестве благодарственного подношения в храме Зевса-Царя.

16. *...по предсказанию оракула, Азию покорит тот, кто развяжет этот запутанный узел...* — Австрийский историк Ф. Шахермайр считает, что легенда о «гордиевом узле» первоначально имела узколокальный характер, и человек, развязавший узел, должен был стать царем Фригии (см.: Шахермайр Ф. Александр Македонский. М., 1984. С. 119). Вероятно, с легкой руки официального историка похода Александра Македонского Каллисфена речь уже шла не о маленькой Фригии, а обо всей Азии. Версия Каллисфена нашла свое отражение у Курция Руфа и Арриана (II. 3. 6); Плутарх говорит даже в этой связи о господстве над всей Вселенной (Alex. 18).
18. *...разрубив все узлы мечом...* — Версия о том, что Александр одним ударом разрубил узел, восходит, вероятно, к Каллисфену. Однако у Арриана и Плутарха сохранилась версия Аристубула, согласно которой Александр просто вытащил колышек, который проходил насквозь через дышло и на котором держался весь узел (Агг. II. 3. 7; Plut. Alex. 18).
19. *...чтобы освободить от вражеских гарнизонов острова Лесбос, Хиос и Кос.* — Острова Хиос и Лесбос, крме Митилены, были захвачены родосцем Мемноном, назначенным Дарием начальником персидского флота и наместником Нижней Азии (Агг. II. 1. 1—3). См. также Diod, XVII. 29. 2; 31. 3.
21. *...о смерти Мемнона...* — Мемнон внезапно умер во время осады Митилены весной 333 г. до н. э. (Агг. II. 1. 3). О смерти Мемнона см. также Diod, XVII. 29. 4; 31. 4.
22. *...генеты, от которых, как думают, происходят венеты.* — Страбон приводит различные точки зрения по этому вопросу (XII. 3. 8). По одной из существовавших версий, энеты (генеты), жившие ранее в Пафлагонии и принимавшие участие в Троянской войне, после ее окончания переселились сначала во Фракию, а затем в Адриатику (Strabo, XII. 3. 25; XIII. 1. 53).
24. *...во главе этой страны был поставлен Калат...* — Арриан пишет, что пафлагонцы просили Александра не вводить на их территорию македонские войска, и Пафлагония была подчинена сатрапу Фригии Калату (II. 4. 2). Калат, сын Гарпала, до этого командовал фессалийской конницей в войске Александра (Агг. I. 14. 2).
...только что прибывшие из Македонии войска... — По Арриану (I. 29. 4), молодые македонские армии, отправленные на родину под командованием Птолемея, чтобы провести там зиму, прибыли в Гордий, вместе с ними пришли набранные Птолемеем войска: пеших македонских воинов — 3 тыс., всадников — около 300, фессалийских всадников — 200, элейцев — 150 человек.

ГЛАВА 2

2. *...подсчет войскам по примеру Ксеркса.* — Геродот рассказывает, что Ксеркс приказал соорудить в Дориске (Фракия) огромное место, вмещающее 10 тыс. человек, и, заводя туда своих воинов, произвел подсчет войска во время похода на Грецию в 480 г. до н. э. (VIII. 60).
4. *...Персов было 100 тысяч, из них 30 тысяч всадников...* — По Диодору, в армии Дария было 400 тыс. пеших воинов и не менее 10 тыс. всадников (XVII. 31. 2). Арриан сообщает, что общая численность персидского войска была 600 тыс. человек (II. 8. 8); эту же цифру приводит и Плутарх (Alex. 18).
5. *Цетра (setra)* — небольшой кожаный щит.
10. *...афиянину Харидему...* — Харидем был афинским стратегом, изгнанным из Афин по требованию Александра после разгрома Фив. Беседа Дария с Харидемом была подсказана Курнию Руфу примером беседы Ксеркса с Демаратом у Геродота (VII. 101—105).

ГЛАВА 3

1. *...Тимод, сын Ментора...* — Согласно Арриану (II. 2. 1), Тимонд был племянником Мемнона, сыном его старшего брата Ментора. Тимонд должен был переправить греческих наемников в армию Дария.
...Фарнабазу царь передал — Фарнабаз, сын Артабаза, был племянником Мемнона, которому последний перед смертью передал свою должность до решения этого вопроса Дарием (Агг, II. 1. 3).
6. *...ножен для акинака...* — Акинак — короткий меч, бывший на вооружении в основном у скифов и персов.
9. *...маги...* — Жрецы зороастрийского культа.
11. *...белые кони везли колесницу, посвященную Юпитеру...* — То есть колесницу, посвященную верховному божеству зороастризма Ахура-Мазде, символу добра, света, правды. О подобной колеснице в войске Ксеркса см. у Геродота (VII. 40).
...конь огромного роста, называемый конем Солнца. — Божеством Солнца у персов был бог Митра.
13. *...«бессмертными», числом до 10 тысяч...* — Согласно Геродоту (VII. 83), 10 тыс. отборных воинов назывались «бессмертными», потому что их число было постоянным, так как, когда кто-нибудь из них умирал, на его место сразу назначали нового воина. Первая тысяча этих воинов состояла исключительно из представителей персидской знати и была личной гвардией царя.
14. *...«родичи царя»...* — Почетный придворный титул; по персидскому обычаю, «родственники» имели право на поцелуй самого царя (ср. Агг. VII. 11. 6).
16. *...одна — Нина, другая — Бела.* — Бел на аккадском языке «господин», обозначение верховного божества, в этот период с ним обычно отождествляли главного бога Вавилона, Мардука; Нин — на шумерском языке «владыка», под этим именем скорее всего подразумевалось верховное божество Ассирии — Ашшур. В античной литературе известен Нин — легендарный ассирийский царь, основатель Ниневии, муж Семирамиды (см. Diod., II. 1. 4—7; 2; Strabo, XVI. 1. 2).
19. *«Кидарис»* — головной убор, похожий на чалму, с приподнятой передней частью.
22. *Стадий* — мера длины в древней Греции, величина которой колебалась от 176 до 192 м.
24. *...360 царских наложниц...* — Диодор (XVII. 77. 6) сообщает, что позднее Александр завел себе такое же количество наложниц, выбранных из различных народов Азии.

ГЛАВА 4

1. *...во главе Каппадокии Абистамена...* — Арриан (II. 4. 2) указывает, что наместником Каппадокии был поставлен Сибикт
...место, называемое «Лагерь Кира» ...против Креза. — Более прав Арриан (II. 4. 3), связывающий это место с походом Кира Младшего в 401 г. до н. э., описанным греческим историком Ксенофонтом Анаб, I. 2.20).
3. *...Арсам, правивший Киликией...* — Арсам участвовал в битве при Гранике, убит в сражении при Иссе (Агг, II. 11. 8).
10. *...города Лирнесс и Фивы...* — По Гомеру, Лирнесс и Фивы Гипоплакйские — города, находившиеся в Трояде и населенные киликийцами, во время Троянской войны были взяты Ахиллом (Ном. II. П. 690—691). После окончания войны часть киликийцев бежала в Памфилию, где ими были основаны одноименные города (Strabo, XIV. 4. 1; 5. 21).
...пещера Тифона... — Пиндар в одной из своих од (Рірп, I. 15) рассказывает, что стоглавое чудовище Тифон, с которым сражался Зевс, было вскормлено «килийской пропастью».
...Корикийская роща, где растет шафран... — О Корикийской пещере, где произрастал самый лучший шафран, см. Strabo, XIV. 5.5. По одному

из греческих мифов, в Коринкийской пещере был заперт Зевс во время его борьбы с Тифоном (Apolloд, I. 6. 3).

15. *...точас вошел в спасенный им город.* — О поспешном бегстве Арсама см. у Арриана (II. 4. 5—6).

ГЛАВА 5

3. *...жизненное тепло почти покинуло тело.* — Арриан (II. 4.7) передает также версию Аристобула, что болезнь Александра была вызвана просто усталостью.
12. *...столь надменное письмо..* — Непонятно, какое письмо имеет в виду Курций Руф, поскольку первое письмо Дарий послал Александру только после битвы при Иссе. Именно это письмо вызвало сильное раздражение у Александра (Curt. IV. 1.7).
16. *...всякому, кто умертвит Александра, он даст тысячу талантов...* — В письме Пармениона говорилось только о том, что эта сумма была обещана врачу Александра Филиппу (Curt. III. 6.4). Тысяча талантов в качестве награды за убийство фигурирует у Арриана в рассказе о «заговоре» Александра Линкеста (I. 25.3).

ГЛАВА 6

4. *...Пармениона, письмо...* — О письме Пармениона см. у Арриана (II. 4.9—11) и у Плутарха (Alex. 19).

ГЛАВА 7

2. *...штраф в 200 талантов...* — Арриан (II. 5.5; 12.2) говорит, что это было сделано за благорасположение жителей города Сол к персам. После битвы при Иссе остаток штрафа был прощен и в город были возвращены заложники.
3. *...состязания в честь Эскулапа и Минервы...* — То есть в честь греческих божеств Асклепия и Афины.
4. *...и много земель на том же пути...* — Арриан (II. 5.7) пишет, что Александр получил известие от Птолемея и Александра об их победе над Ороуботатом, который охранял крепость Галикарнаса и удерживал в своей власти Минд, Кавн, Феру и Каллиополь; были подчинены македонцам также Кос и Триопий. В сражении было убито 700 пеших персидских воинов, 50 всадников и в плен было взято не менее 1 тыс. человек.
15. *...по приказу царя...* — У других историков нет рассказа о «заговоре» перса Сисена. Однако у Арриана (I. 25.3—4) в рассказе о заговоре Александра Линкеста упоминается перс Сисин, посланный к нему царем Дарием и перехваченный Парменионом.

ГЛАВА 8

13. *...Аманские ворота.* — Проход в восточных отрогах Тавра.
15. *...рассказать своему царю о виденном.* — Арриан (II. 7.1) пишет, что захваченные в Иссе греки после пыток были казнены.
22. *...к третьей смене караула.* — В Древнем Риме ночь разделялась на 4 стражи (vigilia), третья смена караула приходилась на часы незадолго перед рассветом.

ГЛАВА 9

10. *...Александр поставил агриан...* — фракийско-македонское племя, жившее по реке Стримону между горами Гем и Родопы; славились как искусные стрелки из лука.
12. *...прикрывать ее с флангов.* — О построении армий Дария и Александра Македонского перед сражением см. у Арриана (II. 8.2—11; 9.1—4).

ГЛАВА 10

3. *...Александр шел перед знаменами...* — В данном случае Курций Руф использовал слово из терминологии римской армии (*signum*). Сигнум — в римской армии особый знак манипулы и когорты, представляющий изображение животного или раскрытой руки на длинном древке; под этим изображением табличка с наименованием части.
5. *...Геркулеса и Отца Либера...* — Геркулес — римское имя Геракла; Либера — старогреческий бог, отождествляемый с греческим богом Дионисом. В греческих мифах рассказывалось о походах обоих божеств в самые разные страны.
...Бактрия и Индия станут македонскими провинциями... — В других источниках нет сведений о наличии у Александра столь далеко идущих планов на этом этапе войны. Ср. речь Александра у Арриана (II. 7.6).
7. *...отца Филиппа, победителя афинян...* — В 338 г. до н.э. в битве при Херонесе Филипп II разгромил объединенные войска греческих полисов, в которые входили и Афины. Однако политика Филиппа II и Александра по отношению к Афинам была достаточно доброжелательной.
...как были покорена Беотия и сравнен с землей ее славнейший город. — Во время восстания греков в 335 г. до н.э. Александр уничтожил главный центр восстания Фивы, что произвело шоковое впечатление в Греции.
...то о реке Гранике... — Речь идет о победе Александра над персами у реки Граник в самом начале похода.
8. *...о дерзости Дария, а затем Ксеркса...* — В 490 г. до н.э. при Дарии I был совершен морской поход в Аттику, закончившийся битвой при Маратоне. В 480 г. до н.э. Ксеркс вторгся с огромной армией в Грецию, его поход завершился разгромом персов при Саламине и Платеях.
9. *...дважды были разрушены и сожжены греческие храмы, осаждались города...* — О значительных разрушениях в Греции можно говорить только после похода Ксеркса.
10. *...промерзшие от вечного холода...* — Риторическое преувеличение автора.

ГЛАВА 11

10. *...среди них узнали Атизия...* — Согласно Диодору (XVII. 21.3), Атизий погиб еще при Гранике.
11. *...лозорно бросив знаки царского достоинства...* — Арриан (II. 11.5) говорит, что Дарий оставил в брошенной им колеснице щит, лук и верхнюю одежду.
18. *...но это не было бегством...* — Аминта, сын Антиоха, упоминается Аррианом (I. 25.3) в связи с делом Александра Линкеста как якобы передавший при своем бегстве его письма Дарию. Арриан (II. 13.2) перечисляет имена и других командиров греческих наемников, бежавших после битвы при Иссе вместе с Аминтой: Фимонд, сын Ментора, Аристомед фереец, Бианор акарнанец.
27. *...погибло 150 всадников...* — Потери персов все источники оценивают одинаково (Агг, II. 11.8; Diod, XVII. 36.6; Plut. Al, 20), однако Диодор отмечает, что в армии Александра погибло 300 пехотинцев.

ГЛАВА 12

3. *...когорта же, охранявшая шатер царя...* — Здесь Курций Руф использует римскую военную терминологию (*cohors praetoria*) для обозначения отряда телохранителей Александра.
7. *...Митрону, сдавшему Сарды...* — О Митрене см. Агг, I. 17.3—4 и Diod. XVII. 21.6.
17. *...и этот человек — Александр...* — Здесь игра слов: Александр по-гречески значит «защитник людей».
18. *...от Геллеспонта до Океана...* — В македонской армии, особенно во время

индийского похода, очень популярным было уподобление Александра второму Дионису, который, как верили греки, первый покорил Индию. За Индией, по представлениям греков до похода Александра, должен был начинаться **Океан**.

19. *...не стал бы убивать друзей на пирах...* — Имеется в виду убийство на пиру Клита и убийство в Экбатанах по приказу Александра полководца, соратника Филиппа II, Фармениона (Сurt, VII. 2.27; VIII. 1.52).
27. *...Юпитеру, Геркулесу и Минерве...* — То есть греческим божествам Зевсу, Гераклу и Афине.

ГЛАВА 13

2. *Марды* — воинственное горное племя, жившее в Мидии и Гиркании, обычно служили лучниками в войске персов.
10. *...префект...* — Здесь Курций Руф использует римский термин для обозначения должности правителя Дамаска.
14. *...жена и сын... Мемнона...* — Мемнон отослал свою жену и детей к Дарию еще при подготовке к обороне Галикарнаса (Diod, XVII. 23.5). По словам Плутарха (Alex. 21), вдову Мемнона звали Барсина, она получила в свое время греческое образование и была единственной женщиной, с которой еохелся Александр до своей женитьбы на Роксане.
15. *...с Монимом и Калликратидом...* — Арриан (II. 15.2) называет иные имена захваченных греческих послов: спартанец Эвфикл, фиванцы Фессалиек и Дионисодор, афинянин Ификрат.

КНИГА IV

ГЛАВА 1

4. *...правителем Сирии, называемой Келесирия...* — У Арриана наместником Келесирии назван Менон, сын Кардима (II. 13.7).
6. *...царь этого острова Стратон...* — Арриан (II. 13.7) говорит, что Стратон был сыном царя Арада Герострата, в это время находившегося со своими кораблями в составе персидского флота.
7. *...письмо Дария...* — Содержание письма Дария излагает также Арриан (II. 14. 1—3). Диодор (XVII. 39.2) пишет, что Александр скрыл подлинное письмо Дария и показал своим друзьям другое письмо, написанное им самим.
10. *...написал ему в следующем тоне...* — Иной текст ответа Александра приводит Арриан (II. 14.4—9).
...Дарий, имя которого ты принял... — В 338 г. до н.э. в результате заговора придворного евнуха Багой был отравлен персидский царь Артаксеркс III; затем 2 года на персидском престоле был его младший сын Арсес, убитый вместе с членами своей семьи в результате нового заговора; в 336 г. до н.э. Багой посадил на престол представителя боковой линии Ахеменидского рода сатрапа Армении по прозвищу Кодоман, принявшего тронное имя Дарий III в честь Дария I, при котором начались греко-персидские войны первой половины V в. до н.э.
...объявив войну Македонии и Греции... — Македонское царство подчинилось Дарию I, когда персидская армия подошла к его границам. Македонские войска были в составе армии Ксеркса во время его похода в Грецию в 480 г. до н.э.
11. *...потерпев поражение в морской битве...* — Имеется в виду Саламинское сражение, произошедшее 28 сентября 480 г. до н.э. и закончившееся разгромом персидского флота.
...оставил в Греции Мардония... — Полководец Ксеркса Мардоний погиб в сражении при Платеях в 479 г. до н.э., после чего остатки персидской армии были изгнаны из Греции.
12. *...родитель мой Филипп был убит людьми, которых вы соблазнили на-*

- деждой получить огромные деньги... — Здесь Курций Руф излагает одну из версий убийства Филиппа II.
- ...убийцу против меня за тысячу талантов... — См. Curt, III. 5.16.
15. ...к Сидону, известному своей древностью... — По греческой мифологии, сидонской царевной была Европа, похищенная Зевсом; ее брат Кадм стал основателем Фив в Греции (Ovid. Metamorph. II. 833—875; III. 1—137).
16. ...царствовав в нем Стратон... — Не следует путать со Стратоном, царем Арада (Curt, IV. 1.6).
23. ...отправился во дворец... — Диодор (XVII. 46.6) ошибочно пишет, что Александр сделал Абдалонима царем взятого им позднее Тира.
27. ...с 4 тысячами греков... — Арриан (II. 13.2) сообщает, что командиры греческих наемников смогли собрать 8 тыс. воинов.
28. ...претор Египта Сабак убит в бою... — О смерти Сабака см. Curt, III. 11.10. Здесь Курций Руф использует римский термин для обозначения должности сатрапа Египта.
- ...египтяне всегда были враждебны своим преторам... — Египет был захвачен персами в 525 г. до н.э. Египтяне поднимали восстания в 486—484, 460—454 гг до н.э. В 405 г. до н.э. в результате восстания Амиртая Египет стал независимым государством. Вновь персы подчинили его только в 342 г. до н.э.
35. ...во главе Лидии стоял претор Александра Антигон... — По Арриану (I. 17.7), наместником Лидии был оставлен Асандр, сын Филоты.
37. ...ведя в город Хиос свой гарнизон... — Персы опасались восстания в греческих городах после получения там вестей о сражении при Иссе (Arr, II. 13.5).
39. ...начал войну... — Арриан (II. 13.6) сообщает, что Агис для этой цели получил от персов 30 талантов и 10 триер.
- ...Антипатра, префекта Македонии... — Антипатр, военачальник Филиппа II, был оставлен регентом Македонии с 12 тысячами пехих воинов и с 1,5 тыс. всадников (Diod. XVII. 17.5).

ГЛАВА 2

3. ...жертвы Геркулесу... — Греки отождествляли с Гераклом (римским Геркулесом) финикийское божество Мелькарта, бога — покровителя Тира. О храме Геракла (Мелькарта) в Тире сообщает Геродот (II. 44).
- ...ведут свой род от этого бога... — Македонские цари возводили свою династию к потомкам Геракла из Аргоса (Her, V. 22).
4. ...Палетир... — Старый Тир, находившийся на материке.
7. ...африканского ветра... — Африканским называясь юго-западный ветер.
10. ...священной годовщины... — Скорее всего речь идет о регулярной выплате карфагенянами священной десятины тирскому храму Мелькарта (Diod, XX. 14).
- ...ведь Карфаген основали тирийцы... — Согласно античной традиции. Карфаген был основан выходцами из Тира в 825 или 814 гг. до н.э.
12. ...вороны... — специальные крюки (cogvus), они выбрасывались из метательных машин, зацеплялись за вражеский корабль и притягивались обратно.
20. ...Нептуна... — То есть греческого бога морских стихий Посейдона.

ГЛАВА 3

1. ...отправился в Аравию... — О походе Александра против арабов см. Плутарх (Alex. 24) и Арриан (II. 20.4).
11. ...недавно прибывший в Азию с греческими солдатами... — см. Curt, III. 1.1. Арриан (II. 20.5) сообщает, что Клеандр привел с собой 4 тыс. греческих наемников.
- ...флот в 190 кораблей... — По Арриану (II. 20.1—3), к Александру прибыл финикийско-кипрский флот общей численностью в 225 кораблей.

- ...квинквасреме... — Корабль в 5 рядами весел; на греческом языке такие суда назывались пентеры.
14. ...квадриремы... — Корабль с 4 рядами весел; на греческом языке такие суда назывались тетеры.
20. ...недалеко от стен Карфагена... — Здесь Курций Руф допускает ошибку: война Карфагена с Сиракузами при Агафокле происходила на двадцать лет позже (311—305 гг. до н.э.). Именно во время этой войны в 310 г. до н.э. Агафокл со своим войском высадился в Африке и дошел до Карфагена.
- ...чтобы их увезли в Карфаген... — По Диодору, значительная часть населения Тира была все-таки отправлена в Карфаген (XVII. 46.4).
21. ...особенно почитаемый ими Аполлон... — С Аполлоном обычно отождествляют финикийского бога Решефа, божество войны, бури, эпидемий и исцелений от них; он изображался с луком в руках.
22. ...приковали ее к жертвеннику Геракла... — По словам Плутарха (Alex. 24), тирийцы поступили со статуей, как с перебежчиком, прибыв к ее постаменту надпись: «Александров прихвостень».
- ...на своей первоначальной родине... — По сообщению Диодора (XIII. 108), в 405 г. до н.э. в Тир была отправлена большая бронзовая статуя Аполлона, захваченная карфагенянами в Геле на Сицилии.
23. ...к закланию в жертву Сатурну свободнорожденного младенца... — Под Сатурном (греческим Кроносом) подразумевается скорее всего древнее финикийское божество Баал-Хаммон, бог солнца, плодоносящей земли, потустороннего мира. В честь него в Карфагене происходили человеческие жертвоприношения; особенно известны жертвы детей, главным образом первенцев, мальчиков, но часто и девочек, в основном из аристократических семейств.
- ...до самого разрушения их города... — Карфаген был разрушен римлянами в 146 г. до н.э.

ГЛАВА 4

15. ...основателем обоих городов считался Агенор... — Агенор — легендарный отец Европы и Кадма. По Юстину (XVIII. 3.5), Тир основали сидонцы, бежавшие из своего разрушенного города за год до Троянской войны.
17. ...вдоль берега моря... — Диодор (XVII. 46.3—4) пишет, что в сражении пало 7 тыс. тирийцев. 2 тыс. юношей были казнены, в плен было взято 13 тыс. человек. По Арриану (II. 24.4—5), погибло 8 тыс. тирийцев и 30 тыс. было продано в рабство.
19. ...либо первым стал их распространять... — Геродот (V. 58) сообщает, что финикийцы, прибывшие вместе с Кадмом, принесли с собой в Грецию письменность.
20. ...Карфаген в Африке, Фивы в Беотии, Гадес на Океане. — По античной традиции, основателем беотийских Фив считается финикиец Кадм (Негл. II. 49; Apollod. III. 4.1). Гадес (совр. Кадис) был основан финикийцами в Южной Испании со стороны Атлантического океана.
21. ...испытал много падений... — До Александра Македонского Тир всегда удавалось откупиться от иноземных завоевателей.
- ...под охраной римского гуманного владычества... — Зимой 64/63 г. до н.э. Сирия и Финикия были подчинены римским полководцем Г. Помпеем и вошли в состав Римского государства.

ГЛАВА 5

6. ...для его гибели... — Арриан относит к этому времени письмо (II. 25.1) соответствующее тому, которое Курций Руф считает третьим посланием Дария и относит ко времени незадолго до Гавгамельской битвы (IV II.1—9).
14. ...между Ахавей и Азией... — Курций Руф использует названия римских провинций Ахайи и Азии для обозначения материковой Греции и западной части Малой Азии.

17. *...Фарнабаза... в оковах...* — Позднее Фарнабаз убежал из-под стражи (Агг. III. 2.7).
18. *Лембы* — легкие остроконечные суда.
21. *...а затем их передают Амфотеру и Гегелоху...* — О событиях на Хиосе см. Арриан (III. 2.3—5).

ГЛАВА 6

- ...претору бактрийцев Бессу...* — Бесс — сатрап Бактрии.
- ...был преданный своему царю Бегис...* — Арриан (II. 25.4) говорит, что наместником Газы был евнух по имени Бат.
17. *...царь был ранен стрелой...* — Арриан (II. 27.2) уточняет, что это была стрела, выпущенная из катапульты
18. *...направлены были копья...* — Здесь в рукописях небольшая лакуна.
19. *...он подражает Ахиллу...* — Во время Троянской войны Ахилл после своей победы над Гектором подобным образом поступил с трупом врага (Нот. II. XXII. 395—404).
- ...от которого сам вел свой род...* — Мать Александра Олимпиада происходила из рода эпирских царей, которые считались потомками Ахилла.

ГЛАВА 7

5. *...к оракулу Юпитера-Аммона...* — Имеется в виду оазис Аммона в Ливийской пустыне, где находилось знаменитое прорицалище.
8. *...до храма Юпитера...* — То есть Аммона.
9. *...и звали посетить их города...* — О посольстве киренцев см. подробнее у Диодора (XVII. 49.3—4).
18. *...арабы, называемые троглодитами...* — То есть живущими в пещерах. *...резиденцию тиранов...* — То есть правителей.
22. *...есть и другой оазис Аммона...* — Диодор (XVII. 50.4) более точно указывает, что в том же самом оазисе есть еще один храм Аммона, возле которого находится знаменитый «солнечный» источник; см. также Арриан (III. 4.2—3).
23. *...на выпуклость, украшенную смарагдами и жемчугом...* — Курций Руф, вероятно, не совсем понял текст своего источника. Диодор (XVII. 50.6) пишет только о том, что статуя божества была усыпана изумрудами и другими драгоценными камнями.
28. *...почести своему царю победителю...* — О прорицании Александру в храме Аммона писали многие античные авторы. См. Агг. III. 4.5; Diod. XVII. 51.1—4; Strabo. XVII. 1.43.

ГЛАВА 8

2. *...названная по имени основателя...* — По Арриану (II. 1.5—2.1) и Плутарху (Alex. 26), Александрия была основана еще до похода Александра в оазис Аммона (см. также Диодор, XVII. 52.1—5).
3. *...дворец Мемнона и Тифона...* — Мемнон, сын Тифона и богини зари Эос, участник Троянской войны (Strabo, XVII. 1.42).
4. *...с той же Африки и с Египта — Клеомен...* — Более подробно о системе управления Египтом сообщает Арриан (II. 5.2—6); среди упомянутых должностных лиц отсутствует родосец Эсхил.
1. *...среди них Аристоники...* — Об Аристонике см. Curt. IV. 519—21; Агг. III. 2.4—5.
2. *...чтобы пленные греки были возвращены к своим...* — Афиняне уже и раньше обращались с подобной просьбой к Александру (Curt. III. 1.9). На этот раз Александр приказал отпустить афинян, захваченных в составе персидского войска в битве при Граняке (Агг. III. 6.2).
5. *...очистить море от пиратов...* — По Арриану (III. 6.3), Амфотер был направлен к Пелопоннесу для борьбы против спартанцев.
6. *...посвятил тирскому Геркулесу...* — То есть тирскому божеству Мелькарту.

ГЛАВА 9

24. *...начальнику пеонийских всадников...* — Пеонийцы — одно из племен в Иллирии.

ГЛАВА 10

2. *...затмение луны...* — Полное лунное затмение относят ко второму году 112 Олимпиады месяца боедромеона, то есть сентябрю 331 г. до н. э.
4. *...собраться к преторию...* — Курций Руф использует римский военный термин преторий (praetorium), обозначающий главную площадку в римском лагере вокруг палатки полководца.
19. *...она лишилась сил и тут же умерла...* — Плутарх (Alex, 30) ошибочно пишет, что жена Дария умерла от родов.

ГЛАВА 11

9. *...твое милосердие превысило пределы положенного...* — О содержании третьего послания Дария см. также у Диодора (XVII, 54.2) и Плутарха (Al. 29). По Арриану (II, 25.1), эти предложения Дарий сделал Александру еще во время осады Тира.
15. *...чем взять за них выкуп...* — Более лаконично передал суть спора Александра и Пармениона Диодор (XVII, 54.4—5)
18. *...на погибель мне деньгами подкупает моих друзей...* — См. Curt, III, 5.16.

ГЛАВА 12

- Менид* — гиппарх (командир отряда конницы) в армии Александра.
6. *Дахи* — кочевые ираноязычные племена, жившие к востоку от Каспийского моря.
Квадриги — здесь Курций использует латинский термин, обозначающий четверную упряжку лошадей для боевой серпоносной колесницы персидской армии.
8. *...одного из семи персов...* — согласно Геродоту (III, 70), 7 представителей наиболее знатных родов Персии, в том числе и будущий царь Дарий I, были организаторами убийства в 522 г. до н. э. мага (мидийского жреца) Гауматы, узурпировавшего престол ахеменидских царей.
9. *Красное море* — имеется в виду Эритрейское море античных авторов (совр. Персидский залив).
10. *...белиты, жители Косских гор...* — точное определение этой племенной группы затруднительно. Возможно, Курций имеет в виду либо племена, проживавшие на реке Белос в Финикии, либо обитателей о. Кос у берегов Карии (Малая Азия).
11. *Катаоны* — жители Катаонии, области в Южной Каппадокии.
12. *Кадусии* — воинственное племя в Мидии.
13. *Общая численность...* — Данные античных авторов о численности армии Дария III, собранной у Гавгамел, явно преувеличены. По Арриану (III, 18.6), она состояла из 40 тыс. конных всадников, 1 млн пехотинцев, 200 колесниц и 15 слонов. Согласно Диодору (XVII, 53.3; 1), у Дария III было около 800 тыс. пехоты, не менее 20 тыс. конницы и 200 серпоносных колесниц. Современные исследователи считают, что в этом бою Дарий располагал конным войском около 34 тыс. всадников.

ГЛАВА 13

1. *...поле всей предстоящей битвы...* — Битва произошла 1 октября 331 г. до н. э. у деревни Гавгамелы близ р. Бумода, примерно в 600 стадиях (120 км) от г. Арбелы (совр. Тель Гомел, примерно в 35 км к северо-востоку от г. Мосула в Северном Ираке). Само название Гавгамелы переводится как «верблюжий хлев».

7. *Полиперкон* — то есть Полиперхонт, сын Симия — таксиарх (командир пехотного полка) в армии Александра. После смерти Александра Полиперхонт стал правителем Македонии.
12. *...Солнцу, Митре и к священному вечному огню...* — Древние иранцы поклонялись многим божествам, среди которых выделяли Ахурамазду (греч. Фромазд) — всемогущего и всездесущего бога добра, олицетворявшего свет, жизнь и правду; Митру, олицетворявшего, в частности, победу в войне, и священный вечный огонь.
15. *Аристандр из Телмесса* — предсказатель, сопровождавший Александра Македонского в походе.
15. *Юпитера, Минерву и богиню Победы...* — латинизм Курция. Речь должна идти о Зевсе Аммене, Афине Палладе и Nike.
26. *...отборным войском...* — Курций использует здесь греческий термин «агема», означающий царскую конную гвардию.
27. *...среброщитные...* (греч. «аргираспиды») — Пешая гвардия «с серебряных щитов», состоявшая из царских телохранителей.
28. *...балакров...* — Это место в рукописях испорчено. Возможно, название народности, проживавшей на территории Македонии.
29. *Ахейцы* — жители Ахайи (область в Северном Пелопоннесе); *локры* — жители Локриды (область в Средней Греции); *малиейцы* — возможно, жители побережья Малийского залива, что на побережье Фессалии, области в Северной Греции.

ГЛАВА 14

14. *...как малочисленно неприятельское войско* — по Арриану (III. 12.5), в армии Александра при Гавгамелах было 7 тыс. всадников и около 40 тыс. пехоты.
15. *...с одной стороны Евфрат, с другой — Тигр...* — Здесь Курций допускает неточность. Битва произошла восточнее р. Тигр, а не на территории Месопотамии. Ср. примечание к IV. 13.1.

ГЛАВА 15

13. *Сариссоносцы* (сариссофоры) — тяжелая македонская пехота, вооруженная длинными (до 6 м) копьями (сариссами).
20. *...бактрийцы...* — Здесь у Курция противоречие. Выше (IV. 12.6) было сказано, что бактрийцы располагались на левом фланге.

ГЛАВА 16

6. Река Лик — восточный приток р. Тигр.
26. Потери сторон в битве при Гавгамелах античными авторами указываются по-разному. Так, Арриан (III. 15.6) сообщает, что персов погибло до 30 тыс. человек, македонцев же всего 100 человек. По Диодору (XVII. 61.3), потери персов составили 90 тыс. пехотинцев, была уничтожена вся конница; македонцы потеряли убитыми около 500 человек.

КНИГА V

ГЛАВА I

1. *...совершенно по... воле Александра...* — Во время восточного похода Грецией правил Антипатр, сподвижник и полководец Александра, назначенный наместником Македонии.
1. *...сдаст... Вавилон...* — Этот тактический замысел Дария III (см. также Атг, III. 16.1—2) в дальнейшем подтвердился лишь отчасти.
1. *...с левой стороны...* — Здесь, очевидно, ошибка, поскольку на самом деле Аравия должна быть с правой стороны.

12. ...по водоносным жилам... — Кроме традиционных каналов для орошения полей, в частности, в подгорных зонах издана использовались системы глубоких колодцев и подземных галерей, так называемые кяризы (канаты). Возможно, именно их имеет в виду Курций.
16. Менчис — город в Вавилонии. Локализация затруднительна.
...битума... — Согласно Страбону (XVI. 1.15) и Плинию Старшему (NH. VI. 99), кроме упомянутого вавилонского асфальта-битума местным жителям был известен так называемый жидкий асфальт (природная нефть).
24. ...его основала Семирамида... — Из многих легенд об основании Вавилона Курций придерживается версии Ктесия Книдского, согласно которому Бел основал крепость, а сама Семирамида — город (Diod. II. 7.5).
- 25—26. Согласно Геродоту, длина оборонительных стен Вавилона составляла 480 стадиев, что составляет около 90 км. Диодор (I. 7.3) и Страбон (XVI. 1.5) называют иные цифры (360—365 стадиев = ок. 67 км и 385 стадиев = 71 км). На самом деле периметр стен собственно Вавилона равнялся 8,15 км, а длина большой внешней стены, возведенной Навуходоносором II вокруг предместий Вавилона, составляла около 18 км.
26. Югер — мера площади, равная 2534,4 м². У некоторых античных авторов, в том числе и у Курция, югер — мера длины, равная греческому плетру (30,085 м).
27. У Геродота и Диодора дано другое описание построек Вавилона. Римский фут в качестве меры длины составлял 0,2963 м.
- 32—35. ...висячие сады... — Восходящее к Ктесию Книдскому и Бероссу предание о висячих садах Семирамиды — одним из так называемых «чудес света» — на самом деле не имеет отношения к исторической Семирамиде, жившей в IX в. до н.э. Они были построены лишь в VI в. до н.э. Навуходоносором II.
45. По Диодору (XVII. 64.6), всадники получили по 6 мин, чужеземные всадники — 5 мин, пехотинцы-македоняне — по 2 мины, воины-чужеземцы — двухмесячное жалование.

ГЛАВА 2

1. Область Ситтакена располагалась между Вавилонией и Сузианой (Strab. XI. 13.6). После походов Александра она стала называться Аполлониатидой, сохранив за собой статус сатрапии.
9. ...вкусной водой... — Геродот (I. 188) сообщает, что кипяченую воду и этой реки всегда возили в серебряных сосудах за персидскими царями а Кир II пил исключительно воду этой реки (ср.: Aelian. V. H. XII. 40).
- 11—12. По Диодору (XVII. 6.1—2), было захвачено 40 тыс. талантов золота и серебра в слитках и 9 тыс. талантов чеканной монетой — дариками Арриан (III. 16.7) сообщает о 50 тыс. талантах серебром и царским имуществом, Юстин (XI. 14.9) — лишь о 40 тыс. талантах.
- 13—15. В оценке случившегося Курций солидарен с Диодором (XVII. 66.3—7). У Плутарха (Alex. 37; De fortuna. 329) эта сцена лишена каких-либо драматических подробностей.
16. ...Ксенофилу... — Во время войн диадохов, когда коалиция военачальников Александра во главе с Антигоном осадила Сузы, Ксенофил оказался верен Евмену, пытавшемуся сохранить единство бывшей мировой державы (Diod. XIX. 18.1).
- 18—22. По версии Диодора (XVII. 67.1), к семье Дария, оставленной Александром в одном из царских дворцов в почетном плену в Сузах, были приставлены учителя греческого языка.

ГЛАВА 3

1. ...Тигру, называемой местными жителями Паситигр. — В данном случае естественно, это не река Тигр в Месопотамии. О Паситигре см. также Диодора (XVII. 67.2), Страбона (XV. 3.6) и Арриана (III. 17.1).

Укси — племя Юго-Западного Ирана, обитавшее восточнее Сузаны. Арриан (III. 17.1) делит уксиев на равнинных и горных, причем горные уксии, в отличие от уксиев-земледельцев, никогда не были подвластны персидским царям, которые выплачивали им дань за право перехода через их земли.

- 4—16. С Курцием солидарен Диодор (XVII. 67.4—5). Лишь матери Дария III удалось спасти уксиев от гнева Александра. По мнению Арриана (III. 17.6), Александр почти без осложнений покорил горных уксиев.
- ...города... — В данном случае речь идет о хорошо укрепленном поселении горных уксиев, расположенном среди неприступных скал.
9. ...«черепяху» из щитов... — Технический военный термин, обозначавший особый вид боевого построения войска, применявшийся греками со времени Пелопоннесской войны. Это была штурмовая колонна, состоявшая из тесно сомкнутых рядов пехотинцев, находившихся под прикрытием щитов — она использовалась при штурме неприятельских укреплений для защиты от неприятельских стрел.
16. ...сатрапу Суз... — То есть Абулиту.
17. ...Сузскими воротами... — Здесь у Курция географическая неточность: собственно Персия находится позади Сузских ворот узкого прохода между землями уксиев и Персидой.

ГЛАВА 4

7. *Р. Аракс* — совр. Бунд-Амир, *Мед* — совр. Польшвар = Сивейд.
14. ...конных стрелков... — Арриан (III. 18.4) называет их отдельно от стрелков и всадников.

ГЛАВА 5

5. ...до четырех тысяч... — Диодор (XVII. 69.3) и Юстин (XI. 14.11—12) называют лишь 800 человек.
9. *Кумеец* — то есть родом из Кум, греческой колонии в Италии на побережье Кампании.

ГЛАВА 6

12. Созвездие Вергилий иначе называют Плеяды.

ГЛАВА 7

3. О сожжении Персепольского дворца см. также у Диодора (XVII. 72.1—6), Арриана (III. 17.11—12) и Плутарха (Алех. 38).
8. ...проливы... — Здесь имеется в виду поход Ксеркса в Элладу в начале V в. до н. э. и прорытие канала на Афонском полуострове.
9. Окончательно Персеполь и его округа приходят в запустение в эпоху арабского нашествия (VII в.).

ГЛАВА 8

12. ...Мазей и Митрена... — Мазей, военачальник Дария III, который после сдачи Вавилона получил от Александра должность сатрапа Вавилонии. Митрен — персидский начальник крепости в Сардах, сдавший ее без боя. Он был назначен Александром сатрапом еще не завоеванной Армении.

ГЛАВА 9

1. *Артабаз* — наместник Дария III в Бактрии. О его дружбе с Филиппом, возможно, говорилось в несохранившихся книгах Курция.
2. *Набарзан* — военачальник Дария III.

ГЛАВА 10

7. *...преданности греков...* — Речь идет об упоминавшемся выше отряде греческих наемников.

ГЛАВА 11

10. *...что дела человеческие проходят и сменяются случайно...* — Указание на философское учение эпикурейцев.
...на основании связи скрытых причин и согласно установленному закону — утверждение философского учения стоиков.

ГЛАВА 13

2. *Паретакена* — здесь область между Персидой и Мидией.
6. Согласно Юстину (XI. 15.1), это селение Тара (Фара) в Парфии.
8. *Двоеборцы* — «сражающиеся обоими способами», то есть в пешем и конном строю. У Курция изобретение этого тактического приема приписывается Александру — однако он более поздний.
25. Конец пятой книги в рукописях не сохранился. Следуя Плутарху (Алех. 43), можно восстановить содержание этого сюжета. Под шкурами обнаружили умирающего от множества ран Дария. Грек Полистрат принес ему воды. После этого царь персов сказал о том, что очень сожалеет, что не может отблагодарить Александра за доброту, проявленную по отношению к его матери, жене и детям. С этими словами он скончался.

КНИГА VI

ГЛАВА 1

1. Начало шестой книги в рукописях не сохранилось. Предположительно оно имело следующее содержание. Во время описанных в предыдущей главе событий, то есть летом 330 г. до н.э., в Греции и Македонии (с неспокойно. Спартанскому царю Агису III в отсутствие Александра удалось собрать войско и начать военные действия на острове Крит и греческом побережье Малой Азии за освобождение Греции от македонского ига. Помощь людьми, кораблями и деньгами он получил от сов. Правитель Македония Антипатр собрал армию в 40 тыс. человек и послал извещение о событиях в Греции Александру. Царь прислал денег для продолжения войны до полной победы. Ее начало было неуро для македонцев, но среди греков начались раздоры. Антипатр в Пелопоннесе генеральное сражение, окончившееся поражением и демонам, однако бой был упорным и продолжался долго с переменным успехом.
20. *Тегей* и *Мегалополь* — города в области Аркадии на Пелопоннесе.

ГЛАВА 2

13. *Боспор* — имеется в виду Боспор Киммерийский (Керченский пролив).
Борисфен — совр. Днепр.
Танаис — в данном случае у Курция имеется в виду совр. Дон.
15. *Гекатомпил*. — Этот город Страбон (XI. 5.14) называет столицей Парфии. Его отождествляют с совр. Дамганом.

ГЛАВА 3

2. *Трибаллы* — племя во Фракии, покоренное Александром весной 335 г. до н.э. в результате так называемого «северного похода» (Агг. I. 4.1—

2. *Багой* — придворный евнух, организатор дворцового переворота, в результате которого Дарий III пришел к власти.
3. *...власть его рабу...* — Речь идет о заговорщиках, убивших Дария. Несмотря на их высокий социальный статус (см. примечание к IV, 12.8), все они считались «рабами царя».

ГЛАВА 4

19. *...сам Океан...* — В древности было представление о том, что Океан находился недалеко от Мидии, Каспийского моря и Гиркании.
23. *Арвы* — Арриан (III, 23.6) называет этот город Задракарта.
25. *Тапуры* — племя в Гиркании и Атропатене.

ГЛАВА 5

1. *Синопы* — жители Синопы — города в Пафлагонии на южном побережье Понта Эвксинского.
2. *...к городу Гиркании...* — Курций — единственный античный писатель, который различает Гекатомпил (VI, 2.15) и город Гирканию (VI, 5.22) и указывает, что расстояние между ними было не менее 4 дней пути. Возможно, это объясняется механическим соединением нескольких источников, в которых один и тот же город назывался по-разному.
4. *Фасис* — река в Колхиде, впадающая в Понт Эвксинский (совр. река Риони).

ГЛАВА 6

- ...скала...* — Так называемая скала Сатибарзана в Бактрии.
- Артакана* — город в области Ария. Возможно, это современное городище Старый Серахс.
- Дранги* — племя, населявшее древнюю область Дрангиану (совр. Систан в Афганистане).

ГЛАВА 9

- ...моей бездетностью...* — Речь идет об отсутствии на тот момент законных наследников Александра.
1. *...на своем родном языке* — Курций считает, что во времена Александра греки не понимали македонского языка.

ГЛАВА 11

- ...фригийцами и пафлагонцами...* — Среди рабов в Греции было традиционно много выходцев из Фригии и Пафлагонии (области Малой Азии).
3. *Александр, Архелай, Пердикка* — македонские цари, предшественники Филиппа II.

КНИГА VII

ГЛАВА 1

- ...как мы уже сказали...* — О выдаче Александра Лникеста, зятя Антипатра, участника заговора, рассказано в одной из двух книг, не дошедших до нас.

ГЛАВА 2

3. *Арахосии* — жители области Арахосия, совр. Гератская долина.

ГЛАВА 3

- Аримасы* — племена, проживающие в Дрангиане.
«Эвергеты» (греч.) — благодетели.
4. *Понтийское море* — здесь Курций ошибается, речь должна идти о Каспийском (Гирканском) море.
 6. *Парапамисады* — население, обитавшее в горах Парапамис (Кавказ античных авторов), совр. Гиндукуш.
 19. *Кавказские горы* — в древности горы Ирана и Гиндукуш считались Кавказскими.
 23. *...Александрия...* — Вопрос о локализации Александрии Кавказской сложен. Есть мнение, что она располагалась в районе совр. Кабула в Афганистане.

ГЛАВА 4

9. *...опасности...* — В этом месте в рукописи лакуна.
31. *Бактры* — совр. город Балх в Афганистане.

ГЛАВА 5

13. *Окс* — совр. река Амударья.
27. *...тут привели Бесса...* — Согласно Арриану, это произошло до перехода через Окс.
- 28—36. *...Бранхиды...* — О городе Бранхидов, локализуемом в Бактрии-Согдиане, где-то в районе реки Окс, сообщают кроме Курция еще Страбон (XI. 11.4), Плутарх (Мог, 557В), Диодор (XIX. 90.4). Александрия не имевший на то юридических прав, никогда не судил греков. Сведения о кровавой расправе над Бранхидами и разрушении их города значительно преувеличены.
33. *...священные покрывала...* — По эллинскому обычаю, обращавшиеся к богам должны были накрывать себе голову.
36. *...к реке Танаис...* — Танаис (р. Яксарт античных авторов, совр. Сырдарья) впадал, по мнению Арриана (III. 30.7), в Гирканское (Каспийское) море. Кроме того, Арриан сообщает, что «должен быть еще другой Танаис», о котором пишет Геродот (IV. 57). Этот Танаис древние отождествляли с Доном и считали естественной границей Европы и Азии (Strabo, XI. 490. 491; Arr, III. 30.8). В изложении Курция вообще нет четкого разделения между Танаисом-Доном и Танаисом-Яксартом (см. далее VII. 6.12—13).

ГЛАВА 6

10. *...до города Мараканды...* — Совр. Самарканд.
12. Название «евронейские» объясняется ошибочным отождествлением Курцием Танаиса-Дона и Танаиса-Яксарта.
16. *Кирополь* — скорее всего это современный город Ура-Тюбе в Таджикистане (территория древней Согдианы).
17. *...другой город этой же области...* — Этот город под названием Габда вблизи р. Яксарт упоминает Арриан (IV. 24).
19. *...Кирополь...* — Выше (6.16) Курций говорит о том, что осада города была поручена Кратеру.
25. *...Александрией...* — Речь идет об Александрии Эсхате (скорее всего это бывший г. Ленинабад, ныне — Худжанд).
26. *...на семнадцатый день...* — Тот же срок указывает Юстин (XII. 5).
27. *...пленников...* — Арриан (IV. 4.1) пишет, что город был заселен эллинскими наемниками, ножелавшими остаться жить в нем, «соседями-ваварями» и уже непригодными к службе македонскими ветеранами. Его мнение, что Александр намеренно оставил в Эсхате греческих наемников, то есть тех, кто в войске «обнаружил беспокойный дух» (XII. 5.8).

ГЛАВА 7

3. ...сарматами... — Страбон (XI.2) считает сарматов тоже скифами.
4. ...Бактрия... — Имеется в виду Бактрия в широком смысле, то есть территория позднеахеменидской Бактрийской сатрапии, включавшая также и Согдиану.
13. ...в Европу... — Курций заставляет здесь Александра ошибаться из-за правильного отождествления им Танаиса (азиатского) с Доном.

ГЛАВА 8

18. ...царя Сирии... — Имеется в виду Ассирийское царство.

ГЛАВА 9

21. ...того места... — на реке Политимет, современная река Зеравшан. См. выше: 7.30—39.

ГЛАВА 10

15. Река Ох — современная река Теджес, приток Амударьи.
...городу Маргиана — Во время походов Александра этот город размещался на месте современного городища Эрк-кала, которое вошло позднее в археологический комплекс крепости Гяур-кала в древнем Мерве. Мерв, однако, находится на левом берегу Амударьи.

ГЛАВА 11

1. ...скала, занятая согдийцем Аримазом... — Арриан (IV. 18.4—19.5) называет эту горную крепость «Согдийской скалой», а руководителя ее обороны именует бактрийцем Окснартом.

КНИГА VIII

ГЛАВА 1

10. Локализация Базаиры, возможно охотничьего заповедника какого-то местного вождя, неизвестна.
17. Выдумка... — история о Лисимахе, ставшем в дальнейшем царем Фракии, и льве, правда без упоминания о Каллисфене, приводится также у Плутарха (Demetr. 27) и Павсания (I. 9.5). Иную версию см.: Val. Max. IX. 3; Plin. NH. VIII. 54.
23. ...славную победу Филиппа при Херонее... — Решающая победа, одержанная в 338 г. до н.э. Филиппом II над войском афинян и фиванцев, означала упадок государственной самостоятельности Северной и Центральной Греции и заложила основы гегемонии Македонии в союзе греческих государств, закрепленной Коринфским всегреческим конгрессом в 337 г. до н.э., а также ее руководящей роли в восточном походе Александра.
26. ...самофракийские мистерии... — Самофракия, гористый остров у побережья Фракии, был известен религиозными танствами (мистериями), проходившими в святилище Великих богов (кабиров, божеств плодородия, покровителей мореплавателей). Известно, что Олимпиада, жена Филиппа II и мать Александра, была посвящена в эти мистерии. В этих словах Александра содержится прямой намек на своего отца, сопровождавшего Олимпию на остров Самофракия.
28. ...стихи Еврипида... — Еврипид, Андромаха, ст. 684 и далее (пер. И. Ф. Анненского).
«...Как ложен суд толпы! Когда трофей
У эллинов победный ставит войско
Между врагов лежащих, но не те
Прославлены, которые трудились,
А вождь один себе хвалу берет...»

37. *...твоего дяди в Италии...* — речь идет о младшем брате Олимпиады — Александре, царе Эпира, который, как считали, был участником заговора против Филиппа II. В эти годы эпирский царь воевал в Италии (Агг. III. 6.7).
47. *...случилось с Дарием...* — Имеется в виду убийство Дария III.

ГЛАВА 2

8. *...своей воспитательнице...* — Речь идет о сестре Клита Гелланике.
- 14—19. *Ксениппа ... Наутака* — области, расположенные в долине современной реки Кашкадарья. Их точная локализация затруднительна. Не исключено, что одна из них располагалась в районе Кеша (совр. Шахрисабз), другая — в районе современного города Карши в Узбекистане.

ГЛАВА 4

1. *Габаза* — область в стране паретаков в Согдиане.
21. *Оксиарт* — знатный бактриец, отец Роксаны, приближенный Бесса, перешедший на сторону Александра.

ГЛАВА 5

2. *Бубакене* — область в стране паретаков в Согдиане.
8. *аргивянин Агис* — Агис из Аргоса (город в Арголиде, области в Пелопоннесе).
Кастор и Поллукс — близнецы, сыновья Зевса, участники ряда героических предприятий.
11. *...даже Геркулес и Отец Либер...* — Сравнения Александра с Гераклом и Дионисом представляли ту форму обожествления царской власти, которая была приемлема для греков и македонян. Характерно, что появились они еще до индийского похода, во время которого были «обнаружены» соответствующие культы у местных народностей (ср. Агг. IV. 10). Обращение к Гераклу объясняется не в последнюю очередь тем, что от него вели свой род македонские цари. Странствия Диониса в Малой Азии, Персии и Бактрии упоминаются уже у Еврипида.

ГЛАВА 6

2. *...услуг, мало отличающихся от обязанностей рабов...* — Речь идет о личном услужении, ср. сообщение Страбона (XV. 1.34): «вместо рабов им служат юноши цветущего возраста» (об индийцах в стране Мусикана).
7. *Гермолай* — по Арриану (IV. 13.2), сын Сополлида.
9. Арриан (IV. 13.4) называет Антипатра — сына Асклепиодора, сирийского сатрапа, Филота — сына фракийца Карсида, Антиклея — сына Феокрита, Эпимея — сына Арсея.

ГЛАВА 9

2. *...почти вся Индия обращена на Восток...* — Эратосфен и другие древние авторы описывали Индию в виде ромба, сторонами которого являются Инд, Гималайские горы и море. По Эратосфену (Агг. Ind. 3), длина Индии с запада на восток составляет 10 тыс. стадиев, ширина же 16 тыс. стадиев (ср. Strabo. XV. 1.11).
3. *...возвышаются горы...* — очевидно, имеются в виду горы полуостровной части Индостана.
...в Кавказских горах... — Речь идет о Гиндукуше. По представлениям древних. Кавказские горы тянутся к Индии от самого Тавра (ср. Агг. III. 28).
6. *...к Красному морю...* — Красным (Эритрейским) морем именовался Индийский океан, включая собственно Красное море и Персидский залив.
8. *В эту реку впадает Акесин...* — Согласно Арриану (Ind. 3), Акесин принимает воды рек Гидаспа, Гифасна и Гидраота.

- ...обе реки сливаются... — Текст испорчен; речь, очевидно, идет не о Ганге, а о Гидаспе. Ср. Curt. IX. 4.
9. *Река Диардан...* — Очевидно, соответствует названию Доан у Птолемея и Ойдан у Страбона (XI. 1.72). Последняя описывается Артемидором как приток Ганга, изобилующий крокодилами и дельфинами. Соответствует реке Брахмапутре.
10. *Эримант* — у Арриана (IV. 6.6) Этимандр — река, протекающая в земле «Благодетелей» (Эвергетов). Упоминается также у Полибия.
14. *...по имени царя Эритра...* — об этом царе со слов Агатархиды рассказывает Страбон (XVI. 1.20), ср.: Pl. NH (VI. 28).
14. *...льном, из которого сделана одежда большинства индов...* — Речь, видимо, идет о хлопке, ср.: Agg. (Ind. 16): «одежду индийцы носят льняную, как сообщает Нearch; этот лен снимают с деревьев».
15. *...на тонком древесном лыке...* — В Северной Индии писали на бересте, ср.: Pl. NH. XIII. 2.
16. *...птицы, умеющие подражать человеческому голосу...* — Попугай и майны, ср.: Плиний о попугаях в Индии (X. 58) и Овидий (Amoges. II. 6), Agg. (Ind. 15, со ссылкой на Нearch).
18. *...золото находится в реках...* — Об этом рассказывал еще Геродот (III. 106); Страбон (XV. 1.57) цитирует Мегасфена, сообщившего о том, что Чандрагупте приносят дань золотым песком. Индийское название реки Хираньяваха (греч. Эраннобоас) буквально значит «несущая золото».
21. *...одежду из легкой материи...* — ср.: Agg. (Ind. 16): «одеваются они в хитон ниже колен, а на плечи набрасывают накидку, которой прикрывают и голову. Нearch сообщает еще, что индийцы раскрашивают себе бороды. Обувь там носят изготовленную из белой кожи, и она замечательна — необыкновенная подошва пестро изукрашена и очень высока, чтобы человек казался выше ростом».
22. *...волосы они чаще причесывают, чем стригут...* — ср. Agg. (Ind., 7): «Дионис показал индийцам, как нужно в честь бога отращивать длинные волосы», Strabo (XV, 1.71): «У всех индийцев длинные волосы и бороды». В древнеиндийских текстах греки (явана), напротив, получают эпитет «мунда» — лысые, бритоголовые.
23. *...царская роскошь...* — сходное описание содержится у Страбона (XV. 1.71), видимо, на основе сведений Мегасфена о дворе Чандрагупты.
28. *...стрелы длиной в два локтя...* — ср. Agg. (Ind., 16): «Пехотинцы имеют такой лук, который по величине равен росту самого стрелка. Чтобы выстрелить, лук этот ставят на землю и придерживают левой ногой, а тетиву отводят далеко за себя; стрела же чуть меньше трех локтей, и ничто не может отразить удар стрелы, пущенной индийским стрелком, — ни самый крупный щит, ни панцирь, ни какое иное защитное средство».
29. *...царь отправляется на коне...* — ср. Agg. (Ind. 17): «выезд на слоне считается царским». Конь и слон в древней Индии считались царскими животными.
...длинная вереница наложниц в золотых носилках... — Такие процессии дам гарема упоминаются в древнеиндийской литературе и встречаются на изображениях.
30. *...вино, а его все инды пьют очень много...* — Судя по древнеиндийским источникам, в древности нередко употреблялись опьяняющие напитки из меда, пальмового сока или цветов и т. п. Изготовлением виноградного вина славились области Северо-Западной Индии (Капшиаяна).
31. *...сжечь себя заживо...* — Очевидно, имеется в виду прежде всего саможжение индийского мудреца Калана, произшедшее на греков неизгладимое впечатление.
31. *...лорча которых наказывается казнью...* — В древнеиндийских юридических сочинениях, действительно, предусматриваются суровые наказания за повреждение дерева (ср. Архашастра III. 19).
31. *...в каждом месяце 15 дней...* — Имеются в виду светлая и темная половины месяца, столь важные для индийского календаря (периоды возрастающей и убывающей луны).

ГЛАВА 10

1. ...царьки народов... — Ср. сообщение Арриана (IV. 22.6) о том, что Александр от р. Кофена выслал вперед глашатаев с приказом Таксилу и прочим князьям «с этого берега реки» выйти ему навстречу.
2. Гестеион и Пердикка двигались по южному пути от Хайберского перевала через область г. Пушкалавати (Певкелаотиду). Войска самого Александра шли через районы Кафиристана и Свата, заселенные племенами аспасиев, гуреев и ассакенов. По Арриану (IV. 22), Таксил уже тогда сопровождал Александра.
7. ...прибыл в город Нису... — Ниса у Курция локализуется в верховьях Кабула; по Диодору, она находится перед Масагой; по Арриану — в районе современного Свата. Согласно Птолемею (VII. 4.3), гора Мерос может быть отождествлена с Кох-и-нор.
12. ...горы Мерос... — Какое-то туземное название (вероятно, горы Меру — центра мироздания в индийской космогонии) толкуется исходя из греческой лексики: «мерос» — бедро. Согласно греческому мифу, Дионис был выношен Зевсом в бедре. Арриан выделяет рассказ о Нисе, очевидно, как полуполюгендарный и приводит его после всего описания похода Александра по правобережью Инда.
18. ...возвращались от Оквана... — Во время похода на запад по побережью от низовьев Инда.
19. ...страну, называемую Дедала... — Ср. Just. (XII. 7).
20. ...разделив ... войско... — Ср. Агг. (IV. 24—25): «под предводительством Птолемея, Леонната и самого царя». Возможно, из-за этого разделения войск и маршруты в источниках указываются разные. У Арриана упоминаются города Андака, Аригей.
22. Хоасп — река Кунар, Хой у Арриана (IV. 23).
Бейра — Базира у Арриана (IV. 27.5), отождествляется с современным городом Базар. По Арриану (IV. 27.5), Кен был послан осаждать Базиру уже после взятия Массаги.
...к Мазагам... — По Арриану (Ind. I), «город весьма крупный, главный город ассаканов», ср: Strabo, XV. 1.17. Племена ассакенов и атакенов (ассака и аштака в индийской традиции) жили к западу от Инда до р. Кофена (Кабула). Название племен ассакенов явно связано с индийским асса/ашва (иранское аспа) — конь, ср. аспагани — РІ. NH, VI. 79. Аштака, очевидно, происходит от «ашта» (санскритское — «восемь») как объединение восьми племен или родов? Суффикс -ен или -ан, возможно, появился в результате двойного перевода через персидский (показатель множественного числа).
По сведениям Арриана (IV. 27.2), Ассакан скончался, будучи поражен стрелой во время осады города. Античные авторы часто принимали за имена собственные титулы индийских правителей. Ассакан (у Арриана Ассакан — IV. 30.5), несомненно, просто титул царя племени. Вероятно, такими же титулами являются имена Ассагет у Арриана (IV. 28.6), ср. далее у Курция (VIII. 12.14).
...во главе города встала его мать Клеофис... — Над ассакенами впоследствии правила не эта царица, а некий князь, подчинившийся Александру (Агг, V. 20.7).
23. ...38 тысяч пехотинцев... — Согласно Арриану (IV. 26.1), значительную часть их составляли наемники из дальних мест.

ГЛАВА 11

1. Норе — У Арриана (IV. 27.7) упоминается город Оры.
2. ...скалу Аорн... — Ср. племя аурника, жившее, согласно Махабхарате (III. 186), на северо-западе Индии.
6. ...остроконечную вершину... — По Арриану (IV. 28), 200 стадиев в окружности и 11 в высоту. Ср. Diod. (XVII. 85).
25. ...Сисокосту... — Арриан (IV. 30.5) рассказывает, что Сисокост бежал из

Индии в Бактрию к Бессу. Когда же Александр захватил бактрийские земли, он перешел к нему и оказался очень верным человеком. Сисокоост был назначен сатрапом ассакенов (Агг. V. 20.7).

ГЛАВА 12

1. ...*Экболимы*... — У Арриана (IV. 28.7) Эмболимы — город взятый до штурма Аорна.
...*неким Эриком*... — У Диодора (XVII. 86) он именуется Африком. У последнего было войско в 20 тыс. человек и 15 слонов. После битвы голову убитого Африка принесли Александру.
4. ...*прибыли... к реке Инду*... — В районе современного Аттока.
5. ...*царствовал Омфис*... — По Диодору, Мофис. Вероятно, из рода Амбхи, упрямцаемого в санскритской грамматике Панини.
10. ...*возвратил ему его царство*... — Практика передачи царства верховному правителю с последующим возвращением его в качестве зависимого владения нередко упоминается и в индийских источниках. Диодор (XVII. 86) говорит, что Таксил и сын его Мофис посылали гонцов к Александру еще в то время, когда тот был в Согдиане.
Город Таксила (инд. Такшашила или Таккасила) — впоследствии крупнейший торговый центр эллинистической эпохи. Расположен северо-западнее современного города Равалпинди. Согласно Плутарху (Alex. 59), владения Таксила не уступали по величине Египту, отличались большим плодородием и превосходными пастбищами. Арриан (V. 3; 8) называет Таксилу самым большим и богатым городом между Индом и Гидаспом.
11. Арриан (V. 3), перечисляя дары Таксила, приводит такие цифры: 200 талантов серебра, 3 тыс. быков, 10 тыс. овец, 30 слонов и 700 всадников. Крупный рогатый скот рассматривался в древней Индии как «царский дар».
12. ...*земледельцев или воинов*... — Очевидно, предполагаются те разряды населения («касты»), которые упоминал, например, Мегасфен. Воины, очевидно, составляли мелкую знать.
13. *Абисар* — В Падма-пуране (1.6) упоминается гористая земля Абисара приблизительно в районе реки Соан.
Пур — очевидно, представитель знаменитой царской династии Пуру (Паурава), прославленной в Махабхарате. Ср. Diod. XVII. 87; Strabo. XV. 1.28; Агг. V. 20.5 и др.
15. ...*чеканного серебра*... — Явное указание на чеканку монеты. В то время в Индии распространены были так называемые «клеяемые монеты» — кусочки серебра со штампом-символом.

ГЛАВА 13

1. ...*послы Абисара*. — По Арриану (V. 8.3), пришел брат Абисара и ближайшие люди с ним.
3. *Барзаента* — перс Барсаент, сатрап Арахосии, Дрангианы и так называемых горных индов, один из убийц Дария (Агг. III. 21). По сведениям Арриана (III. 257), «инды, живущие за рекой Инд, поймали его и отослали к Александру, который казнил его за измену Дарию».
6. Арриан (V. 15) говорит о 4 тыс. конников, 300 колесницах, 200 слонах и 30 тыс. пехоты.
8. Переправа происходила, видимо, возле совр. Джалалабада. О переправе и битве с Пором см. также: Фронтин (I. 4.9), Полиен (4.3.9).
18. ...*Птолею*... — Курций ошибается, на самом деле это был Кратер (ср. Арриан. V. 11).
21. ...*Аттал*... — Согласно Арриану (V. 12.1), Аттал находился между главным лагерем и островом, с которого шла переправа.
22. ...*непогода*... — очевидно, начинались летние муссонные дожди. Ср. хронологические сведения Арриана (V. 19) — месяц мупихион (V. 9): лето после солнцеворота.

ГЛАВА 14

1. ...*таков был их договор...* — Диодор (XVII. 87) сообщает, что Абисар (Эмбисар) был уже в 40 стадиях пути.
2. Согласно Плутарху (Alex. 60), в высадке участвовали тысяча всадников и 60 колесниц, по Арриану (V. 14.32) — тысяча всадников и 120 колесниц.
9. ...*друзьями...* — Как и в Македонии, ближайшее окружение царя (гетайры) в Индии именовалось его «друзьями» (сахая, митра и т. д.).
11. ...*изображение Геркулеса...* — Очевидно, значки боевых подразделений, называемые у индийцев словом «дхваджа» (обычно небольшое изображение божества, помещенное на древке).
...*Леоннат...* — Арриан (V. 16.2; 3) вместо Леонната называет Селевка.
34. ...*конь царя...* — знаменитый Букефал, о смерти его см. Плутарх (Alex. 61), Авл Геллий (N. A. V. 2).
35. Арриан (V. 18.6—7) утверждает, что первым к Пору подходил сам Таксил, но ему пришлось спастись бегством.
40. ...*снять с него доспехи...* — Этот эпизод другие авторы не упоминают.

КНИГА IX

ГЛАВА 1

1. ...*жертвы Солнцу...* — Диодор (XVII. 89.3) объясняет это благодарностью за победу над Востоком. Филострат (II. 43) говорит, что Александр посвятил Солнцу одного из слонов Пора. Возможно, Александр почтил Солнце как бога той страны, в которую вступал.
4. ...*много корабельного леса...* — Вероятно, и знакомство с прибрежными джунглями связано с тем, что здесь строились корабли по приказу Александра.
...*змей необычайной величины...* — По Диодору (XVII. 9), размером в 16 локтей. Ср. также Агг. (Ind. 15): «Неарх сообщил, что индийцы охотились на змей, узорчатых и быстрых, достигавших в длину 16 локтей, как, например, змей, пойманный, по его словам, Пифоном, сыном Антигена».
6. ...*два города... Никея и Букефала.* См. Арриан (V. 19): один назвал Никей, потому что здесь победил индов, а другой Букефала — в память своего коня. Очевидно, Никея располагалась на левом, восточном берегу Гидаспа, на месте битвы, а Букефала — на правом. Ср. Диодор (XVII. 89).
9. ...*во внутренние области Индии...* — Против главганов или главсов — Агг. (V. 20).
...*тенистыми деревьями большой высоты...* — По Неарху (Агг. Ind., 11) тень от дерева была на 5 плевров кругом (около 150 метров), так что здесь могла укрыться от зноя целая толпа. Диодор (XVII. 90) пишет, что деревья достигали высотой 70 локтей и бросали тень на 3 плевра. ср. Pl. NH (XII.11), Strabo (XV. 1.21). Речь, очевидно, идет об индийском баньяне.
12. Арриан (Ind. 15) рассказывает, что лечить от укусов этих змей могли только индийские врачи (ср. Aelian V. N. XVII. 2; Strabo, XV. 1.28).
13. ...*до реки Гиароты...* — Гиарот, совр. Рави.
14. ...*большому для той страны городу...* — Город, который у Страбона (XV. 1.30) назван Сангала (ср. Агг. V. 22).
15. ...*на связанных между собою повозках...* — Арриан (V. 22.4) сообщает: «Вокруг холма они поставили телеги и внутри устроили свой лагерь: находился внутри тройного ряда телег». Ср. Верещий (III. 10) об устройстве лагеря из связанных телег.
24. ...*Софита* — имя связывают с древнеиндийским Саубхути, у Диодора (XVII. 91) — Солиф. Ср. Страбон (XV. 1.30—31).

25. В описании индийских обычаев прослеживается пролаконский источник. Ср. сопоставления индийских и лаконских обычаев у Страбона (XV. 1.34).
31. *...охотничьи собаки...* — Об этих знаменитых собаках содержатся рассказы у Диодора (XVII. 92), Ксенофонта (Суп. 10), Элиана (VIII. 1) и других авторов. Ср. и в индийской литературе — Рамаана (II. 70.21).
36. *...Фегей...* — Имя сопоставляется с индийским Бхагала (предполагается первоначальный вариант у греческих авторов — Фегелас), ср. Диодор (XVII. 93).

ГЛАВА 2

2. *...путь на 11 дней...* — У Диодора (XVII. 93): 12 дней через пустыню. Речь идет о пустыне Тар, упоминаемой уже у Геродота.
3. *...прасии...* — Так как столицей прасиев считался город Палимботра, расположенный у впадения Эранны в Ганг (то есть Паталипутра), речь должна идти о магадах. Видно, слово восходит к индийскому «прачья», что значит «восточные» (народы).
- ...Аграмм...* — У Диодора (XVII. 93) Ксандрам, то есть Уграсена из династии Наидов. По Плутарху, его войска насчитывали 80 тыс. всадников, 200 тыс. пехоты, 8 тыс. колесниц и 6 тыс. слонов (Alex. 62). Диодор приводит те же цифры, но слонов насчитывает лишь 4 тыс.
- 6—7. *...отец его был цирюльником...* — Излагается, несомненно, предание местное, сходное с тем, которое встречается и в древнеиндийской литературе. Цирюльник (напита) должен был принадлежать к одной из самых низких шудрянских каст. Ср. Плутарх (Alex. 62); Диодор (XVII. 93).
27. *...страна богата и не воинственна.* — Представление греков о невоинственности индийцев (как и об их богатстве) сложилось задолго до похода Александра и оставалось устойчивым, несмотря на свидетельства иного рода (ср., например, Диодор (XVII. 59) — о мужестве индийских воинов в битве при Арбелах; Арриан (V. 4): «Жизнь ведут вовсе не роскошную... из всех тогдашних обитателей Азии самые воинственные»).

ГЛАВА 3

13. *...страна на юге менее обширна.* — Греки тогда не представляли размеров полуострова Индостан и полагали, что Индия вытянута с запада на восток.
19. *...12 жертвенников...* — Очевидно, по числу олимпийских богов. Ср. Арриан (V. 29): «12 алтарей высотой с самую высокую башню» Плутарх (Alex. 62) сообщает, что на этих алтарях прасии приносят жертвы греческим богам.
20. *...у реки Акесина.* — Диодор тоже упоминает в этом месте Акесин (XVII. 95), хотя речь должна бы идти о Гидаспе.
22. *...с тысячью кораблей...* — Арриан (VI. 2.4) говорит о 2 тыс., ср. Диодор (XVII. 95.5).
23. *Он основал также 2 города* (см. выше: IX. 1.6). — такой же повтор у Диодора (XVII. 95). Арриан (V. 2) говорит, что Александр привел в порядок Никео и Букефалу. Упоминаемые города расположены были по берегам реки Гидасп.
24. *...около 40 стадиев по реке...* — согласно Плинию (Н. VI. 17.60), по 60 стадиев (около 12 километров).

ГЛАВА 4

1. *...в пределы сибов...* — Видимо, племя «шиби», в позднейшее время населявшее область Раджастана.
3. *...дубины...* — Палица — атрибут нескольких индийских божеств: Индры, Шивы, а также одного из воплощений Вишну — Кришны. Ср. Атг. (Ind. 5) о сибих, которые носят дубины и одеваются в шкуры.

15. ...на берегу рек... — В месте слияния Акесина и Гидасла.
...проданы в рабство... — У Диодора (XVII. 96) речь идет о племени агаласов.
16. ...в область оксидраков и маллов... — Арриан называет их самыми отважными и искусными воинами (V. 22; VI. 4), о племенах больших и воинственных говорит и Диодор (XVII. 97). Названия соответствуют индийскому «кшудракамалава» — племенному обозначению, встречающемуся в Махабхарате и в грамматике Панини. Согласно Арриану (Ind. 4), Гидасп течет по стране сидраков, а потом ариспов; Акесин впадает в Инд в районе расселения маллов.
Диодор сообщает о 80 тысячах пехоты, 10 тысячах всадников и 700 колесницах.
24. ...они выбрали себе вождя... — Диодор (XVII. 98) говорит, что они не смогли договориться о выборе вождя. Арриан сообщает (VI. 11), что Александр быстрым переходом через пустынную местность не оставил времени племенам на то, чтобы они соединили свои войска.
26. ...городу оксидраков... — У Арриана (VI. 8), Плутарха и Страбона (XV. 1.33) речь идет о городе маллов.
28. ...прорицатель Демофонт... — Видимо, тот, который упоминается у Арриана (VII. 26).
...на стену... — Вопреки Курцию и Плутарху, речь идет о цитадели, а не о городской стене, ср. Арриан (VI. 9).

ГЛАВА 5

14. Арриан (VI. 9) говорит, что с Александром были Певкест, Леоннат и Абрея, солдат «двудольник». Вместо Тимея Плутарх (Alex. 63) называет имя Лимней.
21. Легенда об участии Птолемея в этом сражении, очевидно, возникла в Александрии и принадлежит Клитарху, желавшему приукрасить биографию царя Египта.
25. ...Критобул... — Плиний (NH, VII. 37) говорит о Критобуле, знаменитом враче, вынувшем стрелу из глаза Филиппа, отца Александра. Арриан (VI. 11) пишет, что некоторые приписывают эту честь Критодему из рода Асклепиадов, а другие — Пердикке.

ГЛАВА 6

20. *Меды* — фракийское племя, см. Плутарх (Alex. 9).
21. ...из Азии я перешел в пределы Европы... — Имеется в виду переход через Яксарт. Эту реку греки отождествляли с Танаисом и полагали, что правобережье ее принадлежит Европе. См. Арриан (III. 30): «Танаис или Орисарт является границей между Европой и Азией» (Плутарх Alex. 45).
22. Подразумевается аналогия с судьбою Ахилла.
23. *Семирамида* — легендарная царица Ассирии, якобы начинавшая поход в Индию (ср. Agg. Ind., 5).
25. Филипп был убит Павсанием в 336 г. до н. э. в театре.

ГЛАВА 7

12. ...двух упомянутых выше племен... — То есть маллов и оксидраков.
14. ...платили арахосиям... — Странное противоречие с предыдущим утверждением о том, что ранее племена сохраняли свободу.
16. ...Горрат... — По Диодору (XVII. 100) Корраг. Ср. об этом поединке у Элиана (VH, X. 22).

ГЛАВА 8

- 1—2. ...*белого железа*... — Индийское железо славилось во всем древнем мире. Ктесий получил меч из такого железа от персидского царя. «Перилл Эритрейского моря» (56) упоминает вывоз индийского железа в Средиземноморье.
- ...*гигантских ящериц*... — Видимо, крокодилов.
3. ...*в пределы маллов*... — По Арриану, до слияния Акесина и Инда.
- ...*сабаркам*... — У Диодора речь идет (XVII. 102) о городах самбастов, которые управляют не царем, а народом. Орозий называет их также сабарками. Название самбасты, очевидно, тождественно с «сабастаной» у Арриана (VI. 15.1) и заставляет вспомнить индийское племя амбаштха. (Сабарка напоминает скорее индийское «шабара».)
3. ...*Александрией*... — Ср. Diod. (XVII. 102).
- ...*мусиканов*... — Ср. Агг. (VI. 15); по Диодору (XVII. 102), владения царя Мусикана.
9. ...*Териолту*... — Правильнее у Арриана (VI. 15): Тириесп. Александр назначил его во главе области Парапамисада и всей земли до Кофеа — Арриан (IV. 22).
10. ...*Оксиарт*... — Отец Роксаны. Видимо, у него произошел конфликт с сатрапом Тириеспом. Ему Александр отдал земли Тириеспса (Агг. VI. 15).
11. ...*Портикан*... — По Арриану (VI. 16), Оксикан.
13. ...*царя Самба*... — У Плутарха (Alex. 64) — Сабба.
- ...*город*... — Название города, по Арриану (VI. 16), Синдмана.
15. ...*Лифон*... — Был назначен сатрапом страны от слияния Инда с Акесием и до моря, а также побережья моря (Агг. VI. 15). О восстании см. Арриан, VI. 17.
18. ...*города*... — Диодор (XVII. 103) упоминает пограничный город брахманов Армателая.
20. ...*отравляли оружие ядом*... — ср. Just. XII. 10; Diod. XVII. 103.
28. ...*племя паталиев*... — Ср. Агг. (Ind., 2): «Река Инд образует в индийской земле дельту не меньшую, чем Египетская, она на индийском языке называется Патала» (ср. Strabo. XV. 1.33; Pl. NH, VI. 23).
30. ...*острова*... — По Арриану (VI. 19.3), Киллута; по Плутарху (Alex. 66), Скиллустида или Псиллукка.

ГЛАВА 10

- ...*ожидая весны*... — По Арриану (VI. 21.1—2), дело было в конце июля; ср. Страбон (XV. 1.17) — время неудобное для плавания, ибо задули ветры с моря.
- ...*к реке Араб*... — Река Арабий, совр. Нав, узкая и мелководная (см. Арриан. VI. 21; Диодор. XVII. 104), на западном ее берегу жили ориты, на восточном — арабиты.
- ...*город*... — В земле арахосиев на границе Индии была построена одна из многочисленных Александрий (см. Pl. NH. VI. 25).
- ...*к приморским индам*... — Племена, называвшиеся в греческой литературе «хитнофагами» — «рыбоедами», о них со слов Скилака рассказывал уже Геродот.
17. ...*к сатрапу парфиенов Фратаферну*... — Арриан (VI. 27.3) говорит, что сатрап Парфии и Гиркании сам прислал на верблюдах необходимый провиант.
19. ...*Озин и Зариасп*... — По Арриану (VI. 27), Кратер привел в Карманию схваченного им мятежника Ордана.
20. ...*Сибиртия*... — По Арриану (VI. 27), сатрап Кармании стал управлять Гедросией после смерти сатрапа Фоанта. Сибиртий — тот сатрап, у которого жил Мегасфеи, посланник Селевка к царю Чандрагупте (Агг. V. 6).
- ...*в Карманию*... — Область между Парфией, Персидой, Персидским заливом и Гедросией. По Арриану (VI. 27), сатрапией управлял Тлеполем, сын Пифофаи (после Аспаста).

24. О вакхическом шествии сообщает и Плутарх (Alex. 67). В реальности его сомневается Арриан (VI. 28), ссылаясь на молчание по этому поводу наиболее надежных мемуаристов — Птолемея и Аристубула.
25. *Кратеры* — большие чаши для смешивания вина.

КНИГА X

ГЛАВА 1

12. *...подобны большим кораблям...* — Ср. Diod. (XVII. 106), Pl (NH. VI. 26) упоминает о морских гидрах длиной в 20 локтей.
17. *...из-за вражды к Карфагену...* — Карфаген поддерживал свою метрополию Тир во время осады города Александром.
19. *Тасак* — небольшой город в среднем течении Евфрата. «Сирийский», очевидно, вместо «ассирийский» (ср. Plut. Alex., 68).
19. *Септиремы* — гептеры, корабли с семью рядами весел.
20. Арриан (VI. 27) сообщает, что Эвдаму и Таксилу было поручено смотреть за страной.
...Филипп, наместник Александра... — Сатрапия Филиппна простиралась от Бактрии до слияния Акесина с Индом. Арриан (VI. 27) пишет, что он был убит наемниками, составившими против него заговор.
22. *Орсин* — Орсин, полководец Дария в битве при Гавгамелах, управляющий Персией после смерти Фраорта (Arr. VI. 30.1).
30. Об убранстве гробницы Кира ср. Pl. Alex. 69; Arr. VI. 29.
43. *...письмо от Кена...* — недоразумение, ибо о смерти Кена сообщалось ранее (IX. 3.20). Судя по содержанию письма, оно было от Антипатра.
44. Согласно Юстину (XII. 1—4), Зопирион погиб в борьбе с гетами.
45. Пропуск в тексте. Речь должна была идти о том, как Гарпал прибыл к афинянам и подкупил их выступить против Александра.

ГЛАВА 2

4. *изгнанников...* — По Дниодору (XVIII. 8.5), их было более 20 тыс.
8. *...отпустив на родину...* — По Дниодору (XVIII. 109.1), домой было отпущено 10 тыс. ветеранов.
9. *...о своих долгах...* — Дниодор (XVII. 108) говорит, что царь истратил на уплату долгов 10 тысяч талантов без малого. Юстин насчитывает 20 тысяч талантов.
23. *...данники иллирийцев и персов...* — При царе Амипте македонцы платили дань иллирийцам, а позже персам. Ср. Diod. (XVI. 2.2), Just. (VII. 1).

ГЛАВА 3

2. Пропуск в тексте. Речь шла о том, как мятежные воины покорились словам царя.
11. *...дочь перса Оксиарта...* — Роксану.

ГЛАВА 4

1. Пропуск в тексте. Македонцы протестовали против того, что охрану Александра несут персы. Зачинщиков возмущения ведут на казнь. Самый старший из них обращается к царю с упреками.
3. Пропуск в тексте. Содержание может быть восстановлено примерно следующим образом: вскоре царь смилостивился и ускорил отпуск на родину выслужившихся и больных. Во главе отъехавших был Кратер, ему же было передано управление Македонией. Антипатр был вызван к царю с молодыми воинами для пополнения его войска. Царь исполнил убыль в македонских войсках храбрейшими персами и выделил персов для личной охраны. После этого он двинулся на запад через Сузы, Самбаны и прибыл в Келопы, населенные уроженцами Бео

тни, продолжавшими пользоваться родным языком. Оттуда царь вступил в обильный прекрасными плодами Багистан. От новых предприятий Александра отвлекла смерть ближайшего его друга Гефестиона. Царь предпринял поход против разбойничьего племени коссеев и покорил их в 40 дней. На их земле он основал несколько крепостей и поместил в них гарнизоны. В Вавилоне он устроил пышные похороны Гефестиона и принял посольства из всех стран. У границ Аравии он основал город, который заселил греками, оставшимися при нем на востоке. После одного пиршества в Вавилоне царь заболел. Воины его, обеспокоенные его здоровьем, потребовали, чтобы их к нему допустили.

ГЛАВА 5

6. ...*скончался*. — В мае—июне 323 г. до н. э.
2. ...*брата Александра*... — Филипп, сын Филиппа V от Филины.

ГЛАВА 7

17. ...*царь*... — То есть Филипп Арридей.

ГЛАВА 9

12. О таком обычае македонцев сообщает и Ливий (XI. 6).

ГЛАВА 10

14. Версия об отравлении царя излагается у Арриана (VII. 27), Плутарха (Alex. 72).

А. А. Вигасин, С. В. Новиков, А. В. Стрелков

Диодор

ИСТОРИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА

КНИГА XVII

1

В

... течение короткого времени Александр, опираясь на собственное разумение и мужество, совершил дела более великие, чем те, что совершили все цари, память о которых передана нам историей. За 12 лет он покорил немалую часть Европы и почти всю Азию и, конечно, приобрел громкую славу, равнявшую его с древними героями и полубогами. Нет нам, однако, надобности в предисловии предвосхищать что-либо из деяний этого царя. Сами они, постепенно излагаемые, достаточно объясняют, почему он так славен.

Александр по отцу происходил от Геракла, а по матери от Эака; он унаследовал от предков и природу их, и прославленную их доблесть. Установив хронологический порядок, обратимся к событиям, о которых надлежит рассказать.

2

В Афинах архонтом был Эвенет, у римлян консулами Луций Фурий и Гай Манний¹. В этом году Александр принял царскую власть и прежде всего наказал подобающим образом убийц своего отца. Похоронив как положено родителя, он, оказавшись у власти, установил порядок гораздо лучшие, чем все ожидали. (2) Был он крайне молод (некоторые пренебрежительно относились к нему из-за его возраста), однако сразу же сумел найти слова, расположившие к нему народ. Он заявил, что переменялось только имя царя; бразды правления будут натянуты так же крепко, как и при его отце. Ласково обращаясь с посольствами, он внушил грекам желание сохранить к нему ту же благожелательность, с которой они отпосились к его отцу. (3) Смотря и мапевры, которые он постоянно устраивал войнам, сделали войско дисциплинированным. Аттал, племянник Клеопатры, второй жены Филиппа, мог притязать на царский престол,

¹ 335 г. до н. э. (прим. переводчика).

и Александр решил покончить с ним, тем более что за несколько дней до кончины Филиппа Клеопатра родила ему сына. (4) Аттал еще раньше был отправлен во главе войска вместе с Парменионом в Азию. Своей щедростью и ласковым обхождением с солдатами он приобрел в лагере большую популярность. У Александра были основания бояться, как бы этот человек не стал с помощью греков, враждебных Александру, оспаривать у него власть. (5) Поэтому, выбрав одного из друзей, Гекатея, он послал его с достаточным отрядом в Азию, поручив ему доставить Аттала лучше всего живым; если же это не удастся, то как можно скорее убрать его хитростью. (6) Гекатей, явившись в Азию к Пармениону и Атталу, улучил время, удобное для осуществления замысла.

3

Александр, узнав, что многие эллины восстали, желая новых порядков, сильно встревожился. (2) Афиняне восстанавливали против македонцев Демосфен; они обрадовались смерти Филиппа и, не желая уступать македонцам гегемонии над Элладой, отправили посольство к Атталу, втайне сговорившись с ним и побудили многие города стоять за свободу. (3) Этолийцы постановили вернуть из АкARNании изгнанников, отправленных туда по предложению Филиппа. Амбракиоты, послушавшись Аристарха, изгнали гарнизон, оставленный Филиппом, и установили у себя демократическое правление. (4) Точно так же и фиваицы постановили выгнать гарнизон, стоявший в Кадмее, и не предоставлять Александру гегемонии над эллинами. Аркадяне — единственные — не согласились предоставить Филиппу гегемонию над эллинами и не предложили ее Александру. (5) Что касается остальных пелопоннесцев, то аргосцы, элейцы, лакедемоняне и еще кое-кто стремились к автономии. Многие племена, жившие по соседству с Македонией, готовы были восстать; варвары, жившие в тех местах, находились в большом волнении. (6) Действуя в этих трудных и страшных обстоятельствах, угрожавших его власти, Александр, совсем юноша, вопреки ожиданию, быстро усмирил все враждебные ему силы. Одних он привлек на свою сторону, действуя словом и убеждением; других смирил страхом; некоторых покорил и подчинил себе силой.

4

Фессалийцев первых убедил он вручить ему по всенародному постановлению гегемонию над Элладой, переходившую к нему от отца: он напомнил фессалийцам, что они издревле связаны с ним родством по Гераклу; произносил дружественные речи; окружил их головы широкими обещаниями. (2) После фессалийцев он расположил к себе также дружественно соседние племена и отправился к «Воротам», где собрал совет амфикионов и убедил их с общего постановления вручить ему гегемонию над

Элладой. (3) К амбракиотам он отправил дружественное предложение и убедил их, что еще немного — и они получат автономию, которую он сам с охотой собирается им дать. (4) А чтобы утратить непокорных, он двинул на них македонское войско со всем его грозным снаряжением. После трудного перехода он явился в Беотию, разбил лагерь неподалеку от Кадмеи и внушил ужас жителям Фив. (5) Афиняне, узнав о появлении царя в Беотии, перестали относиться к нему пренебрежительно. Стремительность юности и его энергичная деятельность сильно перепугали людей, враждебно к нему настроенных. (6) Афиняне приняли решение — свезти в город деревенские запасы и заняться поправкой стен. К Александру они отправили послов с просьбой простить их, если они замедлили с предоставлением ему гегемонии. (7) В числе послов был отправлен и Демосфен, но он не дошел к Александру вместе с остальными. От Киферона он повернул обратно в Афины то ли убоившись по причине своей антимакедонской политики, то ли желая сохранить себя безупречным перед царем Персии. (8) Говорят, что он получил от персов много денег, чтобы действовать против македонцев. Эскин, говорят, упрекая Демосфена в том, что он подкуплен, сказал в своей речи: «Теперь ты купаешься в царском золоте! Золота этого не хватает: плохо нажитое никогда не уцелеет». (9) Александр дал ласковый ответ афинским послам, избавив тем афинский народ от великого страха. Он отправил в Коринф приказ послам и членам совета встретить его; когда совет собрался, царь произнес речь и своими разумными и кроткими словами убедил эллинов назначить его полномочным военачальником Эллады и идти с ним на персов, наказав их за их вины перед греками. Получив этот почетный титул, царь с войском вернулся в Македонию.

5

...После смерти Филиппа Аттал сначала задумал переворот и вошел с афинянами в заговор против Александра, но затем одумался, переслал Александру письмо, полученное от Демосфена, и пытался дружественными речами развеять возводимые на него обвинения. (2) Гекатей, убив Аттала по поручению царя хитростью, прекратил в македонском войске, стоявшем в Азии, всякие помыслы о восстании: Аттал был мертв, а Парменион дружественно расположен к Александру...

8²

Александр, успокоив Элладу, пошел на Фракию; много фракийских восставших племен он заставил покориться и пошел в Пеонию, Иллирию и соседние с ними страны. Покорив тамошних отпавших варваров, он подчинил себе все окрестное вар

² Главы 6 и 7, как не относящиеся к Александру, не переведены (прим. переводчика).

варское население. (2) В то время как он был этим занят, пришли к нему сообщить, что в Греции замышляется переворот; многие греческие города стремятся отпасть, фиванцы первые. Царь в раздражении на них вернул в Македонию, торопясь прекратить смуту в Элладе. (3) Он неожиданно подошел к городу и стал вместе со всем войском около Фив как раз в то время, когда фиванцы силились выбить из Кадмеи гарнизон и осаждали крепость. (4) Еще до прихода царя они обвели Кадмею глубокими рвами и плотным частоколом, чтобы гарнизону нельзя было послать ни подмоги, ни съестных припасов. (5) К аркадянам, аргосцам и элейцам они отправили посольство с просьбой о помощи. Также и к афинянам пошли послы договориться о союзе; получив от Демосфена в подарок много оружия, они снабдили им безоружных. (6) Пелопоннесцы, призываемые на помощь, выслали войско к Истму, которое и остановилось там, поджидая царя. Афиняне под влиянием Демосфена постановили помочь фиванцам, но войска не послали, выжидая, как обернется война. (7) Филота, начальник кадмейского гарнизона, видя, как усиленно готовятся фиванцы к осаде, основательно починил стены и заготовил много разного оружия.

9

Царь неожиданно пришел из Фракии со всем своим войском; союзники фиванцев гадали, что принесет его прибытие, но что перевес на стороне вражеского войска — это было явно и бесспорно. Военачальники собрались на совет и, посоветовавшись относительно военных действий, решили сражаться за свободу. Войско одобрило это решение, и все с великой готовностью согласилось воевать. (2) Царь сначала не предпринимал никаких действий, давая время одуматься и посоветаться; он полагал также, что один-единственный город не осмелится выступить против такой армии. (3) У Александра на ту пору было пехоты больше 30 тысяч и конницы не меньше 3 тысяч — все люди, закаленные в воинских опасностях, ходившие в походы вместе с Филиппом, почти не знавшие поражений. Полагаясь на их доблесть и рвение, Александр и решил уничтожить Персидское царство. (4) И если бы фиванцы, уступая обстоятельствам, отправили к македонцам посольство, прося мира и согласия, то царь охотно пошел бы на переговоры и удовлетворил все их просьбы; ему хотелось покончить со смутами в Элладе целиком заняться войной с персами. Теперь же, видя, что фиванцы ни во что его не ставят, он решил сравнять город с землей и таким страшным делом отвратить от попыток к отпадению всех, кто собирался на это отважиться. (5) Выстроив войско в боевом порядке, он приказал объявить: кто из фиванцев пожелает, тот может явиться к нему и стать причастным делу, установленному для всей Эллады. Фиванцы в своей гордости ответили другим объявлением: с высоты какой-то башни

было провозглашено, что каждый, кто желает с помощью персидского царя и фиванцев освободить эллинов и уничтожить тирана Эллады, пусть приходит к ним. (6) Александра это чрезвычайно огорчило; вне себя от гнева он решил страшно наказать фиванцев. Озверев, он расставил осадные машины и приготовил все для войны.

10

Эллины, узнав о том, какая опасность грозит фиванцам, скорбели о бедствиях, которые их ожидают, но не решались помогать городу, потому что он собственным неразумием и неблагодарностью поверг себя в гибель несомненную. (2) Фиванцы встречали опасность с мужественной готовностью, но изречения предсказателей и знамения богов приводили их в замешательство. Прежде всего в храме Деметры обнаружили тонкую, широко раскинутую паутину: размерами она была с гиматий по краям шел яркий круг, похожий на радугу. (3) Из дельфского прорицалища пришло им по этому поводу такое предсказание:

«Знаменье это являют боги всем смертным, однако ж прежде всего беотийцам и тем, кто живет по соседству».

Из местного же святилища фиванцев принесли такое предсказание:

«Соткана ткань на горе одним, другим же на счастье».

(4) Знамение это случилось за три месяца до прибытия Александра под Фивы: перед самым же его приходом статуи на крыше покрылись потом, который стекал крупными каплями. Кроме того, властям принесли известие, что из озера около Онха раздается нечто вроде мычания; по воде Диркейского источника пробегает кровавая рябь. (5) Кто-то пришел из Дельф с сообщением, что крыша на храме, который воздвигли фиванцы из добычи, полученной от фокейцев, оказалась вся в крови. Люди, занимавшиеся толкованием знамений, сказали следующее: паутина означает, что боги покинут город; разные цвета радуги — пеструю и бурную смену событий; пот на статуях — безмерное страдание; кровь, показавшаяся во многих местах, — страшное избиение людей, которое будет в городе. (6) Так как боги предвещали будущие несчастья, то предсказатели советовали ничего не решать войной и сражением, а поискать более всего разрешения путем переговоров. Фиванцы, однако, не в духе; наоборот, увлекаемые гордостью, они напоминали другу об удаче под Левктрами и о других сражениях, когда изумительная храбрость помогла им одерживать победы, которых они и не ожидали. Так-то фиванцы своей решительностью в которой было больше мужества, чем благоразумия, обрели свою отчизну на совершенную гибель.

Царь, приготовившись за полных 3 дня к осаде, разделил свое войско на 3 части: одному отряду он велел разрушать частоколы, сооруженные перед городом, другому — сражаться с фиванцами, а третьему оставаться в резерве и вступать в битву на смену усталым солдатам. (2) Фиванцы выстроили конницу за частоколом; освобожденных рабов, верившихся изгнанников и метеков выставили против отряда, идущего на приступ; сами приготовились схватиться перед городом с многочисленной армией, предводимой самим царем. (3) Дети и женщины сбегались в храмы и молили богов спасти город. Македонцы приближались; построенные отряды открыли военные действия: трубы протрубили наступление, оба войска одновременно издали воинский клич и стали метать во врага легкими дротиками. (4) Вскоре их израсходовали и стали рубиться мечами; завязалась жестокая сеча. Македонцев было много, фаланга их представляла собой силу, противостоять которой было трудно: фиванцы, однако, превосходили их железной крепостью благодаря привычке к гимнастическим упражнениям; уверенные в себе, они стойко выдерживали ужасы битвы. (5) Поэтому с обеих сторон было много раненых; немалое число пало, но никто не повернул вспять. Схватки рукопашную, стоны, крики, увещания у македонцев: не посрамить унаследованной доблести; у фиванцев: не предать детей и родителей рабству, а родину, общий свой дом, — истинному македонцев; помнить о битвах при Левктрах и Мантинее, и о своей всеми прославленной храбрости. В течение долгого времени победа не склонялась ни в одну, ни в другую сторону: очень уж велика была доблесть сражающихся.

Александр, видя, что фиванцы решились отстаивать свою свободу, а македонцы устали биться, велел резервному отряду вступить в сражение. Македонцы, внезапно устремившись на томленных фиванцев, тяжело обрушились на врага и многих убили. (2) Фиванцы, однако, не теряли надежды на победу; наоборот, в ревности своей пренебрегали всякой опасностью. Они были настолько уверены в своем мужестве, что стали критиковать македонцев: пусть они сознаются, что они хуже фиванцев. Все обычно испытывают страх, когда врагов сменяют свежие силы, и только одни фиванцы, когда враг прислал замену усталым воинам, устремились навстречу опасности со смелостью не более дерзкой. (3) Она казалась неисчерпаемой, как вдруг царь заметил какую-то дверцу, оставшуюся без охраны. Он прислал Пердикку с достаточным числом солдат захватить ее и войти в город. (4) Тот быстро выполнил это приказание; македонцы через эту дверцу проникли в город; фиванцы же, увидев первую фалангу и бодро встретив вторую, были уже

уверены в своей победе. Узнав, что город частично захвачен, они немедленно отошли за его стены. (5) В это самое время фиванские конники бросились одновременно с пехотинцами в город, сбили и растоптали многих своих, а сами, въезжая без всякого порядка в город, погибали в проходах и во рвах со своего же оружия. Гарнизон Кадмеи, высыпав из акрополя, пошел на фиванцев и; напав на смятенных, устроил настоящую бойню.

13

Город таким образом был захвачен, и множество разных событий случилось в его стенах. Македонцы, раздраженные выскомерным объявлением, отнеслись к фиванцам хуже, чем положено относиться к врагу: осыпая угрозами несчастных, они беспощадно избивали всех попадавшихся на дороге. (2) Фиванцы, храня в душе любовь к свободе, настолько не дорожили жизнью, что при встрече с врагом схватывались с ним врукопашную, подставляя себя под удары. По взятии города ни один фиванец не попросил македонцев пощадить ему жизнь и не припал трусливо к коленям победителей. (3) Эта доблесть не вызывала, однако, никакого сострадания у врагов, и дня оказалось мало для их свирепой мести. По всему городу тащили детей и девушек, жалостно зывавших к матерям. Дома были ограблены, и все население города обращено в рабство. (4) Из уцелевших фиванцев одни, израненные и почти потерявшие сознание, схватывались с врагами и умирали вместе с ними; другие, опираясь на обломок копья, встречали бежавших на них и в этом последнем бою предпочитали свободу спасению. (5) Множество людей было перебито, всюду по городу было полно трупов, и однако не нашлось никого, кто бы сжалился над судьбой обездоленных. Феспийцы, платейне, орхоменцы и прочие из эллинов, враждебно настроенные к фиванцам, пошли в поход вместе с царем и, ворвавшись в город, выместили свою вражду на несчастных. (6) Много жестокого страдания было в городе. Эллины безжалостно истребляли эллинов; родных убивали люди, близкие им по крови; одинаковость языка не меняла чувств. Наконец всех застигла ночь, дома были разграблены; дети, женщины и старики, укрывшиеся в святилищах, жестоко выгнаны оттуда. Фиванцев погибло больше 6 тысяч; в плен уведено больше 30 тысяч; имущества унесли с собой невероятное количество.

14

Царь похоронил убитых македонцев (их было больше 500 человек) и, собрав эллинских представителей, поручил общему собранию решить, как поступить с городом фиванцев. (2) Когда вопрос этот был поставлен на обсуждение, то кое-кто из эллинов, враждебно относящихся к фиванцам, высказался за то, чтобы подвергнуть фиванцев безжалостному наказанию; они

ведь, по их словам, умышляли вместе с варварами против эллинов: при Ксерксе они пошли на Элладу в союзе с персами; только фиванцев, единственных из эллинов, персидские цари почтили титулом благодетелей, и их послам приказано ставить кресла впереди царских. (3) Подобные речи ожесточили души заседавших: в конце концов вынесено было постановление — срыть город до основания; пленных продать; бежавших фиванцев задерживать всюду в Элладе; ни одному эллину не принимать фиванца. (4) Царь, следуя постановлению совета, срыл город и внушил великий страх грекам, помышлявшим об отпадении. Продав как военную добычу пленных, он собрал 440 талантов серебра.

15

После этого он отправил в Афины послов с требованием выдать тех 10 ораторов, которые действовали против него; из них самыми знаменитыми были Демосфен и Ликург. Когда в народное собрание ввели послов и народ выслушал их речи, им овладела великая тревога и недоумение. С одной стороны, надеялось сохранить достоинство государства, а с другой — потрясенные гибелью фиванцев, охваченные великим страхом, люди прислушивались к тому, о чем увещевали их несчастья соседей. (2) Много речей произнесено было в собрании; Фокион, прованный Честным (он держался в политике направления, враждебного Демосфену и его сторонникам), сказал, что те, чьей выдачи царь требует, должны поступить так, как дочери Лео и Тиакинфиды, которые добровольно пошли на смерть, чтобы избавить свое отечество от непоправимых бедствий; он порицал малодушие и трусость тех, кто не хочет умереть за государство. (3) Народ слушал его, негодуя, и грозными криками выгнал из собрания; Демосфен произнес обдуманную речь, и народ, в котором он сумел возбудить сострадание к тем, чьей выдачи требовал царь, явно хотел спасти их. Наконец Демад, убежденный, как говорят, при помощи 5 талантов серебра, которые были ему вручены от сторонников Демосфена, посоветовал спасти тех, кому грозила опасность, и прочел псефизму, очень ловко составленную: она содержала и просьбу за этих людей, и обещание наказать по закону тех, кто будет достоин кары. (4) Народ одобрил предложение Демада, утвердил эту псефизму и отправил его вместе с другими послом к царю; поручено было ему также просить Александра и за фиванцев, которые бежали: пусть он разрешит народу принимать фиванских беглецов. (5) Демад отправился в качестве посла и своим красноречием достиг всего: убедил Александра простить ораторов и согласиться на все просьбы афинян.

После этого, вернувшись в Македонию вместе с войском, царь собрал военачальников и наиболее почтенных друзей и предложил им обсудить вопрос относительно экспедиции в Азию: когда выступить в поход и каким образом начать войну. (2) Антипатр и Парменион советовали сначала народить детей и тогда уже браться за такое дело. Александр, деятельный, и выносивший ни в каком деле отсрочки, стал противоречить: стыдно, заявил он, военачальнику, поставленному всей Элладой, получившему от отца непобедимое войско, смиренно сидеть, справляя свадьбы и ожидая рождения детей. (3) Объяснив им выгоды войны и воодушевив своими речами, он принес великолепные жертвы богам в месяце дии и устроил театральные представления в честь Зевса и Муз (первым ввел их Архелай, царствовавший раньше). (4) Праздник справлялся в течение 9 дней, каждый день был посвящен той музе, чьим именем он был назван. Устроена была палатка на 100 лож, и царь пригласил на пир друзей, военачальников и посольства от городов. После роскошных приготовлений, угостив многих, он роздал всему войску жертвенное мясо и все положенное для пира и предоставил солдатам отдых.

17

При афинском архонте Ктесикле и римских консулах Гая Сульпиция и Луция Папирия³ Александр вместе с войском подошел к Геллеспонту и переправил его из Европы в Азию. (2) Сам он с 60 военными кораблями подплыл к Троаде и первый из македонцев метнул с корабля копье, которое вонзилось в землю; спрыгнув на землю, Александр заявил, что боги вручают ему завоеванную им Азию. (3) Почтив могилы героев: Ахилла, Аянта и других, жертвами и прочим, чем положено прославлять их, он произвел тщательный смотр своему войску. Македонской пехоты оказалось 12 тысяч, союзников 7 тысяч, наемников 5 тысяч; все они были под начальством Пармениона. (4) Одрисов, трибалов и иллирийцев следовало за ним 5 тысяч лучников, так называемых агриан, тысяча — так что всей пехоты было 30 тысяч. Всадников было: македонцев полторы тысячи; командовал ими Филота, сын Пармениона; фессалийцев полторы тысячи под командой Каллата, сына Гарпала; остальных эллинов всего 600; командовал ими Эригий; разведчиков фракийцев и пеонов 900 под командой Кассандра; всего, следовательно, всадников было 4 тысячи 500 человек. (5) В Европе под командой Антипатра осталось 12 тысяч пехоты и полторы тысячи всадников.

(6) Царь выступил из Троады и набрел на храм Афины

³ 334 г. до н. э. (прим. переводчика).

Жрец Аристандр, увидев, что статуя Ариобарзана, бывшего сатрапа Фригии, валяется на земле перед храмом и что налетели какие-то птицы, предвещающие доброе, подошел к царю и уверил его, что он победит в большом конном сражении и что совсем несомненна эта победа, если сражение произойдет во Фригии. (7) Он добавил, что, сражаясь, Александр своей рукой убьет знаменитого вражеского военачальника: это указывают ему боги, главным образом Афина, которая будет царю спешествовать.

18

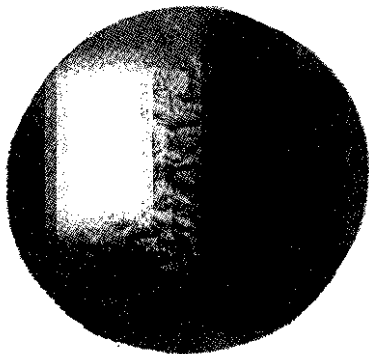
Александр, услышав это предсказание, принес Афине великолепную жертву и посвятил богине собственные доспехи. Из доспехов, лежавших в храме, он выбрал самый прочный щит и с ним бился в первом сражении, которое завершилось благодаря его храбрости громкой победой. Это случилось несколько дней спустя.

(2) Персидские сатрапы и военачальники не успели помешать переправе македонцев; собравшись, они стали совещаться, как вести войну с Александром. Мемнион, родосец, известный своей воинской мудростью, советовал не вступать в сражения и, опустошая страну, не давать македонцам возможности идти вперед — им нечего будет есть, а также переправить в Македонию морские и пешие силы и вообще перенести военные действия в Европу. (3) Советы его, как это выяснилось из дальнейших событий, были превосходны, но они не убедили остальных военачальников, которые сочли их недостойными душевного величия персов. (4) Решение вступить в бой возобладало. Собрав отовсюду войска, значительно превосходившие силы македонцев, они двинулись во Фригию, лежащую у Геллеспонта. Лагерь разбили у реки Граник; оплотом служила эта река.

19

Александр, узнав о стечении варварских сил, двинулся ускоренным маршем вперед и разбил свой лагерь напротив вражеского, так что Граник оказался между двумя станами. (2) Варвары, заняв место у подножия гор, были спокойны и рассчитывали напасть на врага, когда он станет переправляться через реку: строй в македонской фаланге разобьется, и они легко ее одолеют. (3) Александр, однако, на рассвете смело переправил войско через реку, и враги не успели опомниться, как он выстроил его в боевом порядке. Варвары выстроили против целого македонского войска большую конницу, рассчитывая, что она решит исход боя. (4) На левом крыле стояли со своими

всадниками родосец Мемнон и сатрап Арсамен, за ними Арсит выстроил своих конников пафлагонцев, дальше стояла конница гирканцев, которой командовал Спифробат, сатрап Ионии.

Золотой медальон с изображением Александра

На правом крыле стояли тысяча медов, Реомифр с 2 тысячами всадников и столько же бактрийцев. В центре находились всадники из других племен; было их много числом, и воины были они отборные. Всей конницы имелось больше 10 тысяч. (5) Пехоты же было у персов не меньше 100 тысяч; она спокойно стояла в арьергарде, считая, что и одной конницы хватит справиться с македонцами. (6) Всадники и одной и другой стороны рвались в бой; фессалийская конница, стоявшая под командой Пармениона на левом крыле, мужественно встре-

тила натиск отряда, выстроенного против нее; Александр, у которого на правом крыле стояла наилучшая конница, первый поскакал на персов и в схватке с врагами перебил многих.

20

Варвары сражались мужественно; их ярость наталкивалась на мужество македонцев. Судьба свела в одно место наилучших воинов, чтобы решить исход сражения. (2) Сатрап Ионии Спифробат, перс родом, зять царя Дария, отличавшийся мужеством, прорвал с большим конным отрядом македонский строй. Рядом с ним сражалось 40 человек его родственников, отличавшихся исключительной храбростью; он обрушился на противника и, доблестно сражаясь, кого убил, кого ранил. (3) Справиться с этим сильным человеком было трудно; Александр повернул коня в сторону сатрапа и подскакал к варвару. Перс подумал, что сами боги посылают ему счастливый случай; он один на один сразится с Александром, своим мужеством освободит Азию от великого страха, собственными руками убьет Александра — придет конец его дерзостным замыслам, о которых все слышаны; не будет посрамлено славное имя персов. Он первый метнул в Александра дротик и кинулся на него так стремительно, с такой силой вогнал копье, что оно пробило щит и, задев правое плечо, прошло сквозь панцирь. (4) Царь вырвал вонзившееся в руку железо, дал лошади шпоры и, рассчитывая, что в помощь ему будет сама стремительность его порыва, ударил сатрапа дротиком в середину груди. (5) При виде такого мужества воины обеих сторон, стоявшие вблизи, громко вскрикнули. Наконечник сломался о панцирь, не причинив раны; пер-

выхватил меч и устремился на Александра, но царь, схватив дротик, успел ударить его в лицо и нанести сквозную рану. (6) Тогда брат павшего, Ресак, подскакав к Александру, так страшно ударил его мечом по голове, что раскроил шлем и слегка задел кожу. (7) Ресак собирался другим ударом рассечь голову, но Клит, по прозвищу Черный, вынесшись на лошади, отрубил варвару руку.

21

Родственники, собравшись вокруг обоих павших, сначала метали дротиками в Александра, а затем, гурьбой вступив в битву, шли на все, только бы убить царя. (2) Ему со всех сторон грозила великая опасность, но и множество врагов не смогло его одолеть: панцирь его был пробит в двух местах, шлем в одном, щит, взятый из храма Афины, в трех, но он не отступал; его решимость и присутствие духа противостояли всем страхам. (3) После этого много славных персидских военачальников пало от его руки; славнейшими из них были Атизий, Фарнак, брат Дариевой жены, и Мифробузан, командовавший каппадокийцами. (4) Когда погибло много военачальников и все персидское войско было разбито, то полки, выстроенные напротив Александра, вынуждены были первыми обратиться в бегство, за ними повернули назад и остальные. Царь единогласно был признан первым храбрецом и сочтен главным виновником всей победы. Очень прославляли мужество фессалийских всадников, великолепно маневрировавших и отлично бившихся.

(5) После бегства конница вступила в сражение пехота, но продолжалось оно недолго: варвары, потрясенные тем, что конница обратилась вспять, пали духом и устремились в бегство. (6) Персов погибло: пехотинцев более 10 тысяч, всадников не меньше 2 тысяч, в плен взято было больше 20 тысяч. После сражения царь устроил великолепные похороны павшим, рассчитывая, что такие почести сделают его солдат еще неустрашимее.

Вместе со своим войском прошел он через Лидию, овладел Сардами — городом и кремлем — и сокровищами, которые там находились: сатрап Мифрен добровольно их ему вручил.

22

Уцелевшие в битве персы бежали вместе с военачальником Мемноном в Милет. Царь, расположившись лагерем возле города, ежедневно посылал войска на приступы, которые следовали один за другим; (2) осажденные сначала легко отбивали со стен эти атаки, потому что в городе собралось много войска, а стрел и всего, что нужно при осаде, имелось в изобилии. (3) Когда же царь стал разбивать стены машинами и решительно с суши и с моря повел осаду, а македонцы стали врываться в город через проломы в стенах, тогда лишь, уступая силе, они обратились в бегство. (4) Тотчас же милетяне припали к царю

с ветвями умоляющих, отдавая в его власть и себя и город. Что же касается варваров, то одних перебили македонцы, а другие или выскользнули из города и бежали, или попали в плен. (5) Александр с милетянами обошелся человеколюбиво, а всех остальных обратил в рабство. Так как флот оказался бесполезен, а расходов требовал больших, то он распустил его, оставив лишь несколько кораблей для перевозки стенобитных машин; в числе этих кораблей было 20 союзнических афинских.

23

Некоторые говорят, что Александр распустил флот с хитрым расчетом. Он поджидал Дария; предстояло большое и грозное сражение, и Александр решил, что македонцы будут сражаться мужественнее, если у них отнять надежду на спасение бегством. (2) То же самое сделал он в битве при Гранике: он оставил в тылу реку, чтобы никому и в голову не пришло кинуться в бегство; что преследуемые найдут гибель в речном потоке, это было совершенно ясно. Впоследствии Агафокл, царь сиракузский, следуя примеру Александра, одержал неожиданную и большую победу. (3) Высадившись в Ливии с небольшим войском, он сжег корабли, отнял у своих солдат надежду спастись бегством, заставил их тем самым храбро сражаться и победил кафагенян, выступивших против него с многотысячным войском.

(4) После взятия Милета много персов и солдат-наемников собралось в Галикарнасе; бежали туда и самые дельные военачальники. Это самый большой из городов Карию, ее столица с превосходными крепостями. (5) Как раз в это время Мемнон отослал свою жену и детей к Дарию: тут была и предусмотрительная разумная забота об их безопасности, и расчет на то, что царь, имея таких важных заложников, охотнее доверит ему верховное командование. Так и случилось. (6) Дарий тотчас же отправил жителям приморских областей приказ повиноваться во всем Мемнону. Получив верховное командование, он стал приготавливать все необходимое на тот случай, если Галикарнас окажется в осаде.

24

Царь Александр подвез морем к Галикарнасу осадные машины и хлеб, а сам со всем войском отправился в Карию; города, лежавшие на пути, он привлек к себе своей добротой. Греческие города он особенно облагодетельствовал: дал им автономию, освободил от податей и заявил, что он поднялся войной на персов ради освобождения эллинов. (2) Во время этого путешествия он встретил женщину, по имени Ада, которой подобало, по ее роду, править карийцами. Она стала говорить ему о своих наследственных правах на власть и просить его помощи

Он велел ей взять управление Карией; благодеяние, оказанное этой женщине, расположило к нему карийцев. (3) Сразу же все города отправили к нему посольства, почтили его золотыми венками и пообещали действовать с ним заодно.

Александр, расположившись лагерем возле города, повел осаду деятельным и устрашающим образом. (4) Сначала он посылал войска на приступы, которые следовали один за другим, и целый день проводил в сражении; затем подвел разные машины; рвы перед городом засыпал под прикрытием 3 «черепах» и начал таранами бить по башням и стенам между башнями. Когда часть стены рухнула, солдаты, прокладывая себе путь в рукопашных схватках, ворвались через пролом в город. (5) Мемнон сначала легко отражал приступы македонцев, так как в городе у него было много воинов; когда стали бить машины, то из города ночью под его предводительством выступил большой отряд и поджег эти машины. (6) Перед городом происходили большие сражения; македонцы значительно превосходили врага храбростью; преимущество персов состояло в их числе и подготовленности. Стоявшие на стенах помогали им в бою и стрелами с катапульта убивали и ранили врагов.

25

Одновременно с обеих сторон трубы подали сигнал к бою; со всех сторон поднялся крик, которым воины выражали свое доброе настроение к подвигам соратников. (2) Одни тушили огонь, взвившийся высоко над машинами, другие избивали врага, схватившись врукопашную; третьи за рухнувшими стенами складывали другие стены и делали их прочнее старых. (3) Военачальники Мемнона сражались в первых рядах и вручали богатые подарки отличившимся; обе стороны горели несказанной ревностью победить. (4) Раненых (а раны были спереди) и потевявших сознание выносили из сражения; тела павших охраняли товарищи, которые жестоко сражались, не позволяя врагу ихнести. Некоторые среди всех этих ужасов начинали падать духом, но ободряющие слова начальников опять вливали в них мужество, и они исполнялись свежих сил. (5) Наконец несколько македонцев, в том числе и Неоптолем, военачальник и мужавный, пали у самых ворот. После этого 2 башни были разрушены до самого основания; 2 простенка рухнула, и какие-то солдаты Пердикки, напившись, полезли ночью, очертя голову, на стены акрополя. Мемнон и его помощники, понимая неопытность атакующих, выступили с отрядом значительно большим, отгнав македонцев и многих убили. (6) Узнав об этом происшествии, многие македонцы бросились на помощь; завязалась жестокая сеча, и когда на поле битвы появились со своими войсками Александр, то персы отступили и заперлись в городе. Царь попросил через глашатая выдать для похорон трупы ма-

кедонцев, павших за стенами. Афиняне Эфиальт и Фрасибуз сражавшиеся вместе с персами, советовали отказать, но Мемнон согласился.

26

После этого Эфиальт на военном совете предложил не ждать пока город возьмут и они окажутся в плену: пусть наемники сами нападут на врага, имея начальников в первых рядах. (2) Мемнон, видя, что Эфиальтом движет доблесть, и вполне на него полагаясь (был он человеком мужественным и физически сильным), разрешил ему поступить, как он хочет. (3) И тот, взяв 2 тысячи отобранных наемников, одной половине вручил зажженные факелы, другую выстроил в боевом порядке и внезапно велел настезь распахнуть ворота. На рассвете воины высыпали с ним и подожгли осадные машины. Сразу же вспыхнул огромный пожар; (4) Эфиальт, тесно сплотив узкий строй своих солдат, во главе их обрушился на македонцев сбежавшихся на пожар. Царь, узнав о происходящем, поставил впереди тех македонцев, которые всегда сражались в первом ряду; сменой им были отборные воины, а в третьем ряду стояли отличавшиеся своей исключительной храбростью. Сам он стоял впереди, удерживая врагов, считавших себя непобедимыми. Выслал он и солдат тушить огонь и спасать машины. (5) С обеих сторон одновременно раздался неистовый крик; трубы дали сигнал к бою, и завязалась великая битва, ибо доблестные были сражавшиеся и велика была у них жажда славы. Македонцы не дали огню распространиться, но воины Эфиальта одержали в сражении верх. (6) Значительно превосходя остальных телесной силой, он сам убил многих подвергнувшихся ему под руку. Стремясь на новой, только что сложенной стене градом сыпавшие стрелы и многих убили: выстроена была деревянная башня высотой в 100 локтей, и в ней было полно стрел для катапульт. (7) Немало македонцев пало; многие под этим градом стрел отступили; Мемнон привел на помощь значительный отряд и царь оказался в большом затруднении.

27

Когда перевес оказывался уже на стороне галикарнасцев все неожиданно обернулось иначе. Старики македонцы, освобожденные по своему возрасту от участия в бою, ходившие в походы еще с Филиппом и во многих битвах спасавшие положение, увидели, что настал для них час показать себя. (2) Значительно превосходя воинским разумением и опытом молодых солдат, которые стали отступать, они горько упрекнули их трусости, составили отряд и, став щит к щиту, остановили неприятеля, уже считавшего себя победителем. (3) Убив в конце концов Эфиальта и многих других воинов, они заставили остальных бежать в город. (4) Наступала ночь, и македо-

след за беглецами ворвались за стены, но так как царь велел рубить отбой, то они вернулись в лагерь. (5) Мемнон со своими военачальниками и сатрапами, собравшись, решили покинуть город, оставить в акрополе самый лучший отряд со всем снаряжением, которое нужно, остальных же и все имущество перевезти на Кос. (6) Александр, узнав на рассвете о происшедшем, штурмовал город и обвел акрополь хорошей стеной и рвом. Часть войска он с начальствующими отправил внутрь материка с приказанием покорить ряд племен.

Энергично воюя, они покорили всю страну вплоть до Великой Фригии; солдат кормила вражеская территория. (7) Александр овладел всем побережьем до самой Киликии и приобрел много городов; после трудной и упорной осады достались ему и сильные крепости. Одну он одолел невероятным образом: не хотел остановиться на этой необычайной истории.

28

На границе Ликии, на высоком, особенно укрепленном утесе жили так называемые мармары. Когда Александр проходил по этому месту, они напали на македонский арьергард, многих убили и забрали себе большое число рабов и вьючных животных. (2) Царь, обозленный этим, осадил крепость и прилагал всяческое старание к тому, чтобы овладеть ею. Мармары, отличавшиеся мужеством, храбро выдерживали осаду, уверенные в неприступности места. В течение двух дней один приступ смелся другим; было ясно, что царь не отступит, пока не возьмет крепость. (3) Старики мармары советовали сначала молодежи прекратить военные действия и помириться с царем на условиях, которые были бы возможны. Их не послушались, предпочитая умереть за свободу отечества. Тогда они стали соваривать молодежь умертвить детей, женщин и стариков, а самим, сильным мужчинам, пробиться силой в ночное время через вражеский лагерь и бежать в соседние горы. (4) Молодежь согласилась; все собрались по своим домам вместе с родными и за трапезой, состоявшей из самых вкусных яств и напитков, ожидали страшного часа. Молодежи было человек 600, они отказались поднять руку на близких, но подожгли дома и, выпав через ворота, отступили в горы. (5) Они выполнили принятое решение, превратив родные дома в могилы; проскользнув, пока стояла ночь, через раскнутый вокруг лагерь и бежали в горы. Все это произошло в том же самом году.

29

В тот год, когда архонтом в Афнах был Никократ, а консулами в Риме Цезон Валерий и Луций Папирий⁴, Дарий

⁴ 333 г. до н. э. (прим. переводчика).

послал Мемнону очень много денег и сделал его главнокомандующим. (2) Тот собрал большое число наемников, посадил их на 30 кораблей и стал энергично вести войну: подчинил Хиос, подойдя к Лесбосу, без труда овладел Антиссой, Мефимнон, Пиррой и Эресом, но Митилену, город большой, превосходно снабженный, располагавший большим войском, он осаждал долго, потерял много солдат и взял с трудом. (3) Сразу же разнеслась молва о действиях командующего, и большая часть Кикладских островов отправила к нему посольства. В Эллад донеслись слухи, будто Мемнон думает направиться с войском к Эвбее; города на острове были охвачены страхом, а те греки, которые держали сторону персов (в числе их были и спартиаты), преисполнились надежд на переворот. (4) Мемнон подкупил многих греков и убедил их разделить чаяния персов. Судьба, однако, не позволила этому человеку развернуться во всю ширь. Он заболел и неожиданно скончался; смерть его погубила все дело Дария.

30

Персидский царь собирался перенести военные действия в Азии целиком в Европу. Услышав о кончине Мемнона, он спросил на совет близких ему людей и предложил им обсудить, посылать ли военачальников с войском в приморские области или же самому царю со всей армией выступить против македонцев. (2) Некоторые высказались за то, чтобы царь сам взял на себя командование; персы, по их словам, будут тогда воевать с большей охотой. Афинянин же Харидем, человек изумительной храбрости и стратег искуснейший (он воевал вместе с царем Филиппом и был его правой рукой и советником во всех предприятиях), посоветовал Дарию не делать опрометчиво ставку свей царство: пусть он несет на себе тяжесть управления Азией, а в войну отправит полководца уже испытанной доблести. (3) Стотысячного войска, треть которого составляют эллинские наемники, достаточно, и он намекнул, что он сам берется осуществить свое предложение. (4) Царь сначала согласился со словами Харидема, но близкие ему люди стали решительно возражать и внушили царю подозрение, что Харидем добивается верховного командования с целью предать персов македонцам. Разгневанный Харидем обругал персов за трусость всеми словами, какие только пришли в голову, и тем еще больше заделал царя. В раздражении, не думая уже о своей пользе, Дарий схватил Харидема за пояс, предавая его тем, по персидскому обычаю, своим прислужникам на казнь. (5) Харидем, идя на смерть, крикнул, что царь скоро раскается в том, что сделал, а скорым наказанием ему за неправую месть будет крушение его царства. Харидему не удалось осуществить его больших надежд, и за свой смелый язык он преждевременно ушел из жизни. (6) Царь, когда раздражение у него улеглось, одумался, укорял себя в том, что допустил величайшую ошибку; случив-

шееся, однако, даже царская власть не могла сделать неслучившимся. (7) Поэтому, одержимый страхом перед доблестью македонцев, ясно представляя себе деятельную натуру Александра, он стал искать военачальника, достойного принять власть Мемнона. Найти такого он не смог и был вынужден сам вести войну за свое царство.

31

Сразу же собрал он отовсюду войска и велел им встретиться в Вавилоне; из близких и родных выбрал подходящих людей; между одними распределил соответствующие должности, других взял с собой на войну. (2) Когда настал срок похода, все сошлись в Вавилон. Пешего войска было больше 400 тысяч; всадников не меньше 10 тысяч. С такой армией Дарий вышел из Вавилона и направился в Киликию; с ним были жена, дети — сын и две дочери — и мать.

(3) Александр еще при жизни Мемнона узнал, что Хиос и города на Лесбосе захвачены, Митилена взята силой. Мемнон с 300 триер и пешим войском собирается идти на Македонию, и большинство эллинов готово восстать. Его охватила великая тревога, (4) но когда ему принесли известие о кончине Мемнона, тревога эта несколько утихла. Вскоре после этого он тяжело заболел и, жестоко страдая, созвал врачей. (5) Никто не брался его лечить, и только Филипп, акарнанец родом, заявил, что он будет действовать решительно и быстро и своим лекарством изгонит болезнь. (6) Царь радостно его выслушал, так как ему сообщили, что Дарий с войском уже выступил из Вавилона. Врач дал ему выпить лекарство — в помощь пришли природа больного и удача, Александр сразу выздоровел. После такого неожиданного избавления от гибели он почтил врача великими почестями и принял его в число самых дорогих друзей.

32

В письме к Александру мать его, давая ему много полезных наставлений, между прочим, посоветовала остерегаться Александра линкейца. Он отличался мужеством, был преисполнен гордости и, находясь в свите Александра среди его друзей, пользовался его доверием. (2) Обвинение это подтвердилось мужеством других основательных улик. Александр был схвачен и в ожидании суда посажен в оковах под стражу.

Александр, узнав, что Дарий находится от него на расстоянии нескольких дней пути, послал Пармениона с войском заранее захватить проходы и так называемые «Ворота». Парменион, вторгшись в эти места, прогнал варваров, успевших захватить ущелья, и завладел проходами. (3) Дарий, желая облегчить войску поход, отослал обоз и лишних людей в Дамаск, в Сирию. Узнав, что Александр успел захватить ущелья, и думая,

что он не отважится вступить в бой на равнине, Дарий быстро двинулся ему навстречу. (4) Местные жители пренебрежительно отнеслись к малочисленному македонскому войску; потрясенные величиной персидской армии, они оставили Александра и перейдя на сторону Дария, с великой готовностью доставляли персам еду и всяческое снаряжение, предсказывая по своим соображениям победу варварам.

Александр овладел Иссом, важным городом, который был потрясен внезапностью нападения.

33

Лазутчики сообщили, что Дарий находится от него в 30 стадиях и грозно надвигается со своим выстроенным в боевом порядке войском. Александр, понимая, что боги дают ему случай одним сражением покончить с владычеством персов, воодушевил подобающим словом воинов на решительный бой. Пешие полки и конные отряды он расположил в соответствии с характером места: конницу поставил впереди всего войска, а пехоту поместил сзади в резерве. (2) Сам он, во главе правого крыла двинулся на врага, имея при себе цвет конницы. Левое крыло занимали фессалийские всадники, выделявшиеся своим мужеством и опытностью. (3) Когда войска оказались на расстоянии полета стрелы, варвары забросали Александра и его солдат таким количеством дротиков и стрел, что, сталкиваясь между собой на лету, они теряли свою силу. (4) Трубы с обеих сторон подали сигнал к бою; македонцы первые согласно и оглушительно закричали, им ответили варвары, и соседние горы откликнулись эхом более громким, чем самый крик: казалось, 500 тысяч человек одновременно издали вопль. (5) Александр оглядывался во все стороны, стремясь увидеть Дария. Узнав его, он сразу же со своими всадниками понесся на него, стремясь не столько одолеть перса, сколько своей рукой обеспечить победу. (6) Одновременно с ним и все остальные всадники вступили в бой, и началась кровавая сеча. Доблесть сражающихся делала исход битвы сомнительным. Победа склонялась то в одну, то в другую сторону; положение поочередно менялось. (7) Ни одна стрела, ни один взмах мечом не пропадал впустую: людей было так много, что нельзя было промахнуться. Поэтому много воинов пало (раны были спереди); неистово сражаясь до последнего вздоха, солдаты расставались с жизнью раньше, чем с доблестью.

34

Командиры каждого полка, сражаясь впереди своих подчиненных, собственной доблестью побуждали многих на подвиг. Люди были все в ранах; грозно и по-разному бились, стремясь к победе. (2) Оксафр, брат Дария, восхваляемый за мужество

увидав Александра, неудержимо несущегося на Дария, поторопился разделить судьбу брата. (3) Взяв из своего отряда лучших всадников, он пробился с ними к Александру и, считая, что любовь к брату доставит ему громкую славу у персов, завязал бой перед Дариевой колесницей: сражаясь умело и храбро, он убил многих. (4) Александр и его воины тоже отличались мужеством, и скоро перед Дариевой колесницей образовалась гора трупов. Все стремились нанести удар царю, билась со всем пылом и нисколько не щадили своей жизни. (5) В этой схватке пало много видных персов-военачальников; среди них Атизий, Реомифр и Стабак, сатрап Египта. Много пало и македонцев; сам Александр, окруженный со всех сторон неприятелем, был ранен в бедро. (6) Лошади, впряженные в колесницу Дария, покрытые ранами, в страхе перед горами наваленных вокруг тел закусили удила — и вскоре Дарий оказался в гуще врагов. В этой крайней опасности царь сам схватился за воужи, нужда заставила его забыть о своем высоком сане и преступить закон, положенный у персов для царей. (7) Слуги Дария подвели ему другую четверню, но пока он пересаживался, началась свалка; враги теснили Дария, и его охватил страх и ужас; персы, заметившие смятение царя, бросились бежать; когда за ними последовали и всадники, окружавшие царя, то бегство стало всеобщим. (8) Так как бежать приходилось по крутизнам и сквозь теснины, то люди, сталкиваясь, падали и топтали друг друга; многие погибли, хотя и не от вражеской руки. Горами лежали тела; одни совсем безоружные, другие во всеоружии. Некоторые, держа в руках обнаженный меч, пронзали им и убивали пытавшихся его отнять. Большинство, вырвавшись на равнину и гоня во всю прыть лошадей, добралось до союзных городов. (9) Македонская фаланга и персидская пехота продолжали еще некоторое время сражаться, но поражение всадников было как бы вступлением к полной победе македонцев. Вскоре все варвары обратились вспять, и так как многотысячной толпе пришлось бежать в теснинах, то вся окрестность наполнилась трупам.

35

С наступлением ночи персы без труда рассеялись по окрестностям, а македонцы прекратили преследование и занялись грабежом: больше всего в царских палатах, где было много богатства. (2) Из царской сокровищницы расхищено было много серебра, немало золота, огромное количество роскошных одежд. Аграблено было немало богатства также у царских друзей, родных и прочих военачальников. (3) По древнему персидскому обычаю, за армией на колесницах, обитых золотыми пластинками, следовали женщины не только из царской семьи, но и из семей родственных и дружественных царю. (4) Не зная меры богатству, предельно изнеженные, они везли за собой каждая по несколько драгоценной утвари и женских уборов. Страдания

захваченных в плен женщин были ужасны. (5) Те, которые раньше, по изнеженности своей, с трудом переносили персез, в роскошных повозках, закутанные так, что ни одна часть тела не оставалась обнаженной, теперь в одних хитонах и лохмотьях рыдая, выбегали из палаток, громко взывая к богам и припадая к коленям победителей. (6) Срывая дрожащими руками свои уборы, бежали они с распущенными волосами по неприступным местам и, встречаясь с другими беглянками, молили о помощи тех, кто сам нуждался в защите. (7) Одни солдаты тащили несчастных за волосы; другие, сорвав одежды, хватали обнаженных, ударяли их тупым концом копья и, пользуясь случаем, попирали то, что составляло их честь и славу.

36

Те из македонцев, в которых было много доброты, видя эту перемену судьбы, сочувственно отнеслись к несчастным женщинам и сжалились над бедствиями тех, которые лишились подobaющего почета и уважения, оказались среди чужеземцев врагов и шли в плен, горестный и позорный. (2) До слез жалели Дариеву мать, его жену, двух взрослых дочерей и мальчика-сына. (3) Перемена в их судьбе, огромное и неожиданно несчастье, постигшее их на глазах у всех, естественно располагало к состраданию видевших это. (4) Остался ли Дарий живых или погиб вместе с остальными, — они не знали; они видели, что вооруженные мужчины грабят их палатку; что они позволяют себе неподобающие поступки, не зная, кто их пленницы; что вместе с ними вся Азия уже оказалась в плену. Женщины сатрапов припадали к ним и молили помочь; они были не в силах это сделать и сами просили защиты. (5) Слуги Александра захватив палатку Дария, приготовили там купанье и обед и зажегши множество светильников, поджидали царя, чтобы, вернувшись после погони и застав к услугам своим все, что было у Дария, он увидел бы в этом счастливое знамение, предвещающее ему власть над всей Азией.

(6) В сражении погибло: у варваров больше 100 тысяч пехотинцев, всадников не меньше 10 тысяч; у македонцев около 300 пехотинцев и человек полтораста всадников. Таков был исход битвы при Иссе в Киликии.

37

Дарий, побежденный в битве, бросился бежать и, меняя одного за другим лучших коней, мчался во всю конскую прыть, стремясь ускользнуть от Александра и добраться до сатрапии внутри материка. (2) Александр с конницей друзей и лучшим всадниками из других отрядов гнался за Дарием, стремясь захватить его. Промчавшись стади 200, они около полуночи повернули обратно в лагерь. Смысл в бане усталость от все

трудов, они предались отдыху и сели за еду. (3) Кто-то пришел к жене Дария и к его матери и сказал им, что Александр вернулся из погони с доспехами, снятыми с Дария. Женщины подняли великий крик и плач; толпа пленниц разделила их скорбь, встретив громким рыданием эту весть. Царь, узнав, почему они горюют, послал Леонната, одного из своих друзей, успокоить их смятение, утешить Сисигамбу и всех, кто с ней, сказав, что Дарий жив и что Александр позаботится о них как подобает; он желает утром навестить их и на деле показать свое дружелюбие. (4) Пленницы, которым выпало такое необычайное и совершенно неожиданное счастье, почтили Александра как бога и прекратили свои рыдания. (5) Царь на рассвете вместе с самым любимым другом своим, Гестеионом, пришел к женщинам. Оба они были одеты одинаково, но Гестеион был выше и красивее, и Сисигамба, приняв его за царя, пала перед ним ниц. Присутствовавшие стали качать головой и руками показывать на Александра. Сисигамба, устыдившись своей ошибки, простерлась сызнова перед Александром. (6) Но царь, подняв ее, сказал: «Не волнуйся, мать! Он тоже Александр». Назвав старую женщину именем матери, самым ласковым на земле словом, он дал понять несчастным, как дружественно будет он с ними обращаться впредь. Подтвердив, что она станет для него второй матерью, он на деле доказал правдивость своих слов.

38

Он надел на нее царский убор; вернул прежний почет и подобающие почести; отдал всех служанок, которые были даны Дарием, и прибавил от себя не меньшее число; заявил, что для девушек он выберет мужей лучших, чем выбрал бы Дарий, а мальчика воспитает как собственного сына и удостоит царских почестей. (2) Он позвал его к себе и поцеловал; видя, что тот смело глядит на него и ничуть не пугается, сказал Гестеиону и его спутникам, что этот шестилетний ребенок смел не по летам и будет гораздо лучше своего отца. Он заявил, что позаботится о чести ее сана: ее окружит такой же почет, какой окружал в дни былого счастья. (3) Он еще много говорил с женщинами, и от его слов, жалостливых и добрых, от этой великой и неожиданной радости они залились неудержимыми слезами. На прощанье он протянул каждой правую руку, и его хвалили не только облагодетельствованные им — эту безграничную доброту одобрили все соратники. (4) Я же вообще думаю, что среди множества прекрасных деяний, совершенных Александром, нет ни одного большего и более достойного памяти историка. (5) Осады городов, сражения и прочие воинские деяния удачно заканчиваются благодаря счастливому случаю или ловкости, но только мудрый почувствует жалость к тем, кто в сляком оказался в его власти. (6) Большинство по глупости своей в счастье превозносится; благоденствие делает их горде-

цами, и они забывают о том, что человек — существо слабое и бессильное. Поэтому и оказывается, что для большинства счастье бывает как бы тяжелой ношей, которую они не в силах нести. (7) Да встретит же Александр, живший за много поколений до нас, и в последующих веках суд справедливый и достойный его добродетели!

39

Дарий, достигнув Вавилона и собрав тех, кто уцелел в битве при Иссе, не пал духом, хотя его и постигло великое несчастье. Он написал Александру, прося его и в счастье не терять человеческого облика и отпустить пленных за большой выкуп. Он добавил, что если Александр пожелает стать ему другом, то он уступит ему всю Азию до Галиса. (2) Александр собрал друзей, но скрыл от них подлинное письмо и показал своим советникам другое, которое написал сам и которое соответствовало его собственным намерениям. Послы ушли ни о чем. (3) Дарий поэтому отказался от письменных переговоров и занялся большими приготовлениями к войне: вооружил тех, кто при отступлении бросил все оружие; набрал новые полки и велел прибыть из глубины Азии армиям, которые он, стремительно собравшись в поход, оставил на месте. (4) Он вложил столько рвения в дело создания армии, что солдат у него оказалось вдвое больше, чем было при Иссе: у него собралось 800 тысяч пехотинцев, 20 тысяч всадников; было еще много колесниц с серпами. Все это произошло в течение этого года.

40

Архонтом в Афинах был Никита; консулами у римлян Марк Атилий и Марк Валерий; шла 112-я олимпиада; победителем тот год на олимпийских играх был Грилл халкидец⁵

Александр после победы при Иссе похоронил павших, в том числе и врагов, удививших своими подвигами. После этого он принес богам великолепные жертвы; почтил отличившихся в битве дарами, каждого по достоинству, и дал солдатам несколько дней передышки. (2) Затем он отправился в Египет и, вступив в Финикию, взял много городов, так как население охотно его принимало. Тирийцы же, когда царь пожелал принести жертву Гераклу Тирийскому, весьма опрометчиво запретили ему войти в город. (3) Александр очень рассердился и пригрозил, что возьмет город. Тирийцы мужественно выдерживали осаду, рассчитывая этим услужить Дарию, приобрести прочную его благосклонность и получить богатые дары за свою услугу, отвлекая Александра длительной и опасной осадой, они дали Дарию возможность спокойно готовиться к войне. Полагали

⁵ 332 г. до н. э. (прим. переводчика).

они и на неприступность своего острова, и на свои приготовления к войне, и на Карфаген, свою колонию. (4) Царь, видя, что с моря город не взять, так как он обведен стенами и располагает флотом, а с суши к нему не подобраться, потому что его от материка отделяют 4 стадии, все же решил идти на все опасности и труды, чтобы не оказаться македонскому войску в пребрежении у какого-то единственного города. (5) Он разрушил так называемый старый Тир, привез множество камня и сделал насыпь шириной в 2 плефра. На эту работу взяты были жители всех соседних городов, и благодаря множеству рабочих рук закончена она была быстро.

41

Тирийцы сначала, подплывая к насыпи, посмеивались над парем и спрашивали, не считает ли он себя сильнее Посидона. Насыпь, однако, вопреки ожиданию, росла и росла, и тогда они постановили: отвезти детей, женщин и стариков в Карфаген, мужчин в цвете сил поставили на защиту стен и быстро подготовили флот: имелось у них 80 триер. (2) Часть детей и женщин они успели поместить у карфагенян, но многие остались; для морского боя сил не хватало, и всем народом вынуждены они были выдерживать осаду. (3) Было у них огромное количество катапульта и других полезных при осаде машин; им легко было изготовить еще больше новых, так как в Тире жило множество разных ремесленников. (4) Этими машинами, из которых многие были изобретены внове, оставили кругом все городские стены, и особенно то место, где насыпь подходила к стене. (5) Когда македонцы дотянули свою работу до того места, куда могла долететь стрела, боги послали некое знамение воюющим. Волной с моря прибило к этому сооружению кита невероятной величины; наткнувшись на насыпь, он не причинил ей никакого вреда и долго пролежал, уместив на ней часть своего туловища. Люди при виде этого дива были охвачены ужасом, (6) а чудовище опять уплыло в море, повергнув обе стороны в суеверный страх. Те и другие, толкуя знамение в свою пользу, увидели в нем указание на будущую помощь от Посидона. (7) Случались и другие необычайные знамения, способные внушить толпе смятение и ужас. Так, хлеб, разломанный македонцами себе в еду, оказался на вид окровавленным. Кто-то видел во сне, будто Аполлон сказал, что собирается покинуть город. (8) Народ заподозрил, что этот рассказ вымышлен в угоду Александру, и молодежь уже готовилась побить камнями этого человека; архонты укрыли его, он бежал в храм Геракла и как умоляющий спасся от наказания. Тирийцы в страхе приковали золотыми цепями статую Аполлона к пьедесталу, думая тем самым помешать богу покинуть город.

Тирийцы, встревоженные ростом насыпи, нагрузили множество мелких суденышек катапультами и стрелами и посадили на них лучников и пращников; подплыв к работающим на насыпи, они многих ранили и немало людей убили. (2) Ни одна из стрел или дротиков, летевших в густую безоружную толпу, не пропадала даром, люди стояли на виду и ничем прикрыты не были. Стрелы ранили не только спереди, но пробивали насквозь тела тех, кто на этой узкой насыпи стоял лицом к врагу: невозможно было отбиться от врага, наседавшего с обеих сторон. (3) Александр, желая стремительно оказать помощь в этом непредвиденном несчастье, снарядил все свои корабли и, сам предводительствуя ими, поспешно отплыл к тирийской гавани, чтобы отрезать финикийцам отступление. (4) Варвары, боясь, как бы он, захватив гавань, не овладел городом, в котором не осталось солдат, поспешно поплыли к Тиру. Обе стороны усердно работали веслами; македонцы уже приближались к гавани, когда финикийцы, едва избежав гибели, бросив оставшие суда, приложили все силы и проскользнули в город. (5) Царь, потерпев неудачу в важном предприятии, опять занялся насыпью и поручил большому числу судов охранять рабочие. Когда насыпь уже подошла к городу и он мог бы быть скоро взят, сильный северный ветер испортил значительную ее часть. (6) Эта чисто случайная потеря стольких трудов поставила Александра в большое затруднение; он уже раскаивался в том, что начал осаду Тира, но, увлекаемый честолюбием, велел нарубить в горах больших деревьев, привезти их и вместе с ветвями уложить в насыпь: был создан оплот против ярости моря. (7) Быстро восстановив поврежденные части насыпи и с помощью множества рабочих приблизив ее к городу на расстояние полета стрелы, он поставил на ней машины и стал метать в стены камнями, а стрелами сгонять воинов с брустверов. С ними заодно действовали лучники и пращники и ранили многих горожан, помогавших солдатам.

У тирийцев были мастера морского дела и строители машин, которые придумали искусные средства обороны. Для защиты от стрел с катапульта они изготовили колеса с частыми спицами; их вращали с помощью какого-то механизма, и стрелы, попав в такое колесо, или ломались, или отлетали в сторону и причинить вред уже не могли. Камни, летевшие из камнеметов, ударялись о сооружения из мягкого, упругого материала, который ослаблял силу, сообщаемую машиной. (2) Царь, пока шел штурм с насыпи, обходил город со всем флотом, осматривая стены: было ясно, что он намерен брать город и с суши и с моря. (3) Тирийцы не осмеливались сра-

зяться с этим флотом, но 3 корабля вышли из гавани; царь подошел к ним, уничтожил их и вернулся в свой лагерь. Тирийцы, желая удвоить свою оборонную линию, поставили новую стену, отступя на 5 локтей от старой. Шириной она была в 10 локтей; проход между обеими стенами они завалили камнями и землей. (4) Александр, связав между собой триеры и поставив на них разные машины, разрушил стену почти на один плевр. Воины ворвались через пролом в город. (5) Тирийцы засыпали их стрелами, едва прогнали и с наступлением ночи поправили обвалившуюся часть стены. Между тем насыпь вплотную подошла к стене; город оказался на полуострове, и у стен начались жестокие бои. (6) Осажденные, ясно представляя себе ужас своего положения и обдумывая несчастья, которые ожидают их, если город будет взят, шли в бой с полным презрением к смерти. (7) Македонцы возвели башни, равные по высоте стенам, перекинули с них мостки и смело вошли на брустверы, но тирийские мастера придумали средство для обороны стен. (8) Выковав большие трезубцы с крючьями на концах, они рукой метали их в солдат, стоявших на башнях. Когда трезубец вонзался в щит, то, ухватившись за веревки, которые были привязаны к трезубцу, тирийцы тащили вражеского воина. (9) Приходилось или бросать щит и подставлять ничем не прикрытое тело под град летящих стрел, или же, не выпуская из чувства чести щита, падать с высокой башни и разбиваться. (10). Другие набрасывали на воинов, бившихся на мостиках, рыбацьи сети и, опутав им таким образом руки, притягивали их и сбрасывали с мостков на землю.

44

Изобретен был еще хитрый способ сломить мужество македонцев и подвергнуть самых храбрых воинов мучениям, которых нельзя было и облегчить. Изготовлены были медные и железные щиты; в них насыпали песку и долго нагревали на сильном огне, так что песок накаливался. (2). С помощью какого-то механизма они бросали этим песком в тех, кто сражался всех мужественнее, и подвергали свои жертвы жесточайшим страданиям. Песок проникал через панцирь в рубаху, жег тело, и помочь тут было нечем. (3). Поэтому возле страдальцев, моливших о помощи, не было никого, чтобы облегчить их муки, и они кончались, впадая в неистовство от страшной боли, в страданиях жалостных и неутолимых. (4). Финикийцы одновременно бросали факелы, дротики и камни; мужество осаждавших ослабевало под градом стрел; серпы на подъемных кранах подрезали канаты таранов и делали их бесполезными; огнеметы швыряли огромными кусками раскаленного железа в противника, попадая без промаха, так как люди стояли густой толпой; «воронами» и железными крючьями

стаскивали стоявших на бойницах. (5). Так как людей было много, то все машины сразу пускали в действие и штурмующие гибли в большом числе.

45

Несмотря на весь этот невыразимый ужас и неодолимое упорство сопротивления, македонцы не теряли мужества: они шагали через падавших, и чужие страдания не служили для них уроком. (2) Александр поставил камнеметы и бил в стены огромными камнями; катапульты сыпали с деревянных башен всяким метательным оружием, нанося страшные раны стоящим на стенах. (3) Тирийцы придумали защиту от них: по краю стен были поставлены мраморные колеса, которые, вращаясь с помощью каких-то механизмов, ломали стрелы, пущенные с катапульт, они отбивали их в сторону, уничтожая их пробивную силу. (4) Кроме того, они шивали кожаные и меховые мешки, набивали их водорослями и подставляли их под камни из камнеметов. Мягкий и упругий материал лишал удар его силы. (5). Вообще тирийцы защищались всеми способами и, обладая обилием средств обороны, мужественно сопротивлялись врагу. Они спускались со стен, оставляли свои посты внутри башен и бились с врагом на самих мостках, противопоставляя храбрости врагов собственную доблесть. (6) Окруженные врагами, схватываясь с ними врукопашную, они отчаянно сражались за отечество; случалось, что топором отсекали противнику часть тела, пришедшую под удар. Один из македонских вождей, именем Алмет, отличавшийся мужеством и силой, смело выдерживал натиск тирийцев. Топором ему рубили голову, и он тут же скончался смертью героя.

(7) Александр, видя, что тирийцы одолевают македонцев, велел с наступлением ночи трубить отбой. Он решил сначала снять осаду и пойти походом на Египет, но затем передумал, сочтя позором прославить этой осадой не себя, а тирийцев. Из друзей одного мнения с ним был только Аминта, сын Андромена, но Александр решил продолжать осаду.

46

Уговаривая македонцев не уступать в мужестве, он снарядил все военные корабли и энергично повел осаду с моря и суши. Заметив, что около верфи стена менее крепка, он поднял сюда триеры, на палубах которых стояли самые сильные машины. (2) И тут он отважился на такое дело, видя, что люди не поверили своим глазам. Перебросив мостки с деревянной башни на городские стены, он — один — взбежал на стену, не убоявшись ни завистливой судьбы, ни храбрости тирийцев, взбежал перед зрителями — воинами, победившими персов. Он приказал македонцам следовать за собой; пере-

в рукопашной схватке убил одних копьем, других мечом, некоторых отбросил щитом и заставил врагов несколько присмиреть. (3) В это же время с другой стороны таран пробил большую брешь. Когда македонцы ворвались через пролом, а те, кто был вместе с Александром, вошли на стену, то город был взят. Тирийцы, ободряя друг друга, перегородили узкие проходы и все — за вычетом немногих — пали, сражаясь. Было их больше 7 тысяч. (4) Царь обратил в рабство детей и женщин, а всех юношей (было их не меньше 2 тысяч) велел повесить. Хотя большая часть населения была увезена в Карфаген, пленных оказалось больше 13 тысяч. (5) Тирийцы, решив выдерживать осаду, обнаружили больше храбрости, чем благоразумия. Они навлекли на себя великие несчастья; в осаде просидели 7 месяцев. (6) Царь снял с Аполлона золотые цепи и оковы и велел называть этого бога «Аполлоном, другом Александра». Он принес Гераклу великолепные жертвы, почтил всех отличившихся, устроил великолепные похороны павшим и поставил в Тире царем Абдалонима... Александр пошел на Газу, охраняемую персами, и после двухмесячной осады взял город.

49⁶

В Афинах архонтом был Аристофан, в Риме консулами Спурий Постумий и Тит Ветурий⁷. В этом году, устроив все в Газе, Александр отправил в Македонию Аминту с 10 кораблями, приказав набрать подходящую для военной службы молодежь. Сам он со всем войском отправился в Египет и мирным путем овладел всеми городами в этой стране. (2) Египтяне радостно приняли Александра, потому что персы оскорбляли их святыни и правили с помощью силы. Уладив все дела в Египте, Александр отправился к Аммону спросить бога. (3) В середине пути встретили его послы из Кирены, везшие ему венец и великолепные дары, в том числе 300 боевых коней и 20 превосходнейших лошадей для колесниц четверней. (4) Приняв их, он заключил с ними дружественный союз и вместе со своими спутниками отправился дальше к храму. Подойдя к безводной пустыне, он запасся водой и продолжал путь по стране, где нисколько не было воды. Запас воды вышел за 4 дня; найти ее было негде. (5) Всеми овладело отчаяние, как вдруг разразилась ливень, который поразительным образом спас людей, оуждавшихся в воде; они, неожиданно спасенные, приписали этот случай промыслу богов. (6) Набрав в какой-то впадине столько воды, сколько хватило бы на 4 дня, они после четырехдневного пути вышли из безводных мест. Дорога потерялась среди безбрежного песка, и проводники объявили царю,

⁶ Главы 47 и 48, как не относящиеся к Александру, не переведены (прим. переводчика).

⁷ 331 г. до н. э. (прим. переводчика).

что вороны, карканье которых слышится справа, указывают дорогу, ведущую прямо к святилищу. Александр счел этот случай счастливым предзнаменованием и, решив, что бог с радостью его примет, ускорил свой путь. Сначала он наткнулся на так называемое «Горькое озеро», а затем, пройдя 100 стадиев, миновал «города Аммона» и через один день пути подошел к священному участку.

50

Участок этот, окруженный песчаной безводной пустыней, лишенной всего, что мило человеку, простирается стадий на 50 в длину и в ширину. По нему протекает множество прекрасных ручьев, и он засажен самыми разнообразными и очень урожайными деревьями. Погода тут напоминает нашу весеннюю. Вокруг стоит зной, и только здесь жители не знают ни жары, ни холода. (2) Святилище это было, говорят, основано Данаем-египтянином; земля бога граничит на юге и на западе со страной эфиопов, на севере с кочевым племенем ливийцев и с племенем так называемых насамонов, владения которых идут в глубь материка. (3) Жители этого оазиса селятся деревнями; посередине его находится акрополь, обведенный тройной стеной. За первой находится дворец древних властителей; за второй — женские покои, помещения для детей, родных и стражи, а также обитель бога и священный источник, откуда берут воду, чтобы освятить дары, приносимые богу; за третьей — жилье копыеносцев и царской охраны. (4) Недалеко от акрополя выстроен под сенью высоких деревьев другой храм Аммона. Вблизи от него находится источник, который по следующей причине называют источником Солнца: вода в нем удивительным образом меняется в соответствии с временем дня. (5) На рассвете его вода прохладна; чем дальше идут часы, тем она становится холоднее и в полдневный жар достигает предельного охлаждения; затем, по мере того как день склоняется к вечеру, она все теплеет и теплеет, нагреваясь до самой полуночи, а затем начинает остывать, пока не придет с рассветом в свое начальное состояние. (6) Статуя бога усыпана изумрудами и другими камнями; предсказания он дает совершенно своеобразным способом: статую эту в золотом ките несут на своих плечах 80 жрецов, которые направляют путь не по своему выбору, а куда укажет им кивком бог. (7) За ними следует толпа девушек и женщин, которые всю дорогу поют, прославляя бога старинной песнью.

51

Когда жрецы ввели Александра в храм и он увидел бога, старший пророк, человек очень преклонного возраста, подошел к нему со словами: «Привет тебе, сын мой! Так обращается к

тебе бог». (2) «Принимаю твой привет, — ответил Александр, — и впредь буду называться твоим сыном, если только ты дашь мне власть над всей землей». Жрец вошел в святилище, и пока люди, несшие бога, двигались, подчиняясь указаниям божественного голоса, он сказал Александру, что бог обязательно исполнит его просьбу. (3) «Напоследок открой мне то, что я ищу узнать: настиг ли я всех убийц моего отца или кто-то еще остался?» — «Не кошунствуй, — закричал жрец, — нет на земле человека, который мог бы злоумыслить на того, кто родил тебя! Убийцы же Филиппа понесли наказание. Доказательством же твоего рождения от бога будет успех в твоих великих предприятях: и раньше ты не знал поражений, а теперь будешь вообще непобедим». (4) Александр обрадовался этому предсказанию, и, почтив богов великолепными приношениями, вернулся в Египет.

52

Тут он решил основать большой город и поручил людям, оставленным для этого дела, выстроить город между озером и морем. (2) Вымерив место и умело разделив его на кварталы, Александр назвал город по своему имени — Александрией. Он находился в очень удобном месте вблизи от гавани Фароса; благодаря искусному расположению улиц город открыт ветрам — отесиям, которые дуют с моря, приносят с собой прохладу и делают здешний климат умеренным и здоровым. (3) Он обвел город стеной, огромной и превосходно защищавшей город: она шла между озером и морем, а со стороны суши в нее вело только два узких, легко защищаемых прохода. Окончательный план города напоминает хламиду; почти по середине его прорезает улица, удивительная по своей величине и красоте: она идет от одних ворот и до других; длина ее равна 40 стадиям, а ширина — одному плефру; вся она застроена роскошными домами и храмами. (4) Велел Александр выстроить и дворец; его величина и мощь постройки поразительны. Не только Александр, но и все, кто царствовал в Египте после него и до наших дней, прибавляли что-нибудь к роскоши дворца. (5) Вообще же город впоследствии так разросся, что многие считали его первым в мире. Он значительно выделяется и красотой, и размерами, возможностями хорошо заработать, а также обилием предметов роскоши. (6) И числом населения город этот превосходит остальные. Во время нашего пребывания в Египте люди, имевшие список переписи населения, говорили мне, что в Александрии свободных больше 300 тысяч, а доходов из Египта царь получает больше 6 тысяч талантов. (7) Александр, поставив нескольких друзей строить Александрию и распорядившись всем в Египте, вернулся с войском в Сирию.

Дарий, узнав о его прибытии, собрал отовсюду войска и приготовил все нужное для войны. Он заказал гораздо больше мечей и копий, чем у него было раньше, думая, что Александр выиграл сражение в Киликии благодаря обилию оружия. Изготовлено было и 200 колесниц с серпами, устроенных с точным расчетом на то, чтобы пугать и устрашать людей. (2) В каждой колеснице по обе стороны от пристяжных торчала, выдаваясь на 3 пяди, прибитая к ярму гвоздями скребица, обращенная остриями к противнику; на осях, перпендикулярно к чеке, были прикреплены 2 другие, с остриями, направленными так же, как и вышеупомянутые, прямо к противнику, но шире и длиннее первых. К их краям прилажены были серпы.

(3) Хорошо вооружив войско и поставив доблестных военачальников, Дарий выступил из Вавилона; пехоты у него было около 800 тысяч, конницы не меньше 200 тысяч. Он шёл, имея справа от себя Тигр, а слева Евфрат, по богатой стране, которая могла доставить и щедрый корм животным, и достаточную пищу воинам. (4) Он торопился дать сражение около Ниневии: возле нее привольно раскинулись равнины, на которых могла свободно маневрировать собранная им огромная армия. Он расположился лагерем возле деревни Арбел; тут он ежедневно делал смотр войскам и частыми упражнениями приучил их к дисциплине: его очень беспокоила мысль о том, как бы среди множества людей, говоривших на разных языках, не возникло в бою смятения.

Дарий и раньше посылал к Александру послов с переговорами о мире: он уступал ему всю землю до реки Галис и обещал к тому же дать 2 тысячи талантов. (2) Александр пренебрег этими предложениями, и тогда Дарий послал других послов: благодарил за хорошее обращение с матерью и другими пленными, просил стать ему другом, предлагал всю землю до Евфрата, 3 тысячи талантов серебра и одну из дочерей в жены. Став зятем царя и заняв положение сына, он разделит Дарием всю его власть. (3) Александр собрал на совет всех своих друзей, сообщил о сделанных предложениях и попросил каждого откровенно высказать свое мнение. (4) Никто не отваживался дать совет по такому важному вопросу; тогда Парменион выступил первый: «Если бы я был Александром, я взял бы то, что предлагается, и заключил бы договор». (5) «И я», ответил Александр, — взял бы, если бы был Парменионом». Он произнес гордую речь; отверг персидские предложения, цеславу выше протянутых даров, и дал послам такой ответ: как при 2 солнцах вселенная не может сохранить своего строя и порядка, так и при 2 самодержцах мир не может пребывать в

мире и спокойствии. (6) Пусть поэтому они скажут Дарию: если он стремится первенствовать, то Александр будет сражаться с ним за единовластие; если же, презрев славу, он предпочтет свою пользу и легкую удобную жизнь, то пусть он служит Александру, выполняя его приказания, и царствует, получив по его милости свою власть.

(7) Распустив совет, он с войском пошел к вражескому лагерю. В это время умерла жена Дария, и Александр устроил ей пышные похороны.

55

Дарий, выслушав этот ответ, отказался от переговоров. Он ежедневно устраивал смотр своего войска и приучил его к быстрому выполнению приказов в минуту опасности. Одного из своих друзей, Мазея, он с отборными воинами отправил охранять переправу через реку и занять брод, а других послал жечь страну, через которую надо было идти неприятелю. Он думал, что река преградит путь македонцам. (2) Мазей, видя, что перейти через реку невозможно, потому что она глубока и течение у нее быстрое, и не подумал ставить здесь охрану; он занялся поджогами, опустошил большой округ и решил, что враги не смогут тут пройти из-за отсутствия пищи. (3) Александр же, придя к Тигру, узнал от местных жителей, где находится брод, и переправил через реку войско, с трудом, правда, и большой опасностью. (4) Брод был глубокий, вода стояла выше сосков; стремительное течение многих сбивало с ног и отбрасывало в сторону; поток, ударяясь о щиты, многих уносил и подвергал смертельной опасности. (5) Александр, чтобы противостоять быстроте течения, придумал следующее: приказал всем взяться за руки, образуя из собственных тел нечто вроде плотины. (6) Македонцы едва уцелели при этой смелой переправе; Александр дал им отдохнуть весь этот день, а на следующий, построив войско, повел его на врага и расположился лагерем вблизи от персов.

56

Думая о величине персидской армии, о предстоящей грозной опасности, о наступлении часа, который решит все, он не спал целую ночь, охваченный тревогой за будущее. Перед утренней стражей он, однако, уснул так крепко, что и с наступлением дня никак не мог проснуться. (2) Друзья сначала с удовольствием смотрели на спящего, рассчитывая, что царь, хорошенько отдохнув, будет полон сил для предстоящего боя. Время, однако, шло, а царь оставался во власти сна. Парменион, старший из друзей, сам от себя отдал приказ войску готовиться к сражению. (3) Сон не отпускал царя, и друзья едва его добудились. Все изумлялись этому случаю и хотели услышать, в чем его причина; Александр сказал, что Дарий, собрав

войско в одно место, избавил его от всякого беспокойства. (4) В один день решится все, и они отдохнут от долгих трудов и опасностей. Обратившись к военачальникам с подобающим словом и воодушевив их на бой, он повел войско на варваров, поставив конные отряды впереди пеших полков.

57

На правом фланге он поставил царский эскадрон под начальством Клита, прозванного Черным, рядом с ним других друзей под командой Филоты, сына Пармениона, и рядом 7 других конных полков под его же начальством. (2) За ними сзади был выстроен «пехотный отряд с серебряными щитами», отличавшийся блеском вооружения и мужеством воинов. Им предводительствовал Никанор, сын Пармениона. Возле них стояло войско эллимитов под начальством Кена; рядом полк линкестов и орестийцев, которым командовал Пердикка. Соседним полком командовал Мелеагр, а рядом с ним стоял Полисперхонт, под начальством которого находились тимфейцы. (3) Филипп, сын Балакра, начальствовал над соседним полком; за ним стоял полк Кратера. Сплошной строй вышеупомянутых всадников дополняли всадники из Пелопоннеса и Ахайи, Фтиоты, малийцы, локры и фокейцы; командовал ими митиленец Эригий. (4) Рядом стояли фессалийцы под командой Филиппа; мужеством и искусным маневрированием они значительно превосходили остальных. Возле них он поставил критских лучников и ахейских наемников. (5) Каждый фланг загибался, чтобы не дать огромной армии врага возможности взять в окружение небольшое войско македонцев. (6) Отбивать атаку колесниц с серпами царь придумал следующим образом: солдатам было приказано при приближении четверни сомкнуть щиты и сариссами ударять в них, чтобы лошади, испугавшись шума, понесли назад; если они все же будут стремиться вперед, то расступиться на такое расстояние, чтобы колесница проехала, не нанеся вреда македонцам. Сам он командовал правым флангом, который выстроил наискось; он сознавал, что исход будет зависеть от него.

58

Дарий расположил свое войско по отдельным народностям, сам напротив Александра и пошел на врага. Когда обе армии приблизились одна к другой, трубы с обеих сторон дали сигнал к бою, и войны с громким криком устремились одни на других. (2) Сначала серпы колесниц, мчавшихся во всю прыть, повергли македонцев в великий страх и ужас. Мазей, начальник конницы, бросил на врага вместе с колесницами густые ряды всадников, что сделало натиск колесниц еще страшнее. (3) Пехота македонцев, однако, сомкнула, как и приказал

царь, свои щиты; все стали бить в них сариссами и подняли великий шум. (4) Лошади испугались; много колесниц повернуло обратно и неудержимо, опрометью понеслось на своих. Некоторые, впрочем, уже вот-вот ворвались бы в ряды пехоты, но македонцы расступились на значительное расстояние, и пока колесницы мчались по этому пролету, они одних возниц пронзили, а другие свалились сами. Некоторые колесницы, однако, летя во всю прыть и энергично действуя своим острым железом, наносили множество разных и смертельных ран. (5) Так остро было это на погибель выкованное оружие и с такой силой оно действовало, что у многих были отрублены руки со щитами вместе; многим перерезало шею, и у голов, скатившихся на землю, глаза еще продолжали смотреть, а лицо сохраняло свое выражение; метким ударом некоторым разворачивало бок, и они умирали в жестоких страданиях.

59

Когда армии сблизились и были истрачены стрелы, камни для пращей и дротики, завязалась битва врукопашную. (2) Первыми начали сражение всадники. Против македонцев, сражавшихся на правом фланге, Дарий выставил свой левый фланг, где вместе с ним сражался конный отряд его родственников, людей исключительной доблести и преданности; было их в отряде тысяча. (3) На них глядел сам царь, и они спокойно встретили град пущенных стрел. С ними были и «носители шивы», многочисленные и выделявшиеся своим мужеством; кроме того, марды и коссен, вызывавшие удивление своим огромным ростом и душевным величием. (4) С ними вместе сражались дворцовая охрана и самые мужественные воины-инды. С громким криком ударили они на врага, сражались мужественно и благодаря превосходству сил стали одолевать македонцев. (5) Мазей, будучи на правом фланге с превосходной конницей, сразу же в первой схватке уничтожил немало противников; он послал отборный отряд, состоявший из 2 тысяч кадусиев и тысячи скифских всадников, с приказом обойти неприятельский фланг, подойти к месту, где стоит обоз, и овладеть им. (6) Приказ этот был быстро выполнен: в лагерь македонцев ворвались, некоторые из пленных завладели оружием, стали помогать скифам — и обоз был разграблен. Невероятный крик и смятение стояли по всему лагерю. (7) Пленные женщины ушли к варварам, но мать Дария, Сисигамба, не поддавалась увещания пленниц и осталась, спокойная и дружелюбная; может быть, она не доверяла счастливой перемене судьбы, может быть, не хотела запятнать себя неблагодарностью по отношению к Александру. (8) Наконец скифы, расхитив значительную часть обоза, ускакали к Мазею объявить о своей уда-

че. Точно так же и всадники, сражавшиеся под командой Дария, одолели своей численностью сражавшихся с ними македонцев и заставили их обратиться в бегство.

60

Это была вторая удача персов. Александр, торопясь собственным вмешательством поправить дело, устремился на самого Дария с царским отрядом и с другими превосходными всадниками. (2) Царь персов встретил атаку неприятеля, сражаясь с колесницы; он бросал дротиками в несшихся на него врагов: воины его сражались вместе с ним, но цари кинулись друг на друга. Александр метнул дротиком в Дария, но промахнулся и попал в возницу, стоявшего рядом с царем. (3) Воины, окружавшие Дария, громко вскрикнули: те, кто стоял поодаль, решили, что убит царь; они положили начало бегству, и за ними устремилась целая толпа. Отряд, стоявший возле Дария, вскоре был разметан. Не оказалось защитников и с другой стороны, и сам царь в ужасе обратился в бегство. (4) Так бежали они; пыль от конских копыт поднималась облаком; Александр со своими воинами наседали сзади; толпа людей и густая пыль не позволяли разглядеть, куда направил свое бегство Дарий; стоны упавших, топот копыт, шелканье бичей сливались в сплошной грохот. (5) В это время Мазей, командовавший правым флангом, на котором стояли самые лучшие и многочисленные конные отряды, жестоко теснил противника. Парменион с фессалийской конницей и другими полками, сражавшимися под его начальством, выдерживали этот натиск. (6) Сначала, блестяще сражаясь, они взяли верх благодаря мужеству фессалийцев, но Мазей подавлял их численностью своего войска. (7) Много людей было убито, сила варваров оказывалась необоримой, и Парменион послал несколько своих всадников к Александру, прося немедленной помощи. Те стремительно бросились выполнять его приказание, но узнали, что Александр, преследуя Дария, далеко оторвался от войска, и вернулись ни с чем. (8) Парменион, искусно пуская вперед фессалийские эскадроны и погубив многих, с трудом повернул вспять варваров, смертельно напуганных бегством Дария.

61

Дарий, военачальник опытный, воспользовавшись тем, что тучи пыли служили ему прикрытием, составил себе особый план бегства. Он устремился в противоположную сторону, чем прочие варвары; поднятая пыль прикрыла его бегство, и вместе со своими спутниками проехал безопасно и укрылся в деревнях, находившихся в тылу у македонцев. (2) Наконец все варвары устремились в бегство; македонцы не уставали избивать отставших, и скоро все окрестности той равнины были

усеяны трупами. (3) В этом сражении была перебита вся варварская конница; пеших пало больше 90 тысяч. У македонцев убито было человек 500; раненых же оказалось очень много, был среди них и Гефестион, начальник телохранителей, один из наиболее известных командиров (копы попало ему в руку), Пердикка, Кен, Менид и еще некоторые известные военачальники. Так окончилось сражение при Арбелах.

62

Архонтом в Афинах был Аристофонт; консульскую власть в Риме получили Гай Домиций и Авл Корнелий⁸. В этом году весть о сражении при Арбелах дошла до Эллады. Многие города, подозрительно глядя на возвышение Македонии, думали, пока Персия держится, бороться за свою свободу. (2) Они рассчитывали, что Дарий поможет им и снабдит огромными деньгами для найма большой чужеземной армии; Александру же делить свои силы будет невозможно; (3) если же эллины равнодушно отнесутся к поражению персов, то они останутся одни и им нечего будет и думать о свободе. (4) К восстанию побуждал их и переворот во Фракии, случившийся как раз около этого времени. (5) Мемнон, правитель Фракии, располагавший войском и полный самомнения, возмутил варваров, отпал от Александра, вскоре оказался во главе большой армии и открыто готовился к войне. (6) Антипатр со всем войском двинулся через Македонию во Фракию и начал войну с Мемноном. Лакедемоняне сочли, что пришел и их час готовиться к войне, и обратились к эллинам с призывом единодушно отстаивать свободу. (7) Афиняне, которым Александр оказал почета больше, чем другим грекам, не тронулись с места. Большинство пелопоннесцев и еще кое-кто согласились воевать и внесли имена своих городов в списки союзников. В зависимости от возможностей каждый город выставил в качестве солдат цвет своей молодежи; всего пехоты было не меньше 20 тысяч, а конницы около 2 тысяч. (8) Во главе стояли лакедемоняне; они выступили всем народом на эту войну за всех; командование принадлежало царю Агису.

63

Антипатр, узнав об этом сборе эллинов, кое-как закончил войну во Фракии и со всем войском направился в Пелопоннес. Присоединив к себе и отряды эллинов-союзников, он собрал армию не меньше чем в 40 тысяч. (2) Произошло большое сражение; Агис пал; лакедемоняне долго и мужественно держались, но когда союзники их были разбиты, они бежали в Спарту. (3) В этой битве македонцев и союзников было убито больше 5300 человек; Антипатр потерял 3500 человек...

⁸ 330 г. до н. э. (прим. переводчика).

Дарий, потерпев поражение при Арбелах, бежал в глубь страны, рассчитывая, что дальность расстояния даст ему достаточно времени, чтобы передохнуть и собрать войско. Добравшись до Экбатан в Мидии, он сначала остановился там, собрал всех, кто уцелел после бегства, и вооружил безоружных. (2) Он послал за солдатами к соседним племенам и разослал военачальникам и сатрапам в Бактрии и в глубине Азии увещания хранить ему верность. (3) Александр, похоронив после победы убитых, направившись в Арбелы, нашел там великое изобилие съестных припасов, немало драгоценностей и варварскую сокровищницу, в которой находилось 3 тысячи талантов серебра. Сообразив, что от множества трупов распространится зараза, он снялся с места и со всей армией направился в Вавилон. (4) Местные жители встретили его с радостью и роскошно угощали расквартированных македонцев; войско поэтому вскоре отошло от пережитой усталости. Александр провел в Вавилоне больше 30 дней, потому что имелся достаток во всем необходимом и радушны были жители. (5) Затем он поручил охрану крепости Агафону, жителю Пидны, оставив ему 700 человек солдат; Аполлодора из Амфиполя и Менета из Пеллы он поставил стратегами Вавилона и всех сатрапий до Киликии; дал им тысячу талантов серебра и приказал нанять как можно больше солдат-чужеземцев. (6) Мифрену, сдавшему крепость в Сардах, он отдал Армению. Из взятых денег он подарил каждому всаднику по 6 мин; всадникам из союзнических отрядов по пять, пехотинцам-македонцам по две. Воинов-чужеземцев награждал каждого двухмесячным жалованьем.

65

Когда Александр выступил из Вавилона и находился в пути, к нему пришли посланные Антипатром воины: 500 всадников-македонцев и 6 тысяч пехоты, всадников-фракийцев было 600, а траллов 3500, пехоты из Пелопоннеса 4 тысячи, а всадников немного меньше тысячи. Друзья царя прислали из Македонии своих сыновей: 50 юношей для службы в царской охране. (2) Царь, приняв их, двинулся дальше и через 6 дней достиг области ситакенов. Так как в этой земле было великое обилие всего необходимого, то он провел здесь много дней; он хотел, чтобы войско отдохнуло от дорожной усталости, а также решил заняться воинскими делами: продвинуть в должностях командиров и укрепить войско людским пополнением и доблестными военачальниками. (3) Выполняя задуманное, очень внимательно распределив награды, продвинув многих с высоких должностей к должностям, обремененным полнотой власти, он всем военачальникам внушил еще большее уважение и крепкую любовь к себе. (4) Позаботился он и о простых сол-

датах и, учтя многое, значительно улучшил их снабжение. Эти меры чрезвычайно расположили все войско к их предводителю и сделали его послушным и дисциплинированным, рвущимся к подвигам. Так Александр подготовился к будущим битвам. (5) Придя в Сузиану, он без боя овладел знаменитым дворцом в Сузах, так как сатрап Абулет добровольно сдал ему город по приказу самого Дария, как пишут некоторые, отданного им через доверенных лиц: царь персов, по их словам, поступал так, чтобы искусно отвлечь Александра захватом знаменитых городов и больших сокровищ и удержать его в бездеятельности: Дарий тем временем успеет приготовиться к войне.

66

Александр, овладев городом и всеми царскими сокровищами, нашел там больше 40 тысяч талантов золота и серебра в слитках. (2) Персидские цари с давних пор хранили в неприкосновенности этот запас на случай, если судьба переменится. Кроме того, оказалось еще 9 тысяч талантов чеканной монетой — дариками.

(3) Когда царь забирал эти сокровища, произошел один удивительный случай. Царский трон, на который он сел, оказался ему не по росту: был слишком высок. Кто-то из прислужников, видя, что ноги царя совсем не достают до подножия трона, взял Дариев стол и подставил ему под ноги. (4) Он пришелся как нельзя лучше, и царь одобрил находчивого слугу; тогда один из евнухов, стоявших около трона, потрясенный изменчивостью судьбы, залился слезами. (5) Александр спросил его: «Какую беду ты увидел, что плачешь?» — «Теперь я твой раб, — ответил евнух, — раньше был рабом Дария; любовь к господину врожденная у меня, и мне стало больно, когда я увидел, что вещь, которая у него было в особом почете, теперь утратила всякую честь». (6) Этот ответ дал понять царю, какой переворот произошел в Персидском царстве, и он понял, что совершил поступок, исполненный пренебрежения и совершенно недопустимый при добром отношении к пленникам. (7) Он подозвал того, кто поставил стол, и велел его убрать, но тут вмешался Филота: «Тут нет гордыни, сделано это не по твоему приказу, а по воле и промыслу некоего благого демона». Царь почел эти слова благим предзнаменованием и велел оставить стол в качестве подножия у трона.

67

Он оставил мать Дария, его дочерей и сына в Сузах, поставил к ним учителей греческого языка, а сам выступил с войском и через 4 дня подошел к реке Тигру. (2) Она берет начало в горной стране уксиев и сначала на протяжении тысячи стадий несет по суровой стране, перерезанной больши-

ми пропастями, а затем течет по равнине, все замедляя свой бег, и, пройдя 600 стадиев, впадает в Персидское море. (3) Переправившись через Тигр, он вошел в землю уксиев, очень плодородную, орошаемую обильными водами, рождающую множество разных плодов. Осенью, когда плоды созревают, торговцы везут отсюда по Тигру в Вавилонию разные дары природы, необходимые для стола. (4) Подойдя к проходу охраняемым Мадетом, родственником Дария, в распоряжении которого находилось большое войско, Александр увидел, насколько неприступны эти места. Пройти по этим крутизнам было невозможно, но какой-то местный житель, уксий родом, хорошо знавший эти места, заявил царю, что он переведет войско по какой-то узкой и опасной тропе, и тогда они займут позицию, господствующую над неприятелем. (5) Александр согласился, послал с этим человеком достаточно сильный отряд, а сам, готовя проход с того места, с которого мог напасть на стоявшую здесь охрану. Завязалась горячая схватка, и пока варвары были увлечены боем, вдруг над теми, кто охранял проходы, неожиданно появились отправленные Александром солдаты. Варвары в ужасе бросились бежать; Александр овладел проходом и быстро покорил все города уксиев.

68

Оттуда он направился в Персию и через пять дней пришел к так называемым Сузиевым скалам. Их уже занял Ариобарзан, располагавший пехотой в 25 тысяч человек и конницей в 300 всадников. (2) Царь решил захватить эти ворота и прошел никем не тревожимый, через суровое и узкое ущелье. Варвары позволили ему дойти до какого-то места и, когда он оказался там, где двигаться было трудно, внезапно напали на него и многих скатили вниз, швыряя огромными камнями. Бросившись внезапно на македонцев всем скопом, они многих убили, немалое число сбили с крутизны стрелами, которые, попадая в густую толпу, поражали без промаха. Другие, швыряя камнями в надвигавшихся македонцев, заставляли их отступать. Они одержали верх, так как в помощь им было это непроходимое место; многих убили, немалое число ранили. (3) Александр был не в силах помочь беде; видя, что у врагов нет не только убитых, но даже и раненых, а из его солдат многие пали и почти все изранены, он велел трубить отбой. (4) Отойдя назад от проходов на 300 стадиев, он расположился лагерем и стал выведывать у местных жителей, нельзя ли пройти другим путем. Все сказали, что пройти никак нельзя, но обойти дорогой, которая потребует много дней, можно. Считая позором оставить мертвых без погребения и рассматривая просьбу о выдаче трупов как непристойное молчаливое признание своем поражении, он приказал вывести всех пленных. (5) Вместе с ними пришел один человек, знавший 2 языка и говори-

ший по-персидски. Он рассказал о себе, что он ликиец родом, попал в плен и уже много лет пасет скот в окрестных горах. Поэтому он хорошо знает эти места и может провести войско лесной дорогой, причем оно окажется в тылу отрядов, оберегающих проходы. (6) Царь пообещал щедро наградить его и взял проводником; ночью с трудом перебрались через горы: увязали в снегу, шли по крутизнам, по местности, пересеченной глубокими пропастями и ущельями. (7) Появившись перед вражескими сторожевыми отрядами, македонцы перебили первый отряд, второй захватили в плен, а третий обратили в бегство. Александр овладел проходами; большинство воинов Ариобарзана были перебиты.

Затем он отправился в Персеполь и в дороге получил письмо от Тиридата, правителя этого города. В нем было написано, что если Александр опередит войска, которые идут сохранить Персеполь для Дария, то он овладеет городом, который Тиридат ему выдаст. (2) Александр поэтому спешно повел войско, перекинул мост через Аракс и переправил своих воинов. Дальше на пути они увидели страшное и необычайное зрелище, внушившее ненависть к палачам и наполнившее сердца жалостью и состраданием к жертвам, которые потерпели увечья неизлечимые. (3) Навстречу царю шло с ветвями умоляющих около 800 эллинов, которых предшественники Дария выгнали из их жилищ. Большинство из них были людьми старыми, и все они были искалечены: одни без рук, другие без ног, третьи без ушей и без носа. (4) Тем, кто знал какую-нибудь науку или ремесло и был мастером своего дела, оставили только те члены тела, которые были потребны для работы: все остальные отрубили. Все, глядя на их почтенный возраст и на их увечья, исполнились сострадания к несчастным; особенно жалел их Александр: не смог даже удержать слез. (5) Все разом стали кричать и просить Александра помочь им в их несчастьях; царь подозвал главарей этой толпы, отнесся к ним с уважением, достойным его великодушия, и пообещал всячески позаботиться об их возвращении домой. (6) Они, собравшись вместе и посоветовавшись, сказали, что предпочитают не возвращаться домой, а остаться здесь. Верпувшись на родину, они рассеются маленькими кучками и, бродя по горам, обречены терпеть насмешки над жестокой обидой, которую нанесла им судьба; живя вместе, терпя одинаковое несчастье, они будут утешаться в своей беде такой же бедой соседа. (7) При следующей встрече с Александром они, объяснив свое решение, попросили его помочь им в домашнем устройстве. (8) Александр согласился с ними, выдал каждому по 5 тысяч драм, по 5 одежд мужских и женских, по две пары волов, по 50 овец и по 50 медимнов пшеницы, освободил от

всех царских податей и приказал правителям следить за тем, чтобы никто их не обижал. (9) Такими щедротами по своей доброте помог Александр несчастным.

70

Персеполь, столицу Персидского царства, Александр объявил самым враждебным из азиатских городов и отдал его, кроме царского дворца, на разграбление солдатам. (2) А был этот город самым богатым из всех существующих под солнцем, и в домах частных лиц с давних пор было полным-полно всякого добра. Македонцы, врываясь, убивали всех мужчин и расхищали имущество, которого имелось очень много: битком было набито и всякой утвари, и драгоценностей. (3) Унесено было много серебра, немало золота; множество роскошных одежд, выкрашенных в пурпурную краску, добытую из моря, или расшитых золотом, стало наградой победителям. Огромный, по всему миру прославленный дворец был отдан на позор и полное уничтожение. (4) Македонцы, целый день занимавшиеся грабежом, не смогли все-таки утолить немасляную жажду обогащения. (5) Жадность их за время этих грабежей так развилась, что они вступали в драку друг с другом. Многих погубило обилие присвоенного имущества: некоторые, разрубив мечом самые роскошные материи, забирали свою долю; некоторые, не помня себя в гневе, отрубали руки тем, кто хватался за вещи, бывшие предметом спора. (6) Женщин в их уборах волокли силой, уводя в рабство. Насколько Персеполи превосходил прочие города своим счастьем, настолько же превзошел их и своими страданиями.

71

Александр, явившись в крепость, завладел находившимися там сокровищами. Они были полны золота и серебра, так как сюда складывали все поступления, начиная со времен Кира, первого царя персов, и до последнего дня. Оказалось 120 тысяч талантов, переводя золото в цену серебра. (2) Желая взять часть этих денег с собой для военных нужд, а другую поместить на сохранение в Сузах, он потребовал из Вавилона, Месопотамии, а также из Суз караван мулов, ходивших под выюками и в упряжке, и, кроме того, 3 тысячи выючных верблюдов. Они привезли все в указанные места. (3) Враждебно относясь к местным жителям, он не доверял им и решил совершенно уничтожить Персеполь.

72

Александр, праздную победу, принес роскошные жертвы богам и устроил для друзей богатое пиршество. Товарищи сего похода щедро угощались, и чем дальше шла пирушка, тем

больше люди пьянели и наконец длительное безумие охватило души упившихся. (2) Одна из присутствовавших женщин, Фаида по имени, уроженка Аттики, сказала, что из всех дел, совершенных Александром в Азии, самым прекрасным будет сожжение царского дворца: пусть он отправится веселой компанией вместе с ними, и женские руки заставят в один миг исчезнуть знаменитое сооружение персов. (3) Слова эти, обращенные к людям молодым, которые, опьянев, преисполнились бессмысленной гордости, возымели, конечно, свое действие: кто-то закричал, что он поведет всех, и стал распоряжаться, чтобы зажгли факелы и шли отомстить за беззакония, совершенные в эллинских святынях. (4) Его одобрили, но сказали, что совершить такое дело подобает только Александру. Царя воодушевили эти слова; все вскочили из-за стола и заявили, что они пройдут победным шествием в честь Диониса. (5) Тут же набрали множество светильников, прихватили женщин, игравших и певших на пиру, и царь выступил в этом шествии под звуки песен, флейт и свирелей. Зачинщицей всего была гетера Фаида. (6) Она после царя первая метнула во дворец зажженный факел; то же самое сделали и другие, а скоро дворец и все вокруг было охвачено огромным пламенем. Самое удивительное, что за кощунство, совершенное Ксерксом, царем персидским, на афинском акрополе, оплатила той же монетой много лет спустя женщина, согражданка тех, кто был обижен еще в детстве.

73

Александр после этого отправился к другим персидским городам; одними овладел силой, других привлек к себе добротой — и пошел на Дария. (2) Дарий собирал войска в Бактриане и глубинных сатрапиях и поспешно двинулся с войском, насчитывавшим 30 тысяч персов и эллинов-наемников, чтобы там найти спасение. Во время этого отступления он был захвачен Бессом, сатрапом Бактрии, и изменнически убит. (3) Он только что скончался, как явился Александр, преследовавший его с конницей. Застав Дария мертвым, он почтил его царским погребением. (4) Некоторые пишут, что он застал его еще в живых и сокрушался над его бедствиями. Дарий просил его наказать убийцу; Александр обещал это сделать и отправился в погоню за Бессом, но тот значительно опередил преследователей и бежал в Бактрию. Александр повернул обратно, отказавшись от преследования. Таковы были дела в Азии.

(5) В Европе лакедемоняне, разбитые в большом сражении, вынуждены были в силу этого несчастья отправить посольство к Антипатру. Тот велел обратиться за ответом к общему собранию эллинов. Оно собралось в Коринфе; много речей было сказано за и против; постановили предоставить ре-

шение Александру. (6) Антипатр взял заложниками 50 виднейших спартанцев, и лакедемоняне послали послов в Азию, прося простить им их заблуждения.

74

По прошествии этого года архонтом в Афинах стал Кефи-софонт, в Риме поставили консулов Гая Валерия и Марка Клавдия⁹.

Бесс после смерти Дария, ускользнув от Александра вместе с Набарзаном, Барзаентом и многими другими, добрался до Бактрии, сатрапом которой его назначал Дарий. Народ поэтому его знал, и он стал призывать его к защите своей свободы. (2) Он указывал, что сама земля их во многом будет им помощницей: она недоступна, и населения в ней достаточно, чтобы приобрести независимость. Он заявил, что будет предводителем на войне; уговорил народ и объявил себя царем; набирал солдат, заготовлял много вооружения и ревностно занимался тем, что насущно требовалось в данный момент.

(3) Александр, видя, что македонцы рвутся домой, считая, что со смертью Дария война окончена, собрав всех, воодушевил подходящей речью и убедил продолжать поход. Воинов из союзных греческих городов он созвал, поблагодарил за то, что они сделали, и отпустил, подарив каждому всаднику по одному таланту и каждому пехотинцу по 10 мин. Он выплатил причитающееся им жалованье, добавив к нему плату за все время, какое они пробудут на возвратном пути домой. (4) Тем же, кто предпочел остаться вместе с царем, он выдал каждому по 3 таланта. Так богато одарил он воинов потому, что был щедр по природе, а также потому, что, преследуя Дария, захватил много денег. (5) От хранителей сокровищниц он принял 8 тысяч талантов; кроме этого раздачи солдатам, включая драгоценности и кубки, обошлись в 13 тысяч талантов; разворовано же и разграблено было еще больше.

75

Александр отправился в Гирканию и через 3 дня расположился лагерем возле города, называемого Гекатомпилами. Бесс он богат, изобиловал всякими съестными припасами, и Александр остановился там на несколько дней. (2) Пройдя затем полтора ста стадиев, он расположился лагерем возле большого утеса. У подошвы его находилась дивная пещера, из которой вытекала большая река Стибет. Пронесясь стремительным потоком на протяжении 3 стадиев, она разделяется на 2 рукава, похожей на сосок скалой, под которой находится глубокая расселина. Вода, ударяясь о скалу и пенясь, низвергается ту-

⁹ 329 г. до н. э. (прим. переводчика).

с великим грохотом, протекает под землей 300 стадиев и выходит около самого устья опять на свет. (3) Александр вторгся с войском в Гирканию и завладел всеми городами этой страны вплоть до Каспийского моря, которое иногда называют Гирканским. В нем, говорят, водится множество больших змей и разнообразных рыб, очень отличающихся от наших своей окраской. Проходя по Гиркании, Александр натолкнулся на так называемые «счастливые селения»: они в действительности таковы. (4) Страна эта превосходит остальные своим плодородием. (5) Говорят, каждая виноградная лоза дает у них метрет вина; с некоторых смоковниц получают 10 медимнов сухих винных ягод. Зерна из колосьев, оставшихся на поле после жатвы, упав на землю, прорастают и дают обильный урожай. (6) Есть у местных жителей дерево, очень похожее на дуб, с листьев которого течет мед. Некоторые собирают его и делают себе большие запасы для еды. (7) Есть там крылатое насекомое, которое зовется *anthredon*; оно меньше пчелы, но приносит очень большую пользу. Питаясь в горах соком разных цветов, оно в скалистых впадинах и древесных дуплах, выжженных молнией, устраивает свои соты из воска и приготовляет удивительно сладкую жидкость, немного уступающую нашему меду.

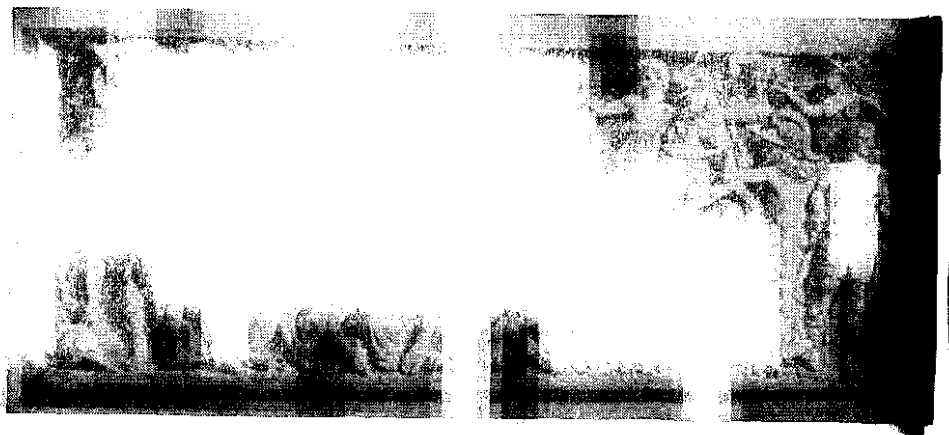
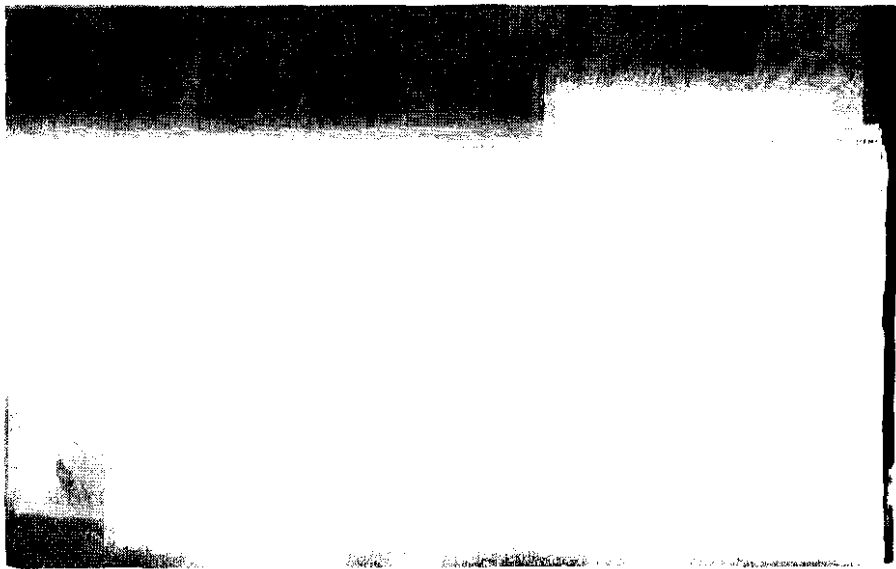
76

Александр подчинил себе Гирканию и смежные с ней племена. Многие из военачальников, бежавших к Дарию, сами сдались ему. Милостиво обойдясь с ними, он прославился своим милосердием. (2) Вскоре эллинские наемники, служившие в войске у Дария, — было их около полутора тысяч и отличались они своим мужеством — пришли к Александру с повинной, получили прощение и были им зачислены в свои полки с тем же жалованьем. (3) Пройдя по побережью Гиркании, Александр вторгся в страну так называемых мардов. Отливаясь исключительной силой, они пренебрежительно относились к успехам Александра и не удостоили его почетной встречи. (4) Заняв пределы восьмидесячным войском, они смело ожидали появления македонцев. Царь напал на них; в сражении многие были убиты, остальных прогнали в места непроходимые, (5) страну стали опустошать огнем. Однажды, когда воюющие, ведшие царских лошадей, несколько отделились от Дария, варвары напали на них и увели лучшего коня. (6) Его подарил Демарат-коринфянин, и он служил царю во всех сражениях в Азии. Не оседланный, он позволял садиться на себя только учителю верховой езды, но когда на него надевали царскую сбрую, он не подпускал к себе и его; только Александру соглашался он служить и приседал к земле, чтобы ему легче было сесть верхом. (7) Царь, огорченный потерей такого благородного животного, велел рубить леса и объявить жителям на их языке, что если они не вернут коня, то увидят

свою землю вконец опустошенной, население же будет перебито до одного человека. (8) Угрозы эти стали стремительно приводиться в исполнение; перепуганные варвары отдали коня, прислали драгоценнейшие дары и еще отправили 50 человек просить прощения. Александр взял заложниками наиболее видных людей.

77

Когда он вернулся в Гирканию, к нему явилась царица амазонок, по имени Фалестрида; царствовала она в земле, ле-

Битва с амазонками. Фрагменты

жавшей между Фасидой и Фермодонтом. Она отличалась красотой и физической силой и славилась среди своего племени мужеством. Оставив войско у границ Гиркании, она прибыла с 300 амазонками в воинском вооружении. (2) Царь, изумленный необычайным явлением и достойным видом женщины, спросил Фалестриду, что ей надобно. Она ответила, что желает иметь ребенка: (3) он превзошел всех мужчин своими подвигами, она же выделяется среди женщин силой и мужеством; дитя, рожденное от родителей, которые превосходят прочих людей, конечно, будет первым в мире по доблести. Александр пришел в восторг, принял царицу и проведя с ней 30 дней, отпустил домой с богатыми дарами.

(4) Теперь Александр решил, что намерения его осуществлены и власть непоколебима. Ему начала нравиться персидская изнеженность и роскошь азийских царей. Сначала он завел во дворце жезлоносцев и поставил на эту должность уроженцев Азии, затем сделал своими телохранителями виднейших нерсов, в том числе Дариева брата, Оксафра. (5) Затем он надел персидскую диадему, хитон беловатого цвета, персидский пояс и прочие принадлежности персидского костюма, кроме штанов и кандии. Спутникам своим он дал багряные одежды, и на лошадей надел персидскую сбрую. (6) По примеру Дария он окружил себя наложницами; их было не меньше, чем дней в году, и они отличались красотой, так как были выбраны из всех азийских женщин. (7) Каждую ночь они становились вокруг царского ложа, чтобы он мог выбрать ту, которая проведет с ним ночь. Все эти обычаи, однако, Александр вводил очень постепенно, придерживаясь обычно прежних: он боялся раздражить македонцев, но многих, которые упрекали его, ему удалось улестить дарами.

78

Узнав, что сатрап Азии Сатибарзан перебил оставленных им воинов, сговорился с Бессом и решил вместе с ним идти на македонцев, Александр выступил против него. Сатибарзан собрал войско в Хартаканах: это был самый знаменитый город в тех местах, отличавшийся природной неприступностью. (2) Когда царь подступил к нему, Сатибарзан испугался и его большой армии, и прославленного мужества македонцев. Поэтому, взяв с собой 2 тысячи всадников, он поскакал к Бессу, чтобы побудить его скорее подать помощь, а остальным приказал бежать на гору, названную... тут было много непроходимых мест и убежищ, удобных для тех, кто убегал от открытого боя. (3) Приказ этот был выполнен, но царь с присущей ему ревностью энергично повел осаду беглецов, засевших на какой-то высокой неприступной скале, и принудил их сдаться. (4) Затем в течение 30 дней он овладел всеми городами в этой сатрапии и отправился в Гирканию. Там он поселился во дворце Дрангены и дал отдых войску.

В это же время довелось ему совершить дело злое и не соответствующее его благородному характеру. Лимн, один из друзей царя, за что-то упрекал его и, увлеченный гневом, решил составить против него заговор. (2) Был у него любимец Никомах; он убедил и его участвовать в этом заговоре. Тот, совершенный юнец, рассказал об этом деле своему брату Кебалину. Брат испугался, как бы кто-нибудь из участников заговора не раскрыл его царю раньше, чем он сам успеет это сделать, и решил рассказать обо всем Александру. (3) Придя во дворец, он наткнулся на Филоту и попросил его как можно скорее уведомить царя. Участвовал ли сам Филота в заговоре, не обратил ли он внимания на сказанное но беспечности, но только, придя к Александру, он в долгом разговоре на разные темы и словом не упомянул о сообщении Кебалина. (4) Зайдя к нему, он сказал, что не было подходящего случая для раскрытия этого дела, но что завтра он будет с царем наедине и все ему откроет. Назавтра, однако, Филота повел себя таким же образом, и Кебалин, боясь, как бы ему не попасть в беду, если донос сделают другие, оставил Филоту в покое и обратился к одному из царских прислужников; кое-что он ему рассказал и просил как можно скорее уведомить царя. (5) Слуга спрятал Кебалина в оружейной, а сам отправился к царю, в то время мывшемуся, уведомил о сказанном ему и добавил, что он задержал Кебалина. Царь в испуге велел тотчас же схватить Лимна и, узнав все, послал за Кебалином и Филотой. (6) Их обо всем расспросили, дело было расследовано; Лимн покончил с собой, но Филота, сознаваясь в беспечности, отрицал свое участие в заговоре, и Александр поручил судить его македонцам.

Выслушав много речей, македонцы приговорили к смерти Филоту и других обвиненных вместе с ним. Среди этих последних находился и Парменион, считавшийся первым другом Александра. Его не было в это время при дворе, но решили, что весь заговор устроен им с помощью сына, Филоты. (2) Филота под пыткой сознался в заговоре и был вместе с соучастниками казнен по македонскому обычаю, так же как и линкестец Александр. Его обвиняли в злоумышлении против царя и уже 3 года держали под стражей; получил он эту отсрочку по причине своей дружбы с Антигоном, но тут его привели в суд, и так как он не смог оправдаться, то его умертвили. (3) Александр послал на дромадерах людей, которые опередили весть о казни Филоты и тайком убили его отца, Пармениона, поставленного правителем Мидии, которому доверены были царские сокровищницы в Экбатанах, где находилось 180 тысяч талан-

тов. (4) Александр отобрал тех македонцев, которые дурно говорили о нем; тех, кто негодовал по поводу гибели Парменнона; тех, кто в письмах, отправленных родным в Македонию, дурно отзывался о царских намерениях; он соединил их в один отряд под названием «отряд беспорядочных», так как боялся, чтобы они своим ропотом и свободными речами не развратили остальное войско.

81

После этого, устроив все в Дрангене, Александр вместе с войском выступил против народа, который раньше звали ари-маспами, а теперь зовут «благодетелями» по следующей причине. Кир, подчинивший власти персов мидян, во время одного похода оказался на краю гибели, так как в пустыне, по которой он шел, не было ни еды, ни питья. Голод заставил солдат поедать друг друга, как вдруг явились ари-маспы с 30 тысячами подвод, нагруженных хлебом. За это неожиданное избавление Кир освободил их от платежей, пожаловал еще другими милостями и переименовал прежнее имя на «благодетелей». (2) Александр, войдя в их страну, был приветливо встречен жителями и почтил их подобающими милостями. Так же отнесся к нему и соседний народ гедросиев; он ответил им приличествующими случаю милостями. Оба названных народа он причислил к стратегии Тиридата.

(3) Пока он находился здесь, к нему пришли с известием, что Сатибарзан прибыл из Бактрии с большим конным войском в Арию и убедил тамошнее население отпасть от Александра. Царь, услышав о случившемся, выслал против него часть своего войска под начальством Эригия и Стасанора, а сам подчинил Арахозию, покорив ее за несколько дней.

82

По прошествии этого годового срока архонтом в Афинах стал Эвфикрит, а в Риме консульскую власть получили Луций Плавтий и Луций Папирий; шла 113-я олимпиада¹⁰.

В этом году Александр выступил против парапамисадов. (2) Страна их лежит на крайнем севере, вся завалена снегом и недоступна для других народов по причине чрезвычайных холодов. Большая часть ее представляет собой безлесную равнину, покрытую деревнями. (3) Крыши на домах черепичные, с острым коньком. По середине крыш оставлен просвет, через который идет дым. Так как дом окружен со всех сторон постройками, то обитатели его хорошо укрыты от холода. (4) Жители по причине больших снегопадов большую часть года проводят дома, заготовив себе запасы пищи. Виноградные лозы и фруктовые деревья они на зиму прикрывают зем-

¹⁰ 328 г. до н. э. (прим. переводчика).

лей, которую убирают, когда приходит время растениям распускаться. (5) Страна не имеет вида обработанной и засаженной: она лежит в сверкающей белизне снегов и застывшего льда. Не присядет и птица, не перебежит через дорогу зверь: все неприветливо и неприступно в этой стране. (6) И все же царь, несмотря на все эти препятствия, преодолел благодаря обычному мужеству и упорству македонцев трудности переходов. (7) Много солдат, впрочем, и людей, сопровождавших войско, выбилось из сил и отстало. Некоторые ослепли от сверкания снегов и резкого отраженного света. (8) Ничего нельзя было разглядеть на расстоянии, только по дыму македонцы могли определить, где находятся деревни. Солдаты находили там обилие припасов и восстанавливали свои силы. Скоро царь покори́л всех местных жителей.

83

После этого он подошел к Кавказу и расположился там лагерем; некоторые называют эту гору Паратамисом. Пересекши эту гору за 16 дней, он у прохода, ведущего в Мидию, основал город, который назвал Александрией. Посередине Кавказа находится утес, окружность которого равна 10 стадиям, а высота 4; местные жители показывают в нем пещеру Прометея, гнездо сказочного орла и следы цепей. (2) Александр основал еще один город на расстоянии одного дня пути от Александрии. В этих городах он поселил 6 тысяч варваров, 3 тысячи из числа людей, сопровождавших войско, и тех наемников, которые пожелали. (3) Сам же вместе с войском отправился в Бактрию, так как услышал, что Бесс надел на себя царскую диадему и собирает войско. Так обстояло дело с Александром.

(4) Стратеги, посланные в Арию, застали там большие силы мятежников под предводительством Сатибарзана, опытного военачальника и мужественного человека, и расположились лагерем поблизости от врагов. Часто завязывались нерестрелки, бывали небольшие схватки; (5) наконец дошло до настоящего сражения. Победа не склонялась ни в одну сторону; тогда вождь восставших, Сатибарзан, сорвал с себя шлем и, встав во весь рост, предложил желающему из военачальников вступить с ним в единоборство. (6) Отозвался Эригий; в героическом поединке победа выпала Эригию. Варвары, уstraшенные смертью военачальника, сдались Александру, уверенные в том, что останутся целы.

(7) Бесс, провозгласивший себя царем, принес жертву богам и, пируя вместе с друзьями, за выпивкой повздорил с одним из приятелей, Гобареном. Самолюбие Бесса было задето; в раздражении он готов был убить Гобарена, и только уговоры друзей заставили его одуматься. (8) Спасшийся Гобарен ночью бежал к Александру. Главные военачальники, узнав о том, что Гобарен в безопасности, и соблазненные дарами, которые

обещал Александр, сговорились и, схватив Бесса, отвели его к Александру. (9) Царь почтил их щедрыми дарами, и Бесса передал на казнь брату Дария и другим его родственникам. Они всячески издевались над ним и увечили его: разрубали тело на маленькие куски и стреляли кусками из пращей . . .

.
.
.

На этом и поклялись, и царица, изумляясь великодушию Александра, прислала богатейшие дары и обещала выполнить все, что было велено. . .

Наемники сразу же, по условиям соглашения, вышли из города и, пройдя стадиев 80, расположились беспрепятственно лагерем без всякой тревожной мысли о будущем. (2) Александр относился к наемникам с неизменной враждебностью; построив своих солдат, он пошел вслед за варварами и внезапно обрушился на них; многие были убиты. Наемники сначала кричали, что на них нападают вопреки договору, и призывали богов, оскорбленных Александром. Он громко крикнул им в ответ, что разрешил им уйти из города, но что они явные враги македонцам. (3) Наемники не испугались грозной опасности: став тесным строем, они образовали круг, внутри которого поместили детей и женщин; таким образом врага, нападающего со всех сторон, они встречали лицом к лицу. Бились они с мужеством отчаяния; сражение было страшным: и по причине их проверенной в битвах храбрости, и по причине рвения македонцев, не желавших уступить варварам в доблести. (4) Бились врукопашную; враги, сошедшись грудью, поражали насмерть один другого и наносили многочисленные разнообразные раны. Македонцы, пробивая сариссами щиты варваров, вонзали железные наконечники своих копий им в легкие; наемники, бросая копья в гущу врагов, били без промаха по близкой цели. (5) Много было раненых, немало убитых; женщины подбирали оружие павших и бились рядом с мужчинами. Страшная опасность и напряжение заставили их забыть свою природу и вступить в бой. Некоторые, вооружившись, смывали свой щит со щитом мужа; другие нападали без оружия, хватали щиты врагов и сильно им мешали. (6) Все, мужчины и женщины, сражаясь вместе и погибая от рук многочисленного врага, выбрали для себя славную смерть, предпочитая ее жизни в унижении. Александр повернул обратно свою конницу, уводя с собой бесполезную невооруженную толпу и уцелевших в битве женщин.

После осады множества других городов, уничтожив сопротивлявшихся, он подошел к утесу, называемому Аорном. Сюда бежало уцелевшее население в расчете на полную неприступность этого места. (2) Рассказывают, что Геракл в древности осаждал эту крепость и снял осаду по причине сильных землетрясений и других знамений. Этот рассказ только усилил у Александра желание осадить твердыню и состязаться с богом в славе. (3) Утес в окружности имел 100 стадиев, а в высоту 16; был он весь гладкий и круглый. Южную часть его омывал Инд, самая большая из индийских рек; с остальных сторон его окружали глубокие пропасти и отвесные обрывы. (4) Александр осмотрел эти недоступные места и отказался от мысли взять Аорн приступом. В это время к нему пришел какой-то старик со своими двумя сыновьями. (5) Был он совершенный бедняк и давно уже жил в этих местах, поселившись в пещере, в скалистых стенах которой было выбито 3 ложа. Здесь нашел себе убежище старик с сыновьями, он превосходно изучил все окрестности. Подойдя к царю и рассказав ему о себе, он заявил, что проведет его по этому бездорожью и он окажется над варварами, занявшими скалу. (6) Александр пообещал ему богатые дары и взял его проводником; сначала он занял проход, ведущий на скалу, и так как он был единственный, то варвары оказались совершенно запертыми. Затем, располагая большим количеством людей, он велел завалить пропасть и сделать насыпь у подошвы утеса. Подойдя к нему вплотную, он повел энергичную осаду, непрерывно в течение 7 дней и стольких же ночей бросая людей на приступ. (7) Сначала варвары, занимавшие позиции на высотах, оказывались победителями; много воинов, упорно шедших на приступ, было убито. Когда же насыпь была закончена, поставлены катапульты, метавшие стрелы, и прочие машины, причем стало ясно, что царь не намерен снимать осаду, инды перепугались. Александр, пронзительно догадываясь о том, что произойдет, отозвал стражу, занявшую проход, и открыл путь желавшим уйти со скалы. Варвары, боясь мужества македонцев и честолюбия царя, ночью оставили скалу.

Хитростью Александр победил индов, незнакомых с таким способом ведения войны, и завладел скалой, не подвергая себя опасности. Проводнику он дал обещанные дары, а сам с войском отправился в путь. (2) В этих местах оказался на то время некий инд, Африк по имени, с войском в 20 тысяч человек и с 15 слонами. Его убили, принесли его голову Александру и этой услугой обеспечили собственное спасение. (3) Царь принял их к себе и овладел слонами, бродившими по стране.

Придя к реке Инду, он застал там вполне готовые тридцативесельные суда, перебросил мост и дал солдатам тридцатидневный отдых. Принеся великолепные жертвы богам, он переправил войско; и тут случилось удивительное событие. (4) Царь Таксил умер еще раньше; сын его Мофис, наследник его власти, еще раньше, когда Александр был в Согдиане, посылал к нему с известием, что он будет воевать вместе с ним против некоторых индов. И тут Мофис отправил к Александру посольство сказать, что он передает ему власть над своим царством. (5) Когда Александр отстоял от него на 40 стадиев, он выстроил войско, как выстраивают его для боя, украсил слонов и пошел навстречу царю вместе с друзьями. Александр, видя приближающееся к нему большое выстроенное в боевом порядке войско, решил, что заявления инда сделаны были с коварной целью — напасть на македонцев врасплох. Он велел трубить сигнал к бою, выстроил воинов и двинулся на индов. (6) Мофис, видя смятение в македонском войске и сообразив, что происходит, оставил войско и поскакал вперед с малочисленной свитой. Объяснив македонцам их ошибку, он вручил и себя, и войско царю. (7) Вот события этого года.

87

Архонтом в Афинах был Хремет: римляне поставили консулами Публия Корнелия и Авла Постумия¹¹. В этом году Александр, дав войску отдохнуть в земле Таксила, пошел походом против Пора, царя соседних индов, (2) у которого было: пехоты больше 50 тысяч, конницы около 3 тысяч, колесниц больше тысячи и 130 слонов. Он заключил союз с другим соседним царем, Эмбисаром, войско которого было немногим меньше его собственного. (3) Александр, услышав, что Эмбисар находится в 40 стадиях, решил напасть на Пора прежде, чем Эмбисар подойдет. (4) Когда он приблизился к индам, Пор, узнав, что враги находятся поблизости, сразу же выстроил свое войско; всадников поместил на флангах, а слонов, в их грозном воинском уборе, с фронта, на равных промежутках друг от друга. Между животными он расставил пехотинцев, которым было приказано помогать животным и препятствовать стрельбе с боков. (5) Вся расстановка в целом напоминала укрепленный город: слоны стояли как башни; солдаты между ними играли роль простенков. Александр, рассмотрев вражескую диспозицию, расставил свое войско в соответствии с ней.

88

Во время сражения конница первым делом уничтожила почти все колесницы индов. Затем в бой вступили слоны, должным образом используя и огромную массу своих тел, и свои

¹¹ 327 г. до н. э. (прим. переводчика).

силы: одни гибли под их ногами, растоптанные вместе с оружием; других они обхватывали хоботом и, подняв вверх, швыряли на землю: люди умирали страшной смертью; многие были насквозь пронзены клыками и тут же испускали дух. (2) Македонцы мужественно противостояли всем страхам; перебив сариссами воинов, стоявших между животными, они уравнивали боевые силы. (3) После этого они стали дротиками и стрелами поражать слонов; животные, покрытые ранами, обезумели от боли, и инды, ходившие за ними, не могли уже их удержать: повернув, они неудержимо понеслись на своих, топча и давя их. (4) Началось великое смятение; Пор, видя, что происходит (он сидел на самом сильном слоне), собрал вокруг себя 40 слонов, находившихся в спокойном состоянии, и устремил всю массу этого отряда на врага. Много людей было перебито, тем более что физической силой Пор значительно превосходил своих соратников. Высотой он был в 5 локтей; панцирь его был вдвое шире, чем у других, отличавшихся силой воинов. (5) Дротики, брошенные его рукой, ударяли почти с такой же силой, как стрелы из катапульты, Македонцы, стоявшие против него, испугались; Александр вызвал лучников и легковооруженных и приказал всем целить в Пору. (6) Воины быстро выполнили этот приказ; множество стрел разом полетело в инда, и так как был он размеров огромных, те все попали в цель. Пор героически бился; потеряв от множества ран много крови, он лишился чувств и, склоняясь к спине животного, скатился на землю. (7) Когда разнеслась молва, что царь убит, все войско индов обратилось в бегство.

89

Во время этого бегства многих убили; Александр, победив в славном сражении, велел трубить отбой. В этом сражении индов пало больше 12 тысяч; среди них двое сыновей Пора и самые славные военачальники. (2) В плен взяли больше 9 тысяч; поймали 80 слонов. Пору, который еще дышал, поручили попечениям индов. (3) У македонцев пало 280 всадников и больше 700 пехотинцев. Царь похоронил убитых, почтил по достоинству отличившихся и принес жертву Гелиосу как поплавшему победу над восточными областями.

(4) Так как на соседних горах росло много крепких елей, немало кедров и сосен и вообще имелось великое изобилие корабельного леса, то Александр построил достаточное количество кораблей. (5) В мыслях у него было дойти до границ индийской земли и, покорив всех ее обитателей, спуститься по реке к Океану. (6) Он основал два города: один за рекой, в том месте, где он переправился, а другой на месте победы над Пором. Работы были быстро выполнены — рабочих было много; Пору, уже вылечившегося, Александр за его доблесть по-

ставил царем страны, которой он управлял и раньше, а войску своему дал тридцатидневный отдых, пользуясь изобилием всяких припасов.

90

... (4) Александр устрасил царя Эмбисара, союзника Пора, опоздавшего подать ему помощь, и заставил его выполнять то, что ему приказано, а сам с войском переправился через реку и пошел по стране исключительно плодородной. (5) Росли здесь деревья разных пород, высотой в 70 локтей и такой толщины, что их с трудом могли обхватить четверо. Тень от них падала на 3 плеффа. Была эта страна полна змей, маленьких и очень разнообразных. (6) Одни напоминали медные прутья; у других имелся густой волосатый гребень; укус их причинял быструю смерть; ужаленный жестоко мучался, и по телу его ручьями струился кровавый пот. (7) Поэтому македонцы придумали хитрый способ уберечь себя от укусов: стали подвешивать постели к деревьям и большую часть ночи проводили без сна. Узнав от местных жителей, какой корень служит противоядием, они избавились от своих страхов.

91

Когда Александр продвигался вперед со своей армией, к нему пришли с известием, что царь Пор, двоюродный брат разбитого им Пора, оставил свое царство и бежал к народу гандаров. (2) Раздосадованный Александр послал в его страну Гефестиона с войском и приказал передать его царство Пору, который остался ему верным. Сам он пошел на племя адраистов; одни города их взял силой, другие привлек на свою сторону убеждением и отбыл в страну кафеев. (3) У них существует правило, чтобы жены сжигали себя на костре вместе с трупами мужей. Этот закон был у них установлен по вине одной женщины, отравившей своего мужа. (4) Царь, осадив самый большой и самый укрепленный их город, подвергшись многим опасностям, взял его и сжег. Он осадил другой крупный город; инды вышли к нему с ветвями умоляющих, и Александр даровал им мир.

После этого он пошел на города, которые находились под властью Сопифа, и были управляемы по законам превосходным. Строй их воспитывает в гражданах жажду славы; величайшим почетом пользуется у них красота. (5) Поэтому детей у них разделяют с раннего возраста: пропорционально сложенных, обещающих стать красивыми и сильными, воспитывают хорошо; уродов почитают недостойными воспитания и уничтожают. (6) В соответствии с этим и браки заключаются без всякой заботы о приданом и о всяких роскошных вещах: обращают внимание только на красоту и физические достоинства. (7) Поэтому большинство жителей этих городов выделялось

своим обликом, но больше всех славился царь Сопиф красотой и ростом: было в нем больше 4 локтей. Он вышел из города, где находился его дворец, вручил себя и свое царство Александру и вновь принял его от царя по милости победителя. (8) Сопиф с великой охотой роскошно угощал все войско в течение нескольких дней.

92

Александру он предложил много богатых даров; подарил ему полтора ста собак, удивительных по величине, силе и прочим достоинствам: говорили, что это помесь кобелей с тигрицами. (2) Желая, чтобы Александр своими глазами убедился в высоких качествах этих собак, Сопиф приказал загнать в загородку взрослого льва и напустил на него двух наихудших из подаренных им псов. Им было не под силу справиться со зверем; выпустили еще двух собак. (3) Четверо одолели льва; тогда Сопиф послал человека с мечом отрубить правую лапу у одной собаки. Царь закричал, прибежали телохранители и схватили инда за руку. Сопиф пообещал вместо этой собаки дать трех, и охотник стал спокойно понемногу срезать мясо с лапы. Пес не издал ни рычания, ни воя; вцепившись зубами в льва, он не двигался с места, пока, обескровленный, не упал мертвым на зверя.

93

В это время явился Гефестион вместе со своим войском: он покорил значительную часть Индии. Александр похвалил его за доблесть. Сам он вторгся во владения Фегея; туземцы радушно приняли македонцев; Фегей встретил их с богатыми дарами. Александр оставил его царем; роскошно принятый вместе с войском, он, погостив 2 дня, двинулся к реке Гипанису, ширина которой равна 7 стадиям, глубина — 6 оргиям; течение стремительное, делающее переправу очень затруднительной. (2) Александр не поверил рассказу Фегея о землях за Индом, о том, что сразу за рекой на протяжении двенадцатидневного пути лежит пустыня, а за ней находится река Ганг шириной в 32 стадии, самая глубокая из индийских рек; за Гангом живут прасии и гандары, а царствует над ними Ксандрам, у которого имеется 20 тысяч всадников, 200 тысяч пехотинцев, 2 тысячи колесниц и 4 тысячи боевых слонов. Он пригласил Пору и тщательно разузнал от него обо всем, что ему было сообщено. (3) Пор подтвердил истину всего сказанного и добавил, что царь гандаров — человек совершенно ничтожный и обесславленный; его даже считают сыном цирюльника. Цирюльник этот, его отец, был красавец; в него влюбилась царица хитростью извела мужа и передала царскую власть любовнику. (4) Александр понимал, что поход на гандаров будет делом трудным, но, упорствуя в своем честолюбии, полагаясь на храб-

рость македонцев и на предсказания, все же питал надежду покорить варваров: пифия ведь назвала его непобедимым, и Аммон обещал ему дать власть над всей землей.

94

Видя, что солдаты утомлены непрерывными походами, что их вымотала восьмилетняя служба, проведенная в трудах и военных опасностях, он решил, что надо сказать им подобающее слово и воодушевить на поход против гандаров. (2) Воинов погибло много, а окончания войн не предвиделось. У лошадей от непрерывного пребывания в пути поистирались копыта; оружие в большей части своей уже никуда не годилось; эллинская одежда изорвалась, и солдаты вынуждены были одеваться по-варварски; они только укорачивали индийские плащи. (3) Случилось как раз, что в течение 70 дней неистовствовала буря, удары грома раздавались один за другим, молнии били без промаха. Александр понимал, что все это ставит препятствия его намерениям; единственная надежда была у него на то, что он сумеет своими милостями целиком расположить к себе солдат. (4) Поэтому он разрешил им грабить места, лежащие по реке и богатые всем необходимым. Пока войско занималось собиранием добычи, Александр созвал солдатских жен и детей, велел выдать каждой хлебный паек на месяц, а мальчишкам выплатить каждому сумму, соответствующую жалованью его отца. (5) Когда солдаты вернулись, нагруженные множеством награбленного добра, он созвал всех на собрание и произнес обдуманную речь относительно похода на гандаров. Македонцы, однако, не сдавались на его увещания, и он отказался от своего замысла.

95

Решив здесь положить конец своим походам, он прежде всего соорудил алтари 12 богам высотой в 50 локтей, затем велел обвести ров пространство, втрое большее, чем то, которое занимал лагерь; ров выкопать шириной в 50 и глубиной в 40 футов. Груды выкопанной земли употреблены были на постройку высокой стены за ровом. (2) Каждому пехотинцу велено было устроить палатку с двумя кроватями в 5 локтей каждая; всадники должны были, кроме того, сколотить по паре яслей вдвое больших, чем обычные, и соответственно увеличить размеры всех предметов, которые собирались здесь оставить. Все это он делал, желая придать лагерю вид обиталища героев и в то же время оставить туземцам следы того, что здесь находились люди огромного роста, обладавшие сверхъестественной силой.

(3) После этого он со всем войском повернул обратно и той же дорогой, по которой двигался раньше, пришел к реке

Акесину. Найдя там готовые суда, он набрал для них экипаж и велел строить еще новые. (4) В это время пришли из Эллады под командой стратегов союзники и наемники: пешего войска больше 30 тысяч, всадников немного меньше 3 тысяч. Привезено было полное и превосходное вооружение для 25 тысяч пехотинцев и на 100 талантов лекарственных снабдий. Все это он роздал солдатам. (5) Закончена была постройка судов: изготовлено 200 судов без палуб и 800 легких, обслуживающих. Города, основанные у реки, он назвал один Никеей, потому что здесь одержал победу, а другой Букефалой, потому что здесь в битве с Пором погиб его конь.

96

Сев на суда вместе с друзьями, он стал спускаться по реке к Океану, расположенному на юге. Большая часть войска шла берегом реки под начальством Кратера и Гестеиона. Дойдя до места, где Акесин и Гидасп сливаются, Александр высадил солдат и повел их на так называемых сибов. (2) Говорят, что это потомки воинов, осаждавших вместе с Гераклом Аорн, потерпевших неудачу и поселившихся в этом месте Гераклом. Александр расположился лагерем вблизи очень большого города, и к нему вышли именитейшие граждане. Повстречавшись с царем, напомнив ему о своем родстве с ним, они пообещали все с готовностью выполнить, как и положено родственникам, и поднесли ему роскошные дары. (3) Александр не пренебрег их добрым расположением, объявил их города свободными и пошел дальше на соседние племена. Настигнув войско агаласов, собравших 30 тысяч пехоты и 3 тысячи всадников, он завязал с ними сражение и победил их; большинство было убито; оставшиеся бежали в соседние города, но по взятии этих городов обращены были в рабство. (4) Другие туземцы собрались вместе, и 20 тысяч их бежало в большой город, который Александр взял приступом; тогда инды перегородили узкие улицы и мужественно отбивались из домов; немало македонцев было убито. (5) Александр в гневе велел поджечь город; большинство людей сгорело. Около 3 тысяч уцелевших туземцев сбежались в акрополь и вышли к Александру с ветвями умоляющих; он отпустил их.

97

Затем он опять сел с друзьями на суда и поплыл по реке до того места, где упомянутые реки сливаются с Индом. Так как здесь в одном месте сталкивается много вод, то образуются страшные водовороты; суда затягивает, и они гибнут. Течение так сильно и стремительно, что искусству кормчих оказалось не под силу с ним справиться два военных корабля затонули, многие суда прибило к берегу. (2) Головной корабль

понесло на большой водоворот; царь оказался на краю гибели. Видя смерть перед глазами, Александр разделся и голышом бросился в воду, надеясь на возможное спасение. (3) Вокруг него было великое смятение: люди боролись с мощным течением; река одолевала все человеческие планы и человеческую силу. Александру едва удалось вместе с судами прибиться к берегу. Спасшись вопреки ожиданию, он принес жертву богам за избавление от великой опасности после борьбы с рекой, подобно Ахиллу.

98

После этого он пошел на оксидраков и маллов (это племена большие и воинственные) и настиг туземцев, собравших больше 80 тысяч пехоты, 10 тысяч всадников и 700 колесниц. Племена эти перед прибытием Александра воевали между собой, но когда царь подошел к их земле, они помирились, закрепив мир брачными союзами: каждое племя отдало другому в замужество 10 тысяч девушек. (2) Они, однако, не сговорились окончательно: начался спор о том, кому предводительствовать, и они разошлись по ближайшим городам. Александр, подойдя к первому на его пути городу, решил с ходу брать его приступом. (3) Тогда один из гадателей, Демофон, подошел к нему и сказал, что птицы предвещают царю большую опасность от раины, которую он получит при осаде. Он просил поэтому Александра оставить сейчас этот город и заняться другими делами. (4) Царь выбранил его за то, что он пугает солдат, и, дав распоряжения относительно осады, пошел первым на стены, стремясь силой овладеть городом. Осадные машины запоздали; царь первым разбил ворота и, ворвавшись в город, многих убил, а остальных обратил в бегство и преследовал их до акрополя. (5) Македонцы еще дрались у стен; он схватил лестницу, приставил ее к стенам крепости и, прикрыв голову щитом, полез наверх. Стремительно действуя, он предупредил передовых варварских воинов и быстро оказался на стене. (6) Инды не решались вступить с ним врукопашную, но издали метали дротики и пускали стрелы. Царь обессилел под этим градом; македонцы, приставив 2 лестницы, полезли по ним всем скопом; обе лестницы подломились, и люди рухнули на землю.

99

Царь, оставшись без всякой помощи, отважился на поступок невероятный и достойный упоминания. Считая, что спуститься со стены к своим, ничего не сделав, недостойно его, он, один-одинешенек, с оружием в руках спрыгнул в город. (2) Инды сбежались к нему; он храбро выдерживал натиск варваров. Закрытый справа деревом, росшим у самой стены, а слева самой стеной, он отбивался от индов, представляя себе, как доблестно должен вести себя царь, совершивший та-

кие дела, если он хочет закончить свою жизнь подвигом славейшим. (3) Шлем его был пробит во многих местах; немало дыр было и в щите. Наконец стрела попала ему под сосок; он упал на одно колено, обессиленный болью. Тотчас же подбежал к нему инд, пустивший в него стрелу; он уже не боялся царя и замахнулся на него, когда Александр всадил меч ему в пах. Рана оказалась смертельной: варвар упал, а царь, схватившись за ближайшую ветку и поднявшись, стал вызывать желающих сразиться с ним. (4) В это время один из оруженосцев, Певкест, поднявшись по другой лестнице, первый закрыл царя щитом. За ним появилось множество других македонцев, которые навели страх на варваров и спасли Александра. Город был взят приступом, и македонцы в гневе за царя перебили всех встречных и завалили город трупами. (5) Много дней царь провел в бездействии, так как должен был лечиться, между тем эллины — поселенцы в Бактрии и Согдиане, уже давно с трудом терпевшие жизнь среди варваров, теперь, когда до них дошел слух, что царь ранен и умер, восстали. (6) Их собралось до 3 тысяч; они понесли много трудов, чтобы вернуться домой. Позднее, уже после смерти Александра, их перебили македонцы.

100

Александр, выздоровев от ран, принес богам благодарственные жертвы и стал устраивать роскошные пиршества друзьям. За одной попойкой случилось событие своеобразное и заслуживающее упоминания. (2) Среди застольников был один македонец, по имени Корраг, отличавшийся физической силой и совершивший немало подвигов в бою. Разгоряченный вином, вызвал на единоборство афинянина Диоксиппа, атлета, увенчанного за свои славные победы. (3) Участники пира, разумеется, стали подстрекать соперников. Диоксипп согласился, и царь назначил день для поединка. Когда пришло время единоборства, на это зрелище собрались десятки тысяч. (4) Македонцы, земляки Коррага, и сам царь желали ему победы; эллины болели за Диоксиппа. Македонец вышел в дорогом вооружении; афинянин обнаженный, смазанный маслом, с обыкновенной палицей в руке. (5) Оба вызывали изумление своей необычайной крепостью и силой; казалось, будто ожидают поединка богов. Македонец всем своим складом и блестящим вооружением внушал великий страх и напоминал Ареса; Диоксипп огромной силой, осанкой атлета и палицей походил на Гермеса. (6) Когда они сошлись, македонец метнул с подходящего расстояния копьё; его противник, слегка отклонившись, избежал удара. Тогда Корраг, выставив вперед македонскую сариссу, пошел на Диоксиппа, но когда уже приблизился к нему, тот ударил палицей по сариссе и сломал ее. (7) После этих двух неудач македонец схватился за меч, но пока он его

вытаскивал, противник опередил его: подскочив к нему, он левой рукой схватил руку, извлекавшую меч, а другой столкнул противника с его места и, ухватившись за ноги, свалил его на землю. (8) Когда тот рухнул, он стал ему ногой на шею, и, подняв палицу, посмотрел на зрителей.

101

Толпа закричала и от неожиданности и от удивления перед таким подвигом. Царь приказал отпустить побежденного и окончить зрелище; он ушел, опечаленный поражением македонца. (2) Диоксипп отпустил поверженного и ушел, одержав громкую победу; земляки украсили его лентами, словно он прославил всех эллинов. Судьба, однако, не позволила ему долго хвастать своей победой. (3) Царь становился к нему все холоднее; друзья же Александра и все придворные македонцы, завидуя его доблести, уговорили его слугу подбросить ему под подушку золотой кубок; на очередной пирушке его обвинили в воровстве, ссылаясь на то, что у него нашли кубок: Диоксипп был опозорен и обесславлен. (4) Видя, что македонцы устремляются на него, он ушел с пирушки. Вскоре после этого, прибыв уже к себе домой, он написал Александру о подстроенной ему ловушке, поручил близким передать это письмо царю, а сам покончил с собой. Безрассудно согласился он на поединок и еще бессмысленнее оборвал свою жизнь. (5) Поэтому многие корили его и осуждали за глупость, говоря, что худо иметь большое тело и малый ум. (6) Царь, прочтя письмо, опечалился смертью и Диоксиппа и часто вспоминал о его доблести. Пренебрегая живым и тоскуя об умершем, который уже ничем не мог послужить ему, он раскрыл низость клеветников и понял высокие качества этого человека.

102

Александр велел войску идти вдоль реки навстречу флоту, и сам спустился по реке к Океану и вошел в страну самбастов. (2) По многочисленности мужского населения и по его доблести они не уступают ни одному индийскому племени. Живут они по городам, которые управляются народом; узнав о вторжении македонцев, они собрали пешего войска 60 тысяч и 500 колесниц. (3) Когда подошел флот, то этот чуждый и непонятный им способ прибытия привел их в ужас; испугала их и громкая слава македонцев. Старшины посоветовали им не вступать в бой, и они отправили к Александру 50 виднейших людей с просьбой отнестись к их народу дружелюбно. (4) Александр поблагодарил послов и согласился на мир; туземцы почтили его богатыми дарами и почестями, которые положены героям. После этого он присоединил к себе содров и массанов, живущих по обеим сторонам реки. В этих местах у

реки он основал город Александрию, набрав для него 10 000 жителей. (5) После этого он направился в земли царя Мусикана; захватив покоренного властелина, он убил его, а народ подчинил себе. Сразу затем вторгшись во владения Портикана, он с ходу осадил 2 города, разрешил солдатам их разграбить и велел сжечь дома. Самого Портикана, бежавшего в неприступное место, он настиг и убил в бою. Все города, находившиеся под его властью, он взял и уничтожил, наполнив страхом соседей. (6) Сразу затем он опустошил царство Самба; большинство городов уничтожил, жителей обратил в рабство и перебил 80 тысяч варваров. (7) Такие бедствия обрушились на племя так называемых брахманов. Остальные пришли с ветвями умоляющих; он наказал наиболее виновных и отпустил остальных. Царь Самб с 30 слонами бежал к границам Индии и таким образом спасся.

103

Пограничный город брахманов, Армателия, горделиво полагался на мужество своих жителей и на свою неприступность. Александр отправил туда небольшое число легковооруженных, приказав завязать военные действия, а если враг выйдет, то обратиться в бегство. (2) Отряд в 500 человек принял шутовать стены, но вызвал к себе только пренебрежение. Из города вышли 3 тысячи воинов; те притворились испуганными и бросились бежать. (3) Царь с небольшим отрядом встретил преследователей; в жестокой битве одни варвары были убиты, другие взяты в плен. Немало царских воинов было ранено и находилось на краю гибели, (4) так как варвары смазывали свое оружие смертельным ядом. Полагаясь на его силу, они и вышли, чтобы решить боем свою судьбу. Яд этот получали из каких-то змей: их ловили и, убив, клали на солнце. (5) От зной зменные трупы становились мягкими, из них вытекала жидкость: в этой влаге и заключался змеиный яд. Раненый сразу впадал в оцепенение, вскоре начинались жестокие боли; судороги и дрожь сотрясали все тело. Кожа становилась холодной и синей; больного рвало желчью; из раны текла черная пена, и начиналась гангрена, быстро распространявшаяся по главным частям тела; смерть была ужасной. (6) Одинаковая судьба ожидала и тех, кто получил большие раны, и тех, кого случайно и слегка оцарапало. Такой смертью погибали раненые, но царь не так уж печалился над их судьбой; особенно огорчала его рана Птолемея, будущего царя, а тогда царского любимца. (7) С Птолемеем случилось, однако, нечто исключительное и необычайное; некоторые видели здесь божественный промысел. Птолемея любили все за его доблесть и щедроты, которыми он осыпал всех; ему и подана была помощь, подобающая человеколюбцу. Царь увидел сон: ему приснился дракон, который держал в пасти траву, объяснял ее свойства и

силы и говорил, где она растет. (8) Проснувшись, Александр разыскал траву, растер ее, обложил ею тело Птолемея, дал ему выпить — и поставил его на ноги. Знакомство с этим полезнейшим растением спасло и остальных, лечившихся таким же образом.

Александр собирался осаждать город армателиев, укрепленный и большой, но население вышло к нему навстречу с вестями умоляющих, сдалось ему, и он их не наказал.

104

Войдя в Океан вместе с друзьями, он увидел там два острова; тотчас же принес там великолепные жертвы богам; совершая возлияния, бросил в море много чаш и больших золотых сосудов, поставил алтари Фетиде и Океану и решил закончить предпринятый поход. Повернув оттуда назад, он подошел по реке к знаменитому городу Тавале, (2) политическое устройство которого напоминало Спарту: тут было 2 наследственных царя из 2 родов, которые ведали всеми военными делами; верховная власть принадлежала геронтам.

(3) Александр сжег пострадавшие суда, остальной же флот поручил Неарху и другим друзьям с приказом проплыть по Океану вдоль всего побережья, все осмотреть и ждать его в гавани Евфрата. (4) Сам он с войском прошел большое пространство, покоря сопротивляющихся, дружественно принимая покорных. Арабитов и жителей Гедросии он присоединил к своему царству мирным путем. (5) Пройдя затем по большой пустыне, в значительной части безводной, нередко без всякого населения, он подошел к границам земли оритов. Он разделил войско на три части: во главе одной поставил Птолемея, во главе второй — Леоннату. (6) Птолемею он приказал опустошить побережье; Леонната с той же целью отправил внутрь страны; предгорья и горную область стал разорять сам. Огромное пространство одновременно оказалось в руках врага: всюду выдвигались пожары, шли грабежи и убийства. (7) Вскоре у солдата оказалось множество добычи; количество убитых исчислялось десятками тысяч. Гибель этих племен наполнила ужасом соседей, и они сдались царю. (8) Александр очень хотел основать при море город. Найдя гавань, защищенную от бурь, и поблизости удобное место, он основал город Александрию.

105

Пройдя через проходы в землю оритов, он быстро всю ее подчинил себе. Обычай оритов сходен с обычаями индов, кроме одного, совершенно невероятного. (2) Тела умерших выносят их родственники, раздетые догола, с копьями в руках. Пожив тело в каком-нибудь дубовом лесу, они срывают с трупа весь его убор и оставляют тело умершего на съедение зверям.

Разделив одежды умершего, они приносят жертву подземным героям и устраивают поминки для родных.

(3) После этого Александр отправился берегом моря в Гедросию и наткнулся на племя негостеприимное и совершенно звероподобное. (4) Обитатели здешних мест от рождения и до старости не обрезают ногтей и оставляют волосы сбиваться, как войлок; горячее солнце опалило их кожу; одеваются они в звериные шкуры. (5) Пищей им служит мясо огромных животных, выбрасываемых морем. Дома они строят так: выводят стены, а крыши ставят из китовых ребер, нарезая из них брусья длиной в 18 локтей. Брусья эти покрывают вместо черепицы рыбьими кожами. (6) Александр с трудом прошел через эту область, так как еды здесь не хватало, и вступил в пустыню, где вообще не было ничего, чем поддерживается жизнь. Многие погибли от голода; войско пало духом; Александр был во власти печали и заботы: страшное зрелище представляла собой смерть этих людей, которые превзошли всех своей воинской доблестью и теперь бесславно погибали в пустыне от голода и жажды. (7) Он послал скороходов в Парфию, Дрангену, Арию и прочие соседние с пустыней области с приказом быстро привести к границам Кармании караван быстроногих верблюдов, приученных ходить под вьюками, с грузом хлеба и других припасов. (8) Быстро проделав путь, они явились к сатрапам указанных областей и заставили их переправить в указанное место целые амбары провианта. Но еще раньше Александр потерял много воинов, погибших от голода, а потом какие-то орнты напали на отряд Леонната, когда он находился в пути, многих перебили и бежали в свою землю.

106

С трудом перейдя пустыню, он вошел в населенную страну, обильную всем необходимым; дал войску отдохнуть в течение семи дней и потом в торжественном шествии с войском в парадной одежде прошел, справляя праздник Дионису и упоиваясь до опьянения во время пути.

(2) После этого он наказал многих сатрапов и стратегов, услышав, что многие творят беззакония и, пользуясь своей властью, притесняют и обижают людей. Молва о царской ненависти к беззаконным начальникам широко разошлась, и многие стратеги, знавшие за собой дела насильнические и беззаконные, устремились; некоторые, имевшие наемников, воюя стали на царя; некоторые собрали свое имущество и бежали. (3) Узнав об этом, царь написал всем азийским сатрапам и стратегам, чтобы они по получении письма немедленно отпустили всех наемников.

(4) В это время царь проживал в приморском городе Самунте. Однажды, когда он был в театре, прибыли те, кому велено было плыть вдоль океанского побережья. Неожиданно по-

явившись в театре, они приветствовали Александра и стали рассказывать о том, что было. (5) Македонцы, ликуя по поводу их возвращения, отметили это событие громом рукоплесканий; весь театр был полон безмерной радости. (6) Прибывшие рассказывали, что в Океане приливы и отливы бывают величины невероятной, что при отливе около мысов видно множество больших островов; с наступлением же прилива все это места покрывает водой; с сторону суши дует сильный порывистый ветер, и вода сплошь покрывается белой пеной. Самое же изумительное — это множество морских животных невероятной величины, которых они встретили. (7) Испугавшись этих чудищ, они сначала отчаялись в своей жизни, думая, что уже вот-вот погибнут вместе со своими судами, но затем все стали враз кричать, грохотать оружием и вдобавок трубить в трубы: животные, вопреки ожиданию, испугались и погрузились в море.

107

Царь, выслушав это, приказал командирам флота плыть к Евфрату, сам же с войском, пройдя большое пространство, пошел до границ Сузианы. В это время инд Калан, великий паток философии, пользовавшийся уважением Александра, закончил с собой удивительным образом. (2) Прожив 73 года и за все это время ни разу не болев, он решил добровольно уйти из жизни, ибо природа и судьба дали ему всю полноту счастья. (3) В испытаниях болезни, становившейся со дня на день все тяжелее, он попросил царя приготовить ему большой костер и, когда он взойдет на него, велеть прислужникам поджечь огонь. (4) Александр сначала пытался отворотить его от этого намерения, но так как Калан не слушался, то он согласился выполнить то, о чем его просили. Весть об этом разнеслась, и когда приготовили костер, то посмотреть на диковинное зрелище собралась толпа. (5) Калан, согласно своему учению, мужественно взшел на костер и погиб в огне. Присутствовавшие при этом сочли его одни сумасшедшим, другие хвастуном, желавшим прославиться своей выдержкой; некоторые восхищались его мужеством и презрением к смерти. (6) Царь устроил ему роскошные похороны и отправился в Сузы, где женился на старшей дочери Дария, Статире; младшую, Дрипетиду, он выдал за Гефестиона. Убедил он жениться и виднейших своих друзей и выдал за них знатнейших персичанок.

108

В это время пришло в Сузы 30 тысяч персов, совершенных юношей, отобранных за свою красоту и силу. (2) Их собрали по приказу царя, они достаточно долго обучались военному делу под руководством приставленных к ним учителей и воспитателей. Теперь, роскошно одетые, в полном македонском

вооружении, они маневрировали перед городом, показывая царю свое умение и успехи в военном деле, и были им особо награждены. (3) Так как македонцы отказались идти за Ганг, часто протестовали в собраниях и издевались над тем, что Александр якобы происходит от Аммона, то он и организовал этот полк из персов-однолеток, который можно было бы противопоставить македонской фаланге. Так обстояли дела с Александром.

(4) Гарпалу была доверена в Вавилоне охрана сокровищницы и поступлений. Как только царь пошел походом на Индию, Гарпал решил, что ему не вернуться. Он окружил себя роскошью; поставленный сатрапом большой страны, он стал творить насилия над женщинами, вступать в преступные любовные связи с варварами. Много денег из сокровищницы ушло на его безудержные прихоти: издалека, от Красного моря, везли ему множество рыбы; о его расточительной жизни ходили злые толки. (5) Он выписал к себе из Афин тамошнюю знаменитейшую гетеру Пифонику, при жизни осыпал ее царскими дарами, по смерти устроил ей роскошные похороны и соорудил в Аттике дорогой памятник. (6) После этого он выписал из Афин другую гетеру (ее звали Гликера) и зажил жизнью слишком роскошной и расточительной. Приготовляя себе убежище на случай поворота судьбы, он стал осыпать благодарностями Афины. Когда Александр по возвращении из Индии стал казнить уличенных сатрапов, Гарпал, испугавшись наказания, взял 5 тысяч талантов серебра, нанял 6 тысяч солдат и отплыл в Аттику. (7) Никто не обращал на него внимания; он оставил у Тенара наемников и, взяв часть денег, предстал перед народом в качестве умоляющего. Антипатр и Олимпиада потребовали его выдачи; он, щедро заплатив ораторам, говорившим в его пользу, бежал и направился к наемникам, ждавшим у Тенара. (8) Оттуда он отплыл на Крит и был изменнически убит Фиброном, одним из своих друзей. Афиняне, разыскивая денежные счета Гарпала, обвинили Демосфена и еще других ораторов в том, что они присвоили деньги Гарпала.

109

В Олимпии происходили игры, и Александр объявил, что все изгнанники могут вернуться на родину, кроме святотатцев и убийц. Он отобрал самых пожилых граждан, служивших у него в войске, и уволил их; было таких около 10 тысяч. (2) Узнав, что многие из них обременены долгами, он в один день уплатил эти долги, доходившие почти до 10 тысяч талантов. Оставшиеся македонцы возмутились; поднялся громкий ропот; Александр в гневе смело стал осыпать их упреками. Он так напугал толпу, что осмелился, сойдя с трибуны, собственными руками передать зачинщиков смятения прислужникам для наказания. (3) Недовольство росло; царь поставил началь-

никами персов, выдвинув их на первое место. Македонцы одумались и, обливаясь слезами, едва умолили Александра помириться с ними.

Архонтом в Афинах был Антиклес; римляне поставили консулами Луция Корнелия и Квинта Публилия¹². В этот год Александр пополнил персами число отпущенных солдат; тысячу персов он взял в качестве дворцовой стражи, считая их не менее верными, чем македонцы. (2) В это время прибыл Певкест с 20 тысячами персидских лучников и пращников; царь влил их в старые полки и таким путем преобразовывал всю армию, создав войско смешанное и способное служить его намерениям. (3). Он в точности установил число сыновей, родившихся от македонцев и пленных женщин, назначил каждому сумму, нужную для получения хорошего воспитания, приставил к ним воспитателей, которые дали бы им подходящее воспитание, а сам с войском выступил из Суз, перешел Тигр и расположился лагерем возле деревень, называвшихся Карамии. (4) Сразу же, пройдя за 4 дня Ситакену, он вошел в так называемые Самбаны. Там он оставался 7 дней, дал отдохнуть войску и затем за 3 дня дошел до страны келонов, где и по сей час живут беотийцы, которые во время похода Ксеркса были согнаны со своих мест, но еще помнили родные законы. (5) Говорили они на двух языках: на одном, который уподоблял их местным жителям, и на другом, в котором сохранилось большинство греческих слов; сохранили они и некоторые обычаи.

Пробыв там несколько дней, Александр отправился в путь и отклонился от намеченной дороги, чтобы посмотреть на страну, называвшуюся Багистаном: это был дивный сплошной сад, полный всего, что услаждает человека. (6) Затем он пришел в страну, где паслись огромные табуны лошадей. В старину, говорят, там ходило на свободе до 160 тысяч коней; но когда Александр туда прибыл, их насчитывалось всего 60 тысяч. Пробыв там 30 дней, он за 7 дней дошел до Экбатан в Мидии. (7) Говорят, в округности они имеют 250 стадиев; тут находится царский дворец (это столица всей Мидии) и богатые сокровищницы. Он дал войску некоторое время на отдых, устраивал театральные представления и частые пирушки для друзей. (8) От неумеренных выпивок Гефестион заболел и умер. Царь тяжело переживал случившееся и поручил Пердикке перевезти тело умершего в Вавилон, так как хотел устроить пышное погребение.

¹² 326 г. до н. э. (прим. переводчика).

В это время в Элладе происходили смуты и движения в пользу переворотов. Тут берет начало свое так называемая Ламийская война, возникшая по следующей причине. Александр приказал всем сатрапам распустить наемников; приказание это было выполнено, и много чужестранцев, уйдя с военной службы, разбрелось по всей Азии и стало добывать себе пропитание грабежом. Наконец они стеклись со всех сторон к Тенару. (2) Точно так же уцелевшие персидские сатралы и другие начальники, собрав деньги и воинов, приплыли к Тенару и объединили свои силы. (3) И в довершение всего полномочным стратегом выбрали Леосфена, афинянина, человека блистательных душевных качеств и непримиримого врага Александра. Он после тайных переговоров в собрании взял 50 талантов для раздачи наемникам оружия в количестве, необходимом для безотлагательных нужд; послал посольство к этолийцам, враждебно настроенным к царю, для переговоров о союзе и вообще занят был подготовкой всего для войны. Леосфен, предвидя, что война будет тяжелой, к ней готовился.

(4) Александр пошел с легковооруженным войском на коссеев, отказавшихся подчиниться. Племя это, отличающееся силой, живет в горных областях Мидии; полагаясь на неприступность родных мест и на свою воинскую доблесть, они никогда не подчинялись чужеземному властителю; были независимы от персидского царя и пренебрежительно отнеслись к доблести македонцев, не считая ее для себя страшной. (5) Царь захватил проходы, опустошил большую часть земли коссеев; одерживая победу во всех схватках, он уничтожил много варваров и еще больше взял в плен. Коссеи, повсюду побеждаемые, удрученные количеством своих пленных, вынуждены были ради спасения их принять рабское иго. (6) Думая и о себе, Александр за 40 дней покорил все племя, основал большие города в неприступных местах и дал войску отдых . . .

.

Александр, покорив коссеев, выступил со своим войском и пошел к Вавилону, все время останавливаясь и разбивая лагерь, давая войску отдохнуть и медленно продвигаясь вперед. (2) Когда он был в 30 стадиях от Вавилона, он встретил так называемых халдеев. Они пользовались великой славой как знатоки астрологии, и вековые наблюдения выучили их предсказывать будущее. Выбрав из своей среды наиболее пожилых и наиболее сведущих, они поручили им, узнав по звездам, что царя ожидает в Вавилоне смерть, предупредить его о грядущей

опасности и посоветовать ему никоим образом не входить в город. (3) Он может избежать беды, если восстановит памятник Белу, уничтоженный персами, и, оставив выбранную им дорогу, минует город. Глава халдейского посольства, Белефант, не отважился поговорить с царем, а, встретясь наедине с Нерархом, одним из друзей Александра, кое-что рассказал ему и попросил сообщить царю. (4) Александр, выслушав от Нерарха о предсказании халдеев, испугался; чем больше думал он о мудрости и славе этих людей, тем больше росло его смятение. Наконец он отослал многих друзей в город, а сам обогнул Вавилон по другой дороге и стал лагерем в 200 стадиях от него. Все были изумлены, и к нему явилось много эллинов, в том числе и философ Анаксарх со своими последователями. (5) Узнав, почему царь не прибыл в Вавилон, они пустили в ход все философские рассуждения и настолько переубедили царя, что он преисполнился презрения ко всякой мантике, особенно же к той, которую так ценили халдеи. Поэтому царь, словно исцеленный философскими рассуждениями от душевной раны, двинулся с войском в Вавилон. (6) Население, как и раньше, радушно приняло солдат, и все предались отдыху и наслаждениям, так как всяких припасов было в изобилии. Все это произошло в этом году.

113

В Афинах архонтом был Гегесий, римляне поставили консулами Гая Петелия и Папирия¹³; шла 114-я олимпиада; на олимпийских играх в беге победил родосец Микин. В этот год почти со всех концов ойкумены пришли посольства; одни поздравляли царя с его успехами; другие подносили ему венки; некоторые заключили дружественные союзы; многие привозили роскошные дары; некоторые оправдывались в обвинениях, которые на них возводили. (2) Кроме посольств от азийских племен и городов, а также властителей пришли послы из Европы и Ливии: из Ливии явились представители карфагенян, ливнофиникийцев и всех народов, живущих на побережье вплоть до Геракловых Столбов; из Европы отправили послов эллинские города, македонцы, иллирийцы, большинство с берегов Адриатики; фракийские племена; соседние галаты, народ, с которым тогда впервые познакомились эллины. (3) Александр, получив список посольств, распределил порядок, в котором он будет их принимать. Первыми он принял тех, кому поручено было переговаривать о вопросах, касающихся святынь; затем выслушал подносивших дары; потом разобрал спорящих с соседями; в-четвертых, принял людей, пришедших к нему по своим личным делам; в-пятых, протестующих против возвращения изгнанников. (4) Первыми он принял элейцев, потом аммониев,

¹³ 324 г. до н. э. (прим. переводчика).

дельфийцев и коринфян, затем эпидаврийцев и прочих, ставя их в очередь в зависимости от прославленности их святилищ. Всем посольствам он дал ответы милостивые и отпустил их, удовлетворив по возможности.

114

Отпустив посольства, Александр занялся похоронами Гефестиона. Он приложил к этому столько заботы, что эти похороны превзошли не только все бывшие раньше: и для будущего не остается возможности их превзойти. Александр любил Гефестиона... почтил умершего почестями, которые не превзойти. При жизни он ценил его больше всех своих друзей, хотя тут соперником Гефестиона был Кратер. (2) Когда кто-то из друзей сказал, что Кратер любит царя ничуть не меньше, чем Гефестион, Александр воскликнул: «Кратер любит царя, а Гефестион Александра». Когда мать Дария при первой встрече с Александром, по незнанию поклонившаяся в землю Гефестиону, как царю, смутилась от своей ошибки, Александр сказал ей: «Не беспокойся, мать! Он ведь тоже Александр». (3) Вообще Гефестион пользовался большим влиянием и как друг мог высказываться очень свободно. Когда Олимпиада, не любившая Гефестиона из ревности, резко упрекала его в письмах и стала грозить ему, он написал ей укоризненное письмо и закончил его такими словами: «Перестань клеветать на меня, не неистовствуй и не грози. Меня это, впрочем, мало беспокоит. Ты знаешь, что Александр сильнее всех».

(4) Царь, устраивая похороны, приказал всем соседним городам содействовать по мере сил их роскошному устройению; всем обитателям Азии приказал загасить до окончания похорон так называемый священный огонь: персы это обычно делают при похоронах царей. (5) Народ счел этот приказ дурным предзнаменованием; решили, что божество предрекает смерть царя. Случились и другие удивительные знамения, возвещавшие кончину Александра; о них мы скажем дальше, закончив рассказ о похоронах.

115

Начальники и друзья, каждый стремясь угодить царю, заказали изображения Гефестиона из слоновой кости, золота и других материалов, ценимых людьми. Сам он собрал строителей и толпу искусных мастеров, чтобы на пространстве в 10 стадиев снести стену и отобрать обожженный кирпич. Он велел выровнять место для алтаря и воздвигнуть квадратный алтарь со сторонами каждая в один стадий. (2) Постройка была разбита на 30 комнат; крыша сделана из стволов финиковых пальм: все сооружение имело вид четырехугольника. Вокруг расставлены были всяческие украшения. Фундамент

сложили из 240 золотых носов пентер; на их «ушах» было 2 лучника, припавших на колени, высотой в 4 локтя и статуи вооруженных людей; промежутки были завешаны шерстяной пурпурной материей. (3) Над ними, во втором этаже, стояли канделябры высотой в 15 футов с золотыми венками на ручках; на верхушке, около места, где зажигался огонь, находились орлы, распростершие крылья и глядевшие вниз; основания обвивали змеи, смотревшие на орлов. В третьем этаже изображена была охота на разных во множестве представленных зверей. (4) Четвертый этаж занимала кентавромахия, отлитая из золота; в пятом стояли вперемешку золотые львы и быки. На самом верху поместили македонское и варварское оружие: одно свидетельствовало о победе, другое — о поражении. Надо всем поднимались сирены, внутри полые, чтобы там могли спрятаться певцы, исполнявшие погребальный плач. (5) Сооружение возвышалось более чем на 130 футов. Вообще же начальники, все войны, послы и местные жители, соревнуясь друг с другом в доле участия в этих пышных похоронах, истратили, говорят, больше 12 тысяч талантов. В соответствии с этой роскошью и прочими почестями, оказанными умершему при похоронах, Александр в конце концов приказал всем приносить Гефестиону жертвы как божеству младшего чина. Случайно пришел в это время один из царских друзей, Филипп, с повелением от Аммона чтить Гефестиона как бога. Александр чрезвычайно обрадовался, что бог утвердил его мысль; он первый принес жертву и роскошно угостил народ, так как в жертву принесено было 10 тысяч разных животных.

116

После похорон царь предался отдыху и празднествам. Казалось, он находился тогда на вершине могущества и счастья, но судьба укоротила ему срок жизни, даваемый природой. Сразу же божество послало знамение, предвещавшее его кончину; случилось еще много необычайных знамений и предвещаний. (2) Однажды, когда царь умачался (царская одежда и диадема лежали на троне), какой-то колодник из местных жителей освободился от оков и, не замеченный стражей, беспрепятственно вошел во дворец. (3) Подойдя к трону, он надел царскую одежду, возложил на себя диадему и спокойно уселся на троне. Царь, увидя это, пораженный таким необычайным явлением, подошел к трону и спокойно, не показывая удивления, спросил сидевшего: кто он и зачем так поступил? (4) Тот ответил, что он решительно ничего не знает. Спросили об этом знамении гадателей; те ответили, что, по их мнению, этого человека надо убить, чтобы злое предзнаменование осуществилось на нем. (5) Царь же, взяв свою одежду, принес ее в жертву богам, отвращающим беды. Он был очень обеспокоен; вспомнил предсказание халдеев; бранил философов, убе-

дивших его вступить в Вавилон, восхищался искусством халдеев и мудростью их; вообще поносил всех, кто своей болтовней думает обмануть силу судьбы.

Вскоре божество послало ему другое знамение относительно его царства. Александр захотел посетить озеро, находившееся около Вавилона. Он плывал по нему с друзьями на легких суденышках; в течение нескольких дней его ладья, отбившись от других, блуждала в полном одиночестве, так что он уже потерял надежду спастись. (6) Когда он плыл по какому-то узкому рукаву, совершенно закрытому нависшими над ним деревьями, веткой сорвало с него диадему. Она упала в озеро; один из гребцов подплыл к ней и, желая доставить ее в полной сохранности, надел себе на голову и подплыл к судну. Проблуждав 3 дня и 3 ночи, Александр выбрался на верную дорогу и опять обратился к гадалеям с вопросом относительно этого происшествия.

117

Они велели со всяческим тщанием принести великолепные жертвы богам. Затем его пригласил к себе на пирушку один из друзей, Мидий-фессалиец. Обильно наливая себе неразбавленного вина, Александр под конец выпил большой Гераклов кубок. (2) Вдруг, словно пораженный сильным ударом, он громко вскрикнул и застонал; друзья вынесли его на руках. Прислужники сразу уложили его в постель и неотступно сидели при нем. (3) Болезнь усиливалась; созвали врачей, но никто не смог ничем помочь. В тяжких страданиях, понимая, что ему уже не жить, он снял свой перстень и отдал его Пердикке. (4) Когда друзья спросили его: «Кому ты оставляешь царство?» — он ответил: «Лучшему» — и добавил (это были его последние слова), чтобы первые его друзья устроили в его память большие погребальные игры. (5) Так скончался Александр; царствовал он 12 лет и 7 месяцев и совершил дела величайшие, и не только сравнительно с делами прежних царей: не совершал таких никто и в дальнейшем, вплоть до наших дней.

Так как некоторые писатели не соглашались относительно его кончины, утверждая, что он умер от яда, то мы считаем необходимым не обойти молчанием их слова.

118

Говорят, что Антипатр, оставленный им в Европе в качестве военачальника, рассорился с Олимпиадой, матерью царя. Сначала это его не беспокоило, так как Александр не обращал внимания на клевету, которую она на него возводила. Вражда, однако, росла и росла; царь по своему благочестию хотел во всем угождать матери, и Антипатр во многих случаях обнару-

живал свою неприязнь к царю. Вдобавок гибель Филоты и Пармениона заставила содрогнуться «друзей», и Антипатр приказал своему сыну, который был кравчим, дать царю яд. (2) После смерти Александра он остался в Европе самым могущественным; после него царскую власть получил его сын Кассандр, и многие не решались писать об отравлении. Действия Кассандра явно показывали, что он относится к деяниям Александра крайне отрицательно. Он убил Олимпиаду и бросил ее тело без погребения, а Фивы, разрушенные Александром, восстановил с великой заботой.

(3) После смерти царя Сисигамба, мать Дария, горько оплакивая кончину Александра и свое одиночество, решила умерить себя голодом и на пятый день умерла, закончив свою жизнь скорбно, но не бесславно.

Юстин

ЭПИТОМА СОЧИНЕНИЯ ПОМПЕЯ ТРОГА

„Historiae Philippicae“

КНИГА XI

1

Так как в войске Филиппа были разные народности, то, когда он был убит, все они восприняли это по-разному. (2) Одни, угнетаемые несправедливым рабством, конечно, стали надеяться на получение свободы; (3) другим надоела долгая служба, и они радовались тому, что избавились от похода в Азию; (4) некоторые сокрушались о том, что факелом, зажженным для свадьбы дочери, пришлось поджечь погребальный костер отца; (5) а друзей царя при столь неожиданной перемене охватил великий страх. Они представляли себе то Азию, вызванную на бой, то Европу, еще не укрощенную, (6) то иллирийцев, фракийцев, дарданцев и другие варварские племена, верность которых была сомнительна, которые в душе были предателями; если бы все эти народы одновременно отложились от Македонии, устоять было бы невозможно. (7) При этих обстоятельствах как бы неким целебным средством явилось выступление Александра (8) в народном собрании: он настолько своевременно успокоил и ободрил весь простой народ, что тех, кто боялся, избавил от страха и внушил всем веру в себя. (9) Было ему двадцать лет от роду, и в этом возрасте он был хотя и многообещающим, но таким скромным, как будто хотел в дальнейшем проявить себя на деле. (10) Македонян он освободил от всех государственных повинностей, кроме военной службы; этим поступком он заслужил такое расположение со стороны всех окружающих, что стали говорить: на престоле сменился человек, но доблесть царская осталась неизменной.

2

(1) Первой заботой Александра было устройство похорон отца; прежде всего он приказал убить перед могильным холмом отца соучастников его убийства. (2) Пощадил он только Александра Линкеста, брата... сохранив в его лице вестника о

своём воцарении. Линкест первый приветствовал Александра как царя. (3) Приказал он также убить соперника своего по праву на власть своего брата Карана, рожденного от мачехи. (4) В самом начале царствования Александр усмирил многие восставшие племена, подавил несколько вспыхнувших было мятежей. (5) Ободренный этими успехами, он поспешно направился в Грецию, где, по примеру отца, вызвал в Коринф представителей от греческих государств и стал их вождем вместо отца. (6) Затем он берется за уже начатую его отцом войну против персов. (7) Занятый приготовлениями к ней, он получает известие, что афиняне и фивяне, отпав от него, перешли на сторону персов, что виновником отпадения их является оратор Демосфен, которого подкупили персы огромным количеством золота, (8) что этот Демосфен утверждал, будто все войско македонян вместе с царем уничтожено трибаллами, и даже привел на собрание свидетеля, который говорил, что он сам был ранен в том сражении, в котором пал царь. (9) Этот слух, как узнал Александр, изменил настроение почти во всех государствах, и македонские гарнизоны оказались в осаде. (10) Чтобы помешать этому движению, Александр с такой быстротой со своим вооруженным и подготовленным войском обрушился на Грецию, что люди едва верили своим глазам, видя перед собой того, о приходе которого и не помышляли.

3

(1) Проходя через Фессалию, Александр напомнил фессалийцам о благодеяниях своего отца и о своём близком родстве с ними по матери, происходившей из рода Эакидов. (2) Фессалийцы жадно слушали такие речи, избрали его, как в своё время и его отца, вождем всего фессалийского народа и предоставили в его распоряжение все налоги и доходы. (3) Афиняне, которые первыми отложились от Македонии, первыми же стали об этом сожалеть. (4) Сменив презрение к врагу на преклонение перед ним, они стали превозносить молодость Александра, к которой ранее относились с пренебрежением, ставя ее выше доблести старых вождей. (5) Отправив к Александру посольство, афиняне умоляли его не идти на них войной. Царь, выслушав послов, осыпал их резкими упреками, но от войны отказался. (6) После этого он направил войско в Фивы, намереваясь также милостиво поступить с фивянами, если он встретит с их стороны такое же раскаяние. (7) Но фивяне пустили в ход оружие, а не мольбы и просьбы. Поэтому, когда они потерпели поражение, им пришлось испытать все ужасы позорнейшего плена. (8) Когда на совете обсуждали вопрос о разрушении Фив, фокидяне и жители городов Платей, Феспий и Орхомена, союзники Александра и соучастники его победы, стали обвинять фивян в разрушении их городов и в жестокости, (9) упрекали их за их приверженность к персам, прояв-

ленную не только теперь, но и в давно прошедшие времена, во вред свободе Греции. (10) Вследствие этого, говорили они, фивяне ненавистны всем народам; это следует уже из того, что все связали себя клятвой после победы над персами разрушить Фивы. (11) Ко всему этому они прибавляют сказания о прежних преступлениях фивян, которыми переполнены все театральные представления, — все это для того, чтобы разжечь ненависть к фивянам не только за их недавнее вероломство, но и за худую славу о них, идущую с древних времен.

4

(1) Тогда один из пленных, Клеад, получивший разрешение говорить, сказал следующее: фивяне отложились не от царя, о котором они слышали, что он убит, а от наследников царя; (2) виноваты они в легковерии, а не в измене; за эту вину, однако, они понесли уже тяжелое наказание — их молодежь истреблена; (3) теперь остались лишь толпы стариков и женщин, настолько же бессильных, насколько безвредных, которые к тому же перенесли столько насилий и оскорблений, что никогда не приходилось им терпеть ничего более горького; (4) и он, Клеад, просит теперь уже не за граждан, которых осталось так мало, а за невинную родную землю и за город, который порождал не только мужей, но и богов. (5) Лично царя Клеад заклинал вспомнить о его религиозных связях с Фивами: ведь в Фивах рожден Геркулес, от которого ведет начало род Эакидов, в Фивах же провел свое детство отец царя — Филипп. (6) Поэтому он просит царя пощадить тот город, который некоторых предков Александра, здесь рожденных, чтит в числе богов, других же, воспитывавшихся здесь, видел достигшими высшей царской власти. (7) Но сильнее был гнев, чем мольбы: город разрушают; (8) земли делят между победителями; пленных продают «под венком» в рабство, и все растущая цена на них зависит не от их пригодности для покупателей, а от ненависти их врагов. (9) Все это внушило афинянам жалость к ним. Поэтому они, вопреки царскому запрещению, открыли свои ворота для фиванских беглецов. (10) Александр был этим так разгневан, что, когда афиняне отправив второе посольство, умоляли его не идти на них войной, он отказался от войны только на том условии, чтобы ему были выданы ораторы и военачальники, под влиянием которых афиняне столько раз бунтовали. (11) Хотя афиняне готовы были на это пойти, чтобы не пришлось воевать, но согласился на том, что военных вождей отправят в изгнание, а ораторы останутся. (12) Военные вожди, отправившись из Европы к Дарию, немало принесли пользы военным силам персов.

(1) Прежде чем отправиться на войну с персами, Александр умертвил всех родственников своей мачехи, которых Филипп в свое время поставил во главе управления, выдвинув на самые высокие и почетные должности. (2) Не пощадил он и собственных своих родных, которые казались ему способными царствовать, чтобы в Македонии, когда он будет далеко от нее, не было почвы для мятежей. (3) Он увел с собой в качестве соратников всех наиболее одаренных царей-данников, оставив для охраны государства менее предприимчивых. (4) После того как все войско было собрано в одно место, он погрузил его на корабли. Увидев берега Азии, Александр воспламенился необычайным пылом и воздвиг богам двенадцать алтарей как приношение перед войной. (5) Все свое наследственное достояние, которым он владел в Македонии и в Европе, он разделил между друзьями, сказав, что для него будет достаточно и Азии. (6) Раньше чем от берега отчалил хоть один корабль, Александр закалывает жертвы, испрашивая победу в войне, в которой он избран мстителем за Грецию, столько раз подвергавшуюся нападениям персов. (7) Уже достаточно долго пользовались они властью, близится конец ее, и настало время принять ее в свою очередь тем, кто лучше сумеет воспользоваться ею. (8) И все войско было настроено не иначе, чем царь: (9) все воины забыли о женах и детях, о том, что им придется воевать далеко от родины, они уже считали своей добычей персидское золото и сокровища всего Востока, помнили не о военных опасностях, а о богатствах. (10) Когда высадились на берег Азии, Александр первым метнул свое копьё как бы во вражескую землю и спрыгнул с корабля в полном вооружении, как будто исполняя военную пляску, и заказал жертвы, (11) молясь о том, чтобы земли эти охотно приняли его как своего царя. (12) Так же и в Илионе, на погребальных холмах героев, павших в Троянской войне, Александр приносил жертвы умершим.

Медальон с изображением Александра

(1) Оттуда он направился против врага и запретил солдатам опустошать Азию, сказав, что нужно щадить свое добро и не губить то, чем они намерены владеть. (2) В войске его

было 32 тысячи пехотинцев, 4 тысячи всадников, 182 корабля. (3) Трудно сказать, что более удивительно: то ли, что он покорил мир со столь небольшим отрядом, или то, что он, имея так мало войск, отважился начать войну. (4) Когда он набирал войско для столь опасной войны, он взял в него не сильных юношей, не людей цветущего возраста, а ветеранов, в большинстве своем уже отслуживших свой срок, сражавшихся еще под командой отца его и дядей, (5) так что можно было подумать, что это не солдаты, а отборные учителя военного дела. (6) Командные должности занимали исключительно люди не моложе шестидесяти лет, так что если бы ты посмотрел на начальников лагерей, ты бы сказал, что перед тобой сенат какой-то древней республики. (7) Поэтому в сражении никто не думал о бегстве, а всякий — о победе, каждый надеялся не на быстроту ног, а на силу рук. (8) Напротив, персидский царь Дарий, уверенный в своих силах, не применял никаких уловок, утверждая, что при помощи скрытых замыслов можно только как бы тайком украсть победу, (9) что следует не отражать врага от границ царства, а заманить его в сердце страны, что более славно прогнать вторгнувшегося врага, чем не допустить его в свои пределы. (10) Поэтому первое столкновение произошло на Адрастейской равнине. (11) У персов было в боевом строю 600 тысяч человек, которые обратились в бегство, побежденные в равной мере и искусством Александра, и доблестью македонян. Великое множество персов было перебито. (12) Из войска Александра пало 9 пехотинцев и 120 всадников, (13) которых царь для ободрения других похоронил с большой пышностью и почтил конными статуями, а их родственников освободил от всех повинностей в пользу государства. (14) После этой победы на сторону Александра перешла большая часть Азии. (15) Много Александру пришлось сражаться и с сатрапами Дария, которых он победил не столько своим оружием, сколько страхом перед своим именем.

7

(1) Между тем, пока все это происходило, поступил донос от одного пленника, что Александр Линкест, зять Антипатра, поставленного для управления Македонией, строит против Александра козни. (2) Опасаясь, что если Линкеста казнить, то в Македонии начнется восстание, Александр приказал заключить его в темницу. (3) После этого он двинулся к городу Гордию, расположенному между Великой и Малой Фригией. (4) Александром овладело страстное желание обладать этим городом не столько из-за добычи, сколько потому, что, как он слышал, в этом городе в храме Юпитера находилось ядро от повозки Гордия; а еще в древности было предсказано оракулом, что тот, кто развяжет узел на этом ядре, будет властво-

вать над всей Азией. (5) Вот что лежит в основе этого поверья. Некий Гордий пахал в этих местах на нанятых быках, и вдруг вокруг него начали летать птицы разных пород. (6) Он пошел посоветоваться по этому поводу с авгурами соседнего города, и вот в городских воротах его встретила девушка необычайной красоты. Он стал расспрашивать ее, с каким авгуром ему лучше посоветоваться; (7) она же, узнав, о чем он хочет просить совета, будучи сама обучена родителями искусству гадания, ответила, что птицы предвещают ему царскую власть, обещав, что будет ему и женой и соучастницей его чаяний. (8) Такое прекрасное предложение показалось ему первым счастливым шагом к царской власти. (9) После их свадьбы между фригийцами началась смута. (10) На вопрос, обращенный оракулу, когда кончатся распри, то получили ответ: при распрях нужней царь. (11) Тогда вторично спросили, кого именно избрать царем, и получили повеление: поставить царем того, кого они на обратном пути встретят едущим на повозке в храм Юпитера. (12) Им попался навстречу Гордий, и они его тотчас приветствовали как царя. (13) В честь своего воцарения Гордий поставил в храме Юпитера ту повозку, на которой он ехал, когда ему было вручено царство. (14) После него царствовал сын его Мидас, который, посвященный Орфеем в священные обряды мистерий, распространил почитание богов по всей Фригии, что в течение всей его жизни служило ему более надежной защитой, чем оружие. (15) Итак, Александр, взяв город, пришел в храм Юпитера и стал спрашивать о ярме от повозки Гордия. (16) Когда его показали Александру, он не смог найти концов от ремней, скрытых в узлах. Тогда он решил воспользоваться предсказанием оракула, хотя бы применив насилие: он разрубил ремни мечом и, таким способом распутав сплетения ремней, нашел скрытые в узлах концы.

8

(1) В то время как Александр был занят этим, пришло известие, что приближается Дарий с громадным войском. (2) Александр, опасаясь, как бы ему не пришлось сражаться в теснинах, с большой поспешностью совершил переход через Тавр, причем, спеша изо всех сил, в один день сделал переход в 500 стадиев. (3) Когда он пришел в Тарс, то был очарован красотой реки Кидн, протекающей через середину города; сбросив вооружение, весь в пыли и в поту, он бросился в ледяную воду. (4). От этого все жилы его сразу так свело, что он лишился голоса и не было надежды не только вылечить его, но хотя бы оттянуть угрозу конца. (5) Из врачей один только нашелся, по имени Филипп, который обещал дать лекарство. Но именно относительно его было высказано подозрение в письме Пармениона, присланном накануне из Каппадокии. (6) Парменион, еще не зная о болезни Александра, писал, что

надо остерегаться врача Филиппа, как человека, подкупленного Дарием за огромную сумму денег. (7) Однако Александр подумал, что лучше верить себя врачу сомнительной чести, чем несомненно погибнуть от болезни. (8) Поэтому он взял кубок, передал врачу письмо и все время, пока пил лекарство, пристально смотрел на лицо читающего. (9) Когда Александр заметил, что Филипп совершенно спокоен, он ободрился и на четвертый день уже был здоров.

9

(1) Между тем Дарий вывел на бой 400 тысяч пехотинцев и 100 тысяч всадников. (2) Многочисленность вражеского войска по сравнению с малым числом его собственных воинов вселила было в Александра тревогу. Однако он припомнил в то же время, какие подвиги совершил он с этой горстью воинов, сколько народов разбил в сражениях. (3) И вот, когда надежда победила страх, Александр решил, что очень опасно откладывать сражение, чтобы войска не пали духом. Он объехал свои войска и к разным народам обращался с разными речами. (4) Иллирийцев и фракийцев он соблазнял несметными богатствами персов, греков воспламенял воспоминанием о минувших войнах и о смертельной ненависти к персам, (5) а македонянам он напоминал то о локоренной ими Европе, то об Азии, которую предстоит завоевать, и прославлял их как воинов, которым нельзя найти равных в мире, (6) говорил, что ведь предстоящий бой будет и завершением их трудов, и вершиной их славы. (7) Тут же он отдал приказ — построить войско в боевом порядке, чтобы воины успели привыкнуть к виду вражеских полчищ. (8) Но и царь Дарий прилагал не менее усилий к тому, чтобы выстроить свои войска. Не полагаясь на одних только своих военачальников, он сам обходит все войско, ободряет отдельных воинов, напоминает им об несконной славе персидской державы, о вечном господстве, дарованной ей богами. (9) После этого обе стороны с невероятным пылом вступают в битву. В этом бою оба царя были ранены, и до тех пор исход сражения был сомнителен, пока Дарий не обратился в бегство. (10) За этим последовало страшное избиение персов. Убиты были: 61 тысяча пехотинцев, всадников — 9 тысяч; взято в плен 40 тысяч. У македонян пало 130 пехотинцев, всадников — 150. (11) В персидском лагере нашли много золота и других богатств. (12) Среди пленных, захваченных в лагере, были мать Дария, жена Дария, бывшая в то же время его сестрой, и две его дочери. (13) Александр пришел к ним с тем, чтобы повидать их и ободрить, а они, увидев вооруженных людей, обняли друг друга, точно им предстояла немедленная смерть, и подняли громкий плач. (14) Затем, бросившись к ногам Александра, они стали умолять его не об избавлении от смерти, а об отсрочке смерти до тех пор, пока они не

похоронят тело Дария. (15) Александр, тронутый такой преданностью этих женщин, сказал им, что Дарий жив, а им самим вовсе не грозит смерть, и распорядился, чтобы с ними обращались как с царственными особами. (16) Дочери Дария, сказал он, могут надеяться на замужество, сообразное с царственным достоинством их отца.

10

(1) Затем Александр осмотрел богатства и сокровища Дария, попавшие в его руки, и был охвачен изумлением при виде всего этого. (2) Тогда-то он начал впервые устраивать пышные трапезы и великолепные пиры, тогда же он увлекся пленницей своей Барсиной из-за ее красоты; (3) мальчика, впоследствии рожденного ею, она назвала Геркулесом. (4) Однако Александр помнил, что Дарий все еще жив, и послал Пармениона завладеть персидским флотом, а других друзей — захватить азиатские города. (5) Все эти области тотчас же перешли под власть победителей, так как сатрапы Дария, как только до них дошел слух о победе, сами стали сдаваться вместе со своими громадными запасами золота. (6) После этого Александр отправился в Сирию, где навстречу ему выходили многие восточные цари в священных повязках, моля о мире. (7) Смотря по заслугам, Александр одних делал своими союзниками, у других отнимал царскую власть и ставил на их место новых царей. (8) Среди всех них особенно замечательны Абдолоним, поставленный Александром в цари сидонские. (9) Хотя он ранее работал на расчистке высохших колодцев и поливке садов и вел нищенский образ жизни, Александр сделал его царем, пренебрегнув людьми знатными, чтобы никто не мог подумать, будто своим саном он обязан своему происхождению, а не милости даровавшего. (10) Когда Тирское государство прислало Александру поздравления и тяжелую золотую корону, он милостиво принял дар и сказал, что намерен отправиться в Тир, чтобы дать обеты Геркулесу. (11) Но когда послы сказали, что лучше было бы ему исполнить это в Тире Древнем, где храм древнее (этим они желали отклонить его от вступления в город Тир), он так рассердился, что пригрозил разрушить этот город. (12) Александр немедленно высадил войско на острове и начал войну; но и тиряны, надеясь на помощь карфагенян, были не менее ожесточены, чем Александр, (13) мужество тирийцев увеличивал пример Дидоны, которая, основав Карфаген, завладела после этого третьей частью мира. Они считали для себя постыдным, если бы оказалось, что их женщины проявили больше мужества для завоевания господства, чем они сами — для защиты своей свободы. (14) Поэтому они отправили всех небоеспособных в Карфаген и в скором времени вызвали к себе вспомогательные войска, но вскоре потерпели поражение вследствие предательства.

(1) После этого Александр без борьбы занял Родос, Египет и Киликию. (2) Затем он направляется к Юпитеру Аммону, чтобы спросить бога о том, что ожидает его в будущем, а также и о своем происхождении, (3) ибо мать Александра, Олимпиада, призналась давно своему мужу Филиппу, что зачала Александра не от него, а от змея громадной величины. (4) Да и Филипп в последние годы своей жизни открыто заявлял, что Александр не его сын. (5) По этой-то причине Филипп и развелся со своей женой как с уличенной в разврате. (6) Поэтому-то Александр, желая приписать себе божественное происхождение и вместе с тем обелить мать, через посланных вперед лиц тайно подсказывает жрецам, какой ответ они должны ему дать. (7) Когда Александр вошел в храм, жрецы тотчас же приветствовали его как сына Аммона. (8). Довольный тем, что бог признал его сыном, он приказывает считать Аммона своим отцом. (9) Затем он спрашивает: всем ли убийцам отца он отомстил? — и получает такой ответ: его отец не может быть убит и не может умереть; отмщение же за царя Филиппа завершено полностью. (10) На третий же вопрос ему был дан ответ, что даруется ему победа во всех войнах и власть над всеми землями. (11) А спутникам Александра ответили, чтобы они почитали Александра как бога, а не как царя. (12) С тех пор увеличилось его высокомерие, возросла надменность и исчезла та обходительность, которую он приобрел ранее от изучения греческой мудрости и от македонского воспитания. (13) Возвратившись от храма Аммона, Александр основал Александрию и эту македонскую колонию приказал считать столицей Египта.

(1) Когда Дарий бежал в Вавилонию, то он просил Александра, послав ему письмо, чтобы тот дал ему возможность выкупить пленниц, и обещал за это огромную сумму, (2) но Александр потребовал в виде выкупа за пленниц не деньги, а все царство. (3) Спустя некоторое время Александру было передано другое письмо, в котором Дарий предлагал ему дочь жены и часть царства. (4) Однако Александр написал в ответ, что Дарий дает ему то, чем он, Александр, уже владеет, и приказал Дарию явиться к нему лично в качестве просителя и предоставить победителю решать, что будет с Персидским царством. (5) Тогда Дарий, потеряв надежду на мир, вновь начинает войну и выступает навстречу Александру с 400 тысячами пехотинцев и 100 тысячами всадников. (6) Во время похода Дарий получает известие, что его жена умерла от несчастных родов, что Александр оплакал ее смерть и сопровождал ее тело в день похорон, причем поступил так не из любви

ленности в нее, а по своей человечности; (7) ведь ее Александр и видел-то всего один раз, между тем как мать Дария и его маленьких дочерей он часто старался утешать (8) И вот теперь Дарий признал себя поистине побежденным, раз враг победил его не только в стольких сражениях, но даже в своем великодушии, и сказал, что если он, Дарий, не в состоянии победить, то для него наилучший исход — быть побежденным таким человеком, как Александр. (9) Поэтому он написал третье письмо, в котором благодарил Александра за то, что тот не отнесся враждебно к его родным. (10) Затем он предлагает Александру не только большую часть своего царства, до реки Евфрата, но и другую дочь в жены, а также 30 тысяч талантов за остающихся у него пленниц. (11) На это Александр ответил, что благодарность врага — вещь излишняя. (12) То, что он сделал, он сделал не в угоду врагу; ни при сомнительном исходе войны, ни при переговорах о мире он не применяет хитрых происков; (13) он сделал это по великодушию, так как он научился сражаться против сильных врагов, а не против впавших в несчастье. (14) Далее он обещает принять предложения Дария, если тот согласится быть вторым после него, а не равным ему. (15) Впрочем, так же как в мире не могут царить два солища, так и мир не может заключать в себе два великих царства и быть при этом в безопасности. (16) Ввиду этого пусть Дарий или в тот же день сдастся, или же на следующий день готовится к сражению. Он, Александр, ожидает для себя такой же победы, какие он уже одерживал.

13

(1) На следующий день они оба уже выстроили свои войска в боевом порядке, как вдруг Александра, утомленного заботами, внезапно перед самым сражением охватил сон. (2) Когда перед самым началом битвы не оказалось на месте одного только царя и когда едва удалось Пармениону его разбудить, то все стали спрашивать Александра, почему он уснул в такой опасный момент, тогда как обычно он даже во время отдыха спал мало; (3) на это Александр сказал, что он избавился от тяжелой заботы и уснул благодаря внезапной уверенности в том, что предстоит сражение со всем войском Дария, а до того его страшило, что война может затянуться надолго, если персы разделят свои силы. (4) Перед сражением оба вражеских войска двинулись навстречу друг другу. (5) Македонян удивляло большое число вражеских солдат, их высокий рост, красота их вооружения. Персы изумлялись тому, что столь малым войском побеждены столь многие тысячи их воинов. (6) Вожди же не переставали обходить ряды своих солдат. (7) Дарий говорил, что если разделить число его воинов на число македонян, то на 10 армян едва ли придется один неприятельский воин. (8) Александр убеждал македонян

не страшиться ни многочисленности врагов, ни их роста, ни непривычной для македонян пестроты одежды и оружия; (9) нужно только помнить, что уже в третий раз приходится им сражаться с теми же самыми врагами; пусть не думают, будто враги стали лучше от бегства, нет, они принесли с собой в бой печальные воспоминания о своих поражениях и о том, сколько крови было пролито ими в двух предыдущих битвах (10) и насколько у Дария больше людских полчищ, настолько же у него, Александра, больше мужей. (11) И он убеждал с презрением смотреть на этот вражеский строй, сверкающий золотом и серебром, от которого можно ожидать больше добычи, чем опасности, так как победа добывается оружием, блистающим не красотой, а доблестью.

14

(1) После этого завязывается сражение. Македоняне бросились прямо на мечи врагов в рукопашный бой, презирая врага, уже столько раз побежденного, но и персы предпочитали смерть поражению. (2) Редко в какой-либо битве было пролито столько крови. (3) Когда Дарий увидел, что его солдаты терпят поражение, он хотел и сам умереть, но его приближенные убедили его бежать. (4) При этом некоторые советовали ему разрушить за собой мост через реку Кидн, чтобы преградить дорогу врагу, но Дарий сказал, что не такой совет он хотел бы получить для своего спасения, который столько тысяч его воинов предаст во власть врага. Пусть и другим будет открыта та же дорога для бегства, как и для него. (5) Александр же бросался туда, где было всего опаснее; там, где, как он видел, были всего гуще ряды врагов и ожесточеннее сеча, там он всегда появлялся, всем опасностям хотел подвергать себя, а не воинов. (6) Этой битвой он захватил в свои руки власть над Азией на пятый год после принятия царской власти. (7) Сражение было настолько удачно, что после него никто не осмелился поднять восстание, и персы после стольких лет господства покорно склонили головы под иго рабства. (8) Одарив солдат и дав им отдых в 34 дня, Александр занялся подсчетом добычи. (9) Некоторое время спустя он нашел в городе Сузах 40 тысяч талантов. (10) Завоевал он и Персеполь, столицу Персии, город издавна знаменитый, полный добычи, собранной со всех концов земли, о размерах которой впервые стало известно только после падения этого города. (11) Там же Александру бросились навстречу 800 греков, которые в плену у персов претерпели тяжкие муки — у каждого был отсечен какой-нибудь член тела. Они умоляли его отомстить врагам за эту жестокость так же, как он отомстил за Грецию. (12) Им была дана возможность вернуться на родину, но они предпочли получить на месте земельные участки, опасаясь, что их родные испытают не столько радость от их возвращения, сколько ужас при виде их увечий.

(1) Между тем, желая угодить победителю, родственники Дария, схватив его в парфяиском селении Фара, заковали в золотые оковы. (2) Полагаю, что это произошло по промыслу бессмертных богов, пожелавших, чтобы владычество персов нашло свой конец в пределах того народа, которому впоследствии было суждено наследовать это владычество. (3) Александр ускоренным маршем прибыл сюда на следующий день и узнал, что Дария ночью уже увезки в закрытой повозке. (4) Приказав войску идти вслед, Александр пустился преследовать беглеца с 6 тысячами всадников и по пути много раз выдерживал опасные схватки. (5) Он прошел таким образом много тысяч шагов и не обнаружил никаких следов Дария; и вот однажды, когда он остановился, чтобы дать отдохнуть коням, один из его воинов пошел к ближайшему источнику и нашел там Дария, в повозке, тяжело израненного, но еще дышащего. (6) Когда к Дарию подвели одного из пленных персов и он узнал в нем соотечественника, он сказал, что имеет по крайней мере от судьбы то утешение, что будет говорить с человеком, который его поймет, и последние его слова не будут произнесены напрасно. (7) Александру Дарий приказал передать следующее: умирает он, Дарий, должником Александра, не отблагодарив его ничем за его величайшие услуги: в том, как поступил Александр с его, Дария, матерью и детьми, он усмотрел царственное великодушие, а не враждебность. Ему больше посчастливилось на врага, чем на родных и близких, (8) ибо враг даровал жизнь матери его и детям, а его самого лишили жизни те, кому он дарил и жизнь и власть. (9) Как их наградить за это — пусть решает победитель. (10) Александра же он может отблагодарить только тем, что одно доступно умирающему, — молить все небесные и подземные силы и богов, покровителей царств, чтобы ему, победителю всех земель, досталась вся власть над ними. (11) Для себя он просит не пышных, а лишь подобающих ему похорон. (12) Что же до отмщения за него, Дария, то это дело касается уже не его одного, а служит показательным примером для всех царей, и пренебречь им было бы недостойно Александра, да и опасно для него; с одной стороны, вопрос идет о его справедливости, с другой — о его собственных интересах. (13) Он, Дарий, может дать Александру оди лишь единственный залог верности царской — правую свою руку. После этих слов, протянув руку, он скончался. (14) Когда сообщили об этом Александру, он, увидев тело Дария, оплакал его смерть, столь несовместимую с его достоинством, (15) и приказал похоронить его, как подобает царю, и положить его в гробницу предков.

КНИГА XII

1

(1) Воинов, погибших во время преследования Дария, Александр торжественно похоронил, израсходовав на это большую сумму; между оставшимися в живых участниками его похода он разделил 13 тысяч талантов. (2) Большая часть лошадей пала от зноя, а те, которые выжили, уже ни на что не годились. (3) Все деньги — 190 тысяч талантов — были свезены в Экбатану, и заведовать этой казной был назначен Парменион. (4) Пока все это происходило, Александру доставили из Македонии письма от Антипатра, в которых сообщалось об исходе войны спартаиского царя Агиса в Греции, войны эпирского царя Александра в Италии и войны наместника Александра, Зопириона, в Скифии. (5) Эти известия вызвали у Александра противоречивые чувства; однако его все же больше обрадовала смерть двух соперничавших с ним царей, чем огорчила потеря войска под командой Зопириона. (6) Дело в том, что после отбытия Александра почти вся Греция взялась за оружие, чтобы вернуть себе свободу по примеру лакедемонян, (7) которые одии только отнеслись с презрением к миру, установленному в Греции Филиппом и Александром, и законов их не приняли. Вождем в этой войне был царь лакедемонян Агис. (8) Собрав войска, Антипатр подавил движение, возглавленное Агисом, в самом зародыше. Однако много народа пало с той и другой стороны. (9) Когда царь Агис увидал, что его воины обратились в бегство, он отослал от себя своих телохранителей (10) и, чтобы показать, что он менее счастлив, удачлив, но не менее доблестен, чем Александр, учинил такое кровопролитие среди врагов, что несколько раз обращал в бегство их отряды. (11) В конце концов побежденный численностью врагов, он превзошел всех храбростью.

2

(1) Александр, царь эпирский, отправился в Италию по приглашению жителей Тарента, просивших у него помощи против бруттиев. Он столь ревностно ринулся в этот поход, как будто при дележе мира Александру, сыну его сестры Олимпиады, достался по жребию Восток, а ему Запад; (2) он отправился, надеясь совершить в Италии, Африке и Сицилии не меньшие подвиги, чем Александр в Азии и Персии. (3) Этому содействовало также следующее обстоятельство: подобно тому, как Александру Великому Дельфийский оракул предсказал, что ему следует опасаться козней в Македонии, так ему, Александру Эпирскому, Додонским Юпитером было предсказано, что для него являются роковыми город Пандосия и Ахерусийский поток. (4) И река эта, и город были в Эпире, но

Александр не знал, что в Италии существуют город и река с такими же названиями, и, чтобы отклонить опасность, предопределенную ему судьбой, он с тем большим рвением предпринял поход в чужую страну. (5) Когда он прибыл в Италию, он сначала воевал с апулийцами, (6) но, узнав о судьбе, предсказанной их главному городу, в скором времени заключил дружественный союз с их царем. (7) Дело в том, что главным городом у апулийцев был тогда Брундизий, который основали этоляне, следовавшие за вождем своим, прославленным подвигами в Трое, знаменитейшим и благороднейшим Диомедом. (8) Изгнанные отсюда апулийцами этоляне обратились к оракулу и получили такой ответ: навеки будут владеть этим местом те, которые вернут его себе. (9) На этом основании они потребовали через послов от апулийцев возвратить им город, угрожая войной. (10) Но так как апулийцы тоже узнали о предсказании, то они убили послов этолян и похоронили их в городе, чтобы те вечно в нем пребывали. Так, выполнив совет оракула, апулийцы в течение долгого времени владели городом. (11) Когда Александр узнал об этом, он из уважения к издревле предопределенной судьбе города отказался от войны с апулийцами. (12) Вел же он войну с бруттиями и луканами и взял много городов; с жителями Метапонта и педикулами, а также с римлянами он вступил в дружественные отношения и заключил союз. (13) Но бруттии и луканы, получив подкрепление от соседей, возобновили войну с еще большим ожесточением. (14) Здесь-то царь и был убит около города Пандосии, у реки Ахеронта, только перед смертью узнав название рокового для него места; умирая, он понял, что не на родине грозила ему смерть, от которой он бежал на чужбину. (15) Тело Александра погребли жители Фурий, выкупившие его за государственный счет. (16) Пока все это происходило в Италии, Зопирион, поставленный Александром Великим в наместники Понта, считая, что если он не совершит никаких подвигов своими силами, то он выкажет себя бездеятельным, собрал тридцатитысячное войско и пошел войной против скифов. (17) Он погиб со всем своим войском и тем самым понес кару за войну, которую он опрометчиво начал против народа, ни в чем не повинного.

3

(1) Когда Александр, будучи в Парфии, получил известие обо всех этих событиях, он притворился огорченным, так как был родственником Александру Эпирскому, и назначил в войске трехдневный траур. (2) Потом созвал своих воинов, которым казалось, что война уже закончена, которые ждали отъезда на родину и мысленно обнимали своих жен и детей, и сказал им следующее: (3) все столь замечательные битвы не приведут ни к чему, если восточные варварские племена оста-

нутя неподчиненными; он добивался ведь не мертвого тела Дария, а его державы; необходимо теперь обратиться против тех, которые от этой державы отпали. (4) Вдохнув этой речью новый пыл в своих воинов, он покорил Гирканию и мардов. (5) Здесь его встретили Талестрис, или Минития, царица амазонок, которая в сопровождении 300 женщин совершила тридцатипятидневный переход через земли многолюдных племен, чтобы иметь детей от него. (6) Вид ее и прибытие вызвали всеобщее изумление как вследствие ее необычайного для женщин одеяния, так и из-за того, что она домогалась вступить в связь с царем. (7) По этому случаю войску был дан царем отдых на тринадцать дней, а царица отправилась обратно, когда убедилась, что забеременела. (8) После этого Александр стал носить одежду персидских царей и диадему, что не было принято ранее у македонских царей; Александр как будто заимствовал законы у тех, кого победил. (9) Чтобы эта одежда, если он станет носить ее один, не показалась от этого особенно ненавистной, он и друзьям своим приказал одеваться в длинные пурпурные одежды, расшитые золотом. (10) Желая подражать персам в распушенности нравов не менее, чем в одежде, он отобрал среди множества царских наложниц самых красивых и знатных по происхождению и проводил с ними ночи поочередно. (11) Кроме того, он стал устраивать невероятно пышные трапезы, чтобы его образ жизни не казался слишком трезвым и скудным, стал с царственной роскошью справлять пиры с играми, совершенно забыв, что такие нравы ведут не к укреплению мощи, а к потере ее.

4

(1) В эту пору во всем лагере все стали возмущаться тем, что Александр оказался таким вырожденком по сравнению с отцом своим Филиппом, что даже отрекся от своей родины и перенял те самые персидские нравы, вследствие которых персы были побеждены. (2) А чтобы не показалось, что только он один опустился до порочной жизни тех, кто был побежден его оружием, Александр позволил также и своим воинам брать жены тех пленных женщин, с которыми они были в связи. (3) Нолагая, что у солдат будет меньше желания вернуться в родину, если в лагере они почувствуют некоторое подобие домашнего очага и семейной обстановки, (4) и сами военные труды покажутся легче благодаря сладостям брака. (5) Да и новые призывы в армию будут меньше истощать Македонию, если на места отцов-ветеранов будут заступать сыновья-новобранцы, чтобы сражаться у того лагерного вала, у которого они родились, (6) и они будут еще более стойкими, если начало их военной службы пройдет в том же лагере, где стояла их колыбель. (7) Этот порядок сохранился и при преемниках Александра. (8) На детей отпускалось определенное содержа-

ние, юношам выдавалось оружие и снаряжение для коней, а отцам сообразно с числом сыновей было установлено вознаграждение. (9) Дети, у которых отцы погибли в боях, став сиротами, продолжали получать жалованье, которое получали их отцы; их детство, проходившее в военных походах, было своего рода военной службой. (10) С детства закаленные в трудах и опасностях, они становились непобедимыми воинами. Они не знали другого отечества, кроме лагеря, и другой войны, кроме победоносной. (11) Это поколение получило название «эпигонов». (12) Покорив парфян, Александр поставил над ними сатрапом Андрагора, из персидской знати; от него произошли позднейшие парфянские цари.

5

(1) Между тем Александр начал свирепствовать по отношению к своим не как царь, а как враг. (2) Больше всего его уязвляли разговоры близких ему людей, что он-де изменил нравам отца своего Филиппа, нравам своей родины. (3) За такой проступок был казнен ближайший к царю по своему достоинству старый Парменион вместе с сыном своим Филотой. Оба они перед казнью были подвергнуты пыткам. (4) В лагере все начали роптать, сожалея о смерти невинного старика и его сына, между прочим, говорили, что и им всем не придется ждать ничего лучшего. (5) Когда об этом сообщили Александру, он стал опасаться, как бы мнение это не распространилось по Македонии и как бы слава его побед не померкла от его жестокости. Поэтому он сделал вид, что хочет послать на родину некоторых своих друзей вестниками победы. (6) Солдатам же он посоветовал написать родным, сказав, что они все более удаляются от родины и им все реже будет представляться возможность писать письма. (7) Сданные связки писем он приказывает тайно принести к нему. (8) Узнав из этих писем мнение о себе отдельных солдат, он всех тех, кто наиболее резко отозвался о нем, свел в одну когорту, с тем чтобы либо истребить их, либо распределить их по колониям в самых отдаленных областях. (9) После этого он подчинил дрангов, эвергетов, аримаспов, парапамесадов и другие народы, жившие у подножия Кавказского хребта. (10) В это время к нему был приведен в оковах один из друзей Дария — Бесс, тот самый, который не только предал царя, но и убил его. (11) Александр приказал отдать Бесса за его вероломство на истязание брату Дария, считая, что Дарий ему, Александру, был в меньшей степени врагом, чем был в свое время другом тому человеку, который его убил. (12) Для того чтобы в этих областях оставить память о своем имени, Александр основал город Александрию на реке Танаисе, причем в 17 дней была воздвигнута стена в 6 тысяч шагов, и сюда были переселены

жители из 3 городов, основанных Киром. (13) В Бактрии и Согдиане Александр основал 7 городов, расселив в них тех, кого он считал наиболее склонными к мятежу в своем войске.

6

(1) Совершив все это, в один праздничный день Александр созвал друзей на пир. (2) Когда во время пира опьяневшие гости упомянули деяния, совершенные Филиппом, сам Александр стал утверждать, что он выше своего отца, а величие своих подвигов превозносить до небес. Большинство гостей соглашались с ним. (3) Когда же один из стариков, Клит, уверенный в дружеском расположении к себе царя, относившегося к нему лучше, чем ко всем другим, стал защищать память Филиппа и восхвалять его деяния, то царь до такой степени оскорбился этим, что, выхватив копьё у одного из телохранителей, тут же на пиру убил Клита. (4) Ликуя по поводу этого убийства, он стал упрекать мертвеца за то, что он вступился за Филиппа и восхвалял отцовские боевые успехи. (5) Но когда, насытившись этим убийством, он успокоился и гнев сменился размышлением, он стал думать то о самом убитом, то о причине убийства и раскаиваться в своем поступке: (6) стал убиваться о том, что похвалы своему отцу он встретил с таким раздражением, какого он не должен был бы проявить даже при оскорблении его памяти, и о том, что убил друга своего, ни в чем не повинного старика, среди пира, за кубками. (7) Проявляя такую же страстиость в раскаянии, как перед тем в гневе, он хотел умереть. (8) Сначала он разразился рыданиями, обнимал мертвеца, касался его ран и каялся перед мертвым в своем безумии, как будто тот мог его слышать; потом, вырвав из трупа копьё, он обратил его против себя и покончил бы с собой, если бы не вмешались друзья. (9) Это желание умереть сохранялось и в последующие дни. (10) К раскаянию присоединилось воспоминание о кормилице Александра, сестре Клита. Хотя ее не было при нем, ему было особенно стыдно перед той, (11) которой он так гнусно отплатил за то, что она его выкормила, той, на руках которой он провел свое младенчество; став взрослым и победителем, за ее добро отплатил ей погребальным плачем. (12) Он думал о том, сколько пересудов и недоброжелательства вызвал он своим поступком в войске и среди покоренных народов, сколько страха и ненависти — среди своих друзей, (13) сколь горьким и печальным сделал свой пир, оказавшись на нем более опасным, чем вооруженный во время битвы. (14) Тут предстали перед ним и Парменион, и Филота, и двоюродный брат Аминта, и мачеха, и убитые братья, и Аттал, и Еврилох, и Пасаний, и другие первые люди в Македонии, умерщвленные им. (15) От всех этих раздумий Александр 4 дня ничего не ел, пока не упростило его с мольбами все войско не скорбеть так

сильно о смерти одного, чтобы не погубить всех тех, кого он привел к крайним пределам варварского мира, в самую гущу враждебных и раздраженных войной племен. (16) Большую пользу принесли ему и речи филозофа Каллисфена, его близкого товарища с того времени, когда они оба учились у Аристотеля; теперь Каллисфен был приглашен самим царем со- лутствовать ему для увековечения его подвигов. (17) К Алек- сандру снова вернулась его воинственность, и он заставил под- чиниться своей власти хорасмов и даев.

7

(1) Затем он приказал, чтобы его не приветствовали обыч- ным образом, а поклонялись ему, как богу, по обычаю персов, порожденному царской надменностью; ранее Александр воз- держивался от того, чтобы не сделать все введенные им нов- шества равно ненавистными. (2) Среди сопротивлявшихся это- му обычаю самым ярким был Каллисфен, что привело и его, и многих виднейших македонян к гибели; они были казнены якобы как заговорщики. (3) Но в конце концов для македо- нян был все же оставлен прежний способ приветствия царя — без падения ниц. (4) После этого Александр направился в Индию, чтобы границей его державы был Океан и крайний Восток. (5) Чтобы славе этого похода соответствовало и сна- ряжение его войска, Александр приказал посеребрить бляхи на конской сбруе и воинские доспехи, а своих воинов по их серебряным щитам прозвал «аргираспидами». (6) Когда Алек- сандр подступил к городу Нисе, он повелел пощадить жите- лей, которые, правда, и не сопротивлялись ему, полагаясь на его уважение к Отцу Либеру, основавшему город: Александр был рад тому, что он не только уподобился этому богу в во- енных успехах, но даже шел по его следам. (7) Тогда же он повел свое войско посмотреть на священную гору, заросшую естественными дарами природы — виноградными лозами и плющом так, как если бы она была изукрашена руками чело- века, трудом земледельцев. (8) Когда же войско Александра подошло к горе, воины, подчиняясь какому-то внезапному наитию, стали издавать священные вакхические вопли и раз- бежались во все стороны, но, к изумлению своего царя, не по- терпели никакого ущерба, так что Александру стало ясно, что, пощадив город, он сохранил не столько жителей, сколько свое собственное войско. (9) Оттуда он направился к Дедальским горам и к царству царицы Клеофиды. Она отдалась Алексан- дру и получила от него благодаря этому свое царство обратно, добившись путем соблазна того, чего она не смогла достигнуть оружием. (10) Сына, родившегося у нее, она назвала Алек- сандром. Он впоследствии овладел Индийским царством. (11) Царица Клеофида с того времени за несоблюдение цело- мудрия получила от индийцев прозвище царской блудницы.

(12) Совершая поход по Индии, Александр пришел к утесам, необычайно суровым и высоким, на которых нашли себе прибежище многие племена. Он узнал, что землетрясение воспрепятствовало Геркулесу завоевать эти утесы. (13) Охваченный желанием превзойти деяния Геркулеса, он с величайшими усилиями и опасностями овладел ими и подчинил себе в этой местности все племена.

8

(1) Среди индийских царей был один, по имени Пор, одинаково замечательный физической силой и величием духа. (2) Он уже заранее, узнав о намерениях Александра и ожидая его прихода, стал готовиться к войне. (3) Когда началось сражение, Пор приказал своему войску напасть на македонян, а сам потребовал, чтобы царь македонский вступил с ним в бой один на один. (4) Александр не замедлил вступить в бой, но в первой же стычке конь его был ранен, и он стремглав упал с коня на землю; сбежались телохранители и спасли его. (5) Затем Пор был взят в плен весь израненный. (6) Он был в таком отчаянии от своего поражения, что, хотя враг пощадил его, он сам отказывался принимать пищу и не хотел, чтобы лечили его раны; с большим трудом добились от него согласия остаться в живых. (7) Александр, уважая Пору за доблесть, отпустил его невредимым в его царство. (8) Здесь Александр основал 2 города: один из них он назвал Никеей, другой Букефалой, по имени своего коня. (9) Затем он завоевал адрестов, катеанов, преснев, гангаридов, истребив их войска. (10) Когда он дошел до софитов, где навстречу ему выступили 200 тысяч вражеских пехотинцев и 20 тысяч всадников, все его собственное войско, не менее утомленное числом одержанных побед, чем тяжкими походами, со слезами стало умолять его положить конец войнам (11) и вспоминать хотя бы время от времени о возвращении на родину, подумать о возрасте своих воинов — возрасте, который едва ли позволит им надеяться возвратиться на родину. (12) Солдаты стали показывать Александру кто седины, кто ранения, кто свое одряхлевшее тело, кто зарубцевавшиеся раны. (13) Только нам под силу, говорили они, вынести на своих плечах непрерывные походы двух царей — Филиппа и Александра. (14) Наконец стали они просить, чтобы Александр дал возможность успокоиться в отеческих гробницах тем, кто должен покинуть его не из-за недостатка рвения, а из-за своего возраста; (15) пусть он пощадит если не воинов, то самого себя и не ищет свою судьбу, чрезмерно ее испытывая. (16) Александр, тронутый этими справедливыми жалобами, как бы в знак завершения своих побед приказал построить лагерь, далеко превосходящий обычные лагеря. Сооружение это должно было внушать врагу страх, а потомству — изумление. (17) Ни одно-

го сооружения войны не воздвигали с большей радостью. Затем, разгромив врага, они возвратились с ликованием в этот самый лагерь.

9

(1) Отсюда Александр дошел до реки Акесин, по которой доплыл до Океана. (2) Здесь ему сдались государства агенсонов и сибов, которые основал Геркулес. (3) Отсюда он поплыл на судах к мандрам и судракам. Эти народы выставили против него 80 тысяч пехотинцев и 60 тысяч всадников. (4) Выйдя

Александр-всадник. Бронза

победителем из сражения, Александр подступил с войском к их городу. (5) Он первым поднялся на городскую стену и, увидев, что город покинут своими защитниками, прыгнул на свободное пространство между стеной и домами один, без телохранителей. (6) Когда враги увидели, что Александр совершенно один, они, подняв крик, сбежались со всех сторон, чтобы, если удастся, сняв одну голову, покончить с войной во всем мире и отомстить за столько народов. (7) Но и Александр сопротивлялся с не меньшей стойкостью и сражался один против многих тысяч. (8) Трудно поверить, но его не испугало ни множество врагов, ни туча дротиков, ни неистовые крики нападающих; он один отражал полчища врагов и обращал их в бегство. (9) Когда же он увидел, что на него нападают толпы врагов, он прислонился спиной к стволу дерева, росшего у стены, (10) и благодаря этой поддержке оставаясь невредимым, долго выдерживал вражеский натиск, пока наконец увидев, что Александр находится в опасности, друзья не пришли на помощь, прыгнув к нему со стены. Многие из них были убиты. (11) Исход сражения был сомнителен до тех пор, пока царь не убил того, кем был ранен. (12) Лечение раны было тяжелее, чем самая рана.

10

(1) Спасшись в конце концов из такого отчаянного положения, Александр отправил в Вавилон войско под начальством Полиперхонта, а сам с отрядом избранных воинов, сев на корабли, поплыл вдоль берегов Океана. (2) Когда он прибыл к городу царя Амба, горожане, прослышав про то, что железным оружием Александра победить нельзя, напятили стрелы ядом, от этого раны были вдвойне смертельны; отражая от стен города врага, осажденные убили множество воинов. (3) Когда среди многих других был ранен и Птолемей и уже казалось, что он вот-вот умрет, самому царю в сведении была указана трава, исцеляющая от яда. Когда Птолемей принял отвар этой травы, он немедленно избавился от опасности. Этим же средством была сохранена большая часть войска. (4) После того как город был взят, Александр возвратился на корабли и совершил жертвенные возлияния Океану, испрашивая благополучного возвращения на родину. (5) Подобно тому как возничий обводит колесницу вокруг меты, так Александр положил пределы своему государству там, где земля еще не стала непроходимой пустыней, а море еще судоходно; затем, пользуясь благоприятным течением, он вошел на кораблях в реку Инд. (6) Здесь он основал город Барку как памятник совершенных им подвигов. Тут же он воздвиг алтари и одного из друзей своих оставил здесь наместником для управления прибрежными племенами индийцев. (7) Отсюда он намеревался совершить обратный поход по суше. Так как гово-

рили, что в средней части пути его ожидают безводные пространства, он приказал вырыть в подходящих местах колодцы, которые оказались очень богаты пресной водой, и возвратился в Вавилон. (8) Там многие покоренные племена принесли ему жалобы на его наместников. Александр приказал казнить их на глазах у послов, не принимая во внимание того, что среди них были его друзья. (9) После этого он женился на дочери Дария Статире (10) и знатым македонянам дал в жены самых знатных девушек, выбранных из всех покоренных племен, чтобы проступок царя был как бы смягчен такими действиями его приближенных.

11

(1) В это время Александр созвал войско на собрание и обещал воинам заплатить все их долги из личных средств, чтобы они могли увезти свою добычу и награды домой целиком. (2) Эта щедрость была исключительной не только по сумме, которую следовало уплатить, но также и потому, что она была почетным подарком, принятым кредиторами с меньшей благодарностью, чем должниками. Ибо и тем и другим было бы трудно — одним взыскивать, а другим выплачивать долги. (3) На это дело было израсходовано 20 тысяч талантов. (4) Освободив от военной службы ветеранов, Александр пополнил войско воинами более молодого возраста. (5) Но те, которые не получили отставки, были недовольны отставкой ветеранов и сами требовали увольнения. Они требовали, чтобы принимали в расчет не их годы, а их военную службу. Их взяли на службу одновременно с ветеранами, поэтому они считали справедливым, чтобы их освободили от присяги тоже одновременно с ними. (6) Далее они от просьб перешли к оскорблениям, требуя, чтобы Александр вел войны с помощью только своего отца Аммона, раз он так мучает своих солдат. (7) Александр то резко, то ласково уговаривал их не позорить славы своих боевых заслуг мятежами. (8) В конце концов видя, что речи ни к чему не ведут, Александр, чтобы захватить зачинщиков, спрыгнул с трибуны безоружный в вооруженную толпу и без чьего-либо сопротивления сам отвел 13 человек, захваченных им лично, на место казни. (9) Так решительно повел он их на смерть, так покорно пошли они на смерть из страха перед царем, и все это из-за привычки к военной дисциплине.

12

(1) Затем на особом собрании Александр обратился с речью к персидским вспомогательным отрядам. (2) Он напоминал о милостях, которые он оказывал персам, о том, что он смотрел на персов не как на побежденных, а как на своих соотечественников, о том, что он сам перенял их нравы, а не принудил

их принять нравы македонского народа и путем браков смешал побежденных с победителями. (3) А теперь, сказал он, и охрану своей особы он намереваетсяверить не только македонянам, но и персам. (4) С этой целью он отобрал себе тысячу молодых персов в телохранители. Также часть персидских вспомогательных отрядов, обучив по образцу македонского войска, он ввел в состав своего войска. (5) Македоняне негодовали на это, говоря, что царь врагам передал ту службу, которая до сих пор принадлежала им. (6) Все они со слезами обступили царя и просили его утолить свой гнев против них наказаниями, а не оскорблениями. (7) Этим изъявлением покорности они добились того, что Александр уволил со службы еще 11 тысяч ветеранов. (8) Из друзей Александра получили увольнение старики: Полиперхонт, Клит, Горгий, Полидам, Аммад, Антиген. (9). Во главе уволенных был поставлен Кратер, которому было приказано управлять македонянами вместо Антипатра, а Антипатра Александр вызвал к себе на место Кратера с пополнением из новобранцев. (10) Возвращающимся на родину было положено такое же жалованье, как и находящимся в действующей армии. (11) Пока все это происходило, умер один из друзей Александра — Гефестион. Сначала он был дорог царю юношеской своей красотой, а потом своими заслугами. (12) Александр оплакивал его так долго, как не подобало царю, поставив ему памятник в 12 тысяч талантов, и приказал почитать его после смерти, как бога.

13

(1) Когда Александр возвращался с отдаленных берегов Океана в Вавилон, ему сообщили, что в Вавилоне ожидают его возвращения посольства из Карфагена и других африканских государств, а также из Испании, Галлии, Сицилии, Сардинии и некоторых италийских государств. (2) До такой степени весь мир испытывал страх перед его именем, что все народы заискивали перед ним, как будто считая его предназначенным себе в цари. (3) В то время как Александр по этой причине спешил в Вавилон, как бы намереваясь собрать там весь мир, некий маг предупредил его, чтобы он не въезжал в этот город, утверждая, что это место для него будет гибельным. (4) Поэтому Александр, оставив Вавилон в стороне, вступил в город Борсиппу, по ту сторону Евфрата, давно уже покинутый жителями. (5) Здесь под влиянием философа Анаксарха Александр стал относиться к предсказаниям магов как к ложным и недостоверным, ибо, если они совпадают с великими рока, они сократы от смертных, а если они отражают естественный ход вещей, то они неотвратимы. (6) Поэтому, вернувшись в Вавилон, он много дней отдыхал и торжественно возобновил прерванные вследствие походов пиры. (7) Он весь предался развлечениям, и однажды, когда, пропировав

целый день и присоединив к нему ночь, он уже собрался уходить с пира, его самого с его сотоварищами по пиру фессалиец Медий пригласил к себе возобновить пирушку. (8) Александр принял кубок, а когда выпил его до половины, то внезапно, точно пронзенный копьем, застонал, (9) был унесен с пира полумертвым и так жестоко страдал от боли, что умолял дать ему оружие вместо лекарства; даже легкое прикосновение причиняло ему такую же боль, как рана. (10) Друзья Александра распространили слух, что болезнь царя произошла от неумеренного пьянства. На самом же деле это было коварное убийство, гиусность которого мощным преемникам Александра удалось скрыть.

14

(1) Заговор задумал Антипатр, видевший, что казнены лучшие друзья царя, что убит его зять Александр Линкест; (2) да и сам Антипатр, несмотря на совершенные им в Греции подвиги, заслужил у Александра не столько благодарность, сколько ненависть. (3) Мать Александра, Олимпиада, тоже оскорбляла Антипатра разными клеветами. (4) К этому добавилось еще и то обстоятельство, что совсем недавно подверглись страшной казни наместники завоеванных областей. (5) Поэтому Антипатр молагал, что и его вызвали из Македонии не для участия в военных походах, а для расправы. (6) Он подготовил сына своего Кассандра, который обычно прислушивал царю с братьями, Филиппом и Иоллою, к покушению на царя. Антипатр дал Кассандру яд. (7) Сила этого яда была такова, что его нельзя было хранить ни в медных, ни в железных, ни в глиняных сосудах, а переносить его можно было только в посуде из конского копыта. Антипатр предупредил сына, чтобы он не доверял никому, кроме как фессалийцу и братьям. (8) По этой-то причине у фессалийца все было заранее подготовлено для царя и у него же было продолжено пиршество. (9) Филипп и Иолла должны были заранее пробовать и разбавлять водой питье для царя; яд у них был влит в холодную воду; ею и разбавили питье, которое перед этим испробовали.

15

(1) Когда на четвертый день Александр почувствовал несомненный конец, он сказал, что видит в этом рок, тяготеющий над его родом, ибо большинство Эакидов умирало в возрасте до тридцати лет. (2) Затем он сам успокоил солдат, волновавшихся и подозревавших, что царь пал жертвой заговора. Александра перенесли на самое высокое место в городе; он позволил всем воинам лицезреть себя и давал им, плачущим, для поцелуя свою правую руку. (3) В то время как все вокруг него плакали, он не только не проронил ни одной слезы, но

даже не обнаружил никаких признаков скорби, а некоторых, особенно сильно горевавших, утешал, некоторым давал поручения к их родителям — (4) до такой степени дух его был непоколебим не только перед врагом, но и перед самой смертью. (5) Отпустив солдат, он спросил друзей, стоявших вокруг него: как им кажется, найдут ли они царя, подобного ему? (6) Все молчали. Тогда он сказал им, что этого он и сам не знает, однако только он знает и предсказывает, почти видит своими глазами, как много крови прольет Македония в распрях, сколько убийств, сколько крови принесут ему как погребальную жертву. (7) В конце концов он приказал похоронить свое тело в храме Аммона. (8) Когда друзья заметили, что он кончается, они спросили: кого он назначает наследником своей державы? Он ответил: достойнейшего. (9) Столь велика была мощь его духа, что, хотя он оставлял после себя сына Геркулеса, брата Арридея и беременную жену Роксану, он, забывая об узах родства, своим преемником объявил «достойнейшего». (10) И поистине не подобало бы наследовать престол такого могучего мужа кому-либо иному, кроме столь же могучего, и столь могущественной державе достаться кому-либо другому, а не испытанным людям. (11) Этим словом он как бы подал своим друзьям сигнал к бою и бросил им его, как яблоко раздора; с этой минуты все стали соперниками друг другу, стремились подольститься к толпе, начал тайно добиваться поддержки у войска. (12) На шестой день, когда Александр уже не мог говорить, он передал Пердикке перстень, сняв с пальца. Это приостановило разгоревшуюся было распрю между его друзьями. (13) Хотя и не словами был назначен наследник, однако было видно, что он избран по воле умирающего.

16

(1) Скончался Александр тридцати трех лет и одного месяца от роду. Это был человек, стоявший выше человеческой природы благодаря могуществу своего духа. (2) В ночь, когда мать Александра, Олимпиада, зачала его, она увидела себя во сне обвитой громадным змеем. Сон ее не обманул, ибо, конечно, дитя, которое она носила в своем чреве, не могло быть рождением смертного. (3) Олимпиада, происходившая из рода Эакидов, прославленного с древнейших времен, от славнейших предков, была дочерью, сестрой и женой царей, но никем так не прославилась, как сыном. (4) При самом рождении Александра явились некие знамения его величия. (5) Ибо в тот самый день, как он родился, целый день на коньке кровли над дворцом его отца сидели два орла, предвещавшие двойную власть — в Европе и в Азии. (6) В тот же день отец его получил весть о двух победах — в Иллирийской войне и на олимпийских играх, куда Филипп послал на состязания квадригн. Это знамение предвещало новорожденному победу над всеми

странами. (7) Мальчик с большим рвением учился наукам. (8) Подростком Александр имел в течение 5 лет наставником Аристотеля, славнейшего из всех философов. (9) Затем, получив власть, Александр приказал именовать себя царем всех стран мира (10) и внушил воинам своим такую веру в себя, что в его присутствии они, даже безоружные, не боялись никакого вооруженного врага. (11) Поэтому не было ни одного врага, которого бы он не победил, не было ни одного города, которого бы он не взял, ни одного народа, которого бы он не покорил. (12) В конце концов он был сломлен не вражеской доблестью, но коварством приближенных и предательством подданных.

Плутарх

АЛЕКСАНДР

1

Собираясь написать в этой книге биографии Александра и Цезаря, победившего Помпея, я вследствие множества событий, о которых предстоит рассказать, вместо всякого предисловия попрошу только моих читателей об одном — не возводить на меня пустых обвинений, если я подробно и тщательно не описываю всех знаменательных деяний, а пропускаю большую часть из них. Я пишу не историю, а биографию; высокие и низкие качества не всегда обнаруживаются в деяниях славнейших; какое-нибудь незначительное дело или слово, какая-нибудь шутка рисуют характер человека больше, чем сражения, в которых гибли тысячи людей, громкие победы и осады городов. Художники схватывают черты лица и тот общий вид, в котором отражается характер человека, мало уделяя внимания остальным частям тела; да будет же позволено и мне больше проникнуть в глубины души и на основании ее свойств изобразить жизнь каждого, предоставив другим говорить о великих делах и сражениях.

2

Считается несомненным, что Александр принадлежал по отцу к Гераклидам, потомкам Карана, а по матери к Эакидам, потомкам Неоптолема. Рассказывают, что, когда Филиппа, еще юношей, посвящали на Самофраке в мистерии, он влюбился в Олимпиаду, молоденькую девушку, сироту, которую посвящали одновременно с ним. Он уговорил ее брата Аримба, и свадьба их была слажена.

Накануне брачной ночи невесте приснилась гроза: молния попала ей в живот, и от громового удара вспыхнуло огромное пламя, разнесшееся языками во все стороны и затем погасшее. Филипп уже после брака увидал во сне, будто он накладывает жене печать на живот, а на печати вырезан, как ему показалось, лев. Гадатели испугались этого сновидения и советовали

ему как можно строже следить за своей женой, и только Аристандр из Телмесса сказал, что жена его беременна — ничего пустого ведь не запечатывают — и родит сына мужественного, подобного льву. Видели однажды, что рядом со спавшей Олимпиадой лежал, вытянувшись, змей. Рассказывают, что это очень охладило любовь и расположение Филиппа к жене: он перестал часто навещать ее из страха ли, что жена околдует или отравит его, или же из почтения перед союзом ее с существом высшим. Есть об этом и другой рассказ: все тамошние женщины, одержимые Диоисом с очень давнего времени, причастны к его оргиям и орфическим мистериям; им дано прозвище «клодоны» и «мималлоны», и они ведут себя сходно с тем, как ведут себя эдонянки и фракиянки, живущие около Гема... Олимпиада, больше других жаждавшая божественной одержимости и восторга, брала с собой в фиасы по варварскому обычаю больших ручных змей, которые пугали мужчин, высовываясь из плюща и священных корзин и обвиваясь вокруг тирсов и венков, которые были у женщин.

3

Филипп после своего видения послал в Дельфы Херона, уроженца Мегалополя. Рассказывают, что он привез от бога повеление приносить жертвы Аммону и особенно чтить этого бога. Царь ослеп на один глаз, именно на тот, которым он подсмотрел, приложившись к дверной щели, что бог в образе змея возлег вместе с его женой. Олимпиада, как рассказывает Эратосфен, провожая Александра в поход, только ему открыла святую тайну его рождения и велела ему достойно мыслить о своем происхождении. Другие же говорят, что она считала священной обязанностью опровергать это и восклицала: «Перестанет ли Александр клеветать на меня перед Герой!».

Александр родился в начале месяца гекатомбеона, который македонцы называют лоем, 6-го числа, в тот самый день, когда был подожен храм Дианы Эфесской. По этому случаю Гекесий, уроженец Магнесии, изрек остроу столь водянистую, что она могла бы затушить этот пожар: естественно было храму Артемиды сгореть: богиня была занята, принимая роды у Олимпиады. Маги, случившиеся в это время в Эфисе, сочли несчастье с храмом предвестием другого несчастья; бегая по городу, они били себя по лицу и кричали, что в этот день родилось проклятие для Азии, родилась великая беда для нее. Филиппу, только что взявшему Потидею, пришлось одновременно три известия: Парменион в большом сражении разбил иллирийцев; на олимпийских играх одержал победу его скакун; родился Александр. Филипп, конечно, всему этому обрадовался, и радость его еще увеличилась от уверения предсказателей, объявивших, что ребенок, родившийся в день тройной победы, будет непобедим.

Облик Александра лучше всего передают статуи Лисиппа. Александр только его удаивал чести изображать себя. Художник в точности подметил у Александра легкий наклон головы влево и томность во взгляде — тому и другому особенно старались подражать впоследствии многие из диадохов, друзей царя. Апеллес изобразил Александра с молнией в руке, но не смог передать цвета его кожи: он сделал ее более темной, коричневой. Она же была у него, говорят, белой; белизну эту заливало румянцем на груди и на лице. В воспоминаниях Аристоксена, мы прочли, что от кожи у него очень приятно пахло; дыхание было благоуханным, как и тело, настолько, что благоуханием этим пропитаны были его хитоны. Причиной этого было, может быть, наличие в его теле очень горячего, огненного элемента: благоухание ведь происходит, как думает Феофраст, от исчезновения влаги под действием тепла. Поэтому в сухих, выжженных областях и находится большая часть растений, дающих самые лучшие ароматы: солнце уничтожает влагу, то есть ту материю, которая находится на поверхности тел и вызывает гниение. Наличие в теле горячего элемента заставляло его пить и делало вспыльчивым.

Еще в отроческом возрасте проявился его здравый смысл: неистовый и неудержимый в остальном, он был равнодушен к телесным наслаждениям и очень в них умерен. Честолюбия же и благородной гордости преисполнен был не по возрасту. Дорожил он, однако, не всякой похвалой и не от всякого; Филипп мог, словно софист, хвастаться своим красноречием и чеканить монеты с изображением своих колесниц, победивших на олимпийских играх. Когда Александра спросили, не хочет ли он состязаться на этих играх в беге, а бегал он быстро, он ответил: «Да, если моими соперниками будут царя». Атлетов же он, по-видимому, недолюбливал; устраивая множество состязаний не только между трагиками, флейтистами и кифаредами, но и между рапсодами, всевозможными охотниками и фехтовальщиками, он был скуп на награды кулачным бойцам и панкратистам.

Ему пришлось однажды в отсутствие Филиппа принять послов, прибывших от персидского царя. Он подружился с ними и покори их своей любезностью и своими вопросами, в которых не было ничего детского и пустого. Он расспрашивал о длине дорог, о том, как пройти в глубь Азии, об отношении царя к войне, о силе персидского войска. Послы приходили в изумление, прославленная мудрость Филиппа стала казаться им ничтожной по сравнению с великими замыслами его сына. Всякий раз при известии о том, что Филипп взял знаменитый город или одержал славную победу, Александр мрачнел и го-

ворил, обращаясь к сверстникам: «Отец все забирает себе сам. Мне с вами не достанется совершить ни одного великого, блистательного дела». Мечтая не об удовольствиях и богатстве, но о подвигах и славе, он думал, что чем больше он примет от отца, тем меньше придется совершить ему самому. Он считал, что отцовскими удачами уничтожена возможность его деятельности, и хотел не денег, не роскоши, не наслаждений, а власти, за которую надо бороться, добывая ее войнами и соперничеством.

Воспитанием его, как и положено, занималось много людей; были тут дядьки, воспитатели и учителя. Первое место среди них занимал Леонид, человек строгих нравов, родственник Олимпиады. Он не отказывался от имени воспитателя, полагая, что дело воспитания — дело прекрасное и славное, но другие считали его только дядькой и наставником Александра в силу его высокого места и родства с царским домом. Настоящим воспитателем, который и присвоил себе это имя, был Лисимах, акарнанец родом. В нем совершенно не было городского лоска, но так как он сам называл себя Фениксом, Александра — Ахиллом и Филиппа — Пелеем, то его любили и он занимал второе место.

6

Фессалиец Филоник привел к Филиппу Букефала, предлагая его за 13 талантов. Спустились в равнину испытать лошадь — она казалась норовистой и совершенно неукротимой: сесть на себя она не давала, никого из спутников Филиппа не слушалась и перед каждым взвивалась на дыбы. Филипп рассердился и приказал уже увести коня, потому что он совершенно дик и необъезжен, но тут Александр, находившийся здесь же, воскликнул: «Какую лошадь теряют по своему неумению обращаться с лошадьми и по своей трусости!» Филипп сначала промолчал, но после нескольких взволнованных восклицаний Александра заметил ему: «Ты порицаешь старших, будто сам знаешь больше и умеешь лучше обращаться с лошадью!» — «Конечно, — ответил тот, — я с ней лучше справлюсь, чем кто-либо другой!» — «А если нет, то как наказывать тебя за эту дерзость?» — «Я заплачу цену лошади».

Поднялся смех; отец с сыном точно условились насчет денег. Александр тут же подбежал к лошади, взял ее за узду и повернул к солнцу: по-видимому, он заметил, что конь начинал беспокоиться при виде собственной двигавшейся перед ним тени. Немного пробежав с ним рысью и оглаживая его, Александр, видя, как он ретив и силен, тихонько сбросил хламиду, вскочил на него и крепко уселся верхом. Сначала он натягивал узду и придерживал лошадь, не дергая ее и не ударяя, а когда увидел, что конь усмирился и рвется бежать, отдал повод и погнался коня, грозно покрикивая и ударяя его ногами.

Спутники Филиппа сначала замерли от страха и молчали; когда же Александр повернул прямо к ним, гордый и ликующий, все подняли радостный крик; отец же, говорят, проследил за радостью, а когда сын сошел с коня, поцеловал его в голову и сказал: «Дитя мое, поищи царства по себе; Македония для тебя тесна».

7

Наблюдая за его неподатливым характером, увидели, что Александр упорствовал в споре, если его принуждали: насилие его возмущало, а убеждением легко было направить его на должный путь. Филипп и сам старался скорее убеждать его, а не приказывать. Не особенно доверяя надзору и влиянию учителей, обучавших Александра музыке и разным предметам (тут требовалось и больше труда, и, говоря словами Софокла, «узда покрепче и ярмо с кольцом»), он пригласил Аристотеля, самого славного философа и ученого, и заплатил ему за труды достойным и прекрасным образом: восстановил город Стагиры, разрушенный им же (Аристотель был оттуда), и вернул обратно граждан, бежавших или находившихся в рабстве. Местом для занятий и бесед он назначил рощу около Миезы, посвященную нимфам. До сих пор там показывают каменные скамейки, на которых сидел Аристотель, и тенистые аллеи для прогулок. Александр, по-видимому, не только изучал этику и науку об управлении государством, но был приобщен к учениям сокровенным и более глубоким, которые именуется «изуственными и тайными» и широкому кругу людей не сообщаются. Находясь уже в Азии и узнав, что Аристотель издал некоторые рассуждения об этих учениях, он написал ему откровенное письмо, с которого приводится здесь копия: «Александр желает Аристотелю благополучия. Ты поступил неправильно, издав рассуждения о предметах, которым поучают только устно. Чем будем мы отличаться от остальной толпы, если все знакомятся с теми учениями, в соответствии с которыми мы были воспитаны? Я желал бы отличаться от других не могуществом, а опытным знанием самого важного. Будь здоров». Аристотель, успокаивая его честолюбие, защищался тем что эти рассуждения его и изданы и как бы не изданы. Действительно, в его физике нет ни одного положения, которое годилось бы для элементарного обучения, но она является образцом для людей, основательно знакомых с философией.

8

Мне кажется, что и любовь к медицине Александру привил преимущественно Аристотель. Александр не только любил теорию медицины, но и оказывал помощь своим больным друзьям, назначая им лечение и образ жизни, как это можно видеть из его писем. Он от природы любил науку и был любо-

знателен. Считая, что Илиада возбуждает к воинской доблести, он взял экземпляр ее, исправленный Аристотелем (его называли «из ящичка»), который, по сообщению Онесикрита, держал всегда под подушкой вместе с кинжалом. Не имея книг в глубине Азии, он велел Гарпалу прислать их ему. Гарпал выслал сочинения Филиста, подряд трагедии Эврипида, Софокла и Эсхила, дифирамбы Телеста и Филоксена. Аристотелем он вначале восхищался и любил его, по собственным его словам, не меньше, чем отца; один дал ему жизнь, но другой научил хорошо жить. Впоследствии он стал относиться к нему подозрительно; зла не делал, но в их отношениях не было прежней горячей любви: они охладели друг к другу. Любовь к философии, однако, врожденная и возраставшая с годами, не иссякла в его душе: об этом свидетельствуют и уважение его к Анаксарху, и отправка 50 талантов Ксенократу, и почет, которым окружил он Дандама и Калана.

9

Когда Филипп отправился в поход против византийцев, Александру было 16 лет. Оставшись полноправным распорядителем македонских дел и государственной печати, он покорил отпавших маэдов, взял их город, варваров выгнал, поселил пришельцев из разных городов и город этот назвал Александрополем. Он лично принимал участие в битве против эллинов при Херонее и, говорят, первый бросился на «священный отряд» фиванцев. Еще и в наше время показывают на берегу Кефиса древний дуб, который называют «Александровым»: под ним была раскинута его палатка; невдалеке находится общая могила македонцев. Филипп теперь особенно полюбил сына (это и естественно) и радовался, когда македонцы называли Александра царем, а его полководцем. Однако домашние неурядицы, вызванные браками и любовными похождениями Филиппа (гинекей и государство страдали в какой-то степени совместно), привели к тяжкому раздору, который Олимпиада, женщина с тяжелым характером, ревнивая и раздражительная, еще обострила, подстрекая Александра. В полной мере раздор этот вывился Аттал на свадьбе Филиппа с Клеопатрой, которую Филипп взял в жены молоденькой девушкой, влюбившись в нее не по возрасту. Ее дядя Аттал, подвыпивши, начал уговаривать македонцев молиться богам о том чтобы от Филиппа и Клеопатры родился законный наследник царства. Александр рассердился и, крикнув: «А, по-твоему, болван, я незаконный?» — швырнул в Аттала чашей. Филипп бросился на Александра с мечом, но, к счастью для обоих, споткнулся, раздраженный и пьяный, и упал. «Вот, — сказал с издевкой Александр, — собирается перешагнуть из Европы в Азию человек, который свалился, шагая от ложа к ложу!»

После этой пьяной дерзости Александр взял с собой Олим-

пиаду и, устроив ее в Эпире, жил сам у иллирийцев. В это время коринфянин Демарат, друг царского дома, привыкший говорить с царем откровенно, приехал к Филиппу. После первых приветствий Филипп спросил, в согласии ли живут между собой эллины. «Тебе, Филипп, как раз и пристало заботиться об Элладе, когда в твоём собственном доме такая распря и столько злобы по твоей вине». Филипп одумался, послал за Александром Демарата и при его посредничестве убедил его вернуться.

10

Пиксодар, сатрап Кари, рассчитывая через родственные связи втереться в союз с Филиппом, задумал выдать свою старшую дочь замуж за Арридея, Филиппова сына, и послал для переговоров об этом в Македонию Аристокрита. Опять пошли разговоры; друзья и мать стали наговаривать Александру, будто Филипп намерен в расчете на брачные связи со знатным домом и на большие богатства протолкнуть на престол Арридея. Александра это сильно взволновало, и он послал трагического актера Фессала в Карию к Пиксодару сказать ему: пусть он оставит незаконнорожденного и слабоумного Арридея и войдет в свойство с Александром. Пиксодару это понравилось гораздо больше его прежних планов. Филипп, узнав, что Александр в спальне, пришел к нему, взяв с собой Филоту, сына Пармениона, одного из ближайших друзей Александра; он осыпал его бранью и горькими укоризнами: если ему хочется стать зятем карийца, состоящего рабом у варварского царя, то он человек неблагородный и недостойн благ, у него имеющих. Коринфянам он написал, чтобы они отправили Фессала обратно в цепях. Других товарищей Александра, Гарпала, Неарха, Эдигия и Птолемея, он выслал из Македонии. Александр впоследствии их вернул, и они занимали при нем высокие посты.

Когда Павсаний, оскорбленный Атталом и Клеопатрой, не находя заступничества, убил Филиппа, то вина в этом убийстве пала главным образом на Олимпиаду, потому что она подговаривала и подстрекала юношу, уже и так раздраженного. Клевета, однако, не обошла и Александра. Рассказывают, что, встретившись с Павсанием, который стал плакаться на оскорбление, ему нанесенное, Александр произнес стих из «Медеи»:

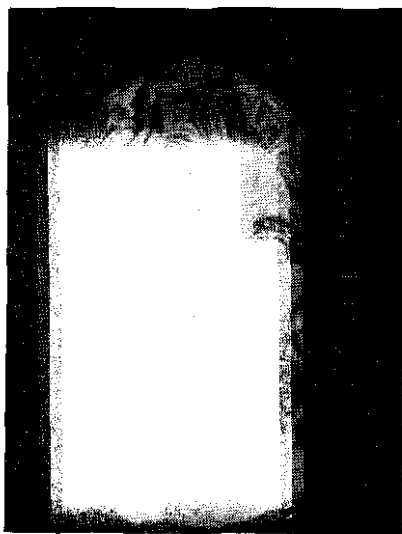
«...отца, невесту, также жениха».

Тем не менее он разыскал участников заговора и наказал их и очень негодовал на Олимпиаду, жестоко расправившуюся в его отсутствие с Клеопатрой.

11

Он принял царскую власть 20 лет от роду; великое недоброжелательство, страшная ненависть и опасности окружали его со всех сторон. Соседние варварские племена не желали

находиться в рабстве и мечтали о собственных, родных царях; что касается Эллады, то Филипп покорил ее войной, но у него не было времени наложить на нее ярмо и приручить. Он внес в ее дела только перемены и смятение: все после него находилось в движении и колебании, и это было совсем непривычно. Македонцы испугались наступившего момента: по их мнению, Александру следовало вообще оставить Элладу в покое и не прибегать к силе; отпавших же варваров вернуть обратно кротостью, а главарей восстания привлечь на свою сторону. Исходя из мыслей противоположных, Александр взялся за восстановление и утверждение порядка, действуя отважно и решительно: он считал, что при малейшей слабости, которую в нем обнаружат, все объединится против него. С варварскими восстаниями и войной в тех местах он покончил, стремительно дойдя с войском до Истра, где он победил в большом сражении Сирма, царя трибалов. Узнав, что фиванцы собираются восстать и афиняне с ними единодушны, он сейчас же провел войско через «Ворота», сказав при этом, что Демосфену, который называл его мальчишкой, когда он был у илирийцев и трибалов, и отроком во время пребывания его в Фессалии, он хочет явиться мужем под стенами Афин. Подойдя к Фивам и давая возможность еще раскаяться в содеянном, он требовал только выдачи Феника и Профита, обещая неприкосновенность всем, кто примет его сторону. Когда фиванцы в свою очередь потребовали от него выдачи Филоты и Антипатра и объявили, что зовут к себе всех, кто хочет заодно с ними действовать для освобождения Эллады, тогда Александр двинул своих македонцев. Странники фиванцев сражались с мужеством и упорством, несмотря на то что против них были силы более многочисленные, но когда македонский гарнизон, оставив и Кадмею, зашел к фиванцам в тыл, то большинство, попав в окружение, пало, сражаясь; город был взят, разграблен и совершенно разрушен. Александр вообще рассчитывал, что греки, потрясенные таким бедствием, присмиреют и утихнут, но в особую себе заслугу ставил, что он вынял жалобам своих союзников: фокейцы и платейне выступали с обвинениями против фиванцев. Он продал в рабство около 30 тысяч фиванцев—

Голова Александра

же провел войско через «Ворота», сказав при этом, что Демосфену, который называл его мальчишкой, когда он был у илирийцев и трибалов, и отроком во время пребывания его в Фессалии, он хочет явиться мужем под стенами Афин. Подойдя к Фивам и давая возможность еще раскаяться в содеянном, он требовал только выдачи Феника и Профита, обещая неприкосновенность всем, кто примет его сторону. Когда фиванцы в свою очередь потребовали от него выдачи Филоты и Антипатра и объявили, что зовут к себе всех, кто хочет заодно с ними действовать для освобождения Эллады, тогда Александр двинул своих македонцев. Странники фиванцев сражались с мужеством и упорством, несмотря на то что против них были силы более многочисленные, но когда македонский гарнизон, оставив и Кадмею, зашел к фиванцам в тыл, то большинство, попав в окружение, пало, сражаясь; город был взят, разграблен и совершенно разрушен. Александр вообще рассчитывал, что греки, потрясенные таким бедствием, присмиреют и утихнут, но в особую себе заслугу ставил, что он вынял жалобам своих союзников: фокейцы и платейне выступали с обвинениями против фиванцев. Он продал в рабство около 30 тысяч фиванцев—

всех, за исключением жрецов, тех, кто водил дружбу с македонцами, потомков Пиндара и противников партии, голосовавшей за восстание. Убитых было больше 6 тысяч.

12

В числе великих и тяжких страданий, обрушившихся на город, случилось вот что: какие-то фракийцы вломились в дом Тимоклеи, известной в городе и целомудренной женщины. Воины разграбили имущество, а предводитель их силой овладел Тимоклеей, а затем стал ее допрашивать, не спрятала ли она где-нибудь золота или серебра. Она ответила утвердительно, пошла с ним одним в сад, показала ему колодец и сказала, что, когда город был взят, она бросила туда самое ценное из вещей. Фракиец нагнулся и стал внимательно вглядываться в это место; она же, стоя сзади него, столкнула его в колодец и убила, забросав множеством камней. Фракийцы связали ее и привели к Александру. Самый вид ее и походка говорили о достоинстве и благородстве; спокойно и бесстрашно следовала она за теми, кто ее вел. На расспросы царя, кто она, она отвечала, что она сестра Феагена, стратега, сражавшегося против Филиппа за свободу эллинов и павшего при Херонее. Александр с большим уважением отнесся к ней и за ответ, и за ее поступок и велел освободить ее с детьми.

13

С афинянами он помирился, хотя они тяжело переживали несчастье Фив. Горе заставило их отказаться от предстоящего празднества мистерий, а бежавших фиванцев они приняли со всем гостеприимством. Утолил ли Александр, подобно льву, весь свой гнев или он хотел уравновесить жестокое и черное дело делом милостивым, но он не только простил Афинам всякую вину, но и распорядился, чтобы они ведали делами Эллады, а если с ним что случится, то стали бы во главе ее. Говорят, что впоследствии он неоднократно сокрушался о бедствиях фиванцев и со многими из них обошелся мягко. Вообще же и свой поступок с Клитом, совершенный в пьяном виде, и поведение македонцев, струсивших перед индами, которое помешало ему закончить поход и умалило его славу, он приписывает гневу Диониса и его отмщению. Не было ни одного из уцелевших фиванцев, которому бы он при встрече с ним отказал в просьбе. Вот и достаточно о фиванцах.

14

Греки, собравшись на Истме, порешили выступить против персов совместно с Александром, который и был провозглашен военачальником. Много государственных людей и философов

приходило к нему с поздравлениями. Александр рассчитывал, что то же сделает и Диоген синопский, находившийся в это время в Коринфе. Он проживал в Кранейе и об Александре вовсе и не думал. Царь отправился к нему сам; философ лежал, растянувшись на солнце. Он поднялся немного, увидев столько людей, и поглядел на Александра. Тот поздоровался с ним и спросил, не нужно ли ему чего-нибудь? «Отойди немного от солнца», — ответил Диоген. Рассказывают, что Александр был так поражен этим пренебрежением, свидетельствующим о душевной высоте человека, что, когда на обратном пути его спутники смеялись и издевались над Диогеном, он сказал: «Если бы я не был Александром, хотел бы я быть Диогеном!»

Желая вопросить бога о своем походе, он отправился в Дельфы. Тут как раз случились «несчастливые дни», когда не положено давать предсказаний. Александр послал сначала за жрицей. Она отказалась прийти, ссылаясь на закон. Тогда он сам поднялся к ней и силой потащил ее к храму; словно побежденная его усердием, она воскликнула: «Ты непобедим, дитя мое!» Услышав эти слова, Александр сказал, что никакого предсказания ему больше и не надо: он получил от нее такое прорицание, какое хотел.

Во время его сборов в поход случились и другие божественные знамения. В Либетре, например, статуя Орфея (она была из кипарисового дерева) покрылась вся обильным потом. Все испугались этого знамения, но Аристандр ободрил царя, сказав, что он совершит славы и громкие дела, которые заставят поэтов и музыкантов трудиться и обливаться потом.

15

Что касается величины войска, то одни называют как наименьшее число 30 тысяч пехоты и 4 тысячи конницы; другие же как наибольшее 43 тысячи пехоты и 5 тысяч конницы. Аристул пишет, что на содержание их у Александра было не больше 70 талантов, Дурис — что припасов только на 30 дней, а Онесикрит — что царь взял в долг 200 талантов. Выступая в поход в таких стесненных обстоятельствах, Александр, однако, сел на корабль не раньше, чем устроил дела своих друзей: одному он дал земли, другому — селения, третьему — доход с городка или гавани. Когда почти все царские доходы были розданы и расписаны, Пердикка спросил: «Что ты оставишь себе самому, царь?» — «Надежды», — ответил Александр. «Ну и мы, твои соратники, возьмем долю в них», — сказал Пердикка и отказался от владений, ему описанных; некоторые из друзей царя поступили так же. Александр охотно удовлетворял просьбы и таким образом растратил большую часть того, что имел в Македонии.

С такими мыслями и стремлениями перебрался он через

Геллеспонт. Высадившись в Илионе, он принес жертву Афине и совершил возлияние героям. Обильно смазавшись маслом, он, голый, как это было в обычае, обежал вместе со своими друзьями вокруг памятника Ахиллу и возложил на него венок, называя Ахилла счастливым, который нашел при жизни верного друга, а после смерти — великого певца. Когда он обходил город и осматривал его, кто-то спросил, не желает ли он посмотреть лиру Париса. Александр ответил, что она его вовсе не интересует и что он разыскивает лиру Ахилла, с которой тот воспевал славные подвиги доблестных мужей.

16

К этому времени военачальники Дария собрали большое войско и выстроили его у переправы через Граник: приходилось сражаться как бы в воротах Азии, чтобы войти в нее и овладеть ею. Большинство испугалось глубокой реки и обрывистого крутого берега, на который надо выходить, сражаясь; некоторые же считали, что следует, как это и было принято, остерегаться этого месяца (македонские цари обычно не выступали в поход в месяце даисии). Это царь разрешил, приказав называть его «вторым артемисием». Парменион ввиду позднего часа не советовал рисковать, но Александр ответил, что если он испугается Граника, то ему стыдно будет перед Геллеспонтом, через который он переправился, и с 13 конными отрядами кинулся в поток. Он направлялся прямо на вражеские стрелы к обрывистым берегам, которые охранялись пешими и конными воинами, через поток, уносивший и заливавший его солдат, — казалось, их ведет безумец, а не вождь, разумный и осмотрительный. Упорно продолжая все же переправу и с великим трудом одолев подъем, мокрый и скользкий от грязи, он сразу же вынужден был вступить в сражение при полном беспорядке в своем войске; противники схватились один на один, пока Александру удалось кое-как построить своих переправившихся воинов. Враги наседали с криком; конница бросилась на конницу; сражались копьями, и когда копья сломались, стали рубиться мечами. Многие пробившись к Александру (он был приметен своим щитом и шлемом с гребнем, по обе стороны которого торчало по перу изумительной величины и белизны); дротик попал сквозь просвет в панцире, но не поранил Александра. Двое полководцев, Ресак и Спифридат, вместе устремились на него; он увернулся от одного, а на Ресака, закованного в латы, бросился сам. Копье у него сломалось, он выхватил кинжал. Они схватились врукопашную; Спифридат подскочил сбоку и, стремительно приподнявшись, ударил Александра персидским мечом. Шлем едва выдержал удар, гребень с одним пером отлетел, и лезвие меча коснулось волос Александра. Спифридат замахнулся вновь, но его опередил «черный» Клит, пронзив копьем на-

сквозь. Под мечом Александра пал и Ресак.

В таком положении, опасном и трудном, находилась конница, когда переправилась македонская фаланга и начала стягиваться пехота. Неприятель сопротивлялся слабо и недолго; все, кроме греческих наемников, обратились в бегство. Они выстроились возле какого-то холма и хотели сдаться Александру под честное слово. Он, движимый острее гневом, чем рассуждением, первый напал на них; под ним убили лошадь (не Букефала, а другую), ударив ее мечом в бок; на этом именно месте оказалось больше всего раненых и убитых, потому что здесь пришлось схватиться с воинами мужественными и потерявшими всякую надежду. У варваров, говорят, пало 20 тысяч пехотинцев и две с половиной тысячи всадников; у Александра же, по словам Аристобула, убитых было всего 34 человека, из них 9 пехотинцев. Царь повелел поставить их медные статуи; сделал их Лисипп. Сообщая грекам о своей победе, он специально Афинам отправил 300 щитов, взятых у пленных; на прочей добыче повелел сделать обобщающую гордую надпись: «Александр, сын Филиппа, и эллины, кроме лакедемонян, взяв от варваров, обитающих в Азии». Чашы, пурпурные ткани и подобные вещи, взятые у персов, он, за малым исключением, отправил матери.

17

Это сражение сразу произвело большой переворот в отношениях к Александру: он занял Сарды, оплот морского владычества у варваров, присоединил другие города. Сопротивление оказали только Галикарнас и Милет. Он взял их силой и покорил все окрест. Относительно дальнейшего мысли его двоялись: часто хотелось ему встретиться с Дарнем и одним сражением решить все; часто задумывался он над тем, чтобы покорить Приморье, запастьсь действами и уже потом, как бы закалившись и окрепнув, пойти на врага.

В Ликии около города Ксанфа есть источник. Рассказывают, что он в это время произвольно повернул в другую сторону, вышел из берегов и выбросил со дна медную дощечку с древней надписью, гласившей, что персидскому владычеству придет конец и покончат с ним эллины. Это подняло дух Александра; он спешно принялся очищать от неприятеля все Приморье вплоть до Финикии и Киликии. Его поход через Памфилию дал многим историкам повод писать о явлениях потрясающих и величественных: море, будто бы по божественному произволению, отступило перед Александром, хотя обычно волны, накатываясь издали на суровый берег, лишь изредка открывают узкие вершины скал, над которыми поднимаются крутые горы в расселинах. Об этом говорит и Менандр, подшучивая в одной комедии над сверхъестественным:

«Все, как у Александра: стоит поискать, и все уж тут как тут; чрез море если ехать, оно расступится, конечно, предо мной».

Сам Александр в письмах вовсе не говорит о таких чудесах; он рассказывает, что проложил дорогу, так называемую «лестницу», направляясь туда из Фаселиды, и провел несколько дней в этом городе. Тут он увидел на горе статую покойного Феодекта (он был фаселитом) и после обеда, подвыпив, пошел туда с веселой компанией и забросал статую венками; забавляясь, воздал он честь и благодарность человеку, с которым общался, познакомившись через Аристотеля и занятия философией.

18

После этого он разбил восставших писидов и занял Фригию. Овладев городом Гордием, который считался столицей древнего царя Мидаса, он увидел знаменитую повозку с узлом из коры дикой вишни. От варваров он услышал, что тому, кто развяжет этот узел, суждено стать царем Вселенной; сами они этому верили. Большинство рассказывает, что концы узлов были спрятаны, а волокна хитро и многократно переплетались в разных направлениях. Александр развязать не сумел и разрубил этот клубок: в нем обнаружилось множество концов. Аристокл же пишет, что Александру было очень легко развязать узел: он вынул из дышла крючок, за который цепляли ярменный ремень, и таким образом снял ярмо.

После этого он присоединил Пафлагонию и Каппадокию и, услышав о смерти Мемнона (только о нем из всех военачальников Дария шла слава, что он может доставить Александру много хлопот, неприятностей и беспокойства), укрепился своим решением двинуться в глубь Азии.

Дарий уже выступил из Суз, полагаясь на численность своего войска (у него было 600 тысяч воинов) и на один сон, который ободрил его, но который маги истолковали больше ему в угоду, чем по правдоподобию. Царю приснилось, что македонская фаланга стоит вся в пламени; Александр же прислуживает ему в той одежде, которую раньше носил сам Дарий в качестве царского гонца, а затем входит в храм Бела и исчезает. Божество, по-видимому, давало понять, что македонцы совершат блистательные, славные дела; Александр завладеет Азией, как владел ею Дарий, ставший из гонца царем, и скоро со славой уйдет из жизни.

19

Он еще более осмелел, решив, что Александр задержался в Киликии по трусости. Задержка эта была вызвана болезнью, случившейся, по словам одних, от усталости, а по словам других, от того, что царь выкупался в ледяной воде

Кидна. Из врачей никто не отважился оказать ему помощь, считая, что перед этой болезнью они бессильны, и боясь, в случае неудачного врачевания обвинений со стороны македонцев. Акарнанец Филипп тоже видел, что положение его трудное, но он надеялся на дружелюбное отношение Александра и, считая преступным избегать опасности, когда в опасности царь, решил рискнуть, не останавливаясь в лечении перед самыми крайними средствами. Он приготовил лекарство и убедил Александра стерпеть и выпить его, если он хочет поскорее выздороветь и пойти воевать. В это время Парменион прислал из лагеря письмо, в котором настоятельно советовал остерегаться Филиппа, потому что Дарий будто бы подкупил его щедрыми подарками и обещанием выдать за него дочь, только бы он погубил Александра. Царь прочитал письмо и, не показав его никому из друзей, положил под подушку. В назначенный час вошел вместе с друзьями Филипп с чашей лекарства в руках. Александр передав ему письмо, а сам взял лекарство охотно и безбоязненно. Разыгралось удивительное, прямо театральное зрелище: один пил, другой пил, а затем оба одновременно взглянули друг на друга, но не одинаковым взглядом. Лицо Александра, бледное и радостное, являло благосклонность и доверие к Филиппу; Филипп же, выведенный из себя клеветой, то взывал к богам, воздевая руки к небу, то припадал к кровати Александра, умоляя царя крепиться и доверять ему. Лекарство сначала подействовало очень сильно, оно словно протолкнуло и погрузило вглубь всю силу Александра: Александр потерял сознание; органы чувств почти перестали действовать, наступил обморок. Вскоре, однако, он оправился с помощью Филиппа, почувствовал прилив сил и только тогда вышел показаться македонцам: лишь вид его рассеял их уныние.

20

В войске Дария был один македонец, бежавший из Македонии, по имени Аминта, хорошо знавший характер Александра. Видя, что Дарий стремится идти на Александра теми же теснинами, он уговаривал его остаться среди широко раскинувшихся равнин, чтобы именно тут бросить свое огромное войско на меньшие силы врага. Дарий ответил, что он боится, как бы неприятель еще до сражения не обратился в бегство и Александр не ускользнул бы от него. «На этот счет, царь, будь спокоен! — сказал Аминта. — Он сам пойдет за тебя и, пожалуй, уже идет». Эти слова не убедили Дария; он направился в Киликию; Александр же в это самое время пошел на него в Сирию. Ночью они разминулись друг с другом и повернули обратно. Александра радовала эта случайность; он торопился застать Дария в теснинах, а Дарий — вернуться на прежнее место и вывести свое войско из теснин.

Он уже понял, что на беду себе зашел своей волей в места, многократно пересеченные и морскими заливами, и горами, и рекой Пинаром, протекавшей посередине. Коннице здесь негде развернуться, а неприятелю действовать при его малочисленности очень удобно. Счастливая судьба предоставила Александру это место, но победу решило скорее его командование, чем счастье. Уступая в числе огромному варварскому войску, он не допустил окружения македонцев; перебросив левое крыло направо и оказавшись с фланга, он обратил здесь варваров в бегство, сам сражаясь в первых рядах; мечом его ранило в бедро. Харет говорит, что рану нанес ему Дарий (они схватились друг с другом), но Александр в письме своем к Антипатру и его близким не называет ранившего, а только пишет, что был ранен в бедро кинжалом и что рана оказалась незначительной.

Одержав блестящую победу (убитых врагов было больше 110 тысяч), он, однако, не захватил Дария, который опередил его в своем бегстве на 4 или 5 стадиев. Александр вернулся обратно, завладев только царской колесницей и луком. Он застал своих македонцев за грабежом варварского лагеря и его богатств, огромных даже при том, что персы были перед битвой налегке и большую часть обоза бросили в Дамаске. Александру оставили палатку Дария, со множеством удобств, роскошным убранством и обилием утвари. Он тут же снял доспехи и направился в баню со словами: «Пойдем, смоем в Дариевой бане пот сражения!» — «Нет, клянусь Зевсом! — сказал один из друзей, — не в Дариевой, а в Александровой! Имячество победителей должно принадлежать победителю и называться его именем». Когда Александр увидел кувшины, кружки, ванны, флаконы для духов, все из золота, тонкой работы (помещение благоухало, словно от ароматов и мирры), он, перейдя в палатку, поражающую высотой и размерами, с изумительными ложами, столами и посудой, сказал, взглянув на друзей: «Вот это, по-видимому, и значит царствовать».

21

Когда он сел обедать, кто-то сказал ему, что среди пленных вели мать Дария, его жену и двух девушек, дочерей его; увидав знакомую колесницу и лук, они стали бить себя в грудь и плакать, считая Дария погибшим. Александр немного помедлил, и, думая об их горе больше, чем о себе, послал к ним Леоната, велел сказать, что и Дарий жив, и Александра им бояться нечего: он воюет с Дарием за власть, им же будет предоставлено все, чего бы они ни пожелали и что имели при Дарии. Уже одни эти слова показались женщинам милостивыми и добрыми; еще милостивее были поступки Александра. Он разрешил им похоронить, кого они захотят из персов, разрешил взять из добычи одежды и украшения и нисколько не из

менил ни прежнего ухода за ними, ни прежних почестей; денег на себя они получали больше, чем при Дарии. Самая же великая и воистину царственная милость для благородных и целомудренных женщин, ставших пленницами, была в том, что они не слышали подлых оскорблений и не ожидали их, а жили словно и не в лагере врага, а в стенах святого и чистого девичьего терема, где они вели жизнь, недоступную для чужого глаза и уха. А между тем рассказывают, что жена Дария была из всех цариц первой красавицей, как и Дарий был из мужчин самым красивым и высоким, а дочери походили на родителей. Александр, считая, по-видимому, власть над собой качеством более царственным, чем умение побеждать на войне, не дотронулся до них. Он вообще не знал до брака ни одной женщины, кроме Барсины. Она осталась вдовой после смерти Мемнона и была взята под Дамаском в плен. Она получила греческое воспитание... была кротка нравом; отец ее, Артабаз, был сыном царской дочери. По словам Аристобула, Парменион побудил Александра сойтись с этой прекрасной и благородной женщиной. Глядя на других пленниц, отличавшихся и красотой и ростом, Александр в шутку говорил, что персиянки — горе для глаз. Защищаясь от их прекрасного облика красотой собственного воздержания и целомудрия, Александр отсылал их, как бездушные копии статуй.

22

Филоксен, командовавший морскими силами, написал ему, что у него живет какой-то Федор, тарентинец, который продает двух мальчиков чудесной красоты. Филоксен спрашивал, не купит ли их царь. Александр очень рассердился, стал кричать и спрашивать друзей, какую подлость знает за ним Филоксен, если берет на себя посредничество в таком позорном деле. Филоксену он послал письмо, в котором осыпал его бранью и велел отослать Федору подобру-поздорову с его товаром. Сделал он выговор и Гагнону, который писал ему, что он хочет купить отрока Кробила, славившегося в Коринфе своей красотой, и привезти его к нему. Узнав, что македонцы Дамон и Тимофей, служившие под командой Пармениона, изнасиловали жеи каких-то наемников, он письменно приказал ему казнить их, если они будут изобличены, как зверей, рожденных на гибель людям. О себе он в этом письме писал буквально следующее: «Меня нельзя было застать даже на том, чтобы я смотрел на жену Дария; я не хотел ее видеть и не слушивался в речи тех, кто рассказывал о ее красоте». Он говорил, что сон и плотская связь более всего убеждают его в том, что он смертен: и страдания и наслаждения порождены только слабостью нашей природы. Чрезвычайно умерен был он и в еде; это было видно во многих случаях и обнаружилось в словах, сказанных им Аде, которой он дал титул «матери»

и которую поставил царицей Кариин: радушно принимая его, она ежедневно посылала ему множество кушаний и пирожных и наконец отправила к нему поваров и хлебников, считавшихся самыми искусными. Александр сказал, что ему ничего этого не нужно, у него есть лучшие повара, которых дал ему его воспитатель Леоннат: для завтрака ночной поход, а для обеда скудный завтрак. «Это был такой человек, что поднимал с кровати тюфяк и гиматии, которыми я укрывался, чтобы посмотреть, не сунула ли мне мать чего-нибудь вкусного и лишнего».

23

И к выпивке он был менее склонен, чем это казалось. Казалось же потому, что он долго оставался за столом, но больше говорил, чем пил, и, потягивая из чаши, всегда заводил долгую беседу, если у него был досуг. Ни вино, ни сон, ни забава, ни жена, ни зрелище не могли отвлечь его от дел, как это бывало с другими военачальниками. Об этом свидетельствует самая жизнь его, очень короткая и полная всяких дел. На досуге он, встав, прежде всего приносил жертву богам, а затем сразу завтракал сидя. День он проводил на охоте, за распоряжениями по войску, судебными делами или за чтением. В дороге, если не надо было спешить, он учился стрелять из лука или тому, как вскакивать и соскакивать с колесницы на ходу. В качестве забавы он, судя по дворцовому дневнику, часто охотился на лисиц и на птицу. Остановившись где-нибудь, он, собираясь мыться и умастить себя, обычно спрашивал тех, кто распоряжался хлебниками и поборами, готово ли у них все к обеду. Обедать он начинал поздно, уже в сумерки, и с удивительным вниманием и заботой относился к тому, чтобы за его столом всех угощали одинаково и никого не обошли. За вином засиживались долго, как было уже сказано, из любви к остроумным разговорам. Вообще в общении он был из царей самым приятным и во всех отношениях самым очаровательным. Впоследствии он сделался противен своим самомнением; в нем появилось слишком много солдатского, он стал хвастлив; льстецы вертели им, как хотели, — это бесспорно. Они изводили самых приятных людей из его окружения, которые не хотели ни состязаться с льстецами, ни отстать от них, восхваляя Александра: первое казалось им постыдным, второе грозило опасностями. После попойки Александр принимал ванну и спал часто до полудня, иногда целый день. Был он умерен и в лакомых кушаньях: когда ему привозили очень редкие заморские плоды или редких рыб, он рассылал их всем друзьям, так что у него самого часто ничего не оставалось. Обед, однако, у него был всегда великолепен, и расходы на него

все увеличивались по мере его успехов и дошли наконец до 10 тысяч драхм. Это стало обычным, и столько же полагалось тратить тем, кто принимал Александра.

24

После битвы при Иссе он послал в Дамаск и забрал от туда деньги, имущество и семьи персов. При этом очень поживились фессалийские конники. Храбрые воины, они особенно отличились в этом сражении, и Александр намеренно послал их в Дамаск, желая, чтобы они поживились. И прочие солдаты обогатились. Впервые тогда вкусили македонцы от варварского образа жизни, от ее богатств и любовных утех, и, словно собаки, кинулись по следу, ища и вынюхивая персидское богатство.

Александр решил овладеть сначала Приморьем. Цари Кипра и Финикии сразу же явились к нему и передали ему Кипр и Финикию, кроме Тира. После семимесячной осады Тира, против которого он двинул с насыпей машины, а с моря 200 триер, он увидел во сне, что его со стсны дружески приветствует и зовет к себе Геракл. Многим тирийцам приснилось, будто Аполлон говорит им, что уходит к Александру, так как ему не нравится то, что делается в городе. Тирийцы поступили с богом, словно с человеком, пойманым при переходе к врагам: они связали его огромную статую веревками и прибили к постаменту надпись — «Александров прихвостень». Было Александру во сне и другое явление: ему приснился сатир, который издали заигрывал с ним, но когда Александр стал его ловить, он все время ускользал. Наконец, после долгих уговоров и беготни он позволил себя поймать. Предсказатели, деля слово «сатир» на части, убедительно истолковали сон: «Тир будет твоим». Показывают и источник, возле которого он во сне увидел сатира.

В середине осады Александр пошел на арабов, живущих у Антиливана, и однажды попал в большую опасность. Виною этому был его воспитатель Лисимах, который сопровождал его, говоря, что он не хуже Феникса и не старше его. Подойдя к горам, Александр остановил лошадей и пошел пешком. Другие значительно опередили его, он же не смог покинуть Лисимаха, совершенно истомленного и обессилевшего, тем более что их застигал уже вечер и враги находились поблизости. Идя рядом с Лисимахом и подбодряя его, он и не заметил, как оторвался с несколькими товарищами от войска. Приходилось провести ночь в опасном месте среди темноты и жестокого холода. Он увидел невдалеке множество вражеских костров, горевших то здесь, то там. Полагаясь на свою легкость в беге и утешая македонцев в их затруднении собственной готовностью потрудиться, он побежал к ближайшему костру; заколол мечом двух варваров, сидевших у костра,

схватил головню и принес ее к своим. Они развели большой огонь и тех, кто был вблизи, напугали так, что те обратились в бегство, а подошедших к ним отогнали и устроились на ночлег в полной безопасности. Об этом рассказывает Харет.

25

Таким образом кончилась осада Тира. После ряда сражений Александр дал большей части войска отдохнуть и держал под стенами лишь немного солдат, чтобы все время беспокоить неприятеля. Аристандр, предсказатель, принося жертву, увидел благоприятные знаки и решительнее обычного заявил присутствующим, что в этом месяце город будет взят. Послышались шутки и смех (был уже последний день месяца); царь, видя, что Аристандр смутился (сам Александр неизменно настаивал на верности предсказаний), велел считать этот день не тридцатым, а третьим днем последней лунной четверти. Подан был трубный сигнал; Александр пошел на приступ более уверенно, чем думал вначале. Нападение началось блестяще; солдаты, оставленные в лагере, не выдержали и прибежали на помощь. Тирийцы сдались и город был взят в тот же день.

Когда после этого он осаждал Газу, самый большой город Сирии, ему попал в плечо ком земли, который уронила сверху птица. Птица эта села под одной из осадных машин и незаметно запуталась в веревках, с помощью которых поворачивали всю снасть. Знамение исполнилось, как предсказал Аристандр: Александр был ранен в плечо и взял город.

Отправив много добычи Олимпиаде, Клеопатре и друзьям, Александр, вспоминая об одном своем детском желании, послал своему воспитателю Леониду 500 талантов ладана и 100 — смирны. Когда однажды Леонид совершал жертвоприношение, Александр подбежал к нему и, схватив пригоршню благовоний, бросил их в огонь. «Когда, Александр, ты завоюешь страну, обильную ароматами, — заметил ему Леонид, — тогда ты и будешь так щедро их жечь. А пока то, что есть, расходуя бережливо». Александр теперь написал ему: «Мы послали тебе ладану и смирны в изобилии: перестань скаречничать с богами».

26

Ему принесли один ящичек, который показался тем, кто разбирает вещи из имущества Дария, самой большой драгоценностью. Александр спросил своих друзей, что, по их мнению, стоит прежде всего положить сюда. Выказано было много разных мнений; Александр сказал, что он будет хранить здесь Илиаду. Это засвидетельствовано многими заслуживающими доверия писателями. Если правда то, что говорят александрийцы, ссылаясь на Гераклида, то Гомер, по-ви-

димому, был деятельным советником его на войне. Рассказывают, что, покорив Египет, он захотел оставить здесь в память о себе большой и многолюдный город и назвать его своим именем. Он выбрал какое-то место, которое еще не было обмерено с ведома архитекторов, и велел его огородить. Ночью Александру приснился удивительный сон: совершенно седой старец почтенного вида подошел к нему и произнес следующие стихи:

«На море шумно-широком находится остров, лежащий
Против Египта; его именуют там жители Фарос».

Встав, Александр сейчас же пошел к Фаросу; тогда это был еще остров, лежавший немного севернее устья Каноба; теперь насыпь соединяет его с материком. Место оказалось исключительным по своему положению (полоса земли, отделявшая достаточно широким перешейком большое озеро от моря, которое образовало здесь просторную гавань). Александр заявил, что Гомер, удивительный во всем, оказался и мудрейшим архитектором, и приказал сделать план города, соответствующий данному месту. Мела под рукой не оказалось; взяли муки и на черной земле вывели дугу; от ее окружности, как бы от концов ее, шли прямые линии равной величины. План напоминал покрой хламиды. Царю он очень понравился. Вдруг с реки и с озера поднялось несметное количество птиц разных пород и величины. Они, как туча, опустились на это место и склевали дочиства всю муку. Александра смутило это знамение. Предсказатели ободрили его, сказав, что он заложит город многообильный, который прокормит самых разных людей. Александр поставил надзирателей следить за постройкой города, а сам отправился в храм Амона. Дорога эта была длинная и мучительно трудная. На ней грозили две опасности: во-первых, она в течение многих дней шла по безводной пустыне, а во-вторых, на путников, шедших по глубокому безбрежному песку, мог иалететь ураган с юга. Так случилось, говорят, когда-то с войском Камбиза: ветер поднимал холмы песка, гнал его волнами по равнине — 50 тысяч человек было засыпано и погибло. Все это обсуждалось почти всеми, но Александра трудно было отвлечь от его намерений. Судьба, податливо исполнявшая его желанья, сделала его самоуверенным, а его смелость подсаживала ему желание побеждать не только врагов, но и прератности времени и пространства.

Во время этого путешествия на помощь, посылаемую божеством в затруднительных обстоятельствах, полагались больше, чем на позднейшие оракулы. Некоторым образом, однако, эти обстоятельства заставили верить и в аракулы. Во-первых, по воле Зевса прошли обильные проливные дож-

ди: исчез страх жажды, песок утратил свою сухость, промок и стал плотным; воздух сделался легким и более чистым. Когда оказалось, что исчезли вехи, по которым шли проводники, и путники, не зная дороги, стали разбредаться в разные стороны, вдруг появились вороны, взявшие на себя обязанности проводников. Они летели впереди тех, кто спешил за ними, и поджидали отстающих и медлящих. Всего удивительнее было то, о чем рассказывает Каллисфен: ночью они сзывали своим криком заблудившихся и карканьем своим выводили их на верную дорогу.

Когда, пройдя пустыню, они пришли к месту, пророк Амона приветствовал Александра от имени бога как от имени отца. Александр спросил, не скрылся ли от него кто-либо из убийц его отца. Пророк приказал ему не кощунствовать: отец у него не смертный человек. Александр изменил свой вопрос и осведомился, всех ли убийц Филиппа он наказал. Затем он спросил, дано ли ему будет стать владыкой всех людей. Когда бог изрек, что это будет ему дано и что Филипп вполне отомщен, Александр принес богу великолепные дары, а людям роздал деньги. Так пишет об оракулах большинство. Сам же Александр в письме к матери сообщает, что он получил какие-то таинственные предсказания, о которых он, вернувшись, расскажет только матери. Некоторые же рассказывают, что пророк, желая из любезности обратиться к нему по-гречески «сын мой», спутался в буквах и сказал «сын Зевса». Александр обрадовался этой ошибке; так и пошла молва, что он сын Зевса, так как бог так назвал его. Рассказывают, что он слушал в Египте философа Псаммона и особенно принял к сердцу слова его о том, что бог правит всеми людьми; в каждом человеке начало властвующее и управляющее есть начало божественное. Сам он думал об этом более мудро: он говорил, что бог является отцом всех людей, но родными себе он делает лучших из них.

28

Вообще он держался с варварами гордо, как человек, совершенно уверенный в своем божественном происхождении: перед греками он выступал в качестве бога осторожно и редко. Только о Самосе он написал афинянам: «Я не отдал бы вам этого свободного и славного города; вы получили его от человека, которого называли тогда моим господином и отцом», — он разумел Филиппа. Позднее, раненный стрелой, сильных страданиях он воскликнул: «Друзья мои, это кровь не

«Влага, какая струится у жителей неба счастливых».

Когда однажды всех напугал сильный удар грома, софис Анаксарх сказал Александру: «Ты не сделаешь ничего такого, сын Зевса?». Тот засмеялся: «Я не хочу устрашать друзей:

этому учишь меня ты, понося мой обед потому, что видишь на столах рыб, а не головы сатрапов». Говорят, что Анаксарх действительно произнес эти слова при виде рыбок, которых царь посылал Гефестиону. Анаксарх как будто презирал и смеялся над теми, кто подвергает себя великим трудам и опасностям, гоняясь за славой: у них удовольствий и наслаждений столько же, сколько у других, или чуть больше. Из сказанного ясно, что сам Александр не был одурманен мыслью о своей божественности и не допускал ее: она была для него средством для порабощения других.

29

Вернувшись в Финикию из Египта, он принес жертвы богам, устроил торжественные процессии в их честь, поставил трагедии и дифирамбы. Не только приготовления к ним, но и сами состязания были великолепны. Хоры были снаряжены царями Кипра, которых избирали, как в Афинах, по филам; с удивительным честолюбием старались они превзойти один другого. Особенно соперничали Никокреонт саламинский и Пасикрат солийский: по жребию им достались хоры знаменитейших актеров: Пасикрат достался Афинодору, а Никокреонт-Фессалу, к которому благоволил и Александр. Благоволение свое он обнаружил, однако, только тогда, когда объявлено было, что голосованием победа присуждена Афинодору. Тогда, по-видимому, уходя, он сказал, что одобряет судей, но что он охотно отказался бы от части своего царства, только бы не видеть Фессала побежденным. Когда же афиняне оштрафовали Афинодора за то, что он не явился на Дионисии, он обратился к царю, прося заступничества. Александр не заступился, но деньги на уплату послал. Ликон из Скарфеи, хороший актер, вставил как-то стих в одну комедию с просьбой выдать ему 10 талаитов. Александр рассмеялся и дал.

Дарий отправил к нему письмо и своих приближенных с просьбой отпустить пленных за 10 тысяч талантов; он предлагал Александру взять все земли до Евфрата, жениться на одной из его дочерей и стать другом и союзником. Александр сообщил об этом друзьям, и на слова Пармениона: «Будь я Александром, я бы на это согласился», ответил: «И я бы, клянусь Зевсом, будь я Парменионом». Дарию он написал, что ему будет оказан всяческий привет и ласка, если он явится к нему; в противном же случае Александр сам придет к нему.

30

Вскоре, однако, он раскаялся в своем ответе, так как жена Дария умерла в родах. Его явно огорчало, что пропал такой случай показать свое добросердечие. Он устроил роскошные похороны и не пожалел расходов. Один из евнухов, прислужи-

вавших в тереме, именем Терей, убежал из лагеря и прискакал верхом к Дарию. Он рассказал ему о смерти жены. Дарий, ударяя себя по голове и неутешно рыдая, воскликнул: «О, горькая судьба персов! Жене и сестре царя пришлось не только попасть в плен при жизни, но и по смерти не иметь царской гробницы». Евнух прервал его: «Что касается гробницы, всякого почета и всего, что подобает, то тут тебе нечего обвинять злую судьбу персов. У нашей госпожи Статиры, пока она жила, как и у твоей матери и детей, были все те же блага, что и раньше, — исчезло для них только сияние твоего счастья, которое опять ярко загорится по воле владыки Оромазда. И по смерти ее убрали, как положено, ничего не опустив; враги даже почтили ее слезами. Александр-победитель так же добр, как страшен Александр-враг». Смятение и боль от этих слов внушили Дарию неуместные подозрения. Он увел евуха в глубину палатки и сказал ему: «Если ты не перешел на сторону македонцев, как перешло к ним наше счастье, и если я для тебя еще господин, скажи мне, заклинаю тебя великим светом Мифры и царской десницей, не оплакиваю ли я самое малое из несчастий Статиры? Разве при жизни ее не потерпели мы обиды более горькой и не больше страдали бы, попав в руки врага жестокого и свирепого? Честные ли отношения заставили юношу воздавать жене врага такой почет?» Он еще говорил, когда Терей повалился ему в ноги, умоляя замолчать и ни Александра не обижать, ни умершую сестру и жену не позорить, а себя в своем несчастье не лишить самого большого утешения: считать, что он побежден человеком, природа которого выше человеческой. Он должен уважать Александра, который выказал по отношению к персидским женщинам больше целомудрия, чем в отношении персов храбрости. Евнух поклялся в этом страшными клятвами и стал рассказывать вообще о самообладании и великодушии Александра. Дарий вышел к своим приближенным и, воздев руки к небу, стал молиться: «Боги моего рода и моего царства! Дайте мне восстановить Персидское царство в том же благоденствии, как я его принял; да одолею я Александра и воздам ему благодарностью за то добро, которое получил я от него для своих близких, находясь в несчастье. Если же настал час гибели для Персидского царства и суждены возмездие и перемены, пусть тогда никто, кроме Александра, не воссядет на престол Кира». Большинство писателей так рассказывают об этом случае и приводят эти слова.

31

Александр, покорив всю страну до Евфрата, устремился на Дария, шедшего ему навстречу с миллионной армией. Кто-то из друзей рассказал ему о забавном происшествии: обозная прислуга затеяла игру; разделились на две партии, предводителя и главу одной назвали Александром, а другой — Дарием

и стали сначала метать одни в других комья земли, потом драться врукопашную, а под конец страсти до того разгорелись, что пошли в ход камни и палки; многих едва удалось утихомирить. Услышав это, Александр приказал вступить в единоборство предводителям. «Александра» он вооружил сам, «Дария» вооружил Филота. Войско смотрело, полагая происходящее неким предзнаменованием будущего. Поединок был жестоким; «Александр» одолел и получил в подарок 12 деревень и право носить персидскую одежду. Рассказал об этом случае Эратосфен.

Большое сражение с Дарием произошло не при Арбелах, как пишут многие, а возле Гавгамел. Слово это в персидском языке означает «верблюжий хлев»: кто-то из древних царей, спасаясь от врагов на дромадере, оставил дромадера здесь, назначив на его содержание доходы с нескольких деревень.

Перед началом мистерий, справляемых в Афинах, в месяце боедромионе случилось лунное затмение. В одиннадцатую ночь после затмения войска оказались в виду друг друга. Дарий держал своих солдат в полном вооружении; при свете факелов он объезжал полки. Александр дал македонцам отдохнуть, а сам вместе с прорицателем Аристандром перед палаткой свершал какие-то тайные священнодействия; принес он жертвы и богу-Устрашителю. Вся равнина между Нифатом и Гордиейскими горами сверкала огнями варварского стана; оттуда, словно из морской бездны, слышался смутный гул и шум. Старший из друзей, и особенно Парменион, пораженные количеством вражеского войска, рассудили между собой, что тяжело и трудно будет отразить такую силу среди бела дня. Когда царь окончил священнодействия они подошли к нему и стали уговаривать напасть на врага ночью, когда весь ужас предстоящего сражения скроется во мраке. Александр произнес свой достопамятный ответ: «Я не воруя побед». Некоторые сочли его ответ шуткой, мальчишеской и глупой ввиду такой опасности, но, по мнению других, он свидетельствовал и о спокойном мужестве в данный момент, и о правильном учете грядущего. Александр хотел отнять у Дария в случае его поражения повод отважиться на дальнейшее сопротивление; нечего было бы слагать вину на ночной мрак, как раньше на горные теснины и море. Дарий, располагая такими силами и такой страной, не прекратил бы военных действий по недостатку вооружения или людей: он должен был утратить гордость и надежду, будучи изобличен поражением в открытом бою.

Когда «друзья» ушли, он, как рассказывают, лег в палатке и, вопреки обыкновению, проспал весь остаток ночи глубоким сном, так что пришедшие к нему на заре военачальники в изумлении сами от себя отдали приказ по войску: прежде все-

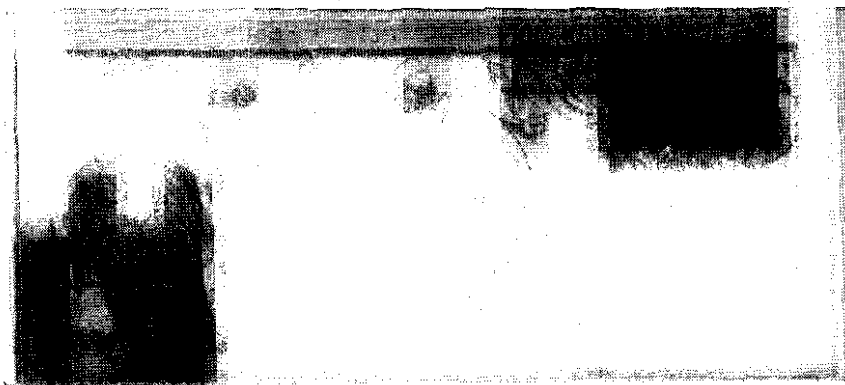
го позавтракать. Время, однако, не ждало; Парменион вошел к нему и, став около постели, назвал его дважды или трижды по имени. Александр проснулся, и Парменион спросил; что с ним случилось? Почему он спит сном победителя, а не того, кто собирается дать величайшее сражение? Александр улыбнулся: «А ты не считаешь, что мы уже одержали победу, избавившись от скитаний по огромной разоренной стране, когда мы преследовали Дария, убежавшего от сражения?» Способность рассуждать и уверенность не только перед битвой, но и в самой опасности обнаруживали его величие и собранность.

Левое крыло, находившееся под командой Пармениона, дрогнуло и начало отступать под нажимом бактрийской конницы, неистово обрушившейся на македонцев. В это же время Мазей послал всадников обойти фалангу и напасть на обоз. Парменион, теснимый с обеих сторон, послал к Александру сказать, что лагерь и весь обоз пропали, если он тотчас же не пришлет арьергарду сильной подмоги с передней линии. Как раз в это время Александр подал своим войскам знак к наступлению. Получив известие от Пармениона, он ответил, что тот потерял голову и не способен соображать: в своем смятении он забыл, что победители прибавят себе все имущество врагов; побежденным же придется думать не о деньгах и рабах, а о том, как, сражаясь, пасть со славой и без укора.

Отправив такой ответ Пармениону, он покрыл голову шлемом; остальные доспехи надел еще в палатке. На нем была рубаха сицилийской работы, стянутая поясом, а поверх ее — двойной полотняный панцирь из добычи, взятой при Иссе. Шлем был железный, работы Феофила, блестящий, как серебро; к нему прилажен нашейник, тоже железный, усыпанный драгоценными камнями; меч, подарок царя китейцев, был замечательной легкости и закалки (в сражении Александр привык действовать больше всего мечом). Плащ на нем старинной работы Геликона, прославившего Родос, был роскошнее всей остальной одежды: родосцы поднесли его в дар царю. Он надевал его в бой. Выстраивая фалангу, отдавая приказания солдатам на учениях и на смотрах, он ездил не на Букефале, а на другом коне: Букефала он берег по причине его старости. Коня подводили Александру перед самым боем: он садился на него и сейчас же начинал атаку.

Он сказал большую речь фессалийцам и прочим грекам, которые ободрили его, с криком требуя, чтобы он вел их на варваров. С копьем в левой руке, воздев правую к небу, он, по словам Каллисфена, молил богов защитить греков и укрепить их, если он действительно сын Зевса. Аристандр-прорицатель в белом плаще, с золотым венком на голове ехал рядом с Александром; он указал на орла, поднявшегося

над головой Александра и направившего свой полет прямо на врага. Видя это, солдаты еще больше исполнились мужества; подбодряя друг друга, они храбро бросились бегом вслед мчащимся всадникам: фаланга, как морской вал, налетела на врага. Первые ряды еще не смешались, а варвары уже обратились в бегство. Началось страшное преследование. Александр погнал побежденных к центру, где находился Дарий. Он увидел его издали за выстроенным в глубину царским отрядом; красивый, рослый мужчина, он стоял на высокой колеснице, которую охраняло множество знатных всадников: они окружили ее в несколько рядов и приготовились встретить неприятеля. Вид Александра был страшен; он направил бегущих на

Рельеф с «саркофага Александра»

тех, кто еще твердо держался на месте, — большая часть в ужасе кинулась врасыпную. Лучших и благороднейших убивали на глазах царя; падая друг на друга, один другого обхватывая, катаясь между людьми и лошадьми, они задерживали преследование. Дарий, на глазах которого происходил весь этот ужас, был не в состоянии повернуть колесницу и ускатать, так как воины, защищавшие его, валились на него, колеса врезались в кучи тел и не могли катиться; лошади, натываясь на груды трупов, почти прячась за ними, стали биться и не слушались вожжей. Дарий бросил колесницу и оружие, вскочил, как говорят, на недавно ожеребившуюся кобылу и бежал. Вряд ли удалось бы ему тогда убежать, если бы к Александру не явились опять всадники от Пармениона звать на помощь, так как там собралась большая сила и враг не подвоялся. Пармениона вообще обвиняют в том, что в этом сражении вел он себя нерадиво и вяло: может быть, старость лишила его отваги, а может быть, по словам Каллисфена, самовластие Александра его тяготило и его высокомерие вызывало зависть. Царь, раздосадованный этим зовом, не показал солда-

там своих истинных чувств; словно насытись убийством, он приказал трубить сбор, так как уже стемнело. На пути к своим тесным полкам он узнал, что враг совершенно разбит и обращен в бегство.

34

Так завершилось это сражение, положившее, как считали, конец владычеству персов. Александра провозгласили царем Азии; он приносил великолепные жертвы богам и раздавал друзьям богатства, дома и высокие должности. Ища славы у греков, он написал им, что уничтожил все тираннии и дал городам автономию, платейцев же уведомил, что он отстроит их город, потому что предки их предоставили эллинам свою землю для борьбы за свободу. Он отослал часть добычи кротонитам в Италию из уважения к ревности и доблести атлета Фаила, который во время войны с персами, когда все италийцы отреклись от эллинов, снарядил на собственные средства корабль и отплыл к Саламину, чтобы с ними делить опасности в сражении. С такой благосклонностью относился он ко всякому доблестному поступку, ибо хранил память о прекрасных делах, и они были ему близки и понятны.

35

В Вавилонии, куда он направился (страна сразу же подчинилась ему), его особенно изумила пропасть в Экбатанах, из которой все время, словно из источника, бил фонтаном огонь, а также нефтяной поток, такой большой, что он образовал озеро неподалеку от этой пропасти. Нефть в остальном похожа на асфальт, но это такое горючее вещество, что его не надо зажигать: оно вспыхивает от световых лучей и часто горит в воздухе. Варвары, желая показать силы и свойства нефти, слегка обрызгали ею проулок, ведущий к царской ставке; затем стали в конце этого проулка и обратили светильники в сторону, которая была этого увлажнена: уже темнело. Сразу же вспыхнул передний край, огонь распространился в один миг, и быстрый, как мысль, добежал до другого конца, так что весь проулок стоял в огне.

Среди прислуживающих царю в бане и умащавших его был некий Афинофан, афинянин, умевший приводить его в настроение легкомысленное и беззаботное. Как-то раз в бане Александру помогал мальчик, на вид очень простоватый и смешной, но пел он прелестно. Звали его Стефаном. «Хочешь, царь, — сказал Афинофан, — испытаем на Стефане силу нефти? Если она загорится на нем и не погаснет, то тогда я скажу, что сила ее вообще необорима». Мальчик охотно согласился на это испытание, но когда его смазали, внезапно вспыхнул и охватил его тело такой огонь, что Александр в страхе совершенно растерялся. На счастье тут стояло много людей с кув-

пинами, полными водой для мытья, иначе остановить огонь не успели бы. Да и так с трудом удалось загасить его: мальчик весь был в огне и после тяжело хворал.

Некоторые, справедливо указывая на правдивость мифов, говорят, что нефть как раз и была тем особым снадобьем, которым Медея, по рассказу трагедии, смазала венок и пеплос. Пламя, однако, вспыхнуло не от них и не само по себе: вблизи был огонь, притянувший к себе нефть стремительно, но незаметно для восприятия и соединившийся с ней. Лучи и потоки огня, стремящиеся издалека, одним телам сообщают только свет и тепло, в других же, содержащих в себе сухой воздух или достаточно жирной влаги, они собираются и, разливаясь потоками пламени, быстро видоизменяют вещество. Происхождение нефти непонятно ... или же скорее сила огня выталкивает влажное из земли, которая обладает природой жирной и огненной. Почва Вавилонии пропитана огнем: ячменные зерна часто отпрыгивают и отскакивают от земли, словно место под ними вздрагивает от жары; люди в период зноя спят на мехах с водой. Гарпал, оставленный правителем этой страны, всячески старался украсить царские сады и дворец греческими растениями. С другими он справился, и только плюща земли никак не принимала: он неизменно погибал, не вынося ее состава: она огненная, а плющ любит прохладу. Подобные отступления, если в них будет соблюдена мера, вызовут, может быть, меньше неудовольствия у людей ворчливых.

36

Александр, овладев Сузами, взял в царском дворце 40 тысяч талантов деньгами и несметное количество всякой утвари и всякого добра. Там же, говорят, нашли и на 5 тысяч талантов пурпурных тканей, окрашенных краской из Гермियोны; они пролежали 200 лет без десяти и были совсем как новые. Объясняется это, говорят, тем, что ткань, окрашенную в пурпур, опускают в мед, окрашенную же в белый цвет — в прозрачное оливковое масло: она в течение такого времени и сохраняет ослепительную белизну и блеск. Дион пишет, что персидские цари хранили в своей сокровищнице среди прочих присланных предметов и воду из Нила и Истра, словно утверждая этим сгромадность своей власти и свое господство над всеми.

37

Персида была недоступна для вторжения: она и гориста, и защищали ее из персов самые благородные и мужественные (Дарий находился в бегах). Нашелся, однако, проводник, знавший короткую обходную дорогу, он говорил на двух языках и был по отцу ликнийцем, а по матери персом. Говорят, что, ког-

да Александр был еще ребенком, Пифня предрекла, что ликиец проведет Александра по дороге в Персию...

Там произошло страшное избиение пленных. Он сам пишет, что приказал убивать людей, считая это к своей выгоде. Денег нашли столько же, как и в Сузах; прочее добро и утварь вывезли, говорят, на 10 тысячах подвод (в каждую запрягали по паре мулов) и на 5 тысячах верблюдов. Увидя большую стаю Ксеркса, которую толпа, проталкиваясь во дворец, впопыхах опрокинула, Александр остановился и заговорил, словно обращаясь к живому человеку: «Бросить тебя так за твой поход в Элладу или поднять за твою доблесть и душевное величие?» Долго простоял он перед статуей молча и затем ушел. Желая дать солдатам отдых (была как раз зима), он провел здесь 4 месяца.

Рассказывают, что, когда он сел впервые на царский трон под золотым куполом, каринфянин Дамарат, преданный Александру и бывший другом Филиппу, по-старчески заплакал и сказал: «Какой радости лишились эллины, умершие раньше, чем увидели Александра воссевшим на трон Дария».

38

Собираясь выступить против Дария, он как-то вместе с друзьями пировал и забавлялся. На пирушку к своим возлюбленным пришли и женщины, пившие вместе с остальными. Одна из них, особенно известная, Фаида, родом из Аттики, любовница Птолемея, в будущем царя Египта, умело хвалила Александра в одном и подшучивая над ним в другом, опьянев, дошла до того, что сказала слово, уместное по понятиям ее сограждан, но не соответствующее ее положению. Она сказала, что за все, что она претерпела, скитаясь по Азии, она получит награду в тот день, когда сможет поиздеваться над гордыней персидских царей. И еще сладостнее было бы ей, идя веселой толпой с пирушки, поджечь дом Ксеркса, сжегшего Афины; ей самой бы хотелось на глазах царя подложить огонь: пусть пойдет молва, что женщины сильнее отомстили персам за Элладу, чем знаменитые военачальники Александра, его стратеги и навархи. Поднялись крики и аплодисменты, сотрапезники стали уговаривать и подгонять друг друга. Царь, увлеченный общим порывом, вскочил и с венком на голове и факелом в руках пошел впереди. Спутники его веселой толпой с криками окружили дворец. Остальные македонцы, узнав в чем дело, радостно сбежались с факелами. Они надеялись, что царский дворец сжигают дотла, так как царь уже помышляет о доме и не собирается жить среди варваров. Одни говорят, что именно так и было; другие — что поступок этот не был обдуманным. Что Александр вскоре пожалел о нем и велел тушить пожар, — в этом согласны все.

По природе своей он был очень щедр, а когда дела его пошли все лучше и лучше, он стал раздавать еще больше. Вел он себя при этом с той приветливостью, которая делает подарок по-настоящему приятным. Я напому несколько случаев: Аристон, предводитель пеонов, убив вражеского воина и показывая Александру его голову, сказал: «У нас, царь, за такой дар чтят золотым кубком!» Александр засмеялся: «Да, но пустым! Я же выпью полный чистого вина за твое здоровье!» Один простой македонец гнал мула, навьюченного царским золотом. Животное устало; он снял с него ношу и понес ее сам. Царь, увидев совершенно измученного человека, расспросил, в чем дело, и когда тот хотел сложить перед ним золото, сказал: «Не трудись! Дойди уж как-нибудь до своей палатки и отнеси это себе». Вообще он больше сердился на тех, кто не брал, чем на тех, кто просил. Фокиону он написал, что не будет впредь считать его другом, если он станет отвергать его милости. Серапиону, одному из юношей, составлявших ему партию для игры в мяч, он ничего не давал, потому что тот ничего не просил. Однажды во время игры Серапион все время бросал мяч другим игрокам. «Почему ты не даешь мне мяч?» — спросил царь. «Ты ведь не просишь», — ответил тот. Александр рассмеялся и щедро одарил его. Как-то он рассердился на Протея, остроумного шутника и приятного собутыльника. Друзья просили за него; сам он плакал. Александр сказал, что он мирится с ним, но тот ответил: «Царь! Дай мне сначала залог примирения». Александр велел выдать ему 5 талантов. Из письма Олимпиады к нему видно, какие богатства раздавал он своим друзьям и телохранителям. «Благотвори своим друзьям и создавай им имя иным способом, — писала она ему, — ибо ты делаешь их всех почти царями, готовишь им множество друзей, а себя оставляешь одиноким». Много раз писала ему так Олимпиада, но он никому о том не рассказывал. Только однажды, когда Гефестион по обыкновению хотел прочесть вместе с ним полученное письмо, он не отнял письма, но, сняв с пальца перстень, приложил его печатью к губам друга. Сыну Мазея, занимавшего у Дария очень высокое место, он собирался прибавить к сатрапии, которой тот управлял, еще одну, ббльшую. Тот отказывался и сказал: «О, царь! Раньше был один Дарий, а теперь ты создал многих Александров». Пармениону он отдал дом Багоя, в котором, говорят, было найдено одного платья на тысячу талантов. Антипатру он приказывал в письме держать при себе охрану, потому что против него составляется заговор. Матери он посылал множество даров, но не позволял ей вмешиваться ни в государственные дела, ни в распоряжения по войску. Она упрекала его за это, но он спокойно переносил ее недовольство. Однажды только, когда Антипатр прислал ему длинное

обвинительное письмо против нее, он сказал: «Антипатр не понимает, что одна материнская слеза стирает тысячи таких писем».

40

Когда он увидел, что его сподвижники утопают в наслаждениях и образ жизни их становится просто противным (у теосца Гагнона сапоги были подбиты серебряными гвоздями; Леонату караваном верблюдов привозили для гимнастики песок из Египта; Филота заказал себе охотничьих тенет на 100 стадиев длины; миррой натирались теперь в бане обильнее, чем раньше оливковым маслом, и держали при себе постельничих и массажистов), он стал ласково и разумно упрекать их: его удивляет, говорил он, как можно после стольких тяжелейших испытаний забыть, что после победы спят слаще, чем после поражения? Разве они не видят, сравнивая свою жизнь с жизнью персов, что любить наслаждения свойственно рабу, радоваться трудам — натуре царственной. «Может ли, — говорил он, — ходить за лошадью, чистить копые или шлем человек, отвыкший ухаживать за собственным телом?» «Или вы не знаете, — сказал он однажды, — что существо власти нашей — не делать того, что делают подвластные нам». Сам он прилагал труды к трудам и в походах и на охоте и подвергался опасности, соревнуясь с другими. Посол из Лакедемона, присутствовавший при том, как он сразил большого льва, сказал: «Хорошо ты, царь, сражаешься за царскую власть с царем!» Сцену этой охоты Кратер послал в дар Дельфам; он заказал медные статуи льва, собак, царя, сражающегося со львом, и себя, спешащего ему на помощь. Одни из этих фигур сделал Лисипп, другие — Леохар.

41

Александр, упражняясь сам и побуждая к этому же других, подвергал себя опасностям доблести ради. Друзья же его, получив богатства и высокие звания, хотели жить в роскоши и безделье. Их тяготили странствия и походы; постепенно дошло до того, что они стали злословить царя и бранить его. Он отнеслся к этому сначала спокойно, говоря, что это царский удел: слушать брань за оказанные милости. А между тем самые мелочи в его отношении к близким свидетельствовали о его большой к ним благосклонности и большом уважении. Я приведу лишь несколько примеров. Певкеста он укорял в письме, что, когда его погрыз медведь, он написал об этом другим, а ему ничего не сообщил. «Теперь по крайней мере, — писал Александр, — налиши, как ты себя чувствуешь и не бросил ли тебя на охоте кто из товарищей: их надо наказать». Гефестиону и его товарищам, которые отбыли по каким-то делам, он написал, что, в то время как они дразнили ихневмона, Кра-

тер подвернулся под дротик Пердикки и был ранен в оба бедра. Когда Певкест поправился от какой-то болезни, царь написал благодарственное письмо его врачу Алексиппу. Увидев во сне, что Кратер болен, он и сам приносит за него какие-то жертвы и велит приносить их самому Кратеру. Он написал Павсанию, врачу, желавшему лечить Кратера чемерицей, письмо, в котором и выражал свое беспокойство, и давал советы, как пользоваться этим лекарством. Эфиальта и Кисса, первых, кто сообщил ему о бегстве Гарпала, он велел бросить в оковы как клеветников. Когда он отправлял на родину больных и старых солдат, то Эврилох, уроженец Эг, занес и себя в списки больных. Его уличили в том, что он совершенно здоров. Он признался тогда, что влюблен в Телесиппу и хочет сопровождать ее в ее путешествии к морю. Александр спросил у кого-то, что это за женщина, и услышал, что она свободная и гетера. «Я буду тебе товарищем в любви, Эврилох! — сказал царь. — Раз Телесиппа свободная, подумай о том, как нам — словами или подарками — убедить ее остаться».

42

Удивительно, что он находил время писать друзьям о совершенных пустяках: он пишет, например, письмо с приказом найти Селевкова раба, бежавшего в Киликию; благодарит Певкеста за то, что он поймал Никона, раба Кратера; Мегабизу приказывает схватить раба, нашедшего убежище в храме, но только если он сумеет вызвать его оттуда: в храме его не трогать. Рассказывают, что в начале своего царствования, разбирая уголовные дела, он во время обвинительной речи зажимал рукой одно ухо, чтобы оно не было осквернено клеветой на обвиняемого. Впоследствии его ожесточили многочисленные наветы; начинались они со справедливых обвинений, а затем сворачивали на сплошную ложь. Совсем уже не владел он собой, слыша, как его поносили: тут он становился злым и неумолимым, ибо дорожил славой больше жизни и власти.

Он выступил опять против Дария, чтобы дать ему еще сражение. Услышав, что Бесс захватил его, он отпустил фессалийцев, прибавив к их жалованью подарок в 2 тысячи талантов. Во время преследования (оно было длинным и трудным: за 11 дней люди проскакали 3 тысячи 300 стадиев) большинство выбилось из сил, особенно когда пришлось идти по безводной местности. Тут ему встретилось несколько македонцев, везших с собой на мулах мехи с водой. Видя, что Александр изнемогает от жажды (был как раз полдень), они быстро налили воды в шлем и поднесли ему. Он спросил, кому они везут воду. «Нашим сыновьям, — ответили те, — но если ты останешься жив, то не беда, даже если мы их загубим, мы народим других». После этих слов он взял шлем в руки. Оглядев-

шись и видя, что все всадники, окружавшие его, вытянули головы и смотрят на него, он отдал шлем, ничего не отпив, поблагодарил давших и сказал: «Если я полью один, то они вот падут духом». Видя его самообладание и великодушие, всадники закричали: «Смело веди нас!» — и стегнули лошадей: они не желают знать ни усталости, ни жажды и вообще не считают себя смертными людьми, пока с ними такой царь.

43

Все полны были одинакового рвения, но, говорят, только 60 человек ворвались в неприятельский лагерь. Не обращая внимания на кучи брошенного серебра и золота, минуя множество повозок с детьми и женщинами, ехавших в разные стороны без возниц, они стремились нагнать находившихся впереди, рассчитывая, что там окажется Дарий. С трудом нашли его; он лежал в повозке весь исколотый дротиками и уже почти кончался. Все же он попросил пить; выпив холодной воды, он сказал Полистрату, подавшему ему: «Самое большое из моих несчастий в том, что я не могу отплатить добром за добро. Александр отблагодарит тебя, Александру же воздадут боги за его доброту к моей матери, жене и детям. Протягивая тебе руку, я протягиваю ее ему». Сказав это и взяв Полистрата за руку, он умер.

Александр подошел и явно опечалился несчастьем Дария. Растегнув свою ламиду, он завернул в нее его тело. Настигнув впоследствии Бесса, он казнил его лютой смертью: два стройных дерева согнули вершиной к вершине; убийцу привязали к обоим, затем деревья отпустили; они стремительно выпрямились, разодрав тело пополам. Тогда же, облачив по-царски тело Дария, он отослал его к матери, а брата Эксафра взял в число «друзей».

44

С войском самым свежим вторгся он в Гирканию; тут он увидел морской залив, который был, по-видимому, не меньше Понта; вода в нем оказалась преснее, чем обычно в море. Собрать о нем точные сведения он не смог и предположил, что скорее всего это лиман Мэотийского озера. Люди, занимающиеся изучением природы, давно уже знали истину; за много лет до Александрова похода они писали, что Внешнее море врезается в материк четырьмя заливами, и это из них самый северный: он называется Гирканским, или Каспийским, морем.

Тут какие-то варвары неожиданно напали на конюхов, ведших Букефала, и отняли его. Александр рассвирепел; он отправил к ним глашатая и пригрозил, что перебьет всех с женами и детьми, если ему не вернут лошадь. Когда же они пришли к нему, привели лошадь и сдали ему свои города, он обошелся со всеми ласково, а взявшим лошадь дал за нее выкуп.

Отсюда он снарядился в Парфию и тут как-то на досуге впервые надел варварскую одежду. Может быть, он хотел приобщиться к местным нравам — принятие того, к чему люди привыкли и с чем сроднились, весьма способствует их умиротворению, — может быть, он незаметно пытался внушить македонцам мысль о том, что ему надо кланяться в ноги, и постепенно приучал их мириться с переменой в образе жизни. Он, однако, не принял целиком мидийского облика, столь варварского и чуждого: не надел ни штанов, ни верхней одежды с рукавами, ни тиары, но устроил себе что-то среднее между персидской и македонской одеждой: она была скромнее первой и пышнее второй. Он надевал ее сначала только дома, принимая варваров и друзей, а затем стал появляться в таком виде на людях и на больших приемах. Македонцев огорчало это зрелище, но, чтя доблесть царя, рассуждали: следует ему иногда уступать в том, что доставляет ему удовольствие и служит к его славе. А кроме того, его недавно ранило стрелой в голень так, что откололся кусок от берцовой кости; камнем его так ударили в шею, что у него надолго потемнело в глазах. Тем не менее он, не щадя себя, подвергался опасностям: перейдя реку Орекарт (сам он думал, что это Танаис) и обратив скифов в бегство, он стадией 100 гнался за ними, хотя и страдал расстройством желудка.

Здесь, по рассказу многих, в том числе Клитарха, Поликлета, Онесикрита, Истра и Антигена, к нему прибыли амазонки. Аристокл, Харет, секретарь Александра, Гекатей-эретриец, Птолемей, Антиклид, Филон-фиванец, Филипп из Феангел, Филипп-халкидец и самосец Дурис считают этот рассказ выдумкой. В пользу их свидетельствует, по-видимому, и сам Александр. Подробно описывая все Антипатру, он говорит, что царь скифов предлагал ему в жены свою дочь, но об амазонках не упоминает. Рассказывают, что много лет спустя Онесикрит читал Лисимаху, тогда уже царю, четвертую свою книгу, где говорится об амазонках. Лисимах, спокойно улыбувшись, спросил: «Где же я тогда был?» Восторг перед Александром, конечно, не уменьшится от того, принять этот рассказ или отвергнуть.

Боясь, как бы македонцы не отказались идти дальше, он оставил на месте большое число их, а сам с лучшими воинами, которые были с ним в Гиркании (20 тысяч пехоты и 3 тысячи всадников), решился на такую попытку. Он сказал, что они мелькнули теперь для варваров, как сновидение; если же они

уйдут, только взволновав всю Азию, то варвары сразу же кинутся на них как на беззащитных женщин. Он говорил, что он не держит желающих уйти; они засвидетельствуют, что Александр, приобретя вселенную для македонцев, был ими оставлен... он идет в поход с друзьями и добровольцами. Почти в таких словах писал он об этом Антипатру, а также и о том, что после этой речи все закричали: пусть ведет их, куда только захочет. После того как опыт с этой частью войска прошел удачно, нетрудно уже было склонить все войско: оно охотно последовало за ним.

Он все более усваивал себе местный образ жизни; коренных же обитателей приучал к обычаям македонским. Он считал, что во время его длительного отсутствия все устроится лучше без насилия путем дружественного общения и взаимного приспособления. Поэтому он отобрал 30 тысяч мальчиков и велел учить их греческой грамоте и приучать пользоваться македонским оружием; к ним приставили много учителей. Заключен был и брак с Роксаной — по любви: он увидел ее, цветущую красавицу, на пирушке в каком-то хороводе — брак, вполне соответствующий положению дел. Он ободрил варваров как одноплеменников жены Александра, и они стали относиться к нему с большой любовью, уважая чистоту его поведения: с единственной женщиной, победившей его, он не захотел вступить в незаконную связь.

Из его ближайших друзей Гефестион одобрял его поведение и так же, как он, изменил свой образ жизни; Кратер оставался верен отцовским обычаям. Первый помогал ему в сношениях с варварами, второй — с греками и македонцами. Вообще Гефестиона он особенно любил, а Кратера уважал; он и считал, и всегда говорил, что Гефестион любит Александра, а Кратер — царя. Между обоими поэтому существовала тайная вражда, и столкновения между ними бывали часто. Однажды в Индии они кинулись друг на друга, схватившись за мечи; друзья бросились на помощь каждому. Александр подбежал и стал открыто бранить Гефестиона, называя его легкомысленным и безумным: неужели он не понимает, что если у него отнимут Александра, то он будет ничто. Наедине он горько упрекал Кратера. Он свел обоих, помирил их и поклялся Аммоном и другими богами, что их он любит больше всех, но если он узнает, что они опять поссорились, то он убьет или обоих, или зачинщика. После этого, говорят, они не задевали друг друга ни словом, ни делом.

Филота, сын Пармениона, пользовался большим уважением среди македонцев. Его считали первым после Александра по мужеству, выносливости, щедрости и верности друзьям. Рассказывают, что кто-то из близких ему попросил у него де

нег; Филота распорядился выдать. Управитель заявил, что денег нет. «Что ты говоришь? — сказал Филота. — Разве у тебя нет чаши или гиматия?» Его высокомерие, богатство, роскошь в одежде и образе жизни были недопустимы для частного лица; в той важности и в том величии, какие он придавал себе, было что-то поддельное и грубое и ничего привлекательного. К нему начали относиться с подозрением и завистью, так что Парменион сказал ему однажды: «Сын мой, будь-ка поменьше». Перед Александром клеветали на него уже с давних пор. Когда после поражения Дария в Киликии забрали его богатства в Дамаске, в лагерь доставили много рабов; среди пленных оказалась красавица женщиной родом из Пидны; звали ее Антигоной. Филота взял ее себе. Однажды он, сильно подвыпив, откровенно разговорился со своей любовницей — для юноши это естественно — и стал рассказывать ей о своих военных подвигах: себе и отцу он приписывал самые великие дела; Александра называл мальчишкой, который пожал плоды их трудов: царский титул. Женщина пересказала это кому-то из своих близких; тот, как водится, еще другому — слух дошел до Кратера. Взяв с собой женщину, он тайно привел ее к Александру. Царь выслушал ее, велел вернуться обратно к Филоте и обо всем, что она от него узнает, сообщать ему.

49

Филота, таким образом, и не знал о том, что против него умышляют; он продолжал жить с Антигоной и часто в гневе и раздражении бросал против царя неподобающие речи. Александр молчал и терпел, несмотря на сильные улики против Филоты: он или полагался на расположение к себе Пармениона, или же боялся известности и влияния их обоих.

В это время один македонец, по имени Лимн из Халестры, задумав заговор против Александра, пригласил участвовать в нем одного юношу, Никомаха, которого любил. Тот отказался и рассказал о готовящемся покушении своему брату, Кебалину. Тот отправился к Филоте и попросил его представить их Александру, потому что у них имеются нужные для него и важные сведения. Филота, по какому-то побуждению (в чем было дело — неизвестно), не отвел их, сказав, что царь занят другими, более важными делами. Так повторилось дважды. Тогда, заподозрив Филоту, они обратились к кому-то другому, были проведены к Александру и сначала донесли про Лимна, а затем вскользь упомянули, что они дважды были у Филоты, но тот не обратил на них внимания.

Александр в сильном раздражении послал схватить Лимна; тот стал защищаться, и посланец убил его, и это еще больше обеспокоило Александра: он считал, что исчезли все улики, изблечившие заговор. На Филоту он горько досадовал, и тут старые враги его воспользовались случаем: стали открыто го-

ворить, что легкомысленно со стороны царя думать, будто Лимн, простой человек из Халестры, мог один, сам от себя, отважиться на такое дело; был он только слугой, вернее даже просто оружием, которое метнула более сильная рука; заговорщиков следует искать среди тех, кому всего выгоднее было скрыть заговор. Так как царь жадно прислушивался к таким речам и предположениям, то на Филоту возвели бесчисленное количество клеветы. Его схватили и стали допрашивать; «друзья» присутствовали при пытках; Александр слушал, растянувшись за занавеской. Говорят, когда Филота с жалобным воплем и униженной мольбой обратился к Гефестиону и окружавшим его, Александр воскликнул: «Ты, жалкий трус! И ты берешься за такие дела!»

После смерти Филоты он сразу же отправил своих людей в Мидию и велел им убить Пармениона, человека, много сделавшего вместе с Филиппом; из людей старшего поколения, близких к Александру, единственного, кто уговаривал его вступить в Азию или особенно на этом настаивал; из трех сыновей, которые у него были, двоих он видел убитыми на войне, с третьим погиб сам.

Эти поступки внушили страх перед Александром многим из «друзей», особенно же Антипатру. Он тайно послал к этолийцам и заключил с ними союз. Этолийцы боялись Александра, памятуя, о разрушении Эниад, узнав о котором он сказал, что этолийцев накажут не дети эниадцев, а он сам.

50

Вскоре очередь дошла до Клита. Если просто рассказать о его конце, то покажется, что Александр поступил с ним еще свирепее, чем с Филотой, но если обдумать и причину его гибели, и время ее, то мы увидим, что сделал это царь не по намерению, а по несчастному случаю: гневом и опьянением Клита воспользовался злой демон.

Все произошло таким образом. Кто-то привез царю фруктов из Эллады. Восторгаясь их зрелостью и красотой, он позвал Клита, желая показать их и передать ему. Клит занят был жертвоприношением; приостановив его, он пошел к царю, и вслед за ним пошли 3 овцы, обреченные на заклание. Узнав об этом, царь посоветовался с прорицателем Аристаидром и лаконцем Клеоменом, и когда они сказали, что это плохое знамение, он велел сейчас же принести жертву за Клита. Сам он за 3 дня до того видел странный сон. Ему приснилось, будто Клит сидит вместе с сыновьями Пармениона — их уже не было в живых — все в черных гиматиях. Клит едва успел кончить жертвоприношение и прямо пошел на обед; царь уже принес жертву Диоскурам.

Пирушка была в разгаре, молодежь выпила крепко. Затаили песню какого-то Праниха или, как говорят некоторые,

Пиериона, написанную на позор и осмеяние полководцев, недавно разбитых варварами. Гости постарше рассердились и стали бранить и поэта и певца, но Александр с товарищами слушали с удовольствием и поощряли продолжать. Клит, уже пьяный, дерзкий и чванливый по характеру, негодовал больше всех: нехорошо, говорил он, в присутствии варваров и врагов оскорблять македонцев, которые и в несчастье выше тех, кто над ними смеется. Александр заметил, что Клит, называя трусость несчастьем, выступает себе на защиту. Клит встал: «Эта самая трусость спасла тебя, сына богов, когда ты убежал от Спифрадатова меча. Македонцы своей кровью и ранами подняли тебя так высоко, что ты выдаешь себя за сына Аммона и отрекаешься от отца «Филиппа».

51

Александр вспыхнул: «Негодник! Ты думаешь, мне приятно, что ты постоянно говоришь об этом и мутишь македонцев?» — «И нам неприятно, что за труды наши получили мы такую награду: счастливы те, кто уже умер и не увидел, как мидийские палки гладят македонцев и как македонцы просят персов пустить их к царю». Так свободно говорил Клит; Александр и сидевшие около вскочили, осыпая Клита бранью, а старшие старались унять смятение. Александр повернулся к Ксенодоху, уроженцу Кардии, и к Артемию, колофонцу: «Не кажется ли вам, что эллины среди македонцев кажутся полубогами, расхаживающими среди зверей?» Клит предложил Александру говорить не обиняками, а сказать прямо, чего он хочет, или не приглашать к обеду людей свободных, имеющих право говорить открыто: пусть живет с варварами и рабами, которые будут падать ниц перед его персидским поясом и беловатым хитоном. Александр, совсем вне себя от гнева, бросил в него яблоком, лежавшим около, и стал искать меч. Аристон, телохранитель, успел его убрать; остальные с мольбами окружили его. Он вскочил и стал на македонском наречии кричать и сзывать оруженосцев: это было сигналом большой тревоги. Трубачу он велел трубить и ударил его кулаком, потому что он медлил и не хотел выполнять приказание. Впоследствии он пользовался большим уважением, так как главным образом благодаря ему в лагере не произошло смятения. Клита крепко держали друзья; с трудом вытолкали его из комнаты. Он тут же вошел через другие двери, смело и презрительно декламируя стихи из Эврипидовой «Андромахи»:

«...как ложен суд толпы!»

Схватив копье у кого-то из копьеносцев, Александр пронзил им Клита, шедшего ему навстречу из-за дверного занавеса. Тот упал со стопом и хрипом: жизнь сразу покинула его. Придя в себя, видя, что все друзья стоят в безмолвии, Алек-

сандр стремительно выхватил копье из убитого и хотел вонзить его себе в горло. Его удержали; телохранители, взяв его за руки, силой перенесли царя в спальню.

52

Он провел всю ночь, горько рыдая и жалуясь. Наступил день; он не мог уже кричать и плакать и лежал безмолвно, тяжело стеною. Друзья, испугавшись этого молчания, вломилась к нему. Ни на чьи слова не обращал он внимания, но, когда Аристандр, прорицатель, напомнил ему сон о Клите и бывшее потом знамение и сказал, что все случившееся давно было предназначено судьбой, он как будто стал успокаиваться.

Поэтому к нему пустили философа Каллисфена, родственника Аристотеля, и абдерита Анаксарха. Каллисфен старался утешить его незаметным образом, не касаясь больного места, словами кроткими и глубокомысленными. Анаксарх, с самого начала шедший своей дорогой в философии и приобретший имя своим презрением и пренебрежением к приятному и обычному, войдя, сразу закричал: «И это Александр, на которого смотрит теперь вся Вселенная! Он валяется в слезах, как раб, в страхе перед людскими законами и укорами, а ему подобает стать для людей законом и мерилом справедливого. Ты побеждал, чтобы управлять и властвовать, а не быть рабом пустых мнений! Разве ты не знаешь, зачем рядом с Зевсом восседают Справедливость и Правосудие? Затем, чтобы всякий поступок властителя почитался правосудным и справедливым!» Такими словами Анаксарх облегчил горе царя, но и внушил ему больше гордости и презрения к закону. Сам он удивительно прихорючился к царю и отвратил его от общения с Каллисфеном, вообще неприятного Александру за его строгость и серьезность.

Рассказывают, что однажды за обедом зашла речь о временах года и составе воздуха. Каллисфен, разделяя мнение говоривших, сказал, что климат тут гораздо холоднее и суровее, чем в Элладе. Анаксарх возражал, стремясь взять верх. «Тебе необходимо согласиться, что здесь холоднее: там ты ходил зимой в стареньком плаще, а здесь укрываешься тремя коврами». Анаксарха раздражили и эти слова.

53

Остальных софистов и льстецов Каллисфен раздражал. Но молодежь толпилась около него, предаваясь философии; людям постарше он также нравился своим образом жизни, упорядоченным, серьезным, независимым и подтверждавшим причину, которая, как говорили, заставила его покинуть родину. Он примкнул к Александру, желая вернуть на родину сограждан и восстановить родной город. Завидовали его славе, но и сам

он давал повод клеветникам: он в большинстве случаев отказывался от приглашений, а его мрачность и молчаливость в обществе казались осуждением происходящего. Александр сказал про него:

«Мудрец мне ненавистен, кто не мудр себе».

Рассказывают, что однажды за обедом, где присутствовало много званных гостей, его стали просить произнести за чашей похвальное слово македонцам. Оно так удалось Каллисфену, что все встали, аплодируя ему, и забросали его венками. Александр сказал, цитируя Эврипида:

«Прекрасна тема — речь сказать легко», покажи нам свое искусство, обвиняя македонцев: пусть они станут лучше, узнав о своих недостатках». Тогда Каллисфен, отрекшись от прежних слов, откровенно высказался относительно македонцев и указал, что только раздоры среди эллинов сделали Филиппа великим и сильным: «Когда все во вражде, и самому плохому достается почет». Это породило у македонцев жестокую к нему ненависть. Александр же заметил, что Каллисфен обнаружил не свое искусство, а лишь нелюбовь к македонцам.

54

Гермипп говорит, что отец Каллисфена, Стриб, сообщил об этом Аристотелю; Каллисфен же, понимая, что царь ему враждебен, уходя от него, повторил два или три раза:

«Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный». Аристотель, по-видимому, верно заметил, что Каллисфен прекрасно владеет речью и силен в этом, но ума у него нет.

Во всяком случае он решительно как философ отвергал обряд земного преклонения перед Александром и — единственный — открыто высказал то, о чем думали, негодуюя в душе, лучшие из молодых македонцев; он избавил от великого срама греков и Александра от еще большего: удержал его от введения этого обряда, хотя, видимо, скорее принудил к этому царя, чем убедил; себя же он погубил. Харет, митиленец, рассказывает, что Александр на пиру, отлив, протянул чашу кому-то из друзей. Тот взял ее, подошел к очагу, выпил и сначала земно поклонился Алек-

Голова Александра

сандру, затем поцеловал его и опять возлег. То же самое сделали все подряд; Каллисфен же, взяв чашу сам (царь не обращал на него внимания и разговаривал с Гестеионом), отпил и подошел к Александру поцеловать его. Тут Деметрий, прозванный Фидоном, воскликнул: «Царь! Не целуй его! Он единственный не поклонился тебе!» Александр отвернулся, а Каллисфен сказал во всеуслышание: «Ухожу одним поцелуем беднее».

55

Так началось отчуждение между обоими. Во-первых, царь поверил словам Гестеиона: будто Каллисфен сговорился с ним поклониться царю, а затем нарушил этот договор. Потом вынырнули Лисимахи и Гагноны с разговорами о том, что софист расхаживает с таким гордым видом, словно он сокрушил тиранию, а юнцы сбегаются к нему и почтительно ходят за ним как за единственным среди многотысячной толпы свободным человеком. Поэтому, когда был раскрыт заговор Гермолая против Александра, правдоподобными казались обвинения клеветников, будто Гермолай предложил вопрос: «Как может человек больше всего прославиться?» И Каллисфен ответил: «Убив самого прославленного». Побуждая Гермолая на это дело, он советовал ему не бояться золотой кровати, а помнить, что он подходит к человеку, который может и заболеть, и быть ранен. Из сообщников Гермолая, однако, ни один, даже в самых страшных пытках, не оговорил Каллисфена. И сам Александр тогда же писал Кратеру, Атталу и Алкете, что юноши под пытками согласно утверждали, что все затеяли они одни и что никто, кроме них, о заговоре ничего не знал. Позже, в письме к Антипатру, он обвинял уже заодно и Каллисфена. «Юношей, — пишет он, — македонцы побили камнями; софиста же я накажу сам, накажу и тех, кто прислал его, и тех, кто принимал по городам, умышляющим против меня». Этими словами он прямо указывал на Аристотеля, который воспитал у себя Каллисфена; он приходился ему родственником: был сыном Геро, двоюродной сестры Аристотеля. Одни говорят, что Александр его повесил, другие — что Каллисфен заболел и умер в заключении, по словам Харета — после семимесячного заключения: Александр держал его в тюрьме, чтобы судить потом в присутствии Аристотеля. В это время Александр был ранен в Индии, а Каллисфен умер от невероятной толщины, заеденный вшами.

56

Все это случилось позднее. Коринфянин Демарат хотя и состарился, но почитал вопросом чести побывать у Александра. Поглядев на него, он сказал, что великой радости лишился эллины, умершие раньше, чем увидеть, как Александр

воссел на трон Дария. Он недолго, однако, пользовался милостью царя: немощный старец, он скончался и почтен был пышными похоронами: воины насыпали в память его курган огромной окружности и 80 локтей высоты. Останки его везла к морю роскошно украшенная четверка коней.

57

Собираясь в поход на Индию и видя, что войско, уже отягощенное множеством добычи, тяжело на подъем, он как-то рано утром велел нагрузить повозки и поджечь их: сначала свои собственные, затем повозки друзей и наконец остальных македонцев. Замысел этот было труднее составить, чем выполнить. Огорчил он немногих; большинство же с восторгом, крича и ликуя, отдали необходимое нуждавшимся, а лишнее истребили и сожгли. Это укрепило решение Александра двинуться дальше. Стал он уже грозен и виновных наказывал неумолимо. Менандра, одного из друзей, которого он поставил начальником какого-то укрепления, он казнил за то, что тот не захотел там остаться; Орсодата, участника восстания, убил своей рукой из лука. Когда какая-то овца родила ягненка, у которого на голове оказалось нечто, видом и цветом похожее на тиару, а с обеих сторон ее по ядру, он пришел в ужас от этого знамения и подверг себя очищению у вавилонских жрецов, к которым обычно в таких случаях и прибегал. Другим он объяснял, что смущается не за себя, а за них: как бы, если он покинет их, божество не передало власть человеку низкому и слабому. Он, однако, ободрился от другого счастливого знамения. Главный постельничий, македонец Проксен, расчищая у реки Окса место для царской палатки, раскопал источник жирной сверкающей влаги. Когда он отчерпал то, что было сверху, ключом забила чистая прозрачная жидкость, совершенно схожая с оливковым маслом и по вкусу и по запаху, но ни с чем не сравнимая по своему сверканию и блеску. Между тем в земле этой маслина не растет. И в Оксе вода, говорят, такая мягкая, что на коже при купании выступает жир. Что Александр чрезвычайно обрадовался этому знамению — видно из его письма Антипатру: он считал его самым важным из всех посланных ему божеством. Пророчицатели истолковали его так: поход будет славным, но трудным и тяжелым: бог ведь дал людям оливковое масло в облегчение от трудов.

58

Много опасностей выпало ему в сражениях; открылись раны, полученные в юности. Воины же гибли главным образом вследствие недостатка припасов и тяжелого климата. Александр считал для себя честью преодолевать судьбу отвагой, а полки врагов — храбростью; по его мнению, смелый возьмет

все; труса не защитит ни одна крепость. Рассказывают, что во время осады отвесной недоступной скалы, на которой находилась крепость Сисимифра, солдаты совершенно пали духом. Александр спросил Оксиарта, что за человек Сисимифр. Тот ответил, что это трус из трусов. «По твоим словам выходит, что крепость мы можем взять: ее основание не крепкое». Он и взял ее у перепуганного Сисимифра. Поручив осаду другой столь же отвесной скалы с крепостью отрядам македонской молодежи, он, поздоровавшись с одним юношей, которого звали Александром, сказал: «Ты мне тезка; из-за одного имени надлежит тебе быть удальцом». Когда юноша пал, доблестно сражаясь, Александр очень сокрушался. Когда македонцы медлили подступать к Нисе (под городом протекала глубокая река), Александр, став над рекой, воскликнул: «Бездельник я! Не выучился плавать!» — уже собирался со щитом в руках начать переправу. По окончании сражения к нему пришли послы из осажденных городов с просьбами. Вид его, покрытого грязью, еще в доспехах, потряс их сначала ужасом. Затем ему принесли подушку, и он предложил старшему из послов сесть на нее; звали его Акуфис. В изумлении от его мягкости и дружелюбия Акуфис спросил, что им делать, чтобы угодить ему и стать его друзьями. «Пусть они поставят тебя своим правителем, — ответил Александр, — а мне пришлю сотню отборных людей». Акуфис засмеялся: «Я лучше буду управлять, царь, если пошлю тебе не отборных людей, а отъявленных негодяев».

59

Судя по рассказам, владения Таксила в Индии не уступали величиной Египту, отличались большим плодородием и превосходными пастбищами. Сам он был человеком мудрым. Приветливо встретив Александра, он сказал ему: «Зачем нам, Александр, воевать и сражаться друг с другом? Или ты пришел отобрать у нас воду и насыщенный хлеб? Только в таком случае люди, не потерявшие разума, начинают войну. Если же всего остального добра у меня больше, чем у тебя, я готов поделиться, а если меньше, то я охотно воздам тебе благодарностью за твою ласку». Александр, радостно пожимая ему руку, ответил: «И ты думаешь, что после таких дружеских слов наше свидание обойдется без битвы? И ты ничего не выиграешь: я буду биться и сражаться с тобой — добром: не допущу, чтобы тут ты одолел меня». Получив от Таксила много даров, Александр дал ему еще больше и наконец подарил ему тысячу талантов деньгами. Этим он очень огорчил своих друзей, но многих варваров сильно расположил к себе.

Самые воинственные из индов, нанимаясь в солдаты по городам, мужественно защищали их и доставили Александру много бед. В каком-то городе он договорился с ними и заключил мир. Они ушли; захватив их в дороге, он всех перебил

Это как пятно на его воинской деятельности; во всех остальных случаях он воевал честно, по-царски.

Не меньше хлопот доставляли ему философы: они поносили царей, перешедших на его сторону, и поднимали восстания среди свободных племен. Поэтому он много их перевешал.

60

Войну с Пором он описал в письмах: между обоими лагерями, рассказывает он, протекал Гидасп; Пор поставил слонов насупротив переправы и не спускал глаз с нее. Александр ежедневно поднимал в лагере великий грохот и шум, приучая варваров к тому, чтобы не обращать на это внимания. В одну бурную и безлунную ночь, взяв с собой часть пехоты и отборных всадников, он прошел далеко вперед, оставив неприятеля за собой, и переправился на небольшой остров. Тут полил проливной дождь; над лагерем разразилась страшная гроза. Он видел, как молнии поражали людей, и они умирали, обгорев, но все равно снялся с островка и переправился на противоположный берег. Течение Гидаспа стало стремительным; вода отливня поднялась и образовала большую промоину, куда и устремилась значительной своей частью. Солдаты едва-едва добрались до середины этого места: было скользко, и вода все время их захлестывала. Говорят, Александр сказал: «Если бы вы поверили, афиняне, сколько опасностей я терплю ради вашей славы». Это рассказывает только Онесикрит; сам же Александр пишет, что они бросили плоты и перешли с оружием через промоину по грудь в воде. Переправившись, он с конницей на 20 стадиев опередил пехоту, рассчитывая таким образом: если на него нападет конное войско, то перевес будет целиком на его стороне; если неприятель двинет на него пехоту, то его пехотинцы успеют подойти к нему. Осуществилось первое. На него бросились тысяча всадников и 60 колесниц; колесницы были все захвачены; всадников полегло 400. Пор, сообразив, что Александр переправился через реку, пошел на встречу со всем войском, оставив только охрану, которая помешала бы переправиться остальным македонцам. Испугавшись слонов и большого войска, Александр ринулся на левое крыло неприятеля сам, а Кену приказал напасть на правое. Неприятельские солдаты, поворачивая вспять, отступали с обеих сторон до линии слонов и зажимали в клещи напиравших. Началась рукопашная беспорядочная схватка; едва лишь в восьмом часу вечера прекратилось сражение.

Так рассказывал в своих письмах виновник этого сражения. Большинство писателей согласно пишут, что Пор был ростом в 4 с половиной локтя и по своему росту и весу так же подходил к слону, — хотя слон и был из самых больших, — как всадник подходит к лошади. Слои этот обнаружил замечательную сообразительность и заботливость о царе: пока тот был в си-

лах, слон гневно отбивал и отбрасывал нападающих; когда же он заметил, что Пор изнемогает от ран, нанесенных стрелами, он, боясь, как бы царь не свалился с него, медленно опустился на колени и потихоньку одну за другой стал выдергивать хоботом из него стрелы.

Когда Александр спросил взятого в плен Пора, как с ним обращаться, тот ответил: «По-царски». На следующий вопрос Александра: не скажет ли он еще чего?—Пор сказал: «В словах «по-царски» заключается все». Александр не только оставил ему его царство под названием сатрапии, но еще добавил независимую область, которую покорил: там жило, говорят, 15 племен, было 5 тысяч хороших городов и очень много селений. Над другой областью, вдвое большей, он поставил сатрапом Филиппа, одного из друзей.

61

После битвы с Пором умер и Букефал, не сразу, впрочем, а позднее. Большинство говорит, что он умер, пока его лечили от ран. Онескрит же — что от старости и переутомления: ему было уже 30 лет. Александр сильно горевал; он считал этого коня близким существом и другом. В память его он основал на Гидаспе город, который и назвал Букефалами. Рассказывают, что у него была любимая собака, Перита, которую он сам вырастил. Лишившись ее, он основал город, названный ее именем. Сетион говорит, что все это он слышал от лесбосца Потамона.

62

Война с Пором расколодила македонцев: им не хотелось идти по Индии дальше. С трудом отбросили они его, хотя он выставил против них только 20 тысяч пехоты и 2 тысячи конницы. Они решительно воспротивились Александру, принуждавшему их перейти через Ганг: ибо узнали, что шириной река эта в 32 стадия, глубиной в 100 оргий, а на противоположном берегу ее не видно земли под множеством вооруженных людей, коней и слонов. Рассказывали, что цари гандаритов и праснев поджидают врага с войском в 80 тысяч всадников и 6 тысяч боевых слонов. Это были не пустые слова. Сандракотт, ставший царем вскоре после этих событий, подарил Селевку 500 слонов и покорил всю Индию, пройдя по ней с шестисоттысячным войском.

Александр сперва в гневе и отчаянии лежал, затворившись в своей палатке: он считал, что если они не перейдут Ганг, то все сделанное пойдет прахом; вернуться назад значило, по его мнению, признать свое поражение. Друзья приводили ему разумные доводы; солдаты толпились у дверей с плачем, кряканием и мольбами. Он наконец сдался и велел сниматься с лагеря, но ради прославления себя придумал много напыщенной

лжи: велел изготовить оружие больших размеров, ясли и уздечки большого веса и разбросать их; воздвиг алтари богам, перед которыми, перейдя реку, и доселе склоняются царя прасиев, принося жертвы греческим богам. Сандракотт юношей видел самого Александра и, говорят, впоследствии часто повторял, что Александру ничего не стоило довершить свое намерение: царя ненавидели и презирали за его порочность и низкое происхождение.

63

Александр оттуда направился к Внешнему морю, выстроил много веселых судов и плотов и медленно стал спускать их вниз по рекам. Плавание это было, однако, трудным и не обошлось без сражений: Александр, высаживаясь, осаждал города и все покорял. У маллов, которые считались самым воинственным племенем индов, он едва не погиб. Заставив градом стрел всех людей разбежаться со стен, он первым взошел на стену по приставной лестнице. Лестница сломалась; варвары столпились стеной и ранили его, целясь снизу. Солдат с ним было очень мало; собравшись с силами, Александр прыгнул в середину врагов и, по счастью, стал на ноги, размахивая оружием. Варварам показалось, что перед ними стоит какой-то призрак — весь в сиянии. Поэтому они сначала кинулись в разные стороны, но затем, увидев, что с ним только два оруженосца, бросились к нему и, пробив мечами и копьями его доспехи, нанесли ему несколько ран, хотя он и отбивался. Какой-то малл, стоя чуть подальше, с такой силой пустил в него стрелу, что она пробила панцирь и вонзилась в кость около соска. Александр, теряя силы от раны, согнулся пополам; поразивший его подбежал с варварским мечом в руках; Певкест и Лимней заслонили царя. Оба были ранены; Лимней умер, а Певкест продолжал сопротивляться, и Александр убил варвара. Покрытый ранами, он наконец после удара палицей по шее, прислонился к стене, не сводя глаз с неприятеля. В это время македонцы окружили его, подняли (он был уже без сознания) и отнесли в палатку. Тотчас же по лагерю пошла молва, что он умирает. С великим трудом отпилили деревянную часть стрелы, потом едва-едва сняли панцирь. Теперь предстояло вырезать острие, вонзившееся в кость; говорят, оно было шириной в три и длиной в четыре пальца. Пока его вынимали, он едва не умер, впадая все время в обморочное состояние, но затем оправился. Опасность прошла, но он ослабел и долгое время лечился и жил по предписанию врачей. Узнав, что македонцы в лагере волнуются и хотят его видеть, он надел гиматий и вышел. Принеся жертву богам, он опять двинулся в путь, покоряя много земель и больших городов.

Он взял в плен 10 гимнософистов — как раз тех, которые особенно убеждали Саббу восстать и причинили очень много зла македонцам. Они славнились своими меткими и краткими ответами. Александр предложил им несколько труднейших вопросов, сказав, что первым убьет того, кто даст неправильный ответ, а затем таким же образом подряд и остальных. Самому старшему велел он быть судьей и первым его и спросил: кого существует больше — живых или мертвых? Тот ответил: «Живых; мертвых не существует». Второй на вопрос: земля или море кормит больше животных, ответил: «Земля, ибо море только часть земли». Третий на вопрос: какое животное хитрее всех, ответил: «То, которого человек доселе еще не знает». Четвертого спросили, на что он рассчитывал, подговаривая Саббу восстать. «Я хотел, чтобы он со славой жил или со славой умер», — ответил он. Пятый на вопрос, что появилось раньше другого: день или ночь, ответил: «День, одним днем раньше». Царь удивился, и тот сказал, что на запутанный вопрос и ответ будет запутанным. Перейдя к шестому, Александр спросил: «Как стать самым любимым? Быть самым могущественным и при этом нестрашим?» Из остальных трех один на вопрос, как человеку стать богом, ответил: «Свершая то, что невозможно свершить человеку». Другой на вопрос, что сильнее, жизнь или смерть, ответил: «Жизнь: только она несет такие страдания». Последнего спросили: «До каких пор стоит человеку жить? — «Пока смерть не покажется ему лучше жизни». Царь обратился к судье и велел высказать свое мнение. Тот ответил, что все ответы один хуже другого. «Ты и умрешь первым по твоему суду». — «Ни в коем случае, царь, если только ты не лгал, говоря, что казнишь первым того, кто отвечал хуже всех».

Александр одарил их и отпустил. К тем же, кого особенно прославляли, жившим мирно, сами по себе, он отправил Onesикрита с просьбой прийти к нему. Onesикрит был философом, учившимся у Диогена-киника. Он рассказывает, что Калан очень надменно и грубо велел ему скинуть хитон и слушать его речн голым: иначе он с ним разговаривать не будет, приди он от самого Зевса. Дандам оказался ласковее: выслушав о Сократе, Пифагоре и Диогене, он сказал, что люди эти были, по его мнению, щедро одарены, но прожили свою жизнь слишком подчиняясь законам. По словам же других, Данда только и сказал: «Чего ради Александр прошел такую дорогую?»

Калана же Таксил уговорил явиться к Александру. На стоящее имя его было Сфин, но так как в индийском произношении слово *хатре* звучит *кале* — так он и здоровался с

встречными, — то греки и прозвали его Каланом. Рассказывают, что он на примере показал Александру, что такое его власть. Он разложил на земле между зрителями сухую, совершенно иссохшую кожу и наступил на один край ее: в этом одном месте кожа и прилегла к земле, в остальных вся поднялась. Калан обошел ее всю кругом, показывая, что то же самое происходит, на какой бы край он ни наступил. Наконец, он стал на середину кожи: она лежала неподвижно. Он хотел образно показать Александру, что ему следует утвердить главным образом центральную власть и не отлучаться далеко.

66

Спуск по рекам к морю занял 7 месяцев. Войдя в Океан, он подошел к острову, который он сам назвал Скиллустидой; другие называли его Псилтуккой. Тут он высадился, принес жертву богам и, насколько возможно, ознакомился с природой моря и побережья. Затем он помолился богам, прося, чтобы ни один человек не перешел за грань, достигнутую им в его походах, и повернул обратно. Флоту он велел плыть, имея Индию справа; начальником его назначил Неарха, а главным кормчим Онесикрита. Сам он двинулся сушей через землю оритов, прошел через величайшие лешения и погубил столько людей, что боеспособного войска не вывел из Индии и четвертой части. А было у него пехоты 120 тысяч, и конницы около 15 тысяч. Люди гибли от тяжелых болезней, плохой пищи и засухи, а больше всего от голода: войско шло по земле, которая не засеивалась и нищее население которой ничего не имело, кроме малого числа беспородных овец, привыкших питаться морской рыбой. Мясо их поэтому было плохим и зловонным. С трудом за 60 дней пересекло войско эту страну; войдя в Гедросию, люди оказались среди полного изобилия, так как ближайшие цари и сатрапы все заготовили.

67

Взяв с собой войско, он в течение 7 дней прошел праздничной процессией через Карманию. Его медленно везла восьмерка лошадей; вместе с «друзьями» он непрерывно днем и ночью пировал, восседая на высокой, хорошо видной четырехугольной площадке. За ним следовало множество повозок; на одних были занавесы из пурпурных и пестрых тканей; другие осеняла всегда свежая зелень ветвей. На них ехали тоже «друзья» и военачальники, увенчанные, с кубками в руках. Ты не увидел бы ни щита, ни шлема, ни македонского копья: по всей дороге солдаты из больших бочек и кратеров черпали вино чашами, рогами, фракийскими кубками и пили за здоровье друг друга; одни шли вперед, другие укладывались тут же наземь. Вся местность была полна звуками свирелей, флейт, лир и возгла-

сами вакханок. Беспорядок в этом бродячем шествии соединялся с вакхической разнузданностью, словно сам Вакх присутствовал здесь и сопровождал свою свиту.

Когда Александр прибыл в царский дворец в Гедросии, он решил опять устроить празднества для своих солдат. Рассказывают, что он в пьяном виде смотрел на состязание хоров. Его любимец Багой оказался победителем в пляске; во всем убранстве своем он прошел по театру и сел возле царя. Македонцы при виде этого стали рукоплескать и кричали, требуя, чтобы царь поцеловал его, пока тот, действительно, не обнял и не поцеловал его.

68

Тут обрадовало его возвращение Неарха и его спутников. Выслушав рассказ об их плавании, он снарядился спуститься вниз по Евфрату с большим флотом, затем переправиться в Аравию и Ливию и через Геракловы Столбы войти во Внешнее море. Разнообразнейшие суда строили ему в Фапсаке; отовсюду собирались матросы и кормчие. Но трудность его похода в глубь Азии, рана, полученная у маллов, огромные потери в войске, о которых говорилось выше, неуверенность в его возвращении — все это побуждало покоренные народы к восстаниям, а стратегам и сатрапам давало возможность творить обиды, наживаться и насильничать. Повсюду начались восстания и волнения. Олимпиада и Клеопатра, поднявшись на Антипатра, разделили власть: Олимпиада взяла себе Эпир, Клеопатра — Македонию. Услышав об этом, Александр сказал, что мать его приняла лучшее решение: македонцы не потерпят, чтобы над ними царствовала женщина. Он снова отослал Неарха в море, узнав, что все побережье кишит врагами; сам выступил и наказал преступных сатрапов. Оксиарта, одного из сыновей Абулита, он своей рукой пронзил копьем; Абулит не приготовил никаких припасов и только привез царю 3 тысячи талантов. Александр велел засыпать денег лошадям. Они к ним не притронулись, и царь, сказав: «Какая мне польза от того, что ты заготовил», велел посадить Абулита в тюрьму.

69

В Персии прежде всего он роздал деньги женщинам, следуя обычаю персидских царей: всякий раз, приезжая в Персию, они давали каждой по золотой монете. Поэтому-то, говорят, некоторые цари редко приезжали в Персию; Ох же не был ни разу, по скупости чуждаясь отчизны.

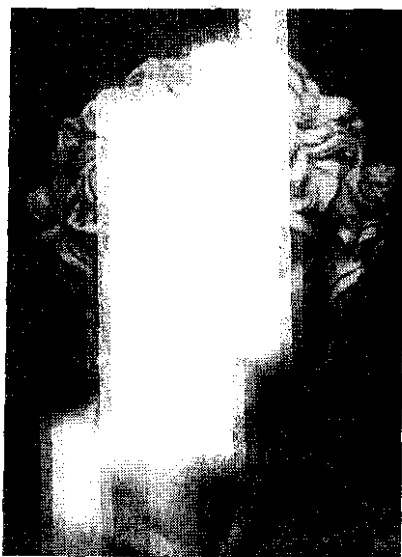
Найдя могилу Кира разрытой, он казнил виновного, хотя преступник был родом из Пеллы и принадлежал к видным ее гражданам. Звали его Полимах. Прочитав надпись, Александр велел выбить ее внизу гробницы по-гречески. Вот она: «О, человек, кто бы ты ни был и откуда бы ни пришел (я знаю, что

ты придешь)! Я Кир, владевший персидским царством. Не отказывай мне в горсти праха, которая покрывает мое тело». Надпись эта произвела сильное впечатление на Александра: ему представилась и неверность, и шаткость человеческих дел.

Вскоре после этого Калан, замученный болезнью желудка, стал просить, чтобы ему сложили костер. Подъехав к нему на лошади, он помолился, совершил над собой возлияния и бросил как жертву в огонь пучок волос. Собираясь взойти на костер, он простился с македонцами, которые тут присутствовали, уговаривал их весело провести этот день, пируя вместе с царем; с ним, сказал он, вскоре он увидится в Вавилоне. После этих слов он возлег, закутался и не шевельнулся при приближении огня; оставаясь лежать в той же позе, он принес себя в жертву богам по древнему закону тамошних мудрецов. (Много лет спустя так же поступил в Афинах другой инд, спутник Цезаря. До сих пор там показывают памятник, который так и зовется: «памятник инда».)

70

Александр, вернувшись от костра, созвал на обед много друзей и военачальников и устроил состязание в том, кто кого перепьет. Победитель получал венок. Больше всех выпил Промах: почти 4 хуса. Победная награда — венок ценой в та-

Статуя Александра. Фрагменты

лант — досталась ему, но прожил он после этого только 3 дня. Из остальных участников пира, по словам Харета, умер-

ли 41 человек, потому что вслед за попойкой наступил сильный холод.

В Сузах он справил свадьбы друзей и сам женился на дочери Дария Статире. Самых знатных девушек он просватал за самых знатных македонцев и устроил общий свадебный пир, на котором, говорят, было 3 тысячи гостей и каждый получил золотую чашу для возлияний. Александр вообще блеснул тут щедростью и, между прочим, заплатил из собственных средств чужие долги; расходов всего было около 9870 талантов. Антигон Одноглазый обманом занес себя в число должников: он привел какого-то человека, который и сказал, что он одолжил ему денег через трапезита. Деньги ему выплатили, но потом он был уличен в обмане, и Александр в гневе прогнал его из дворцовой среды и отнял у него командование войском. А был Антигон воином блистательным: когда юношей еще при Филиппе он участвовал в осаде Перинфа, стрела из катапульты попала ему в глаз; он не позволил ее вытащить и не оставил сражения, пока не оттеснил врага и не запер его в городе. Он тяжело переживал свое бесчестье; ясно было, что он в печали и отчаянии покончит с собой. Царь испугался этого, смирил свой гнев и велел ему оставить деньги себе.

71

Александр радовался на тех мальчиков (было их 30 тысяч), которых он оставил, приказав их учить и воспитывать. Возмужавшие, красивые, они проявили изумительную ловкость и легкость в военных упражнениях. Македонцев огорчала радость царя: они боялись, что он станет меньше о них думать. Поэтому, когда он собирался отправить домой слабых и увечных, они заявили, что это оскорбительное издевательство: целиком использовать людей, а теперь с позором их прогнать, вышвырнув на родину к родителям уже не такими, какими он когда-то их взял. Пусть он отпустит всех, считая, что все македонцы никуда не годятся; пусть с ним останутся эти танцоры, с которыми он покорит всю вселенную. Александр очень обиделся, осыпал их в гневе бранью, прогнал своих телохранителей и передал их должность персам, поставив их копьеносцами и жезлоносцами. Видя, что свита царя состоит из персов, что они удалены и оскорблены, македонцы притихли и, одумавшись, поняли, что они от ревности и гнева почти что обезумели. Образумившись, без оружия, в одних хитонах пошли к царской палатке с плачем и криками: они отдаются в его волю, пусть поступает с ними, как с неблагоприятными злодеями. Александр не допустил их к себе, хотя и смягчился. Македонцы не уходили: 2 дня и 2 ночи терпеливо стояли они так, плакали, называли его владыкой. На третий день Александр вышел к ним: видя их печаль и унижение, заплакал и горевал долго. Затем после умеренных упреков ласково поговорил с ними и от

пустил негодных к военной службе. Он щедро одарил их и написал Антигону, чтобы на всех играх и театральных представлениях они сидели в первом ряду с венками на головах. Сиrotам, детям умерших воинов он назначил пенсию.

72

Прибыв в Мидию, в Экбатаны, и справившись с неотложными делами, он опять отдался празднествам и театральным представлениям; к нему из Эллады прибыло 3 тысячи артистов. Как раз в эти дни Гефестион захворал лихорадкой. Молодой, привыкший к солдатской жизни, он не соблюдал в точности предписаний врача; когда врач его, Главк, ушел в театр, он, съев за завтраком вареного петуха и выпив большую чашу вина, почувствовал себя плохо и вскоре умер.

Александр обезумел от горя. Он приказал сейчас же в знак траура остричь гривы всем лошадям и мулам; сломал зубцы на городских стенах; распял несчастного врача; прекратил игру на флейтах и вообще всякую музыку в лагере надолго, пока от Аммона не пришел приказ чтить Гефестиона как героя и приносить ему жертвы. Утешением в горе стала Александру война; он выступил словно на охоту за людьми, и, покорив племя косеев, перебил всех поголовно, назвав это жертвоприношением за Гефестиона. Решив потратить на его похороны, на могилу и ее украшения до 10 тысяч талантов, он хотел, чтобы памятник искусной работой и отделкой превзошел самые расходы. Больше всего из архитекторов стремился он залучить Стасикрата, известного широким размахом и смелостью своих нововведений, а также их пышностью. Как-то раньше, встретясь с Александром, тот говорил ему, что фракийский Афон — это единственная гора, которая может принять образ и подобие человека. Если бы царь приказал, он превратил бы Афонскую гору в его статую, славную и вечную; в левой руке она будет держать многотысячный город, из правой будет течь в море обильный речной поток. Царь тогда отклонил это предложение; теперь он проводил время в беседах с художниками; его замыслы были еще нелепее и затеи еще расточительнее.

73

Когда он направился в Вавилон, Нерх (он уже вернул, войдя в Евфрат из Великого моря) сказал ему, что встретил каких-то халдеев, которые советовали, чтобы Александр не подходил к Вавилону. Царь не обратил внимания на эти слова и отправился в путь. Подъехав к городским стенам, он увидел стаю воронов, разлетающихся в разные стороны и клевавших один другого. Несколькo птиц упало возле него. Потом ему донесли, что Аполлодор, правитель Вавилона, приносил жертву, гадая о судьбе царя. Александр призвал прорицателя Пифаго-

ра. Тот не стал отпираться; тогда Александр спросил, какова же была жертва. Прорицатель ответил, что в печени у нее не было допастей. «Увы, — воскликнул царь, — это грозное знамение». Пифагора он ничем не обидел и пожалел, что не послушался Неарха. Большую часть времени он жил в палатке вне Вавилона и переплывал Евфрат. Его беспокоило множество и других знамений. Из содержавшихся у него львов самого большого и красивого убил, лягнув его, смиренный осел. Однажды царь разделся, чтобы натереться, и стал играть в мяч. Когда пришло время одеваться, юноши, игравшие с ним, увидели, что на троне молча сидит человек с диадемой и в царском одеянии. Его спросили, кто он; он долго не издавал ни звука и заговорил с трудом: его зовут Диоисий, он родом из Мессени; его привезли оттуда по какому-то обвинению и он долго пробыл в оковах. Только что ему явился Сарапис, енял с него оковы, привел сюда, велел надеть диадему и царскую одежду и молчать.

74

Выслушав его, Александр, по совету прорицателей, этого человека уничтожил, но сам пал духом, перестал надеяться на богов и стал подозревать друзей. Особенно боялся он Антипатра и его сыновей. Один из них, Иолай, был главным виночерпием, а другой, Кассандр, недавно приехал. Воспитан он был в эллинских обычаях и, увидев каких-то персов, упавших ниц перед Александром, — ничего подобного он раньше не видел — насмешливо расхохотался. Александр вскипел и, вцепившись ему обеими руками в волосы, ударил его головой об стенку. Когда Кассандр собирался возразить обвинителям Антипатра, он оборвал его: «Что ты говоришь! Люди прошли такую даль, чтобы наклеветать? Они никем не обижены?» Кассандр ответил, что это как раз и свидетельствует о клевете: они ушли подальше от улик. Александр засмеялся: «Все это софизмы Аристотелевых учеников; выучились говорить и за и против об одном и том же! Заплачете, если окажется, что хоть малейшую обиду причинили вы этим людям». Вообще он, говорят внушил Кассандру такой великий и неистребимый ужас перед собой, что долгое время спустя, став уже царем Македонии и властелином Эллады, Кассандр, прогуливаясь однажды по Дельфам и разглядывая статуи, когда вдруг увидел статую Александра, затрясся всем телом; волосы у него встали дыбом; он едва пришел в себя: у него кружилась голова от страха.

75

Александр весь ушел в религиозные суеверия. Он стал беспокоен и робок; самое незначительное событие, если оно было необычным и страшным, казалось ему страшным знамением.

Дворец был полон людьми, приносящими жертвы, совершающими очищения и занятыми гаданием: все они доводили до предела глупый страх Александра. Страшны безверие и пренебрежение к богам, но страшно и суеверие, подобно воде улекующее всегда вниз.

Когда привезены были ответы бога относительно Гефестиона, он приободрился и опять занялся празднествами и пирушками. Однажды, роскошно угостив Нейрха и его спутников и затем по обыкновению вымывшись, он отправился было спать, но по просьбе Медия, пошел пировать к нему. Там он пил всю ночь и весь следующий день. У него началась лихорадка: он «не пил Гераклова кубка» и не почувствовал внезапной, словно от удара копьем, боли в спине. Некоторые считают, что необходимо писать именно так, словно сочиняют трагический, горестный конец великой драмы. Аристокл же рассказывает, что от лихорадки у него помутился разум; он испытывал сильнейшую жажду и пил вино. От этого он совсем обезумел и скончался в 30-й день месяца даисия.

76

В дворцовом дневнике о его болезни писали так: 18 даисия он спал по причине лихорадки в бане. На следующий день вымылся и перешел в спальню, где и провел день, играя с Медием в кости. Затем, вымывшись поздно, он принес жертву богам и поел; ночью его лихорадило. 20-го он вымылся, опять принес обычную жертву, улегшись в бане, разговаривал с Нейрхом и его товарищами и слушал их рассказы о плавании в Великом море. 21-е он провел таким же образом; жар у него стал сильнее, ночь он провел худо и днем весь горел. Его положили около большого бассейна; он разговаривал с военачальниками относительно полков, оставшихся без начальства, и велел поставить над ними людей проверенных. 24-го он поднялся в сильной лихорадке и принес жертву. Старшим военачальникам он велел оставаться во дворце, таксиархам и пертаксиархам — ночевать около дворца. Его перенесли в противоположный конец дворца; 25-го он немного уснул, но лихорадка его не оставляла. Военачальники вошли к нему, но он был уже без голоса, так же как и 26-го. Македонцы решили, что он умер; с криком подступили они к дверям и стали грозить друзьям, пока не заставили их открыть двери; тогда в одних хитонах все по одному прошли перед его кроватью. В тот же день Пифон и Селевк отправились в храм Сараниса спросить, не перенести ли туда Александра. Бог повелел оставить его на месте. 28-го к вечеру Александр скончался.

Большая часть этого рассказа содержится слово в слово в дворцовых дневниках.

Ни у кого первоначально не было подозрения в отравлении; через 6 лет Олимпиада получила донос; многих казнила и велела выбросить останки Иолая, будто бы влившего яд Александру. По словам некоторых, советником Антипатру в этом деле был Аристотель; с его помощью добыт был яд — так, говорят они, рассказывал некий Гагнофем, слышавший об этом от царя Антигона. Ядом послужила ледяная вода, росой сочившаяся из какой-то скалы в Нонакриде; ее набрали в ослиное копыто, потому что никакая посуда не могла выдержать ее холода и едкости: трескалась на куски. Большинство же считает рассказ об отравлении вообще выдумкой. Важным доказательством в пользу этого мнения служит то обстоятельство, что, пока в течение ряда дней военачальники спорили и ссорились, тело лежало неубранным в жарком, душном месте и в нем не обнаружилось никаких признаков разложения: оно оставалось невредимым.

Роксана была беременна, и потому македонцы окружили ее почетом. Она относилась ревниво к Статире; обманом, с помощью подложного письма, заманила ее к себе и, когда та прибыла вместе с сестрой, убила обеих, а трупы велела бросить в колодезь и его засыпать. Сделано это было с ведома и с помощью Пердикки, который сразу оказался на вершине власти, влача за собой Арридея, как некое лицо без слов. Арридей был сыном Филинны, простой публичной женщины, по причине болезни слабоумным. Болезнь эта была не врожденной и не случайной. Мальчиком, говорят, он обнаруживал очень приятные и благородные черты характера, но его испортила Олимпиада: от ее лекарства он повредился в рассудке...

ОБ УДАЧЕ И ДОБЛЕСТИ АЛЕКСАНДРА

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

1. Согласно утверждениям Удачи, Александра создала она и только она. Нам, однако, следует вступить за Философию, а вернее за самого Александра, который возмущился бы и исполнился негодования, если бы кому-то показалось, что он даром и к тому же от Удачи получил то могущество, добываясь которого ценою немалой крови и многочисленных ранений

Не раз проводил он бессонные ночи,

Кровопролитные дни не раз он оканчивал в битвах с непобедимыми войсками и с бесчисленными племенами, преодолевая при помощи благоразумия, терпения, доблести и рассудительности непереходные реки и горы, до вершин которых не долетали стрелы.

2. Я полагаю, что он сам ответил бы Удаче, коль скоро она приписывает себе его собственные достижения, примерно так: «Не отнимай у меня доблести и не пытайся лишить меня славы. Ты создала Дария, сделав его из раба и царского гонца владыкой персов, и Сарданапала, на которого ты возложила царскую диадему, хотя прежде он добывал пурпур из улиток. Я же как победитель поднялся от Арбел в Сузы, а до этого Киликия открыла мне просторы Египта, а саму Киликию — Граник, который я перешел по трупам Митридата и Спитридата. Украшай себя сколько угодно и гордись царями, которые не знали ран и не были обагрены собственной кровью. Охи и Артаксерксы, которых ты посадила на престол Кира, как только они родились, — это, действительно, питомцы Удачи. Мое же тело несет на себе многочисленные знаки того, что Удача выступала против меня и моей союзницей не была. У иллирийцев я был ранен впервые — камнем в голову, в тот же день дубинкой мне повредили шею, затем при Гранике нож врага поразил меня в голову, а в битве при Иссе меч вонзился в бедро. При Газе я был стрелою ранен в лодыжку и, выпав из седла в тяжелом вооружении, вывихнул себе плечо. При Маракандах я был поражен стрелою в берцовую кость, остальные ранения были получены мною у индийцев... У асакенов я стрелою

был уязвлен в плечо, у гагридов — в бедро, а у маллов стрела из лука воизлилась мне в грудь и оставила в ней железо, там же, когда сломались приставленные к стенам лестницы, удар дубинки задел мою шею. Удача же оставила меня одного, причем не ради каких-нибудь знаменитых противников, а для того, чтобы угодить никому не известным варварам. Если бы Птолемей не закрыл меня щитом, а Лимней не пал мертвым от тысячи стрел, закрывая меня, если бы македонцы, собрав все силы, не разрушили стен, то этой дикой и безмятной земле пришлось бы стать могилой Александра».

3. А обстоятельства самого похода: бури, отсутствие воды, глубокие реки, горы, на которых даже птицы не гнездятся, дикие обычаи, непостоянство правителей и их многочисленные предательства! Когда этот поход начинался, Эллада еще трепетала от войн Филиппа, но Фивы уже стряхивали с оружия херонейскую пыль, а Афины, поднимаясь из развалин, простирали к ним руки. Македония, не совсем еще исцелившаяся от раи, обращала взоры на Аминту и сыновей Аеропа, иллирийцы были готовы к войне, а скифы наблюдали за замыслами своих соседей. Персидское золото, разлившееся благодаря демагогам повсюду, волновало Пелопоннес, а сокровищницы Филиппа были опустошены, но мало этого, как повествует Онесикрит, у царя был долг в 200 талантов. И вот посреди такой бедности юноша, недавно вышедший из возраста отрока, несмотря на свое шаткое положение, отваживается думать о Вавилоне и Сузах и, более того, имеет намерение распространить свою власть над всеми людьми, и это, вы только подумайте, с 30 тысячами пеших воинов и с 3 тысячами всадников, как сообщает Аристокл. Царь Птолемей говорит о 30 тысячах пехоты и о 5 тысячах всадников, а Анаксимен — о 43 тысячах пехоты и о 5500 всадниках. Богатства же Александра, прославленные и старательно припасенные Удачей, составляли, как говорит Аристокл, 70 талантов, а согласно Дуриду, их хватило на съестные припасы всего лишь на 30 дней.

4. Но был ли Александр безрассуден и опрометчив, раз он решился с незначительными силами устремиться на столь большое войско? Конечно, нет! Ибо кто другой опирался на более значительные и прекрасные средства: на великодушие, здравый смысл, умеренность и мужество, которыми его снарядила Философия? Ведь он отправился в поход против персов, получив от своего учителя Аристотеля больше, чем от своего отца Филиппа. Поэтому мы, почитая Гомера, охотно верим тем писателям, которые сообщают, что Александр однажды назвал «Илиаду» и «Одиссею» снаряжением, которое следует за ним во всех походах. Но если кто-либо скажет, что «Илиада» и «Одиссея» служили ему только тем, что отвлекали от напряжения и были приятным развлечением в свободное время, тогда как в действительности он опирался на сочинения по философии и рассуждения о неустрашимости и мужестве, а так-

же на заметки об умеренности и великодушии, мы с презрением отвергаем это мнение, поскольку он, как известно, ничего не писал ни о силлогизмах, ни об аксиомах, не гулял по дорожкам Ликее и не рассуждал о философских вопросах в Академии. А тем, кто полагает, что философия заключается в словах, а не в делах, мы напомним, что ни Пифагор ничего не написал, ни Сократ, ни Аркесилай, ни Карнеад, а ведь, будучи из философов крупнейшими, они к тому же не были заняты столь великими войнами, не покоряли заморских царей, не осваивали греческих городов в землях диких народов и не обходили землю для установления законов и мира среди необразованных и незнакомых с законами племен. Они имели свободное время, но труд писать оставляли софистам. Но откуда же мы узнали, что они были философами? Из того, что они говорили, из того, как они жили, из того, чему они учили. А из всего этого Александр, если рассмотреть то, что он говорил, что он делал и чему учил, тоже будет признан философом.

5. Прежде всего, пускай это, если хотите, кажется более чем странным, сравним учеников Александра с теми, кто учился у Платона и Сократа. Последние обучали людей способных и говоривших на одном наречии, во всяком случае понимавших греческий язык, и при этом многих они ни в чем не убедили, поскольку Критий, Алкibiад и Клитонфонт, отвергнув учение, как узду, уклонились совсем в другую сторону. Если же поглядишь на учеников Александра, то увидишь, что гирканцев он приучил заключать браки, жителей Арахосии научил возделывать землю, согдианцев убедил кормить своих престарелых родителей и не убивать их, а персов — почитать своих матерей и не вступать с ними в брак. До чего же замечательна философия! Ведь благодаря ей индийцы почитают теперь греческих богов, а скифы хоронят умерших, а не пожирают их, как прежде. Мы поражаемся силе Карнеада по той причине, что он Клитомеха, который был по происхождению карфагенянином и ранее носил имя Аздрубала, сделал настоящим греком. Мы удивляемся способностям Зенона, который Диогена Вавилонского сделал философом. Но ведь Александр усмирил Азию, там стали читать Гомера, а дети персов и жителей Сузианы и Гедросии стали выступать в трагедиях Еврипида и Софокла. Сократ был осужден афинскими сикофантами за то, что он вводил новых богов, тогда как благодаря Александру греческим богам стали поклоняться Бактрия и Кавказ. Платон описал только одно государственное устройство, но никого не убедил воспользоваться им из-за суровости. Между тем Александр основал более чем 70 городов в землях у диких народов, распростирая на Азию установления эллинов и отучил дикарей от их дикой жизни. Нас, знакомых с законами Платона, египтян, а законами Александра пользовались и пользуются тысячи и тысячи людей. Те, которые были побеждены Александром, теперь гораздо счастливее тех, кто избежал этой

участи, ибо никто не положил конец тяжелой жизни последних, тогда как первых Александр, победив их, сделал счастливыми. Фемистокл, когда он после своего бегства получил от царя большие дары, и в том числе 3 города, обязанных платить дань, первый — хлебом, второй — вином, а третий — мясом, сказал: «Мы бы погибли, о деги, если бы мы не погибли». К тем, кто был подчинен Александром, применить это изречение будет даже разумнее: ведь они бы никогда не расцвели до такой степени, если бы не были им покорены. У Египта не было бы Александрии, у Месопотамии — Селевкии, у Согдианы — Профтасии, у Индии — Букефалии, а у Кавказа — греческого города, благодаря основанию которых исчезла дикость и худшие установления постепенно были заменены лучшими. Поэтому если философы считают важнейшим среди своих занятий то, что смягчают и улучшают жестокие и грубые нравы, то Александр, переделавший дикую природу не у одной тысячи племен, достоин того, чтобы по заслугам называться величайшим философом.

6. Как известно, много восхваляют государственное устройство Зенона, положившего начало учению стоиков, суть которого состоит в том, чтобы мы жили не по городам и по домам, различаясь по своим обычаям, а приняли в число соотечественников и сограждан всех людей и вели жизнь по общим правилам и законам, подобно пасущемуся вместе стаду, которое живет вместе и подчиняется общим установлениям. Но Зенон изобразил его как сновидение и образец того, как философ понимает благозаконие и представляет себе государственное устройство, а Александр эти положения претворил в жизнь на деле. Аристотель ему советовал, чтобы эллинами он управлял как наставник, а варварами — как деспот, о первых заботился, как о друзьях и родственниках, а со вторыми вел себя, как со зверями, а не как с людьми. Однако он, избегая разжигающих вражду восстаний, которые бы изнутри подтачивали его могущество, поступил иначе; рассуждая как всеобщий покровитель, посланный богами, он выступил как заступник всех и каждого и, принуждая оружием тех, кого не привлек словами, соединил в одно целое людей со всех концов света, смешав, словно вино в заздравном кратере, жизненные пути, характеры, брачные установления и обычаи. Он потребовал, чтобы родиной все считали вселенную, а его лагерь — акрополем или крепостью, добрых людей — соплеменниками, а злых чужестранцами, чтобы эллины и варвары не различались между собою ни по плащам, ни по щитам, ни по кандиям, ни по акинакам, и чтобы всякого доблестного мужа считали эллином, а порочного — варваром, и приказал, чтобы все носили одинаковую одежду, питались одной пищей, имели общие брачные установления и обычаи, смешанные благодаря совместным бракам и рожденным от них детям.

7. Демарат из Коринфа, бывший одним из соратников

друзей Филиппа, увидев Александра в Сузах, зарыдал от радости и сказал: «Величайшей радости не испытали эллины, которые не дожили до сегодняшнего дня, ибо они не видели Александра сидящим на троне Дария». Однако я, клянусь Зевсом, не завидую тем, кто видел это зрелище, ибо такая удача доставалась и менее знаменитым царям, но мне было бы приятно быть свидетелем другого — той прекрасной и священной брачной церемонии, когда он принял под одним шатром, покрытым золотом, и собрал у общего семейного очага 100 невест из Персии и 100 женихов из Македонии и Эллады, а сам, украшенный венком, первым запел свадебную несь, звучащую словно гимн величайшим и могущественнейшим народам, идущим на брак друг с другом, и как супруг для одной, а для остальных сват, отец и покровитель соединил их браком. Вот тут-то я бы с удовольствием сказал: «Ксеркс, ты был варваром и глупцом, когда тщетно пытался построить мост через Геллеспонт. Мудрые цари объединяют Азию с Европой не так, не бревнами, не плотами и не бездушными канатами, а законной любовью, благоразумными браками и союзом между детьми, который приносит общее потомство».

8. Александр позаботился и о нарядах и предпочел носить не мидийскую одежду, а персидскую, которая была удобнее. При этом из наряда варваров он устранил все необычное и театральное, а именно тиару, кандий и анаксириды и, как сообщает Эратосфен, носил одеяние среднее между персидским и македонским. Как философу, ему было все равно, что носить, но как всеобщему правителю и любящему своих людей царю, уважением к одежаниям побежденных ему удалось приобрести их расположение и сделать так, чтобы они по-настоящему полюбили македонян как наставников, вместо того чтобы возненавидеть их как врагов. Наоборот, глупо и бессмысленно было бы любить одноцветный плащ и презирать хитон с пурпурной каймой или, наоборот, отвергать первый и приходиться в упоение от второго и, подобно малому ребенку, который надевает то, что велит кормилица, сохранять одежду только потому, что ее носили предки. Люди, которые идут охотиться на диких животных, надевают на себя шкуры оленей, в хитониски из птичьих перьев одеваются те, кто ловит птиц, одетые в красные хитоны опасаются попадаться на глаза быкам, а в белые — слонам, потому что названные животные от этих цветов раздражаются и приходят в ярость. А вот великого царя, который, приручив, как животных, и склонив к себе неукротимые и враждующие народы, смягчил их и успокоил, усвоив привычную для них одежду и свойственные им обычаи, унял их уныние и умерил досаду, почему-то упрекают за то, что таким изменением внешнего вида он привлек на свою сторону Азию, ибо оружием он покорил только их тела, а души завоевал, переняв их одежду, тогда как следует восхищаться его мудростью! Аристиппа, известного последователя Сократа, восхва-

ляют за одно то, что он, появляясь как в бедном рубище, так и в милетском плаще, и в том и в другом одеянии сохранял свое достоинство. А Александра почему-то осуждают за то, что придавал красоту одежде своих предков и при этом, начиная закладывать основания великой державы, не выказал презрения к победенным. Не как разбойник он обрушился на Азию, и смотрел он на нее не как на добычу или на плод нечаянного благоволения Удачи, предназначенный для грабежа и расхищения, и вел себя не так, как впоследствии Ганнибал в Италии, а в прежние времена треры в Ионии, а скифы в Мидии. Но хотел он, чтобы на земле все было подчинено одному закону и собрано в одно государство, предполагал соединить всех людей в один народ, поэтому если бы божество, пославшее сюда душу Александра, не позвало его так быстро назад, один закон просвещал бы всех людей, которые бы стремились к единой справедливости, как к единому для всех соличному свету. Однако ныне та часть земли, которую Александр не видел, так и остается непросвещенной сиянием этого солнца.

9. А разве сама причина его походов не доказывает лучше всего, что этот муж был философом, ибо он думал не о собственном богатстве и не о роскоши, а о том, чтобы утвердить мир, единодушие и дружелюбие среди всех людей. Однако кроме этого рассмотрим-ка мы высказывания Александра, поскольку и у других царей и правителей правы и душевные качества лучше всего обнаруживаются по их изречениям. Антигон Старший некоему софисту, когда тот читал перед ним сочинение о справедливости, заметил: «Ты глуп, потому что, видя, как я разоряю мне не принадлежащие города, рассуждаешь со мною о справедливости». Тирани Дионисий советовал детям обманывать игрушками, а взрослых мужей — обещаниями, а на надгробном памятнике у Сарданапала было написано:

«Тем я владею, что съел, и тем, что вкусил.»

Кто станет отрицать, что в этих изречениях видна любовь к наслаждениям, нечестие, несправедливость и жадность? Если же ты из высказываний Александра выбросишь то, что касается диадемы, Аммона и его происхождения, то остальные покажутся тебе изречениями Сократа, Платона или Пифагора. Мы не будем рассматривать то, что начертали ради восхваления поэты под его изображениями и статуями:

«Кажется, что говорит эта статуя, глядя на Зевса:

Зевс, на Олимпе цари, землю же мне предоставь», ведь их волновало не благоразумие Александра, а его сила. То же самое можно сказать о словах Александра: «Ведь я сын Зевса». Все это, как я уже говорил, сочинили поэты, льстившие его Удаче, мы же обратимся к подлинным изречениям Александра, начав с того, что было сказано еще в юности. Когда друзья убеждали Александра выступить в Олимпии, так как он был самым быстроногим из своих сверстников, он спросил у них, будут ли его соперниками цари, и, получив от-

рицательный ответ, сказал, что такой спор будет несправедливым, поскольку в нем или царь победит простых людей, или он сам будет побежден простыми людьми. Когда его отец Филипп, раненый во время войны с трибаллами копьем в бедро и избежавший большой опасности, сокрушался по поводу своей хромоты, он ему сказал: «Не огорчайся, отец, и смело ходи на виду у каждого, поскольку теперь каждый шаг напоминает о твоём мужестве». Разве не виден здесь образ мыслей философа, который благодаря вызванному подвигами воодушевлению на телесные недостатки не обращает внимания? А как он радовался своим собственным ранам, поскольку каждая напоминала ему победу над различными племенами, захваченные города и взятые в плен царей! Вот почему он не скрывал и не утаивал свои шрамы, а носил их как начертанные на собственном теле знаки доблести и мужества.

10. Если ему во время бесед или пирушек приходилось сопоставлять стихи Гомера между собою, в то время как другие отмечали какие-то другие стихи, сам он всегда как на особенно замечательный указывал на этот:

«Добр и достоин, как царь, а также бесстрашен, как воин». Этот стих иногда вспоминали, чтобы похвалить Александра, а сам он считал его для себя законом, поэтому можно сказать, что Гомер в одной и той же строке и похвалил мужество Агамемнона, и предсказал доблесть Александра. Когда же он, переправившись через Геллеспонт, осматривал Троию, представляя себе связанные с великими мужами события, кто-то из местных жителей пообещал отдать ему, если он хочет, лиру Париса, на что Александр ответил: «Она мне ни на что не нужна, а ищу я лиру Ахилла, отдыхая под звуки которой, он «воспевал деянья героев»; тогда как под лиру Париса, издававшую какие-то нежные и свойственные женщинам звуки, исполнялись любовные песнопения». Душе философа, безусловно, пристало любить мудрость и превыше всего ценить мудрых мужей, и Александру это было присуще, как никому из царей. О том, как он относился к Аристотелю, было сказано выше, музыканта Анаксарха он считал самым достойным из своих друзей, Пиррому из Элиды, встретившись с ним впервые, он пожаловал 10 тысяч золотых монет, а Ксенократу, бывшему близким другом Платона, послал 50 талантов в подарок. Онесикрита, ученика Диогена-собаки, он назначил начальником над мореплавателями, как об этом сообщают многие историки, а будучи в Коринфе, беседовал с самим Диогеном и был настолько поражен и обескуражен образом жизни и воззрениями этого мужа, что впоследствии, часто вспоминая о нем, говорил: «Если бы я не был Александром, я был бы Диогеном», то есть «Я бы занимался философскими рассуждениями, если бы не мог выражать свою философию через дела». Он не сказал: «Если бы я не был царем, я был бы Диогеном» или: «Если бы я не был богатым человеком и Аргеадом» (ибо он не предпо-

читал Удачу мудрости, а багряницу и диадему — суме и равнотому плащу), но сказал: «Если бы я не был Александром, я был бы Диогеном», то есть: «Если бы я не намеревался варваров смешать с эллинами и обойти всю землю, очищая ее от диких нравов, добраться до пределов земли и моря, придвинуть границы Македонии к Океану, превратить в Элладу весь мир и распространить на всякий народ благозаконие и мир, то, конечно, я не предавался бы изысканным наслаждениям, пребывая в бездействии, а искал бы скромной участи Диогена. Но теперь, прости меня, Диоген, ибо я подражаю Гераклу, соревнуюсь с Персеем и иду по следам Диониса — бога, который основал наш род и был моим предком, я хочу, чтобы эллины снова стали устраивать как победители хоровые пляски в Индии, а горцы и дикари, живущие по ту сторону Кавказа, вспомнили вакхические шествия. Говорят, что там есть какие-то приверженцы суровой мудрости наготы, святые мужи, живущие по собственным законам, они размышляют о боге, живут еще проще, чем Диоген, и даже в такой суме, как его, не испытывают нужды: они не откладывают про запас пищу, поскольку земля всегда приносит им ее неиспортившейся и свежей, реки утоляют их жажду, а падающая с деревьев листва превращает траву в удобное ложе. Благодаря мне они узнают о Диогене, а Диоген — о них. И мне тоже следует «перелить монету» и то, что было учреждено по обычаям варваров, переплавить по образцу государственного устройства эллинов».

II. Все это хорошо, но что нам показывают его дела: случайные успехи, жестокость на войне и неразумное применение силы или большое мужество и справедливость, большую сдержанность и благоразумие человека, который во всем поступал благопристойно и разумно, руководствуясь трезвым и рассудительным расчетом? Клянусь богами, не могу определить, что тут он проявил мужество, здесь — человеколюбие, а там — самообладание, потому что оказывается, что всякое его дело состояло из всех добродетелей сразу. Своим примером он подтверждал то утверждение стоиков, согласно которому все, что мудрец ни делает, он совершает, сообразуясь сразу со всеми добродетелями, и хотя кажется, что в каждом поступке играет главную роль одна добродетель, однако она привлекает все остальные и приводит дело к концу вместе с ними. В военных предприятиях Александра можно увидеть человеколюбие, в кротости — мужество, в щедрости — рачительность, в пылкости — миролюбие, в любви — умеренность, в беспечности — отсутствие праздности, а в трудолюбии — упрямство. Кто еще соединял с военными действиями праздники, а с торжественными шествиями походы, осаждая города, устраивал празднества в честь Вакха, свадьбы и пышные бракосочетания, кто был суровее по отношению к поступавшим несправедливо мягче — к потерпевшим неудачу, кто, наконец, был страшнее для врагов и снисходительнее к нуждающимся? Вот тут мне

кажется к месту привести слова Пора. Когда его, взятого в плен, привели к Александру и тот спросил у него, как с ним поступить, Пор ответил: «Как с царем, Александр», Спрошенный еще раз, не хочет ли он чего-либо еще, он сказал: «Ничего, ибо все заключено в словах: как с царем». Мне представляется, что во всех поступках Александра ясно видно, что он поступал как философ. Именно в этих словах заключено все, что касается Александра. Влюбившись в дочь Оксиарта Роксану, которая среди пленниц принимала участие в хоровой пляске, он не подверг ее насилию, а поступил, как философ, взяв в жены. Увидев, что Дарий насмерть поражен копьем, он не бросился принести жертвы и не воспел хвалебную песнь в честь того, что длительной войне был положен конец, а поступил, как философ, снял с себя плащ и накинул его на умершего, как будто хотел скрыть тот позор, который претерпела Удача этого царя. Однажды, когда ему подали не подлежащее огласке письмо от матери, а оказавшийся рядом Гефестион простодушно заглянул в него, Александр, доверяя своему другу, не стал ему препятствовать, а как философ приложил свой перстень к его устам как будто для того, чтобы запечатать их. Итак, если эти поступки нельзя назвать поступками философа, то каковы же должны быть последние?

12. А теперь сравним его поведение с тем, как вели себя признанные философы. Сократ не стеснялся разделять ложе с Алкивиадом. Александр же, когда Филоксен, бывший наместником прибрежных областей, написал ему, что в Ионии имеется мальчик, которому нет равных ни по свежести, ни по красоте, и спросил, не прислать ли его, резко ответил: «Ты, верно, совсем не знаешь меня, сквернейший человек, раз пытаешься угодить мне такого рода приманкой». Мы поражаемся тому, что Ксенократ, которому Александр послал в подарок 50 талантов, не принял этих денег, а тому, что Александр послал их, почему-то не поражаемся. Ксенократ не нуждался в богатстве благодаря философии, а Александр нуждался в нем ради той же самой философии для того, чтобы оказывать благоденствия таким, как Ксенократ, людям... сколько раз говорил это Александр, попадая в тяжелое положение или подвергаясь опасности? По той причине, что природа сама по себе обладает свойством вести к прекрасному, мы полагаем, что всем людям свойственно иметь здравые суждения, однако философы превосходят остальных людей в том, что в минуту опасности они сохраняют полную ясность и твердость своих мыслей и следуют не таким общеизвестным утверждениям, как «лучшая доля в одном...» или «смерть — это конец для всех людей», ведь в минуту опасности обстоятельства сокрушают любые выводы, а впечатления от пережитого ужаса лишают суждения всякой ценности, ибо «страх отшибает» не только «память», как говорит Фукидид, но к тому же любые стремления, замыслы и желания, а поэтому философия окружила спасательными канатами...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

1. Вчера, кажется, мы забыли сказать о том, что царствованию Александра посчастливилось стать веком расцвета многих искусств и великих дарований, хотя это, пожалуй, не Александру, а скорее им повезло: разве не получили они знатока и судью, который лучше кого бы то ни было мог оценить выдающееся произведение и щедрее всех вознаградить за него? Говорят, в более поздние времена жил Архестрат, замечательный поэт, но никому не известный и прозябавший в бедности; однажды ему кто-то сказал: «Вот если бы ты жил при Александре, за одну строчку он бы тебе подарил Кипр или Финикию». И я считаю, что лучшие из тогдашних мастеров появились не столько при Александре, сколько благодаря Александру. Ведь урожаи бывают обильными там, где есть мягкий климат и разреженный воздух, а искусства и дарования расцветают благодаря радушию, щедрости и доброте царя и, наоборот, угасают и сходят на нет вследствие недоброжелательства, скупости и придирчивости правителей. Рассказывают, что тиран Дионисий, слушая прославленного кифареда, пообещал ему в награду талант, а на следующий день, когда тот потребовал обещанное, заявил: «Вчера ты порадовал меня своим пением, порадовал и я тебя надеждами; стало быть, за принесенное тобой удовольствие ты вознагражден тем, что немедленно получил удовольствие сам». Александр, тиран Ферский (только так его следовало называть и не позорить само имя!), глядя на вдохновенную игру трагического актера, пришел в необычайный восторг и был расторган до слез. Вскочив с места, он поспешно вышел из театра со словами: «Недопустимо, чтобы казненного столько граждан увидели плачущим над страданиями Гекубы и Поликсены». Он даже готов был подвергнуть актера наказанию за то, что тот размягчил его душу, словно железо. Архелаю, который считался скуповатым на подарки, Тимофей, выступая с пением, много раз намекал таким отрывочком: «Сулишь ты серебро землерожденное». На это Архелай не без остроумия однажды возразил: «Зато просишь ты». Скифский царь Антей, к которому в плен попал флейтист Исмений, приказал ему во время попойки сыграть на флейте. И хотя все присутствующие восхищались игрой и дружно рукоплескали, царь поклялся, что конское ржание ему нравится больше. Вот до какой степени уши его были далеки от Муз, а душа погрязла в стойле, достойная не столько коней слушать, сколько ослов! Ну какой в самом деле может быть расцвет искусствам или почет Музе при таких-то царях? Да они просто не терпят соперников рядом с собой, а потому клеветой и враждой стараются погубить по-настоящему даровитых людей. Таков был опять-таки Дионисий: поэта Филоксена он отправил в каменоломни за то, что написанную тирапом трагедию, которую ему велено было выправить, он целиком, от

первой до последней буквы, зачеркнул. Да и Филипп, чересчур поздно получивший начатки образования, в этом отношении был недостоин себя и по-ребячески самоуверен; рассказывают, что с одним арфистом он затеял спор о музыке и решил было, что посрамил его, на что тот, улыбнувшись, спокойно ответил: «Да не случится с тобой, царь, такого несчастья, чтобы пришлось тебе разбираться в этом лучше меня».

2. Зато Александр знал, где нужно быть зрителем и слушателем, а где — участником и исполнителем: он неустанно упражнялся в мастерском владении оружием, чтобы сделаться, по выражению Эсхила,

«бойцом могучим, гибелью противникам»,

тем более что это искусство унаследовал от своих предков Эакидов и Геракла, зато в остальных искусствах он без чувства зависти уступал почести другим соответственно их заслугам и мастерству и не позволял себе из тщеславия пускаться в подражание им. Жили при нем прославленные трагические актеры Фессал и Афинодор. Однажды они состязались друг с другом, причем хорегами были кипрские цари, а судьями — наиболее опытные из полководцев. Когда победу присудили Афинодору, Александр воскликнул: «Я предпочел бы потерять часть своего царства, чем видеть Фессала побежденным». Тем не менее он не стал просить судей или бранить их приговор, полагая, что он хотя и вознесен властью над всеми, но справедливость обязан соблюдать. А знаменитейшим из комедийных актеров тогда был Ликон из Скарфеи. Играя в одном из спектаклей, к своей роли он добавил строку с просьбой о подарке: Александр рассмеялся и подарил ему десять талантов. Много тогда было и великих кифаредов, в том числе Аристоник, который погиб смертью отважных, поспешив кому-то на помощь в одном из сражений. Так вот, Александр приказал изваять и установить в Пифийском святилище его медную статую с кифарой в руках и копьём наперевес, не только мужу этому воздавая почести, но и музыку славя за то, что она делает людей мужами и как ничто другое наполняет божественным вдохновением и рвением тех, кто по-настоящему воспитан. Он и сам однажды, когда Антигенид исполнял на флейте колесничный напев, под действием мелодии пришел в такое возбуждение и неистовство, что кинулся к лежавшему поблизости оружию и схватил его, подтвердив правоту спартанцев, у которых поется: «к оружию влечет прекрасный звон кифар».

Живописец Апеллес и ваятель Лисипп были тоже современниками Александра. Первый изобразил царя с молнией в руке так живо и точно, что говорили, будто из двух Александров Филиппов — непобедим, а Апеллесов — неповторим. Лисипп же впервые изваял Александра взирающим вверх, с лицом, обращенным к небу (именно так часто выглядел Александр, слегка повернув в сторону шею), на что кто-то не без остроумия сочи-

нил эпиграмму:

«Кажется, глядя на Зевса, ему говорит изваянье:

Землю беру я себе, ты же Олимпом владей».

За это Александр издал указ, чтобы никто, кроме Лисиппа, не делал его статуй. Похоже, что он был единственным, кто умел показать в бронзе нрав царя и вместе с тем отразить в наружности его доблесть; другие же, стараясь воспроизвести характерный наклон шеи, томность и мягкость взора, упускали в нем мужественное, нечто львиное. В числе других тогдашних мастеров был и зодчий Стасикрат, чьи проекты никогда не отличались скромностью, вкусом и изяществом, но, напротив, чрезмерным размахом и пышностью своей требовали немалых затрат царской казны. Явившись к Александру, он принялся бранить его живописные, лепные и резные изображения как дело рук жалких и ничтожных мастеров. «А я, — сказал он, — могу воздвигнуть тебе памятник из несокрушимого, вечного материала, на мощном основании, наделенный тяжестью незыблемой и непоколебимой. Дело в том, что фракийский Афон в том месте, где он вздымается на наибольшую высоту и виден отовсюду, имеет ширину и высоту вполне подходящие, а также выступы и впадины, напоминающие части человеческого тела, и эту гору, если ее обработать и придать ей определенную форму, можно превратить в статую Александра, подножием своим уходящую в море, в левой руке держащую город с многотысячным населением, а в правой — чашу, из которой, как бы совершая возлияние, будет низвергаться в море неиссякающий поток воды. А золото, медь, слоновую кость, дерево и краски — эти слабые подобия, которые можно к тому же купить, украсть или уничтожить, лучше отвергнуть». Выслушав это, Александр удивился дерзости замысла и похвалил художника, но сказал: «Позвольте уж Афону остаться на своем месте. Хватит и одного царя, о дерзости которого он напоминает. Обо мне напоминать будут Кавказ, Эмод, Танаис, Каспийское море — памятники моих деяний!»

3. Но допустим, клянусь богами, это удивительное творение рук человеческих было бы создано и представлено всем на обозрение! Мог бы кто-нибудь, взглянув на его великолепие, стройность пропорций и очертаний, допустить мысль, что оно возникло случайно, само по себе? А то же самое подумать о громовержце? Или о статуе, которую называют копьеносцем? Думаю, что нет. Да и величественной статуя бы не получилась случайно, без участия художника, который извел и потратил на это золото, бронзу, слоновую кость и много других дорогостоящих материалов. Так возможно ли, чтобы великий муж, более того, величайший из всех когда-либо существовавших стал бы таковым, не имея Добра, благодаря лишь Удаче, предоставившей ему войска и деньги, флот и конницу? Тому, кто не умеет всем этим воспользоваться, это — опасность, а не опора могущества, не украшение, а доказательство бессилия

и ничтожества. Прав был Антисфен, говоря, что «всякого добра следует желать врагам, кроме мужества. Тогда от своих владельцев добро переходит к победителям». Потому, говорят, природа и наделила трусливейшее из животных, оленя, удивительно огромными и острыми рогами, чтобы показать нам, что никакой нет пользы от силы и вооружения тем, кто не умеет за себя постоять. Точно так же Удача, нередко предоставляя малодушным и безрассудным могущество и власть, которыми они все равно не умеют воспользоваться как подобает, тем самым и славит и величит Доблесть, ибо только в ней заключается величие мужа и его красота. Ведь если, как говорит Эпихарм,

«видит разум и слышит разум, слепо и глухо прочее», то это потому, что оно нуждается в разуме. Конечно, и телесные ощущения имеют свои достоинства, но только духовное начало по-настоящему полезно, только оно украшает человека, оно побеждает, властвует и царит, а все остальное, за исключением Доблести, — слепое, глухое, бездушное — лишь тянет за собой, влечет ко дну и позорит своих владельцев, и это показывают факты. Располагая одинаковой властью, управляя одной и той же державой, Семирамида, хоть она и была женщиной, снаряжала флотилии, вооружала фаланги, строила Вавилоны, совершала плаванья вдоль берегов Эритрейского моря, покоряя эфиопов и арабов. Сарданапал же, хоть и рожден был мужчиной, чесал дома пурпурную шерсть, сидя на возвышении среди наложниц, а после смерти его воздвигли каменное изваяние, где он был изображен приплясывающим на варварский манер сам с собой, как бы пришелкивая над головой пальцами, и написали: «Ешь, пей, наслаждайся любовью. Все остальное — ничто». Кратет, увидя стоящую в Дельфах золотую статую гетеры Фрины, воскликнул, что это — трофей от невоздержности эллинов, а взглянув на жизнь Сарданапала или его гробницу (думаю, гробницы здесь нет никакой), любой сказал бы, что это — трофей от милостей Удачи. Так что же? Неужто мы допустим, чтобы вслед за Сарданапалом Удача коснулась Александра и приписала себе его величие и могущество? Чего же такого она дала ему больше, чем получила от нее другие цари? Войск, конницы, оружия, денег, телохранителей? Тогда пусть, если может, с их помощью Удача сделает великим Аридея, пусть сделает великим Амасиса или Оха, Оарса, или Тиграна Армянского, или Никомеда Вифинского, из которых один, сложив диадему к ногам Помпея, свое царство, ставшее военной добычей, с позором получил обратно, Никомед же, выбрив голову и надев на нее войлочный колпак, во всеуслышание объявил себя вольноотпущенником римлян.

4. Скорее мы бы сказали, что Удача создает слабых, робких и малодушных, однако несправедливо как пороки приписывать отсутствию Удачи, так и мужество с мудростью — ее благово-

лению. А не сказать ли наоборот, что Удача возвеличилась благодаря Александру? Ведь он был знаменит, непобедим, великодушен, незаносчив и человеколюбив, а когда его не стало, про войско его, сразу охваченное смутой, раздираемое внутренней борьбой, Леосфен сказал, что оно напоминает ослепленного Циклопа, который бесцельно шарит повсюду руками: так поколеблена была, распатана и ослаблена безначалием его сила. Больше того, словно труп, покинутый душой, теряет плотность, становится рыхлым, разлагается и перестает существовать, вот так же войско, потеряв Александра, билось в конвульсиях и трепетало в агонии (причем Пердикки и Мелеагры, Селевки и Антигоны, пока сердце как бы продолжало еще биться и дыхание было теплым, ссорились и враждовали между собой), а под конец, затихнув и скончавшись, словно червями, начало кишеть ничтожными царями и полудохлыми властителями. Сам Александр, похоже, предвидел это, сказав с укоризной Гефестиону, когда тот поссорился с Кратером: «Да чем бы ты был, если б отняли у тебя Александра?» А я не побоюсь то же самое сказать и тогдашней Удаче: «Да в чем же твое величие, в чем твоя слава, где твоя сила и непреодолимая мощь, если б отняли у тебя Александра?» Иными словами: «А если б отняли у тебя знание военного дела, щедрость на денежные награды, воздержание от роскоши, смелость в состязаниях, кротость к подчиненным? Сделай, коль можешь, великим другого, кто не раздает щедро денег, кто в военных походах не подвергается опасности первым, кто не ценит друзей, кто не проявляет милосердия к пленным, кто не соблюдает меры в наслаждениях, кто не бодрствует в опасности, кто, будучи победителем не отходит легко от гнева, кто на вершине успеха теряет человеколюбие. Кто из облеченных властью может стать великим, если погряз в тупоумии в пороках? Отними Доблесть у того, кто процветает, и он — полное ничтожество: в выражении благодарности скарден, в трудах изнежен, в почитании богов суеверен, к достойным людям завистлив, среди мужей труслив, среди женщин сластолюбив». Подобно тому как бездарные художники под небольшой жертвенный дар прилаживают несуразно большую подставку и тем лишь подчеркивают его скромные размеры, так и Удача, толкая на выдающиеся, блестящие деяния ничтожные натуры, тем сильнее изобличает и и покрывает позором, когда те терпят поражение и неудачу.

5. Значит, не в том величие, чтобы владеть благами, а в том, как пользоваться ими, ибо даже грудные младенцы наследуют от отцов царский сан и власть, как это было с Хариллом, которого Ликург прямо в пеленках принес на общую трапезу и объявил вместо себя царем Спарты; ясно, что не младенец был велик, а тот, кто младенцу отдал отцовское почетное звание, вместо того чтобы, похитив, присвоить его себе. Но кто бы смог великим сделать Аридея, который от младенца-то ничем не отличался, которого Мелеагр, словно в пеленки запеленав,

облачил в порфиру и посадил на престол Александра, — и хорошо, право же, сделал, так что всего несколько последующих дней показали, как царствуют люди, опираясь на Доблесть, и как — с помощью Удачи. Вместо подлинного актера на сцену власти он вывел жалкого шута, или лучше сказать, выставил на театральные подмостки Вселенной немого статиста.

«Груз снесет и жена, если муж ей на спину взвалит».

Так вот, правильнее было бы сказать наоборот: взять и взвалить на кого-нибудь могущество, богатство, власть по силам даже женщине и ребенку (Оарсу и Дарию Персидское царство поднял и преподнес евнух Багой), зато выдержать на своих плечах огромную власть и справиться с нею, не подломиться, не рухнуть под тяжестью бесчисленных государственных дел под силу лишь мужу, которому присущи Доблесть, высокий образ мыслей и ум. Именно таков был Александр, хотя кое-кто упрекает его в склонности к вину и даже в пьянстве. И тем не менее это был великий муж, ибо в государственных делах он всегда был трезв, не опьяняясь властью и могуществом, тогда как другие, вкусив и испробовав от них самую малость, теряют над собой всякий контроль:

«Простолюдин, внезапно ставши богачом
иль должность государственную занявши,
встает на дыбы, как только в люди выбился».

Клит, уничтожив при Аморгосе 3 или 4 греческие триеры, присвоил себе имя Посейдона и стал носить трезубец. Деметрий, по милости судьбы получив лишь кусочек от могущества Александра, приказал величать себя Китайбатом (Нисходящим), причем не послал к нему отправляя города, но феооров, а полученные ответы именовали оракулами. Лисимах, завладев жалкой Фракией, этим захолустьем Александрова царства, дошел до такой наглости и дерзости, что сказал: «Теперь, когда копьём я касаюсь неба, византийцы явились ко мне», на что присутствовавший при этом византиец Пасиал ответил: «Уйдемте отсюда, не то он проткнет небо острием». Да что говорить о них, которым близость к Александру все же позволяла о себе многое возомнить, если даже Клеарх, став тираном Гераклеи, носил с собою перун и одному из своих сыновей дал имя Керавн (Молния), а Дионисий назвал себя сыном Аполлона в эпиграмме:

«Отпрыск, рожденный Доридой в союзе с Фебом могучим». Его отец, сограждан своих истребивший тысяч десять, если не больше, брата своего из зависти предательски выдавший врагам, удавивший свою мать, старуху, которой и без того оставалось несколько дней жизни, сам же писавший в трагедии:

«Ведь тирания — мать несправедливости», своим дочерям при этом дал имена Арета (Доблесть), Софросина (Умеренность) и Дикайосина (Справедливость). А другие присваивали себе прозвища: кто Эвергет (Благодетель), кто Каллиник (Одерживающий прекрасные победы), кто Со-

тер (Спаситель), кто Мегас (Великий). А между тем их бес-
коиечные свадьбы, когда они, словно жеребцы в стадах, без
стеснения проводили среди женщин дни напролет, то, как они
совращали мальчиков, под звуки бубнов плясали среди скоп-
цов, их ежедневную игру в кости, их выступления в театрах с
игрой на флейте, ночи, тянувшиеся в обедах, и дни — в завтра-
ках, описать не хватило бы никакого времени.

6. Зато Александр завтракал рано утром, причем сидя, а
обедал поздно вечером, вино пил, только принося жертвы бо-
гам, в кости играл с Медием, когда болел лихорадкой, развлекал
только в пути, упражняясь в стрельбе из лука и прыгни-
вании с колесницы. В жены он себе взял только Роксану (в
личных интересах, потому что в нее одну был страстно влюб-
лен) и дочь Дария Статиру (в интересах своей державы, ибо
полезно было сблизить народы), других же персиянок он
столь же покорял умением владеть собой, сколь персов — му-
жеством: ни одну из них он не разглядывал против ее воли, а
с теми, которых ему привелось видеть, оставался еще более
сдержан, чем с теми, которых не видел. Приветливый со всеми
остальными, дружбу он водил только с людьми выдающейся
честности. Что касается жены Дария, необыкновенной краса-
вицы, то он даже слушать не пожелал тех, кто расхваливал ее
внешность, а когда она умерла, похоронил ее с такой царской
пышностью и оплакал ее так сочувственно, что его целомудрие
в проявлении человеколюбия вызвало недоверие и добропоря-
дочность его навлекла на себя обвинение в насилии. Именно
этого опасался Дарий, приняв во внимание, что Александр
имел такую возможность, а также его юношеский пыл (ведь
и он был одним из тех, кто победы Александра приписывал
Удаче); когда же он узнал, как все было на самом деле, убе-
дившись в этом после тщательных расспросов, то воскликнул:
«Не совсем, значит, плохи дела персов: никто не назовет нас
последними трусами, недостойными звания мужчин, если мы и
потерпим поражение от такого противника. Что до меня, то я
прошу у богов успеха и победы в этой войне, чтобы воздать
Александрю еще большим добром: для меня теперь вопрос че-
сти превзойти его благородством. А если дела мои безнадежны,
то пусть, о Зевс отеческий персов, о царские боги, никто дру-
гой не воссядет на престол Кира, кроме Александра!» Вот так
он усыновил Александра, призвав в свидетели богов. Так по-
беждают Доблестью!

7. Припиши Удаче, раз уж ты так хочешь, Арбелы, Кили-
кию и другие деяния, не требующие ничего, кроме войны и
насилия: Удача для него разрушила стены Тира, Удача откры-
ла ему путь в Египет, благодаря Удаче пал Галикарнас и взят
был Милет, Мазей без боя оставил Евфрат, и Вавилонская
равнина была усеяна трупами. Но уж никак не Удаче он обя-
зан своей умеренностью, не Удаче обязан своей воздержан-
ностью, вовсе не Удача охраняла его душу, заперев ее, сделав

недоступной для наслаждения и неприступной для вожделений. А ведь именно этим он победил Дария; в остальном поражение касалось войск и конницы, сражений, резни и бегства мужей. Но самую важную битву — состязание в Доблести, великодушии, мужестве и справедливости — Дарий бесспорно проиграл, с изумлением убедившись, что непобедимым быть можно и в наслаждении, и в болезнях, и в умении оказывать благодеяния. А если бы все дело было только в щитах, копьях, боевых кличах и стычках войск, то непобедимым можно назвать и Атаррия, сына Диномена, и Антигена из Пеллены, и Филота, сына Пармениона, хотя до наслаждений и женщин, до золота и серебра они были падки, как последние рабы. Атаррий, когда Александр решил избавить македонян от долгов и распорядился уплатить заимодавцам все, что они задолжали, прикинулся должником и привел к столу человека, который назвался его заимодавцем, но был изобличен в обмане и едва не покончил с собой, если б не Александр, который, узнав об этом, снял с него вину и позволил оставить деньги при себе, памятуя о том, как во время осады Филиппом Перинфа Атаррий был ранен стрелой в глаз, но отдал себя в руки врачей и позволил ее вынуть не раньше, чем обратил врага в бегство. Антиген же втерся в число больных и увечных солдат и записался в список тех, кого отправляли обратно в Македонию, но был пойман на том, что, будучи вполне здоров, лишь притворяется больным; глубоко огорченный поступком испытанного воина, чье тело было покрыто рубцами и шрамами, Александр спросил Антигена о причине, побудившей его к отъезду, и тот признался, что любит Телесиппу, а поскольку она возвращается к морю, хочет последовать за ней, ибо не в силах вынести разлуки. «Чья эта женщина? — спросил Александр. — С кем нужно переговорить о ней?» Услышав в ответ, что она свободнорожденная, «Так давай он сказал: постараемся уговорами и подарками склонить ее к тому, чтобы она осталась». Вот до какой степени ко всем влюбленным он был более снисходителен, чем к себе самому! А вот для Филота, сына Пармениона, источником бед стала его невоздержанность. Была среди пленниц, взятых под Дамаском, некая Антигона из Пеллы (а еще раньше вместе с кораблем, на котором плыла к Самофракии, она попала в плен к Автофрадату); на вид она была довольно красива и Филота, который вкусил ее любовных ласк, прямо-таки свела с ума. И вот этот железный воин до того размяк от удовольствий, что не сумел удержать язык за зубами и разболтал много такого, о чем лучше было молчать: «Да что бы этот Филипп из себя представлял, если б не Парменион? А наш Александр, если б не Филот? Какой уж там Аммон, какие драконы, если б мы того не захотели!» Эти слова Антигона пересказала одной из своих подруг, а та в свою очередь Кратеру. Кратер Антигону тайком привел к Александру, и, что замечательно, тот ее тела даже пальцем не коснул-

ся, сумел воздержаться, зато, установив через нее слежку за Филотом, выведal все его замыслы; с тех пор минуло 7 лет, если не больше, но ни разу никому Александр не высказал своих подозрений: ни за вином, хотя нередко бывал пьян, ни в порыве гнева, хотя был очень вспыльчив, ни другу, хотя Гефестиону доверял во всем и делился с ним решительно всем. (Рассказывают, как однажды Александр, вскрыв полученное от матери письмо секретного содержания, молча читал его про себя. Гефестион же, как ни в чем не бывало, повернул голову и стал читать тоже; запретить ему это царь не решился и только, сняв с пальца перстень, приложил печать к губам Гефестиона.)

8. Да просто невозможно перечислить все примеры того, как прекрасно, истинно по-царски он пользовался своей властью! Даже если великим его сделала Удача, он еще более велик тем, как благородно Удачей воспользовался. И чем больше кто-нибудь восхваляет сопутствовавшую ему Удачу, тем больше превозносит его Доблесть, благодаря которой он был удостоен Удачи. Тем не менее я перехожу к тому, с чего началось его возвышение, к истокам его могущества, и собираюсь рассмотреть, какова во всем этом роль Удачи и какова причина того, что величие Александра приписывают ей. А почему бы и нет? Разве, о Зевс, не знавшего ран, кровопролития и фатных трудов его возвел на трон Кира конь своим ржанием, как это было в свое время с Дарием, сыном Гистаспа, или муж, оболщенный женой, как это было с Ксерксом, которого Дарий сделал царем, уступив уговорам Атоссы? А может, венец царя Азии сам, прямо на порог к нему пришел, как к Оарсу стараниями Багоя, или, сбросив платье астанда, он облачился в царское, а на голову возложил острокопечную китару? А может, власть над миром ему досталась неожиданно-негаданно, по жребию, подобно тому как в Афинах избирают фесмофетов и архонтов? Хочешь знать, как люди становятся царями благодаря Удаче? А аргивян когда-то пресекался род Гераклидов, из которого у них издревле было принято выбирать царей. Не зная, как быть, они обратились к оракулу, и бог объявил, что царя им укажет орел; и впрямь спустился несколько дней в небе появился орел, который, спустившись, уселся на крыше дома Эгона, и царем был избран Эгон. Опять же таки, в Пафосе, когда тамошний царь показал себя несправедливым и бесчестным, Александр его низложил и стал разыскивать другого, хотя царствующий род Кинирадов, как считалось, уже иссяк и угас. И вот ему сообщили, что один человек из этого рода еще жив: безвестный и нищий, всеми забытый, он добывает себе пропитание тем, что возделывает какой-то огородик. Когда посланные за ним к нему явились, они застали его за поливкой грядок; несчастный перепугался, когда солдаты его схватили и приказали куда-то идти. Представ перед Александром в своем жалком плащишке, он во всеуслышание был

провозглашен царем, облачен в порфиру и принят в число так называемых гетайров. Звали его Абдалоним. Вот так-то царями людей делает Удача: шутя, играючи, вместе с одеждой меняя звание тех, кто об этом и мечтать не смел.

9. Александру же хоть кусочек славы достался незаслуженно, без пота и крови, даром, без труда? Воду он пил из рек, окрашенных кровью, переходил эти реки по мостам из трупов, понуждаемый голодом, ел траву, какую придется, покорял племена, засыпанные глубокими снегами, и города, спрятавшиеся под землей, переплывал бушующее море, совершал переходы по безводным пескам страны гидросиев и арахосиев, где растений было меньше, чем в море. Если б можно было против Удачи выставить защитницей Александра Откровенность, разве не обратилась бы она к ней с такой речью: «Где и когда деянием Александра ты открыла дорогу? Хоть одну скалу завоевал он без крови, с твоей только помощью? Хоть один город ты отдала ему в руки неохраемым, хоть одно войско — безоруженным? Нашелся на его пути хоть один беспечный царь, легкомысленный полководец или спящий часовой? Напротив, не было ни реки, удобной для переправы, ни мягкой зимы, ни благодатного лета! Уходи к Антиоху, сыну Селевка, к Артаксерксу, брату Кира, убирайся к Птолемею Филадельфу! Это их объявили царями еще при своей жизни отцы, это они одерживали победы без потерь, это они провели жизнь в праздниках, торжественных шествиях и театральных зрелищах, это из них каждый имел счастье, царствуя, дожить до старости! Что до Александра, то не говоря уж об остальном, взгляни хоть на его тело, сплошь покрытое ранами: с головы до ног оно иссечено, изрублено врагами.

«и копьем, и мечом, и огромными глыбами камня».

При Гранике ему мечом насквозь прорубили шлем; под Газой дротиком угодили в плечо; в Маракандах стрелой ранили в голень так сильно, что перебитая ударом кость вышла наружу; где-то в Гиркании камнем попали в горло, да так, что у него в глазах потемнело и еще долгое время он рисковал остаться вовсе слепым; на границе страны ассаканов индийское копьё ему пронзило ступню (тогда-то он и сказал с улыбкой своим льстецам: «Это уж наверняка кровь, а не

влага, какая струится у жителей неба счастливых».

При Иссе его мечом ранил в бедро, сойдясь с ним врукопашную, царь Дарий; так утверждает Харет, да и сам Александр просто, без всяких приукрашиваний об этом говорит в письме к Антипатру: «Случилось так, что меня кинжалом тоже ранили в бедро, но, к счастью, все обошлось благополучно». В стране маллов попа, пробив панцирь, попала в грудь стрела длиною в два локтя, а цестом кто-то нанес удар по шее, как пишет в своей истории Аристокбул. А перейдя через Танаис и обратив в бегство скифов, он гнался за ними на коне целых 150 стадиев, превозмогая страдания от расстройства желудка.

10. Хорошо же ты, Удача, превозносишь и возвеличиваешь Александра, отовсюду осылая его ранами и ударами, открывая для них все части его тела! Афиия, защищая Менелая, летящую в него стрелу направила в самое неуязвимое место доспехов, так что панцирь, навязь и запон силу удара, поразившего тело, ослабили настолько, что только кровь пошла из пустяковой ранки. Ты же, наоборот, оставляешь открытыми для стрел самые уязвимые места на теле Александра, наносишь ему удары, пробивающие даже кости, бегаешь вокруг него, так и стараясь поразить в лицо или в ноги, мешаешь ему преследовать бегущего противника, похищаешь плоды его побед, опрокидываешь все его расчеты». Мне кажется, ни с одним из царей Удача не обошлась так сурово: хотя ко многим она была завистлива и жестока, но других она уничтожала и губила с быстротой молнии, зато к Александру ее ненависть оказалась упорной, непримиримой и ненасытной, словно к Гераклу. Каких только Тифонов, каких исполинских чудовищ она не призвала на борьбу с ним! Каких врагов его не снабдила всевозможным оружием, реки — глубиной, горы — крутизной, диких хищников — силой? И если бы не величие духа Александра, если бы не великая Доблесть, побудившая его найти в себе силы и воспротивиться Удаче, разве не дрогнул бы он, разве бы выдержал, строя свои войска, готовя их к бою, осаждая и усмиряя Бактры, Мараканды и Согдиану, вынуждаемый возвращаться обратно бесчисленными восстаниями, мятежами враждебных народов, непокорностью царей, среди вероломных и коварных племен как бы сражаясь с Гидрой, у которой вместо срубленных войн вырастали все новые?

11. Нелепостью покажется то, что я сейчас скажу, и все же это правда: из-за Удачи Александр чуть не лишился веры в то, что он — сын Аммона. В самом деле, кто из рожденных от бога совершил столь опасные, многотрудные и тяжкие подвиги, кроме сына Зевса Геракла! А ведь Геракла всего-навсего какой-то надменный человек заставлял ловить львов, преследовать вепрей, разгонять птиц, а потом, чтобы он, избегая более значительных дел, не успокоился на этом, поручил ему наказывать Антеев и карать Бусиридов, запятнавших себя убийствами; на Александра же Доблесть возложила повстание царскую, сверхчеловеческую задачу, целью которой было не золото, привозимое бесчисленными караванами верблюдов, не мидийская роскошь, яства и женщины, халибонское вино и гирканская рыба, а то, чтобы установить единый для всех людей государственный порядок, сделать их подданными одной великой державы и приучить к единому образу жизни. Врожденное стремление к этому не давало ему покоя уже с самого детства, с ним вместе оно росло и мучало: когда к Филиппу однажды явились послы от персидского царя, а Филипп находился в отъезде, Александр радушно и гостеприимно их встретил, при этом не задавал им, как другие, детских вопросов о золотой

лозе, о висячих садах, о том, каковы наряды персидского царя; напротив, целиком поглощенный высшими государственными интересами, он так настойчиво стал расспрашивать, сколько у персов войска, в каком месте боевого строя обычно находится их царь во время сражений (точь в точь как славный Одиссей):

«Где у него боевые доспехи, быстрые кони?»

какими дорогами быстрее всего можно от моря добраться в глубь материка, что пораженные чужеземцы стали переговариваться между собой: «Поистине этот мальчик — великий царь, а наш — только богатый!» А когда наконец после смерти Филиппа он стал энергично готовиться к переправе, устремив к этому все свои помыслы и доступные ему средства, и уже торопился напасть на Азию, тут-то и начала ему противодействовать удача, стала тянуть его назад, тащить обратно, опутывая бесчисленными помехами и задерживая проволочками: сначала она обрушила на него набеги соседних варваров, ухитрившись навязать войну с иллирийцами и трибаллами. Вынужденный отложить восточный поход, Александр обратился против северного противника; дойдя вплоть до Скифии, прилегающей к Истру, он с немалым для себя риском и опасностью успешно провел эту военную кампанию и вновь, поспешив взяться за переправу в Азию, но тут снова вмешалась Удача: швырнув в него Фивы и бросив ему под ноги препятствие в виде войны против эллинов, она поставила его перед ужасной необходимостью близкий и родственный народ покарать огнем, железом и кровью, так что исход войны оказался весьма прискорбным. И лишь после этого наконец Александр совершил переправу, причем запасов продовольствия для войска, как сообщает Филарх, у него было всего лишь на 30 дней, а согласно Аристубулу, он имел при себе только 70 талантов. Из поступлений в царскую казну и всякого добра, накопленного дома, большую часть он раздал друзьям: один Пердикка не взял ничего из того, что царь ему предлагал, но спросил: «А что же ты оставляешь себе, Александр?» — «Надежды», — ответил тот. «В таком случае, — сказал Пердикка, — и мы хотим иметь долю в них: разумнее подождать сокровищ Дария, чем брать деньги от тебя».

12. На что же надеялся Александр, начиная переправу в Азию? На войска, в определенном количестве выставляемые от каждого из городов с многотысячным населением, на флот, переплывающий горы, на удары бича и оковы, которыми безумный варвар вздумал наказывать непокорное море, рассчитывать он и не думал. Зато его войско, пусть небольшое, было сильно честолюбивым соперничеством между воинами-сверстниками, соревнованием в славе и доблести между друзьями, а его самого отличала уверенность в себе, благочестие по отношению к богам, верность друзьям, умеренность, воздержанность и отзывчивость, бесстрашие и презрение к смерти,

человеколюбие, простота и общительность, открытый нрав, твердость в принятых решениях, быстрота в действиях, жажда славы, стремление доводить всякое дело до конца. Гомер, описывая красоту Агамемнона, сколотил нелепое, неправдоподобное сочетание из трех образов, употребив такое сравнение:

«Зевсу, метателю грома, главой и очами подобный,
станом—Арею великому, персями—Эпносигею».

Ну а если бы нрав Александра родивший его бог и в самом деле сколотил и соорудил из многих добродетелей, разве не сказали бы мы, что он обладал благородством Кира, воздержанностью Агесилая, пронизательностью Фемистокла, опытностью Филиппа, отвагой Брасида, могучим талантом и государственной мудростью Перикла? А из еще более древних целомудрием он превзошел Агамемнона (тот пленницу рабыню предпочел законной супруге, а этот воздерживался от пленниц даже до того, как женился), великодушием—Ахилла (тот за небольшой выкуп согласился вернуть тело Гектора, а этот, не жалея расходов, устроил Дарию похороны; тот, сменив гнев на милость, в уплату за это взял от друзей подарки, а этот даже своих врагов, побеждая, одарял целыми состояниями), благочестием—Диомеда (тот с готовностью соглашался даже сразиться с богами, а этот все свои успехи относил на счет богов), а своим близким он был дороже, чем Одиссей (у того родная мать умерла от тоски по нему, а вслед за Александром из любви к нему скончалась мать его врага).

13. Вообще говоря, если и Солон благодаря Удаче осуществил свои государственные преобразования, и Мильтиад благодаря Удаче выполнил обязанности стратега, и Аристид был справедлив по милости Удачи, тогда действительно Доблесть никакого значения не имеет; это всего лишь пустой звук, выдумка мудрецов и законодателей, которая гуляет по свету, напрасно пользуясь доброй славой. А если из них и им подобных каждый в отдельности был бедным или богатым, слабым или сильным, уродливым или красивым, наслаждался счастливой старостью или умер в молодости по воле Удачи, зато великим полководцем, великим законодателем, великим государственным деятелем каждый из них проявил себя благодаря своей Доблести и разуму, тогда всмотрись в Александра и сравни его с ними со всеми. Солон в Афинах провел закон об уменьшении долгов, назвав его «страхиванием бремени», а Александр за должников сам выплатил их заимодавцам причитавшиеся суммы. Перикл, обложив данью эллинов, на эти средства украсил храмами акрополь, а Александр отнял богатства у варваров и отослал их в Элладу, распорядившись воздвигнуть храмы богам на бесчисленную сумму талантов. Брасид стяжал себе громкую славу в Элладе тем, что под Метоной сумел с боем прорваться через расположение вражеских войск, растянувшееся вдоль берега моря, но поразительный прыжок Александра в стране оксидраков, невероятный для тех,

кто о нем слышит, и ужасный для тех, кто его видел, когда с крепостной стены он бросился прямо в гущу врагов, встретивших его обнаженными копьями, мечами и дротиками, с чем его можно сравнить, если не с ударом сверкающей молнии, вылетающей с громовыми раскатами и сотрясением воздуха, словно блистающее «ослепительно ярким оружием знамение Феба»? Ошеломленные, враги сперва было отступили и в страхе разбежались, но затем, увидя, что многих атакует всего лишь один человек, остановились. И вот здесь Удача явила прямо-таки великолепный, яркий образец своего благоволения к Александру: кинув его внутрь безвестной варварской крепости, она его закрыла и отрезала стеной от своих, а когда македонские воины, оставшиеся снаружи, бросились на помощь своему царю и стали карабкаться на стены, она, разбив и сломав лестницы, сбила их с ног и сбросила вниз. А из тех троих, которые все же успели взобраться на стену и, спрыгнув с нее, встали рядом с царем, одного Удача тут же истребила и уничтожила, а другой, сразу пронзенный множеством стрел, оказался настолько близок к смерти, что единственное, на что еще был способен, это видеть и различать происходящее вокруг. И напрасно с боевыми кличами кидались на стены оставшиеся снаружи македоняне: не было у них ни осадных орудий, ни машин; в бессильной ярости они рубили стены мечами, рвали голыми руками и только что не грызли зубами. А счастливый, постоянно хранимый и оберегаемый Удачей царь, словно зверь, попавший в охотничьи сети, оказался беспомощным и покинутым — он, кто перед этим овладел Сузами, Вавилоном и Бактрами, одержал победу над великим Пором! Действительно, в битве с великим и славным противником, если кто и потерпит неудачу, ему хоть позора нет; но настолько злобна и завистлива была Удача, настолько благосклонна к варварам и враждебна к Александру, что не только его тело, не только жизнь, но даже его громкую славу, насколько это было в ее силах, пыталась у него отнять и погубить. Не так страшна была бы смерть Александра, если бы он пал бездыханным на берегах Евфрата или Гидаспа, не так бесславна, если бы в рукопашной схватке с Дарием он погиб под ударами мечей и тесаков, под копытами коней персов, защищавших царя, или, взойдя на стены Вавилона, свалился и рухнул вниз от сильного испуга. Так было с Пелопидом и Эпаминондом: именно так их настигла смерть, и не несчастной, но доблестной эта смерть оказалась. А что сделала та Удача, чьи дела мы рассматриваем теперь? В варварском захолустье, на берегах чужой реки, в безвестном городишке она спрятала и отрезала от своих стеной царя и владыку вселенной, чтобы погубить его, осыпаемого ранами от безнаказанного оружия и ударами первых подвернувшихся под руку предметов. Тесаком ему прорубили шлем и ранили в голову, а выпущенной из лука стрелой кто-то пробил ему панцирь с такой силой, что, вонзившись в грудь

около соска, она застряла в одном из ребер, причем конец ее древка, причиняя жестокую боль, торчал снаружи, а железный наконечник имел 4 пальца в ширину и 5 в длину. И в довершение всех бед случилось так, что, отбиваясь от врагов, нападающих спереди, одного из них, который, метнув издали копье, отважился к нему приблизиться с мечом, Александр, успев опередить, пронзил кинжалом и свалил на землю, но в этот момент какой-то прибежавший с мукомольни человек подкрался сзади и пестом нанес по шее такой удар, что в глазах у царя потемнело и он потерял сознание. Но на помощь пришла Доблесть, в него она вдохнула смелость, а в его приближенных — мужество и рвение. Лимнеи, Птолеми, Леоннаты и все остальные, кто, перебравшись через стену или пробив в ней брешь, бросились к нему на помощь, образовали собой стену Доблести, из преданности и дружбы к царю прикрыв его своими телами, лицами и жизнями. Отнюдь не по воле Удачи друзья прекрасных царей с готовностью отдают за них жизнь и подвергают себя опасности, но из любви к Доблести, подобно тому как пчелы, побуждаемые любовным напитком, жмутся и льнут к своему вожаку. Кто, из безопасного места наблюдая за всем этим, не сказал бы, что у него на глазах происходит великое противоборство Удачи и Доблести, что варвары незаслуженно берут верх с помощью Удачи, а эллины стойко сопротивляются с помощью Доблести и, если одолеют те, повинны в этом будут Удача, враждебный демон и возмездие богов, а если победят эти, то победу им принесут Доблесть, отвага, дружба и верность? Только это и помогло Александру, остальную же его вооруженную мощь — флот, конницу и пехоту — Удача от него отрезала стеной. И все же македоняне обратили варваров в бегство и, сравнив город с землей, его обломками завалили их трупы. Но Александру это уже не могло помочь: сразившая его стрела засела у него глубоко внутри и словно скрепой пригвоздила панцирь к телу. И когда ее пробовали одним рывком вытащить из раны как бы с корнем, железный наконечник не поддавался: так прочно он застрял в одном из ребер, прикрывающих сердце. Отпилить же тростниковое древко, торчащее наружу, никто не решался, опасаясь, что потревоженная резкими толчками кость расщепится, причиняя нестерпимую боль, и кровь из глубины хлынет потоком. Видя, что врачи в крайнем затруднении и медлят что-либо предпринять, Александр сам попытался кинжалом срезать стрелу у самой поверхности кожи, но отяжелевшая, немеющая от воспаления рана рука его бессильно повисла. Тогда он приказал им снова приняться за свое дело и не бояться (он еще ободрял тех, кто сам не был ранен!); одних, кто, отчаянно рыдая, его заживо оплакивал, он бранил, других обзывал дезертирами, которым не хватает смелости оказать ему помощь, он громко кричал, обращаясь к гетайрам: «Не будьте же трусами хотя бы ради меня! Врачи не верят, что я не боюсь смерти, раз моей смерти боитесь даже вы!»...

Указатель

(к Курцию Руфу — без буквенных обозначений, к остальным авторам — учитывая следующие сокращения: Д — Диодор, книга XVII; Ю — Юстин; А — Плутарх, Александр; П — Плутарх. Об Удаче и Доблести Александра)

- Абдалоним IV.1.19, 21, 23—24, 26; Д, 46; Ю, XI.10; П, II.8
Абдера А, 52
Абисар (Эмбисар) VIII.12.13; 13.1; 14.1; IX.1.7; X.1.20—21; Д, 87, 91
Абулит (Абулет) V.2.8—9, 17; Д, 65; А, 68
Автофрадат П, II.7
агалассы Д, 96
Агамемнон П, I.10; II.12
Агафокл Д, 23
Агафон V.1.43; X.1.1; Д, 64
Агенор IV.4.15, 19
агенсоны Ю, XII.9
Агесилай П, II.12
Агис, царь Спарты IV.1.39; VI.1.12, 15; Д, 63; Ю, XII.1
Агис, поэт VIII.5.8, 21
Аграмм (Ксандрам) IX.2.3; Д, 93
агриане III.9.9; IV.13.31; 15.21; V.3.3; VIII.14.24; IX.8.18—19; Д, 17
Ада Д, 24; А, 22
Адмет Д, 45
Адрасгейская равнина Ю, XI.6
адранеты (адресты) Д, 91; Ю, XII.8
Адриатика Д, 113
Азия III.1.12—13, 16; 3.5; 7.11; 10.4; IV.1.13, 38; 3.11; 4.1; 5.14; 10.34; 11.22; V.1.1, 39; 4.9; 5.9; 9.5; VI.2.13—14; 6.6; 11.29; VII.1.3; 3.19, 21; 7.2, 4, 14; 8.13, 30; 9.17; 11.10; VIII.1.26, 37; 4.29; 8.10, 12; IX.1.3; 2.15, 24; 6.20—21; X.1.37, 43; 2.8, 11—12, 23, 25; 3.7, 13; 5.13, 18; Д, 1, 2, 5, 16, 17, 20, 30, 36, 39, 72, 73, 76, 78, 111, 114; Ю, XI.1, 5, 6, 9, 14; XII.2, 16; А, 3, 5, 7, 9, 16, 18, 38, 47, 49, 68; П, I.5, 7, 8; II.8, 10, 12
Акадиры VIII.10.19
Акарнания, акарнанцы III.2.16; Д, 3; А, 5, 19
Аксин VIII.9.8; IX.4.1, 8; Д, 95, 96; Ю, XII.9
Акуфис А, 58
Александр, ферейский тиран П, II.1
Александр Лянкест VII.1.5; VIII.7.4; 8.6; X.1.41; Д, 32, 80; Ю, XI.2, 7; XII.14
Александр Филэлли VI.11.26
Александр эфирский Ю, XII.1—3
Александр, сын Филота VII.10.12
Александр, воин VIII.11.10, 14—15
Александрия Египетская, александрийцы IV.8.2, 5, 6; X.10.20; Д, 52; Ю, XI.11; П, I.5
Александрия Индийская IX.8.8; Д, 104
Александрия Кавказская VII.3.23; Д, 82
Александрия Эсхата VII.6.25; Ю, XII.5
Александрополь А, 9
Алексипп А, 41
Алкета А, 55
Алкивиад П, I.5, 12
Альпы X.1.18
амазонки VI.4.17; 5.24; Д, 77; Ю, XII.3; А, 46
Аманские ворота III.8.13
Амб см. Самб
амбии VII.6.11
амбракноты Д, 3, 4
Амедян VII.3.4
Аминта, сын Андромена III.9.7; IV.6.31; 13.28; V.1.40; 2.5; 4.20, 30; VI.4, 2; VII.1.10; П, I.3
Аминта, сын Николая VIII.2.14, 16
Аминта, сын Антиоха III.11.18; IV.1.27, 31, 33; 7.1
Аминта, сын Пердикки VI.9.17; 10.24; Ю, XII.6
Аминта, воин VI.7.15
Аминта Лянкест V.2.5
Амисс X.8.15
Аммад Ю, XII.12
Аммон IV.7.22; 8.1; VI.10.28; 11.5; X.5.4; Д, 49, 50, 93, 108, 115; Ю, XII.11, 15; А, 3, 26, 27, 47; П, I.9
аммони IV.7.20; Д, 113
Аморгос П, II.5
Амфиполь Д, 64
Амфотер III.1.19; 5.14, 17, 21; 8.15
Анаксарх Д, 112; Ю, XII.13; А, 8, 28, 52
Анаксимен П, I.3
Андрогор Ю, XII.4
Андромах IV.5.9; 8.9
Андромен V.1.40
Андроник VII.3.2

- Андрос IV.1.37
 Анкира III.1.22
 Антей П, II.1, 11
 Антиген V.2.5; VIII.14.15; Ю, XII.12; A, 46; П, II.7
 Антигенид П, II.2
 Антигон IV.1.35; 5.13; X.10.2; Д, 80; A, 70, 71, 77; П, I.9; II.4
 Антигона А, 48; П, II.7
 Антикл VIII.6.9
 Антиклид А, 46
 Антиливан А, 24
 Антипатр III.1.20; IV.1.39; V.1.40; VI.1.17—19; 6.35; VII.1.7; 10.13; X.7.9; 10.14.18; Д, 16, 17, 62, 63, 73, 108, 118; Ю, XI.7; XII.12, 14; A, 11, 46, 47, 49, 55, 57, 68, 74; П, II.9
 Антипатр, воин VIII.6.9
 Антисса Д, 29
 Антисфен П, II.3
 Антифан VII.15, 17, 32, 34—35
 Аорн VIII.11.9; Д, 85
 Апельлес А, 4; П, II.2
 Аполлдор V.1.43; Д, 64
 Аполлон IV.3.21—22; Д, 41, 46; A, 24; П, II.5
 Аполлонид IV.5.15, 17
 Аполлоний IV.8.5
 апулийцы Ю, XII.2
 Араб IX.10.6
 арабиты IX.10.5
 арабы IV.2.24; 6.30; 7.18; A, 24; П, II.3
 Аравия IV.3.1, 7; V.1.11
 Арад IV.1.6
 Аракс Армянский VII.3.19
 Аракс Персидский IV.5.4; V.4.7; 5.2—3; 7.8; Д, 69
 Арахосия, арахосии IV.5.5; 12.6; VII.3.4, 5; VIII.13.3; IX.7.14; 10.7; Д, 81; П, I.5, 9
 Арбелы IV.9.9, 14; 16.9; V.1.2—3, 10—11; VI.1.21; IX.2.23; Д, 53, 61—62, 64—65; Д, 53; A, 31; П, I.2; II.7
 Арвы VI.4.23
 Аргеады П, I.10
 Аргос, аргосцы VIII.5.8; Д, 3, 8; П, II.8
 Арес (Арей) Д, 100; П, II.12
 Арет IV.15.13, 18
 Ариарат X.10.3
 арин VI.6.20; VII.3.1—2, 4, 32—33; Д, 81, 83, 105
 Армаз VII.11.1, 5—6, 23—24, 27—28
 аримаспы Д, 81; Ю, XII.5
 Аримб А, 2
 Ариобарзан IV.12.17; V.3.17; 4.15, 20, 33; Д, 17, 68
 Аристандр IV.2.14; 6.12; 15.27; V.4.2; VII.7.8, 22—23, 28—29; Д, 17; A, 2, 14, 25, 33, 50, 52
 Аристарх Д, 3
 Аристид П, II.13
 Аристипп П, I.8
 Аристокбул А, 15, 21, 46, 75; П, I.3; II.11
 Аристокрит III.13.15
 Аристокрит А, 10
 Аристоксен А, 4
 Аристомед III.9.3
 Аристомен IV.1.36
 Аристон, телохранитель IX.5.15, 18; X.6.16, 18
 Аристон, предводитель пеонов IV.9.24—25; A, 39
 Аристоник IV.5.19—20; 8.11; П, II.2
 Аристотель Ю, XII.6, 16; A, 7, 8, 17, 52, 54, 55, 74; П, I.4
 Аркадия, аркадяне Д, 3, 8
 Аркесилай П, I.4
 Армателлия Д, 103
 Армяне, армяне IV.12.10—11; V.1.13, 44; VI.3.3; VII.3.20; Д, 64; Ю, XI.12; П, II.3
 Арридей Филипп X.7.2, 5—7, 10, 12—13; 8.16; 9.18; Ю, XII.15; A, 10, 77; П, II.3, 5
 Арсак VII.3.17
 Арсам, наместник в Дрангиане VIII.3.17
 Арсам, наместник в Киликии III.4.3
 Арсамен Д, 19
 Арсит Д, 19
 Артабаз III.13.13; V.9.1, 12—13, 17; 10.10—11; 12.7—8, 18; VI.5.1, 4—6, 22; VII.3.2; 5.1; 11.5, 29; VIII.1.10, 19
 Артаканна (Хартакана) VI.6.33; Д, 78
 Артаксеркс VI.6.13; П, I.2; II.9
 Артемид А, 3
 Артемий А, 51
 Архелай, царь Македонии VI.11.26; Д, 16; П, II.1
 Архелай, наместник в Сузах V.2.16; VI.11.26
 Археполис VI.7.15
 Архестрат П, II.1
 Асклепидор, военачальник VII.10.12
 Асклепидор, воин VIII.6.9
 Аспастр IX.10.21, 29
 аспсийцы П, I.2
 ассаканы П, II.9
 Атаррий V.2.5; 8.19—21; VII.1.5 VIII.1.36; П, II.7
 Атзий III.11.10; Д, 21, 34
 Атосса П, II.8
 Аттал, командир агриан IV.13.31
 Аттал, дядя Клеопатры VI.9.17; VII.1.3; VIII.1.42, 52; 7.4, 5; 8.7; Д, 2—3, 5; Ю, XII.6; A, 9
 Аттал VIII.13.21; A, 55
 Атика X.2.1; Д, 72, 108; A, 38

- Аттин VIII.1.3—5
 Афина см. Минерва
 Афинагор IV.5.15, 17
 Афинодор IX.7.3, 5; П, II.2
 Афинодор А, 29
 Афинофан А, 35
 Афины, афиняне III.2.10; 10.7; 13.15;
 IV.5.22; 8.12; V.5.17; 7.12; VI.5.9;
 IX.7.16, X.2.3, 6; Д, 2—5, 8, 15, 22,
 25, 30, 62, 72, 100, 108, 111; Ю,
 XI.2—3; А, 11, 13, 16, 28—29, 38,
 60, 69; П, I.3, 5; II.8
 Афобет VI.7.15
 Афон А, 72; П, II.2
 Африк см. Эрик
 Африка IV.3.20; 4.20; 8.5; 9.1;
 VIII.9.17; X.1.17; Ю, XII.2
 Афродита П, II.3
 Ахайя, ахейцы IV.5.14; 13.29; VI.1.20.
 3.2; Д, 57
 Ахеронт Ю, XII.2
 Ахилл Д, 17, 97; А, 5, 15; П, I.10;
 II.12
 Аянт Д, 17
 Багистан V.13.2; Д, 110
 Багой, евнух Дария VI.3.12; 4.10;
 П, II.5, 8
 Багой, евнух Александра VI.5.23;
 X.1.25, 36
 Багофан V.1.20, 44
 Базаря VIII.1.10
 Бактр VII.4.31
 бактрийцы III.2.9; IV.6.2—3; 9.2;
 12.6; 13.5; 15.18, 20; V.8.4; 9.10,
 16; 10.5, 12; 12.13; VII.4.13, 20;
 6.15; 7.2, 6, 16, 31; 8.21; VIII.1.3;
 2.15—17; IX.2.24, 33; 8.10; Д, 19
 Бактрия III.10.5; IV.5.5; 11.13; V.8.1,
 4; 9.5, 7; VI.3.9; 6.18; 11.32; VII.3.7;
 4.25—26, 30; 7.4; 8.19, 21, 30;
 VIII.2.13; X.10.4; Д, 64, 73—74, 81,
 83, 99; Ю, XII.5; П, I.5
 Бактры IV.5.8; VI.6.22; VII.4.31; 9.20;
 10.10; IX.7.1—2, 11; Д, 73; П, II.10,
 13
 Балакр IV.5.13; VIII.11.22
 балакры IV.13.28
 Барзент VI.6.36; VIII.13.3—4; Д, 74
 Барка Ю, XII.10
 баркашцы III.2.5
 Барсина X.6.11, 13; Ю, XI.10
 Бейра VIII.10.22
 Бел III.3.16; V.1.24; Д, 112; А, 18
 Белефант Д, 112
 белиты IV.12.10
 Беотия, беотийцы III.10.7; 4.20;
 VI.3.2; Д, 4, 110
 Берда VIII.1.7
 Бесс IV.6.2, 4; 12.6; 15.2; V.8.4; 9.2,
 7, 10, 11, 16; 10.1; 11.2, 7—8; 12.1,
 5—6, 14, 19; 13.6, 9, 11—13, 15, 18;
 VI.3.9, 12, 15, 18; 4.8; 6.13, 19—21;
 7.25—26, 36, 38, 40, 43; 9.14—15;
 10.10; VII.3.2; 4.1, 3, 6, 9, 14, 19—
 20, 32, 40; 5.19—20, 22, 24; Д, 73,
 78, 83; Ю, XII.5; А, 42—43
 Бетис IV.6.6, 20, 25—27, 29
 Библ IV.1.15
 Бикон IX.7.4—9
 Бион IV.13.36
 Бокс IX.7.4, 8
 Болон VI.11.1
 Борисфен VI.2.13
 Борсиппа Ю, XII.13
 Боспор VI.2.13—14; VII.6.12; VII.1.7
 Бранхиды VII.5.28, 30—31
 Брасид П, II.12
 брахманы Д, 102—103
 Брокубел V.12.11
 Брундизий Ю, XII.2
 бруттин Ю, XII.2
 Бубак V.11.4; 12.10
 Бубаксене VIII.5.2
 Букефал VI.5.18; А, 6, 16, 32, 61
 Букефала IX.3.23; Д, 95; Ю, XII.8;
 А, 61; П, I.5
 Бумод IV.9.10
 Бусирис П, II.11
 Вавилон III.2.2; 3.3; IV.6.2; 9.2; 12.11;
 16.7; V.1.7, 17, 19, 35, 37, 43, 45;
 6.9; 13.3; X.1.16; 6.1; 8.11; Д, 31,
 39, 53, 64—65, 71, 108, 110—112,
 116; Ю, XII.10, 13; А, 69, 73; П, I.3;
 II.3, 13
 Вавилония V.1.44; VIII.3.17; X.1.19;
 Ю, XI.12; А, 35
 Вакх см. Либер
 венеты III.1.22
 византийцы А, 9; П, II.5
 Вифиния П, II.3
 Габаза VIII.4.1
 Гавгамелы А, 31
 Гавстан VIII.5.2
 Гегес VIII.14.2
 Гагнон А, 22, 40, 55
 Гагнофем А, 77
 Гадес IV.4.20; X.1.17
 Газа IV.5.9; 6.7; 7.2; Д, 46, 49; А, 25;
 П, I.2; II.9
 галаты Д, 113
 Галикарнас III.7.4; V.2.5; VIII.1.36;
 Д, 23—24, 27; А, 16; П, II.7
 Галис IV.5.1; 11.5; Д, 39, 54
 Галлия Ю, XII.13
 Ганг VIII.9.5, 8; IX.2.2; 4.8, 17, 20;
 Д, 93, 108; А, 62
 гангариды IX.2.3; Д, 91, 93—95; Ю,
 XII.8
 гандриды П, I.2

- Ганнибал П. 1.8
 Гарпал IX.3.21; X.2.2—3; Д. 17, 108;
 А, 7, 10, 35, 41
 Гасдрубал П. 1.5
 Гегелох III.1.19; IV.5.14, 17, 21;
 VI.11.22—23, 28
 Гедросия см. Кедросия
 Гекатей VII.1.38
 Гекатей Д. 2, 5
 Гекатей, эретриец А, 46
 Гекатомпил VI.2.15; Д. 75
 Гекесий А, 3
 Гектор IV.8.7—9; VI.9.27; П. II.12
 Гекуба П. II.1
 Геликон А, 32
 Гелиос Д, 89
 Гелланик V.2.5
 Гелланика VIII.1.21
 Геллеспонт III.1.19—20; 5.7; IV.1.10,
 36; 5.1; 11.6; 14.9; VI.3.3, 15;
 IX.2.24; 6.20; X.10.3; Д. 17—18;
 А, 15—16; П. 1.7, 10
 Гем А, 2
 генеты III.1.22
 Гера А, 3
 Геракл см. Геркулес
 Гераклея П. II.5
 Гераклид А, 26
 Гераклиды А, 2; П. II.8
 Геракловы Столбы X.1.17; Д. 113;
 А, 68
 Геракон X.1.1
 Геркулес (Геракл) III.10.5; 12.27;
 IV.2.3—4, 17; 3.22; 8.16; 10.23; 11.9;
 13.24; VIII.5.8, 11, 17; 10.1; 11.2;
 14.11; IX.2.29; 4.2, 21; Д. 1, 4, 40—
 41, 46, 85, 96, 100; Ю. XI.4, 10;
 XII.7, 9; А. 24; П. I.10; II.2, 10—11
 Геркулес, сын Барсины Ю. XI.10;
 XII.15
 Гермюна А, 36
 Гермипп А, 54
 Гермюлай VIII.6.7, 25; 7.1, 3, 7—8;
 8.1, 5, 14; А, 55
 Геро А, 55
 геты X.1.44
 Гефестион III.12.15, 26; IV.1.16—18;
 5.9; 16.32; VI.2.9; 8.17; 11.10—11;
 VII.7.9; 9.19; VIII.1.1, 10; 2.13;
 10.2; 12.4, 6, 15; 14.15; IX.1.35;
 10.6; X.5.20; Д. 37—38, 61, 91, 93,
 96, 107, 110, 114—115; Ю. XII.12;
 А, 28, 39, 41, 47, 49, 54, 55, 72, 75;
 П. I.11; II.4, 7
 Гиакинфида Д. 15
 Гиарота IX.1.13
 Гидарн IV.5.13
 Гидасп IV.5.4; VIII.12.13; 13.3, 5;
 IX.2.15; 4.1, 8; Д. 96; А, 60—61;
 П. II.13
 Гипанис Д, 93
- Гипсид VII.7.36—37
 Гиркания, гирканцы III.2.6; 9.5;
 IV.5.5; V.13.11, 18; VI.3.9; 4.2—3,
 19, 25; 5.1, 11, 22, 24; VIII.3.17;
 Д. 19, 75—78; Ю. XII.3; А, 44, 47;
 П. I.5; II.9
 Гирканское море VI.4.18; VII.3.21;
 Д. 75; А, 44
 Гистасп VI.2.7; П. II.8
 Гифасис IX.1.35
 Главк А, 72
 Гликера Д, 107
 Гобар V.6.10
 Гобарен см. Кобар
 Гомер А, 26; П. I.4, 5, 10; II.12
 Горгид VII.1.38
 Горгий VII.1.38
 гордиев V.1.14
 Гордиевские горы IV.10.8
 Гордий III.1.12, 14; Ю. XI.7; А, 18
 Горрат (Korrag) IX.2.17; Д, 100
 гортун IV.12.11
 Граник III.1.9; 10.7; IV.9.22; 14.1, 10;
 VIII.1.20; IX.2.23; Д. 18—19, 23;
 А, 16; П. I.2; II.9
 Грилл Д, 40
- Дамаск III.8.12; 12.27; 13.2—3;
 IV.1.4; 11.11; Д. 32; А, 21, 24, 48;
 П. II.7
 Дамон А, 22
 Данай Д, 50
 Дандам А, 8, 65
 дарданцы Ю. XI.1
 Датаферн VII.5.21—22; VIII.3.16
 дахи IV.12.6; VI.3.9; VII.4.6; 7.32;
 VIII.1.6, 8; 3.16; 14.5; IX.2.24
 Дедала VIII.10.19; Ю. XII.7
 Дельфы Д. 10.113; А, 3, 14, 40, 74;
 П. II.2—3
 Демад Д, 15
 Демарат Д, 76; А, 9, 37, 56; П. I.7
 Деметра Д, 10
 Деметрий VI.7.15; 9.5; 11.35
 Деметрий П, II.5
 Деметрий Фидон А, 54
 Демократ VI.5.9
 Демосфен Д, 3—5, 8, 15, 108; Ю,
 XI.2; А, 11
 Демофонт IX.4.28; Д, 98
 дербики III.2.7
 Диана Эфесская А, 3
 Диардан VIII.9.9
 Дидимеон VII.5.28
 Дидона Ю, XI.10
 Димн (Лимн) VI.7.2, 5, 8, 10, 12—
 17, 24, 29—30, 34; 8.26; 9.5, 8, 16;
 10.6, 9, 19—21; 11.30; Д. 79; А, 49
 Дноксен VI.7.15
 Диномен П, II.7
 Диоген А, 14, 65; П. I.5, 10

- Диоксилл IX.7.16, 18—22, 25; Д, 100—101
 Диомед XII.2; П, II.12
 Дион А, 36
 Дионис *см.* Либер
 Дионисий А, 73; П, I.9; II.1
 Диоскуры А, 50
 Диркейский источник Д, 10
 Додона Ю, XII.2
 Дорида П, II.5
 Дрангиана, дранги VIII.3.17; Д, 78, 81, 105; Ю, XII.5
 Дрипетиды Д, 107
 Дронид III.13.15
 Дурис А, 14, 46
- Евбея, евбеяцы IV.12.11
 Евдемон X.1.21
 Евктемон V.5.9, 16, 23
 Евмен IX.1.19; X.10.3
 Эврилох *см.* Эвриллох
 Еврипид VIII.1.28; А, 8, 51, 53; П, I.5
 Европа III.10.4; IV.1.38; V.5.14; 6.1; 7.8; VI.2.13—14; 6.6; 7.3, 12—13; 8.13, 30; VIII.4.29; IX.6.21; X.1.43; 2.4, 25; 3.7, 13; 7.9; Д, 1, 17, 18, 30, 73, 113, 118; Ю, XI.1, 5, 9; XII.16; А, 9; П, I.7
 Евфрат III.1.10; 3.7; 7.1; IV.1.3; 5.4; 8.16; 9.6, 9, 12; 11.6, 13, 19; 14.10, 15; V.1.12, 28—29; VI.2.12; IX.2.13; 10.3; X.1.16; 5.12, 18; 7.19; Д, 53—54, 104, 107; Ю, XI.12; XII.13; А, 31, 68, 73; П, II.7, 13
 Египет, египтяне III.7.11; 11.10; IV.1.27, 30; 4.1, 13, 31; 7.1—2, 5; 8.3—5; 9.1; 14.1; X.10.1, 20; Д, 34, 40, 49, 51—52; Ю, XI.11; А, 26, 29, 38, 40, 59; П, I.2; II.7
- Зариасп IX.10.19
 Зевс *см.* Юпитер
 Зеяон П, I.5, 6
 Зиобет VI.4.4
 Зонл VI.6.35
 Зопирион X.1.44; Ю, XII.1
- Ибер X.1.18
 Илиада А, 8.26; П, I.4
 Иллион Ю, XI.5; А, 15
 Илионей III.13, 13
 Иллирия, иллирийцы III.10.6, 10; IV.13.32; V.1.1; VI.3.2; 6.35; VIII.1.25; IX.6.20; X.2.23; Д, 8, 17, 113; Ю, XI.1, 9; А, 3, 9, 11; П, I.2—3
 Имброс IV.5.22
 Инд VIII.9.6; 10.2; 11.7; 12.4; IX.4.8; Д, 85—86, 93, 97; Ю, XII.10
 Индийское море VII.3.7
- Индия III.10.5; V.2.10; VI.4.19; 6.36; VII.1.24; 4.39; 8.19; 11.8; VIII.2.27; 5.1, 3—4; 9.1—2, 9, 14; 10.1; 12.11; 13.4; IX.1.9; 2.12, 27; 3.7, 13, 22; 4.8, 16, 21, 24; 7.1; 8.11; 10.21; X.1.7, 43; 10.4; Д, 102, 108; Ю, XII.7; А, 47, 55, 57, 59, 62, 66; П, I.2, 5, 10
 Инды III.2.9; IV.5.5; 9.2; 11.13; 12.9; V.9.5; VI.2.18; 3.9; VII.4.6; VIII.9.19—20, 31, 39; IX.5.9, 16, 19; 8.1, 15; 10.8; Д, 59, 86—89, 91, 98—99, 105, 107; Ю, XII.10; А, 13, 59, 69; П, I.5
 Июлай VI.7.15
 Июлла (Июлай) X.10.14, 17; Ю, XII.14; А, 74
 Иония IV.5.7; VI.3.3; Д, 19—20; П, I.8, 12
 Исмений П, II.1
 Испания X.1.18; Ю, XII.13
 Исс III.7.6—8; 8.14; IV.1.34; Д, 32, 39—40; А, 24, 32; П, I.2; II.9
 Истм Д, 8; А, 14
 Истр, историк А, 46
 Истр, река IV.11.13; VII.7.4; А, 11, 37
 Италия VIII.1.37; X.1.18; Ю, XII.1—2; А, 34; П, I.8
 Ификрат III.13.15
- Кавказские горы IV.15.12, 22; V.4.5; 5.5; VI.5.24; VII.3.19—20, 22, VIII.9.3; Д, 83; Ю, XII.5; П, I.5; II.2
 кавкии III.7.4
 Кадмея Д, 3, 4, 8, 12; А, 11
 кадусии IV.12.12; 14.3; Д, 59
 Калан Д, 107; А, 8, 65, 69
 Калат III.1.24; IV.5.13; Д, 17
 Калкс VI.11.36—37
 Каллнкрат V.2.16
 Калликратид III.13.15
 Каллисфен VIII.5.13, 20; 6.1, 24—25, 27, 29; 7.3, 8, 10; 8.19, 21—22; Ю, XII.6—7; А, 27, 33, 52—55
 Камбиз А, 26
 Каноб А, 26
 Каппадокия, каппадокийцы III.1.24; 4.1; IV.1.34; 12.12; VI.3.3; VII.3.20; X.10.3; Д, 21; Ю, XI.8; А, 18
 Каран VII.3.2; 4.32
 Каран Ю, XI.2; А, 2
 Кардия А, 51
 Кария, карийцы VI.3.3; X.10.2; Д, 23—24; А, 10, 22
 Кармания IX.10.20; Д, 105; А, 67
 Карнеад П, I.4
 Карфаген, карфагеняне IV.2.10—11; 3.19—20, 22—23; 4.18, 20; X.1.17; Д, 40—41, 46, 113; Ю, XI.10; XII.13; П, I.5

- Кары Д, 110
 каспии IV.12.9
 Каспийское море III.2.8; VI.4.16, 18--
 19; VII.3.19, 21; П, II.2
 Кассандр X.10.2, 17; Д, 15, 118; Ю,
 XII.14; А, 74
 Кастабалы III.7.5
 Кастор VIII.5.8
 катаоны IV.12.11
 катсаны Ю, XII.8
 Катен VII.5.21--22, 41--42; 6.14;
 VIII.5.2
 Кебалин VI.7.15, 17--28; 8.11, 13;
 9.7, 9; 10.5, 8, 19, 21, 24; Д, 79;
 А, 49
 Кедрония (Гедросия) IX.10.5, 18;
 Д, 81, 104--105; А, 66--67; П, II.9
 Келены III.1.1
 Келесиря IV.1.5; 5.9
 келоны Д, 110
 Кен III.9.7; IV.13, 28; 16.32; V.4.20,
 30; VI.8.17; 9.30; 11.10--11;
 VIII.1.1; 10.22; 12.1; 14.15, 17;
 IX.2.3, 5, 16, 20; X.1.43; Д, 57, 61
 Керавн П, II.5
 керкеты VI.4.17
 Кефис А, 9
 Киды III.4.7--8; 5.1; Ю, XI.14; А, 19
 Киклады Д, 29
 Киликийское море III.1.12
 Киликия III.4.1--4, 6--7; 5.1, 10; 7.1;
 8.12; IV.1.39; 5.8--9; 9.3, 22; 13.6;
 14.1, 10, 14; V.1.43; 3.22; 7.12;
 VI.3.3, 16; VII.3.19--20; 4.4; 11.8;
 IX.2.13; 2.23; X.10.2; Д, 27, 30, 53--
 54; Ю, XI.11; А, 17, 19--20, 42, 48;
 П, II.7
 Кинирады П, II.8
 Кипр IV.1.27; 3.11; 8.14; X.1.19; А, 24,
 29; П, II.1
 Кир III.4.1; IV.12.8; 14.24; V.6.10;
 VI.3.12; VII.3.2; 6.11, 20; X.1.23,
 30--31, 34; Д, 71, 81; Ю, XII.5;
 А, 30, 69; П, II.6, 12
 Кир Младший П, II.9
 Кирена IV.7.9; Д, 49
 Кирополь VII.6.16
 Кисс А, 41
 китейцы А, 32
 Киферон Д, 4
 Клеад Ю, XI.4
 Клеандр III.1.1; IV.3.11; VII.2.19--20,
 27, 30, 32; X.1.1, 5
 Клеарх П, II.5
 Клеомен IV.8.5
 Клеон VIII.5.8, 10, 18--19, 21
 Клеопатра Д, 2; А, 9--10, 25, 68
 Клеофис VIII.10.22; Ю, XII.7
 Клеохар VIII.13.2
 Клит IV.13.26; VIII.1.19--21, 28--
 34, 38--42, 45, 50--51; 2.8, 10, 12,
 14; 4.30; 7.4; 8.7, 22; 12.18; Д, 20,
 57; Ю, XII.6; А, 13, 16, 50--52; II.5
 Клит Ю, XII.12
 Клитарх IX.5.21; 9.15; А, 46
 Клитомах П, I.5
 Клитифонт П, I.5
 Кобар (Гобарен) VII.4.8, 10, 14, 19;
 Д, 83
 колофонцы А, 51
 Кориклийская роща III.4.10
 Коринф Д, 4, 73, 76; Ю, XI.2; А, 9, 10,
 14, 22, 56; П, I.10
 Корраг см. Горраг
 Кос III.1.18; Д, 27
 коссен Д, 111--112
 Косские горы IV.12.10
 Коф VII.11.5, 21, 23, 26
 Краноя А, 14
 Красное море III.2.9; IV.7.18; 12.9;
 V.1.15; 4.5; VI.2.12; VII.3.21;
 VIII.9.6; IX.6.20; X.1.13; П, II.3
 Ксенократ П, I.10, 12
 Кратер III.9.7; IV.3.1, 11; 13.29;
 V.4.14--16, 29, 34; 6.11; VI.4.2, 24;
 6.25, 33; 8.2, 4, 10, 17; 11.10--12,
 14, 19; VII.6.16; 7.9; 9.20, 22;
 VIII.1.6; 5.2; 10.3, 5; IX.6.5; 8.3;
 10.19; X.1.9; 7.9; 10.15; Д, 57, 96,
 114; Ю, XII.12; А, 40--42, 47--48,
 55; П, II.4, 7
 Кратет П, II.3
 Крез III.4.1
 Крит IV.8.15; Д, 108
 Крит, критяне III.7.12; 9.9; IV.1.40;
 13.31; Д, 57
 Критий П, I.5
 Критобул IX.5.25, 27
 Кробил А, 22
 Ксандрам см. Аграмм
 Ксанф А, 17
 Ксениппы VIII.2.14
 Ксенодох А, 51
 Ксенократ А, 8
 Ксенофил V.2.16
 Ксеркс III.2.2; 10.8; IV.1.11; V.6.11;
 VII.5.28; X.6.14; Д, 14, 72, 110;
 А, 37--38; П, I.7
 Ктесикл Д, 17
 Кумы, кумейцы V.5.9

 Лаконцы см. спартанцы
 Лаомедонт X, 10.2
 левкосиры VI.4.17
 Левктры Д, 10--11
 Лео Д, 15
 Леонид VII.2.35
 Леонид А, 5, 25
 Леоннат III.12.7, 10--12; VI.8.17;
 VIII.1.46; 6.22; 14.15; IX.5.15, 17;
 10.2, 6, 7, 19; X, 7.8, 20; 8.4; 10.3;

- Д, 37, 104—105; А, 21, 22, 40; П, II.13
- Леосфен Д, 111; П, II.4
- Леохар А, 40
- Лесбос III.1.19; Д, 29, 31; А, 61
- Либер (Дионис, Вакх) III.10.5; 12.18; VII.9.15; VIII.2.6; 5.8, 11, 17; 10.1, 11—12, 17, 24; IX.2.29; 4.21; 8.5; Д, 72, 106; Ю, XII.7; А, 2, 13, 67; П, I.10
- Либсфр А, 14
- Ливанские горы IV.2.18, 24; X.1.19
- ливиофиникийцы Д, 113
- Ливия Д, 23, 50, 113; А, 68
- Лидия III.4.1; IV.1.34—35; 5.7—8; 11.5; 14.24; VI.3.3; 6.35; VII.8.19; X.10.2; Д, 21
- Лик III.1.5
- Лик IV.9.9; 16.8, 16
- Ликаония IV.5.13
- Лякия III.1.1; V.4.10—11; 7.12; VII.10.12; X.10.2; Д, 28, 68; А, 17, 38
- Ликон А, 29; П, II.2
- Ликург Д, 15
- Лимн см. Дямн
- Лимсий А, 63; П, I.2; II.13
- Лирнесс III.4.10
- Лисимах VIII.1.14—16, 46; 2.35—36; X.10.4; А, 46, 55; П, II.5
- Лисимах (воспитатель Александра) А, 5, 24
- Лисипп А, 4, 16.40
- Локры IV.13.29; Д, 57
- луканы Ю, XII.2
- Магнесия А, 3
- Мадат V.3.4, 12, 15
- Мазак VIII.10.22
- Мазак IV.1.32; 7.4
- Мазей IV.9.8, 12, 14, 23; 10.14; 11.20; 12.1, 4—5, 15, 18; 15.5; 16.2, 4, 7; V.1.17, 20, 44; 8.12; 13.11; VIII.3.17; А, 32, 39; П, II.7
- макеринец IX.7.4
- малиейцы IV.13.29
- Малл III.7.5
- маллы IX.4.15; 8.3; Д, 98; Ю, XII.9; А, 63; П, II.9
- Манап VI.4.25
- мандры см. маллы
- манийцы Д, 57
- Мантиней Д, 11
- Мараканда VII.6.10, 24; 9.20; VIII.1.7, 19; 2.13; П, II.9—10
- Марат IV.1.6
- Маргиана VII.10.15
- Мардоний IV.1.11
- марды III.13.2—3; IV.12.7; V.6.17; VI.5.11; VIII.3.17; Д, 76; Ю, XII.3
- Марсотийское болото IV.7.9; 8.1
- мармары Д, 28
- Марс IX.6.24
- Марсий III.1.2
- массагеты IV.12.6; 15.2; VI.3.9; VIII.1.3, 6, 8
- Мегабиз А, 42
- Мегалополь, мегалополитанцы VI.1.20; X.8.15; А, 3
- Мед V.4.7
- Медея А, 35
- Медий Д, 117; Ю, XII.13; А, 75—76
- меды IX.6.20; Д, 19; А, 9
- Мелеагр III.9.7; 13.27; V.4.14; VII.6.19, 21; VIII.12.17; X.6.20; 7.1, 7, 10, 14, 17, 19; 8.1—3, 6—7, 22—23; 9.7—8, 10, 13, 17—18, 20; Д, 57; П, II.4—5
- Мелон V.13.7
- мсмакены VII.6.17, 21
- Мемнон IV.8.3
- Мемнон III.1.21; 2.1; 3.1; 4.3; 13.14; Д, 18—19, 22—27, 29—31; А, 18, 21
- Мемнон IV.8.11; IX.3.21
- Мемнон, правитель Фракии Д, 62
- Мемфис IV.1.30; 7.4; 8.2; X.10.20
- Менандр X.10.2; А, 57
- Менандр, драматург А, 17
- Менедем VII.6.24; 7.31, 34; 9.20
- Менелай П, II.10
- Менет V.1.43; Д, 64
- Менид IV.12.4; 15.12; 16.32; VII.10.11; Д, 61
- Меннис V.1.16
- Менон VII.3.5; IX.10.20
- Ментор III.3.1; 13.14
- Меотийские болота VI.4.18; А, 44
- Мерис IX.8.28
- Мерос VIII.10.12
- Месопотамия III.2.3; 8.2; 9.1, 6; V.1.15; IX.2.13; X.1.19; 10.10; Д, 71; П, I.5
- Мессения А, 73
- Металонт Ю, XII.2
- Метимны IV.5.19; 8.11
- Метона П, II.13
- Метрон VI.7.22; 9.7, 9
- Мидас (Мид) III.1.12, 14; А, 18
- Мидий см. Медий
- Мидия, мидийцы III.2.4; 9.5; IV.5.5; 12.11—12; 14; V.1.9, 14; 4.3; 7.12; 8.1; 13.1; VI.2.11; 3.3; 8.18; 9.11, 22; 11.6; VII.2.15; 8.18; X.10.4; Д, 64, 81, 83, 110—111; А, 49, 51, 72; П, I.8
- Мизса А, 7
- Микин Д, 113
- Милет, милетцы IV.1.37; 5.13; VII.5.28, 30—31, 35; VIII.2.8; Д, 22—23; А, 16; П, I.8
- Мильтнад П, II.13
- миндий III.7.4

- Минерва (Афина) III.7.3; 12.27; IV.13.15; VIII.2.32; 11.24; Д, 17—18, 21; А, 15; П, II.10
 Минития Ю, XII.3
 Митилена IV.5.22; 8.13; Д, 29, 31, 57
 Митра IV.13.12; А, 30
 Митракен V.13.9
 Митрен III.12.7; V.1.44; 8.12; Д, 21, 54
 Митридат П, I.2
 Мифра *см.* Митра
 Мифрен *см.* Митрен
 Мифробузан Д, 21
 Моним III.13.15
 моссины VI.4.17
 Мофис *см.* Омфис
 Муллин VIII.11.5
 мусиканы IX.8.8, 10, 16; Д, 102
мэды см. мэды

 Набарзан III.7.12; 9.1; V.9—3, 11; 10.1, 12—13; 11.8; 12.14; 13.18; VI.3.9; 4.8, 14; 5.22—23; Д, 74
 насамоны IV 7.19; Д, 50
 Наугака VIII.2.19
 Неарх IX.10.3; X.1.10; 6.10; Д, 104, 112; А, 10, 66, 68, 73, 75, 76
 Неоптолем Д, 25
 Неоптолем А, 2
 Нептун (Посейдон) IV.2.20; 4.5; Д, 41; П, II.5
 Никанор III.9.7; IV.13.27; V.13.19; VI.6.18; 9.13, 27; Д, 57
 Никанор VIII.13.13
 Никанор VI.7.15
 Никархид V.6.11
 Никей IX.3.23; Д, 95; Ю, XII.8
 Никокреонт А, 29
 Никомас VI.7.2, 5, 11—12, 16; 8.1, 12; 9.7; 10.5, 7; 11.38; Д, 79; А, 49
 Никомед П, II.3
 Никон А, 42,
 Нил IV.1.29; 7.3; 8.4; VIII.9.9; А, 36
 Нин III.3.16
 Ниневия Д, 53
 Ниса VIII.10.7; Ю, XII.7; А, 58
 Нифат А, 31
 Нонакрида А, 77
 Нора VIII.11.1
 Нумидия X.1.17

 Оарс П, II.3, 5, 8
 Одиссей П, II.11, 12
 Одиссея П, I.4
 одрисы X.1.45; Д, 17
 Озин IX.10.19
 Океан III.12.18; VI.4.19; VIII.5.1; 10.18; IX.3.22; 9.1; Д, 89, 96, 102, 104, 106; Ю, XII.7, 9—10, 13
 Окс VII.4.5, 21; 5.13; 10.13, 15; А, 57
 Оксарт VIII.2.25, 27, 30—31
 Оксарт III.11.8; 13.13; VI.2.9; VII.5.40—41; Д, 34, 37
 Оксарт VIII.4.21; IX.8.10; X.3.11; А, 58; П, I.118
 Оксарт, сын Абулита А, 68
 Оксидат VI.2.11; VIII.3.17
 оксидраки IX.4.15, 26; Д, 98; Ю, XII.9
 Олимп П, I.9; II.2
 Олимпиада V.2.22; IX.6.26; X.5.30; Д, 108, 114, 118; Ю, XII.11; XII.2, 14, 16; А, 2, 3, 5, 9, 25, 39, 68, 77
 Олимпия Д, 109
 Омфис (Мофис) VIII.12.5, 11, 14—16; Д, 86
 Онесикрит IX.10.3; X.1.10; А, 15, 46, 61, 65, 66; П, I.3, 10
 Ономастрид III.13.15
 Онхест Д, 10
 Оихи IV.1.3
 Орксарт *см.* Танаис
 Орест IV.13.28
 орестийцы Д, 57
 ориты IX.10.6, 19; Д, 104—105
 Оромазд А, 30
 Орон IV.7.4
 Оронтобат IV.12.7
 Орсил V.13.9
 Орсин IV.12.8; X.1.22, 26, 28—29, 35, 37
 Орсодат А, 57
 Орфей А, 14
 орхоменцы Д, 13; Ю, XI.3
 Ох, река VII.10.15
 Ох, Аргаксеркс III.13.12—13; VI.2.7—8; 4.25; 5.2; X.5.23; П, I.2
 Ох IV.11.6; 14.22

 Павсаний VII.1.6; Ю, XII.6; А, 10
 Павсаний, врач А, 41
 Павсилл III.13.15
 Палетир IV.2.4; Ю, XI.10
 Памфилия, памфилийцы III.1.1; V.3.22; VI.3.3; X.10.2; А, 17
 Пандосия Ю, XII.2
 Парапамис VII.4.31; 3.6.8; 4.31; IX.8.9; Д, 82—83; Ю, XII.5
 Паретакена V.13.2
 Парис А, 15; П, I.10
 Парменион III.4.15; 6.4, 9, 14; 7.6—8; 9.7—8, 10; 11.3, 13; 12.27; 13.1—4, 8; IV.1.4; 5.9; 8.7; 10.17; 11.11, 14; 12.21; 13.4, 7—8, 11, 20, 23, 27, 35; 15.6—7; 16.1—4, 7, 19; V.3.16; 6.11; VI.6.18; 7.18; 8.7, 11, 18; 9.4, 13, 27, 34; 10.34; 11.20, 39; VII.1.3, 25, 27; 2.11, 14, 16, 20, 23—26, 30, 32—33, 35; 3.4; VIII.1.33, 38, 52; 7.4—5; 8.5; X.1.1, 6; Д, 2, 5, 16, 17, 19, 32, 54, 56, 57, 60, 80, 118; Ю, XI.8, 10, 12; XII.1, 5, 6; А, 3, 10,

- 19, 21, 22, 29, 31—33, 48—50;
П, II.7
- Парсагады (Персагады) V.6.10;
X.1.22
- парфиены, парфия, Парфия IV.12.11;
V.7.9; 8.1; 12.18; VI.2.12, 14; 3.3;
42; 5.32; IX.10.17; Д, 105; Ю, XI.15;
XII.3—4; А, 45
- Пасиад П, II.5
- Пасикрат А, 29
- Паситигр V.3.1
- Пасс X.8.14
- паталий IX.8.28
- Патрокл А, 54
- Патрон V.9.15; 11.1, 3—4, 7—9, 12;
12.4, 7
- Пафлагония, пафлагонцы IV.1.34;
5.9; VI.3.3; 11.4; X.10.3; Д, 19; А, 18
- Пафос П, II.8
- Певкест IV.8.4; IX.5.14, 17—18; Д, 99,
.110; А, 41—42, 63
- Певколай VI.7.15; 9.5; VII.10.10
- педикулы Ю, XII.2
- Пелла Д, 64; А, 69; П, II.7
- Пеллена П, II.7
- Пелопид П, II.13
- Пелопоннес III.1.1; V.1.41; VI.3.2;
VII.4.32; Д, 57, 63, 65; П, I.1.3
- Пелусий IV.1.29—30; 7.2—3
- Пенда VII.6.12
- Пеония, пеоны IV.9.24; 12.22; А, 39
- Пердикка, отец Аминты VI.10.24;
11.26
- Пердикка III.9.7; IV.3.1; 16.32;
VI.8.17; VII.6.20—21; VIII.1.45, 48;
10.2; 14.5, 15; IX.1.19; X.5.4, 6;
6.4—5, 10, 16—18, 20—21; 7.7—8,
12, 16, 18—21; 8.1—6, 11—12, 22—
23; 9.7, 8, 10, 16, 18, 20; 10.1, 4;
Д, 12, 25, 57, 61, 110, 117; Ю,
XII.15; А, 15, 41, 77; П, II.4, 11
- Перикл П, II.12
- Перилай X.8.15
- Перинф А, 70; П, II.7
- Перита А, 61
- Персеполь IV.5.8; V.4.33; 6.11, 19;
Д, 69—71; Ю, XI.14
- Персидское море Д, 67
- Пидна Д, 64
- Пнерион А, 50,
- Пиксодар А, 10
- Пинар III.8.16, 28; 12.27
- Пиндар А, 11
- Пирам III.4.7; 7.5
- Пирра Д, 29
- Пиррон П, I.10
- Писидия, псидийцы VI.3.3; А, 18
- Пифагор П, I.4, 9; А, 65
- Пифагор, прорицатель А, 73
- Пифагор, царь Кипра IV.3.11
- Пифон IX.8.16; X.7.4, 8; 10.4; А, 76
- Пифоника Д, 107
- платеяне Д, 13; Ю, XI.3
- Платон П, I.5.9
- Платон V.7.12
- Победа VIII.2.32; 11.24
- Полемон VII.1.10; 2.1, 4
- Полемон IV.8.4
- Полидам Ю, XII.12
- Полидамант VII.2.11, 13, 19—21, 23,
28
- Полидамант IV.15.6, 7
- Поликлет А, 46
- Поликсена П, II.1
- Полимах А, 69
- Полиперхон (Полисперхонт) IV.13.7,
8, 28; V.4.20, 30; VIII.5.2, 22—23;
6.1; 11.1; Д, 57; Ю, XII.10, 12
- Полистрат V.13.24; А, 43
- Политимет VII.10.2
- Поллукс VIII.5.8
- Помпей А, 1; П, II.3
- Понт, сатрапия Ю, XII.2
- Понтийское море III.1.12; VII.3.9, 21;
4.27
- Пор VIII.12.13; 13.2, 5—7, 16, 19, 27;
14.1, 4, 9, 13, 18, 22, 31, 35, 37—38,
40—45; IX.1.7, 9; 2.5, 8, 20; 3.22;
X.1.20; Д, 87—91, 92—95; Ю, XII.8;
А, 60—62; П, I.11; II.13
- Пор Д, 91
- Портикан IX.8.11—12; Д, 102
- Посейдон см. Нептун
- Потамон А, 61
- Потидея А, 3
- Праних А, 50
- прасни (пресни) IX.2.3; Д, 93; Ю,
XII.8
- престы IX.8.11
- Проксен А, 57
- Промах А, 70
- Прометей VII.3.22; Д, 83
- Протей А, 39
- Профит А, 11
- Профтасия П, I.5
- Псаммон А, 27
- Псилтукка А, 66
- Птолемей III.9.7; VII.10.11; VIII.1.45,
48; 6.22; 10.21; 13.18—19, 23, 27;
14.15; IX.5.21; 6.15; 9.22; 10.6—7;
X.6.13, 16; 7.16; 10.1, 20; Д, 103—
104; Ю, XII.10; А, 10, 38, 46; П, I.2—
3; II.13, 9
- пунийцы IV.2.11
- пеоны см. пеоны
- Реомитр III.11.10; Д, 19, 34
- Ресак VIII.1.20; Д, 20; А, 16
- Ридагн VI.4.6
- Родос, родосцы IV.5.9; 8.12; Д, 18—
19, 113; Ю, XI.11; А, 32
- Роксана VIII.4.23—27; X.6.9, 13, 21;

- 7.8; Ю, XII. 15; А, 47, 77; П, I.11; II.6
- Сабак (Стабак) III.11.10; IV.1.28; Д, 34
- сабарки IX.8.3
- саки V.9.5; VI.3.9; VII.9.17
- Саламин А, 29, 34
- Салмут Д, 106
- Самакс VIII.13.4
- самариты IV.8.9
- Самб (Сабб, Амб) IX.8.13, 17; Д, 102; Ю, XII.10; А, 64
- Самбаны Д, 110
- самбасты Д, 102
- Самос, самосны А, 28, 46
- Самофрака А, 2; П, II.7
- Сангарий III.1.12
- Сандракотт А, 62
- Саралис А, 73, 76
- Сарданапал П, I.2, 9; II.3
- Сардиния Ю, XII.13
- Сарды III.12.7; V.1.44; Д, 21, 54; А, 16
- сарматы VII.7.3
- Сатибарзан VI.6.13, 20—22, 25, 34; VII.3.2; 4.33, 37; Д, 78, 81, 83
- сатрианс V.3.3
- Сатропат IV.9.7, 25
- Сатурн IV.2.23
- Севт X.1.45
- Селевк А, 42, 62, 76; П, II.4
- Селевкия П, I.5
- Семирамида V.1.24; VII.6.20; IX.6.23; П, II.3
- Серапион А, 39
- Сетюн А, 61
- Сибиртий IX.10.20
- сибы IX.4.1; Д, 96; Ю, XII.9
- Сидон IV.1.15; 4.15
- Симмах VIII.13.13
- Симмий VII.1.10
- Синопа А, 14
- Сирия III.8.12—13; 12.27; IV.1.4—5; 2.1—2, 6; 8.9; 14.1, 10; V.1.35; 13.11; VI.3.3; VII.8.18—19; 10.12; VIII.1.15; X.1.17; 10.2; Д, 32, 52; Ю, XI.10; А, 20, 25
- Сирм А, II
- Сисен III.7.11—14
- Сиснагамбис III.3.22; 12.17, 24; 15.10—11; V.2.22; 3.12—13; X.5.21; Д, 37, 59, 118
- Сиснмир VIII.2.19—20, 27—29, 32—33; 4.19—20; А, 58
- Сисокоост VIII.11.25
- Ситалк X.1.1
- Ситтакская сатрапия V.2.1; Д, 65, 110
- Сифнос IV.1.37
- Сицилия VIII.5.8; Ю, XII.2.13
- Скарфея А, 29
- Скиллустида А, 66
- Скифия, скифы IV.6.3; 9.2; 12.11; 13.5—19; 14.3; 15.12—13, 18; VI.2.13—14, 6.13; VII.4.32; 6.12; 7.2—3, 6, 11—12, 16; 8.9, 17, 24, 29; 9.5, 17—18; VIII.1.7, 9; 2.14; 14.5; IX.2.24, 33, 7.11; Д, 59; Ю, XII.1—2; А, 46; П, 13, 5, 8; II.11;
- Согдиана, согдийцы III.2.9; IV.5.5—12.7; VI.3.9; VII.4.21; 5.1, 19; 8.21—10.1, 4, 10; 11.1; VIII.1.7, 35; IX.2.24; X.10.4; Д, 86, 99; Ю, XII.5; П, I.5, 10
- Сократ IV.5.9
- Сократ, философ А, 65; П, I.4, 5, 9, 12
- Солон П, II.13
- Солю III.7.2; А, 29
- Солиф см. Софит
- Сопол VIII.7.2
- Сострат VIII.6.7
- Софит (Солиф) IX.1.24, 27, 32, 35; Д, 91—92; Ю, XII.8
- Софокл А, 7—8; П, I.5
- Спарта, спартанцы III.13.15; IV.1.40; 8.15; VI.1.6, 8, 11—12, 16, 19; 3.2; 5.6, 10; VII.4.32, 39; Д, 3, 62—63, 73, 104; А, 16, 40, 50; П, II.5
- Спитамен VII.5.19—20, 22—23; 5.36—38; 6.14, 24; 7.31, 33, 38; 9.20; VIII.3.1, 4, 8, 12—13, 16
- Спитридат (Спифрадат, Спифробат) Д, 19—20; А, 16, 50; П, I.2
- Стабак см. Сабак
- Стагиры А, 7
- Стамен VIII.3.17
- Стан Александра IV.7.2
- Стасанор VIII.3.17; Д, 81
- Стасикрат П, II.2
- Статира IV.5.1; Д, 107; Ю, XII.10; А, 30, 70, 77; П, II.6
- Стефан А, 35
- Стибет Д, 75
- Стикс X.10.17
- Стратон, царь Арада IV.1.6
- Стратон, царь Сидона IV.1.16, 26
- Стриб А, 54
- судраки см. оксидраки
- сузиане IV.12.6; Д, 65, 107; П, I.5
- Сузские ворота V.3.17; Д, 68
- Сузы V.1.7; 2.8, 16; 3.3.16; 6.9; Д, 65, 67, 71, 108, 110; Ю, XI.14; А, 18, 36, 70; П, I.2, 3, 7; II.13
- Суний X.2.1
- Сфин А, 65
- Табас V.13.2
- Тавала Д, 104
- Тавр VII.3.20; Ю, XI.8
- Таврон V.3.6, 10; VIII.14.15
- Танс (Фанда) V.7.3; Д, 72; А, 38

- Таксил VIII.12.14; 13.5; 14.35—36, 41;
 IX.3.22; X. 1.20; Д, 86—87; А, 59,
 65
 Талестрис (Фалестрида) VI.5.24, 29;
 Д, 77; Ю, XII.3
 Танаис IV.5.5; VI.2.13; 6.13; VII.4.6,
 15, 32; 5.36; 6.12—13, 25; 7.2, 4,
 12; 8.22, 30; А, 45; Ю, XII.5; П,
 II.2, 9
 Тапсак (Фапсак) X.1.19
 тапуры III.2.6; VI.4.24—25; VIII.3.17
 Тарент Ю, XII.2; А, 22
 Тарс III.4.14; Ю, XI.8
 Тегея VI.1.20
 Телесиппа А, 41
 Телест А, 8
 Телмесс А, 2
 Темискира VI.5.24
 Тенар Д, 108, 111
 Тенедос IV.5.14
 Теодот V.2.5
 теоссы А, 40
 Терей А, 30
 Териольт IX.8.9
 Термодонт VI.5.24; Д, 77
 Терсинп IV.1.15
 Тезтет V.5.17
 Тигр IV.5.4; 9.6—7, 14, 16; 10.8; 14.10,
 15; 16.7; V.1.12; 3.1; VI.2.12;
 IX.2.13; Д, 53, 55, 67, 110
 Тиграп П, II.3
 Тимаген IX.5.21
 Тимброн X.2.3
 Тимей IX.5.15, 16
 Тимод III.3.1; 8.1; 9.2
 Тимоклея А, 12
 Тимофей П, II.1
 Тимофей А, 22,
 тимфей Д, 57
 Тир, тирийцы IV.2.1—3, 6, 10, 12—
 13, 15, 17—18, 20—22, 24; 3.2, 5,
 9, 12—13, 16, 20; 4.2, 5—6, 7, 9,
 15, 19; 5.9; 8.14; Д, 40—43, 45—
 46; А, 24—25; Ю, XI.10; П, II.7
 Тиридат VIII.6.26
 Тиридат V.5.2; 6.11; Д, 69, 81
 Тирриот IV.10.28, 30, 32
 Тифон IV.8.3
 Тифон III.4.10; П, II.10
 траллы Д, 65
 Трапсаунт X.10.3
 треры П, I.8
 трибаллы III.3.2; IX.6.20; Д, 17;
 Ю, XI.2; А, 11; П, I.9
 Триполис IV.1.27,
 Трояда, Троя Д, 17; Ю, XII.2; П, I.10
 Уксии V.3.1, 3, 16
 Фаида см. Таис
 Фаил А, 34
 Фалек IV.13.28
 Фалестрида см. Талестрис
 Фара Ю, XI.15
 Фарнабаз III.3.1; 8.1; 13.14; IV.1.37;
 5.17, 19, 20
 Фарнак Д, 21
 Фарос IV.8.1; Д, 52; А, 26
 Фаселида А, 17
 Фасис (Фасида) VI.5.24; Д, 77
 Феаген А, 12
 Феангелы А, 46
 Фегей IX.1.36; 2.2; Д, 93
 Федор А, 22
 Фемистокл П, II.12
 Феник А, 11
 Фенике А, 5, 24
 Феодскт А, 17
 Теофил А, 32
 Теофраст А, 4
 Фера П, II.1
 Фермодонт см. Термодонт
 феспийцы Д, 13; Ю, XI.3
 Фессал А, 10, 29; П, II.2
 Фессалия, фессалийцы III.2.16; II.14—
 15; IV.13.29; 16.5; VI.6.35; X.8.15;
 Д, 4, 17, 19, 21, 33, 57, 60, 117;
 Ю, XI.3; XII.13; А, 6, 11, 33, 42
 Фетида Д, 104
 Фиброн Д, 108
 Фивы, фиванцы III.4.10; IV.4.20;
 VIII.1.33; Д, 3—4, 8—15, 118;
 Ю, X.1.2—4; А, 9, 11, 13, 46; П, I.3;
 II.11
 Фидон А, 54
 Филарх П, II.11
 Филлинна А, 77
 Филипп II III.7.11; 10.7; IV.1.12; 7.27;
 10.3; 15.8; V.9.1; VI.4.25; 5.2; 6.9;
 11.23; VII.1.3, 6; VIII.1.20, 23—25,
 27, 30, 33, 36, 52; 7.13; IX.6.25;
 8.25, 27; X.2.23; 5.30; 7.2—3, 10;
 Д, 3, 5—9, 27, 30, 51; Ю, XI.1, 4,
 5, 11; XII.4, 6, 8, 16; А, 2—6, 9—
 10, 16, 27—28, 53, 70; П, I.3—4, 9;
 II.1, 7, 11—12
 Филипп, врач III.6.1, 4, 8—10, 12—
 14, 17; IV.6.17; VI.10.34; Д, 31;
 Ю, XI.8; А, 19
 Филипп, гетайр X.1.20; А, 60
 Филипп из Феангел А, 46
 Филипп, халкидец А, 46
 Филипп, сын Антипатра Ю, XII.14
 Филипп, сын Балакра Д, 57
 Филипп, брат Лисимаха VIII.2.35, 38,
 39
 Филипп, восначальник IV.13.29;
 VI.6.35; Д, 57, 115
 Филст А, 8
 Филоксен А.8; П, I.12
 Филоксен А, 22; П, II.1
 Филон А, 46

- Филоник А, 6
 Филот, сын Парменнона IV.5.9; 13.26;
 V.4.20, 30; VI.6.19; 7.18—22, 25, 28,
 30, 33, 35; 8.1—3, 5, 8, 10, 12—13,
 15, 20—21, 24; 9.5, 7, 10, 12—13,
 16, 20, 25, 28, 30, 32, 34, 36; 10.1, 22,
 36; 11.2—3, 8, 10—11, 13, 19—21,
 22, 29, 34—37, 39, 40; VII.1.1, 5,
 10; VIII.6.21; 7.4; 8.6; IX.1.11, 13,
 15—16, 26—28, 30—32; 2.4, 16, 27,
 34; Д, 17, 57, 79—80, 118; Ю,
 XII.5—6; А, 10—11, 31, 40, 48—50;
 П, II.7
 Филот X.10.2
 Филот VIII.6.9
 Филот Д, 8
 Филот Авгей V.2.5
 Финикия, финикийцы IV.1.15; 2.1—2,
 6; 5.9; VI.3.3; X.10.2; Д, 40, 42, 44;
 А, 17, 24, 29; П, II.1
 фокейцы Д, 57; Ю, XI.3
 Фокион Д, 15; А, 39
 Фрадат IV.12.9; VI.4.24, 25; 5.21;
 VIII.3.17; X.1.38
 Фракия, фракийцы III.4.13; 9.9; 10.6,
 10; 13.32; V.1.1; 3.3; VI.2.13; 3.2;
 VII.7.3; 8.30; VIII.14.24; IX.3.21;
 6.20; X.1.21, 44—45; 10.4; Д, 8, 9,
 17, 62—63, 65; П, II.2, 5
 Фрасибул Д, 25
 Фратаферн VI.4.23; VIII.3, 17;
 IX.10.17
 Фратаферн VIII.1.8
 Фригия, фригийцы III.1.11; IV.12.11;
 V.1.3.3; 11.4; X.10.2; Д, 17—18, 27;
 Ю, XI.7; А, 18
 Фрииа П, II.3
 фтиоты Д, 57
 Фукидид П, I.1.2
 Фурии Ю, XII.2

 Халден III.3.6; Д, 112
 Халестра А, 49
 халибы VI.4.17
 Халкида, халкидяне Д, 40; А, 46
 Хар VIII.11.10, 14, 16
 Харес (Харет) IV.5.22; А, 20, 24, 46,
 55, 70; П, II.9
 Харндем III.2.10—11; Д, 30
 Харилл П, II.5
 Хартаканы см. Артаканна
 Херил VIII.5.8
 Херон А, 3
 Херонея VIII.1.23; А, 9, 12; П, I.3
 Хиос, хиосцы III.1.19; IV.1.37; 5.14,
 19; 8.12; Д, 29, 31
 Хоасп VIII.10.22
 хорасмни VII.4.6; VIII.1.6

 Хрисолай IV.8.11

 Цезарь А, I, 69

 Эак Д, I
 Эакнды Ю, XI.3—4, XII.15—16; А, 2;
 П, II.2
 эвергеты Ю, XII.5
 Эвриялох VIII.6.20—21, 23, 26; Ю,
 XII.6; А, 41
 Эврипид см. Еврипид
 Эги А, 41
 Эгон П, II.8
 Экбатаны IV.5.8; 8.1; 13.1; VII.10.10;
 Д, 64, 110; Ю, XII.1; А, 35, 72
 Экболимы VIII.12.1
 Эксафр А, 43
 Эксилий VII.9.19
 Элаптоний VIII.6.9
 элейцы Д, 3, 8; П, I.10
 элимиоты Д, 57
 Эмбисар см. Абисар
 Эмод П, II.2
 Эниады А, 49
 Энносигей П, II.12
 Эолида IV.5, 7; VI.3, 3
 Эпаминонд П, II.13
 Эпидавр, эпидаврийцы Д, 113
 Эпимен VIII.6, 9, 20, 24
 Эпир X.1.18; Ю, XII.2; А, 9.68
 Эпихарм П, II.3
 Эратосфен А, 3, 31; П, I.8
 Эрес Д, 29
 Эретрийцы А, 46
 Эригий VI.4.3, 24; 8.17; VII.3.2;
 4.33—34, 36—38, 40; 7.9, 21—22,
 24; VIII.2.40; Д, 17, 57, 81, 83;
 А, 10
 Эрик (Африк) VIII.12.1, 3; Д, 86
 Эримант VIII.9.19
 Эритр VIII.9.14; X.1.13, 14
 Эскулап III.7.3
 Эсхил IV.8.4; П, II.2
 Эсхил, трагик А, 8
 Эсхин Д, 4
 этолийцы III.2.16; VI.1.20; Д, 3; Ю,
 XII.2; I, 49
 Эфес А, 3
 Эфиальт Д, 25—27
 Эфиальт А, 41
 эфиопы IV.7.18, 19; 8.3; П, II.3

 Юпитер (Зевс) III.1.14; 3.11; 12.27;
 IV.7.24, 25, 28, 29; 13.15; V.5.8;
 VI.10.26, 27; 11.5—7; VIII.1.42; 5.6;
 7.13; 8.14; 10.1, 12, 29; Д, 16; Ю,
 XI.7; XII.2; А, 26, 28, 33, 52, 65;
 П, I.7, 9; П.6, 11
 Юпитер-Аммон IV.7.5, 8; VI.9.18;
 Ю, IX.11